

ОСНОВЫ
ПЛАНОВОЙ
ЭКОНОМИКИ
1926-1929

Том 3 (3)

Том 3(3) Основы плановой экономики Э. Карр

Э. КАРР

ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

14

ОСНОВЫ
ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Том 3

Часть 3

E. CARR

A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

14

**FOUNDATIONS OF A PLANNED ECONOMY
1926—1929**

Volume three

Part III

London
Macmillan
1978

*На правах рукописи
Для служебного пользования*

№ 1

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

14

ОСНОВЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ 1926 — 1929

Том 3

Часть 3

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 1

Книга вторая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 2

Книга третья: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 3

Книга четвертая: «Междоусобица. 1923—1924».

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 3

Редактор *Т. Н. Шишкина*

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	7

Г. Советский Союз и некапиталистический мир

Глава 82. СССР и Восток	11
Глава 83. Ближний и Средний Восток	27
а) Турция	27
б) Персия	32
в) Арабские государства	39
г) Афганистан	46
Глава 84. Революционный Китай: I. Прилив	50
а) Северный поход	50
б) Эйфория в Коминтерне	67
в) Контрреволюция Чана	76
г) Разногласия в Москве	86
Глава 85. Революционный Китай: II. Отлив	100
а) Падение уханьского правительства	100
б) Дорога на Кантон	128
в) После поражения	146
г) Сумерки КПК	174
д) Маньчжурский кризис	182
Глава 86. Индия в брожении	193
Глава 87. Индонезия	217

	Стр.
<i>Глава 88. Латинская Америка</i>	<i>227</i>
<i>Глава 89. Проблема негров</i>	<i>250</i>
<i>Глава 90. Заключение</i>	<i>269</i>
<i>Приложение Д. Феодализм в Китае</i>	<i>273</i>
<i>Приложение Е. Тихоокеанский секретариат профсоюзов</i>	<i>287</i>
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	<i>290</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к предисловию к последнему тому моей «Истории Советской России», я прежде всего испытал чувство благодарного облегчения в связи с тем, что оказался в состоянии завершить труд, начатый мною более тридцати лет тому назад. Если бы в то время я мог бы осознать всю масштабность поставленной задачи, то, пожалуй, не очень бы торопился взвалить на себя эту ношу. Как уже указывалось в предисловии к первому тому сочинения, я ставил себе целью «написать не хронику революционных событий, ... а историю политического, социального и экономического устройства, которое возникло в результате этих событий; и я вовсе не имел намерения касаться периода, который последовал за окончательным утверждением сталинской диктатуры, укрывшей непроницаемой завесой молчания политические споры и разногласия в партии. Но даже при всех этих ограничениях работа постоянно разрасталась, частично в силу собственного постоянно увеличивавшегося понимания сложности и многоплановости предмета исследования, частично же в результате публикации до того неизвестных или недоступных материалов. Знакомство с редкими документами облегчило и создание аппаратов для микрофильмирования и ксерокопирования. Я не вполне уверен, что с самого начала четко представлял себе конечный результат своих исследований. Однако, безусловно, это было что-то значительно меньшее — как по объему, так и по широте затрагиваемых вопросов.

Одним из результатов данного процесса увеличения явилась довольно неудобная нумерация томов. С самого начала я планировал поделить все сочинение на несколько главных разделов, или выпусков, с самостоятельными названиями: «Большевистская революция, 1917—1923»; «Междоусарствие, 1923—1924»; «Социализм в одной стране, 1924—1926» и «Основы плановой экономики, 1926—1929». В середине 50-х годов я предполагал, что каждый из выпусков (за исключением «Междоусарствия», который стал единственным связующим томом) будет состоять из трех книг, посвященных экономике, политике и международным проблемам. Получилось бы всего десять томов. В итоге, однако, две книги разделились каждая на две, а одна книга даже на три части, и таким образом десять «задуманных» томов превратились в четыр-

надцать «фактических». Настоящий, заключительный том является третьей частью третьей книги «Основы плановой экономики, 1926—1929». В примечаниях при отсылках к двум предыдущим частям третьего тома указаны номера глав этих частей; в данной, третьей, части третьего тома нумерация страниц имеет самостоятельный характер. Я понимаю, что подобная нумерация иногда будет создавать путаницу, и заранее приношу свои извинения.

За тридцать лет произошли и более существенные перемены. История не стоит на месте. Это же можно сказать и об историке. Нынче я бы написал первую книгу совершенно иначе, уделив больше внимания не конституционному оформлению нового режима, а географическим, социальным и экономическим условиям, в которых он функционировал. Первоначальные попытки выработать конституцию, имевшую целью превратить революционные Советы рабочих и крестьян в перманентные правительственные органы, осуществлялись под сильным влиянием западных моделей. Результат получился неважный. Как в первой, так и в более поздних советских конституциях присутствовал дух нереального. Они оказали мало влияния на общество, для которого предназначались, и испытали на себе воздействие этого общества, которое далеко не соответствовало намерениям и убеждениям их творцов. Ключ к подобным явлениям следует искать в структуре самого общества. Но и особое подчеркивание преемственности, о чем идет речь во второй главе книги «Социализм в одной стране, 1924—1926», хотя само по себе и верно, кажется мне теперь несколько преувеличенным.

Моя работа, возможно, явилась преждевременной и в другом отношении. Серьезные исследования истории Французской революции были предприняты только через полвека после событий. Когда же я оглядываюсь на прошедшие шестьдесят лет, то больше всего меня поражает чрезвычайное разнообразие реакций Запада на революцию — разнообразие, определявшееся в первую голову не тем, что совершалось в Советском Союзе, а переменами в позициях и политике Запада. Середина 20-х годов отмечена волной антисоветских настроений в Великобритании и Франции и продолжавшимся бойкотом со стороны Соединенных Штатов Америки. Между тем в Советском Союзе этот период представлял собой сравнительно спокойное время восстановления и передышки после бедствий и насилия революции и гражданской войны, а также несмотря на интенсивное давление пятилетнего плана и провокации сталинской диктатуры. 30-е годы в Советском Союзе стали периодом коллективизации крестьян, резкого снижения жизненного уровня и великих чисток; и тем не менее это был период, когда безоговорочный энтузиазм в отношении Советского Союза достиг на Западе высшей точки.

Подобное непостоянство в оценках неблагоприятно отражается на исторических исследованиях и не может не влиять на любого

западного ученого, занимающегося изучением русской революции. Когда я сразу же после войны впервые начал планировать свою работу, казалось вполне естественным (хотя, конечно, наивным) рассчитывать на то, что сотрудничество, с трудом установленное во время войны, после победы будет продолжаться и развиваться. Когда в 1950 г. вышел в свет мой первый том, разногласия между Востоком и Западом достигли высочайшего накала. «Народные демократии» не оправдали своего названия; семена маккартизма начали давать всходы. После «разоблачений», сделанных Хрущевым в 1956 г., установился более мягкий климат, который облегчил историкам задачу сохранения баланса между достижениями революции и беззакониями сталинского режима. Так продолжалось в течение десятилетия. Затем парижские события мая 1968 г. и в еще большей степени советская оккупация Праги тремя месяцами позже привели к другому взрыву антисоветских настроений на Западе.

Сегодня, десять лет спустя, атмосфера взаимного непонимания и взаимных обвинений под стать той, которая царила в периоды открытой враждебности 1927 г. или «холодной войны» 50-х годов. Подобные преходящие колебания общественного мнения не только влияли на состояние отношений между Советским Союзом и западным миром, но и сказались на оценках событий прошлых лет, которые в последнее время вошли в моду на Востоке и на Западе и которые меня интересовали. Я всеми силами старался избавиться от их влияния и прийти к выводам, которые могли бы выдержать проверку временем. Другим судить, насколько это мне удалось. Но я никогда не стремился видеть русскую революцию (как и Французскую революцию) только в черном или белом цвете, и я не думаю, что мое мнение о ней в любое другое время существенно отличалось бы от того, которое я изложил в последней главе настоящей книги.

Во введении к первой части книги, написанном мною в мае 1976 г., я выразил бесконечную благодарность многим помощникам, имена которых указаны в вводных главах к предыдущим выпускам «Истории Советской России». Вероятно, здесь нет необходимости для меня, следуя сложившейся практике, говорить о том, что они не несут никакой ответственности за любые ошибки или выводы, содержащиеся в данном сочинении. Почти половина страниц третьей части заключительной книги справедливо посвящена отношениям Советского Союза с Китаем. Профессор Никифоров из Института Дальнего Востока Академии наук СССР указал мне на важные русские материалы, а профессор Стюарт Шрам, один из немногих ученых в Англии, хорошо знающих как русские, так и китайские источники, помог мне преодолеть языковые барьеры. Я глубоко признателен за содействие им, а также мисс Рут Маквей за консультации по вопросам, касающимся Индонезии. Мистер Дуглас Мэтью со своей стороны взял на себя обременительный труд по составлению индекса.

В последних строках моего предисловия я выражаю особую признательность многим учреждениям и организациям, поддержавшим меня и оказавшим содействие моей работе, а также моему колледжу и сотрудникам его библиотеки. Я помню также бесценную помощь профессора Р. У. Дэвиса в работе над одной из ключевых книг всей серии. В заключение я еще раз выражаю глубокую благодарность Тамаре Дойчер. Я хорошо понимаю, что без ее постоянного содействия по всем аспектам сочинения в течение последних пяти лет, я был бы не в состоянии завершить свой труд.

30 ноября 1977 г.

Э. Х. Карр

Г. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР

ГЛАВА 82

СССР И ВОСТОК

Мир Востока представлялся большевикам в первую очередь в качестве источника огромного революционного потенциала. Революционные движения в Турции, Персии и Китае черпали вдохновение в русской революции 1905 года. Предназначение победоносной русской революции состояло в том, что она должна была дать стимул и возглавить революции на Востоке. В 1912 г. в статье с нарочито парадоксальным названием «Отсталая Европа и передовая Азия» Ленин писал, что «сотни миллионов трудящихся в Азии имеют надежного союзника в лице пролетариата всех цивилизованных стран» и что победа этого пролетариата «освобождает и народы Европы и народы Азии»¹. Когда же — особенно после начала войны 1914 г. — Ленин стал заниматься проблемами национального самоопределения и национального освобождения, то само собой подразумевалось (и поэтому редко упоминалось), что освобождение восточных народов в такой же мере является частью общей программы, как и освобождение западных народов. «Колониальный» вопрос представлял собой один из аспектов национального вопроса. Это факт, что, когда Ленин во время войны приступил к интенсивному исследованию империализма, он был заинтересован (как и Роза Люксембург до него) в первую очередь в изучении последствий этого империализма для западных империалистических держав, а не для жертв империализма. Но делу колониальных народов Востока был дан новый поворот и новый импульс, их освобождение от империалистического гнета явилось бы смертельным ударом по западному капитализму.

Хотя, конечно, революции и на Западе, и на Востоке можно было представить себе как естественно дополнявшие друг друга составные части единого процесса, тем не менее между ними сохранялось и существенное различие. Не то, чтобы «социальная» революция на Западе резко отличалась от «национальной» революции на Востоке. Но национальное освобождение по-прежнему стояло на повестке дня революции на Западе, и революция на Востоке никогда не отказывалась от своего социального содержания. Разница между ними заключалась в различии перспектив с позиций Москвы. Для большевиков 1917 года перспектива революции в передовых капиталистических странах Запада стала бы

путеводной звездой, указывающей направление и подающей пример, а также обещающей помощь, без которой большевикам нечего было и надеяться выжить. Революции на Востоке, конечно же, нуждались бы в стимулировании, руководстве и, возможно, в опеке со стороны тех, кто совершил славную русскую революцию. Это различие затрагивало проблему классов, которая сама по себе отражала различие между передовыми и отсталыми странами. Революции на Западе были бы пролетарскими революциями, даже в более полном смысле, чем их русский прототип. Революции на Востоке, на которые рассчитывали большевики, должны были произойти в странах, где пролетариат, если он вообще там существовал, был слаб, неорганизован и поэтому лишен классового сознания, где еще и не помышляли о коммунистических или даже социалистических партиях.

При таких обстоятельствах нельзя было обойти вопрос о классовом характере этих революций. Следовало ли их, по примеру революции 1905 года в России, рассматривать как буржуазные, которые в конце концов подготовят почву для последующей пролетарской революции, но которые на данном этапе преследуют в основном национальные и буржуазно-демократические цели? Или же их следовало, подобно большевистской революции 1917 года, считать пролетарскими революциями, направленными на социальные преобразования и в процессе своего триумфального шествия реализующими неосуществленные национальные и буржуазно-демократические цели? Многие годы эта проблема осложняла отношения между Коммунистическим Интернационалом и коммунистическими партиями Востока ².

С победой революции и установлением государственной власти в виде Советской республики практическая сторона проблемы стала настоящей. Ленин достаточно рано признал необходимым прибегнуть к «дипломатии», чтобы выявить различия и использовать разногласия между различными буржуазными противниками ³. Трудности сочетания подобной дипломатии с политикой поддержки революционных коммунистических партий отчетливо проявились в Турции, где накануне подписания советско-турецкого договора в марте 1921 г. правительство Кемаля казнило турецких коммунистических руководителей. Разлад между дипломатией и международной революцией еще усилился, когда Советское правительство, исходя из интересов безопасности и экономического восстановления, взяло курс на примирение с западными капиталистическими державами. Одним из ключевых пунктов англо-советского договора, заключенного также в марте 1921 г., являлось обязательство Советского правительства воздерживаться от любых «действий или форм пропаганды, побуждающих народы Азии на враждебные акции в любой форме против британских интересов или Британской империи» ⁴. Не имело особого значения, что формальное разделение Советского правительства и Коминтерна не могло более служить даже полезным фиго-

вым листком. Важным было признание, что поощрение коммунизма среди народов Азии является проявлением воинственности по отношению к враждебным империалистическим державам.

С этого момента подобное положение становится неотъемлемой частью советской внешней политики, оружием дипломатии; оно использовалось активно и решительно против любой державы, которую нужно было либо обеспокоить, либо оказать сопротивление, и применялось скрытно или сдержанно, если возникала необходимость наладить хорошие отношения. Переговоры между Иоффе и Сунь Ятсеном в январе 1923 г., завершившиеся соглашением относительно прекращения на неопределенный период попыток внедрения в Китай коммунизма, или «системы Советов», велись на дипломатической основе, без всяких ссылок (если судить по сохранившимся отчетам) на какие-либо органы Коминтерна или же пребывающей еще в пеленках Коммунистической партии Китая⁵. Подобные мероприятия мыслились главным образом как защитные. Критерием являлась безопасность Советского Союза — оплота победоносной революции. Не было ничего важнее этого. Когда Сталин в 1924 г. провозгласил доктрину о социализме в одной стране, он тем самым дал логическое обоснование установившемуся отношению, облек его в благопристойные одежды.

В это же время произошла и еще одна решающая перемена — перемена в балансе революционной перспективы. Когда тема революции в Азии обсуждалась в период до 1917 года или в первые же годы после этого события, то революция казалась маловероятной и отступала на второй план в сравнении с глубокой верой в революцию на Западе. Однако Октябрьская революция и ее последствия незаметно переместили центр тяжести. В статье, посвященной первой годовщине революции, Сталин писал о «связи между народами отсталого Востока и передового Запада», втянутых в «общий лагерь борьбы с империализмом», и о «новом фронте революций, от пролетариев Запада через российскую революцию до угнетенных народов Востока, *против* мирового империализма»⁶. Задержка с революцией в Европе и усиление волнений в Азии сделали перспективу помощи революционному процессу с Востока более вероятной. В тезисах II конгресса Коминтерна по национально-колониальному вопросу в 1920 г. говорилось, что РСФСР «должна группировать вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей», что это создаст «тесный союз всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией». Но в них говорилось также о «подчинении интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе»⁷.

На III конгрессе Коминтерна в июле 1921 г. Ленин предсказывал, что «...в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первона-

чально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем»⁸. В марте 1922 г. Исполком Коминтерна (ИККИ), указывая на «важное значение национальных революционных движений, быстро нарастающих в колониальных странах Ближнего Востока, нейтральной Азии и особенно в Египте и Индии», поручил британской, французской и итальянской партиям создать специальные колониальные комиссии для принятия мер в поддержку этих движений⁹. Ленин, теперь серьезно обеспокоенный задержкой революции на Западе, в одной из последних статей заметил, что Азия, где сосредоточено «громадное большинство населения земного шара... вступила, наконец, в революционное движение»¹⁰.

Последние вспышки мятежных действий на Западе — в 1923 г. в Болгарии и Германии, а в 1924 г. в Эстонии — были вскоре подавлены. В Азии перспективы казались не столь мрачными. Весной 1924 г. Сталин в своих знаменитых лекциях «Об основах ленинизма» требовал «образования и укрепления общего революционного фронта», чтобы обеспечить «победу рабочего класса в развитых странах и освобождение угнетенных народов от ига империализма»¹¹. Даже глубоко приверженный делу революции в Европе Троцкий в речи на праздновании третьей годовщины Коммунистического университета трудящихся Востока в марте 1924 г. отметил, что в результате моральной деградации реформистских руководителей «верхних слоев рабочего класса» Европы может случиться, что «центр тяжести революционного движения переместится на Восток», что «понадобится затем революция Востока, чтобы ... дать толчок революции европейского пролетариата...»¹². Год спустя, на V пленуме ИККИ в марте 1925 г., Зиновьев заявил, что в последние годы своей жизни Ленин «ясно видел, что с Востока идет большая резервная армия революции, и что революция, быть может, изменит свой маршрут, придет через другие двери»¹³. Отовсюду были слышны голоса, упрекающие органы Коминтерна и Профинтерна в том, что они не уделяли серьезного внимания странам Востока. Как позднее выразился Куусинен, после войны «гигантский мир колоний и полуколоний превратился в неугасимый очаг революционного массового движения»¹⁴. Неожиданно и парадоксально, — ибо параллель между революциями в развитых западных странах, которые, возможно, пришли бы на помощь российской революции, и революциями в отсталых восточных странах, а они, в свою очередь, должны были бы полагаться на помощь и руководство российской революции, была во многом иллюзорной, — Восток пробился на то место на повестке дня, которое оказалось вакантным в результате задержки на неопределенное время революции на Западе.

Выдвижение Востока на первое место в перспективах на революцию смягчило существующую проблему, касающуюся классового характера революционных движений на Востоке. Единственной

азиатской страной с высоким уровнем индустриального развития и многочисленным пролетариатом, которая, следовательно, соответствовала марксистским условиям пролетарской революции, была Япония. На конгрессе тружеников Дальнего Востока, проходившем в Москве в январе 1922 г., Зиновьев утверждал, что 3 млн. индустриальных рабочих и 5 млн. безземельных крестьян Японии являются «ключом к решению дальневосточного вопроса», что победоносный японский пролетариат возглавит революцию повсюду в Азии, хотя, как видно, эти взгляды не разделяли другие делегаты¹⁵. После Японии самые большие надежды связывались с Индией, которая развивалась в промышленном отношении благодаря инвестициям британского капитала и которая с точки зрения революционных возможностей далеко опережала Китай¹⁶. Обращаясь к студентам Университета им Сунь Ятсена за несколько дней до массовых расстрелов в Шанхае 30 мая 1925 г., Сталин все еще отзывался об Индии как о типичной колонии, «капиталистической более или менее развитой и имеющей более или менее многочисленный национальный пролетариат», и относил Китай и Египет к странам «в промышленном отношении мало развитым и имеющим сравнительно малочисленный пролетариат»¹⁷. Первые большевики, не знакомые с китайскими условиями, вероятно, недооценили рост под влиянием иностранного капитала китайского промышленного пролетариата на железных дорогах и в открытых для внешней торговли морских портах. На VII съезде советских профессиональных союзов в ноябре 1926 г. Лозовский говорил о том, что инвестиции западного капитала в Китае, Индии и Индонезии объясняют «рост активности рабочего движения в этих странах» и «почему буржуазия так цепко держится за эти страны»¹⁸. Но факт оставался фактом, что Китай, подобно Индонезии, Корее, странам Ближнего Востока и подобно самой Индии, являлся преимущественно крестьянской страной, что любое революционное движение в этих странах, по всей вероятности, вначале должно было бы принять скорее национальную, чем социальную форму и что необходимый социальный импульс следовало ожидать со стороны не городских рабочих, а угнетенных и мятежных крестьянских масс. Решая восточный вопрос, руководители Коминтерна сталкивались с двумя дилеммами: в какой мере следовало поддерживать национальные правительства или движения (в том числе активно подавляющие и преследующие трудящихся и их организации) в их борьбе с империализмом? Каким образом примирить гегемонию пролетариата с социальной революцией, осуществляемой главным образом крестьянскими массами ради собственных интересов?

Первую дилемму обошли стороной, указывая на практическую необходимость приобретать союзников везде и повсюду в борьбе, ведущейся не на жизнь, а на смерть, с империалистическими державами. Отождествление дела мировой революции с выживанием

Советской республики вытекало почти неосознанно, и против желания многих, из насущных стратегических потребностей республики. Однако опасность не миновала и после того, как республика постепенно консолидировала свою власть. Когда *сближение* между Германией и западными державами после заключения Локарнских договоров 1925 г. пробудило в Советском Союзе новые страхи, то опасения быстро распространились на те регионы Азии, которые могли оказаться втянутыми в любой будущий конфликт или явиться исходным пунктом для такового. «Война против какой-либо из стран Востока — есть война против СССР», — заявил один советский оратор и добавил, что «колонии являются... резервуарами, откуда мировой империализм черпает пушечное мясо» (ссылка на использование в армиях империалистических держав воинских частей, состоящих из жителей Азии и Африки)¹⁹. Во время военного психоза 1927 г. Москве мерещилась «цепь зависимых от Великобритании государств, которая простерлась от Средиземного моря до Индийского океана; цепь, которую Великобритания начала выковыывать после войны, протянув ее от Египта через арабские мандатные территории и Персию, до Бельуджистана»²⁰. Отказать в поддержке любому правительству или движению, стремящемуся разорвать эту цепь, было бы явной глупостью. И такая поддержка лимитировалась только реальными возможностями мощи. По данному поводу Сталин, выступая на XIV съезде партии в декабре 1925 г., заявил: «К сожалению, мы еще не так сильны, чтобы непосредственно помочь всем колониальным странам в деле их освобождения»²¹.

Тем не менее, с того самого момента, когда Коминтерн начал поощрять и стимулировать развитие (пусть небольших и неэффективных) коммунистических партий в странах Востока, сложившаяся практика оставления этих партий на милость поддерживаемых СССР национальных правительств вызывала в Москве ощущение неловкости. На II конгрессе Коминтерна Ленин рекомендовал оказывать поддержку «буржуазным освободительным движениям в колониальных странах» при условии, «когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых»²². Чичерин, согласившись, что советская политика включает «помощь буржуазии стран Востока», тут же коротко разделился с проблемой. «Людам, — сказал он, — не умеющим мыслить диалектически, такая ориентирующаяся на буржуазию политика рабоче-крестьянского правительства, наверное, покажется изменой коммунистическим принципам»²³.

Год спустя, на V конгрессе Коминтерна Рой опять доказывал, что нельзя поддерживать национально-освободительные движения, не рассматривая вопрос о том, какой класс ими руководит²⁴. Вместе с тем настроенный особенно непримиримо Мануильский, защищавший «классовое сотрудничество» с такими партиями, как Сарекат райат в Индонезии и гоминьдан в Китае, не только

говорил о революционном сотрудничестве с подобными уже существующими партиями, но и о том, «не должны ли коммунисты в странах с низкой хозяйственной структурой брать на себя *инициативу* создания таких партий»²⁵. Хотя конгресс и продемонстрировал полное понимание данной дилеммы, в своей резолюции он ничего не предложил для ее решения: «В Индии, в Японии, Китае и Турции, — говорилось в ней, — за истекший период создались первые ячейки коммунистического движения. Во всех этих странах начинается широкая экономическая борьба рабочих. Коммунистический Интернационал должен уделить самое усиленное внимание этому движению, и Коммунистический Интернационал должен всесторонне поддержать движение всех угнетенных национальностей, направленное против империализма, в духе резолюции II всемирного конгресса, памятуя, что эти движения являются одной из главнейших составных частей того великого освободительного движения, которое только лишь и может привести к победе революции не только в европейском, но в мировом масштабе»²⁶.

Созданная конгрессом для изучения национальных революционных движений комиссия, будучи не в состоянии найти ясного ответа на этот вопрос, ничем себя не проявила²⁷. Делались попытки разрешить противоречия путем подчеркивания самостоятельности соответствующих коммунистических партий. Осенью 1926 г. входящий в Коминтерн турецкий коммунист сформулировал следующий принцип: «Поскольку эти движения представляют собой антиимпериалистический фактор, мы должны оказывать им поддержку и делать все, что в наших силах, чтобы обеспечить их успех. Но мы никогда не должны забывать об их *буржуазном* характере и превалирующих *капиталистических* тенденциях и... тщательно оберегать независимость коммунистических организаций»²⁸.

Но эта формула вряд ли могла утешить многострадальную турецкую партию. Существовавшая вплоть до 1927 г. практика оказания поддержки национальным режимам стран Востока при единственном условии их активной оппозиции империалистическим державам ни разу серьезно не оспаривалась, хотя лежавшая в ее основе теория допускала множество двусмысленных толкований.

Другая дилемма, с которой сталкивались руководители Коминтерна, состояла в том, чтобы придать смысл доктрине о гегемонии пролетариата применительно к революциям в странах, где пролетариат был или очень малочисленным, или же не существовал вовсе. Это верно, что в 1917 году Россия представляла собой преимущественно крестьянскую страну. Однако пролетариат был уже достаточно многочисленным, чтобы стать авангардом революции, и в этих условиях концепция, которая относилась к крестьян к союзникам и вспомогательным силам пролетариата, была не лишена смысла. Верно также и то, что **русская революция дала**

толчок и стимул движением протеста в странах Востока. Однако считать победоносный революционный пролетариат России вождем подобных движений или силой, приходящей им на помощь в полном смысле этого слова, в то время было нереально. Помощь, которую Советское правительство с его скудными ресурсами и собственным неустойчивым положением могло оказать странам Востока, вынужденным вести борьбу с империалистическими державами, предназначалась национальным режимам и движениям, имеющим буржуазную (даже феодальную) окраску. Когда возникла необходимость вписать эту политику в революционные рамки, то «застрельщиком и главным борцом за независимость страны»²⁹ объявлялся рабочий класс, а не крестьянство. И тем не менее с самого начала было ясно, что всякое массовое движение протеста в этих странах могло возникнуть только в среде угнетенных и задавленных крестьян.

Благодаря этим обстоятельствам в Коминтерне стихийно начала обретать форму ассоциация между колониальным и аграрным вопросами. В тезисах II конгресса Коминтерна по национальному вопросу, предложенных Лениным, говорилось о необходимости «поддерживать специально крестьянское движение в отсталых странах против всяких проявлений и остатков феодализма, ...стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, где возможно, объединяя крестьян и всех эксплуатируемых в Советы и тем самым осуществляя возможно более тесный союз западноевропейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на Востоке и в колониях, в отсталых странах вообще». Вместе с тем хотя Коминтерну следует «вступать во временное соглашение, даже союз, с буржуазной демократией колоний и отсталых стран», он не должен сливаться с ней, а «безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения»³⁰. Коммунистическая партия Китая на съезде в июле 1922 г. заявила о своем намерении «побудить рабочих поддерживать демократическую революцию и создать единый демократический фронт рабочих, крестьян-бедняков и мелкой буржуазии»; с этого года берет начало странный союз между КПК и гоминьданом³¹.

Принятый IV конгрессом Коминтерна в ноябре 1922 г. «Проект аграрной программы» содержал параграф, посвященный «колониальным странам с поработанным туземным крестьянским населением», чье освобождение обуславливалось достижением национального освобождения. Впервые было прямо заявлено, что в отдельных странах «борьба поработанного крестьянства против помещиков» начнется только после победы в национальной борьбе³².

На V конгрессе Коминтерна в июне 1924 г. Нгуен Ай Куок вмешался в ничем не примечательные дебаты по аграрному вопросу, чтобы обрисовать жалкое положение во французских колониях крестьян, согнанных с земли и превращенных империализмом в нищих и крепостных³³. Но его выступление не произвело особого

впечатления. Крестьяне Востока упоминались лишь в связи с обычным обращением к «братским народам восточных стран и колоний», в котором конгресс заверял «многомиллионные массы» в «безграничных симпатиях революционных пролетариев всех стран» и содержались специальные приветствия народам Турции и Афганистана, китайскому гоминьдану и Монгольской народно-революционной партии³⁴. Тот факт, что недовольство и революционный потенциал на Востоке отождествлялся с крестьянством, которое представляло основную массу населения, не вызывал споров. Но до тех пор, пока коммунистические партии в восточных странах оставались чрезвычайно слабыми, а крестьянские бунты были спорадическими и неорганизованными, ничто не ставило под вопрос теоретическое положение о том, что коммунистические партии в основном являются пролетарскими по своей природе и что крестьянские восстания могут созреть до уровня подлинно революционных движений только под коммунистическим, то есть пролетарским, руководством.

События в Китае осенью и зимой 1926/27 г. нарушили эти представления. Революция, разразившаяся с неожиданной силой в Кантоне и грозившая захлестнуть весь Центральный Китай, распалась на две свои составные части: национальную революцию и социальную революцию. Более того, невозможно было себе представить социальную революцию в Китае, которая не охватила бы крестьянские массы и не выразила бы их протест против извечного угнетения и чрезвычайно низкого уровня жизни, граничащего с нищетой. Между тем подействовал и фермент пролетарского восстания. Жестокое подавление стачки на Пекин-Ханькоуской железной дороге в феврале 1923 г. и еще более значительные рабочие беспорядки в Шанхае летом 1925 г.³⁵ способствовали подъему революционных настроений по всему Китаю, а победоносное продвижение кантонских армий в Центральный Китай раздуло пламя пролетарских волнений на заводах Уханя. Однако наступающие армии пополняли и способствовали их победоносному шествию крестьянские массы, взбунтовавшиеся против помещиков, которым были чужды и пролетарские цели, и пролетарские вожди. Прошедший в Москве в ноябре 1926 г. VII пленум ИККИ отреагировал тем, что с особой силой подчеркнул значение аграрной революции как необходимого компонента революционного процесса и направил в Китай представительную миссию с целью наблюдения за событиями и руководства ими³⁶. Канун победы не являлся подходящим моментом для разрешения теоретических дилемм.

Удар, разрушивший все радужные надежды, нанес Чан Кайши, когда объявил о своем тайном сговоре с империалистическими державами и повернул свое оружие против коммунистов и рабочих Шанхая. Торопливо проведенной ревизии теории Коминтерна, который теперь осуждал вероломство крупной национальной бур-

жуазии, но также и связывал надежды с мелкой буржуазией, представленной левым крылом размежевавшегося гоминьдана (эту линию защищал Бухарин на VIII пленуме ИККИ в мае 1927 г.), хватило всего на несколько месяцев. Катастрофа, которая последовала за крушением левого гоминьдана и привела к фактическому запрещению Коммунистической партии Китая, побудила Коминтерн к дальнейшей ревизии теории. Мелкая буржуазия проявила себя ненадежным союзником; поэтому вновь подчеркивалась роль пролетариата как руководителя крестьянства в предстоящем революционном восстании. Локальные последствия новой линии отразились в губительной авантюре с Кантонской коммуной³⁷. События в Китае явились одной из причин (и одной из самых первых), повлекших за собой сдвиг Коминтерна влево, который произошел зимой 1927/28 г.

В течение 1927 г. Китай являлся главным объектом внимания Коминтерна, затмив в этом отношении все другие государства Востока; в них не произошло никаких важных перемен, которые делали бы необходимыми новые решения. Однако неудачи, по-видимому, требовали радикальной переоценки политических установок. Признаки сдвига влево можно было обнаружить уже в декабре 1927 г. на XV съезде российской партии. На разделе доклада Бухарина о работе ИККИ³⁸, посвященном колониальным странам, заметно сказалось крушение политики Коминтерна в Китае. «Блоки длительного характера в форме создания организаций, подобных гоминьдану, исключались». Вместе с тем принцип «единого фронта» сохранялся. «Совместные выступления пролетариев и крестьян в союзе с национальной буржуазией» и «временные параллельные действия и соглашения» по-прежнему допускались³⁹. Прошедший в феврале 1928 г. IX пленум ИККИ повторил атаки против социал-демократов, настаивал на «радикализации» масс, усилил левые тенденции в Коминтерне⁴⁰. Резолюция по Китаю, предостерегая против *«игры с восстанием»*, тем не менее призывала партию «готовиться к широкому подъему новой революционной волны»⁴¹. Визит Лозовского в 1927 г. на Дальний Восток пробудил новый интерес к Профинтерну, который осенью этого года начал публиковать на английском языке ежемесячник «Истерн энд колониал бюллетин»; IV конгресс Профинтерна, состоявшийся в марте 1928 г., отмечен необычно большим числом делегатов из колониальных и полуколониальных стран, включая Латинскую Америку.

Таким образом, когда VI конгресс Коминтерна в июле 1928 г. приступил к самой широкой со времен II конгресса (состоявшегося 8 лет назад) дискуссии относительно политики в колониальных и полуколониальных странах, соответствующая почва для этого уже оказалась готова. Были сделаны заявления по отдельным странам, прежде всего по Китаю и Индии. Однако непоследовательный характер дебатов, число участвовавших в них ораторов со всех концов земного шара и неопределенность ситуации в рос-

сийской партии препятствовали появлению каких-либо общих теоретических выводов⁴². Резолюция справедливо отметила, что трещины в капиталистической системе, разногласия и конфликты между империалистическими державами, конфронтация между силами мировой революции, опирающимися на Советский Союз, и силами империализма стимулировали революционные движения повсюду в мире колоний. Вместе с тем поражение в Китае не было уравновешено заметным прогрессом в каком-то другом месте. По-прежнему неизменно утверждалось, что революция в колониях пребывает в буржуазно-демократической стадии. Но некоторые цели буржуазно-демократической революции могли бы быть реализованы только с помощью социалистической революции; перерастание одной революции в другую зависело от «степени развития революционного пролетарского руководства движением», от «степени организованности и революционного опыта рабочего класса, а также в известной мере и крестьянства». Буржуазный национализм был дискредитирован; и хотя в осторожной форме признавалось наличие у мелкой буржуазии революционного потенциала и важное значение аграрной революции, центр тяжести был перенесен на революционный пролетариат. Это впечатление усиливалось в результате ожесточенных нападок на социал-демократию, что было характерно для конгресса в целом, чем и завершалась резолюция по колониальному вопросу⁴³. В одной из статей по Ближнему Востоку, опубликованной в период работы конгресса, доказывалось, что «в отличие от европейского рабочего движения, у колыбели рабочего класса арабских стран стояла не предательская социал-демократия, а революционная партия коммунистов»⁴⁴. Хотя данное обобщение и не относилось в полной мере к Индии, Китаю и Индонезии, тем не менее к середине 20-х годов повсюду в Азии коммунизм вытеснил социал-демократию в качестве сторонника и вдохновителя рабочих и крестьянских движений.

Принятая Коминтерном программа, которая в основном являлась творением Бухарина, была более общей и эклектичной. «Международная революция пролетариата», вызванная «всемирной империалистической войной», достигла своей наивысшей точки в «китайской революции, которая потрясла весь азиатский континент». В абзацах, имеющих конкретное отношение к миру колоний и полуколоний, проводилось различие между странами, в которых индустриальное развитие привело к образованию буржуазии, вынужденной вести «борьбу с феодализмом, с докапиталистическими формами эксплуатации», и более отсталыми странами, где почти не существовало наемных рабочих и национальной буржуазии. Но призыв к западным коммунистам был один для всех. Там, в частности, говорилось: «Братский боевой союз с колониальными трудящимися массами есть поэтому одна из главнейших задач мирового индустриального пролетариата как гегемона и руководителя борьбы против империализма».

Ближайшими требованиями колониальных стран являлись: полная национальная независимость и изгнание империалистов; установление власти пролетариата и крестьянства; национализация всей земли; 8-часовой рабочий день и т. д.⁴⁵ На острую проблему крестьянства ответили, определив диктатуру пролетариата как «особую форму классового союза между пролетариатом как авангардом трудящихся и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся или большинством их»⁴⁶. Никто не отрицал гегемонии пролетариата и менее всех Троцкий, который сформулировал ее со свойственной ему четкостью в критике программы. «В революциях на Востоке, — сказал он, — крестьянство по-прежнему будет играть решающую роль, но опять же эта роль не будет ни руководящей, ни самостоятельной. Бедные крестьяне Хубэя, Гуандуна и Бенгалии могут играть роль не только в национальном, но и в международном масштабе, но только если они поддержат рабочих Шанхая, Кантона, Ханькоу и Калькутты»⁴⁷. Программа не представляла собой сенсационного документа; она оставалась строго в рамках существовавшей коминтерновской ортодоксальности. Троцкий назвал ее «безнадежной попыткой примирить теорию социализма в одной стране с марксистским интернационализмом»⁴⁸. Ссылки на колониальные страны мало способствовали анализу причин прошлых поражений и выработке путей к будущим победам.

Побочным результатом споров относительно классового характера революции в странах Востока стал вопрос о возможности достижения этими странами этапа социалистической революции, минуя промежуточную капиталистическую стадию. В 70-е годы прошлого столетия Маркс и Энгельс, оказавшись перед подобным вопросом, поставленным их русскими сторонниками и касающимся России, ответили до некоторой степени уклончиво, но заметили, что любая такая возможность зависит от победы пролетарской революции в развитых капиталистических странах Западной Европы⁴⁹. Однако ускоренная индустриализация в России в начале нынешнего столетия и революция 1905 года в любом случае исключили такую возможность. Перед 1917 годом Россия продвинулась слишком далеко по капиталистическому пути, чтобы можно было говорить о каком-то перескакивании через стадию капиталистического развития. На II конгрессе Коминтерна Ленин еще более конкретно поставил этот вопрос применительно к миру Востока и сам же дал на него следующий ответ: «...Можем ли мы, — сказал он, — признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса? Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на по-

мощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только повести немедленно пропаганду за организацию крестьянских Советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁵⁰.

Однако подобная возможность не упоминалась в набросках тезисов, которые он представил конгрессу, и не фигурировала в последующих дебатах.

Идея оставалась без внимания в течение нескольких лет⁵¹, вплоть до ноября 1926 г., когда Бухарин в своем устном выступлении и письменном докладе на VII пленуме ИККИ вновь поднял вопрос о некапиталистическом пути развития. Он отметил, что указанная Марксом «историческая возможность» некапиталистического развития России не оправдалась. Но цитируя в подтверждение Ленина, Бухарин высказал предположение, что колониальные и такие преимущественно крестьянские страны, как Китай, могли бы «миновать» капиталистическую стадию развития через союз с СССР и западным пролетариатом⁵², и сделал вывод, что *«Коминтерн считает возможным некапиталистическое развитие в Китае»*. Эта проблема не вызвала дискуссий. В принятой в конце заседания резолюции лишь упоминалось, что «результатом китайской революции не обязательно должно быть создание таких социально-политических условий, которые поведут к капиталистическому развитию страны»⁵³. Возвращаясь к данной теме в выступлениях перед студентами Коммунистического университета трудящихся Востока и Университета им. Сунь Ятсена в январе 1927 г., Бухарин предвидел для Китая возможность «перейти на рельсы некапиталистического развития, то есть на рельсы социализма». Однако он добавил, что даже если эта возможность и осуществится, то «придется в известной мере допускать развитие капиталистических отношений, и допускать их пропорционально, вероятно, в гораздо *большой степени*, чем мы допускали это в Советском Союзе»⁵⁴. Таким образом, отождествляя некапиталистическое развитие с социализмом и постулируя, что это может быть достигнуто только через развитие капиталистических отношений, Бухарин вернулся к классической марксистской последовательности «капитализм — социализм» и молчаливо отказался — как для Китая, так и для России — от представления о некапиталистическом развитии как о пути, ведущем мимо капитализма. Но из этих озадачивающих заявлений не было сделано никаких практических выводов.

Ни Ленин, ни Бухарин не говорили о том, что после того, как будет установлено, что какая-то страна вступила на некапиталистический путь продвижения к социализму, политика поддержки национальной буржуазии — представителя и воплощения капитализма — потеряет всякий смысл и будет осуществлен переход от недоразвитой буржуазной демократии к эффективной социалистической революции. По-видимому, однако, именно эти радикальные последствия, вытекающие из доктрины о некапиталистическом пути, побудили вернуться к данной теме на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. Составленный Бухариным перед конгрессом проект программы Коминтерна содержал осторожно сформулированную надежду на то, что, благодаря растущей мощи «центров социализма в лице Советских республик», колонии «втягиваются в русло социалистического строительства, минуя фазу дальнейшего развития капитализма как господствующей системы»⁵⁵. Куусинен коротко коснулся данной темы в конце своего доклада по вопросу о колониальных и полуколониальных странах, отметив, что идею можно также найти в трудах Маркса. «И еще одну ленинскую мысль, — сказал он, — следует подчеркнуть: возможность развития отсталых стран к социализму, минуя господство капиталистической системы, если победоносный пролетариат передовых стран окажет при этом поддержку странам отсталым»⁵⁶.

Однако в долгих дебатах этот вопрос привлек мало внимания. Гусев с некоторой изворотливостью доказывал, что некапиталистическое развитие возможно в странах, где нет местной буржуазии, но это исключалось в странах, подобных Китаю и Индии, где революция уже находилась на буржуазно-демократическом этапе⁵⁷. Нейман, который стремился представить теоретическое обоснование организованной им Кантонской коммуны, риторически назвал возможность некапиталистического развития одной из «самых смелых мыслей Ленина» и высказал пожелание исходить из нее в «программе нашей колониальной работы»⁵⁸. Больше никто не коснулся данной проблемы. Относящийся к ней абзац в проекте тезисов Куусинена был усилен комиссией. В окончательном варианте тезисы содержали предсказание о неизбежном крушении капитализма и укреплении пролетарской диктатуры в СССР. Там говорилось: «Это означает наличие объективной возможности некапиталистического пути развития для отсталых колоний, возможности перерастания буржуазно-демократической революции в передовых колониях в пролетарскую социалистическую революцию при поддержке победоносной пролетарской диктатуры других стран... Поэтому теоретическая и практическая защита этого пути и самая самоотверженная борьба за него — долг всех коммунистов».

В другом абзаце утверждалось, что «переход революции в социалистическую фазу» требует «определенного уровня промышленного развития страны, профсоюзной организации пролетариата

и сильной коммунистической партии»⁵⁹. В заслуживающей, видимо, доверия статье, написанной вскоре после окончания конгресса, Куусинен был более осторожным. «Во всех колониях и полуколониях, — писал он, — развитие производительных сил и обобществление труда стоит на слишком низком еще уровне, чтобы революция, не проходя различных переходных ступеней, могла перейти в социалистическую». Следовательно, пока она останется буржуазно-демократической революцией. Тем не менее, в самом конце статьи автор допускал возможность «большого сокращения исторического пути развития» и «неоценимую возможность избежать безграничных страданий, материальных и человеческих жертв, которые вынуждено нести трудящееся человечество при капиталистическом пути развития на протяжении многих поколений»⁶⁰. Приложение Лениным к колониальным странам теории некапиталистического развития как пути к социализму было не свободно от двусмысленностей и путаницы, свойственных первоначальному изложению этой теории Марксом и Энгельсом применительно к России. Нелегко найти хотя бы один пример, когда она послужила бы руководящим принципом политики или конкретного действия. Ее кратковременное возрождение в 1928 г. соответствовало преобладающему стремлению к «радикализации» и было направлено против сотрудничества с буржуазно-демократическими движениями.

Трудной темой, регулярно всплывавшей в тот период и обсуждавшейся некоторыми делегатами стран Востока на VI конгрессе Коминтерна, было отношение западных коммунистов к революционным движениям в колониальных странах. Сам принцип получил отражение в тезисах II конгресса в 1920 г., где говорилось, что «в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном и финансовом отношении». Но призыв к «более тесному союзу западноевропейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян Востока»⁶¹ остался благим пожеланием. В своем первом детальном экскурсе в область внешней политики в марте 1925 г. Сталин повторил, что задача коммунистических партий «наметить конкретные формы и способы сближения рабочего класса передовых стран с национально-революционным движением колоний и зависимых стран»⁶². Однако право обращать внимание на обычное невыполнение этой обязанности оставалось за представителями зависимых стран, но они не всегда считали тактичным это делать. На V конгрессе Коминтерна в июне 1924 г. Нгуен Ай Куок упрекнул ФКП в безразличии к колониальным народам и добился включения в резолюцию конгресса соответствующего положения⁶³. На VII пленуме ИККИ делегат Палестины в резких выражениях напомнил, что английские рабочие ничего не сделали, чтобы помочь движению за национальную независимость в Египте, и доба-

вил, что, проводя Всеобщую забастовку, английские рабочие не искали сочувствия или поддержки у народов колониальных стран⁶⁴; на том же заседании вызвала порицание вялая реакция партии Нидерландов на восстание в Индонезии⁶⁵.

На VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г., где оказывалось давление на партии всех фронтов с целью побудить их проводить более радикальную политику, Катаяма от имени Секретариата критиковал отношение партий Великобритании, Нидерландов и Америки к движениям в колониальных владениях своих стран⁶⁶. Делегат Персии Шарги с редкой откровенностью жаловался не только на то, что «Коминтерн в своей повседневной работе тоже обращает очень мало внимания на страны Ближнего Востока», но и на то, что прежде всего Коммунистическая партия Великобритании ничего не делает, чтобы помочь партиям Персии и Индии. А делегат Палестины, выступавший от имени арабских стран, прямо заявил, что «европейский пролетариат их предал»⁶⁷. Делегат Индокитая проникновенно говорил об эксплуатации страны французским империализмом, о росте паразитической национальной буржуазии и возлагал все надежды «на мировой пролетариат и в частности пролетариат Франции и Китая, на III Интернационал»⁶⁸. Однако дискуссии на данные темы не получили поддержки.

Ко времени следующего важного мероприятия Коминтерна — X пленума ИККИ в июле 1929 г. — вопрос о колониях опять отступил на задний план. Ни один из ведущих ораторов Коминтерна не стремился обсуждать Китай⁶⁹, и только Миф, глава восточной секции, попытался дать детальный обзор положения в колониях. Но и он не рискнул делать какие-либо общие выводы и лишь в заключении указал на «огромный успех в области стачечного движения», на «рост массового движения и влияния Коминтерна во всех решительно восточных странах»⁷⁰. С закатом революции в Китае и при отсутствии заметных успехов где-нибудь в другом месте перспективы революции на Востоке, как считала Москва, вновь оставляли желать лучшего.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

а) Турция

К 1926 г. Коммунистическая партия Турции, раздавленная железной пятой Кемаля, была загнана в подполье¹. Горстка турецких коммунистов-эмигрантов жила в Москве под покровительством Коминтерна. По всей вероятности, они предстали в качестве делегатов партийной конференции, состоявшейся в мае 1926 г., которая записала, что нелегальный Центральный комитет в Турции стал жертвой «меньшевистско-ликвидаторских уклонов», выступающих за «пассивность» или терпимое отношение к правительству Кемаля. Конференция попыталась выправить положение и наметить какую-то программу действий. Потребовалось, однако, вмешательство Коминтерна, чтобы преодолеть оппозицию прежнего Центрального комитета². В статье, опубликованной в журнале Коминтерна в сентябре 1926 г., предсказывался рост недовольства среди населения, усиление тяжких репрессий; коммунистов призывали «готовить и развивать» движение рабочих масс³. В другой статье не очень убедительно утверждалось, что некоторые профессиональные союзы, «особенно в провинциях», были основаны или контролировались коммунистами⁴. Хотя доля индустриальных рабочих в общей массе населения Турции была выше, чем в любой другой стране Ближнего и Среднего Востока, практические результаты были скудными. В Вене создали «внешнее бюро» Центрального комитета партии, которое поддерживало контакт с нелегальными группами в Турции⁵. Партия, однако, была в полном смятении. Те, кто избежал обвинения в пассивности и проводил новую радикальную линию, «ударившись в сторону индивидуального героизма, стали отрицать работу внутри кемалистских профессиональных союзов», были повинны в «анархистских ошибках и тенденциях», в «сектантстве», требуя немедленного установления диктатуры пролетариата⁶.

Эти едва видимые проявления подпольной деятельности не влияли на решимость советских властей добиваться дружбы с режимом, чьи интересы и недавний исторический опыт, казалось, гарантировали его враждебное отношение к британскому империализму. Но ни одна из сторон не имела желания взять на себя более позитивные или более конкретные обязательства, чем те, которые были зафиксированы в Договоре от 17 декабря 1925 г.⁷,

и неоднократные взаимные официальные заверения в наличии доброй воли были лишены всякого практического содержания. Неудавшееся покушение на жизнь Кемаля летом 1926 г. и первый полет аэроплана из Москвы в Анкару явились поводом для обмена неискренними посланиями⁸. Но подписание Турцией 6 июня 1926 г. соглашения с Великобританией о Мосуле было встречено с разочарованием в Москве⁹, где чувствовалась озабоченность из-за возможного вовлечения Турции в орбиту влияния западных держав. В газетных статьях с беспокойством сообщалось о кампании в западноевропейской печати и в Женеве, имевшей целью заманить Турцию в Лигу Наций¹⁰. Опасения, возникшие после подписания 22 апреля 1926 г. ирано-турецкого договора, были формально устранены в результате советско-турецкого обмена нотами от 29 июня 1926 г. В своей ноте турецкое правительство заверило, что оно не взяло и не возьмет на себя никаких обязательств, противоречащих договору с Советским Союзом¹¹.

13 ноября 1926 г. в Одессе состоялась встреча Чичерина с турецким министром иностранных дел Тевфиком, который отказался ехать в Москву, поскольку это далеко. Беседа министра с комиссаром проходила главным образом под знаком усилий Чичерина не допустить, чтобы Турция, уступив давлению, примкнула к Лиге Наций. Тевфик настойчиво уверял, что в данный момент Турция не имеет намерения ходатайствовать о приеме в члены Лиги Наций и согласится на это только при условии предоставления постоянного места в Совете Лиги. Но он не пожелал публично заявить о присоединении к Лиге Наций или взять на себя какие-либо формальные обязательства на будущее. Обе стороны признали важность согласованной политики в отношении Румынии и Греции (на практике это означало, что Турция обязывалась поддерживать советскую политику в Румынии в ответ на советскую поддержку турецкой политики в Греции). Страхи Советов, вызванные перспективами *сближения* между Турцией и Польшей, были рассеяны заявлением Тевфика о том, что «дорога между Варшавой и Анкарой идет через Москву». Стороны соглашались, но не опубликовали, запись беседы. Короткое официальное *коммюнике* ограничивалось привычными комплиментами и заверениями в дружбе¹².

В интервью после возвращения в Москву Чичерин подчеркнул общую заинтересованность обоих государств в том, чтобы оказать сопротивление «мировому империализму», чья экспансионистская политика угрожает как Советскому Союзу, так и Турции¹³. Через несколько дней турецкий делегат на VII пленуме ИККИ оптимистически отвел Турции ведущее место в деле объединения народов Востока на стороне Советского Союза и высказал предположение, что, несмотря на некоторые колебания, кемалисты будут сближаться с «угнетенными народами и Советским Союзом»¹⁴, а Тевфик в беседе с советским полпредом в Анкаре назвал «Одес-

су» ответом на западное «давление», имеющее целью присоединение Анкары к Лиге Наций и разрыв с Советским Союзом¹⁵.

Более существенным достижением явилось подписание 11 марта 1927 г. в Анкаре советско-турецкого торгового договора. Внешнеторговый баланс советской торговли с Турцией, в отличие от внешнеторгового баланса с большинством государств Востока, был устойчиво активным. Основными предметами советского экспорта в Турцию являлись нефть, сахар, текстиль. Операции осуществлялись через советскую смешанную торговую компанию «Руссотюрк», функционировавшую в качестве дочерней компании лондонской фирмы «Аркус», которая с 1922 г. имела свой филиал в Константинополе¹⁶. Торговлю с Турцией Советский Союз был готов вести на тех же благоприятных условиях, что и с Востоком, и поощрять увеличение импорта из Турции в СССР. Несовместимость советских претензий на монополию внешней торговли со стремлением турецких коммерсантов извлекать выгоду в условиях свободного рынка и требование статуса экстерриториальности для советских торговых организаций в Турции представляли собой две главные трудности. Основной договор содержал обычные положения относительно взаимного создания условий наибольшего благоприятствования. Транзитные перевозки товаров через территорию любой из сторон могли быть ограничены в законодательном порядке; исключение было сделано для свободного транзита турецких товаров в восточные провинции Турции и в другие азиатские страны через Батум. Государственные юридические лица, связанные с коммерческими транзакциями, должны были располагать теми же правами и обязанностями, которые закон страны, где протекала их деятельность, предусматривал для частных юридических лиц. Другие опасения Турции, касающиеся статуса и деятельности советского торгового представительства, были устранены отдельным протоколом. Важнейшее значение имела нота советского представителя, специально объявленная как равная самому договору, в которой излагалась процедура советского импорта из Турции. Квоты в ценностном выражении были определены для всех ввозимых предметов. Указанные в списке «А» товары разрешалось импортировать — в пределах нормы — без лицензии. Для каждой партии товаров, которые значились в списке «Б», требовалась лицензия от торгового представительства. Оба списка включали две категории: сырье и промышленные товары. Причем 70% первых и 20% вторых можно было продать только советским торговым организациям, а другую часть — реализовать через рынок¹⁷. В Москве договор приветствовали как политическую победу и как блестящий пример отношения Советов к странам Востока. «Известия» по этому поводу писали: «Мы не видим в них конкурентов для нашей промышленности и не опасаемся пойти на некоторые льготы в отношении режима торговли». «Несмотря на проводившуюся недавно ожесточенную кампанию против Советского Союза», Турция осознала, где лежат

«ее собственные экономические и политические интересы», и хотя великие державы пытались «строить козни против СССР и обострить отношения других государств к Советскому Союзу», Советское правительство неуклонно проводило мирную политику¹⁸.

Советско-турецкая дружба переживала периоды подъема и спада. В одной из статей, опубликованных в журнале Коминтерна осенью 1927 г., усиление репрессий против рабочего движения в Турции увязывалось с «ухудшением турецких отношений с Советским Союзом»¹⁹. В конце концов, однако, советско-турецкие отношения постепенно улучшились. Незначительные проблемы, связанные с наличием длинной и проходящей по пустынным местам границы между двумя государствами, были улажены соглашениями, подписанными в 1928 г.²⁰ Явное нежелание Турции возбуждать антагонизм западных держав временами тревожило Москву. Но сдержанное отношение Турции к разрыву между Великобританией и Советским Союзом в мае 1927 г. успешно позволило устранить советские опасения, что Турция может быть втянута в западный блок. Турецкое правительство сочувственно восприняло внесенные Литвиновым в Женеве предложения о разоружении, и на V сессии подготовительной комиссии Лиги Наций в марте 1928 г. Турцию, по советской инициативе, пригласили стать членом комиссии²¹. Турецкому правительству приглашение польстило, хотя до некоторой степени привело в смущение поручительство. Прибыв в Женеву, турецкая делегация оказала менее откровенную поддержку, чем та, на которую рассчитывал Литвинов. Обычно бестактный Ворошилов в публичном выступлении пожаловался на «нерешительную» позицию турецкой делегации, чем вызвал гневное возражение турецкой стороны, которая заявила, что в то время как турецкое правительство никогда не придерживалось принципа тотального разоружения, оно полностью поддержало предложения Литвинова о частичном разоружении, хотя он и не проинформировал о них заранее²². С прибытием в марте 1928 г. в Анкару делегации от Чан Кайши в Москве возникли опасения, что оба диктатора, связанные общей враждой к коммунизму, могут выработать совместную внешнеполитическую платформу. Однако турецкое правительство дало успокоительные заверения, что делегации будет оказан холодный прием и что встреча с Кемалем не предусмотрена²³.

Москва ревниво следила за попытками Италии, к тому времени прочно вошедшей в западный блок, проникнуть на Балканы; эти действия оказывали влияние на советско-турецкие отношения. Чичерин говорил о «весьма опасном характере итало-балканских переговоров», которые имели «антисоветское острие», и призывал Турцию не заключать с Италией или Грецией никаких пактов, если эти страны не готовы подписать такие же пакты с Советским Союзом²⁴. Комментируя переговоры Турции с упомянутыми государствами, газета «Известия» с неудовольствием заметила, что они обязательно приведут к «охлаждению советско-турецких от-

ношений» и что подписание соглашений с этими странами объективно явится «шагом против СССР»²⁵. Турецкое правительство сманеврировало, заключив договор с Италией, но отказавшись подписать соглашение с Грецией²⁶. В октябре 1928 г. турецкий министр иностранных дел, касаясь тех изменений, которые произошли на международной арене со времени его встречи с Чичеринным в Одессе два года назад, отметил, что «на Западе в последнее время чрезвычайно обострились межгосударственные противоречия, наблюдается хаос; и попытки создания единого фронта разбиваются о требования держав, стремящихся освободиться от англо-французской гегемонии». В этих условиях он считал сотрудничество с Советским Союзом «базой своей внешней политики»²⁷. Заявление содержало элементы учтивого преувеличения. Однако тот факт, что Турция выступала за предложенное Советами соглашение, распространяя тем самым условия пакта Келлога на отношения между Советским Союзом и соседними государствами²⁸, свидетельствовал о растущем понимании общих интересов и указывал если не на идентичность целей, то во всяком случае на отсутствие серьезных разногласий.

За процессом советско-турецкого сближения без всякого энтузиазма наблюдали немногочисленные турецкие коммунисты и те круги Коминтерна, которых приводили в смущение все более жесткие меры подавления режимом Кемаля турецких рабочих. Во время дебатов по проблемам колоний и полуколоний на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. турецкий делегат Фахри решительно протестовал против содержащегося в проекте тезисов, предложенных Куусиненом, положения, что Турция — это неразвивающаяся страна, в которой преобладают «дофеодальные» условия и где борьбу Кемаля против иностранного империализма можно рассматривать как прогрессивное явление. Фахри доказывал, что Турция уже в течение 70—80 лет идет по пути индустриализации и располагает 600 тыс. промышленных рабочих. По его словам, это растущая торговая и промышленная буржуазия, имея на своей стороне армию, поддерживала Кемаля; это «кемалистская буржуазия, угнетавшая рабочий класс, «полностью перешла в лагерь контрреволюции». В заключение Фахри призвал лучше организовать коммунистическую партию, «разоблачать кемалистов перед лицом рабочих масс Турции как предателей независимости страны, как предателей революции, как контрреволюционный класс»²⁹. Однако никто не попытался ответить на эту неподходящую тираду, и в окончательной редакции тезисов вызывающая чувство неловкости турецкая проблема вовсе не упоминалась.

Вероятно, выполняя этот наказ, Центральный комитет Коммунистической партии Турции, находившийся, по-видимому, в Москве, на следующий год представил пересмотренную «программу действия» и «специальные тезисы» для претворения данной программы в жизнь. Программа осуждала партию кемалистов за то, что она стала «превращать революционные победы в фундамент

господства и обогащения новой турецкой, по преимуществу торговой, буржуазии», и призывала «разоблачать антинациональный характер этой партии, ее эволюцию в сторону соглашательства с иностранным империализмом, ее реакционные попытки подавления классовой борьбы рабочих и крестьянских масс в интересах буржуазной диктатуры». Ставилась задача — захват власти «рабоче-крестьянским блоком... под гегемонией пролетариата, руководимого его авангардом — коммунистической партией Турции»³⁰.

На X пленуме ИККИ в июле 1929 г. представитель восточной секции Секретариата указал на ухудшение положения правительства кемалистов, на растущую зависимость от империалистических держав и на радикализацию рабочего класса. Он заявил, что все более жестокое угнетение рабочих ставит вопрос «о пересмотре нашей прежней точки зрения по отношению к кемализму»³¹.

В отношении стран, где коммунистические партии или вовсе не существовали или не имели никакого веса, выступавшие на различных заседаниях Коминтерна и писавшие в коминтерновскую прессу имели привилегию на смелые суждения, которые совершенно не учитывали местные условия и полностью игнорировались теми, кто определял советскую политику.

б) Персия

В 20-е годы отношение Советов к своенравному режиму Реза-шаха в Персии оставалось противоречивым³². По-прежнему имели место заметные расхождения между официальными заявлениями Наркоминдела и мнениями, которые высказывались в близких к Коминтерну кругах. Произошедшее летом и осенью 1926 г. под руководством Ибрагим-хана восстание «консервативных ханов, а также крестьян и солдат» представитель Наркоминдела уверенно приписал «английским агентам», которые подбивают мятежников «махать красным флагом» и «выбрасывать советские лозунги»³³. Это была еще более нелепая гипотеза, чем подозрение Англии, что эти события вызваны советскими интригами. Весной 1927 г. в журнале Коммунистического университета трудящихся Востока появился подписанный вымышленной фамилией подробный анализ этих событий. В нем восстание рисовалось как мятеж солдат и дезертиров (сам Ибрагим был сержантом), недовольных задержкой жалованья, и безземельных крестьян (составлявших 75% населения региона), поддержанных небольшими группами ремесленников и безработных Решта и Энзели. Здесь же вспоминалось восстание Кучек-хана (в отношении которого в Москве также высказывались противоречивые суждения) и говорилось о том, что население северных районов представляет из себя «более сознательный элемент», чем в других районах страны. Мятеж подавила армия. Приговоренные к публичной смертной казни главы пели революционные песни и кричали: «Долой шаха, да здравствует

революция». Повествование заканчивалось выводом о том, что этот итог совпал «с новым направлением политики Реза-шаха во имя интересов феодально-монархических элементов страны, все время активно поддерживаемых англоамериканизмом»³⁴. Такой вывод, который получил широкое одобрение не только в ортодоксальных партийных кругах, но и среди сторонников оппозиции, как видно, подтверждался китайскими событиями. В представленных Центральному Комитету 14 апреля 1927 г., но не опубликованных тезисах Зиновьев обрисовал Реза-шаха как персидского Чан Кай-ши и осудил «военно-фашистскую монархию Реза-шаха, которая в действительности в значительной степени является инструментом Англии»³⁵. Однако месяц спустя один из делегатов VIII пленума ИККИ заметил, что Реза олицетворяет вовсе не современный фашизм, а восточный деспотизм³⁶.

Взгляды советской дипломатии были далеко не так четко выражены и диктовались различными сиюминутными соображениями. Не вызывающее сомнений стремление Реза-шаха модернизировать жизнь в Персии и ее общество было одной из причин, дававших право называть его режим «прогрессивным». Как заявил советский представитель, «СССР заинтересован в развитии производительных сил Персии и в ее освобождении от империалистического давления». Советское правительство взидало с сочувствием на реформы в области судопроизводства, образования и финансов, на индустриальное развитие Персии и с большим сомнением — на планы более справедливого решения аграрного вопроса³⁷. В Персии охотно принимали поддержку и помощь Советов при строительстве тегеранской радиостанции, в налаживании воздушного сообщения между Тегераном и Москвой, в развитии системы образования и обучения и в борьбе с саранчой³⁸. Но подобная скудная помощь не шла в сравнение со значительными и растущими инвестициями в Персии английского и американского капитала, значение которых усиливалось присутствием в Тегеране американского финансового советника. Были и другие причины для трений со страной, находящейся в такой территориальной близости от Советского Союза. Убийство Войкова в мае 1927 г. в Варшаве вызвало страх перед аналогичными акциями со стороны многочисленных и активных русских «белоэмигрантов» в Персии. В июне 1927 г. был вручен протест против деятельности «белогвардейского комитета» в Тегеране, который якобы явился инициатором насильственных акций в отношении советских служащих и советского имущества; персидское правительство заверило, что ему известно только «благотворительное общество» пожилых русских, основавших библиотеку³⁹.

В это время главные усилия советской дипломатии в Персии были направлены на заключение с персидским правительством пакта о ненападении, торгового договора и других соглашений. Зимой 1925/26 г. советский представитель в Тегеране обсудил с Реза-шахом перспективы советско-персидского соглашения, анало-

гичного недавно подписанному советско-турецкому пакту⁴⁰. Предложение было воспринято без особого энтузиазма. Но летом 1926 г. специальный персидский эмиссар Теймурташ посетил Москву и провел обширные переговоры с Чичериным, в результате которых к началу октября был составлен проект договора. Его положения не очень отличались от условий советско-турецкого пакта. Персидское правительство должно было в дополнительном протоколе заявить, что взятые им обязательства не противоречат обязательствам, вытекающим из Устава Лиги Наций, которые сохраняют свою силу⁴¹. Однако пока Теймурташ находился в Москве, в Тегеране проходили другие совещания. В декабре 1926 г. персидский министр иностранных дел Ансари заверил поверенного в делах Великобритании — по всей вероятности, в ответ на английское представление, — что разработанный в Москве проект подписан не будет, о чем он информировал также советского полпреда и предложил перенести переговоры в Тегеран⁴². 4 января 1927 г. Советское правительство, выразив неудовольствие по поводу ссылки на «обязанности по отношению к третьей стороне», отказалось продолжить переговоры в Тегеране, хотя объявило о готовности подписать там пакт, согласованный с Теймурташем в Москве⁴³. Такая жесткая тактика, по всем признакам, себя оправдала. Месяц спустя Ансари дал понять, что во имя спасения престижа готов приехать в Москву, и в апреле 1927 г. Рыков смог информировать IV съезд Советов СССР о прибытии Ансари для продолжения переговоров, начатых Теймурташем⁴⁴. Один из советских комментаторов приветствовал эту перемену как признак того, что Персия избавилась от «английской болезни», которой была заражена ее политика⁴⁵.

На переговорах с Ансари в Москве торговому соглашению уделялось столько же внимания, сколько и самому пакту о ненападении. Значительный положительный внешнеторговый баланс с Советским Союзом, и зависимость персидских экспортеров от советского рынка делали персидское правительство в высшей степени уязвимым к советскому давлению⁴⁶. Значительная часть советско-персидских торговых операций осуществлялась персидскими коммерсантами, посещавшими крупные ярмарки в СССР. Как говорилось в одном официальном сообщении за 1926 г., ярмарки по-прежнему являлись «основной формой советско-персидской торговли»⁴⁷. Однако время, когда восточные изделия беспрепятственно пересекали азиатскую границу Советского Союза, теперь прошло. За малым исключением, для всех импортируемых из восточных стран товаров была введена система лицензий, установлена таможенная пошлина, и сбалансированность импорта и экспорта стала главной целью советской политики. А поскольку советский экспорт в Персию осуществлялся в условиях государственной внешнеторговой монополии, было действительно необходимо ввести систему квот на советский импорт из Персии, по аналогии с договоренностями, только что достигнутыми с Турцией⁴⁸. Определение квот и давние проблемы, связанные со статусом советского торгового представи-

тельства, по-видимому, были основными темами дискуссий. Прогресс замедлился из-за отставки персидского правительства в июне 1927 г., которая, как утверждала советская пресса, явилась результатом интриг Великобритании⁴⁹. Но к середине августа 1927 г. тексты пакта о ненападении, а также торгового договора и нескольких второстепенных договоров были согласованы и парафированы, хотя оставались нерешенными несколько вопросов⁵⁰, и 1 октября 1927 г. в Москве состоялась торжественная церемония подписания документов.

Подписанный Чичериным и Ансари пакт ничем существенным не отличался от проекта, согласованного за год до того с Теймурташем, хотя в сопроводительных нотах несколько более выразительно подчеркивались обязательства Персии как члена Лиги Наций. Торговый договор, который принял форму обмена нотами между Караханом и Ансари, предусматривал ежегодное определение квот на советский импорт из Персии. Если в какой-то год советский экспорт в Персию был выше или ниже согласованного объема, то намечалось на следующий год вносить в импортную квоту соответствующие коррективы. На первый год после подписания договора ее установили в 50 млн. рублей. Из них: 30 млн. рублей на промышленное сырье (главным образом хлопок и шерсть) и 20 млн. рублей на предметы потребления. Ревностно оберегаемое право на транзитные перевозки через советскую территорию из западных стран в Персию в принципе распространялось только на те государства, с которыми Советский Союз имел торговые соглашения, и только на перечисленные категории товаров. Советское торговое представительство в Тегеране получило право экстерриториальности в качестве составной части советской дипломатической миссии, но в коммерческих сделках оно выступало в качестве юридического лица, подчиняющегося персидским законам. Советское правительство согласилось вернуть Персии оккупированный в 1920 г. порт Пехлеви на Каспийском море в обмен на персидское обязательство поддерживать в исправном состоянии территорию порта и его сооружения и сдать в аренду на 25 лет участки земли и оборудование, необходимые для функционирования советского Каспийского пароходства. Персидское правительство также обязывалось не приглашать для работы в порту иностранных граждан. В это же время были подписаны таможенная и рыболовная конвенции и несколько других соглашений⁵¹. На следующий день в интервью представителям печати Карахан подчеркнул «глубоко мирный характер» актов, отличавший их от соглашений, заключенных с Персией империалистическими государствами. И в формальном приветствии, обращенном к вновь аккредитованному советскому представителю Давтяну, шах упомянул о «новой эре» в советско-персидских отношениях⁵².

Подписание договоров являлось свидетельством растущего советского престижа в странах Азии, и советско-персидские отношения вступили в более спокойную фазу. В то время Персия была

связана «капитуляциями» (теперь сказали бы — «неравноправными договорами») и не могла рассчитывать на выгодную торговлю с западными странами. Эти пути, сковывающие экономическую инициативу Персии, Реза-шах решил сбросить, опираясь на поддержку Советского Союза. 9 мая 1928 г. персидское правительство потребовало отменить капитуляции. Заключенная 1 октября 1927 г. советско-персидская таможенная конвенция предусматривала, что она теряет силу, если Персия введет «автономный» таможенный тариф. 3 мая 1928 г. персидский парламент принял такой закон и 10 мая официально информировал о решении советского полпреда, который приветствовал этот акт⁵³.

Но рассеять атмосферу взаимной подозрительности было не так-то просто. Великобритания проявила неожиданную поспешность, акцептируя отмену капитуляций и подписывая с Персией новую таможенную конвенцию. Взамен она получила право на транзитные полеты над персидской территорией и на использование двух аэродромов на юге страны, что Советское правительство расценило как зловещую прелюдию к созданию в Персии на случай войны английских военно-воздушных баз⁵⁴. Персидская дипломатическая служба была также склонна с недоверием относиться к советским намерениям. Когда Турция и Афганистан — не без советского участия — 20 мая 1928 г. подписали договор о ненападении, Теймурташ выразил опасение, что это было направлено против Персии и что Советский Союз, с учетом его договоров с Турцией и Афганистаном, не сможет прийти Персии на помощь в случае, если она подвергнется нападению. Карахан счел гипотезу «шантажом», рассчитанным на то, чтобы «оправдать свои соглашения с Англией»⁵⁵. Подписание английским правительством пакта Келлога было связано с сохранением права Англии на свободу действий «в известных областях, благоденствие и целостность которых имеют специальный и жизненный интерес для мира и безопасности Великобритании». В Тегеране не без основания предположили, что данная оговорка, помимо прочего, относится к Персидскому заливу⁵⁶, и это, возможно, заставило Персию присоединиться к предложенному Советами протоколу, который позволил использовать пакт Келлога самостоятельно как фактор формирования отношений между Советским Союзом и его соседями⁵⁷.

Все эти события вряд ли могли укрепить веру в искренность или стабильность советско-персидских отношений, и персидская дипломатия по-прежнему балансировала между советской дружбой и британским империализмом. Продолжала существовать и дихотомия между Наркоминделом и Коминтерном. Официальная добрая воля и оптимизм умерялись потоком пропаганды, резко критикующей персидское правительство. В докладе ИККИ, представленном VI конгрессу Коминтерна в июле 1928 г., подчеркивалось подчинение Реза-шаха английскому капиталу и делался вывод, что социальная база режима оставалась той же, что и при старой династии. Ее составляли «крупные феодальные землевла-

дельцы, старые чиновники и руководители национальной буржуазии»⁵⁸. На конгрессе персидский делегат заявил, что правление Реза-шаха, «представляющее интересы крупнейших помещиков, еще более ухудшило и без того тяжкое положение крестьянства». В дебатах по колониальному вопросу он протестовал против методов, при помощи которых «в течение нескольких лет вдалбливали в головы трудящихся, что в Персии последний переворот Реза-шаха является прогрессивным переворотом», что этим переворотом руководили «персидские революционеры». Он критиковал положение проекта тезисов, отражавшее данный взгляд, и еще раз осудил Реза-шаха как «представителя персидской реакции, а не представителя персидского национализма и прогресса»⁵⁹. В результате подобной критики из окончательного текста тезисов неудобный персидский вопрос исчез вовсе. Ничто не произошло в последующие двенадцать месяцев, что позволило бы модифицировать преобладающее в коминтерновских кругах мнение о режиме Реза-шаха. Этот вопрос не обсуждался и на X пленуме ИККИ, проходившем в июле 1929 г. Но руководитель восточной секции Секретариата Миф сообщил, что «Реза-шах и его клика все откровеннее проводят политику, диктуемую международным империализмом и, в первую очередь, английским капиталом»⁶⁰. И тем не менее было очевидно, что подобные заявления не в состоянии удержать правительство СССР от защиты советских интересов обычными дипломатическими средствами и что такие высказывания не рассматриваются как несовместимые с планами улучшения советско-персидских отношений.

Хотя на бумаге Коммунистическая партия Персии после разгрома режимом Реза-шаха в конце 1925 г.⁶¹ продолжала существовать, она в этот период уже не играла никакой заметной роли. В 1926 г. она, по-видимому, получила совет из Москвы — попробовать «монгольский вариант», то есть трансформироваться в народно-революционную партию без коммунистических целей. Персидские коммунисты отвергли это предложение, но попытались создать такую организацию, не распуская собственной партии⁶². В феврале 1927 г. делегат персидской революционно-республиканской партии на брюссельском конгрессе Лиги против империализма осудил Реза-шаха «как Муссолини самого худшего сорта», но намеренно умолчал о каких бы то ни было связях с коммунистами. Документы конгресса включали резолюцию протеста против 200-летнего британского господства в Персии⁶³. Позже в 1927 г. китайская катастрофа заставила Коминтерн еще раз задуматься и дать новую инструкцию — распустить национальную партию и укрепить коммунистическую партию⁶⁴. Вне всякого сомнения это указание послужило поводом для созыва II съезда партии⁶⁵, который, как говорили, состоялся в г. Резае, на севере Персии, близ турецкой и советской границ, но вероятно — на советской территории. Повестка дня съезда была обширной и нереальной,

включившей не только проблемы международной и внутренней политической ситуации Персии, но также национальный, аграрный и профсоюзный вопросы. Кроме того, предстояло обсудить подготовку новой партийной программы, работу в кооперативах, среди молодежи и женщин. Основная задача состояла в том, чтобы избавиться от «легковерных товарищей» и от «знатоков», веривших, что Реза-шах «призван укрепить положение самостоятельной национальной Персии» и осуществил чуть ли не буржуазную революцию. В основной резолюции съезда особо подчеркивалось, что «возглавляемая Реза-шахом борьба не выходила из рамок борьбы за власть внутри помещичье-феодалного строя». Реза-шах, конечно же, осуществил не просто «дворцовый переворот». Этот переворот «сопровождался серьезной борьбой внутри самого класса феодалов, затем борьбой господствующего класса помещиков против попыток национальной буржуазии так или иначе приобщиться к власти, наконец, борьбой феодалов и верхушечных слоев буржуазии против революционных движений и революционных организаций». Съезд уклонился от спорной проблемы национально-революционной партии. «Эффективные предпосылки» для создания подобной партии в Персии имелись. Но коммунистическая партия в Персии была все еще слабой, а китайские события высветили опасность тесных отношений с какой-либо национальной партией. Однако если такая партия все же сформируется, то коммунистической партии следует приложить все силы, чтобы овладеть ее руководством⁶⁶.

Два персидских делегата выступили на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. Давно проживавший в Москве Султан-Заде выразил недовольство, что тезисы Куусинена относительно колоний и полуколоний не содержали ответов ни на один из вопросов, интересовавших Персию. Он отказался согласиться с тем, что буржуазия когда-либо поддержит аграрную революцию, и утверждал, что «мелкая буржуазия в решительную минуту тоже изменит делу аграрной революции, как и буржуазия»⁶⁷. Второй делегат, по имени Шарги, нарисовал во время дебатов довольно путаную и мрачную картину. По его словам, партия Персии, как и другие коммунистические партии колониальных стран, была «переполнена оппортунистическими и мелкобуржуазными элементами», между тем качество ее членов было важнее количества. Однако партия, борющаяся против империализма, «должна сотрудничать, должна использовать мелкое и среднее крестьянство, интеллигенцию, мелких и средних торговцев». Шарги критиковал тех, кто в течение нескольких лет называли переворот Реза-шаха «прогрессивным» и «революционным». По его словам, Реза-шах «является представителем персидской реакции, а не представителем персидского национализма и прогресса»⁶⁸. Но персидские дела не вызвали интереса у других делегатов, и Персия оказалась в числе немногих «колониальных и полуколониальных стран», которые остались неназванными в обширных тезисах Куусинена на данную тему.

в) Арабские государства

Среди арабоязычных стран Египет несколько выделялся благодаря своему относительно более высокому уровню развития. Его освобождение от турецкого владычества произошло в давнем прошлом и было заменено менее суровым британским сюзеренитетом. Во время войны 1914—1918 гг. другие арабские страны Ближнего Востока — французские подмандатные территории Сирии и Ливана, английские подмандатные территории Палестины (зарезервированные для создания «национального очага для еврейского народа») и Ирака, а также остальные арабские государства, находившиеся под сюзеренитетом Великобритании — явились объектом интенсивной пропаганды в пользу национального освобождения и самоопределения. Замена турецкого ига новыми формами господства, навязанными освободителями, вызвала горькие чувства. Нарождающийся арабский национализм получил мощный импульс в результате успехов турецкого националистического движения в упорной борьбе против западных империалистических держав за утверждение своей независимости⁶⁹. Однако та внешняя поддержка, которая оказывалась Кемалю, была недоступна арабам, чьи земли были пока плотно закрыты для советского влияния или проникновения.

Начиная с 1924 г. Египтом последовательно управлял ряд марионеточных правительств, находящихся, как последнее средство, под британским контролем. Непокорность, проявленная в любом важном вопросе, эффективно подавлялась путем демонстрации военно-морской мощи. После выборов в мае 1926 г. партия «ВАФД» получила в парламенте абсолютное большинство. Однако возвращение Заглула к управлению государством было неприемлемо для английского правительства, и Заглул подчинился английскому вето. В принципе «ВАФД» была связана требованием о выводе английских вооруженных сил с египетской территории и о воссоединении Судана с Египтом. Но эти вопросы были под запретом, и переговоры о заключении договора, регулирующего отношения между Великобританией и Египтом, велись без всякого результата в течение 1927 и 1928 гг. Вместе с тем, как бы нелегко ни развивались англо-египетские отношения, Египет, как и прежде⁷⁰, продолжал оставаться непроницаемым как для льстивых речей Коминтерна, так и для советской дипломатии.

Единственным открытым каналом связи между Москвой и Каиром являлся растущий торговый обмен, который стимулировал значительный советский импорт египетского хлопка. Поскольку экономика Египта во многом зависела от экспорта хлопка, сохранение советского рынка в условиях обостряющейся американской конкуренции отвечало насущным египетским интересам. Для развития советско-египетской торговли в 1926 г. в Александрии был открыт филиал советско-турецкой смешанной торговой фирмы «Руссотюрк», которая сама являлась дочерним предприятием ак-

ционерного торгового общества «Аркос», обосновавшегося в Лондоне⁷¹. Осенью того же года Российско-Восточная торговая палата отправила пароходами для продажи на египетском рынке партии сахара, леса, спичек, муки и мыла⁷². Поскольку переговоры о советских закупках египетского хлопка по-прежнему проходили на условиях британского рынка, в Каире возникли опасения, что разрыв англо-советских отношений в мае 1927 г. может на них отразиться неблагоприятно. Поэтому стали раздаваться голоса в пользу установления с Советским Союзом более прямых торговых связей⁷³. В июне 1927 г. египетский министр в Анкаре (сам хлопковый коммерсант) с беспокойством поинтересовался у советского коллеги уровнем будущих советских закупок и возможными формами организации прямой советско-египетской торговли⁷⁴. Небольшой уступкой египетского правительства явился допуск в Египет представителя «Текстильимпорта» в качестве агента по закупкам египетского хлопка⁷⁵. Но теперь уже Советское правительство было серьезно озабочено пассивным балансом советской торговли с восточными странами⁷⁶. В феврале 1928 г. Российско-Восточная торговая палата передала торговой палате Египта отчет о состоянии торгового обмена между обеими странами в 1926—1927 гг., в котором советский экспорт в Египет оценивался в 5,8 млн. рублей (включая нефть стоимостью в 4,2 млн.), а советский импорт из Египта — в 20,8 млн. рублей (состоявший исключительно из египетского хлопка); делался вывод, что дальнейшее развитие торговли требует «улучшения баланса торговли... и покрытия египетского экспорта импортом из СССР»⁷⁷. Египетский министр в Анкаре продолжал заниматься налаживанием «нормальных экономических отношений» между двумя государствами, но полагал, что египетское правительство сковывала боязнь «осложнить свои отношения с Англией»⁷⁸. Жалобы Советов по поводу высоких египетских таможенных пошлин на табак, которые препятствовали импорту советского табака, не дали никаких результатов⁷⁹.

В 1928 г., когда в Москве стала утверждаться более радикальная политика, казалось, настало время пробудить египетских рабочих от вынужденной спячки. В марте 1928 г. IV конгресс Профинтерна получил приветствие «революционных профессиональных союзов Египта», в котором содержался протест против «иностранных завоевателей и туземных эксплуататоров»⁸⁰. Статья в журнале Коминтерна осудила и «ВАФД», и все египетское национальное движение как раболепствующих перед Великобританией. Утверждалось, что, хотя партия «ВАФД» и контролирует профсоюзное движение, но массы за ней не идут. Автор статьи призывал египетских коммунистов точно также сорвать маску с «ВАФД», как турецкие коммунисты сорвали маску с Кемаля⁸¹. На IV конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. Египет представлен не был. Насколько известно, в то время в Египте не существовало действующей коммунистической партии. Вместе с тем представитель Коминтерна Васильев, выступая в дискуссии по колониаль-

ному вопросу и помня китайский и индийский прецеденты, довольно смело пытался подогнать Египет под существовавшие тогда левые мерки. Исходя из предпосылки, что «слабой» египетской партии для выработки верной политики нужна помощь Коминтерна, он утверждал, что «вся руководящая верхушка «ВАФД» срослась персонально с существующим в Египте режимом политической и экономической колониальной эксплуатации со стороны английского империализма». Он отверг мысль о том, что «рабоче-крестьянские массы» могут произвести «радикальную демократизацию «ВАФД» или даже «основать новый левый „ВАФД“» (здесь нашли отражение споры относительно гоминьдана). Египетские коммунисты, по словам Васильева, должны «нанести основной удар» по партии «ВАФД» как организации предательства национального движения и соглашательства с английским империализмом»⁸². В тезисах, принятых после завершения дебатов, Египту отвели короткий абзац, в котором говорилось, что «самой большой опасностью для профсоюзного движения» было «господство в нем буржуазных националистов» («ВАФД» не упоминалась). Все еще «очень слабой» Коммунистической партии Египта настоятельно советовали развертывать работу не только среди городских рабочих, но и среди сельскохозяйственных рабочих и крестьян⁸³. Пока власть Великобритании в Египте была твердой, путь коммунизму или советскому проникновению был надежно закрыт.

В Сирии и Ливане французское господство было достаточно сильным, чтобы предотвратить любые формы коммунистической или советской активности, хотя Сирия на протяжении всего периода неоднократно восставала против французской администрации. В августе 1926 г. от имени «Центрального комитета Коммунистической партии Сирии и Палестины»⁸⁴ был обнародован протест против французских зверств в Сирии, из чего напрашивался вывод, что сирийская коммунистическая партия, якобы существовавшая с 1925 г.⁸⁵, функционировала в качестве секции несколько менее загадочной палестинской партии. В докладе Коминтерна за 1928 г. шла речь о сирийской партии и молодежной организации, а также о быстро запрещенной партийной газете, однако в докладе отсутствовали какие бы то ни было достоверные подробности⁸⁶. Два сирийских делегата получили право голоса на VI конгрессе Коминтерна, проходившем в июле 1928 г.⁸⁷, но ни один из них не участвовал в дебатах, а палестинский делегат Хейдер упомянул Сирию лишь вскользь, касаясь положения дел в арабском мире. В своем выступлении он также жаловался на недостаточное внимание со стороны Коминтерна и Лиги против империализма к проблемам Среднего Востока⁸⁸.

Осуществленная в Палестине под английским мандатом программа «национальный очаг для еврейского народа» превратила данную территорию в аномальный *анклав* в арабском мире, кото-

рый претерпел изменения в результате постоянного давления из-за еврейской иммиграции. Коммунистическая партия Палестины⁸⁹ меньше страдала от существовавшего запрета ее деятельности, который не очень строго претворялся в жизнь, чем от неспособности сформулировать всеобъемлющую политическую линию. Она могла осуждать английский мандат как яркий пример английского империализма, но была лишена возможности привлечь на свою сторону главную движущую силу коммунизма в других колониальных странах — растущий местный национализм. Ведь партия Палестины была связана обязательством объединить в своих рядах как еврейских, так и арабских рабочих. Однако возражения евреев и арабов против английского мандата в корне отличались друг от друга, и примирить их национальные устремления в единой программе было невозможно. Резолюция расширенного заседания Центрального комитета палестинской партии, принятая в сентябре 1926 г., наглядно продемонстрировала те неопределенности и отговорки, которые обременяли линию партии. За осуждением роли империалистических держав, в особенности английского империализма, в арабском мире и за восхвалением арабского национализма следовало два раздела, посвященных, соответственно, арабам и «европейскому населению» Палестины. Арабов призывали требовать аннулирования мандата и установления «демократического строя» и уверяли в том, что первейшей задачей является создание в национальном движении «здоровых революционных ячеек». В заключительном разделе к слабостям коммунистической партии отнесли тот факт, «что утратившая иллюзии мелкая буржуазия не присоединяется к революционно-демократическому движению и освободившиеся от сионистских иллюзий рабочие не имеют связи с революционным рабочим движением». Наконец, «еврейским интеллектуалам» (единственное упоминание в резолюции слова «еврей») настойчиво советовали поддержать «растущую тенденцию к *сближению* с арабским населением»⁹⁰. Представитель Еврейской рабочей партии (Поалей Цион) выступил с речью на брюссельском конгрессе Лиги против империализма и представил обширную резолюцию, в которой говорилось, что борьба против империализма требовала увеличения численности рабочего населения в Палестине; а это якобы достигалось «путем тесного объединения еврейских и арабских рабочих масс и интенсивной иммиграции еврейских рабочих»⁹¹. Такая хитроумная попытка вписать сионистские цели в пролетарские рамки не могла вызвать энтузиазма у арабов.

Профессиональные союзы казались более подходящим полем деятельности для коммунистов, и предпринимались постоянные попытки проникнуть в Гистадрут (сионистскую Всеобщую федерацию труда), связанную с МФП⁹² (Амстердамским Интернационалом. — *Ред.*). Отдельные члены английского национального Движения меньшинства выезжали в Палестину с тем, чтобы помочь организовать аналогичное движение в рамках Гистадрута. Как

утверждали, единственное различие между большинством и меньшинством состояло в том, что, если профсоюзы, связанные с МФП, стремились разъединить еврейские и арабские профсоюзы, «чтобы вбить клин между еврейским и арабским пролетариатом», то меньшинство выступало за «интернациональные профсоюзы»⁹³. Это был период, когда Профинтерн проводил кампанию за единство профсоюзов, и резолюция Коммунистической партии Палестины от сентября 1926 г. содержала положение о том, что выступления против безработицы следует «превратить в борьбу против правительства, а не против организации рабочих (Гистадрут)»⁹⁴.

Однако призыв к единству был, подобно аналогичным жестам в Европе, не чем иным, как пропагандистским трюком. Связанные с Профинтерном и исключенные из Гистадрута профсоюзы Движения меньшинства, следуя применявшейся в Европе тактике, созвали «объединительный конгресс», который должен был найти пути восстановления единства профсоюзного движения. Конгресс, собравший 80 делегатов (включая 25 арабов), состоялся 17—19 декабря 1926 г. и получил приветственные послания от Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов, Англо-русского комитета и Исполнительного Бюро Профинтерна; попытка связаться с МФП вызвала, как и следовало ожидать, враждебную реакцию. Конгресс принял резолюции по традиционным вопросам, включая протест против проводимой Гистадрутом политики бойкота и исключения⁹⁵. Конгресс Гистадрута, проходивший в Тель-Авиве с 5 по 22 июня 1927 г., по словам одного коммунистического репортера, больше уделял внимания делу сионизма, чем интересам трудящихся, нападая на коммунистов и их сторонников, называя их «предателями» и «врагами народа». Вместе с тем он впервые допустил несколько арабских делегатов в качестве «гостей» и принял резолюции, в которых высказался за организацию арабских рабочих в профессиональные союзы. Конгресс также приветствовал революцию в России и планы Советов относительно поселения евреев на землю⁹⁶. В конце года печать Гистадрута якобы занялась проблемой «преследуемых контрреволюционеров» в Советском Союзе⁹⁷. Вероятность успешной инфильтрации коммунистов в «реформистские» профсоюзы была так же ничтожна в Палестине, как и в Европе.

Между тем иллюзия, что политика Великобритании меняется в благоприятном для арабов смысле, оказалась недолговечной⁹⁸. В начале 1927 г. местный коммунистический комментатор заметил, что английский империализм начинает интересоваться «сионистскими делами» и что сионистская организация поворачивается в сторону «американских филантропов»⁹⁹. Вызванной безработицей и иммиграцией давление и растущие сионистские амбиции явились причиной возникшей в Палестине в 1928 г. напряженности. В Москве весьма надеялись, что «еврейские рабочие, с разочарованием отвернувшиеся от сионизма, становятся все более радикальными»¹⁰⁰. Возможно, что поворот политики Коминтерна влево

стимулировал возросшую непримиримость палестинских коммунистов. В феврале 1928 г. сообщалось о полицейских акциях в Иерусалиме против членов коммунистической партии и МОПР¹⁰¹. Во время первомайской демонстрации члены партии распространяли листовки, написанные на арабском языке, а также на еврейских языках идиш и иврит. Трое коммунистов были арестованы¹⁰². Хейдер, единственный палестинский делегат на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г., довольно странным образом назвал режим в Палестине «сильной реформистской организацией европейского империализма, которая, пользуясь сионистским движением, создала крепкую базу». Но он полностью обошел стороной специальные проблемы сионизма¹⁰³. В статье, опубликованной во время работы конгресса, с гордостью сообщалось о наличии в Палестине «социал-революционного рабочего движения», включающего «крепкую партию», поддержанную «здоровой молодежной и такими вспомогательными организациями, как секции Профинтерна, МОПР и т. п.»¹⁰⁴. И хотя, в отличие от окружающих арабских стран, Палестина действительно располагала находящейся в зародышевом состоянии коммунистической организацией, имеющей главным образом европейские корни, подобные заявления были все же чересчур преувеличенными.

На проведенном тайно 1—2 декабря 1928 г. III съезде Коммунистической партии Палестины присутствовало 24 делегата. Съезд осудил «полицейский террор» против коммунистических профсоюзов и МОПР, раскритиковал «фашистскую профсоюзную организацию Гистадрут», одобрил резолюции VI конгресса Коминтерна (широко заимствуя терминологию) и назначил «партийный совет», призванный укрепить Центральный комитет и «упрочить ряды коммунистической партии»¹⁰⁵. И эта крошечная партия с европейскими традициями не избежала последствий раскола в Коминтерне. Весной 1929 г. Центральному комитету партии пришлось заниматься правым уклоном в собственных рядах. Инакомыслящие возражали против лозунга «правительства рабочих и крестьян», который содержался в директиве ИККИ, поступившей во время партийного съезда в декабре 1928 г., и требовали заменить его лозунгом «демократической республики», который, по их мнению, скорее поддержит мелкая буржуазия. Было заявлено, что за подобными взглядами скрывались «недооценка силы пролетариата», «пораженческие настроения» и отрицание «обострения классовой борьбы». Большинство выражений было заимствовано из выступлений против Бухарина и правых уклонистов в Москве. Резолюция исключала «мир с правым уклоном» и призывала партию «предпринять быстрейшую ликвидацию правоуклонистов»¹⁰⁶.

Возможность обнаружить связь между уклонами в этой мало-заметной и отдаленной коммунистической партии и уклонами в Москве, вне всякого сомнения, послужила причиной, побудившей Коминтерн проявить необычный интерес к палестинской партии. В августе 1929 г. в Иерусалим прибыл эмиссар Коминтерна Шме-

раль, который совещался в условиях секретности с партийными руководителями и был представлен некоторым арабским националистами. Его исследования, однако, прервали серьезные бунты арабов против еврейского населения, своевременно подавленные английскими властями. Этот взрыв расового насилия явился примером той дилеммы, с которой постоянно сталкивалась политика Коминтерна и Коммунистической партии Палестины. В борьбе против английского империализма и еврейской эксплуатации арабы в полной мере черпали вдохновение и поддержку в коммунистической доктрине и в заявлениях Коминтерна. Однако трудно было ожидать одобрения антиеврейских выступлений партией, чьи руководители были сплошь евреями. Рассказывали, что Шмераль поддержал резолюцию Центрального комитета партии об участии в защите еврейских районов и от себя внес дополнение, подчеркивавшее «вредное и разрушительное влияние духовенства на арабское национальное движение», утверждавшее, что «с муфтием Иерусалима и его последователями не может быть никакого соглашения и никакого общего фронта». Затем Шмераль, заслужив благодарность, оставил трудноразрешимую проблему и вернулся в Москву ¹⁰⁷.

Еще более отдаленные территории Хиджаза и Йемена были полностью избавлены от коммунистической пропаганды и влияния в любой форме. Но и там оказались едва заметные следы советской активности. Как полагали, раболепство перед Великобританией явилось одной из причин свержения Хусейна в Хиджазе. Обоюдное недоверие между его победителем и преемником Ибн Саудом и Великобританией открыло дорогу советским инициативам, и в феврале 1926 г. Советское правительство и султанат Ибн Сауда подписали соглашение о взаимном признании ¹⁰⁸. С перерывами усилия, направленные на укрепление тонкой ниточки советских отношений с Хиджазом, продолжались. Английские разведывательные источники в Индии сообщили о присутствии в декабре 1926 г. в Джидде советского представителя, предлагавшего «аэропланы и орудия... чтобы создать англичанам неприятности» ¹⁰⁹; и в тот же самый момент турецкий делегат на VII пленуме ИККИ говорил о Хиджазе как о «фокусе, в котором в ближайшем будущем должно сосредоточиться движение за национальное освобождение мусульманских народов» ¹¹⁰. Весной 1927 г. Ибн Сауд сменил свой прежний царственный титул «султана Неджда», и его затем стали громко величать «королем Хиджаза, Неджда и присоединенных областей», что принесло ему чрезмерные официальные поздравления Советского правительства ¹¹¹. Основное внимание Ибн Сауд уделял развитию торговли ¹¹². Советский экспорт в Хиджаз осуществлялся через советско-турецкую компанию «Руссо-тюрк». В июне 1927 г. в советском консульстве в Джидде была организована выставка советских изделий ¹¹³. Но и англичане проводили в регионе гибкую политику. 20 мая 1927 г. Великобри-

тания и новое королевство подписали договор о дружбе, и Ибн Сауд, которого Великобритания попеременно то запугивала, то обхаживала, не был склонен провоцировать далее неудовольствие путем бессодержательной демонстрации дружбы с Советским Союзом¹¹⁴, хотя прибытие в Джидду 3 октября 1928 г. нового советского представителя и вызвало льстивые знаки внимания¹¹⁵.

Огромная пустынная территория имама Йемена в юго-западной Аравии сохраняла некоторые остатки независимости благодаря двум факторам: затянувшемуся пограничному спору с Аденским протекторатом Англии на его южной разграничительной линии и некоторой поддержке Италии, чья колония Эритрея находилась против Йемена по другую сторону Красного моря, и которая 2 сентября 1926 г. подписала с имамом договор о дружбе и торговле. Первая советская попытка установить контакт с Йеменом относится к весне 1928 г. В начале года в Москву поступил запрос от имама, переданный через турецкое правительство, касавшийся путей и средств налаживания с Советским Союзом торговых отношений¹¹⁶. В мае 1928 г. сотрудник Наркоминдела Астахов был отправлен в Йемен на пароходе с грузом товаров и письмом от Чичерина к имаму, в котором содержались приветствия и просьба: разъяснить Астахову личные (имам. — *Ред.*) «пожелания относительно торговли и других вопросов»¹¹⁷. Миссия Астахова оказалась столь успешной, что когда имам 12 июля 1928 г. составлял пространный ответ Чичерину, то он уже подписал проект договора о дружбе и торговле с Советским Союзом¹¹⁸. После дальнейшего обмена посланиями договор, представлявший собой немногим более, чем декларацию сторон о желании поддерживать отношения и торговать друг с другом, был подписан в Сане 1 ноября 1928 г.¹¹⁹ В начале 1929 г. правительство Йемена попросило Советы помочь наладить отношения с Германией, которая уже предоставила Йемену два самолета с немецкими летчиками. Крестинский получил инструкцию — довести эту просьбу до сведения Берлина и дать понять, что Советское правительство также заинтересовано в признании Германией Хиджаза¹²⁰. Этот дипломатический ход являлся в то время не чем иным, как осторожной попыткой вбить клин в прочное здание английского влияния в регионе.

г) Афганистан

Советско-афганские отношения с самого начала развивались ровно и без всяких осложнений благодаря отсутствию поводов для трений и обоюдного недоверия к замыслам Великобритании¹²¹. Сразу же после подписания 17 декабря 1925 г. советско-турецкого договора Чичерин начал подумывать о заключении аналогичных пактов о нейтралитете и ненападении с Афганиста-

ном и Персией¹²². 26 июля 1926 г. афганскому правительству был предложен проект, выдержанный в духе советско-турецкого договора, который после незначительных уточняющих поправок был подписан в Кабуле 21 августа 1926 г.¹²³ Через несколько дней афганское правительство получило проект соглашения о торговле¹²⁴. Не богатые событиями отношения между обоими государствами сопровождались традиционными заверениями в дружбе; вне всякого сомнения, это обуславливалось тем обстоятельством, что в Афганистане отсутствовала коммунистическая партия или коммунистическое движение в любой форме¹²⁵. Летом 1927 г. афганский министр иностранных дел заявил, что СССР может «в определенном отношении» быть причислен к тем восточным странам, чье сотрудничество весьма необходимо для общего благоденствия и дела мира в Азии, а советский представитель в Кабуле, касаясь на пресс-конференции советского разрыва с Великобританией, заметил, что «усиление активности британского империализма должно неизбежно служить стимулом к дальнейшему укреплению дружественных отношений Афганистана и СССР»¹²⁶. В ноябре 1927 г. было заключено детальное соглашение об установлении обоими правительствами с 1 января 1928 г. регулярного (один раз в две недели) воздушного сообщения между Кабулом и Ташкентом¹²⁷.

Возможно, приободренный советской поддержкой король Аманулла-хан лелеял теперь честолюбивые замыслы вывести свою страну из традиционной отсталости и изоляции. Проявлением этого явился план — посетить главные столицы Европы, который впервые обсуждался осенью 1927 г. Информированное о его плане Советское правительство направило выдержанное в теплых тонах приглашение посетить Советский Союз, которое было сразу же принято¹²⁸. Путешествие началось ранней весной 1928 г., и после длительной поездки по Западной Европе Аманулла 3 мая 1928 г. прибыл в Москву. Его предстоящий приезд был широко разрекламирован в печати¹²⁹. «Известия» опубликовали фотографию Амануллы и его короткую биографию; «Правда» объяснила, что, несмотря на различные стадии развития, Советский Союз и Афганистан «оказались плечом к плечу в борьбе против европейского империализма». Пребывание Амануллы в Советском Союзе получило весьма благоприятные отклики в прессе. 9 мая 1928 г. «Известия» назвали Афганистан «национально-прогрессивным государством». Аманулла присутствовал на военных парадах в Москве и Ленинграде, наблюдал за военно-морскими маневрами на Черном море, посетил чайную плантацию в Закавказье и завод по производству каучука; отсутствие времени не позволило включить в программу осмотр Волховской электростанции и Днепро-строя¹³⁰.

Дипломатические беседы вращались вокруг трех главных желаний афганского правительства. Первое касалось заключения торгового соглашения, переговоры по которому топтались на

месте главным образом из-за нежелания Советского правительства предоставить право свободных транзитных перевозок через советскую территорию между европейскими и азиатскими странами. Второе было связано со строительством дороги, которая соединила бы Кабул с советской территорией. Советское правительство с энтузиазмом встречало подобные проекты, но нехватка ресурсов, техники и опыта затрудняли их осуществление. Третье касалось заключения четырехстороннего пакта между СССР, Афганистаном, Турцией и Персией по примеру уже подписанных двухсторонних договоров между СССР и Турцией, СССР и Афганистаном и между Турцией и Афганистаном. Советское правительство предпочло бы придерживаться двухсторонних соглашений, но в принципе не имело возражений и против четырехстороннего пакта при условии, что он не превратится в соглашение о взаимных гарантиях. Здесь, очевидно, все зависело от позиций других заинтересованных государств ¹³¹.

К тому времени, когда 18 мая 1928 г. Аманулла и его свита отправились домой через Турцию и Персию ¹³², было продемонстрировано много доброй воли, но не зафиксировано никаких решений. Ничто не изменилось и в последующие несколько месяцев. В октябре 1928 г. переговоры в Кабуле по торговому договору все еще не возобновились. Было обещано принять на бакинские нефтепромыслы 15 стажеров и продлено еще на один год действие соглашения относительно создания воздушной линии между Кабулом и Ташкентом ¹³³.

К несчастью, честолюбивые планы Амануллы по налаживанию связей с современным миром или, быть может, его длительное пребывание в Европе вызвали антагонизм некоторых вождей племен, которые все еще представляли собой могущественный фактор афганского общества. Восстание племен в ноябре 1928 г. поначалу связывалось с открытием новых школ, позднее — с интригами англичан; по слухам, якобы сам полковник Лоуренс руководил этим «ударом против прогрессивного Афганистана» ¹³⁴. Когда Чемберлен объявил, что «английское правительство тщательно избегает вмешательства во внутренние дела Афганистана», «Правда» назвала данное заявление «курьезом» ¹³⁵. Официальные заверения афганского правительства, что ситуация находится под контролем, оказались преждевременными. 15 января 1929 г. мятежники заняли Кабул, изгнали Аманулла, который бежал в Индию, и поставили у власти своего главаря Хабибулла, присвоив ему титул эмира. Большинство иностранных дипломатических миссий, опасаясь гражданской войны и беспорядков, покинуло Кабул. Советская миссия, чувствуя себя довольно неуютно, осталась, превратившись в объект подозрений нового режима, с которым она поддерживала «де-факто» отношения, воздерживаясь от формального признания ¹³⁶. На первый взгляд казалось, что вся система советской дипломатии, которая неустанно работала в течение десяти лет, чтобы расширить советское влияние в Афганистане путем под-

держки политики модернизации Амануллы, потерпела крах. Но материальная и моральная помощь, которая оказывалась Афганистану в эти годы, не была полностью напрасной, даже в условиях смены режимов. И если не совсем уверенно, но Афганистан все же остался в орбите советского влияния, хотя это, может быть, явилось скорее следствием уменьшения прежде преобладающего английского могущества, чем результатом какого-то положительного советского вмешательства.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КИТАЙ

1. ПРИЛИВ

а) Северный поход

Северный поход, предпринятый Чан Кайши в начале июля 1926 г. с базы в Кантоне, явился драматическим поворотным пунктом в советско-китайских отношениях и прелюдией к чрезвычайно серьезным последствиям полемики о значении китайской революции и о той позиции, которую по отношению к ней следовало бы занять Москве. В 1908 г. Ленин распознал в Китае «движение против средневековья», «новый дух» и «европейские веяния». В июле 1912 г. он назвал Китай «полуфеодальной страной», где феодализм все еще являлся главным источником угнетения и эксплуатации. Но он приветствовал Сунь Ятсена как «русского народника» и хвалил сплав «его прогрессивной, боевой, революционной программы... аграрных преобразований и его якобы социалистической теории»¹. Народы Востока, заявил Ленин в 1919 г., являются «не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета»². В следующем году Ленин на II конгрессе Коминтерна сказал, что коммунистические партии отсталых стран не могут проводить коммунистическую политику, «не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле», а в дебатах с Роем он предпочел говорить о поддержке «национально-революционных», а не «буржуазно-демократических» движений, объяснив, что буржуазные движения за национальное освобождение следует поддерживать только в тех случаях, когда они действительно революционны³. В конце жизни Ленин сказал, что и в Индии, и в Китае «неудержимо и все быстрее надвигается, 1905 год, — с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 году революция в России могла еще пройти... изолированно... А растущие в Индии и Китае революции уже сейчас втягиваются и втянулись в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию»⁴.

Эти заявления, сделанные в разные периоды времени, при различных обстоятельствах и для различных целей оставили после себя путаную картину. Каждый большевик воспринял как истину (хотя и с неодинаковыми по интенсивности оговорками, касавши-

мися особенностей китайской ситуации) проведенную Лениным аналогию между революциями в России и Китае. Но которая из российских революций должна была служить примером? Здесь мнения резко расходились. Те, кто имел в виду 1905 год, представляли себе революционную национальную буржуазию, которой противостоят пережитки старого феодального общества вместе с иностранными империалистами; они не обращали внимания или отодвигали в далекое будущее разрыв между этой национальной буржуазией и рабочими и крестьянами. Такой подход отражал долгосрочную и градуалистскую точку зрения, согласно которой революция — это длительный процесс, развивающийся постепенно и поэтапно. Те, кто имел в виду 1917 год, исходили из предположения, что национальная буржуазия уже абсорбировала остатки феодальных порядков и находится в явном или тайном сговоре с империализмом; единственная остающаяся революционная сила — это рабочие и крестьяне. В советской литературе стало стереотипом различать три следующие взгляда на русскую революцию: меньшевиков, которые проводили четкую разграничительную линию и предсказывали временный интервал между двумя этапами, заявляя, что начинать социалистическую революцию следует только после полного завершения буржуазно-демократической революции; большевиков, которые считали, что в условиях демократической диктатуры рабочих и крестьян буржуазно-демократическая революция должна под руководством пролетариата перерасти в социалистическую; и Троцкого, теория перманентной революции которого предусматривала немедленный переход от буржуазно-демократической к пролетарской революции путем провозглашения Советов и игнорирования промежуточный этап диктатуры рабочих и крестьян⁵. Проблема соотношения этапов явилась таким же богатым источником полемики в революционном Китае, как в свое время в России. Расхождения наблюдались и во взглядах на роль крестьянства. Как заметил Ленин в 1907 г., аграрный вопрос был основным в русской революции 1905 года, он обусловил собой «национальную особенность этой революции»⁶. В революции 1917 года крестьянство выступало как помощник пролетариата.

Споры относительно китайской революции, как и другие советские дискуссии, часто велись с использованием схоластической терминологии, которая слегка маскировала актуальные политические вопросы. В политике, которую с полного одобрения Коминтерна проводили в Китае советские советники и в первую очередь Бородин, Войтинский и Бубнов, всегда ощущалось присутствие той точки зрения, которая резко разграничивала упомянутые выше два этапа, приравнивала достигнутый в Китае этап революции к русской революции 1905 года и отдавала безусловное предпочтение буржуазно-демократическим преобразованиям. Это была линия на подчинение нарождающейся КПК гоминьдану и на принуждение к этой подчиненности иногда упорствующих руководи-

телей китайских коммунистов. До тех пор, пока буржуазно-национальная революция не достигла своей цели, основная обязанность партии состояла в том, чтобы поддерживать гоминьдан. Вопрос о полном подчинении КПК гоминьдану, не подвергаясь никогда открытым нападкам, тем не менее вызывал беспокойство в рядах Коминтерна. Выработанная в середине 20-х годов официальная линия представляла собой, по существу, попытку компромисса между обеими крайними позициями. Ее сторонники, признавая два этапа революции, по-прежнему утверждали, что китайская революция все еще находится на своей буржуазно-демократической стадии, и заявляли о безоговорочной поддержке национальной революции, пока она будет одобрять и поощрять требования рабочих и крестьян, которые могли быть реализованы только на второй стадии. В резолюции ИККИ от 12 января 1923 г., принятой накануне решающих переговоров Иоффе с Сунь Ятсеном, говорилось, что «центральной задачей для Китая является национальная революция против империалистов и их внутренних феодальных агентов».

В направленной КПК директиве ИККИ от 24 мая 1923 г. к этой фразе добавили, что создание антиимпериалистического фронта необходимо будет «сопровождаться аграрной революцией крестьянства против остатков феодализма», и призвали к «безусловной поддержке рабочего движения»⁷. Выполнение текущих политических задач, которые жестко давили на горстку китайских коммунистов, смягчалось разъяснением политики на будущее, которая, однако, должна была перейти в практическую плоскость только после успешной реализации первоначальных политических целей.

На 1924 год пришелся самый большой успех Бородина в деле установления тесной связи между китайской национальной революцией, которую символизировали гоминьдан и советские представители, и КПК, выступавшей в качестве не всегда согласного партнера (и инструмента) этого альянса. Раздражение руководителей КПК проявилось на IV съезде партии, проходившем (в отсутствие Бородина) в январе 1925 г. в Кантоне⁸. Съезд осудил «крупную торговую компрадорскую буржуазию и промышленную буржуазию», не желавших «сотрудничать с низшими классами» в национально-революционном движении, и сделал вывод, что «действительный размах национально-демократического движения в Китае зависит от повсеместного участия в нем рабочих, крестьян и городской мелкой и средней буржуазии»⁹. По-видимому, это был первый откровенный диагноз существенных разногласий в среде китайской буржуазии и, следовательно, в рядах гоминьдана. Через два месяца после смерти Сунь Ятсена последовал открытый разрыв между правой и левой фракциями, до тех пор удерживаемых вместе личностью и авторитетом вождя. Расстрел в Шанхае в мае 1925 г. вызвал продолжавшуюся все лето волну беспокойств как среди рабочих, так и крестьян¹⁰.

Этим событиям не позволили повлиять на проводимую Бородиным в Кантоне политику тесного сотрудничества с гоминьданом, в которой Чан Кайши вскоре занял центральное место. Однако в Коминтерне они побудили если не изменить на деле политическую линию (считалось, что правые в гоминьдане — это не более чем фракция меньшинства), то попробовать подправить теорию соответственно с меняющимися условиями. Вернувшись в Москву из Китая, Войтинский опубликовал в журнале Коминтерна статью, в которой предсказал образование «чисто буржуазного крыла в гоминьдане, социально связанного с антинациональными элементами», и высказался за уступки левым гоминьдановцам, чтобы вызвать «полевение правительства... в сторону большего *сближения* с народными массами» и более широкого признания их интересов¹¹. Две недели спустя после смерти Сунь Ятсена он предположил, что с гоминьданом разорвут социальные элементы, враждебные рабочему классу Китая, элементы китайской буржуазии, уже «осознавшей свои классовые интересы».

В то же время, по его словам, гоминьдан начал «эволюционировать в сторону преобразования в настоящую народную массовую партию», представляющую интересы «рабочей прослойки и крестьянства», а также «мелкой буржуазии и городской бедноты»¹². Наконец, в посвященной V пленуму ИККИ статье Войтинский, специально имея в виду Индию и Китай, заявил, что «идея гегемонии пролетариата в общей освободительной борьбе... начинает становиться на очередь дня всем ходом событий в этих странах за последнее время». Однако упоминание пролетариата было скорее реверансом в сторону марксистской теории, а не призывом к изменению политического курса, о чем свидетельствовала тщательно сформулированная оговорка: «Коммунистическая партия Китая, являясь партией промышленного пролетариата, однако, будет осуществлять гегемонию пролетариата не непосредственно, как в чисто капиталистических странах, или даже не как в дореволюционной России, а через среду национально-революционной партии, опирающейся на массы городской и сельской мелкой буржуазии и радикальной интеллигенции»¹³.

Политика тотальной поддержки гоминьдана не модифицировалась. Ответом на критику явилась классификация гоминьдана из буржуазной в преимущественно мелкобуржуазную партию.

Эти заявления были сделаны в то время, когда Сталин начал осторожно утверждать свою власть в международных делах. В неопубликованном письме Мануильскому от 31 июля 1924 г. он, имея в виду «колонии, подобные Индии», вел речь о «гегемонии пролетариата в борьбе за освобождение» и о необходимости «разбить соглашательскую национальную буржуазию»¹⁴, предвосхищая таким образом кое-какую терминологию Войтинского. В докладе перед Московской партийной организацией 9 мая 1925 г. после XIV партийной конференции Сталин отметил, что в отдельных колониальных и зависимых странах («Индии, Египте и пр.»,

но не называл Китая) «нарастают и будут нарастать известные слои национальной буржуазии, наиболее богатые и наиболее могущественные, которые, боясь революции в своей стране больше, чем империализма, предпочтут сделку с империализмом делу освобождения своей страны от империализма»¹⁵. Первая попытка Сталина рискнуть войти в китайский лабиринт содержится в несколько путаном абзаце его речи, произнесенной 18 мая 1925 г. в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Тогда он сказал: «В странах... где национальная буржуазия уже раскололась на революционную и соглашательскую партии, но где соглашательская часть буржуазии не может еще спаяться с империализмом, коммунисты уже не могут ставить себе целью образование единого национального фронта против империализма».

Но это вовсе не означало, как могло показаться на первый взгляд, что идея «единого фронта» с гоминьданом устарела, ибо уже в следующей фразе Сталин говорил о двойственной роли гоминьдана: в качестве «единой партии, партии рабоче-крестьянской» и компонента блока (двусторонней партии), состоящего из коммунистической партии (КПК) и «партии революционной мелкой буржуазии» (очевидно — самого гоминьдана). И затем следовал резкий вывод, что «разоблачение половинчатости и непоследовательности национальной буржуазии и решительная борьба с империализмом — таковы задачи этого блока»¹⁶. «Единый фронт» был спасен путем молчаливого исключения из гоминьдана крупной «соглашательской» буржуазии и формулирования для этой партии нового определения. Но в то время как восстания рабочих и крестьян летом 1925 г. усиливали неприязнь правого крыла гоминьдана к союзу с коммунистами и подготавливали почву для открытого раскола в рядах гоминьдана, никто в Москве не спешил следовать теоретическим выводам Сталина. Лишь в марте 1926 г. VI пленум ИККИ в резолюции по китайскому вопросу назвал гоминьдан «революционным блоком рабочих, крестьян, интеллигенции и городской демократии», добавив, что «отдельные слои крупной китайской буржуазии, временно группировавшиеся вокруг партии гоминьдана, за последний год отошли от нее»¹⁷. Но ни одна из этих оговорок не повлияла на политику поддержки гоминьдана в целом, она пережила и переворот Чан Кайши 20 марта 1926 г., и выдворение ведущих русских военных советников¹⁸.

Летом 1926 г. самыми могущественными милитаристами и заклятыми врагами Советского Союза являлись Чжан Цзолинь в Маньчжурии и У Пейфу (ослабленный в результате поражений, но не выключенный из игры) в Центральном Китае. Это их господство, а вместе с ними и господство всей системы местных милитаристов, многие годы разъединявших Китай, вознамерился поколебать Чан Кайши во имя китайской национальной революции. Весь июль и август 1926 г. армии Чан Кайши шли на север, по мере своего продвижения набирая силу, частично за счет индиви-

дуального набора новобранцев и частично за счет присоединения до тех пор независимых военных формирований местных мелких милитаристов. Как показали события, советские наблюдатели на месте и в Москве недооценили военную силу Чан Кайши и ту поддержку, которую ему окажет население. И поэтому, опасаясь, что поход окончится поражением и лишь спровоцирует ответные меры и расширение агрессии со стороны империалистических держав и их китайской агентуры, безуспешно пытались его от данного предприятия отговорить¹⁹.

Однако, в конце концов, роковым для коммунистических расчетов и советских амбиций стало вовсе не поражение Чан Кайши, а его успех. Уже в результате переворота 20 марта 1926 г. он недвусмысленно подчинил советских военных советников своей воле. Но несмотря на отвращение к иностранному попечительству ему все еще была нужна советская поддержка. И до тех пор, пока Советское правительство (пусть неохотно) позволяло Бородину и военным советникам сотрудничать (с ним. — *Ред.*) в общих рамках, Чан Кайши продолжал уверять в своей дружбе и провозглашать себя вождем левых. Возвратившийся в Китай после годичного отсутствия главный советский военный советник Блюхер сопровождал Чан Кайши во время кампании. Отношения между ними, по-видимому, были сердечными²⁰. Кроме советников, приданных штабу Чан Кайши, советские офицеры сопровождали все главные боевые части²¹. Только весной 1927 г., когда стало ясно, что победа обеспечена, Чан Кайши мог себе позволить отказаться от советской помощи и сменить направление политического курса.

Связанные с Северным походом проблемы, которые позже были представлены Коминтерну и его руководителям в Москве, для КПК стали очевидными сразу. На совещании расширенного Центрального комитета партии, проходившем в Шанхае с 12 по 18 июля 1926 г., была сделана попытка еще к началу похода преодолеть глубокий раскол внутри партии. Сделанный на совещании, как предполагают Чэнь Дусю, от имени Центрального комитета политический доклад высветил некоторые неудобные моменты. Военные операции Чан Кайши лицемерно оправдывались как оборонительные акции против агрессии У Пейфу. В нем, в частности, говорилось: «Отправка войск национального правительства означает не что иное, как оборонительную войну против проникновения врагов Красной Армии в провинции Хунань и Гуандун. Она не означает подлинно революционную Северную экспедицию». Главный упор в партийной политике по-прежнему делался на борьбу с иностранным империализмом. «Мы, — говорилось в документе, — на первое место ставим противодействие Великобритании, затем противодействие Японии и Соединенным Штатам». Исходя из классовых интересов необходимо «использовать буржуазию» и не допустить ее втягивания в лагерь империализма. Исходя из партийной линии в гоминьдане «мы объединяемся с левыми и вынуждаем центр атаковать реакционных правых». Это

считалось правильным применением «тактики единого фронта». Серьезные недостатки констатировались не только в партийных организациях, но также в рабочем и крестьянском движениях. «Рабочее движение обюрократилось, и ему недостает массовости», исключение составил лишь Генеральный совет профсоюзов Шанхая, который действительно «поворачивается к массам». Крестьян обвинили в «заболевании левым уклоном»²².

Принятые на этом совещании резолюции, по-видимому, никогда не опубликовывались. Некоторые из них были, несомненно, предметом резких дискуссий²³. Наиболее спорной темой явился прежний трудный вопрос, касающийся отношений КПК с гоминьданом. Проходивший в то же самое время Пленум Центрального Комитета российской партии принял резолюцию о Китае (не публиковалась), в которой, помимо прочего, осуждалось «оппортунистическое» и «капитулянтское» предложение Зиновьева и Троцкого — покинуть гоминьдан²⁴.

Возвратившийся из Москвы на свой пост главы Дальневосточного бюро Коминтерна в Шанхае Войтинский имел указание, как выразился много позже Чэнь, «подправить нашу тенденцию к уходу из гоминьдана». Согласно этой версии, Чэнь указал на то, что китайская революция может следовать двумя альтернативными путями — пролетарским или буржуазным — и что второй путь означает «измену революции уже в процессе ее развития». Он соглашался сотрудничать с буржуазией при условии, что «только нам будет принадлежать ведущая роль». Однако все представители Коминтерна в Шанхае так рьяно выступили против данного предложения, что Чэнь его снял²⁵.

Ни отрицательное отношение Коминтерна, ни нерешительность Чэня, однако, не позволили большинству членов Центрального комитета КПК твердо настаивать на выходе. В проекте резолюции (по всей вероятности, представленном Чэнем и Войтинским) предлагалось работать «внутри гоминьдана» и «создать с гоминьдановским левым крылом прочный союз». Кроме того, в ней говорилось (как молчаливый протест против резолюции гоминьдана от 17 мая 1926 г., поскольку иначе она нигде не упоминалась), что «гоминьдан не должен иметь чересчур строгие правила и дисциплину» и что гоминьдановские органы, «во всяком случае в низах», могли бы «обладать характеристиками политических клубов, чтобы быть ближе к массам»²⁶. Никто, вероятно, не вспомнил, что таковым было положение в гоминьдане, прежде чем Сунь Ятсен, по настоятельному совету Бородина, превратил его в организованную и дисциплинированную политическую партию. В резолюции также содержалось решение — заменить существующие между КПК и гоминьданом отношения «блоком между самостоятельными организациями», избрать независимую политическую линию и относиться к гоминьдану как к партии «мелкобуржуазной демократии»²⁷. В слабо организованной КПК, однако, решения, не одобренные представителем ИККИ, почти не имели обяза-

тельной силы. Как видно, данная резолюция была встречена в Москве с таким неудовольствием, что ее пришлось аннулировать²⁸. Через два месяца Троцкий в неопубликованной памятной записке привел выдержки из этой резолюции, по всей вероятности, переработанной в соответствии с требованиями Коминтерна. В ней утверждалось, что «преобладающая роль мелкой буржуазии в гоминьдане делает возможным в течение максимально длительного времени наше участие внутри этой партии на базе нашей собственной политики»²⁹. Все свидетельствует о путаном и противоречивом характере дискуссий.

Серьезное затруднение возникло на совещании также по вопросу социальной политики КПК, то есть ее отношения к требованиям рабочих и крестьян. На первой встрече с Сунь Ятсеном в конце 1923 г. Бородин столкнулся с противодействием попыткам внести требования крестьян в программу гоминьдана³⁰. Перед началом Северного похода в 1926 г. он признал, что «взяться за изменение земельных отношений, за изменение налоговой системы — это несравненно более трудная задача, чем бить генералов»; такие меры натолкнулись бы на сопротивление «целых классов, социальных слоев населения, живущих на 65-процентную эксплуатацию труда крестьян». В то же самое время он сделал вывод, что «новое антиимпериалистическое государство не может быть построено без того, чтобы не разрешить аграрной проблемы»³¹. Подобные соображения оказывали преобладающее влияние на работу Центрального комитета. Резолюция по крестьянскому вопросу была в высшей степени уклончивой. Выработку крестьянской программы отложили до следующего партийного съезда, а непосредственные требования оказались довольно скромными. О конфискации земли не было и речи. Лозунг «долой помещиков» отвергли — «наступать нужно было на реакционных крупных помещиков». Крестьян следовало вооружать только для целей самообороны и избегать употребления слова «армия». «Бандитизм» безоговорочно осуждался. Специальная резолюция, касающаяся организации «Красные пики», в целом благословляла движение, но в тех провинциях, где действовали национально-революционные армии, осторожно проводила разграничительную линию между «подлинными Красными пиками» и теми, которые обладали «признаками бандитских формирований»³². Нельзя сказать, что перед началом Северного похода партия располагала вполне четкой крестьянской политикой. Ее ограниченные силы концентрировались в городах. Там же, где коммунисты работали в сельской местности, они, скорее, действовали как представители гоминьдана, а не члены КПК³³. Было решено создать в Центральном комитете крестьянский отдел, который возглавил Мао Цзэдун³⁴.

В резолюции совещания по рабочему движению проявилось то же самое желание — отложить классовую борьбу до более подходящего момента. В ней говорилось: «Нынешняя важная задача китайских рабочих — возглавить борьбу за национальное осво-

бождение. Единый фронт против империализма и милитаризма, созданный профсоюзами и массовыми организациями других классов, представляет собой единственную стратегию выполнения этого долга. Время от времени рабочим союзам следует заявлять о своей политике по вопросам, интересующим людей всех классов, и вести рабочие массы к подлинному участию в национально-революционном движении»³⁵.

Данное положение, которое не содержалось в первоначальном варианте, но было процитировано Зиновьевым в апреле 1927 г. в тезисах для VIII пленума ИККИ, недвусмысленно свидетельствовало о неспособности КПК понять, что ее благополучие «зависит не от классовой борьбы пролетариата, а от успеха в войне, ведущейся вместе с пролетариатом против империалистов и милитаристов»³⁶. Многим китайским коммунистам было трудно поверить, что подобный курс на пользу рабочим и крестьянам. Партийный отчет Коминтерну во время пленума содержал обоснованные опасения относительно происходивших в гоминьдане перемен. В частности, указывалось: «Начиная с 30 мая прошлого года, объективная ситуация в Китае является таковой, что классовая дифференциация становится все яснее. Аналогичное четкое разделение началось в гоминьдановской организации. С каждым годом гоминьдан приближается к капиталистам»³⁷.

Все свидетельствует о том, что и в данном вопросе Чэнь и большинство в Центральном комитете КПК неохотно уступали диктату Москвы.

Совещание Центрального комитета в июле 1926 г. приняло обычные резолюции, касающиеся организации партии, пропаганды и печати. В резолюции по организационным вопросам гоминьдан не упоминался и выражалась особенная тревога по поводу неспособности создать требуемые партийные органы, которые «в прошлом организовывались лишь по форме», поскольку нехватало опытных кадров. По оценкам, на ответственные партийные посты требовалась 355 человек, а в наличии было едва 120³⁸. В конце резолюции по пропаганде отмечалось, что принятые на предшествовавшем совещании в октябре 1925 г. решения по пропаганде не выполнены «даже на 1—2 процента, и положение с тех пор не меняется»³⁹. В подготовленных в апреле 1927 г. тезисах к VIII пленуму ИККИ Зиновьев признал, что «коммунистические организации Китая действительно довольно аморфны» и что, «агитируя в массах, коммунисты выступают от имени гоминьдана и никогда или почти никогда — от имени собственной партии»⁴⁰.

Когда в сентябре 1926 г. войска подошли к Ханькоу, то семь армейских корпусов, выступивших из Кантона двумя месяцами ранее, превратились в сорок, а число участников возросло с 70 тыс. до 250 тыс. человек⁴¹. Увеличение количества не могло не повлиять на качество войск. В них теперь влились многие части, которые перешли из армий У Пейфу или мелких милитарис-

тов. По словам одного советского журналиста, «кантонская армия в результате побед вобрала в себя громадное количество войск, не прошедших той предварительной политической школы, которую прошли настоящие кантонские войска, и мало чем отличающихся от обычных армий китайских милитаристов со всеми их особенностями (малая политическая сознательность, недисциплинированность, склонность в результате всего этого к изменам и пр.)»⁴².

В период побед подобные недостатки не привлекали внимания. Падение Ханькоу 7 сентября 1926 г. фактически ознаменовало собой конец военного режима У Пейфу. Разгром милитариста, который всегда рассматривался как самый непримиримый враг коммунизма и главный агент английского империализма, с особым удовлетворением приветствовали в Москве, где с энтузиазмом отмечалась каждая победа националистов⁴³.

Вместе с тем пока все еще сохранялось беспокойство относительно намерений и возможностей Чжан Цзолиня в Северном Китае. «Правда» сообщила о продвижении войск из Мукдена в направлении Калгана, что означало «усилие империалистических держав и в первую очередь Японии»⁴⁴. В заявлении ИККИ от 13 сентября 1926 г. наряду с радостью в связи с тем, что наступление Чана «нанесло тяжелый удар милитаристам и их пособникам — империалистическим державам», выражались также опасения, что угроза «империалистической интервенции» усилилась⁴⁵. Появились надежды, что армии гоминьчжуня на северо-западе присоединятся к националистам. Когда Фэн Юйсян, только что вернувшийся из Москвы⁴⁶ и полный энтузиазма относительно Советского Союза и гоминьдана, появился в начале октября 1926 г. в Калгане, чтобы вновь принять командование своими войсками, он немедленно послал Чан Кайши телеграмму, предлагая сотрудничество и заявляя, что его «народная армия» будет переименована в «революционную армию Северного Китая»⁴⁷. Но привычная осторожность Фэна скоро умерила его пыл. Основная угроза его войскам исходила от Чжан Цзолиня, и пока Чан Кайши не проявил намерения взять на себя главную тяжесть кампании против Чжана, Фэн предпочитал не связывать себя какими бы то ни было обязательствами к действиям. Но стремительные победы Чана создали новую ситуацию. Как писал один советский комментатор, «на сцену выступают постепенно две новые силы в Китае — сила реакции и революции, Мукден и Кантон»⁴⁸.

После короткой паузы национально-революционная армия продолжила наступление и 7 ноября 1926 г. заняла Наньчан, столицу провинции Цзянси. Это, в свою очередь, открыло путь в жизненно важную провинцию Чжэцзян и вывело войска на дорогу к Шанхаю. Прежние советские опасения исчезли. В докладе, представленном в ноябре 1926 г. VII пленуму ИККИ, отмечалось, что вначале поход породил сомнения и тревоги, но быстрый успех «превзошел все ожидания»⁴⁹. Оппозиция в Москве по отношению к Северному походу возникла из-за пессимистических оценок его

финала. Теперь победы казались не чем иным, как существенным движением вперед дела революции.

Успех, однако, обнажил также разногласия между гоминьданом и КПК, которые до того старательно маскировались. Триумфальное продвижение национально-революционных армий резко усилило революционные настроения среди крестьянства, чье ужасное положение поражало всех наблюдателей китайской действительности. В то время, по подсчетам Мао Цзэдуна, из 320 млн. китайских крестьян (80% всего населения страны) лишь 100—120 млн. имели землю (крупные помещики составляли ничтожную долю). Но и из них только 10% были зажиточными крестьянами; остальное сельское население — мелкие землевладельцы, издольщики, бедные крестьяне и безземельные сельскохозяйственные рабочие — жили в крайней нужде и являлись потенциальными сторонниками революции⁵⁰. По другим выкладкам, сделанным весной 1927 г., безземельные крестьяне составляли 55% сельского населения; бедные крестьяне — 20% (от 1 до 10 млн.), середняки — (10—20 млн.) — 12% и лица, владевшие более 30 му земли (крупные и мелкие помещики, кулаки и т. п.), — 13%⁵¹. Рассказывали, что на территориях, освобожденных наступающими национальными армиями, 50% населения состояло из безземельных крестьян-арендаторов⁵². Правление У Пейфу в Центральном Китае было известно своей жестокостью. Практиковалось создание вооруженных крестьянских отрядов, из которых наибольшей известностью пользовались «Красные пики»⁵³. В Хунани после разгрома У Пейфу начались широкие крестьянские восстания, в которых в первые месяцы 1926 г. приняли участие «миллионы крестьян»⁵⁴. В Хубэе, где безземельных крестьян было меньше, а мелких собственников больше, чем в Хунани, крестьянские восстания начались еще до прибытия национально-революционных армий. Однако организованное крестьянское движение зародилось только в конце 1926 г.⁵⁵ Говорили, что в Фуцзяне «крестьянская повстанческая партизанская армия» освободила провинцию до подхода национальных сил⁵⁶.

Нараставшая волна крестьянских восстаний, сопровождавшая продвижение вперед националистов, вынудила Центральный комитет КПК на совещании, состоявшемся в октябре 1926 г. в Шанхае, отказаться от осторожного и уклончивого подхода к крестьянской проблеме, который имел место еще три месяца тому назад⁵⁷. Под давлением и при непосредственном участии представителя Коминтерна Войтинского ЦК разработал аграрную платформу партии, которая начиналась со смелого утверждения, что «без аграрных реформ, удовлетворяющих массы крестьянского населения, гоминьдановская власть не сможет удержаться, и вся освободительная борьба потерпит крах». И хотя «завершение начатой народно-демократической революции невозможно без национализации земли, подобное требование, однако, было бы «преждевременным... на данном этапе революции». Пока что было

нужно «противопоставить мелкое, среднее и крупное крестьянство и арендаторов крупным землевладельцам и джентри» *. «Классовые противоречия» внутри этого фронта деревни, направленного против «милитаристов, помещиков и джентри», не могли быть изжиты путем реформ национального правительства; они «неминуче будут развиваться по мере свержения власти милитаристов в стране». Задача КПК заключалась в разворачивании крестьянских лозунгов, которые поднимали бы национально-демократическую революцию на следующий этап, сообразуясь при этом с общеполитическими задачами революции на данном этапе. Платформа, которая должна была учитывать столь разнообразные требования, включала такие радикальные вопросы, как вооружение крестьянства, создание в сельской местности революционной крестьянской власти, конфискация земель крупных помещиков, милитаристов и общественных земель⁵⁸.

КПК представляла собой довольно рыхлую организацию. Расстояния были большими, а связь между ее органами различных уровней — непостоянной и ненадежной. Революционные взрывы в регионах, освобожденных в ходе национально-революционной кампании, по всей вероятности, оказывали на местных партийных работников более сильное влияние, чем любые предписания, сочиненные Центральным комитетом партии в Шанхае. Не вызывает сомнения, что коммунисты и радикальные элементы гоминьдана проявляли повышенную активность в армии и среди крестьян и имели важное поручение содействовать распространению крестьянских волнений и подстрекать к ним. Инициаторами беспорядков часто являлись члены Коммунистического союза молодежи, который зимой 1926/27 г. из небольшой нелегальной организации, будто бы превратился в «массовый союз с десятками тысяч членов». «Очень часто против воли генералов, очень часто нелегально... без указаний, без руководства» они вели работу в армии, поскольку КПК не одобряла их деятельности⁵⁹. Как заметил один восторженный американский наблюдатель, первыми организовали крестьян студенты⁶⁰. Убийства землевладельцев и джентри — иногда без разбора, иногда явно инспирированные крестьянскими союзами — имели место в провинциях, освобожденных национально-революционными армиями, особенно в Хунани.

Крестьянских повстанцев не всегда, вероятно, можно было отличить от бандитов (тухао. — *Ред.*), давнего привычного элемента китайского деревенского быта. «Красные пики», по мнению одного советского комментатора, были организацией «средневекового типа». Она представляла мелких собственников (а не безземельных крестьян), которые противились перераспределению

* Джентри, или шэньши — это особое сословие китайской деревенской знати, сложившееся в средние века и представленное землевладельцами, административными чиновниками и т. п. В период революции 1925—1927 гг. стали различать «хороших» и «плохих» шэньши (лэшэнь). См., например: *Л. Делюсин (ред.)*. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1978, с. 24—26. — *Прим. ред.*

земли, были политически неустойчивы и ненадежны⁶¹. По словам одного китайского писателя, крестьянские бунты имели в своей основе представления, почерпнутые из давно отжившего мира «суеверий, феодализма и тайных обществ», и часто использовались в личных целях честолюбцами, которые пытались «стать правителями, в случае успеха, или бандитскими главарями, в случае неудачи»⁶². Как отмечалось в одном из докладов Коминтерна, «часто бывает, что крестьянские отряды используются реакционными элементами против национальной революции»⁶³; во всяком случае это служило предлогом для все более частых репрессий со стороны национально-революционных сил. Советский советник сообщал из Гуандуна о столкновениях не только между крестьянами и помещиками, но между крестьянами и национально-революционными войсками. Данное обстоятельство превратилось «в самую тяжелую проблему в провинции»⁶⁴. Подобные инциденты тревожили и вызвали антагонизм буржуазии, большинства гоминьдановцев и военных руководителей. Многие генералы Чана вышли из «кругов буржуазии, помещиков и буржуазной интеллигенции» и, как говорили, в прошлом «доставляли множество хлопот Сунь Ятсену»⁶⁵. При выступлении в августе 1926 г. в Чанша (столице провинции Хунань) Чан произнес речь, где разъяснил, что союз с русскими имел целью не установление коммунизма, а свержение империализма⁶⁶. Затем он издал манифест, в котором, поклявшись уничтожить иностранных империалистов, и китайских милитаристов, сделал отрезвляющий прогноз о том, что «развитие промышленности вызовет улучшение экономических условий сельского хозяйства и тем самым улучшит положение крестьян», и ни слова о земельном владении или арендной плате⁶⁷.

Ситуация становилась более тревожной еще и потому, что крестьянские мятежи миновали чисто стихийный этап и становились спланированными и организованными. Создание крестьянских союзов в Гуандуне началось еще в 1924 г. и, как предполагают, поощрялось рабочими — участниками гонконгской забастовки. Рассказывали, что I съезд крестьянских союзов, состоявшийся в мае 1925 г. в Кантоне, представлял 200 тыс. организованных крестьян. На II съезде, проходившем через год, эта цифра выросла до 620 тыс. В Центральном Китае процесс формирования крестьянских союзов задерживался, по-видимому, в связи с ожиданием подхода национальных армий летом и осенью 1926 г., но затем быстро набрал темп. В Хунани к ноябрю 1926 г. было 1 200 тыс. организованных крестьян, в декабре — 1 500 тыс., в апреле-мае 1927 г. — 5 200 тыс. В Хубэе в декабре 1926 г. — 70 тыс., в марте 1927 г. — 800 тыс., в мае того же года — 1 250 тыс. В Хунани, где это движение было самым активным, 14% членов так называемых крестьянских союзов являлись ремесленниками, 8% — торговцами и учителями, 30% — безземельными крестьянами⁶⁸. Трудно определить степень активного участия членов КПК, левых

гоминьдановцев или рабочих в создании крестьянских союзов. Но связи, несомненно, существовали и усиливали недоверие, которое испытывали Чан Кайши и его ближайшее окружение к КПК и левым элементам в гоминьдане. Эту опасность почувствовали в Москве. И стремление не оттолкнуть гоминьдан или не привести в замешательство продвигающиеся вперед национальные армии было настолько сильным, что 29 октября 1926 г. (предположительно в период совещания в Центральном комитете КПК) Политбюро направило в Шанхай Войтинскому телеграмму, настоятельно советуя КПК придерживать движение мятежных крестьян⁶⁹. Послание было передано местным партийным руководителям. Хунаньский провинциальный партийный комитет выдвинул лозунг «долой местных бандитов», который оказал помощь и успокоил помещиков и офицеров национально-революционных войск⁷⁰. Но официальное сдерживание не могло остановить волнений. Во многих регионах, оккупированных национально-революционными армиями, прежде всего в Хунани и Хэнани, продолжались крестьянские восстания, создавались крестьянские союзы и вооруженные крестьянские отряды наподобие «Красных пик»⁷¹.

И хотя организованные крестьянские волнения в районах, по которым пролегал Северный поход, являлись самым непосредственным и наиболее неудобным сопутствующим обстоятельством, эти волнения в не меньшей степени стимулировали недовольство среди промышленных рабочих и ремесленников. Рабочее движение в Китае находилось еще в зачатке⁷². В одной из статей в марте 1926 г. Войтинский заметил, что Китай располагал не более чем двумя миллионами индустриальных рабочих, но «огромным числом непромышленных рабочих и десятками миллионов ремесленников». Настоящих профессиональных союзов почти не было. Организация начиналась со стачечного комитета. После майских событий 1925 г. в Шанхае насчитывалось 120 тыс. организованных рабочих. В Кантоне рабочие пользовались поддержкой гоминьдана и состояли в союзе с мелкой буржуазией, китайскими торговцами и капиталистами и даже с правительством (во время забастовки в Гонконге). Более того, энтузиазм рабочих «втянул в борьбу сотни тысяч крестьян». В остальном Китае и в некоторых отраслях промышленности мало что делалось в данном направлении. Только 30 тыс. железнодорожных рабочих были объединены в профсоюз железнодорожников во главе с Центральным комитетом. В Северном Китае было образовано несколько «желтых», или «предательских», профсоюзов, поддерживавших связь с Чжан Цзолинем и империалистами⁷³. В самом Кантоне к началу Северного похода были приняты крутые меры по предотвращению рабочих волнений. После начала похода гоминьдан, как говорят, по-новому подошел к обращению с непокорными рабочими или крестьянами. Он выбросил лозунг «Отправляясь делать революцию на Север, мы требуем спокойствия в тылу»⁷⁴. 16 июля 1926 г. кантонское правительство установило контроль над проф-

союзами и запретило забастовки; в следующем месяце ввело принудительный правительственный арбитраж во всех трудовых спорах⁷⁵. Но успех похода способствовал резкому росту профессиональных союзов в центральной части бассейна реки Янцзы, где они никак не могли оправиться от поражения, нанесенного им У Пейфу в 1923 г.⁷⁶ Осенью 1926 г. профессиональные союзы были созданы в освобожденных национально-революционными войсками главных индустриальных центрах провинций Хунань, Хубэй, Цзянси и особенно в промышленных городах бассейна реки Янцзы. В декабре 1926 г. прошел съезд профсоюзов Хунани, а на съезде профсоюзов Хубэя, состоявшемся в январе, присутствовало 580 делегатов от 341 союза, будто бы представлявших 393 тыс. членов⁷⁷. Как видно, организаторами в большинстве случаев являлись коммунисты, некоторые из них — студенты. По словам Лозовского, они выдвинули лозунг «Да здравствует Профинтерн!»⁷⁸. Предполагалось, что реакция на лозунг должна будет служить индикатором настроений среди рабочих и их способности к самодисциплине. В Хубэе растущая активность рабочих привела к конфликту их интересов с интересами крестьян. Повышение заработной платы рабочим после забастовок вызывало повышение цен на товары, приобретаемые крестьянами, и недовольство крестьян было использовано джентри для того, чтобы вызвать враждебность к рабочему движению⁷⁹.

Забастовки и требования повышения заработной платы рабочим иностранных предприятий продолжались всю зиму. Фактически забастовки представляли собой важную часть общей программы, поскольку союзы финансировались главным образом за счет доходов, получаемых в результате урегулирования тарифов заработной платы. Забастовочная кампания имела сильный античужеземный привкус, и местами превалировало что-то, похожее на анархию⁸⁰. Тот факт, что главными мишенями являлись иностранные интересы, казалось, ставил эту кампанию в один ряд с целями гоминьдана и делал ее менее неприемлемой (даже для гоминьдановских правых), чем крестьянские беспорядки, направленные против китайских помещиков. Однако страх перед ответными мерами империалистов все еще парализовал руководителей революции. Чжан Готао, который в то время являлся представителем Центрального комитета КПК в Ухане, записал, что партия «не желала инцидентов, связанных с посягательством на жизнь и имущество иностранцев, которые могли бы послужить предлогом для иностранного вмешательства», и «часто выступала с подобными разъяснениями перед рабочими массами, призывая их воздерживаться от репрессивных мер в отношении иностранных концессий и отдельных лиц»⁸¹. О столкновениях между войсками и рабочими сообщали из провинции Хубэй зимой 1926/27 г., и «стрельба по рабочим имела место под носом самого правительства»⁸². Прошло совсем немного времени, и рабочие бунты, подобно крестьянским мятежам, стали восприниматься как угро-

за национальному движению, направленному на освобождение от иностранного господства, а вовсе не на уничтожение существующего социального порядка.

Разноречивые советы, приводящие КПК в замешательство, имели еще более роковые последствия для сплоченности гоминьдана. Достаточно обоснованные советские анализы ситуации в гоминьдане, которая сложилась осенью 1926 г., показывали, что и правое его крыло, и левое были серьезно ослаблены. Правых или устранили, подобно бывшей группе «Уэстерн Хилс», или же унизили до положения личного подчинения Чану, как это произошло с Сунь Фо и У Чжаочу. Левые же после инцидента 20 марта и решения от 17 мая 1926 г. лишились своего активного коммунистического ядра. У них по-прежнему было много рядовых членов, но ни одного руководителя. Чан Кайши, ставший в результате побед недостижимым, занимая центральную позицию при опоре на военную мощь и поддержку группы гоминьдановских интеллектуалов во главе с Дай Цзитао, продвигался к военной диктатуре⁸³. Во второй половине октября 1926 г. в Кантоне состоялся пленум Центрального комитета гоминьдана. На нем были широко представлены коммунисты, и большинство делегатов принадлежало к левому крылу⁸⁴. Перед комитетом лежала просьба обосновавшегося в Наньчане Чан Кайши о переводе штаб-квартиры Центрального комитета в Ханькоу. По данному предложению пленум не пришел к единому мнению и временно его отложил. Вместе с тем он решил просить Ван Цзинвэя, с марта 1926 г. находившегося за границей, вернуться в Китай. И хотя Ван являлся руководителем левого крыла гоминьдана, Чан также настаивал на его возвращении, возможно, признавая его авторитет «преемника» Сунь Ятсена или надеясь, что он будет сдерживать более радикальные левые элементы и сторонников коммунистов⁸⁵. Комитет принял также программу, которая, будучи в основном направлена на экономическое и политическое воссоединение страны, тем не менее могла быть истолкована как движение влево в социальной политике⁸⁶. Не удивительно поэтому, что хотя генералы, которые обладали ключом к политической ситуации в Кантоне, официально не отвергли данную политику, но ничего и не предприняли для ее претворения в жизнь⁸⁷. Однако было сказано достаточно, чтобы поддержать распространенные в Москве и среди советских представителей в Китае иллюзии относительно мощного и независимого левого гоминьдана, способного обуздать правое крыло партии и ее военных руководителей.

В тот момент в Кантоне преобладали настроения ликования по поводу побед, одержанных национально-освободительным движением. 16 ноября 1926 г., отметив две славные годовщины — большевистской революции (7 ноября) и рождения Сунь Ятсена (12 ноября), — Бородин и главные члены правительства, не имея какого-либо нового официального решения, выехали в Ханькоу,

чтобы подготовить переезд туда правительства и штаб-квартиры партии⁸⁸. Передвигаясь по суше в паланкинах и по воде на пароходах⁸⁹, они прибыли в штаб-квартиру Чан Кайши в Наньчане 3 декабря 1926 г.

Состоявшаяся через два дня встреча с Чаном не помогла рассеять его недоверие⁹⁰. По дороге из Наньчана в Ханькоу группу приветствовали массовые демонстрации рабочих, что заставило Бородина сказать: «Это настоящая революция»⁹¹. 11 декабря 1926 г. в Ханькоу Бородин обратился с приветствием к охваченным энтузиазмом массам демонстрантов⁹². Комплекс из трех смежных индустриальных городов (Ханькоу, Учана и Ханьяна), расположенных на Янцзы, был провозглашен новой национальной столицей Ухань. На следующий день из представителей партии и правительства был создан Объединенный совет (в него вошел также Бородин) — зародышевая ячейка того образования, которое стало потом известно как «уханьское правительство». Победа казалась близкой, и удовлетворение требований рабочих и крестьян представлялось одной из ее главных целей. Но вопрос о приоритетах мог подождать. Через год, возвратившись в Москву, Бородин последовательно отстаивал свою точку зрения. Никто не сомневался в том, что Чан Кайши являлся «поборником гегемонии буржуазии в национальной революции». Но не в этом было дело. «От него требовалось только одно — довести до конца буржуазную революцию»⁹³. В конце концов, заметил Бородин по другому поводу, «целью Северной экспедиции, по моему мнению, являлось не учреждение пролетарского государства, а создание условий, которые дадут толчок массовому движению»⁹⁴. Как почти все советские руководители, Бородин предполагал, что китайское массовое движение будет развиваться по расписанию, составленному в Москве в соответствии с лучшими рецептами и предыдущим опытом.

И только на конференции, поспешно созванной Центральным комитетом КПК по прибытию из Кантона, обнаружились признаки разлада и тревоги. По-видимому, в этой связи Бородин выступил 12 декабря 1926 г. с той самой речью, на которую впоследствии ссылались как на «известную правогаминьдановскую речь товарища Бородина» и в которой он, осторожно касаясь аграрного вопроса, говорил «о выкупе земли у помещиков». Подобные взгляды пришлось не по вкусу членам Центрального комитета, которые за два месяца до этого выдвинули радикальную аграрную программу. Особенно много затруднений причиняли кантонские коммунисты. Один член партии в Кантоне будто бы сказал: «20 марта гоминьдан умер и с 15 мая он загнил. Зачем нам еще держать в своих руках этот гнилой труп?». Партийная организация Кантона заявила о гоминьдане: «Что же касается левого крыла, то никакого левого крыла просто не существует». Партийный комитет провинции Гуандун высказался в поддержку политики массового восстания, даже если это приведет к разрыву с на-

циональным правительством и левым гоминьданом. Центральный комитет своей резолюцией отверг точку зрения «квантунских коммунистов» и заявил, что левый гоминьдан, не будучи пока «сильным и ответственным», стал «центром нашего сотрудничества с гоминьданом». Данная позиция определила аграрную политику партии. В резолюции признавалось, что, поскольку еще не появился левый гоминьдан, который бы одобрил решение земельного вопроса (то есть конфискацию земли), КПК должна проявлять осторожность.

«Вопрос о земле, — говорилось далее, — пока не представляет собой непосредственную задачу. Ближайшими проблемами крестьянства являются настоятельные требования относительно снижения арендной платы и процентов по ссудам, свободы создания организаций и вооруженной самообороны, отпора местным бандитам и преступным джентри, противодействия чрезмерным налогам и незаконным поборам. Увести крестьянство в сторону от борьбы за эти требования ради исследования заблокированной земельной проблемы — значит приостановить борьбу». В другой резолюции конференция выразила свою озабоченность более общими словами. В ней записано: «В то время как массы продвигаются влево, охваченные страхом политические и военные власти, которые видят быстрый рост массового движения, начинают клониться вправо.

Если эти противоположные тенденции получают дальнейшее развитие, то пропасть между массами и правительством станет еще шире, единый фронт распадается, и все национально-революционное движение окажется в опасности».

В осторожном выводе, однако, указывалось на необходимость избегать «иллюзий», возникающих на почве чрезмерных требований рабочих и крестьян, «чтобы избавиться от детской болезни левизны»⁹⁵. На какой-то момент дурные предчувствия можно было подавить. На фоне великолепных побед национальных армий временные жертвы казались совсем приемлемыми.

б) Эйфория в Коминтерне

Победы национально-освободительного движения в Китае совпали с настроением эйфории в Москве, которое преобладало на XV партийной конференции в конце октября 1926 г.⁹⁶ Делегаты, занятые другими актуальными темами, обратили мало внимания на китайские дела. В небольшом абзаце официального доклада Бухарин приветствовал китайскую революцию как фактор «огромного мирового значения» и как «гигантский удар по стабилизации мирового капитализма». По его словам, «центральной задачей» китайского народа, гоминьдана и КПК являлась «борьба с иностранными милитаристами». Но он откровенно изложил основную проблему. В Гуандуне, сказал он, большая часть земли — в руках «крупных земельных собственников, связанных с торгово-

промышленной буржуазией, которая поддерживает кантонское правительство». И тем не менее китайской компартии было «необходимо решительнее приступить к борьбе за проведение аграрной реформы», хотя это может привести к неприятностям с правым гоминьданом и опасной попытке левых «разорвать общенациональный блок»⁹⁷. Бухарин не предложил какого-либо решения. В заключительном слове по дискуссии, отвечая на поданную в президиум записку, он несколько смущенно заговорил о «тесном соотношении и довольно дружелюбной работе между гоминьданом и Компартией», и выразил надежду, что развитие революции повлечет за собой известную «перегруппировку в гоминьдане», то есть усиление его левого крыла за счет правого⁹⁸. Однако Сталин, который повел ожесточенную атаку на оппозицию, не упомянул Китай, а говоря о перспективах революции, все же отдал предпочтение Индии. Он, в частности, сказал: «Вполне возможно, что в будущем цепь империалистического фронта прорвется в одной из таких стран, как, скажем, в Индии, где пролетариат имеет серьезного союзника в лице мощного революционного освободительного движения»⁹⁹.

Вопрос к Бухарину об отношениях с гоминьданом был единственным признаком беспокойства, которое, несомненно, ощущалось в рядах партии. Поощряемый Радеком Троцкий уже приступил к формулированию критики официальной линии¹⁰⁰. Но когда конференция начала работу, он был или слишком поглощен другими аспектами внутрипартийной борьбы, или же недостаточно уверен в своей позиции, чтобы приступить к столь сложной дискуссии. Никто из оппозиционеров не упомянул Китай или гоминьдан, и конференция не приняла никакой резолюции по международным вопросам.

Когда 22 ноября 1926 г. в Москве собрался VII пленум ИККИ, национально-революционные армии расширяли и закрепляли свои успехи в Центральном Китае. Победа была достигнута при активной поддержке и участии коммунистов. Мало кто из делегатов был склонен исследовать деликатные отношения между гоминьданом и КПК, чьи посланники сидели на заседании бок о бок. Китайская проблема занимала много места в общей дискуссии и стояла на повестке дня в качестве отдельного вопроса. Его важность подчеркнул тот факт, что после принятых в таких случаях добрых пожеланий, высказанных Бухариным, первым выступил с приветствиями к собравшимся глава делегации КПК Тань Пиншань, а вслед за ним — представитель гоминьдана¹⁰¹. И опять разногласия в российской партии не вылились наружу. Ни один участник российской партийной оппозиции не выступил ни в ходе общей дискуссии, ни в дебатах по Китаю, а Зиновьев и Троцкий, участвовавшие в отдельной дискуссии об оппозиции, не затронули Китай. В процессе обсуждений соответствующие замечания исходили исключительно от инакомыслящих из числа членов китайской и других иностранных делегаций.

Победа, однако, затушевала скрытые противоречия между целями национально-революционной армии и интересами крестьян, между национальными и социальными задачами революции, на которые намекал Бухарин за месяц до того на партийной конференции и которые было все труднее не замечать. В письменном докладе Бухарин уделил внимание проблеме увеличения промышленного производства в Китае и соответственного роста пролетариата, но доказывал, что нельзя добиться победы над иностранным империализмом без одновременной мобилизации на борьбу крестьянства. Поэтому поддержка требований крестьян являлась важной составной частью революционной политики. Главный недостаток КПК якобы состоял в том, что она не уделяла должного внимания проблеме революционного крестьянства и аграрной реформе¹⁰². Катаяма, избегая подобных сложностей, восхвалял достоинства «единого фронта» и считал, что было бы «младенческой затеей» устранить КПК от сотрудничества с гоминьданом. Тань Пиншань согласился с Бухариным, что отсутствие аграрной программы — это самый серьезный недочет КПК. Но он продемонстрировал также равное понимание всей огромной сложности дилеммы, когда заметил, что было необходимо «обеспечить интересы крестьянства, с одной стороны; сохранять и укреплять единый фронт национально-революционного движения — с другой»¹⁰³. В общих тезисах Бухарина, принятых без обсуждения, имелся абзац, посвященный Китаю, в котором делалась попытка сохранить тонкое равновесие: «Если главной задачей текущего момента является единый фронт всех национально-революционных сил, включая антиимпериалистические слои буржуазии, то, с другой стороны, необходимо уже теперь практически поставить вопрос об удовлетворении основных нужд крестьянства».

Но затем следовал неизбежный вывод, что «главной целью» КПК является «сплочение всех сил против иностранных империалистов и своих милитаристов», что дальнейших задач не решить, если «перепрыгнуть через этот этап революционной борьбы»¹⁰⁴.

После общей дискуссии Тань сделал сообщение по китайскому вопросу. Он повторил избитые слова о национальной революции и об отношениях КПК с гоминьданом, но вновь подчеркнул необходимость аграрной реформы, «чтобы окончательно ликвидировать полуфеодалальный милитаризм»¹⁰⁵. В своем письменном докладе Тань голословно утверждал, что даже ненависть гоминьдана к империалистам не является безусловной. Он писал, что гоминьдан «склонен бороться только с английским империализмом, что же касается японских империалистов, он при определенных условиях готов пойти с ними на компромисс»¹⁰⁶.

Мануильский, который говорил следом за Танем и, вероятно, сильнее всех других выступавших выражал личные взгляды Сталина, не проявил интереса ни к Китайской компартии, ни к политике Коминтерна, а подробно остановился на международной позиции Китая, противостоящего в Тихоокеанском регионе трем

мощным империалистическим державам, и подчеркнул, что главная забота — это дипломатический союз с китайскими националистами против империалистов¹⁰⁷. Раскольников, в то время глава восточной секции Коминтерна, выступавший под фамилией Петров, вскрыл разногласия внутри КПК. В то время, сказал он, как «некоторые товарищи преувеличивают значение единого национально-революционного фронта», другие утверждают, что «национальная революция в Китае кончилась, партия гоминьдана сыграла свою историческую роль и в настоящее время единственным революционным фактором является Китайская компартия». Он отверг позицию последних и объявил сохранение «единого фронта» на данном этапе исторического развития «абсолютно необходимым». Но Раскольников также реалистически признал возможность того, что после победы Чан Кайши «станет играть более крупную роль буржуазия, которая легко может пойти на соглашение с империалистами», а это приведет в Китае к «турецкому, кемалистскому пути развития»¹⁰⁸.

Рой, который дружески спорил с Лениным на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. и на V конгрессе в 1924 г.¹⁰⁹ скрестил шпаги с Мануильским и еще раз подтвердил свои сложившиеся под влиянием опыта в Индии взгляды на Китай. По его мнению, верхний слой национальной буржуазии, допущенный к дележу прибылей с империалистами, может все же поддержать политику национального освобождения, но будет готов в подходящий момент «образовать единый фронт с империалистами против революционного Китая». В стране, где подавляющее большинство населения — крестьяне, ключ к победе над империалистами следовало бы искать не в союзе с национальной буржуазией, а в аграрной революции, то есть в национализации земли и экспроприации крупной земельной собственности. Рой был достаточно марксистом, чтобы признавать гегемонию пролетариата и китайскую компартию в качестве ее инструмента. Но движущей силой революции, руководимой партией и пролетариатом, должно было стать крестьянство¹¹⁰. В заключение дебатов выступил с речью Тань Пиншань, который пошел еще дальше, чем в своем предыдущем заявлении, но не пытался привести некоторые реалистические оценки в соответствие с казенным оптимизмом. Он признал, что китайская буржуазия все «больше проникается классовым сознанием» и в состоянии «использовать войска, набираемые преимущественно из числа безработных и из среды обнищавших крестьян». «Говорить, что пролетариат уже завоевал руководящую роль в революции, уже является в революции гегемоном, значит преувеличивать его достижения». Вместе с тем он смело заявил, что «благодаря военным победам кантонских войск, революционные силы Китая с каждым днем все больше и больше сосредотачиваются, а силы реакции все более распыляются». Тань с похвалой отозвался о «Красных пиках» и еще раз доказывал, что победа национальной революции зависит от радикальной аграрной ре-

формы, хотя «многие китайские товарищи полагают, что заниматься аграрным вопросом в Китае, по крайней мере сейчас, нет необходимости». Он закончил, отвечая на приветствие гоминьдановских «товарищей» и выразив надежду, что гоминьдан «как можно скорее удовлетворит требование крестьянских масс»¹¹¹.

Борьба мнений, тактично приглушавшаяся на пленарных заседаниях, открыто проявилась в комиссии, готовившей тезисы, где, по-видимому, были слышны более откровенные мнения. В обсуждении четырех различных проектов приняли участие делегаты Германии, Англии, Франции и Индии. Причем главный спор разгорелся вокруг аграрного вопроса¹¹². По всем признакам, в дискуссии активно, и выделяясь среди других, участвовал Рой, который был поборником радикальной аграрной политики. Бубнов, твердый сторонник альянса с гоминьданом, определил «китайский милитаризм», против которого была направлена национально-освободительная кампания, как «военную организацию, являющуюся каналом капиталистического накопления, которая окружена целым рядом государственных органов полуполициального порядка... связана с той или иной группой иностранного империализма»¹¹³. Сталин, который не выступал на открытом заседании, вмешался в работу комиссии, чтобы дать руководящие указания и предложить авторитетное мнение относительно теоретических аспектов проблемы.

Вначале он напомнил слова Ленина о приближении китайского 1905 года и подтвердил справедливость сравнения, указывая на три особенности китайской революции. Она являлась не только буржуазно-демократической, но вместе с тем национально-освободительной революцией; «крупная национальная буржуазия» Китая была «несравненно слабее русской буржуазии периода 1905 года», а роль пролетариата, соответственно, выше; китайская революция могла опираться на опыт и помощь своего русского предшественника. Сталин не оставил никакого сомнения в том, что борьба за национальное освобождение от империалистического ига — главная задача революционного движения. «В чем состоит сила кантонских войск? — спросил он в порыве обычно не впечатляющего красноречия. — В том, что у них есть идея, пафос, вдохновляющие их в борьбе за освобождение от империализма, в том, что они несут освобождение Китаю». По его словам, революционная роль национальных армий являлась «важнейшим фактором борьбы китайских рабочих и крестьян за свое освобождение». Даже заглядывая в будущее, Сталин рассуждал аналогичным образом. Он предполагал, что грядущее революционное правительство Китая будет соответствовать ленинской формуле для России 1905 года и напоминать «что-нибудь вроде демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, с той, однако, разницей, что это будет власть антиимпериалистическая по преимуществу». Китайская коммунистическая партия должна была не только остаться в гоминьдане, но и участвовать в буду-

шем национально-революционном правительстве. Изложив, таким образом, суть своего послания, Сталин с присущим ему умением балансировать между двумя крайностями, позаботился о защите от обвинений в забвении социальных аспектов революционной борьбы и поэтому с пренебрежением отозвался о людях «среди гоминьдановцев и даже среди китайских коммунистов... которые не считают возможным развязывание революции в деревне, боясь, что втягивание крестьянства в революцию подорвет единый антиимпериалистический фронт». Он с энтузиазмом поддержал радикальные требования китайских рабочих и крестьян о национализации железных дорог, крупных фабрик, конфискации помещичьих земель и национализации земли. Но внимательное прочтение его высказываний показывало, что эта громко разрекламированная программа скорее относилась к «перспективе» или дальнейшим революционным этапам, чем к революции на данной исторической стадии. Сталин и не намекнул на раскол буржуазии или гоминьдана, и избежал анализа «крупной национальной буржуазии», лишь заметив, что она исключительно «слаба». В этом смысле данная речь, несмотря на ее радикальную окраску, представляла собой регресс в сравнении с его заявлениями в мае 1925 г.¹¹⁴

К первоначальному проекту тезисов Сталин предложил четыре поправки, призванные смягчить революционные требования. Из них только одна (ограничить национализацию «крупных заводов, шахт и банков» предприятиями, «имеющими характер империалистических концессий») была включена в окончательный вариант текста, в остальных трех случаях те места, которые хотел поправить Сталин, исчезли вовсе¹¹⁵. По словам Роя, эти тезисы, составленные заранее Бубновым, Раскольниковым и Войтинским, были отвергнуты как «бесполезные», и Сталин предложил Бубнову, Бухарину и Рою подготовить новые. Те, которые в конце концов приняли, якобы выработал Рой¹¹⁶. Сам факт, что эти тезисы были представлены предпоследнему пленарному заседанию 15 декабря 1926 г., отложены и на следующий день приняты единогласно¹¹⁷, позволяет предположить, что даже на данной стадии приходилось сглаживать разногласия.

Тезисы по Китаю VII пленума ИККИ¹¹⁸ представляли собой собрание высказанных во время дискуссий не всегда последовательных мнений. Китайская революция признавалась в качестве одного из факторов, «нарушающих стабилизацию капитализма» и «неотъемлемой частью международной революции». Упор на антиимпериализм как на одно из «своеобразных условий», отличавших китайскую революцию как от «классических буржуазных революций западноевропейских стран прошлого столетия, так и от революции 1905 г. в России», превратился в ведущий принцип официальной политики безусловной поддержки националистических сил Чана¹¹⁹.

В тезисах различались три стадии китайской революции. На первой стадии движущей силой была «национальная буржуазия

и буржуазная интеллигенция, искавшие опоры в рядах пролетариата и мелкой буржуазии». На второй стадии на арену выходит рабочий класс, который в борьбе против империализма «образует блок с крестьянством... мелкой городской буржуазией и частью капиталистической буржуазии»¹²⁰, этот блок был представлен гоминьданом и кантонским правительством. На третьей стадии, на пороге которой якобы находилось движение, основной силой должен был явиться «блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии, при устранении большей части крупной капиталистической буржуазии». Это означало, что «вся буржуазия, как класс, устранится с арены национальной освободительной борьбы». Процесс перехода к третьей стадии из осторожности был намечен весьма неопределенно. Дали лишь понять, что будущее революционное государство было бы не «чисто буржуазно-демократическим», а представляло бы собой «демократическую диктатуру пролетариата, крестьянства и других эксплуатируемых классов». КПК призывалась «реализовать, в конечном счете, эту революционную перспективу перехода на рельсы некапиталистического развития». И в заключение констатировалось: «Таким образом, было бы ошибкой ограничивать задачи китайской революции: 1) уничтожением империализма и 2) ликвидацией феодальных пережитков, ссылаясь на то, что на первой стадии эта революция носит мелкобуржуазный характер. Китайская революция не может уничтожить империализм, не перерастая через границы буржуазной демократии».

Утверждения в первой половине тезисов, что «на арене Китая в качестве первоклассного политического фактора появляется рабочий класс», что «гегемоном движения на этой стадии все более и более становится пролетариат», сменило затем смелое заявление о том, что «пролетариат представляет собой доминирующий фактор» в гоминьдане. Предложение о том, что КПК следует покинуть гоминьдан, вновь осудили как «ошибочное». Напротив, коммунистам нужно было стремиться войти в кантонское правительство, в котором пять из шести комиссаров принадлежали к правому крылу гоминьдана¹²¹.

После успехов Северного похода осенью 1926 г. Коминтерн уже не мог уклоняться от аграрного вопроса или отодвигать его на второе место. Накануне открытия VII пленума ИККИ Миф в статье, опубликованной в журнале Коминтерна, выдвинул радикальную программу для китайского крестьянства: создание крестьянских комитетов и союзов, снижение арендной платы, конфискация крупных поместий и изгнание помещиков и джентри¹²². В тезисах VIII пленума ИККИ новый принцип был подчеркнут в следующей формулировке: *«Аграрная революция, включающая конфискацию и национализацию земли, — таково основное, внутреннее, социально-экономическое содержание нового этапа китайской революции. Основным является в настоящее время «плебейское»*

революционное разрешение аграрного вопроса десятками и сотнями миллионов самих крестьян снизу».

Наличие противоречия между целями национальной и социальной революций отрицалось. Лежащую в основе дилемму пытались обойти путем различения не только разных революционных этапов, но и двух частей Китая, то есть территорий, пока не попавших под контроль националистов, где требования крестьян можно было бы полностью поддержать и стимулировать, и регионов, находящихся под контролем националистов, где следовало бы избирать для поддержки крестьянства более мягкие меры и где конфискация должна была бы затронуть лишь «монастырские и церковные земли, принадлежащие реакционным милитаристам и тем компрадорам, помещикам и джентри, которые ведут гражданскую войну с гоминьдановским национальным правительством». Оптимистически оценивалась роль пролетариата как «единственного класса, способного проводить радикальную аграрную политику». Однако несурезица сохранилась. В разделе тезисов по тактическим проблемам революционной политики в Китае вспоминался прецедент Брест-Литовска и заявлялось, что «лабиринты и маневрирование по отношению к иностранному империализму» являются «вполне допустимыми»; было бы просто глупо, если бы КПК «при всех и всяческих условиях отвергала тактику компромисса»¹²³.

Изучение тезисов VII пленума ИККИ позволяет выявить ту острую проблему, которая, начиная с 1927 г., отрицательно влияла на отношения между Коминтерном и КПК. Речь идет о постоянных упреках в том, что ошибки и поражения китайской партии явились следствием невыполнения поступающих из Москвы директив. Обвинения подкреплялись отрывками из резолюций и инструкций ИККИ, которые оказались не использованными в партийной политике. Но это приводило к еще более затруднительной проблеме. В то время острые разногласия раскололи партию России, и руководству партии было необходимо создать по спорным проблемам набор доктрин, которые объединили бы большинство членов партии и могли бы быть использованы для отражения атак оппозиции. Тех, кто готовил документы ИККИ, больше занимали вышеуказанные соображения, чем проблемы партии, для которой эти резолюции составлялись. Поэтому компромиссные решения, призванные обеспечить согласие в Москве, содержали характеристики и противоречивые суждения, которые ставили в тупик тех, кто на месте пытался интерпретировать их содержание. Сложность и двусмысленность исходивших от ИККИ инструкций часто затрудняли их понимание и еще больше — их выполнение.

Не удивительно, что формулировки VII пленума ИККИ, которые удовлетворили и примирили споривших в Москве, казались менее убедительными тем членам КПК, которым приходилось иметь дело с аграрным вопросом в Ухане. И шатания в Центральном комитете партии в июле 1926 г., и смелые заявления в

октябре, и твердая сдерживающая рука Бородина на партийной конференции в декабре ¹²⁴ — все это свидетельствовало о сложности проблемы. Позиция Мао Цзэдуна была, как видно, также противоречивой. С самого начала 1926 г. он постоянно уделял внимание положению китайского крестьянства ¹²⁵. В сентябре 1926 г., когда национально-освободительные силы стремительно продвигались по Центральному Китаю, он опубликовал статью «О национальной революции и крестьянском движении», которая открывалась словами, перекликавшимися со словами Ленина относительно русской революции 1905 года. Мао писал: «Крестьянский вопрос является центральным вопросом национальной революции». Он заявил, что «величайшим врагом революции в экономически отсталой полуколонии является феодально-патриархальный класс в деревнях». Иностранные империалисты, говорил Мао, опираются на «феодально-помещичий» класс, и их можно свергнуть, только мобилизуя крестьян против милитаристов, агентов империализма. «Китайская революция, — заявил он, — имеет лишь эту форму и никакой другой» ¹²⁶. Однако в декабре 1926 г. он примкнул к партийной линии и будто бы на объединенном съезде рабочих и крестьянских организаций в Чанша демонстративно отрекся от прежних своих требований, заявив: «В период национальной революции мы не хотим брать земли для себя» ¹²⁷.

Когда резолюция VII пленума ИККИ по Китаю с ее настоятельным требованием аграрной революции, сочетавшимся с не менее твердым признанием необходимости маневрирования и компромиссов, в январе 1927 г. наконец достигла Шанхая, она стала предметом острых и безрезультатных споров в Центральном комитете партии между теми, кто считал, что резолюция в широком плане одобряла проводимую до тех пор линию, и теми, кто воспринял ее как требование «отказаться от единого фронта в деревне» ради осуществления аграрной революции ¹²⁸. Подобные радикальные взгляды должны были усилить подозрительность и враждебность по отношению к КПК не только у Чан Кайши и его сторонников, но и у части так называемых левых гоминьдановцев. Но осознание подобных сложностей не помешало Москве торжествовать по поводу триумфального марша китайской революции ¹²⁹. Любые остатки сомнений казались развеянными авторитетной статьей Мартынова, опубликованной в журнале Коминтерна в начале 1927 г. и посвященной итогам работы VII пленума ИККИ. Мартынов доказывал, что революционная антиимпериалистическая инициатива 1919 г. в Китае исходила от «промышленной буржуазии и буржуазной интеллигенции». Китайский пролетариат и коммунистическая партия не могли просто занять по отношению к ним позицию, которая подходила для России 1905 года. И хотя КПК была обязана бороться за установление революционной диктатуры пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии, ей следовало в то же самое время «стремиться не бросать палок в колеса революционной армии, руководимой буржуазными генералами, и на-

циональному правительству, а, напротив, поддержать их революционную работу». Только благодаря такой поддержке «национальное правительство будет проводить последовательно политику, вполне соответствующую интересам рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии»¹³⁰. Возобладала эйфория, что и оказало влияние на работу конгресса Лиги против империализма, проходившего в феврале 1927 г. в Брюсселе. На нем присутствовало 25 китайских делегатов. Это количество превзошла лишь германская делегация, приславшая 26 человек¹³¹. И делегаты Центрального комитета гоминьдана, и представители Всекитайской федерации профсоюзов, и генерал национально-революционной армии в своих выступлениях дружно славил сражения и победы «единого фронта» против империализма¹³².

в) Контрреволюция Чана

Результатом VII пленума ИККИ явился отъезд в начале 1927 г. из Москвы через Владивосток в Китай большой и представительной делегации. В нее входили: вновь назначенный эмиссар Коминтерна Рой, которого сопровождали Миф и, вероятно, другие сотрудники Коминтерна; «рабочая делегация» в составе Тома Манна, Браудера и Дорио, приглашенная Чан Кайши посетить освобожденные национальными армиями провинции; 40 или 50 делегатов из Азии, присутствовавших на пленуме ИККИ, и некоторое количество азиатских студентов, возвращавшихся из Франции¹³³. Группа прибыла в Кантон — все еще наиболее безопасный для коммунистов пункт въезда в Китай — в начале февраля 1927 г. Однако свою революционную репутацию Кантон приобрел в связи с тем, что здесь размещалась штаб-квартира Сунь Ятсена и зарождался гоминьдан, а вовсе не потому, что условия здесь благоприятствовали левым силам. После перевода осенью 1926 г. штаб-квартиры гоминьдана в Ухань и военного штаба Чан Кайши в Наньчан Кантон превратился в реакционное болото. Новое провинциальное правительство, учрежденное в ноябре 1926 г. в результате военного переворота, который совершил местный милитарист Ли Цзишэн, включало только двух членов левого гоминьдана и все больше эволюционировало вправо. 5 января 1927 г. был обнародован закон, запрещающий забастовки и ношение рабочими оружия, а также установивший принудительный арбитраж для трудовых споров в промышленности. Как стыдливо признал журнал Коминтерна, этот закон содержал параграфы, «которые ограничивали свободу забастовок больше, чем это требуется интересами обороны во время революционной войны»¹³⁴.

Однако и само рабочее движение в Кантоне не могло быть использовано в качестве примерной модели или же центра пролетарской революции. Южный Китай не располагал такой же развитой современной промышленностью, как Шанхай или Централь-

ный Китай. Далин, знавший Кантон с 1922 г., так описал ситуацию в городе: «Рабочий здесь — ремесленник, подмастерье, кустарь. Предприятия в основном маленькие, кустарные. Но вместе с тем имеются и крупнейшие мануфактуры огромных размеров. Под Кантоном есть шелковые кустарные распыленные предприятия, где работают до десяти тысяч человек, но все они — кустари. Заводских рабочих здесь нет, а кули — типичнейший представитель кантонского пролетариата»¹³⁵.

Кантонские профессиональные союзы делились на две группы: революционную, или левую, и умеренную, или «реформистскую». Первая была слабо связана с Всекитайским Генеральным Советом профсоюзов, а вторая — с Федерацией труда. И хотя революционеры заявляли, что им принадлежат 139 профсоюзов, а умеренным только 39, эти цифры мало что значили, поскольку очень немногие профсоюзы являлись деятельными организациями или имели постоянных членов. В реформистской Федерации тон задавал союз механиков, состоявший из рабочих-металлистов, самых высокооплачиваемых рабочих Кантона. Его называли «наиболее сильным самостоятельным профсоюзом Кантона» и «самым консервативным из всех профсоюзов», непримиримейшим противником коммунистов. Этот союз охватывал главным образом квалифицированных рабочих и ремесленников, связанных с обработкой металла, а также небольшое число высококвалифицированных техников. И как говорили, был единственным, который сохранил что-то «от облика старой гильдии». Он неизменно враждебно относился к зарождавшимся массовым союзам левых, прежде всего моряков и железнодорожников, и попытки сотрудничества с ним обычно скоро оканчивались неудачей¹³⁶. Были разговоры о том, что под руководством коммунистов сформировался Совет рабочих, будто бы связанный как с рабочей секцией гоминьдана, так и с Профинтерном¹³⁷, но о его деятельности ничего не известно.

Делегаты из Москвы, которые провели две или три недели в Кантоне, наслаждаясь дискредитирующим гостеприимством Ли Цзишэня¹³⁸, не сделали что-либо для улучшения участи рабочих Кантона. Их тепло, со множеством речей приняли провинциальная администрация и руководители местных профсоюзов; делегаты посетили военную академию Вампу, их громко приветствовали 5 тыс. слушателей, выкрикивавших интернационалистские лозунги¹³⁹. Рой без особого успеха занялся неразберихой в кантонских политических делах и уговорил местных коммунистов призвать 27 февраля 1927 г. «все народные организации с еще большей солидарностью и верой сплотиться вокруг гоминьдана» и направить Ван Цзинвэю петицию с просьбой «немедленно вернуться на родину»¹⁴⁰. Затем вся группа отправилась в долгий путь на север. Во время остановки в Наньчане 26 марта 1927 г. делегацию принял не сам Чан Кайши, а один из его генералов, который устроил в их честь банкет. Они присутствовали также на митингах военнослужащих гарнизона и членов профсоюзов, на которых были

слышны протесты против реакционной политики Чана. В Ухань группа прибыла 31 марта 1927 г.¹⁴¹

В то время как Коминтерн старался определить курс китайской революции, составляя резолюции и направляя все больше своих эмиссаров, события в Китае усилили растущие трения в гоминьдане. Брожение, вызванное передислокацией в Ухань политического штаба революции, вылилось 3 января 1927 г. в массовую демонстрацию рабочих, которые в яростном желании разделить-ся с иностранным империализмом захватили английскую концессию в Ханькоу и изгнали английскую администрацию. Это стихийное и в полной мере успешное предприятие, укрепившее веру в революционный дух и силу рабочих, приободрило Бородина и вновь установившуюся в Ухане власть¹⁴². Впечатление, что «рабочий класс крупных городов проявлял большую активность в атаках на иностранный капитал, чем на отечественный»¹⁴³, возможно, подкрепляло вывод о том, что на данном этапе это была скорее национальная, чем пролетарская революция. Осуществлявшая власть в Ухане Объединенная комиссия¹⁴⁴ сразу же оказалась в дурных отношениях с Чан Кайши, которому хотелось, чтобы руководящие органы партии и правительства переехали в Наньчан, где находилась его военная штаб-квартира. После посещения Чаном, в сопровождении Блюхера, в середине января 1927 г. Уханя трения лишь усилились¹⁴⁵. Наличие двух соперничающих центров в Ухане и Наньчане, из которых первый заявлял о верности традициям гоминьдана, наследию Сунь Ятсена и с энтузиазмом поддерживался Бородиным, а второй олицетворял собой военную мощь, создало состояние неустойчивого равновесия. Разлад возник из-за военных планов. Казалось, было бы естественным для Чана, продвинувшегося с войсками так далеко, наступать на Пекин — давно объявленную цель Северного похода.

Но это означало бы прямой вызов Чжан Цзолиню, и поэтому Чана больше привлекала перспектива движения на восток, вниз по реке Янцзы, где между ним и Шанхаем стояли лишь слабые силы незначительного милитариста Сунь Чуаньфана, в прошлом связанного с У Пейфу, а теперь протеже Чжана. Этим планам, которые подразумевали заключение перемирия и подспудный торг с Чжаном, упорно противились представители КПК и гоминьдана, а также Бородин. Побуждаемый Бородиным Блюхер сделал все возможное, чтобы отговорить Чана от его намерений¹⁴⁶. К тому времени Чан вспылал враждебностью к Бородину, которого он считал виновным (и не без основания) в том, что уханьская группа проявляла непокорность. Сначала Чан предложил отослать Бородина для отчета в Москву, а через несколько дней открыто заговорил о его отставке и замене Радеком или Караханом¹⁴⁷. Трения возникли также между Бородиным и Войтинским, который после посещения Уханя в январе 1927 г. будто бы телеграфировал в Москву и советовал отозвать Бородина на том основании, что его присутствие пагубно влияет на дружественные отношения

с Чаном¹⁴⁸. Тактичные заявления не могли уменьшить постоянную напряженность, связанную с аграрной проблемой. В своем выступлении в Объединенной комиссии 31 января 1927 г. Бородин якобы осудил расстрелы помещиков крестьянами как «противозаконные», но призвал местные власти и суды обращать больше внимания на требования крестьян¹⁴⁹.

Осознание членами КПК надвигающейся опасности, связанной с расколом гоминьдана, сочеталось с полной неспособностью найти средство для его предотвращения. В журнале КПК Чэнь Дусю 1 марта 1927 г. критиковал твердолобых гоминьдановцев, желавших порвать с рабочими, крестьянами, а также с СССР и договориться с Чжан Цзолинем. Но он не упомянул Чана и не предложил никаких мер противодействия¹⁵⁰. Видимо, именно в это время Чэнь отправил своего заместителя Пэн Шучжи в Ухань, чтобы посоветоваться с властями о том, «как напасть на силы Чан Кайши»¹⁵¹. Это было проявлением политической наивности, рожденной отчаянием. Центральный Комитет партии в Москве выразил свою тревогу, изложив в резолюции от 3 марта 1927 г. целый ряд риторических предписаний. Было «необходимо усилить в армии работу гоминьдановских и коммунистических ячеек» и «держаться курс на *вооружение рабочих и крестьян*». Поскольку китайская революция с помощью «перегруппировки классовых сил» переживала критические времена, КПК следовало разоблачать «изменническую и реакционную политику правых в гоминьдане» и спланировать массы вокруг гоминьдана и коммунистической партии¹⁵². Опасения были смутными и неопределенными. Инструкции свидетельствовали о плохом понимании того, что конкретно можно было бы сделать на месте. Но и левые гоминьдановцы при оценке доступных им путей дальнейшего развития оказались в такой же мере далеки от реальностей. По всем признакам, они рассчитывали, что политическое руководство возьмет на себя вернувшийся в Китай из временной ссылки в Париж Ван Цзинвэй, а военное руководство — Тан Шэнчжи, один из местных генералов, которого раздражали диктаторские замашки Чан Кайши, но который не более последнего симпатизировал революционному лагерю¹⁵³.

В начале марта 1927 г. Центральный комитет гоминьдана провёл в Ухане съезд, который Чан и правые бойкотировали и который явил собой вершину влияния коммунистов в левом гоминьдане. В соответствии с резолюцией VII пленума ИККИ от ноября 1926 г. было принято решение включить в национальное правительство двух министров-коммунистов, символизируя тем самым стремление к более тесному сотрудничеству между гоминьданом и КПК. Отвечая на призыв упомянутого выше пленума ИККИ — сделать упор на аграрную революцию, постановили создать в национальном правительстве министерство земледелия и вместе с манифестом к крестьянам приняли резолюцию по крестьянскому вопросу, самую радикальную из всех, ранее принимавшихся го-

миньданом. И, наконец, съезд утвердил новый устав, согласно которому были упразднены прежние военный и политический советы, президентом которых являлся Чан Кайши, и наметил выборы Политбюро из 9 членов и 6 кандидатов в члены, а также нового военного совета из 16 человек. И Чана, и Ван Цзинвэя избрали в президиумы этих органов. Чан сохранил свой собственный совет и вежливо предложил свою отставку¹⁵⁴. К тому времени он, вероятно, убедился в том, что коммунисты относились к его планам непримиримо, но были бессильны что-либо предпринять.

Непрекращавшийся поток неофициальных эмиссаров из Москвы свидетельствовал о глубоком беспокойстве по поводу событий в Центральном Китае и о весьма наивной вере в возможность влиять и руководить ими. Прибывшая в Ухань делегация рабочих присутствовала 2 апреля 1927 г. на заседании политического совета гоминьдана, на следующий день выступила на массовом митинге рабочих, 6 апреля — еще на митинге 100 тыс. рабочих Чанша, опубликовала призыв к *«немедленным акциям международного пролетариата»* и обратилась к английским, французским и американским солдатам и морякам в Китае с требованием — не стрелять в китайский народ, а брататься с ним¹⁵⁵. Собрание в военно-политической академии в Ухане 8 апреля 1927 г. закончилось возгласами: «Долой Чай Кайши!»¹⁵⁶.

Секретные осведомители индийского правительства не преминули доложить о митинге, состоявшемся 13 апреля 1927 г. в память о кровавой расправе в Амритсаре, на котором выступили с речами Том Манн и Бородин¹⁵⁷. Для организации женщин-текстильщиц в Ухань прибыла эмиссар Профинтерна Кузнецова, жена Войтинского¹⁵⁸. Не была оставлена без внимания даже культурная программа. Учащиеся московской балетной студии Айседоры Дункан выступили в Ханькоу, что стало поводом для скандальных сообщений о голых танцорах и танцовщицах¹⁵⁹. Широко разрекламированное советское присутствие в Ухане вряд ли уменьшило подозрения Чан Кайши или умерило его раздражение.

Неожиданный и, следовательно, заранее непредусмотренный фактор укрепил позиции Чан Кайши и облегчил ему задачи перемены фронта. Под впечатлением быстрого триумфа армий Чан Кайши и в виду отсутствия в Центральном Китае какой-либо другой власти английское правительство внезапно решило, что, пожалуй, благоразумнее примириться с националистами, чем с ними же бороться. 18 декабря 1926 г., когда в Ухане была установлена новая власть, Англия направила ноту другим государствам — участникам Вашингтонской конференции, с предложением — без предварительных условий одобрить предусмотренное Договором (девяти держав, выработанным на этой конференции. — *Ред.*) повышение определенных таможенных тарифов и приступить к переговорам о постепенном отказе от так называемых «неравно-

правных договоров»¹⁶⁰. В Ухань из Пекина одновременно с Бородиным спешно прибыл вновь назначенный с особой поспешностью английский министр, чтобы начать дружественные переговоры с Евгением Чэнем, новым министром иностранных дел Национального правительства¹⁶¹. Это официальное предложение не уберегло английскую концессию в Ханькоу от разгрома китайскими рабочими 3 января 1927 г., таким путем продемонстрировавшими свою ненависть к империализму¹⁶². Однако результат был неожиданным и важным. Никаких ответных мер не последовало. Для продолжения переговоров с Евгением Чэнем из Пекина в Ухань прибыл еще один английский дипломат. Переговоры завершились подписанием 19 февраля 1927 г. соглашения об отказе от концессий в Ханькоу и возвращении ее под юрисдикцию Китая¹⁶³.

Эти действия не оказались незамеченными Чан Кайши. Великобритания не являлась единственной империалистической страной, которую привлекала идея сближения с националистами. Начиная с осени 1926 г. в дневнике Чана все чаще появлялись записи о секретных контактах с Чжан Цзолинем, северным военным лидером и протеже Японии¹⁶⁴, и слухи о подобных переговорах скоро стали циркулировать в коммунистических кругах¹⁶⁵. Основой договоренности могло стать только согласие Чана не посягать на сферу влияния Чжана на севере в обмен на готовность Чжана, безоговорочно одобренную его японскими покровителями, смотреть сквозь пальцы на оккупацию чанкайшистами Чжэцзяна и Шанхая и предоставить Сунь Чуаньфана собственной судьбе. Весной 1927 г. перед Чан Кайши открылись великолепные перспективы реализации личных честолюбивых планов и объединения Южного и Центрального Китая путем сговора с империалистическими державами и за счет коммунистов, советских советников и других защитников левых, которые давно уже являлись бельмом на глазу Чана. Он был хитрым человеком, который преждевременно не сжигает за собой мосты. Несмотря на растущее раздражение советниками, он продолжал уверять в своей горячей привязанности к Советскому Союзу. Прибывшего 1 апреля 1927 г. из Москвы в Шанхай Ван Цзинвэя он встретил многочисленными комплиментами¹⁶⁶. Не произошло внезапных перемен и в политике, и в позициях Чана. Он по-прежнему стремился рассеять представления о Китае как о «неравноправном» государстве, доступном объекте иностранной опеки и эксплуатации. В условиях крайней напряженности в гоминьдане Чан не мог себе позволить оставить за уханьским правительством монополию на кампанию против иностранного империализма. Антиимпериалистические лозунги все еще были в употреблении, и акты насилия по отношению к иностранцам и иностранному имуществу, совершаемые национально-революционными отрядами, как и прежде, вызывали ответные меры, а также возмущенные протесты проживавших в стране англичан против снисходительной позиции английского правитель-

ства ¹⁶⁷. Вместе с тем в весенние месяцы 1927 г. Чан с успехом присоединялся то к одной, то к другой стороне ¹⁶⁸.

Пока еще не была рассеяна иллюзия, что продвижение национально-революционных армий на Шанхай побудит рабочих подняться против иностранных хозяев. 17 февраля 1927 г. войска Сунь Чуаньфана потерпели от Чан Кайши поражение при Ханчжоу. Через два дня Генеральный совет профсоюзов Шанхая объявил в городе всеобщую забастовку ¹⁶⁹. Чан не двинулся с места, и войска Суня, которые все еще удерживали город, подавили забастовку, казнив обычное в таких случаях число людей. Попытка вооруженного восстания, имевшая место 22 февраля 1927 г., также окончилась разгромом ¹⁷⁰. Блюхер, реалистически воспринимавший опасность, 25 февраля 1927 г. телеграфировал из Наньчана Бородину, указывая на важность незамедлительного наступления на Шанхай, где бастующие рабочие иначе будут уничтожены. Он, однако, дал ясно понять, что сообщать данную причину генералам Чан Кайши не следует, ибо они, возможно, предпочтут, чтобы движение шанхайских рабочих было подавлено до их появления на сцене ¹⁷¹. Наступило тревожное затишье, во время которого власть в городе за пределами иностранной колонии и французской концессии постепенно перестала действовать. 21 марта 1927 г., когда Чан наконец начал продвигать передовые отряды в предместья города, Генеральный совет профсоюзов объявил еще одну всеобщую стачку, в которой участвовали 600 тыс. или 800 тыс. рабочих. На этот раз вопрос о взятии власти рассматривался прямо в практической плоскости. При активной поддержке коммунистов было создано временное муниципальное правительство, номинально подотчетное гоминьдану ¹⁷². На улицах появились отряды вооруженных рабочих. Первые подразделения национально-революционной армии, вступившие на городские окраины, отнеслись к рабочим благожелательно. 22 марта 1927 г. «Правда» с гордостью писала, что «ключи от Шанхая были вручены Кантонской армии победившими рабочими», и все заинтересованные приветствовали Чана как национального освободителя ¹⁷³. 23 марта 1927 г. Президиум ИККИ передал по телеграфу Центральному комитету КПК свои поздравления по случаю победы в Шанхае ¹⁷⁴.

Поворот фортуны, последовавший за этим проявлением чрезмерного оптимизма, был столь ошеломляющим, что для спасения репутации советских руководителей как прозорливых политиков предпринимались попытки сделать вид, будто они предвидели, что Чан сменит позиции, и приняли это в расчет. Убежденность в том, что, достигнув собственных целей, революционная буржуазия изменит делу революционного пролетариата, давно стало общим местом большевистской теории. В конце 1926 г. советский эксперт, рассматривая «классовую борьбу в Китае» в журнале «Новый Восток», следующим образом определил суть кризиса: «То обстоятельство, что китайская буржуазия в момент подъема

национально-революционного движения «платонически» блокируется с пролетариатом, ничего не меняет в классовой природе буржуазии и в ее взаимоотношениях со своим антиподом — пролетариатом... Китайская буржуазия готова «сочувствовать» борьбе народных масс против иностранного капитала при неперменном условии неограничения эксплуатации пролетариата китайской буржуазией»¹⁷⁵.

Однако, как видно, независимо от теоретических выкладок, никто из советских руководителей и официальных лиц в тот момент и не подозревал, что Чан был готов поступить в соответствии с этим буржуазно-национальным стереотипом. Все еще сохранялась иллюзия относительно революционного в своей основе гоминьдана¹⁷⁶. В резолюции от 3 марта 1927 г. Центральный Комитет партии осудил «предательскую и реакционную политику правых в гоминьдане» и выразил твердую веру в способность гоминьдана и КПК «мобилизовать массы»¹⁷⁷. После 20 марта 1926 г. вера в личные симпатии Чан Кайши к Советскому Союзу или делу коммунизма ослабла. Однако все еще утверждалось, что «напор революционных низов настолько силен, что Чан Кайши... вынужден маневрировать, присягать в верности принципам революции... подчиняться руководству массовой партии — гоминьдана»¹⁷⁸. В статье, написанной до нанкинских беспорядков 24—25 марта 1927 г., но напечатанной в «Правде» лишь 10 апреля, утверждалось, что «взятие Шанхая» приведет к удовлетворению требований рабочих, что Чжан Цзолинъ является тем врагом, против которого ведутся боевые операции¹⁷⁹. Немецкий коммунист, специалист по Китаю, Виттфогель в статье, приуроченной ко второй годовщине со дня смерти Сунь Ятсена (15 марта 1927 г.), но опубликованной после шанхайского восстания, заметил, что «в соответствии с программой Сунь Ятсена гоминьдан в настоящее время стремится освободить Китай от милитаристских генералов»¹⁸⁰.

КПК, подобно московским руководителям и специалистам, не чувствовала приближающейся катастрофы, не была готова ее предупредить или смягчить ее последствия. Позже критики объясняли пассивность партии ее приверженностью «теории, которая отрицала фактически роль китайского пролетариата, как гегемона», и которая являлась «целиком плодом мелкобуржуазных элементов гоминьдана». Когда КПК не сумела принять активное участие в неудавшемся восстании шанхайских рабочих в феврале 1927 г., одна из партийных группировок выступила за «решительную поддержку революции». Однако реакция была весьма неопределенной. В одной из статей по этому поводу говорилось: «Партийное руководство было против революции, против решительной борьбы с правыми, и тем самым против проведения лозунга гегемонии пролетариата... Тем не менее... партийное руководство вынуждено было принимать решения, с которыми оно, по существу, не было согласно».

Во время мартовского восстания контакта с войсками не устанавливали, и «партия ничего не сделала, чтобы организовать по-настоящему восстание масс». По прямому указанию из Москвы, партия отдала единственное твердое распоряжение — собирать и прятать оружие, находящееся в руках рабочих. С оружием рабочие расставались неохотно и при условии, что оно будет храниться в штаб-квартирах профсоюзов. Но именно эти здания войска заняли в первую очередь во время переворота 12 апреля 1927 г.¹⁸¹

Запутанная ситуация стала быстро проясняться, когда войска Чан Кайши овладели городом, и еще больше, когда 26 марта 1927 г. прибыл он сам. Под вопросом оказались полномочия временного муниципального правительства, законность рабочей милиции. Более или менее дисциплинированная армия не так уж охотно бралась с не признававшими никакого порядка партизанами или марширующими рабочими. Но даже в этот момент шанхайский Генеральный совет профсоюзов, видимо, и не подозревал о том, что назревало. 4 апреля 1927 г. он издал манифест, в котором говорилось: «Мы одержали великую победу, но это только первый шаг к окончательной победе»; опасения выражались лишь по поводу возможной иностранной интервенции¹⁸².

Между тем Чан Кайши продемонстрировал свою восприимчивость к обращениям относительно установления законности и порядка; и вскоре стало ясно, что ему не нужны ни коммунисты, ни революционные рабочие. На коммунистов и профсоюзных агитаторов провели облаву, к глубокому удовлетворению богатых китайских торговцев и иностранцев, окопавшихся в своих концессиях. Затем на рассвете 12 апреля 1927 г., по сигналу, во всем городе началось массовое избиение истинных и подозреваемых коммунистов и активных членов рабочих организаций. Официальным декретом Генеральный совет профсоюзов был распущен, а его руководителя Ван Шухуа после пыток расстреляли¹⁸³. Завоевав, таким образом, благосклонность китайской буржуазии и иностранных держав, Чан Кайши создал 18 апреля 1927 г. в Нанкине новое Национальное правительство, в противовес остаткам правительства в Ухане. Маскировать свой отход от дела революции и свое контрреволюционное лицо он больше не мог.

Между тем советские интересы и престиж в Китае понесли дополнительный урон. С апреля 1926 г. Пекин находился под косвенным, но эффективным контролем Чжан Цзолина, чья позиция в Маньчжурии сделала его непримиримым врагом Советского правительства¹⁸⁴, и отношения между Москвой и марионеточным режимом в Пекине ограничивались периодическими бесплодными протестами по поводу своевольных акций Чжана на Китайско-Восточной железной дороге¹⁸⁵. Не было никаких сомнений в том, что вызов Карахана в Москву в сентябре 1926 г. явился следст-

вием возобновившегося давления со стороны Чжана¹⁸⁶. Полное крушение центральной власти в Северном и Центральном Китае в течение зимы 1926/27 г. в сочетании с растущей враждебностью к русским и коммунистам, еще больше разжигавшейся западными державами, сделали положение советских граждан и официальных лиц в Китае опасным. 28 февраля 1927 г. советский пароход «Память Ленина», шедший вверх по Янцзы в Ухань, был захвачен местным милитаристом, действовавшим вкупе с группой русских эмигрантов¹⁸⁷. Он арестовал советскую судовую команду, а также жену Бородина и трех ехавших на пароходе советских курьеров и переправил их в Цзинань. Поток советских протестов беспомощному пекинскому правительству¹⁸⁸ не дал никаких результатов. Через несколько недель жену Бородина и трех курьеров перевели в Пекин, где их допрашивали относительно содержания дипломатической почты и в конце концов в июле 1927 г. освободили. 47 членов команды еще много месяцев томились в тюрьме¹⁸⁹.

Второе нападение на советских граждан было более серьезным и значительным и совершено по инициативе Чжан Цзолиня, который контролировал пекинское правительство, а также с молчаливого согласия дипломатического корпуса. 6 апреля 1927 г. пекинская полиция произвела налет на ряд зданий, расположенных на территории советского посольства, включая канцелярию военного атташе (здание самого посольства не тронули¹⁹⁰), арестовала целый ряд советских граждан (15 человек было помещено в тюрьму) и 30 или более работавших там китайцев. В числе последних оказались Ли Дачжао и еще 19 коммунистов-руководителей, которые через несколько дней были расстреляны, очевидно, после жестоких пыток. Полиция захватила целую кучу секретных документов¹⁹¹. На энергичные дипломатические протесты, прежде всего на длинную ноту от 2 апреля 1927 г., переданную Литвиновым в Москве китайскому поверенному в делах, последовало встречное обвинение в том, что помещения советской миссии использовались для укрывательства членов гоминьдана и КПК, проводивших подрывную работу против существующего режима. Одновременно указывалось, что налет был осуществлен по приказу Чжан Цзолиня и с разрешения дипломатического корпуса¹⁹². Советский поверенный в делах 16 апреля 1927 г. сообщил в Москву, что на территории британской дипломатической миссии, у ограды, отделяющей ее от советской дипломатической миссии, сооружена насыпь, с которой солдаты ведут наблюдение за всем, что происходит на территории советского посольства¹⁹³. В ноте протеста от 9 апреля 1927 г. Литвинов заявил, что если китайские военные и полиция не покинут советские помещения и не возвратят захваченные документы и другое имущество, советская дипломатическая миссия будет отозвана и в Пекине останутся только служащие консульства. 22 апреля 1927 г. он информировал китайского поверенного в делах, что, поскольку советские требования отклонены или оставлены без внимания, объявленная мера

«будет осуществлена»¹⁹⁴. Через несколько дней советский поверенный в делах и его служебный персонал покинули Пекин. В редакционной статье от 30 апреля 1927 г. «Правда» назвала убийство арестованных китайских коммунистов преступлением не только одного Чжана, но и «международного империализма», и сравнила его с убийством Либкнехта и Люксембург и со зверствами режимов Хорти, Муссолини и Цанкова. Быстрое опубликование на английском и японском языках выдержек из якобы захваченных документов свидетельствовало о горячем стремлении пекинского правительства и его иностранных покровителей дискредитировать коммунистическое движение и Советское правительство. Данные события, по времени совпавшие с вероломством Чан Кайши в Шанхае, довершили поражение и дискредитацию дела Советов и коммунизма в Китае.

г) Разногласия в Москве

Катастрофа в Шанхае явилась для партийных руководителей в Москве еще более серьезным ударом, чем грубый произвол в Пекине, прежде всего потому, что фиаско их политики в Китае делало их уязвимыми для нападок со стороны оппозиции. Несколько дней они избегали касаться проблемы. И когда Сталин выступил 29 марта 1927 г. на V конференции комсомола (в это время ситуация в Шанхае уже стала критической), прервав свое четырехмесячное молчание вокруг китайских дел, то заговорил главным образом о недавних расстрелах в Нанкине, которые приписал стремлению империалистов перейти «от вооруженного мира к вооруженной войне против китайского народа». Сталин все еще сохранял надежду на новое «сплочение гоминьдана» и новую передвижку влево. Он лишь вскользь назвал Шанхай, не упомянул вовсе ни КПК, ни Чан Кайши и закончил упреком в адрес «мудрецов из консервативного лагеря»¹⁹⁵. В своей резолюции конференция осудила «кровавую провокацию англо-американского империализма в Нанкине», которая, тем не менее, «еще больше укрепит китайскую революцию, объединив вокруг гоминьдана самые широкие слои китайского народа»¹⁹⁶. Через два дня Троцкий дал свой первый залп по китайской проблеме в виде переданной в Политбюро памятной записки, которая положила начало длительным и ожесточенным спорам между большинством и оппозицией.

Остается неясным, когда Троцкий начал считать вступление КПК в гоминьдан тяжелой политической ошибкой¹⁹⁷. Косвенные доказательства говорят о том, что серьезно заняться китайским вопросом его побудил Радек, который, будучи в немилости с января 1924 г. из-за фиаско в Германии и из-за своей дружбы с Троцким¹⁹⁸, был назначен директором недавно созданного Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена¹⁹⁹. В июле 1926 г. и

снова в письме от 28 сентября того же года Радек, вероятно, под воздействием вопросов китайских студентов, обратился в Политбюро за разъяснениями относительно политики в Китае. Он указал на затруднения, связанные с установлением Чан Кайши после событий 20 марта 1926 г. при поддержке Бородина «военной диктатуры»; с занятой по отношению к рабочим и крестьянам позицией; с «полуменьшевистским тоном» заявлений КПК, принижавшей классовую борьбу. Политбюро не соизволило ответить на эти вопросы²⁰⁰. Вероятно, Троцкий был информирован о сомнениях и затруднениях Радека. В письме к Радеку, написанному 30 августа 1926 г. во время отпуска в Кисловодске, он изложил свои довольно неопределенные взгляды на отношения КПК и гоминьдана. Весь вопрос заключался в том, была ли сама партия достаточно сильной, чтобы руководить рабочим движением. Троцкий считал, что это было так; однако это еще требовалось доказать²⁰¹. В последующие месяцы его точка зрения стала менее гипотетической. В неопубликованной памятной записке от 27 сентября 1926 г. Троцкий утверждал, что, если участие в гоминьдане было правильным вплоть до 1925 г., когда «коммунистическая партия представляла собой пропагандистское общество, которое только подготавливало себя для будущей самостоятельной политической деятельности», то теперь настало время превратить КПК в самостоятельную партию, образующую блок с гоминьданом, и что вина за ошибки, допущенные в резолюции КПК от 14 июля 1926 г., лежала на «руководящей группе в нашей партии», поскольку линия на дальнейшее пребывание в гоминьдане «диктовалась из Москвы»²⁰². В другой памятной записке, подготовленной в тот же период к XV конференции ВКП(б), проходившей в октябре 1926 г., Троцкий осудил «оппортунистический характер» партийной линии и повторил, что «Китайская компартия не может далее оставаться лишь пропагандистской группой в гоминьдане, а должна ставить перед собой задачи *самостоятельной классовой пролетарской партии*»²⁰³. Но сказав так много, он вновь позволил вопросу отойти на второй план. И данный вопрос не поднимался ни им самим, ни кем-либо из оппозиции ни на партийной конференции, ни на VII пленуме ИККИ, состоявшемся месяц спустя²⁰⁴.

Быстрое развитие событий в Китае вместе с дальнейшими инициативами Радека, наконец, вынудили Троцкого прервать молчание. В августе 1926 г. бывший руководитель КИМа Далин, который в тот момент работал в Университете им. Сунь Ятсена и который в 1922 г. первым обсуждал с Сунь Ятсеном план вхождения китайских коммунистов в гоминьдан²⁰⁵, выехал в командировку в Китай и, по всей вероятности, сообщал Радеку о своих наблюдениях²⁰⁶. Радек в статье от 6 февраля 1927 г. в осторожных словах выразил разочарование тем, что гоминьдан не осуществил социальных реформ в районах, находящихся под его контролем. Главная проблема заключалась в «отсутствии решительной крестьянской политики». Помещики организовывали и вооружали «кулац-

кие отряды», и национально-революционные армии «не везде помогали революционным силам»²⁰⁷. Но 3 марта 1927 г. он направил Троцкому памятную записку, в которой, защищая «нашу точку зрения о недопустимости вступления Китайской компартии в гоминьдан», доказывал, что на данном этапе революции формальный выход из гоминьдана был бы неразумным. Вместе с тем следовало бы побудить КПК занять самостоятельную линию по таким вопросам, как отмена арендной платы и принудительный арбитраж. Далин добавил, что «наши ошибки» помогли объединить мелкую и крупную буржуазию и что «это может означать поражение Китайской революции на целый ряд лет». Троцкий ответил на следующий день сердито и бескомпромиссно. Он признал, что недостаточно тщательно следил за событиями в Китае, чтобы сказать, когда следовало поставить вопрос о выходе из гоминьдана — в 1923, 1924 или 1925 гг. Теория об этапах и незрелых условиях в Китае для массовой рабочей партии сыграла на руку Сталину. Если КПК *не хотела* выйти из гоминьдана, то это доказывало, что она является *партией меньшевиков* и что нужно создавать большевистскую партию²⁰⁸.

Острый кризис в Шанхае, который подкрепил протесты Троцкого и сообщения Далина, побудил теперь импульсивного Радека сжечь за собой все мосты. По случаю смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г., а также на следующий год Радек написал статьи, посвященные его памяти, которые опубликовала газета «Правда»²⁰⁹. В 1927 г. памятная статья Радека появилась уже не в «Правде», а в газете «Известия», что само по себе, вероятно, означало знаменательную перемену. Статья была более обширной и основательной, чем предыдущие, и, не будучи откровенно крамольной, все же содержала некоторые реалистические моменты, не особенно удобные для защитников официальной политики. «Китайская буржуазия, — писал Радек, — принимая участие в национально-освободительном движении, старается нанести *удар* по левому его сектору — коммунистам и левому гоминьдану»²¹⁰.

Выступая 17 марта 1927 г., в Университете им. Сунь Ятсена, Радек открыто критиковал неспособность Коминтерна поддержать рабочих в их борьбе против националистических руководителей. На следующий день в речи в Коммунистической академии он доказывал, что китайская революция может пребывать или на буржуазной, или же на социалистической стадии; что бессодержательное понятие «некапиталистический путь» лишь затушевывает проблему. С вызывающей откровенностью, от которой он еще не отвык, Радек заявил, что Национальное правительство — это «правительство капиталистической буржуазии», и предсказал, что настанет момент, когда «наши товарищи выйдут на улицу и свергнут диктатуру генералов», когда начнется «открытая борьба за свержение буржуазии». И тут в борьбе против Радека сплотились «буквально все», и в первую очередь представители восточного Секретариата Коминтерна: Раскольников, Шумяцкий, Мар-

тынов, Иоффе и Ворошилов. Они отрицали наличие какого-либо кризиса и объясняли критику Радека «паникой» и «ультралевым» неверием в способность китайского пролетариата захватить власть²¹¹.

Между тем события в Китае подтвердили самые худшие опасения Троцкого. 22 марта 1927 г. в частной памятной записке он выразил крайнюю тревогу относительно поворота дел в Шанхае и высказался за дискуссию в Политбюро. Но и тогда он не думал, что коммунисты могут перестать поддерживать правительство в Ухане, национально-революционные армии или отказаться от участия в Национальном правительстве. Троцкий понимал опасность того, что его противники в Политбюро «превратят вопрос во фракционную перебранку вместо серьезного его обсуждения», но решил, что не может молчать, когда «на карту поставлена судьба авангарда пролетариата»²¹². В письме от 29 марта 1927 г. к одному из членов партии, написавшему книгу о Китае, он настаивал на том, что в Китае не два, а три лагеря: реакционеров, либеральной буржуазии и рабочих. Гоминьдан и КПК являлись партиями двух различных классов. Ему было непонятно, «почему в Китае не выдвинут лозунг о Советах»²¹³.

Такова предыстория направленной в Политбюро памятной записки Троцкого от 31 марта 1927 г. Документ начинался с жалобы Троцкого на то, что он лишен доступа к конфиденциальным сообщениям представителей Коминтерна или советских советников в Китае. Указав на растущую силу восставших рабочих и крестьян, которые только и могут спасти революцию от переворота, он спросил, почему они не получили поддержки. Он специально не поднимал вопроса о «взаимоотношениях Китайской компартии и гоминьдана», но выступал за создание рабочих Советов и полагал, что в условиях советской системы этот вопрос автоматически был бы поставлен в правильной форме²¹⁴. Через три дня Троцкий передал в «Правду» более резкую статью, которую не опубликовали. В ней он окрестил Чан Кайши «китайским Пилсудским» и назвал участие КПК в гоминьдане «неравноправным договором» между китайским пролетариатом и буржуазией. Он выразил протест против «политики стреноженной коммунистической партии, выполняющей роль вербовщика рабочих для гоминьдана». По его словам, подобная политика могла привести только к «успешному установлению фашистской диктатуры в Китае»²¹⁵.

Эта критика и события в Шанхае вызвали в партии определенную тревогу, которую Сталин и Бухарин стремились рассеять. 4 и 5 апреля 1927 г. в Колонном зале Дома союзов состоялось собрание актива Московской партийной организации. В первый день на нем выступил Бухарин, на второй — Сталин, а также Радек²¹⁶. Стрельбу по китайским рабочим и крестьянам Бухарин оправдывал недостаточным контролем гоминьдана в центре. Он резко критиковал Радека за неспособность распознать наличие феодализма в Китае и за вытекающее отсюда неприятие бур-

жуазного характера революции. По словам Бухарина, борьба против феодализма и борьба против империализма — это насущные задачи буржуазной революции. В Китае сопротивление иностранному капиталу будто бы настолько велико, что значительная часть буржуазии находится пока в одном блоке с широкими массами²¹⁷.

Сталин, предлагая тот же самый анализ, резко осудил любые акции против правых гоминьдановцев. «Зачем устраивать переворот? — спросил он. — Зачем изгонять правых, если у нас большинство, и правые должны к нам прислушиваться?»²¹⁸. Он также критиковал лично Радека и осудил пророчества относительно катастрофы как проявление чрезмерной «революционности». «Бородин, — заявил Сталин с уверенностью — не спит». Чан Кайши будто бы «на десять голов выше Церетели и Керенского»; первый сражается с империализмом, а последние сражались в империалистической войне. Сталин добавил, что Чан Кайши, хотя и не испытывая большой любви к революции, все же ведет свои войска против империалистов, что «правые» имеют ценные контакты с генералами Чжан Цзолиня и с богатыми торговцами, которые располагают деньгами, нужными революции. «Их следует, — якобы сказал Сталин, — использовать до предела, выжать подобно лимону, а затем выкинуть»²¹⁹.

Сигнал о необходимости сделать Радека главным объектом критики был подхвачен партийной прессой. В часто цитировавшейся статье Мартынова, появившейся в «Правде» 10 апреля 1927 г., критиковались «отдельные члены оппозиции», однако по фамилии упоминался только Радек. Мартынов вознамерился доказать, что резолюция VII пленума ИККИ по Китаю продолжала оставаться действенным и адекватным руководством для выработки и политической линии. Он критиковал Радека за непонимание крайней важности борьбы против империализма²²⁰. Как писал Мартынов, линия Радека просто «выдала бы с головой гоминьдан крупной буржуазии», сделав неизбежным блок крупной и мелкой буржуазии и привела бы к «разрыву революционного фронта» Только Троцкий в неопубликованном комментарии от 12 апреля 1927 г. на статью Мартынова с иронией спросил: «Кому же не известно, что буржуазия скорее предпочтет быть обезглавленной собственным пролетариатом, чем сотрудничать с иностранными эксплуататорами?» И он предсказал, что, если подвернется шанс, китайская буржуазия «придет к соглашению с иностранными правителями, то есть дисконтирует кровь Гонконга, Шанхая и Нанкина с большой для себя выгодой»²²¹.

Переворот в Шанхае 12 апреля 1927 г. грубо пресек этот самообман. Вся степень предательства Чан Кайши трудно было представить. И хотя редакционная статья газеты «Правда» от 15 апреля 1927 г. возложила главную вину на империалистов, она без колебаний осудила и Чан Кайши как «палача шанхайского

пролетариата» и заявила, что этим актом открылась *«новая глава в истории великой борьбы за освобождение Китая»*, в которой надежды должны быть связаны с *«революционным гоминьданом, с гоминьданом без Чан Кайши»*. ИККИ в опубликованном тут же манифесте заклеил Чана предателем; в отдельном обнародованном заявлении, которое подписали Эмбер-Дро, Шмераль, Куусинен и Мерфи, говорилось, что «Чан Кайши перешел на сторону империалистов»²²². В качестве ответной меры Троцкий в заявлении от 16 апреля 1927 г. потребовал создать китайские Советы, хотя и отрицал, что это будет равноценно разрыву с левым гоминьданом²²³. Но официальная реакция была все еще осторожной и неопределенной. На IV Всесоюзном съезде Советов 19 апреля 1927 г. Рыков произнес сбивчивую и далекую от реальностей речь. Он изобразил Китай и СССР главными объектами империалистической агрессии. Переворот в Шанхае упомянул лишь один раз, заметив, что «последние события на юге Китая — раскол национального лагеря, переворот Чан Кайши — происходят не без предварительной закулисной подготовки со стороны некоторых представителей империалистических государств»; он потратил много времени, доказывая, что Бородин не является представителем Советского правительства²²⁴. В резолюции съезда, в которой осуждался налет на советское посольство в Пекине и выражалось «сочувствие национальному освободительному движению китайского народа», Чан Кайши вообще не упоминался²²⁵. Между тем 18 апреля 1927 г. Секретариат Коминтерна разослал партийным руководителям очередной циркуляр, приглашая поставить автограф на своих портретах для подношения их Чан Кайши. Впоследствии Троцкий в связи с этим опубликовал гневный протест²²⁶.

К этому времени было уже невозможно скрыть размеры шанхайской катастрофы. Отчет о том, что происходило на Пленуме Центрального Комитета партии 13—16 апреля 1927 г., не публиковался. Было лишь сообщено, что утверждены постановления Политбюро по различным международным вопросам, включая китайский, и «решительно отвергнута», по словам Сталина, «платформа оппозиции»²²⁷. Поскольку, очевидно, главным в китайском вопросе являлся налет на советское посольство в Пекине²²⁸ и поскольку сообщения из Шанхая, по всей вероятности, были все еще неполными и противоречивыми, весьма возможно, что сложную проблему, касавшуюся Чан Кайши и гоминьдана, пока просто отложили. Примерно в это же самое время в журнале Коминтерна появилась редакционная статья без подписи, в которой самоуверенно объявлялось, что «Коминтерн предвидел» предательство Чан Кайши и в резолюции VII пленума ИККИ в декабре 1926 г. предусмотрел «исключение значительной части капиталистической крупной буржуазии» из антиимпериалистического фронта. Автор статьи поздравил КПК с «быстрым ростом влияния» и закончил приветствием в адрес шанхайских рабочих, «революционного го-

гоминьдана» и КПК, являющихся авангардом в борьбе против иностранного империализма и против опасности войны²²⁹. Однако факты были слишком драматичны и неприятны. В неопубликованной записке от 19 апреля 1927 г. Троцкий сравнивал проблему гоминьдана и КПК с проблемой Англо-русского комитета; в обоих случаях предполагаемые союзники оказались предателями²³⁰. Должно быть, примерно в это время в Москву поступило письмо из Шанхая от трех членов приехавшей туда группы или делегации Коминтерна, датированное 17 марта 1927 г. и адресованное Центральному Комитету партии. Авторы письма, написанного до переворота в Шанхае, но в тот период, когда приближавшуюся развязку можно было предвидеть, до мельчайших подробностей анализировали политику Коминтерна за прошедший год и доказывали полную невиновность КПК, которая только уступала постоянному давлению Бородина и Войтинского. Письмо не публиковалось и не распространялось, но его содержание быстро стало известным членам оппозиции²³¹.

Нужно было считаться с реальной действительностью. И 21 апреля 1927 г. «Правда» напечатала «тезисы для пропагандистов», одобренные ЦК и (что особо подчеркивалось) составленные Сталиным, под общим заглавием «Вопросы китайской революции». В них он тихо отошел от прежней точки зрения, что «единый национальный фронт» против империализма уже стал непригоден для совместных действий из-за отхода «соглашательской части» буржуазии, которую высказывал в мае 1925 г., но которая никогда не принималась всерьез²³². Теперь он определил «первый период китайской революции», который продолжался до начала Северного похода в июле 1926 г., как «революцию объединенного общенационального фронта». Предпринятая Чан Кайши в марте 1926 г. попытка «изгнать коммунистов из Гоминдана» была «первой серьезной попыткой национальной буржуазии обуздать революцию». Создание в феврале 1927 г. «нового центра» правительства в Наньчане явилось признаком «перегруппировки классовых сил». Шанхайским переворотом 12 апреля 1927 г. завершился «отход национальной буржуазии от революции» и начался ее второй этап. А из этого следовало, что прежняя политика, то есть «политика сохранения единства Гоминдана, политика изоляции правых внутри Гоминдана и использование их для целей революции», стала уже неэффективной. Теперь требовалось «тесное сотрудничество левых и коммунистов внутри Гоминдана». Оно должно было усиливаться за счет «дальнейшего развертывания революционного движения рабочих и крестьян и укрепления их массовых организаций»; вооружение рабочих и крестьян явилось бы «главным противоядием против контрреволюции». Тезисы заканчивались разделом об ошибках оппозиции, названной «Радек и компания» (другие фамилии не упоминались). К числу ошибок относились: отставание неверных представлений о Советах и отказ от дальнейшего участия в гоминьдане²³³.

На эти тезисы Троцкий ответил полной презрительных замечаний статьей (предназначенной для публикации в «Большевике»), которую Политбюро отвергло²³⁴. После бесплодных попыток вызвать дискуссию по этой проблеме среди руководителей партии²³⁵ Троцкий сочинил серию контртезисов от 7 мая 1927 г. (послесловие датировано 17 мая), которые были распространены среди делегатов, прибывших в Москву на VIII пленум ИККИ, открывшийся 19 мая 1927 г.²³⁶

Исследования Троцкого, подготовленные в первые месяцы 1927 г. и обсуждавшиеся перед VIII пленумом ИККИ и во время его работы, основывались на посылке, что прецеденты для китайской революции следует искать в русской революции не 1905, а 1917 года²³⁷. По существу, это было применение к китайской революции теории, сформулированной Троцким между революциями 1905 и 1917 годов, о неизбежном перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую²³⁸. Троцкий ведь так и не принял определения Лениным революции 1905 года как «революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян». Разногласия между ними сложились в 1917 г. Однако Троцкий вспомнил эту формулировку, применительно к китайской революции, после шанхайского переворота Чан Кайши в апреле 1927 г. и создания уханьского правительства, и повторно ее осудил. *«Этот исторически устаревший лозунг, — писал Троцкий в записке от сентября 1927 г., — станет оружием сил, действующих против революции»*²³⁹.

Он имел в виду заявление Ленина от 1917 г., где он объявил о переходе от первого, исключительно буржуазного, этапа революции ко второму ее этапу, для которого характерна революционная диктатура рабочих, крестьянских и солдатских Советов. Поскольку, считал Троцкий, в Китае крупная земельная собственность была по сути не феодальной, а связанной с городским капиталом — местным и иностранным, — китайская аграрная революция не должна была проходить этап, который соответствовал бы периоду, наступившему сразу же после Октябрьской революции, когда вместе с бедняком и середняком против помещиков выступил и кулак. По его представлениям, аграрная революция в Китае с самого начала должна была быть направлена не только против помещиков и чиновничества, но и против кулаков и ростовщиков²⁴⁰. В этих условиях была необходима поддержанная бедным крестьянством диктатура пролетариата, который в процессе завершения буржуазной революции одновременно приступил бы к революции социалистической²⁴¹. В своих контртезисах Троцкий совершенно недвусмысленно выдвинул требование относительно Советов. *«Лозунг Советов, — писал он, — означает призыв к созданию реальных правительственных органов через переходный режим „двоевластия“»*. Троцкий полагал, что Советы были бы самой важной формой революционного действия, поскольку они отождествляются с диктатурой пролетариата. Вторя знаменитому

изречению Плеханова о русской революции, Троцкий заявил: *«Китайская буржуазно-демократическая революция пойдет вперед и восторжествует только в форме Советов или же никогда не восторжествует»*²⁴².

Представители официальной линии настаивали на подчинении классовой борьбы нуждам единого национального фронта против империализма, и поэтому на подчинении КПК гоминьдану, следуя линии, ранее проводившейся по отношению к турецким коммунистам²⁴³. Троцкий, который полагал, что дальнейшее развитие революции зависит от перехода к социалистическому этапу, вполне логично пересмотрел и приоритеты, осудив принесение рабочих и крестьян в жертву Чан Кайши как чистый меньшевизм. В записке по поводу статьи Мартынова в «Правде» от 10 апреля 1927 г. он заметил, что Мартынов, который до 1917 года являлся меньшевиком, «слово в слово, буква в букву защищает в отношении Китая ту же самую политику, которую он в 1905 году и в последующий период защищал в отношении России»²⁴⁴.

Эти разногласия достигали своей кульминации в противоположных взглядах относительно гоминьдана и уханьского правительства. До последнего момента Коминтерн придерживался мнения, что уханьское правительство можно было бы превратить в революционный инструмент, верный делу демократической диктатуры. Прочность позиции Троцкого связана с признанием того факта, что революционные силы Китая — это величина иного порядка, отличающаяся от слабых сил турецких или персидских революционеров, а также с предсказанием, что прагматические уловки официальной политики обречены на провал. Он предвидел, что раскол между крупной и мелкой буржуазией и альянс последней с пролетариатом окажутся кратковременной иллюзией. Мелкой буржуазии была ближе крупная буржуазия, а не рабочие и крестьяне. Это делало бессмысленным представление о гоминьдане как коалиции различных классов и означало, что гоминьдану вообще нельзя доверять, ни правому, ни левому. Гоминьдан и КПК являлись партиями различных классов и не могли слиться. Гоминьдан представлял собой союз буржуазно-демократического национального движения с «реформистским» социализмом Сунь Ятсена. По существу, суньятсенизм был «мелкобуржуазной доктриной... направленной не только против империализма, но и против пролетарской классовой борьбы». На самом же деле шла «борьба пролетариата с буржуазией за руководство угнетенными массами города и деревни в рамках и на базе национально-демократической революции». Для этого было необходимо иметь *«самостоятельную пролетарскую партию, которая борется под собственными знаменами и никогда не допустит, чтобы ее политика и организация растворились в политике и организации других классов»*²⁴⁵. Как заявил Радек, «главная ошибка Коминтерна заключается в недооценке классовых противоречий между про-

летариатом и буржуазией в Китае и в переоценке противоречий между империализмом и крупной буржуазией»²⁴⁶.

Взглядам Троцкого были присущи теоретическая обоснованность и последовательность, в противоположность путаным мнениям партийных руководителей в Москве. Однако, не в пример официальной линии, они никогда не подвергались жесткой проверке практикой на местах. Тот факт, что в Китае имело место мощное революционное брожение и что рабочие и еще больше крестьянские массы представляли собой потенциальных революционеров, не вызывает никаких сомнений. Неоспоримо и то, что это стихийное движение тормозилось и сдерживалось по указаниям из Москвы, что в конечном итоге привело к катастрофическим последствиям для китайских коммунистов. В этом плане, как утверждал Троцкий, Сталин «на многие годы вперед перерезал горло китайской революции, а с ней и молодой Китайской компартии»²⁴⁷. Однако не так-то просто согласиться с мнением Троцкого (открыто не высказанным, но лежащим в основе всей критики Троцким официальной политики), что эти массы без всякой материальной поддержки, которую Москва была не в состоянии обеспечить, следуя лишь энергичному призыву КПК или Коминтерна, смогли бы сплотиться в мощное революционное движение, способное смести контрреволюционных военных лидеров и успешно противостоять империалистическим державам²⁴⁸.

Но даже события 1927 г. лишь слегка приглушили революционный оптимизм Троцкого. В неопубликованной статье от 11 мая 1927 г., написанной для газеты «Правда», он говорил о предстоящей «через несколько месяцев» новой волне революционных действий пролетариата. А в записке от 20 сентября 1927 г. речь у него шла о новом революционном подъеме «через шесть месяцев, через год или даже через несколько лет»²⁴⁹. Вместе с тем Троцкий так же твердо, как и руководители партии, верил в необходимость гегемонии пролетариата в революционном движении²⁵⁰. Представление о революционной инициативе, исходящей от крестьянства, было для него равносильно святотатству. «Революционное брожение» среди крестьян в Юго-Западном Китае не побудило его к изменению данной точки зрения. «Совершенно очевидно, — писал Троцкий, — что это движение было бы только запоздалым отзвуком сражений в Шанхае, Ханькоу и Кантоне... В рассматриваемый период — это лишь одна из форм разложения и ликвидации Китайской компартии, ибо партия, лишенная пролетарского ядра, перестает соответствовать своему историческому предназначению»²⁵¹. И хотя критика Троцкого в адрес партийных руководителей являлась обоснованной, тем не менее остается неясным: оказался ли бы более эффективным предложенный им, а не ими, метод действий. Китайской революции предстояло развиваться путем, никем в Москве не предусмотренным.

Последнее заявление по Китаю накануне VIII пленума ИККИ Сталин сделал 13 мая 1927 г. перед студентами Университета им. Сунь Ятсена, где ему пришлось столкнуться с целым шквалом, безусловно, тщательно отобранных вопросов. Он вновь уверял, что гоминьдан «есть партия *антиимпериалистическая*» и что «Гоминдан без правых гоминдановцев является центром борьбы китайских трудящихся масс *против* империализма». В порыве чрезмерного оптимизма он объявил, что конфискация земли в некоторых районах уже проводится и в ближайшее время охватит весь Китай. Данное обстоятельство использовалось для доказательства, что предательство Чан Кайши вовсе не привело к упадку революции, а только к очищению гоминьдана от «скверны» и «передвижке ядра Гоминдана влево». Сталин заметил, что «уханское правительство не есть еще демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», но «может стать таковой»; правда, он отверг идею Мартынова, высказанную в одной из опубликованных в «Правде» статей (которую Сталин, по собственному признанию, не читал), о том, что переход от демократической диктатуры к диктатуре пролетариата может совершиться «без „второй“ революции», то есть мирным путем. Вовсе не добиваясь свержения уханьского правительства, сказал Сталин, коммунисты должны превратить его в «орган борьбы против Чжан Цзо-лина, против Чан Кай-ши, против помещиков и джентри, против империализма». Он еще раз отклонил требование организации Советов как преждевременное, осуществление которого означало бы лишь попытку создать органы власти, соперничающие с уханьским правительством²⁵². Политика представлялась ясной. Ее единственный дефект заключался в том, что она не брала в расчет условий в Ухане. Двое присутствовавших процитировали высказывания Радека, которые Сталин вежливо, но твердо отверг. Примерно в это время Радека сместили с поста директора университета и назначили на эту должность его заместителя Мифа²⁵³.

Новое унижение, налет на помещение акционерного торгового общества «Аркус» в Лондоне, совершенный 12 мая 1927 г. с явным намерением вызвать разрыв отношений с СССР, на несколько дней отвлекло внимание от китайской проблемы. 23 мая, на четвертый день работы VIII пленума ИККИ, Бухарин наконец представил доклад по Китаю. Тезисы Зиновьева, изложенные Центральному Комитету партии за месяц до этого, и контртезисы Троцкого к тезисам Сталина оказались удобными целями. Противоречия в формулировках Зиновьева и двухлетнее замалчивание Троцким китайской проблемы Бухарин превратил в пункты горячих дискуссий и искусно проанализировал критику Троцкого. По сути, он повторил доводы Сталина. Революционное движение рабочих и крестьян, сказал Бухарин, нужно поощрять и поддерживать, однако необходимо, чтобы КПК осталась в гоминьдане и сотрудничала с левогоминьдановцами в лице уханьского правительства²⁵⁴.

В заявлении оппозиции Ван Цзинвэй и уханьское правительство обвинялись в том, что они «заигрывают с буржуазией и тормозят рабоче-крестьянское движение»²⁵⁵. Дебаты были острыми, и Троцкий весьма постарался влить свою долю желчи в общую ядовитую атмосферу. Его речь, в которой он обвинил Бухарина в фальши и лжи, неоднократно прерывалась²⁵⁶. Сталин начал в более умеренном, чем обычно, тоне, однако напомнил о критике Лениным теории перманентной революции Троцкого и о тезисах Ленина и Роя по колониальному вопросу на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. Эта была та самая речь, в которой Сталин, используя полученное в этот день сообщение о разрыве дипломатических отношений с Великобританией, выдвинул свое знаменитое обвинение: «Создается нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого». Стараясь изо всех сил опровергнуть проведенную Троцким аналогию между китайской ситуацией и революцией в России 1917 года, он сказал: «Россия стояла тогда перед пролетарской революцией, между тем как Китай стоит теперь перед буржуазно-демократической революцией... Временное правительство в России являлось тогда правительством контрреволюционным и империалистическим, тогда как нынешнее правительство в Ухане является правительством антиимпериалистическим и революционным в буржуазно-демократическом смысле этого слова». Призыв к созданию Советов, по словам Сталина, возник в результате смешения двух типов революции. «Возможно, — заявил он, — что в 1905 году в России не было бы Советов, если бы существовала тогда в России широкая революционная организация, вроде нынешнего левого Гоминдана в Китае». Сталин заключил ссылкой на Маркса, который в 1848 г., борясь с германским абсолютизмом, временно вступил в буржуазно-демократический союз в Рейнской провинции²⁵⁷.

Из всех выступавших Троцкого поддержал только Вуйович, который приводил длинные выдержки из речи Радека, безуспешно пытавшегося добиться от Политбюро заявления по поводу неопубликованной речи Сталина от 5 апреля 1927 г. («выжать подобно лимону»), произнесенной «почти в тот самый момент, когда рабочая кровь рекой текла по улицам Шанхая»²⁵⁸. Выступая вторично в дискуссии, Троцкий сделал поразительное предсказание. Он, в частности, заявил:

«Мы не хотим взять на себя даже тени ответственности за политику уханьского правительства или руководства гоминьдана, и мы настоятельно советуем Коминтерну снять с себя всякую ответственность. Мы говорим прямо крестьянам: руководители левого гоминьдана, вроде Ван Цзинвэя и компании, обязательно вас предадут, если вы пойдете за уханьскими правителями вместо того, чтобы сформировать собственные независимые Советы. Аграрная революция — это вещь серьезная. В сложных условиях политики ванцинвэйского типа десять раз объединятся с Чан Кайши против рабочих и крестьян... Мы говорим рабочим Китая:

крестьяне не доведут аграрную революцию до конца, если допустят, чтобы ими руководили буржуазные радикальные элементы, а не вы, революционные пролетарии».

В заключение он отметил, что *«китайская буржуазно-демократическая революция пойдет вперед и восторжествует только в форме Советов или же никогда не восторжествует»*²⁵⁹. И в совместном протесте против решения об исключении их из ИККИ Троцкий и Вуйович повторили, что «руководители гоминьдана в Ухане, вроде Ван Цзинвэя и компании, начинают заигрывать с буржуазией, чтобы затормозить движение земледельцев и рабочих, и если им не удастся остановить его, они объединятся с Чан Кайши против рабочих и крестьян»²⁶⁰. В последующие два месяца это пророчество сбылось полностью, не представив, однако, доказательств, что альтернативное предложение Троцкого относительно организации самостоятельного революционного движения рабочих и крестьян увенчалось бы большим успехом. Бухарин в заключительном выступлении, которое часто прерывалось Троцким, назвал взгляды Троцкого «настолько пессимистичными, что они противоречат действительности»²⁶¹.

Трудности возникли в комиссии в составе Бухарина, Тольятти и Трейнта, назначенной для подготовки нужной резолюции. Бухарин доказывал, что «если мы не сдержим аграрное движение, мы потеряем наших левых союзников, и нам будет невозможно завоевать большинство в гоминьдане». Трейнт возразил, что он скорее пожертвует левой национальной буржуазией, чем восставшими крестьянами. Сталин, которого позвал Бухарин, чтобы подавить бунт Трейнта, решительно объяснил, что нужно было выбрать между двумя альтернативами: «маневрировать или сражаться»; сражаться же означало — потерпеть неизбежное поражение. Трейнт заявил — к большой досаде Сталина и Бухарина — что представит свои возражения на следующий день общему собранию. Но когда настал такой момент, Трейнт, оказавшись перед лицом исключительно враждебно настроенной аудитории, не смог четко изложить свои соображения²⁶². Отвечая Трейнту, Тольятти вновь заявил, что выдвигать лозунг о создании Советов преждевременно и что КПК должна сохранить свое влияние в гоминьдане, который является массовой организацией рабочих, крестьян и мелкой буржуазии²⁶³. Окончательный текст резолюции оставлял открытым любые возможности. Он начинался с показного оптимизма, что «последние события целиком подтвердили точку зрения Коммунистического Интернационала относительно китайской революции и блестяще оправдали предсказание Ленина о ее международной роли». Признав «частичное поражение китайской революции и определенный прирост сил контрреволюционного блока», резолюция тем не менее обнаружила в «непрерывном росте коммунистической партии и левого гоминьдана» признак «дальнейшего развития и углубления китайской революции».

«Уханьское правительство и левый гоминьдан, — говорилось в

резолюции, — выражают собой по своей основной тенденции революционный блок городских и деревенских мелкобуржуазных масс с пролетариатом... Гоминьдан есть в Китае именно та специфическая китайская организация, где пролетариат сотрудничает непосредственно с мелкой буржуазией и крестьянством».

Необходимым компонентом этой революции была объявлена *«аграрная революция, включающая конфискацию и национализацию земли»*. И в то же время было необходимо гарантировать мелкой буржуазии «неприкосновенность ее трудового имущества». ИККИ подтвердил веру в «мощную революционную роль» левого гоминьдана и уханьского правительства и в необходимость дальнейшего участия в них коммунистов. «Знамя гоминьдана... не может быть уступлено изменникам этой борьбы». Однако «играть с восстанием» было недопустимым. «Тактика восстаний *во что бы то ни стало*, — говорилось в резолюции, — не есть ленинская тактика». Лозунг Советов был отвергнут, поскольку в сложившейся обстановке это вело к созданию соперничающей с уханьским правительством власти²⁶⁴. С помощью подобных хитроумных упражнений в беспочвенных фантазиях Сталин и Бухарин, должно быть, надеялись получить передышку. В путаной редакционной статье «Правда» разъясняла, что «противопоставление задач национальной революции задачам классовой борьбы китайского пролетариата», — это, по существу, «ликвидаторство». Вместе с тем все прямые предписания были негативными: не выходить из гоминьдана, не выходить из уханьского правительства, не создавать Советов. Утверждалось, что резолюция ИККИ представляет собой приложение «принципов ленинизма к великим событиям настоящего времени»²⁶⁵. Признаком неловкости, которую испытывали руководители, явился тот факт, что, вопреки установившейся практике, материалы VIII пленума ИККИ (за исключением текста резолюций) опубликованы не были. Сокращенная запись дискуссии по китайскому вопросу (на немецком языке) появилась год спустя²⁶⁶.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КИТАЙ

II. ОТЛИВ

а) Падение уханьского правительства

Поворот в политике Чан Кайши довершил деморализацию КПК. Большинство членов ее Центрального комитета в начале 1927 г. переехало в Ухань, хотя Чэнь Дусю и некоторые из высших руководителей остались в Шанхае, надежно укрывшись на территории французской концессии, где «они жили еще под гипнозом старой линии и не представляли себе революционного правительства без участия буржуазии»¹. Во все более накалявшейся обстановке все стороны с давней надеждой ожидали возвращения Ван Цзинвэя, который сдвинул бы дело с мертвой точки и примирил бы соперничающие группировки. Когда Ван Цзинвэй прибыл в Шанхай 1 апреля 1927 г., то первым его посетил Чан Кайши, который явно рассчитывал использовать Вана для того, чтобы преодолеть разрыв между Нанкином и Уханем и вернуть лояльность левого гоминьдана². Все еще надеясь сгладить разногласия, Ван направил свое внимание на КПК. 5 апреля 1927 г., после беседы, во время которой Войтинский якобы оказал давление на Чэнь Дусю, Ван и Чэнь опубликовали совместное заявление от имени гоминьдана и КПК. В этом документе КПК признавала, что гоминьдан «необходим китайской революции», что вопрос о диктатуре пролетариата и переходе от капитализма к социализму «в ближайшем будущем не возникнет» и что в данных условиях требовалась «для подавления контрреволюции не диктатура пролетариата, а демократическая диктатура всех угнетенных классов». Коммунистическая партия была представлена как неизменно выступающая за «поддержание порядка на освобожденных территориях» и за «сотрудничество всех классов»³. Заявление, в которое раболепство КПК перед гоминьданом достигло крайних пределов, Чэнь Дусю впоследствии назвал «позорным документом», принятым под давлением Коминтерна⁴. 6 апреля 1927 г. Ван Цзинвэй отправился на пароходе из Шанхая в Ухань. Его сопровождали Войтинский, Чэнь и другие остававшиеся в Шанхае руководители КПК. Группа прибыла в Ухань 10 апреля 1927 г.⁵

Дискуссии в Шанхае выявили, с одной стороны, четко выраженные честолюбивые замыслы Чан Кайши, а с другой — обычную склонность Ван Цзинвэя к умеренности и компромиссу. Но эти дискуссии не имели никакого отношения к напряженной ситуа-

ции, которая ожидала Вана в Ухане. Ограниченные владения уханьского правительства, представлявшие собой оазис среди враждебных и потенциально враждебных территорий, оказались лишенными нормальных торговых и иных связей с внешним миром. Его экономические и финансовые ресурсы иссякли. Непрерывные бунты были в такой же мере результатом экономической катастрофы и массовой безработицы, как и политического недовольства⁶. По словам одного комментатора, власти были «объаты страхом по поводу экономической блокады, вооруженной интервенции и повсеместных беспорядков среди народа», что делало их неспособными к действию⁷. Военному положению уханьского правительства нельзя было позавидовать. Нужных для конфронтации с Чан Кайши военных ресурсов не было вовсе. Надежды возлагались на Тан Шэнчжи, бывшего генерала в войсках У Пейфу и уроженца провинции Хунань, который перешел на сторону Чан Кайши, но теперь уверял в своей верности Уханю, а также на Фэн Юйсяна, чье сочувствие коммунистам и гоминьдану, подкрепленное недавним пребыванием в Москве⁸, казалось, гарантировало его помощь. Но Тан Шэнчжи, являясь соперником Чан Кайши, тем не менее не был сторонником социальной революции⁹. Когда же Сангурский, назначенный вместо Примакова советником к Фэн Юйсяну во время пребывания последнего в Москве, попытался уговорить Фэна взять на себя соответствующее обязательство, то Фэн уклонился от всякого обсуждения своих отношений с Чан Кайши¹⁰. Суровая истина, касающаяся уханьского правительства после разрыва с Чан Кайши, заключалась в зависимости от других военных лидеров, которые, как и Чан Кайши, были настроены антиимпериалистически, но которые, как и Чан Кайши после апреля 1927 г., враждебно относились к революции, преследующей иные цели. Левый гоминьдан больше не являлся революционной силой в том смысле, который вкладывал в это понятие и которого желал Коминтерн. Зажатый между двумя непримиримыми крайностями, левый гоминьдан вскоре вообще перестал быть действенной силой.

Шанхайский переворот Чан Кайши явился суровой реальностью, разрушившей этот картонный домик. В день прибытия Вана в Ухань местное правительство, пребывая все еще в состоянии эйфории, решило мобилизовать силы для похода на Шанхай. Через три дня, 13 апреля 1927 г., когда из Шанхая поступило сообщение о перевороте, решение спешно отменили¹¹. На следующий день несколько не обескураженный Ван Цзинвэй публично подтвердил три важных пункта своей программы: альянс с Советским Союзом, сотрудничество с коммунистами, защита интересов крестьян и рабочих¹². Ситуация, казалось, зашла в тупик. Прорыв совершил сам Чан Кайши, когда 18 апреля 1927 г. сформировал собственное Национальное правительство в Нанкине. На следующий день уханьское правительство смело ответило декларацией, в которой осудило действия Чан Кайши,

официально лишило его вместе с главными сообщниками государственных постов и изгнало из гоминьдана, назначив Фэн Юйсяна главнокомандующим вооруженными силами¹³. Через три дня находившаяся в Ухане делегация Коминтерна заклеймила Чан Кайши как «инструмент империализма» и определила совершенно недвусмысленно следующие обязанности уханьского правительства: *«Поддержанное совместными силами городской и деревенской демократии, то есть пролетариатом, крестьянством и мелкой буржуазией, национальное правительство будет в состоянии дать отпор атакам империализма и развивать революцию в направлении, которое приведет к консолидации его базы в народных массах»*¹⁴.

Цзян Цзинго, сын Чан Кайши и студент московского Университета им. Сунь Ятсена, написал отцу возмущенное письмо, которое было опубликовано в прессе Коминтерна¹⁵.

Эти жесты нисколько не способствовали решению проблем уханьского правительства или КПК. По несчастному стечению обстоятельств V съезд КПК должен был состояться в Ухане 27 апреля 1927 г., то есть через две недели после шанхайской бойни. Вряд ли можно было выбрать момент менее благоприятный, и прибывший Чэнь Дусю безуспешно пытался добиться отсрочки проведения съезда¹⁶. В руководстве партии наметились разногласия. В первые недели 1927 г. многие находившиеся в Ухане опьяненные успехами китайские коммунисты поверили, что «уже наступила Октябрьская революция, что уже можно кончать с гоминьданом, поскольку на повестке дня стоит вопрос о социализме»¹⁷. В феврале 1927 г. Пэн Шучжи¹⁸, ближайший сподвижник Чэня, опубликовал брошюру, в которой, развенчивая эти чрезмерные надежды, доказывал, что любая революция должна пройти через три этапа: агитации, организации и вооруженного восстания. Таким путем он давал понять, что китайская революция все еще пребывала на предварительном этапе. Пэн, очевидно, призывал к «полному прекращению военных действий» до тех пор, пока пролетариат не станет достаточно зрелым, чтобы взять на себя функции вождя революции. В следующем месяце Цюй Цюбо, честолюбивый член Центрального комитета, который некоторое время провел в Москве и лучше любого другого китайского руководителя был знаком с принятой в Коминтерне терминологией, опубликовал ответ Пэну, который представлял собой скрытую критику руководства Чэня, хотя фамилия последнего и не упоминалась. Цюй согласился, что китайский пролетариат, подобно китайскому крестьянству, имеет свои изъяны; он вырос из «люмпен-пролетариата». Но несмотря на слабости и малочисленность, китайский пролетариат стал «костяком национальной революции» и достиг такого уровня развития, что мог бы «захватить гегемонию в национальной революции». Тем не менее преобладание в китайском обществе крестьянства вынудило Цюй Цюбо признать, что «китайская революция не является социалистической именно

потому, что основу внутренних экономических потребностей страны составляет крестьянско-аграрная революция», и сделать следующий вывод: «Китайская революция — и буржуазная и не буржуазная, социалистическая и в то же время не социалистическая. Победа такой революции в конечном счете будет социалистической».

Сохранение «единого фронта» с национальной буржуазией было бы возможно только при условии, если «он не будет мешать работе среди крестьян». Брошюра, как видно, имела чисто умозрительный характер и была не богата конкретными предложениями. Но в ней содержался окончательный вывод о том, что партийное руководство «заражено болезнью оппортунизма»¹⁹.

В порядке подготовки к съезду были проведены очередные пленумы Центрального комитета, все члены которого теперь собрались в Ухане. В их работе участвовали Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Тань Пиншань, Цай Хэсэнь, Ли Лисань, Чжоу Энълай и Чжан Готао. Здесь также присутствовали Бородин, Войтинский и Рой. Для определения статуса данного расширенного органа, заседания которого проходили в доме Бородина, его впоследствии назвали Политбюро ЦК²⁰. Ситуация омрачалась и осложнялась не только разногласиями в самой КПК, но и присутствием двух соперничавших представителей Коминтерна — Бородина и Роя, — не имевших четко определенного и надежного положения. Рой прибыл в Ухань из Кантона в первых числах апреля 1927 г., обладая авторитетом активного участника VII пленума ИККИ, проведенного в Москве в ноябре-декабре 1926 г., и статусом неофициального личного эмиссара Сталина. Однако полагать, что яркая личность Роя доминировала на заседаниях, — значит преувеличивать силу его влияния на ход событий. Позиция Бородина в Москве ослабла из-за его долгого отсутствия в столице. Но непосредственно на месте его авторитет как проводника советской политики был по-прежнему высок, а оценка ситуации — реалистической. Рассказывали, что в феврале 1927 г. он заявил: «С Чан Кайши, но не с партией, мы дойдем до Пекина»²¹. Если в Ухане было 10 тыс. более или менее организованных рабочих, то Тан Шэнчжи имел под своим командованием 45 тыс. человек. «Создать Красную армию — означало бы вызвать вражду генералов, кроме того ее невозможно было бы оснастить». И далее: «Образовать Советы — означало бы спровоцировать разрыв с левым гоминьданом или мелкой буржуазией»²². Бородин имел близкие контакты с руководителями левого гоминьдана, и его выводы относительно того, на что их можно и на что нельзя уговорить, были более точными, чем у Роя²³. Соперничество этих двух людей усилили политические разногласия между ними²⁴.

Первая серьезная трудность, которая вызвала раздор как между гоминьданом и КПК, так и между различными фракциями внутри каждой из этих организаций, касалась военных планов.

Уханьским вооруженным силам предстояло выбрать один из трех лежавших перед ними путей: продолжать движение в северном направлении на Пекин вдоль Пекин-Ханькоуской железной дороги, рассчитывая на помощь Фэна против Чжан Цзолиня; идти на восток по направлению на Нанкин и Шанхай; или же, оставаясь пока на месте, укреплять позиции вокруг Уханя и на юге. С того самого момента, когда действия Чан Кайши в Шанхае наглядно продемонстрировали его мощь и решимость, никто в Ухане всерьез не предлагал второй путь, который означал прямое военное столкновение с далеко превосходящими силами. Первый путь, соответствующий намерениям Тан Шэнчжи, горячо отстаивал Бородин, который по-прежнему придерживался принципа предпочтения национальной революции социальным проблемам. Лозунги, призванные оправдать такой подход, гласили: «Сперва расширение, а потом углубление» революции, «сперва Пекин возьмем, а потом реформы проводить будем»²⁵. Бородин твердо верил в Фэн Юйсяна, мечтал о занятии Пекина и Калгана и об установлении связи с Монголией. Он отстаивал так называемую «северо-западную теорию», то есть план перевода штаб-квартиры революционного движения из Уханя в северо-западные провинции, где она находилась бы под покровительством Фэн Юйсяна. В предшествовавших съезду дискуссиях Чэнь Дусю, по-видимому, придерживался такой же точки зрения, ибо в ходе заседаний он принимал скорее сторону Бородина, а не Роя²⁶. Рой же, который подозревал, что «план сводился к тому, чтобы отвлечь внимание масс и побудить их отложить свои требования в виду предстоящих военных операций»²⁷, выступал за третий путь. Он не доверял ни одному военному руководителю, включая Фэна, и доказывал, что прежде чем предпринимать новое военное наступление, партия должна сначала заручиться поддержкой рабочих и крестьянских масс²⁸. Под влиянием аргументов Роя Центральный комитет, по-видимому, принял резолюцию, строго ограничивавшую дальнейшее продвижение армий гоминьдана, которую через два дня после более зрелых размышлений отменил²⁹. Не обращая внимания на эти совещания и на предстоящий съезд, Тан Шэнчжи приступил к осуществлению своих планов и 19 апреля 1927 г., не дожидаясь открытия съезда, повел свои войска, в сопровождении всех советских советников, на север³⁰.

Второй проблемой, которая угрожала сделать разрыв между КПК и гоминьданом необратимым, являлся острый вопрос об аграрной революции. В центральных провинциях, где волна крестьянских беспорядков предшествовала наступлению национально-революционных сил³¹, их триумф способствовал возникновению царства террора, который охватил почти всю сельскую местность. В Хунани, по словам одного советского журналиста, охваченные ужасом помещики «убегали куда глаза глядят: из деревень в уездные города, из уездных городов в Чанша, из Чанша в Ханькоу, на иностранные концессии»³². В марте 1927 г. в

Хубэе, где крестьяне начали захватывать помещичьи земли, руководимый коммунистами съезд крестьянских союзов, отбросив всякую осторожность, провозгласил отмену частной собственности на землю и призвал крестьянские союзы «возглавлять и руководить начинающейся борьбой крестьянства за землю»³³. В данном районе возникла обстановка, граничащая с гражданской войной. В отдельных местах крестьяне убивали помещиков и джентри или же передавали их местным властям для предания смертной казни. В других же местностях помещики были достаточно сильны, чтобы ответить карательными мерами. Сообщалось об одном случае, когда вооруженные отряды захватили девять крестьянских руководителей, в том числе шесть или семь коммунистов, и заживо их сожгли³⁴.

Это был тот самый момент, когда Мао Цзэдун стал значительной фигурой в партийных делах. В сентябре 1926 г. он опубликовал важную теоретическую статью по крестьянскому движению³⁵. Через два месяца, во время посещения Шанхая, в журнале КПК он поместил статью с описанием подавления крестьянского движения сопротивления в провинциях Цзянсу и Чжэцзян³⁶. В феврале 1927 г. он представил Центральным комитетам КПК и гоминьдана (будучи на службе в обеих организациях) отчет о крестьянском движении в Хунани, который был напечатан в журнале КПК 12 марта 1927 г. и в журнале гоминьдана — три дня спустя. Опираясь на результаты 32-дневных исследований на месте, проведенных в январе-феврале 1927 г., Мао писал, что с момента оккупации Хунани в сентябре 1926 г. национальными армиями крестьянское движение вступило в революционную фазу, которая «в недалеком будущем» должна будет вызвать движение среди нескольких сот миллионов крестьян по всему Китаю. Во многих частях провинции Хунань помещики и преступные джентри уже были лишены собственности, и лозунг «вся власть крестьянским союзам» стал реальностью.

«В течение нескольких месяцев, — говорилось в отчете, — крестьяне опрокинули и подорвали господство классов феодального и родового характера: тухао, джентри, помещиков вместе с фундаментом их тысячелетней диктаторской политики, опорой империализма, милитаризма, алчного чиновничества и продажных бюрократов». Многие акты насилия совершались крестьянами над прежними эксплуататорами. Но осуждать их как «излишества» и обзывать их участников «негодяями» — пристало только правому гоминьдану. Из крестьян Хунани 75% относилось к категории бедных и очень бедных. Их роль была велика. «Это руководство крестьян-бедняков чрезвычайно необходимо: не будь крестьян-бедняков, не было бы революции; если сместить их, то это значит свергнуть революцию, если разгромить их, то это значит разгромить революцию».

Свой отчет Мао адресовал и «революционному строю» и «всем революционным партиям»³⁷. Маловероятно, чтобы в то время он

сознательно стремился ревизовать партийную доктрину или вообще мыслил категориями этой доктрины³⁸. Тот факт, однако, что Мао не отвел городским рабочим (даже формально) «руководящей» роли, имел огромное значение. Каковы бы ни были иные высказывания Мао, после опыта в Хунани крестьянская революция навсегда заняла центральное место и в его мыслях и в делах.

Привязанные к концепции буржуазного характера крестьянства, советские теоретики имели тенденцию рассматривать крестьянство объектом заботы в первую очередь гоминьдана, а не КПК. Практика почти не подтвердила справедливость подобного суждения. Гоминьдан лишь формально уделял внимание крестьянским проблемам. Крестьянский отдел гоминьдана создали в феврале 1924 г. после I съезда гоминьдана. Однако его вдохновителями и руководителями были, очевидно, в основном, коммунисты. Секретарем и фактотумом тут стал крестьянский лидер, коммунист Пэн Бай³⁹, который позже в том же 1924 г. был назначен директором созданного гоминьданом Института крестьянского движения⁴⁰. В резолюции II съезда гоминьдана, принятой в январе 1926 г. по докладу Мао, возглавлявшего отдел пропаганды, утверждалось, что «центр тяжести гоминьдана укрыт среди бесчисленных масс эксплуатируемого крестьянства»⁴¹. Москва попыталась наладить связь между гоминьданом и Крестинтерном. В открытом письме от 30 апреля 1926 г. Крестинтерн, обращаясь к гоминьдану, писал: «Главная ваша опора и залог вашего успеха — широчайшие крестьянские массы»⁴². Двум делегатам гоминьдана, Ху Хэньмину и Шао Лицзы, находившимся в тот период в Москве, предоставили почетные посты в Крестинтерне⁴³. Отождествление гоминьдана с крестьянством (такую точку зрения разделял и Троцкий) было искусственным⁴⁴. По гоминьдановской статистике, в декабре 1926 г. среди его членов было 40,7% крестьян, 21,4% студентов, 20,6% рабочих, 9,6% торговцев, остальные являлись чиновниками и ремесленниками⁴⁵. Рой, однако, более реалистично заметил, что, хотя рядовые члены «набирались из угнетенных и эксплуатируемых классов», руководители представляли крупную буржуазию, помещиков и джентри⁴⁶.

В октябре 1926 г. ЦК гоминьдана в Кантоне продемонстрировал пробуждающее осознание того факта, что проблема крестьян является решающей⁴⁷. На съезде, состоявшемся в начале марта 1927 г. в Ухане при активном участии коммунистов⁴⁸, Центральный комитет гоминьдана впервые всерьез занялся требованиями крестьян, приняв пространную резолюцию по крестьянскому движению, манифест к крестьянам и «Временное положение о наказании тухао и лешэнь». В резолюции ставились следующие задачи: приступить к формированию районных и волостных органов самоуправления на базе крестьянских союзов; подчинить этим органам крестьянские вооруженные отряды, не входящие в состав национально-революционных войск; передать органам самоуправления общественные и монастырские земли; наказывать «чиновни-

ков-взяточников, тухао и лешэнь, а также контрреволюционеров», чьи земли и имущество конфисковать «на основе закона». Манифест был адресован крестьянам нижнего течения Янцзы и северных провинций, куда должны были, как теперь ожидалось, продвигаться национальные войска. Он призывал подниматься на борьбу, ликвидировать «привилегии феодально-помещичьего класса». «Временное положение» разъясняло, что «преступления тухао и лешэнь не подходят под обычные законы», и угрожало суровым наказанием всякому, кто, вступив в связь с «вооруженными бандитами», причиняет зло «работникам местных или центральных партийных органов»; или же участвует в дележе награбленной добычи⁴⁹.

Эти решения являлись выражением эмоций и имели ничуть не больше практического значения, чем резолюции ЦК КПК. Но от проблемы нельзя было отмахнуться. После съезда гоминьдан создал специальную комиссию для ее обсуждения, в котором приняли участие почти все руководящие члены Центрального комитета, а также представители 15 провинций и армии. Тань Пиншань и Мао Цзэдун представляли КПК, присутствовали и два советских специалиста по аграрным вопросам — Иолк и Тарханов⁵⁰.

Вставшая перед КПК и левым крылом гоминьдана трудная проблема должна была примирить революционный энтузиазм тех, кто верил, что восстания крестьян необходимы для дальнейшего прогресса кампании против империалистов, с осторожностью тех, кто утверждал, что крестьянские «эксцессы» лишь оттолкнут руководителей национально-революционных армий и национального правительства. Со своей стороны комиссия создала две подкомиссии и в конце концов выработала «проект резолюции по аграрному вопросу», который заметно клонился к осторожности. В нем предлагалось конфисковать землю у преступных джентри (лешэнь), продажных чиновников, милитаристов и контрреволюционеров. Это была так называемая «политическая конфискация». Конфискацию земельных участков, превышающих определенные размеры или не обрабатываемых непосредственно самими помещиками, называли «экономической конфискацией». Осмелиться на нее комиссия не рискнула. Мао — по всем признакам, один из авторов проекта — заметил, что политическая конфискация — это первый шаг и что в Хунани экономическая конфискация «уже не является проблемой», поскольку «крестьяне уже по собственному почину приступили к разделу земли». Он полагал, что в каждой провинции аграрный вопрос должен решаться по-своему.

Во время работы комиссии в Ухань прибыл Ван Цзинвэй в сопровождении Чэнь Дусю и других известных личностей. (Случившаяся через несколько дней в Шанхае резня, по всей видимости, никак не отразилась на работе комиссии.) Она возобновила свою деятельность под председательством Вана, и в конце месяца на «расширенных» заседаниях комиссии присутствовали такие

важные персоны, как сам Ван, Тан Шэнчжи, Тань Пиншань и Бородин. Ван, как обычно, колебался. Он начал с того, что отверг проект резолюции как не отвечающий требованиям и якобы внес радикальное предложение о конфискации всех земельных участков, превышающих 50 му. Однако вскоре уступил преобладающему в гоминьдане мнению и высказал сомнения относительно действительной необходимости уже сегодня реализовать принцип «каждому пахарю — свое поле». Тан Шэнчжи заявил, что конфискации крайне воспротивится армия, поскольку большинство офицеров владеют землей. Были разговоры, правда, что в качестве драматического жеста он предложил для конфискации собственную землю, но что другие присутствовавшие генералы лишь улыбнулись и ничего не сказали. Из коммунистов только Пэн Бай настаивал на конфискации всех помещичьих земель. Мао же защищал проект комиссии, вновь указывая на то, что другие провинции отстали от Хунани. Что же касается экономической конфискации, то он предложил «дождаться удобного момента и тогда выработать новый проект, чтобы решить вопрос полностью». Возможно, что именно в данный момент Мао нашел искусную формулировку для примирения сторон, которая гласила: «То, что мы называем конфискацией земли, сводится к неуплате аренды; в каком-либо ином методе нет нужды... Решая в Китае земельный вопрос, мы прежде всего должны считаться с реальностью, и будет правильным, если законодательное закрепление этой реальности наступит позже».

Колебавшийся поначалу Тань Пиншань высказался за политическую конфискацию. Бородин, который выступил 26 апреля 1927 г., руководствовался тезисами VII пленума ИККИ и провел разграничительную линию между районами, освобожденными национально-освободительными армиями, где конфискацию необходимо было проводить, соблюдая осторожность, и остальными районами, где можно было бы использовать более радикальные лозунги. Он призвал к созданию в освобожденных районах органов крестьянского самоуправления, но настаивал на том, чтобы они контролировались «партией» и «сверху». Выступивший вслед за Бородиным Чэнь доказывал, что конфискация не должна касаться мелких помещиков и армейских офицеров. По различным аспектам аграрной проблемы было принято не менее четырех резолюций. В них отразилось стремление удовлетворить все стороны. Тем не менее ссылки на крестьянскую власть и на борьбу с помещиками явно показались кое-кому провокационными. Когда встал вопрос об обнародовании результатов работы комиссии, Ван Цзинвэй и Тань Пиншань вместе с некоторыми другими высказались против, и было решено пока от публикации воздержаться⁵¹. Ничто не позволило надеяться на приемлемый компромисс. Когда Политбюро гоминьдана получило сообщение комиссии, оно решило «снять вопрос об аграрном законодательстве»⁵² с повестки дня.

В то время, когда шли дебаты в гоминьдане, под эгидой КПК состоялась крестьянская конференция, на которой присутствовали Мао Цзэдун, Пэн Бай и два советских специалиста, Волин и Иолк⁵³. Обсуждались следующие три предложения: конфисковать землю только крупных помещиков-контрреволюционеров и подождать дальнейшего продвижения национально-революционных армий в северном направлении, прежде чем принимать более радикальную аграрную программу; конфисковать земли всех крупных помещиков, не трогая мелких землевладельцев и армейских офицеров; конфисковать и распределить всю землю. Конференция приняла третью, наиболее радикальную резолюцию. Но руководство КПК и его советские советники были откровенно против требований, которые прогневили бы их гоминьдановских партнеров. А когда предложение передали в ЦК КПК, то он отказался представить его партийному съезду⁵⁴. Колебания в данном вопросе были характерны для сложившейся ситуации. Зимой 1926/27 г. успешный Северный поход в районах, через которые он пролегал, вызывал энтузиазм крестьян, поддерживавших его своими восстаниями. Тогда требования крестьян легко совпадали с целями национальной революции. Но когда стали очевидными истинный смысл и значение этих требований и когда в Центральном Китае начало утверждаться постоянное Национальное правительство, поддержка этих требований со стороны партийного руководства уже определялась сиюминутными выгодами⁵⁵.

Такие предварительные перепалки не сулили ничего хорошего V съезду КПК, который открылся в Ухане 27 апреля и продолжался до 9 мая 1927 г. Это был первый представительный партийный съезд, ибо в начальные четыре года своего существования КПК являла собой небольшую группу интеллектуалов и профессиональных революционеров. После 30 мая 1925 г. она стала превращаться в массовую партию, сила которой заключалась в ее все еще скорее потенциальной, чем действительной, притягательности для бедных и голодных китайских рабочих и крестьян с их еще только пробуждавшимся политическим сознанием. Успехи Северного похода обернулись массовым притоком новых членов, хотя остается загадкой, каким образом этих новобранцев организовывали и регистрировали, и можно подозревать, что в ряде мест индивидуальное членство в партии, подобно профсоюзному, было скорее фикцией, а не реальностью. К V съезду в апреле 1927 г. КПК насчитывала 57 967 членов, из которых 53,8% являлись рабочими, 18,7% — крестьянами и 19,1% — интеллигенцией. Количество членов союза молодежи достигало 35 тыс. человек. По оптимистическим утверждениям КПК, кроме этих скромных показателей она могла говорить о том, что под ее влиянием находится свыше 2800 тыс. организованных в профсоюзы рабочих и 9270 тыс. членов крестьянских союзов. Тираж партийного еженедельного журнала достиг 50 тыс. экземпляров⁵⁶.

Однако, несмотря на такой численный рост (а частично именно благодаря этому), ресурсы партии оказались недостаточными в сравнении с масштабами географической территории и сферами деятельности, которые она стремилась охватить. Рассредоточенность по нескольким разделенным большими пространствами центрам являлась непреодолимым препятствием. Партийные организации Пекина, Кантона, Шанхая и Уханя представляли собой соперничающие «княжества», неохотно подчинявшиеся центральному руководству⁵⁷. Другие недостатки были в какой-то мере следствием этого же недостатка. Критически настроенные члены российской партии, посетившие Шанхай в начале 1927 г., заметили, что, хотя 70% членов партии в Шанхае являлись рабочими, никто из них не входил в Центральный комитет, состоявший из 16 человек. И вообще, «верхняя прослойка КПК не соприкасалась с массами» и все еще жила «отвратительным духом групповщины»⁵⁸. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. Ломинадзе говорил об активе «мелкобуржуазных интеллигентских элементов», который стоял «между ЦК и массой коммунистов»⁵⁹.

На V съезде КПК присутствовало 70 делегатов от КПК и в два раза больше гостей, включая представителей Коминтерна, Профинтерна, КИМа и гоминьдана⁶⁰. Объявленное на съезде значительное увеличение числа членов позволило на какой-то момент забыть, что шанхайская организация КПК фактически истреблена и что такая же опасность угрожает партии и в других крупных центрах. Бородин отсутствовал⁶¹, и это обстоятельство дало некоторое мнимое преимущество Рою, чья речь была единственной, опубликованной полностью⁶². Съезд открылся на мощной оптимистической ноте и принял обращение к китайскому народу в связи с предстоящим празднованием 1 Мая, в котором предсказывал «победу революции уже в самом недалеком будущем» и заявлял, что «в настоящий момент революция вступает на путь решающих побед»⁶³. Но такое отсутствие реализма резко контрастировало с главным событием съезда — основным политическим докладом Чэнь Дусю, раскрывшим всю двусмысленность в положении КПК и в политике Коминтерна. По собственным словам Чэня, сказанным впоследствии, за несколько дней до съезда, он заявил в Политбюро, что КПК стоит перед альтернативой: или отказаться от власти или порвать с гоминьданом. Замечание якобы было встречено гробовым молчанием⁶⁴. На съезде же он был более осторожен. Его речь, продолжавшаяся шесть часов⁶⁵, состояла из следующих одиннадцати разделов: 1) история партии (здесь Чэнь выразил сомнения относительно линии, проводившейся с момента переворота, осуществленного Чан Кайши 20 марта 1926 г.); 2) роль буржуазии (Чан Кайши перетянул на свою сторону не только правую, но и левую буржуазию); 3) мелкая буржуазия (постоянно колебалась, но должна быть привлечена в гоминьдан); 4) земля (союз с мелкими помещиками все еще необходим); 5) пролетариат (еще не имеет достаточно сил, чтобы самостоятельно

захватить власть, и поэтому должен сотрудничать с крестьянством и мелкой буржуазией); 6) военный фактор (армия не вышла из революционных масс, и ее шатания имеют социальные корни); 7) путь революции (на северо-запад, а не на юго-восток, который является опорным пунктом империализма); 8) гоминьдан (это союз многих классов, и партия должна в нем участвовать); 9) реорганизация армии (нужно дать ей новую социальную основу); 10) революционно-демократическая власть (таковой может быть только диктатура пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии); 11) финансовые и экономические вопросы (им следует уделять больше внимания). Однако глубокий анализ не сопровождался твердыми установками к действию.

Чэнь Дусю заявил, что в уханьском правительстве «мы не имеем у власти масс рабочих и крестьян, а имеем несколько вождей из рабочих», и видел в данном обстоятельстве причины медлительности. «Если бы уменьшилось вмешательство империалистов и окружение милитаристов,— сказал он,— то нам нужно было бы бороться за революционно-демократическую власть». Та же самая комбинация из реализма и упования на будущее была характерна и для его вывода по аграрному вопросу. Он признал, что партия проводила слишком миролюбивую политику и что «теперь необходимо конфисковать землю крупного и среднего помещика», но сделать уступку в отношении мелких помещиков. Конфискация всех помещичьих земель была бы «слишком радикальной мерой», нужно было «держаться средней линии на некоторый период». В деревне, по словам Чэнь Дусю, развивалась классовая борьба. «Тем не менее,— сказал он,— для конфискации даже крупных поместий необходимо подождать дальнейшего развития военных операций. Он считал, что нужно соблюдать принцип углубления революции лишь после ее расширения»⁶⁶.

На следующий день, в порядке обсуждения доклада, перед съездом со своей главной речью выступил Рой. Он высказал мнение, что прошлые ошибки КПК «явились следствием переоценки буржуазии» и неспособности развить «энергию рабочего класса как независимой силы». Вопреки пессимистической оценке Чэнь Дусю, Рой посчитал «совершенно очевидным, что следующий период революции будет периодом развития, а не свертывания». Он еще раз выразил свое недоверие всем милитаристам, сомнения относительно «романтической ориентации на северо-запад» и пытался не совсем корректно доказать, что решение — продолжать движение в северном направлении — теперь настолько ограничено, что больше не противоречит его первоначальным предложениям. В заключение Рой выдвинул программу из следующих пяти пунктов, которые придали бы политике партии безусловную революционность: аграрная революция; вооружение крестьян; сельское самоуправление; государство, основанное на революционной диктатуре; «создание революционной армии не путем превращения милитаристов в революционеров, а путем организации

революционной армии на прочной социальной основе». Отвечая на замечания, высказанные затем в ходе трехдневной дискуссии, Рой решительно отклонил обвинение одного члена партии, считавшего, что Рой зашел слишком далеко влево, и сделал выговор министру земледелия уханьского правительства, коммунисту, который сказал, что пусть аграрной политикой занимается гоминьдан⁶⁷. Преднамеренно жесткая линия Роя высветила все симптомы раскола.

Растущая напряженность между гоминьданом и КПК стала особенно наглядной 4 мая 1927 г., когда в присутствии Ван Цзинвэя, почетного гостя съезда, Рой доложил о результатах работы VII пленума ИККИ, прошедшего в Москве пять месяцев тому назад. Большая часть доклада была безобидной и не вызвала возражений. Но в заключительной части Рой необдуманно охарактеризовал гоминьдан как «инструмент, с помощью которого может быть осуществлена гегемония пролетариата», и объявил, что перед КПК стоит задача — «превратить национальное движение в борьбу за социализм»⁶⁸. Записи ответной реплики Ван Цзинвэя нет⁶⁹. Однако Рой счел необходимым выступить в защиту, ради делегации Коминтерна, и пояснить, что «пролетариат готов к тому, чтобы в союзе с другими классами возглавить революцию», и что, не испытывая «враждебности к интересам гоминьдана», он будет «сотрудничать с гоминьданом вплоть до окончательной победы»⁷⁰. Вряд ли способствовала улучшению обстановки и заключительная речь Роя на съезде, в которой он еще раз коснулся гегемонии пролетариата, вооружения рабочих и крестьян и классовой борьбы, ведущей к диктатуре пролетариата⁷¹.

В принятой по докладу Чэнь Дусю в конце работы съезда главной политической резолюции съезд возможным поздравиť самого себя с резким увеличением численности партийных рядов и количества организованных рабочих и крестьян, которое произошло со времени Шанхайского восстания 30 мая 1925 г. и начала Северного похода год спустя. Обращалось внимание на переворот, произведенный Чан Кайши 20 марта 1926 г., когда он «свергнул левое национальное правительство» в Кантоне, который явился прелюдией к шанхайской бойне 12 апреля 1927 г. В резолюции повторялись стандартные формулировки о союзе пролетариата и крестьянства под руководством пролетариата. Более затруднительные практические соображения были ловко обойдены. Требование относительно укрепления революции в Центральном и Южном Китае вовсе «не исключало необходимости и возможности расширения района революции»; вместе с тем КПК должна была «бороться с тенденцией отказаться от революционных основ или ослабить их под предлогом экспансии». За четыре года до этого КПК вступила в гоминьдан на условиях сохранения своей организационной самостоятельности и собственной политической линии. С тех пор КПК приходилось постоянно бороться с попытками правых гоминьдановцев ограничить ее орга-

низационную самостоятельность. (В данном месте русский переводчик опустил абзац, объяснив это «неясностью» китайского текста.) И тем не менее связь между КПК и гоминьданом стала якобы теснее, чем прежде, о чем свидетельствовало решение включить в гоминьдановское правительство двух министров-коммунистов. Резолюция отвергла «механическую теорию», согласно которой КПК — это партия рабочих, а гоминьдан — партия крестьян. Аграрную революцию против «феодализма и патриархального строя» возглавил «самый революционный класс»⁷².

Разработка съездом аграрного вопроса проходила под влиянием неопределенностей и колебаний, отраженных в резолюции VII пленума ИККИ в Москве, а также под впечатлением недавних бесплодных дебатов в аграрной комиссии гоминьдана. Когда Мао начал настаивать на своих предложениях, направленных на повышение активности крестьян и на экспроприацию помещиков, он не получил поддержки ни у руководства КПК, ни у представителей Коминтерна. По мнению Мао, Бородин был «немного правее Чэня», а Рой — «немного левее и Чэня, и Бородина». Рой «слишком много говорил, не предлагая никакого метода практической реализации»⁷³. Вероятно, с большим пониманием к Мао относились рядовые члены партии, которым надоела жесткая опека Бородина. Однако Мао настолько обескуражила мощная оппозиция, что он сказался больным и в дальнейшей работе съезда не участвовал⁷⁴.

Несмотря на то, что включенный в материалы съезда документ оказался умереннее предложений, выдвинутых во время предсъездовских дискуссий, он явно не смог получить единодушной поддержки и поэтому был назван «Проектом резолюции по аграрному вопросу». В нем защищалась доктрина, согласно которой «радикальное разрешение аграрного вопроса требует коренного перераспределения земли, построенного на уравнительном принципе». Однако признавалось, что это невыполнимо, «пока существует частное землевладение». Программа на ближайший период была скромной. Помещичьи земли, сданные в аренду крестьянам, а также земли, находящиеся во владении религиозных и других общественных институтов, подлежали конфискации и передаче землепашцам. Не конфисковывались поместья размером менее 500 му (высокий минимум) и земли, принадлежащие армейским офицерам. Ничего, правда, не было сказано о принципах распределения конфискованных земель среди крестьян. Проект содержал рекомендации относительно создания крестьянского самоуправления, формирования крестьянской милиции, снижения арендной платы и ограничения ростовщичества, однако не говорил, каким образом можно было бы достигнуть желаемого⁷⁵.

Наставив на руководящей роли пролетариата, съезд в то же время уделил мало внимания индустриальным рабочим. Съезду была представлена якобы составленная Бородиным резо-

люция, наспигованная ленинскими цитатами о необходимости временных уступок империалистам, в которой подробно разбиралась опасность иностранной интервенции. В ней осуждались социальные «эксцессы», особенно направленные против иностранного имущества или иностранных интересов. Необходимо было обуздать имеющиеся среди рабочих «хулиганские элементы», укрепить дисциплину в профессиональных союзах, а нарушителей наказывать⁷⁶. До тех пор забастовки происходили почти исключительно на иностранных предприятиях⁷⁷ и, если можно так выразиться, служили национально-революционным и классовым целям. Из необходимости умиловить иностранцев возник новый фактор. Министр иностранных дел уханьского правительства Евгений Чэнь будто бы «настаивал на том, чтобы на принадлежащих иностранцам фабриках не было забастовок, поскольку они мешают его дипломатическим усилиям»⁷⁸. Однако вряд ли эти откровенные ограничения и оговорки открыто обсуждались на съезде. По всем признакам, отдельная резолюция по профессиональным союзам, занесенная в протокол в качестве «основы для окончательной резолюции, имеющей быть сформулированной Центральным Исполнительным Комитетом» так же, как и резолюция по аграрному вопросу, съездом формально принята не была. В ней Чан Кайши обвинялся в создании «желтых» профсоюзов, а уханьская буржуазия — в попытках притупить классовую борьбу путем предоставления рабочим возможности участия в управлении производством и получении доли прибыли. Профсоюзам настоятельно рекомендовалось продолжать политическую борьбу за национализацию банков, шахт, железных дорог и крупных предприятий. Но главный упор был сделан на экономические требования. Авторы резолюции (и тут руку, безусловно, приложил Лозовский) явно привели в замешательство слабость и неорганизованность профсоюзов. Всекитайскую федерацию профсоюзов они называли «номинальным учреждением», которое не только не руководило профсоюзами, но даже не поддерживало с ними связи. Между КПК и профсоюзами никогда не были установлены правильные и разумные отношения. Призыв к исправлению этих недостатков звучал не очень убедительно⁷⁹. В дежурной резолюции по организационным вопросам признавалось, что КПК находилась в стадии «младенчества» и в виду быстрого роста численности ее членов не располагала, «совершенной организацией и твердостью»⁸⁰. После съезда в соответствии с еще не выполненным требованием VII пленума ИККИ, два члена КПК вошли в правительство. Речь идет о Тань Пиншане, который сам был одним из главных китайских делегатов на VII пленуме ИККИ и который стал министром земледелия, и о Су Чжаочжэне, коммунистическом руководителе профсоюзного движения, который сделался министром труда⁸¹. Позже сообщалось, что Тань начал свою новую работу «позорной» речью, в которой не сказал ни слова об аграрной революции, о конфискации земли, а ограничился «либераль-

ными фразами относительно улучшения положения крестьян» и предупреждениями против «эксцессов»⁸².

Из-за скудости опубликованного официального материала и при наличии целой лавины взаимных обвинений и самооправдании трудно подвести какой-то окончательный итог этому путаному и противоречивому съезду. На нем не пытались обсуждать военные вопросы, тем самым молчаливо признав собственную неспособность контролировать генералов или влиять на них. Съезд оказался не в состоянии понять, что бессилие в данном вопросе означало беспомощность во всех других. На первый взгляд, могло показаться, что съезд наставил КПК на более радикальный путь и закончился победой Роя над Бородиным.

Через несколько дней после окончания съезда Рой, суммируя его итоги, торжествуя, писал: *«Национальная революция должна теперь стать фактически аграрной революцией»*; для этого требовалась *«демократическая диктатура пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии»*. Однако иллюзорность надежд обнаружилась в тот момент, когда Рой стал уверять, что Ван Цзинвэй выразил полное согласие с его точкой зрения на перспективы китайской революции и заявил, что «мелкая буржуазия должна идти вместе с пролетариатом к социализму»⁸³. В действительности не было предложено никакого выхода из затруднительного положения, связанного с инструкцией Коминтерна. Ведь было невозможно и руководить рабоче-крестьянским революционным движением, и в то же время оставаться в гоминьдане. Ни Бородин, ни Чэнь не верили в вероятность скорой революции⁸⁴. Одним из конкретных результатов съезда было углубление размолвки между КПК и властями в Ухане, какие там были, и на прилегающей территории.

Съезд еще больше обнажил унизительную неспособность КПК сформулировать такую политику, которая соответствовала бы или реальной ситуации, или же инструкциям Коминтерна. В Москве, видимо, не казалось затруднительным сочетать твердую поддержку гоминьдана и национальной революции с прогрессивными требованиями рабочих и крестьян. В сложных условиях китайской революции альянс с гоминьданом означал сознательное сдерживание второго этапа революции до момента успешного завершения первого этапа. Китайские руководители, которых обвиняли в том, что они принесли интересы рабочих и крестьян в жертву Чан Кай-ши, не могли уйти от связанной с вопросом о приоритетах дилеммы, наличие которой в Москве отрицали. Позиция Чэнь Дусю, несмотря на его признанный авторитет и положение в партии⁸⁵, была двусмысленной и незавидной. Хотя и не объявленный троцкистом перед исключением из КПК в январе 1929 г., он разделял мнение Троцкого о том, что феодальные отношения больше не имели значения в Китае, который достиг капиталистической стадии развития. Но, в отличие от Троцкого, он, по-видимому, считал, что это предполагало переходный период буржуазной власти

и что китайский пролетариат еще не являлся эффективной революционной силой. Такая позиция сделала его уязвимым к обвинениям в меньшевизме⁸⁶. Цюй Цюбо не играл на съезде значительной роли. Но после его окончания он опубликовал пространную статью в партийном журнале, утверждая, что «нынешний новый этап китайской революции характеризуется не только изменой реакционной буржуазии, но и тем, что рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия получили возможность более свободного и открытого наступления». Требовалось лишь установить крестьянскую власть и провести «аграрную революцию». Он призвал всех «истинных гоминьдановцев» сплотиться для борьбы против Чан Кайши⁸⁷. Слабая в деталях статья представляла собой ясный призыв к более активной политике и попытку подтвердить свои права на руководство КПК.

Через несколько месяцев, 17 сентября 1927 г., один из посланцев Коминтерна, присутствовавших на съезде, представил восточному Секретариату ИККИ в Москве отчет о позиции китайской делегации. И хотя отчет отражал явное стремление дискредитировать Чэнь Дусю и прежнее партийное руководство и содержал элементы карикатуры, он тем не менее был не лишен некоторого правдоподобия. Как указывалось, на съезде присутствовало только три члена ЦК КПК. Из них один (по всем признакам, Чэнь Дусю) скептически воспринял директивы VII пленума ИККИ, но полагал, что стоит попробовать их на практике; второй (возможно, Чжан Готао) считал, что они не вносили ничего нового; третий же (вероятно, Цюй Цюбо) принял их безоговорочно. Большинство делегатов их просто не поняло. Никто формально не возражал против представленных съезду резолюций, но и никто не пожелал их обсудить. И даже те делегаты, которые чувствовали сомнения относительно политики Центрального комитета, не желали выражать свои сомнения в открытом заседании. В конце концов, делегаты Коминтерна навязали дискуссию «по основным политическим вопросам», и большинство китайских делегатов продемонстрировало неудовлетворенность политикой Центрального комитета и прежних руководителей, хотя новые руководители еще не появились⁸⁸. Картина слепой массы делегатов, потрясенных катастрофой в Шанхае, сбитых с толку суровой критикой в адрес до того почитаемых вождей, пассивно позволяющей оттеснить себя в беспомощную и нестройную оппозицию к прежнему руководству, наглядно демонстрировала полнейшее уныние, охватившее КПК в то время. Съезд увеличил число членов Центрального комитета с 9 до 40 человек — мера, вероятно, придуманная представителями Коминтерна для того, чтобы ослабить власть прежних руководителей. Однако большинство членов ЦК к концу съезда разъехалось, оставив реальную власть в руках Политбюро из семи человек⁸⁹. Авторитет Чэня позволил ему без особого труда сохранить за собой пост секретаря партии. Но его руководство было дискредитировано, а его критиков в партии, в первую оче-

редь Цюй Цюбо и Ли Лисаня, избрали в новое Политбюро⁹⁰. Несмотря на недомогание Мао во время съезда его назначили председателем вновь созданного Всекитайского крестьянского союза⁹¹. Сразу же после партийного съезда 10 мая 1927 г. открылся IV съезд Коммунистического союза молодежи. Этот союз, насчитывавший в начале 1925 г. только 2 тыс. членов, после шанхайских событий 30 мая 1925 г. довел число своих членов до 10 тыс. и утверждал, что к 1 мая 1927 г. в нем состояло 40 тыс. человек⁹², хотя террор Чан Кайши в Шанхае, должно быть, опустошил его ряды. Съезд молодежной организации одобрил решения съезда КПК, но ее руководитель Жэнь Биши выступил с критикой выжидательной политики Чэнь Дусю, что также сказалось на престиже Чэня в партии⁹³.

За V съездом КПК последовала Тихоокеанская конференция профсоюзов, которая состоялась в Ханькоу с 19 по 26 мая 1927 г. в том же ключе, что и конференция Тихоокеанского союза транспортных рабочих в июне 1924 г. в Кантоне⁹⁴. Первоначально предполагалось, по приглашению Австралийских тред-юнионов, созвать конференцию в июле 1926 г. в Сиднее, и это предложение одобрил IV пленум Центрального совета Профинтерна в марте 1926 г.⁹⁵ Но отдаленность места встречи и ограничения на въезд в Австралию цветных рабочих заставили отказаться от данного плана. На конгрессе Австралийских тред-юнионов, прошедшем в Сиднее в августе 1926 г., с согласия делегатов Профинтерна была достигнута договоренность о проведении встречи 1 мая 1927 г. в Кантоне. 12 октября 1926 г. Исполнительное Бюро Профинтерна одобрило это решение, и месяц спустя на VII пленуме ИККИ Лозовский сообщил о предстоящей конференции⁹⁶. Но и этот план потерпел крушение. После перемещения Национального правительства, штаб-квартиры гоминьдана и миссии Бородина осенью 1926 г. в Ухань власти Кантона неуклонно эволюционировали вправо, и в январе 1927 г. было принято законодательство, ограничивающее права профессиональных союзов⁹⁷. Переворот в Шанхае, устроенный Чан Кайши 12 апреля 1927 г., послужил Кантону примером. 15 апреля 1927 г. генерал Ли Цишэнь провел облаву на коммунистов и руководителей профсоюзов, ряд из них расстрелял и распустил Красные профсоюзы. Союз механиков спокойно взирал на это или поддерживал происходящее⁹⁸. Несколько оставшихся в Кантоне советских военных советников благоразумно покинули город⁹⁹.

Поэтому, когда Лозовский в сопровождении Андрейчука и представителя УВКТ Ракамона прибыл 14 апреля 1927 г. в Кантон, он застал город взбудораженным контрреволюционным переворотом, направленным в основном против революционных профсоюзов и их руководителей. Лозовский и его коллеги ходатайствовали перед Ли Цишэнем за арестованных рабочих, но натолкнулись лишь на уклончивую уклончивость. Льстивый прием

оказал Лозовскому председатель правого крыла Федерации труда, который оправдывал репрессии против Красных профсоюзов и предложил от имени единственной допущенной властями организации китайских рабочих содействовать в подготовке Тихоокеанской конференции. Запланированной конференцией заинтересовался также и Ли Цзишэнь, арестовавший трех индонезийских делегатов, которых, правда, позднее освободили. Оставалась только одна возможность спасти конференцию — перевести ее в Ухань. В связи с изменившейся политической обстановкой путь, по которому прошли два месяца тому назад Рой и его группа, не являлся более безопасным. Чтобы не привлекать внимания, Лозовский со своими людьми и другие прибывшие на совещание делегаты разделились на мелкие группы и отправились в Ухань через Гонконг и Шанхай. При открытии конференции присутствовали делегаты из восьми стран: Китая, Советского Союза, Японии, Индонезии, Кореи, Франции, Соединенных Штатов и Великобритании. Они якобы представляли 14 млн. организованных рабочих, из которых на Советский Союз приходилось 9,5 млн. и на Китай — 2,8 млн. Индийское правительство не допустило выезда индийской делегации; австралийское правительство аннулировало выездные визы членам австралийской делегации за два дня до отплытия; делегаты Филиппин, узнав о перевороте в Кантоне, сочли более разумным остаться дома. Мексиканский делегат прибыл с опозданием. Открытие конференции было отмечено однодневной забастовкой и массовой демонстрацией 100 тыс. рабочих Уханя¹⁰⁰.

Основной доклад о китайской революции и международном рабочем движении сделал Лозовский¹⁰¹. Принятые конференцией резолюции были многочисленны и разнообразны¹⁰². Резолюция против опасности империалистической войны и в защиту Советского Союза включала протест против нападения на советские официальные учреждения в Пекине и Лондоне. Специальный документ призывал изгнать «империалистических пиратов из Китая»¹⁰³. С энтузиазмом были одобрены предложенные соответственно Лозовским, Томом Манном и Браудером приветствия в поддержку китайских, индийских и австралийских рабочих¹⁰⁴. Приветствия направили и «национально-революционному правительству», хотя из-за последующих событий данный документ не фигурировал в каких-либо официальных отчетах¹⁰⁵. Конференция приняла умеренную и традиционную программу требований рабочих, начинавшихся с требования 8-часового рабочего дня¹⁰⁶. Неуклюжая резолюция о роли профсоюзов в китайской революции призывала к «свертыванию национально-революционного фронта и образованию твердого революционного блока в составе пролетариата, крестьянства и отчасти мелкой городской буржуазии под политическим руководством первого». В ней предполагалось дальнейшее «участие в революционном правительстве» и поддержка «революционной армии», но добавлялось, что революционный

блок лишится всякого смысла, если «откажется немедленно провести в жизнь основные социально-экономические требования рабочих и крестьянских масс»¹⁰⁷.

В главной резолюции высказывалось сожаление по поводу «раскола рабочего движения в национальном и международном масштабе» и говорилось о необходимости добиться создания «крепкого единого фронта и единства профессионального организованных рабочих в каждой стране и во всем мире». Другая резолюция предупреждала рабочих, чтобы они не имели никаких дел с Международным бюро труда в Женеве. Конференция проголосовала за резолюции в пользу независимости Кореи, Формозы, Индонезии и Филиппин. И, наконец, она приняла устав, согласно которому учредила постоянный Тихоокеанский секретариат профсоюзов. В сопроводительном манифесте подчеркивалось, что этот секретариат не является попыткой создать новый Интернационал. Его задача — сделать все возможное для «объединения профсоюзов тихоокеанских стран и для мобилизации всех сил для создания единого, могучего Интернационала профсоюзов, охватывающего профсоюзы всех стран, всех рас и всех континентов»¹⁰⁸. Прежде чем правительство прекратило деятельность секретариата, он сумел выпустить в Ханькоу два номера журнала «Пэсифик уоркер» на английском языке. Действуя из других центров, он еще в течение двух или трех лет продолжал стимулировать деятельность коммунистов и радикальных профсоюзов на Дальнем Востоке¹⁰⁹.

Советские представители на месте, как и руководители в Москве, все еще не чувствовали, что в Ухане сложилась взрывоопасная ситуация. Даже когда в Москве заседал VIII пленум ИККИ и когда Лозовский увещевал конференцию тихоокеанских рабочих в Ухане, то настойчивый ход событий уже окончательно разрушил все, что осталось от ненадежного равновесия между Коминтерном, КПК и гоминьданом. 19 мая 1927 г. Центральный комитет гоминьдана потребовал от рабочих и крестьянских организаций воздерживаться от недисциплинированного поведения и «чрезмерных требований»¹¹⁰. Через два дня в столице провинции Хунань городе Чанша произошло столкновение между воинственными крестьянскими организациями и военным гарнизоном. Войска, по примеру тактики Чан Кайши в Шанхае, организовали массовое убийство подозреваемых коммунистов и крестьянских руководителей¹¹¹. В то же самое время, по словам Чэнь Дусю, он имел беседу с Бородиным и настаивал на разрыве с гоминьданом. Бородин, выразив личное согласие, заявил, что «Москва этого никогда не разрешит»¹¹². В резолюции Центрального комитета партии от 26 мая 1927 г. откровенно признавалось, что «при нынешнем соотношении сил партия не может пойти на прямой вооруженный конфликт с врагом» и что необходимо «выиграть время, сберечь силы, подготовиться к неизбежной борьбе». Ком-

мунистам, работающим в совместных с гоминьданом комитетах, предлагалось не настаивать «на максимальных требованиях Китайской компартии», если они вступали в противоречие с «интересами развития национально-революционного движения»¹¹³. Выехавшую 27 мая 1927 г. в Чанша для изучения обстановки группу Тань Пиншаня, коммуниста, вновь назначенного министром земледелия уханьского правительства, военные власти вернули обратно¹¹⁴. 1 июня 1927 г. ЦК КПК определил «крестьянскую политику» как линию на «подавление всех эксцессов, направленных против земельных собственников из среды мелкой буржуазии и против военных». А через три дня он предупредил крестьянство против «вторжения» на земли семей военнослужащих и против «незрелых акций», которые вызывают репрессии со стороны бюрократов и милитаристов. Тань Пиншань дал указание «исправить детские болезни крестьянства», агитируя крестьян «не действовать произвольно» в борьбе с «контрреволюционными элементами и джентри»¹¹⁵.

4 июня 1927 г. партия в своем журнале опубликовала «Открытое письмо», призывая гоминьдан сохранить «верность своим революционным принципам и по-прежнему руководить крестьянством в его исторической борьбе против феодальных сил», «распустить мятежный комитет и назначить провинциальное правительство», «вооружить крестьян для защиты от контрреволюционных мятежей». Отсутствие реального понимания положения вещей дошло до такой степени, что в письме гоминьдановские генералы именовались «революционными вождями, которые верят в демократию и свободу»¹¹⁶. В том же номере журнала было напечатано «Обращение к крестьянским массам всей страны». После перечисления достижений национальной революции, которая «несет освобождение от долгой эксплуатации, избавление от невыносимых страданий и осуществление лозунга „каждому пахарю — свое поле“», в обращении содержалось предупреждение крестьянам о том, что в их борьбе им понадобится союз с «мелкими помещиками», что притеснение их семей, посягательство на их имущество может «нанести лишь вред крестьянскому движению». Обращение заканчивалось требованием «восстановить в Хунани власть гоминьдана и национального правительства», создать «органы сельского самоуправления»¹¹⁷.

Неизвестно, как быстро и в какой форме весть о бойне в Чанша достигла Москвы. В редакционной статье газеты «Правда» от 1 июня 1927 г. без каких-либо упоминаний этих событий повторялась знакомая дилемма. Было бы неправильным «*противопоставлять* задачи национальной революции задачам классово-й борьбы китайского пролетариата», а выход из гоминьдана означал бы курс на «сектантское обособление». В тот же самый день Сталин направил директиву делегации Коминтерна в Ухане. Она начиналась с прямого утверждения, что без аграрной революции победа невозможна и что без нее гоминьдан превратится в «жал-

кую игрушку в руках ненадежных генералов». С эксцессами нужно было бороться, но не с помощью армий, а через крестьянские союзы. Фактический захват земли снизу необходимо было «решительно» поддерживать. Некоторых старых лидеров Центрального комитета гоминьдана надо было заменить рабочими и крестьянами, а также ликвидировать «зависимость от ненадежных генералов» и наказывать тех офицеров, которые поддерживают связь с Чан Кайши или натравливают солдат на рабочих и крестьян. «Если гоминьдановцы, — говорилось в конце послания, — не научатся быть революционными якобинцами, они погибнут и для народа и для революции»¹¹⁸.

Подобная нереалистическая риторика повергла Чэнь Дусю и его коллег в состояние оцепенения. Сообщив о принятии инструкций, они добавили, что «выраженная в них политика в данный момент неосуществима»¹¹⁹. Более того, когда Рой — единственный из всех встретивший директиву с воодушевлением, — показал ее Ван Цзинвэю, тот выразил сильное неодобрение и осудил ее как нарушение соглашения, достигнутого между Сунь Ятсеном и Иоффе в 1923 г.¹²⁰ И тем не менее ЦК КПК предпринял отчаянную и запоздалую попытку выполнить директиву. В резолюции от 14 июня 1927 г. он сделал вид, что переворот в Чанша был осуществлен противниками командующего Тан Шэнчжи, «так как известно, что Тан сочувствует народному движению в провинции Хунань и очень расположен к угнетенному крестьянству»¹²¹. 16 июня 1927 г. ЦК КПК направил Центральному комитету гоминьдана еще одно открытое письмо, призывая предпринять «решительные шаги» и предупреждая о том, что гоминьдан стоит «на перепутье». Необходимо было послать в Чанша войска, распустить захвативший здесь власть «мятежный комитет», восстановить законное правительство провинции и вернуть оружие, изъятое у коммунистических организаций рабочих и крестьян¹²². После таких слов полнейший разрыв стал неизбежным. Роль Бородина и Роя свелась к роли простых наблюдателей.

Но требовалось еще внести ясность в военную ситуацию. В течение мая 1927 г. уханьская армия Тан Шэнчжи продвинулась на север и дорогой ценой одержала неокончательную победу над северными силами. Фэн Юйсян, чьи войска не принимали непосредственного участия в сражении, занял Лоян (будто бы при поддержке отрядов «Красных пик»¹²³) и мог диктовать условия. Коминтерновская пресса продолжала говорить о своей вере в твердость и лояльность Фэна и отвергала как империалистические домыслы всякие слухи о том, что он ищет примирения с Чан Кайши¹²⁴. 8 июня 1927 г. Ван Цзинвэй и другие уханьские руководители отправились для трехдневных переговоров с Фэном в Чжэнчжоу, где находилась его штаб-квартира. Полные надежд советские советники полагали, что цель переговоров — создание нового военного союза против Чан Кайши. Группу сопровождал Блюхер, перебравшийся из Наньчана в Ухань после апрельского переворо-

та в Шанхае. Независимо от желаний Ван Цзинвэя левые гомиьдановцы также, как и КПК, были уже не в силах влиять на ход переговоров ¹²⁵. Их результатом была договоренность, достигнутая за спиной коммунистических членов группы, относительно удаления коммунистов и подавления восставших рабочих и крестьян. Таким путем, вольно или невольно, подготавливалась почва для примирения с Чан Кайши ¹²⁶. Последствия не замедлили сказаться. Возвращение Ван Цзинвэя в Ухань 13 июня 1927 г. явилось прелюдией к начавшимся через несколько дней обвалам на коммунистов и массовым расправам с крестьянскими повстанцами повсюду в провинции Хунань. Бородина официально сместили с поста советника Центрального комитета гомиьдана, который он занимал с октября 1923 г. ¹²⁷ Если верить Рою, он предложил, опираясь на массы, свергнуть гомиьдановское правительство, которое теперь защищало феодализм и подавляло рабочих и крестьян, и создать вместо него «демократическую диктатуру рабочих и крестьян» ¹²⁸.

Подлинное значение случившегося в Чжэнчжоу скоро стало ясно даже наиболее наивным. 19 июня 1927 г. Фэн Юйсян приехал в Сюйчжоу для переговоров с Чан Кайши. Оба руководителя быстро достигли военного соглашения и опубликовали совместное заявление, подтверждая свою решимость продолжать Северный поход и уничтожить милитаристов, которые являлись орудием иностранного империализма, а также свою верность трем принципам Сунь Ятсена ¹²⁹. Что же в действительности скрывалось за этими успокаивающими заявлениями, было нетрудно догадаться. Возможно, что Фэн и выступал за умеренность и за примирение между Чан Кайши и Уханем. Однако практически было решено изгнать коммунистов со всех влиятельных постов и предложить членам уханьского правительства или уехать за границу, или же присоединиться к Чану в Нанкине. Фэн Юйсян обязался также удалить из своей армии и администрации всех коммунистов и советских советников ¹³⁰. С претворением в жизнь этих решений времени не теряли. Блюхер и другие военные советники сразу же отправились в Шанхай, чтобы выехать домой ¹³¹. Университет им. Сунь Ятсена в Москве как бы с иронией опубликовал одновременно указание Фэн Юйсяна от 27 августа 1927 г. относительно борьбы с коммунистами и его же тезисы, напечатанные в армейской газете 3 мая 1927 г., относительно сотрудничества гомиьдановцев с КПК ¹³².

Трагикомическим фарсом выглядел IV Всекитайский съезд профсоюзов, который после того, как его несколько раз откладывали, состоялся в Ухане с 19 по 28 июня 1927 г. ¹³³ На нем присутствовал 431 делегат (190 из них являлись членами КПК и 37 состояли в Коммунистическом союзе молодежи), представлявшие почти 3 млн. организованных рабочих ¹³⁴, а также Лозовский, который остался в Ухане после майской конференции Тихоокеан-

ского профобъединения и являлся делегатом от Профинтерна. В течение нескольких недель Всекитайская федерация профсоюзов, безусловно подстрекаемая КПК или лично Лозовским, сдерживала рабочих. 13 июня 1927 г. ее Исполнительный комитет запретил надвигавшуюся всеобщую забастовку, а 25 июня, в период работы съезда, издал распоряжение о роспуске рабочих вооруженных отрядов и сдаче оружия гарнизону¹³⁵. Как говорили, КПК сама потребовала расформирования Красной гвардии в Ухане под тем предлогом, что в большинстве она состоит не из пролетариев, а из «ремесленных рабочих, из мелкобуржуазных элементов»¹³⁶. Подобные действия должны были придать дебатам и всей работе съезда известный налет чего-то нереального. При открытии Лозовский от имени Коминтерна приветствовал делегатов традиционной боевой речью, говоря о революции, классовой борьбе и необходимости уничтожения контрреволюционных сил, для чего «надо подвергнуть генералов и вообще военных контролю рабочих и трудящихся масс города и деревни»¹³⁷. Затем Лозовский сделал большой доклад о международном рабочем движении, а Ли Лисань — о национальной революции и задачах профсоюзов¹³⁸. Ни один из этих докладов не был опубликован. Но Лозовский, во всяком случае, отбросив в сторону риторику первого выступления, старался удержать рабочих от агрессивных и провокационных акций против властей¹³⁹. Несмотря на эти предосторожности, на съезде можно было услышать и более откровенные высказывания. Один из наблюдателей заметил, что «выступления рядовых рабочих-делегатов на этом съезде звучали иначе, чем выступления вождей компартии»¹⁴⁰. На последний день работы съезда перед правительственными зданиями была запланирована демонстрация, имевшая целью подтвердить лояльность национальному правительству. Однако перед началом демонстрации министр труда, коммунист Су Чжаочжэнь прибыл с известием о том, что все профсоюзные помещения в городе заняты войсками¹⁴¹. В смятении съезд прервал свою работу, оставив после себя кучу резолюций и заявлений, которые имели мало отношения как к сути обсуждавшихся проблем, так и к реальностям в самой стране.

Съезд выпустил три обращения: «К рабочим всего мира о борьбе с мировым империализмом и поддержке китайской революции»; к рабочему классу и профсоюзам Индии и к рабочему классу и профсоюзам Англии. По главному докладу Лозовского числятся принятыми только две короткие резолюции (чего-то здесь определенно не хватает). Одна из них призывала к созданию единого фронта рабочих против империализма и к единству профсоюзного движения, другая содержала изложенные подстрекательским революционным языком двенадцать пунктов, касавшиеся тактики классовой борьбы. Более обширная резолюция по политическому докладу Ли Лисаня была довольно туманной. Основной политической задачей рабочего класса признавалось упрочение союза между крестьянами, рабочими и мелкой буржуазией с целью

истребления в кратчайший срок контрреволюционного центра Чан Кайши, состоящего из представителей крупной буржуазии, компрадоров и крупных землевладельцев. Будто бы характеризую движение рабочих и крестьян как «слишком радикальные», крупная буржуазия пытается вызвать колебания среди мелкой буржуазии. Между тем «обвинять революционные массы в „слишком радикальных действиях“, являлось равносильным отрицанию революции». Уханьское правительство (постоянно именуемое Национальным правительством) призывалось «строго наказывать» контрреволюционеров, повинных в репрессиях против рабочих и крестьян. Первейшая задача сводилась к совместным акциям по уничтожению контрреволюционеров. За этим якобы последует реализация «некапиталистических» целей революции. В короткой резолюции безмерно восхвалялся Исполком Всекитайской федерации профсоюзов за «привлечение рабочих к участию в Северной экспедиции и борьбу против ограничения свободы рабочих и крестьян в связи с этой экспедицией». В резолюции, осуждавшей фашизм и фашистские профсоюзы, Чан Кайши называли «главнейшим фашистским лидером» и призывали вооружать рабочих для «борьбы против фашистских убийц и фашистского террора». Это требование повторялось в резолюции по организационным вопросам. Съезд принял также «Экономическую программу», включившую традиционные требования рабочих¹⁴².

Пожалуй, важнее любого заявления съезда были относящиеся к профсоюзам положения резолюции ЦК КПК от 3 июля 1927 г. В них говорилось о необходимости подчинить правительству вооруженные отряды рабочих и распустить пикеты, чтобы избежать «недоразумений». Профсоюзы не должны были вмешиваться в права хозяина, «физически угрожать хозяину, например, арестом, оштрафованием и надеванием высокой шапки»*. «Пионерам» (вероятно, членам Коммунистического союза молодежи) запрещалось «арестовывать и задевать прохожих»¹⁴³.

Лозовский через Шанхай и Владивосток спешно выехал в Москву, где 18 августа 1927 г. как раз вовремя прочел в Политехническом музее лекцию «Революция и контрреволюция в Китае»¹⁴⁴ и опубликовал статью в журнале Коминтерна, в которой с беспредельным оптимизмом отзывался о китайском рабочем движении. Он, в частности, писал: «Экономические забастовки следуют одни за другими; ряд политических выступлений рабочих показал желтым представителям фашистских профсоюзов, что рабочие массы знают им цену. Как только рабочие зашевелились, руководители фашистских союзов сбежали»¹⁴⁵.

Ничто из того, что происходило на месте, не совпадало с этой радужной картиной. Катастрофические события последующих нескольких недель опередили все то, что съезд надеялся или наме-

* Имеется в виду высокий бумажный колпак, надеваемый в наказание за какой-либо проступок. — *Прим. ред.*

ревался достичь, а то, что сохранилось от Красных профсоюзов, стало абсолютно незаконным. Правда, было заявлено, что деятельность нелегальных профсоюзов «не замерла», и прежде всего среди текстильщиков, муниципальных рабочих и печатников Шанхая. Стачки продолжали иметь место, но некоторые из них организовывались «реформистскими» профсоюзами ¹⁴⁶.

В Москве не сразу полностью осознали значение сделки между Фэн Юйсяном и Чан Кайши, которая предполагала роспуск уханьского правительства и левого гоминьдана. Соответствующее сообщение Москва восприняла в смущенном молчании. Свидетельством личной тревоги Сталина может, пожалуй, служить его решение отозвать Роя и направить в Китай другого эмиссара Коминтерна в лице Ломинадзе ¹⁴⁷. Должно быть, где-то в это время Радек опубликовал едкую по содержанию брошюру, в которой анализировалась политическая линия Коминтерна с момента вступления коммунистов в гоминьдан и резко критиковались Бухарин, Сталин, Мартынов и Пеппер. Если ЦК КПК говорил «*на вульгарном языке меньшевизма*», писал он, то в этом повинны Коминтерн и его представители. И далее: «Руководители КПК могут подтвердить протоколами, что целые серии капитулянтских документов, которые появились с их подписями, были санкционированы представителями Коминтерна». «Апрельское поражение» имело свои корни в «неверной политике Коминтерна в течение всего прошлого года» — в политике, которая, «на словах провозглашая гегемонию пролетариата в национальном движении, фактически содействовала гегемонии буржуазии» ¹⁴⁸.

25 июня 1927 г. Зиновьев набрался смелости и составил проект требований о немедленном выходе КПК из гоминьдана, о провозглашении Советов, аграрной революции и «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Данный проект он направил в Политбюро, в Президиум Центральной контрольной комиссии и в ИККИ. Кроме Зиновьева его подписали Троцкий, Радек и Евдокимов ¹⁴⁹. В письме от 7 июля 1927 г., направленном в Политбюро за подписью Евдокимова, Зиновьева и Троцкого, они, еще раз напомнив об уроках поражения, назвали линию большинства «классическим примером меньшевистской тактики в буржуазно-демократической революции» ¹⁵⁰. Это непрекращающееся давление на уязвимые места, должно быть, привело руководство в ярость. Нужно было найти козла отпущения. Приукрасить, по возможности, случившееся и взвалить вину на не слишком широкие плечи руководителей КПК выпало на долю Бухарина. После того, как весть о договоренности между Фэн Юйсяном и Чан Кайши достигла Москвы, Бухарин 30 июня 1927 г. выступил в «Правде» со статьей, в которой высказался против выхода коммунистов из уханьского правительства, поскольку, дескать, именно этого добивается Чан Кайши. Настала пора для крутого поворота и выработки новой политики.

Это сделал Бухарин в своей обширной статье «На крутом пе-

ревале китайской революции», опубликованной в газете «Правда» 10 июля 1927 г. В ней констатировалась «полная капитуляция» уханьского правительства, чья «революционная роль кончилась». Бухарин заявил, что коммунисты должны выйти из правительства («ни одной минуты нельзя оставаться более в уханьском правительстве»), но остаться в гоминьдане. В оправдание подобного курса приводился пример пребывания коммунистов в Лейбористской партии Великобритании. Бухарин обвинил руководителей КПК (не называя фамилий) в том, что они «упорно саботировали решения Коминтерна», не выполнили директивы о самостоятельности КПК, о развертывании аграрной революции, вооружении рабочих и крестьян, об ответных мерах против контрреволюционеров и демократизации гоминьдана. Он получил преимущество в полемике, когда противопоставил содержащееся в тезисах Зиновьева (представленных в апреле 1927 г. в ЦК и в следующем месяце — VIII пленуму ИККИ) предложение о том, что «коммунисты могут и должны поддержать национальные армии и Национальное правительство», и предложение об упорном осуждении тактики поддержки Уханя в заявлении от 7 июля 1927 г.¹⁵¹ Но все это было не очень убедительно, и опасения советских руководителей, что китайская катастрофа может придать силы оппозиции в СССР, отчетливо проступили в заключительной части статьи, содержавшей яростную атаку на Троцкого, Зиновьева и Радека и подкрепленной цитатами из произведений Ленина. Директивы для КПК были краткими и категоричными: *«Экстренная конференция партии, перевыборы ЦК, жестокая критика руководства, выполнение директив ИККИ, решительная борьба, вплоть до исключения из партии, с теми, кто думает, что партия должна быть на поводу у буржуазной верхушки гоминьдана»*¹⁵².

Через несколько дней обвинения Бухарина подкрепило постановление ИККИ, в котором указывалось на «лихорадочно быстрый» темп развития событий, на переживаемые китайской революцией «исключительные трудности», а также на «целый ряд серьезнейших ошибок, которые были совершены за последнее время руководством Коммунистической партии Китая». Что же касается Коминтерна, то в постановлении содержались преимущественно самооправдания; однако то, «что годилось на предыдущем этапе революции, то абсолютно уже не годится сегодня». Коммунистам следовало «демонстративно» выйти из уханьского правительства, которое превратилось в «пособника контрреволюции», но остаться в гоминьдане, чтобы влиять на партийную массу. Руководители КПК (Чэнь Дусю не упоминался) не выполнили указаний, и партия должна «дезаурировать вождей, нарушивших международную дисциплину Коминтерна»¹⁵³. Широко рекламировалась статья одного из сотрудников Коминтерна, Мандалаяна, под названием «Почему обанкротилось руководство Китайской компартии?», в которой мимоходом досталось и Радеку. Но главным мотивом являлось стремление доказать, что, несмотря на резолю-

цию VII пленума ИККИ и последующие директивы Коминтерна, «руководство Китайской коммунистической партии оказалось не на высоте своей исторической задачи»; оно «плелось в хвосте колебавшихся мелкобуржуазных политиканов». В статье неоднократно критиковался лично Чэнь Дусю за меньшевизм; приводились цитаты из брошюры Цюй Цюбо, опубликованной в марте 1927 г. и обвинявшей ЦК КПК в оппортунизме, который является троцкизмом китайской формации¹⁵⁴. По-видимому, это была первая попытка отождествить китайское руководство с русской оппозицией и выставить Цюй Цюбо в качестве соперника и потенциального преемника Чэнь Дусю.

Грубый разнос привел незадачливых руководителей КПК в состояние, граничащее с отчаянием. Примерно в это время в Ухань, наконец, пришел текст резолюции, принятой VIII пленумом ИККИ в конце мая 1927 г.¹⁵⁵ Ее самодовольные выводы, выработанные скорее с прицелом на борьбу с оппозицией в Москве, чем с учетом затруднительного положения КПК, должны были казаться удручающе безотносительными к происходившему. 13 июля 1927 г. ЦК КПК попытался отреагировать на указания Бухарина «декларацией», адресованной гоминьдану. В ней утверждалось, что вопрос касается «жизни или смерти революции», руководители гоминьдана обвинялись в «пассивности, неслыханных колебаниях и шатаниях», в результате чего «руководство попало в руки реакционных военных». В декларации также сообщалось о выходе коммунистов из Национального правительства. Однако КПК намеревалась остаться в гоминьдане, чтобы вести революционную работу со «всеми подлинно революционными элементами»¹⁵⁶. Два министра-коммуниста, которые так и не воспользовались своей властью, заблаговременно подали в отставку. Министр земледелия Тань Пиншань довольно вяло объяснил свое решение плохим здоровьем, а также тем, что «политическое положение» не позволяет ему «направить крестьянское движение по правильному пути»¹⁵⁷. По иронии судьбы именно на следующий день гоминьдан официально исключил коммунистов из своих рядов и начал новое наступление на коммунистические и рабочие организации, которое сопровождалось массовыми арестами и казнями¹⁵⁸. В результате непрерывных гонений рядовые члены КПК в Ухане в течение нескольких последующих недель были разобщены. Сообщалось, что 9/10 ее членов бежали, некоторые стали доносить на своих товарищей. К началу августа в Ухане осталось всего 3 500 коммунистов, и это число уменьшилось наполовину после неудачной забастовки рабочих¹⁵⁹.

Хаос царил среди партийных руководителей. По мнению Бородин, Чэнь Дусю и Тань Пиншаню нужно было бы съездить в Москву для консультации с Коминтерном, а во Владивостоке — основать партийную школу. Центральный партийный орган следило бы перевести в Цзюцзян, а оттуда в Шанхай¹⁶⁰. Но Чэнь Дусю решил, что с него уже достаточно. 15 июля 1927 г. он сооб-

шил письмом о своем уходе с поста секретаря партии и исчез со сцены¹⁶¹. Между тем сам Бородин получил распоряжение вернуться в Москву. 16 июля 1927 г. он в сопровождении Ли Лисаня покинул Ухань и провел десять дней в курортном местечке Кулин, ожидая Ли Лисаня, который совещался с другими партийными руководителями в Цзюцзяне. 27 июля 1927 г. Бородин вернулся в Ухань и отправился долгим маршрутом, пролежавшим по северо-западному Китаю и Внешней Монголии, в Советский Союз. Его проводили с большим почетом Ван Цзинвэй и другие гоминьдановские лидеры, а в Чжэнчжоу его принял Фэн Юйсян¹⁶². Сразу же после отъезда Бородина на его квартиру и на служебное помещение был совершен налет, и Ван Цзинвэй, как говорят, отправил Фэн Юйсяну телеграмму с требованием задержать Бородина. Если эта история правдива, то Фэн предпочел отпустить Бородина с миром¹⁶³. Рой вернулся в Москву по тому же маршруту, но без Бородина, поскольку выехал, вероятно, раньше¹⁶⁴.

Исключение коммунистов из гоминьдана совпало с реформированием гоминьдановского правительства в Ухане. Два его наиболее заметных левых представителя — вдова Сунь Ятсена и Евгений Чэнь — подали в отставку и уехали в Москву, где они способствовали образованию группы левого гоминьдана при Университете им. Сунь Ятсена¹⁶⁵. 20 сентября 1927 г. в Нанкине было провозглашено объединенное Национальное правительство, правда, без участия Ван Цзинвэя. Объединению способствовала формальная отставка Чан Кайши со всех его постов, после чего он отправился с визитом в Японию. В его отсутствие, длившееся два месяца, в Центральном Китае наступил период неразберихи и неуверенности. Когда в июле 1927 г. уханьское правительство потерпело крах, его главная опора — генерал Тан Шэнчжи, принимавший активное участие в массовых репрессиях против коммунистов и восставших рабочих и крестьян¹⁶⁶, взбунтовался против Чан Кайши, попытался учредить в Ухане собственную военную власть и направил армию под командованием генерала Чжан Фауя, чтобы занять Наньчан, столицу провинции Цзянси. Вооруженные силы Нанкина в конце концов разбили Тан Шэнчжи и снова заняли Ухань. Чан Кайши после возвращения в Нанкин и официального восстановления 1 декабря 1927 г. в должности главы правительства и Верховного главнокомандующего начал осуществлять от имени объединенного Национального правительства и объединенного гоминьдана, а также с молчаливого согласия империалистических держав законную, хотя все еще шаткую, власть над значительными территориями Китая.

6) Дорога на Кантон

Один из периодов истории КПК и политики Коминтерна в Китае бесславно закончился. Оставалось только, не признавая ошибок прошлого и прикрываясь громкими фразами относительно ве-

ры в будущее, начать сызнова. Реакцией на поражение должен был стать резкий сдвиг влево, в сторону более радикальных взглядов, которые до тех пор ассоциировались с оппозицией. В длинной и путаной редакционной статье газеты «Правда» от 26 июля 1927 г. был сделан неожиданный вывод о том, что «кризис гоминьдана уже ставит на очередь дня вопрос о Советах». Ранее этот шаг был бы «преждевременным и неуместным». Теперь же коммунисты могли начать «пропаганду идеи Советов». Через два дня в «Правде» появилась статья Сталина, большая часть которой была посвящена Китаю. Вернувшись к сомнительной аналогии между китайской революцией и двумя русскими революциями, он заметил, что поражение в Китае, возможно, напоминает поражение в России в 1905 году, которое прервало развитие революции на двенадцать лет. Однако оно может быть похоже на то поражение в июле 1917 года, в результате которого большевики оказались в подполье, чтобы через несколько месяцев выйти оттуда и победить. Из обеих аналогий следовало, что Китай теперь переживал свой 1917 год, а это был огромный шаг на пути перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Но Сталин сразу же из предосторожности добавил, что аналогия, «конечно, условная» и что существуют различия между тогдашней ситуацией в Китае и положением в России в 1917 г. Предусмотрительно он указал на границы применения нового лозунга о Советах, пояснив, неоднократно повторяясь и особо подчеркивая, что «надо вести широчайшую пропаганду в широких массах трудящихся за идею Советов, не забегая вперед и не образовывая теперь же Советов, помня, что Советы могут расцвести лишь в условиях мощного революционного подъема»¹⁶⁷. Подобные заявления на расстоянии были мало связаны с теми насущными проблемами, которые не давали покоя измученным руководителям КПК на месте.

Крах в Ухане привел к рассредоточению и, по существу, к прекращению функционирования ЦК КПК. 19 июля 1927 г. несколько членов ЦК, включая Ли Лисаня и Тань Пиншаня, собрались в Цзюцзяне и договорились о необходимости решительных мер для противодействия только что нанесенным партии жестоким ударам. Наньчан (столицу провинции Цзянси) оккупировали войска Чжан Факуя, который, являясь подчиненным Тан Шэнчжи, был не в ладах с Чан Кайши¹⁶⁸. Чжана считали сторонником левого гоминьдана, и он, по данным одного источника, «неоднократно пытался найти общий язык с коммунистами»¹⁶⁹. Двое из его генералов, Хэ Лун и Е Тин, сочувствовали коммунистам¹⁷⁰. Подобные обстоятельства, казалось, звали к действию. Было решено «начать восстание широких крестьянских масс во время осеннего урожая» и одновременно, усиливая его, приступить к осуществлению честолюбивого военного плана. Как предлагалось, Хэ Лун и Е Тин должны были заявить о неподчинении нанкинскому правительству и выступить со своими войсками из Наньчана в южном

направлении в провинцию Гуандун, чтобы поднять знамя революции в Южном Китае. Цюй Цюбо после консультаций с группой одобрил разработанный ею план и взялся представить его Центральному комитету¹⁷¹. Как раз в этот момент, 23 июля 1927 г., Ломинадзе прибыл в Ухань с широкими полномочиями Коминтерна и личным мандатом Сталина. Его приветствовали Цюй Цюбо и Чжан Готао в качестве оставшихся представителей Центрального комитета. Чжоу Энълай уже уехал в Наньчан. Ломинадзе имел четкие указания — возложить всю вину за случившееся на КПК, вскрыть «оппортунистические ошибки» ее Центрального комитета и потребовать «наказать Чэнь Дусю, Тань Пиншаня» и других виновных¹⁷². По этим вопросам он занял жесткую позицию и без особых трудностей, с помощью лести и запугивания, добился согласия впавших в уныние руководителей КПК. Как далеко он зашел в применении новых инструкций по насущным проблемам — было не совсем ясно.

Решающее совещание состоялось в Ухане 26 июля 1927 г. На нем присутствовали Цюй Цюбо, Чжан Готао, два других члена ЦК, Блюхер и еще один советский военный советник под именем Фэн Го, два переводчика и Ломинадзе, в двойной роли представителя Коминтерна и КИМа. Блюхер доложил результаты беседы с Чжан Факуем и выразил надежду, что генерал, который происходил из Кантона, согласится принять участие в походе на юг и не будет принуждать Е Тина порвать с коммунистами. Если Чжан согласится, то, по мнению Блюхера, поход мог бы собрать 30 тыс. штыков, и этого количества было бы достаточно, чтобы справиться с любым возможным сопротивлением. Без Чжана Хэ Лун и Е Тин могли бы иметь в лучшем случае 8 тыс., а в худшем — не более 5 тыс. человек. Тем не менее, Блюхер явно полагал, что попытаться выступить следует в любом случае. Здесь Ломинадзе зачитал только что полученную из Москвы телеграмму. Коминтерн, проконсультировавшись с Ломинадзе после его первой беседы с Цюй Цюбо и Чжан Готао, пришел к выводу, что «если нет шансов на победу, восстание поднимать не следует». Во всяком случае советские советники участвовать в нем не должны. Как рассказывали, Ломинадзе добавил, что Коминтерн не будет финансировать поход. Более оптимистически настроенные члены ЦК не без основания посчитали, что формулировка Коминтерна могла означать только одно — если существует хотя бы какой-то шанс на победу, то поход следует начать. Другие оговорки просто отбросили как не имеющие отношения к сути дела. Один из вопросов не представил никаких трудностей. Ломинадзе привез указание — формально не порывать с гоминьданом и пока осуществлять операции под его флагом. Следовало сохранить видимость союза с левым гоминьданом. План был одобрен. Как видно, ни Блюхер, ни Ломинадзе не выступили против него, и Чжан Готао с неохотой принял поручение — передать послание в Наньчан¹⁷³. Пикантная деталь: совещание состоялось накануне окончательного отъ-

езда Бородина из Уханя¹⁷⁴. По всем признакам, с ним не советовались, и нет никаких сведений о том, что он встречался с Ломинадзе.

Совсем не просто воссоздать ту общую атмосферу, в которой принимались эти решения. Справедливости ради нужно сказать, что никто в Коминтерне не был в состоянии оценить перспективы этого военного предприятия. Его представители на месте высказывались неопределенно. Мнения членов ЦК КПК разделились. Незадачливые руководители КПК имели все основания чувствовать, что Коминтерн давал противоречивый совет. Выступая, в принципе, за активные действия, он сохранял за собой право — в случае неудачи поставить КПК в вину любое конкретное действие. В журнале Коминтерна Мартынов писал, что «местные организации Киткомпартии страдали левым уклоном, а ЦК Киткомпартии страдал правым уклоном», и оба эти уклона являлись отклонениями «от правильной ленинской линии Коминтерна»¹⁷⁵. После летней катастрофы рабочие, крестьяне и рядовые члены КПК будто бы повсеместно требовали вооруженных акций¹⁷⁶. Действия китайского Коммунистического союза молодежи свидетельствовали об агрессивных настроениях среди части китайских коммунистов и об их поддержке Москвой. В статье, опубликованной в «Правде» 10 июля 1927 г., Бухарин с ироническим удовлетворением писал о том, что Центральный комитет этого союза молодежи «полностью присоединился к «непрактичным» решениям КИ и в своей резолюции решительно протестовал против шатаний и колебаний ЦК Киткомпартии». ЦК Союза молодежи, по его словам, взял правильную линию «в вопросе экспроприации имущества и земли», а также по другим проблемам¹⁷⁷. 27 июля 1927 г. Коммунистический союз молодежи Китая опубликовал воззвание, где повторялось знакомое осуждение предательства уханьского правительства и призыв к массам «свергнуть власть генералов и помещиков, овладеть землей, уничтожить джентри и осуществить свою волю с помощью вооруженной силы»¹⁷⁸.

Вопрос о предстоящем восстании в Наньчане встал снова во всем значении, когда обнаружилось, что Чжан Факуй ведет переговоры с Ван Цзинвэем и Сунь Фо и что придется отказаться от надежды на его помощь. Когда же Чжан Готао после временной остановки в Цзюцзяне 30 июля 1927 г. прибыл в Наньчан, он был полон скептицизма. И это, как видно, отразилось на его сообщении об уханьском совещании. Но решимость, по крайней мере некоторых из руководителей, была непоколебима. Ли Лисань заявил, что все уже готово и нет необходимости в дальнейших дискуссиях. Чжоу Энълай угрожал подать в отставку, если выступление будет вновь отложено¹⁷⁹. Восстание успешно началось 1 августа 1927 г. (С тех пор в этот день ежегодно торжественно отмечается годовщина создания китайской Красной армии). Ли Лисань приветствовал восстание как «начало захвата рабочими и крестьянами непосредственной политической власти»¹⁸⁰. С от-

рядом из 10 тыс. бойцов (часть из них сомнительной лояльности) Хэ Лун и Е Тин отправились в поход на юг¹⁸¹. Несмотря на запрет Ломинадзе, войска сопровождал по меньшей мере один советский военный советник¹⁸².

После того, как начался поход, 7 августа 1927 г., вероятно, в Ухане тайно собрались остатки ЦК КПК. Точный статус совещания не известен. В статье, опубликованной в «Правде» 10 июля 1927 г., Бухарин призывал к «экстренной конференции партии». Цюй Цюбо заявил, что она была «созвана по телеграфному указанию и под руководством представителя Коминтерна»¹⁸³. Это не помешало публикации ее выводов в официальном издании в качестве «Тезисов ЦК Коммунистической партии Китая». Выступая в следующем году на VI съезде партии, Цюй Цюбо заявил, что на этом мероприятии присутствовало двенадцать членов и три кандидата в члены Центрального комитета, пять членов ЦК Коммунистического союза молодежи, два местных делегата, а также Дэн Чжунся, исполнявший обязанности секретаря ЦК после ухода Чэнь Дусю¹⁸⁴. По всем признакам, руководил дискуссией Ломинадзе. Однако взаимное понимание было связано с огромными трудностями. Из китайских руководителей только Цюй бегло говорил по-русски. Ломинадзе не знал китайского и не владел так свободно, как Бородин и Рой, английским языком. Следовательно, и общий для стран Дальнего Востока жаргон не мог быть использован. На VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. Катаяма указывал на «языковые трудности», которые «тормозили быстрые действия» и способствовали появлению «роковых ошибок», подобных тем, которые допустила китайская компартия¹⁸⁵.

Подробного отчета о том, что происходило на совещании, не публиковалось. Согласно более поздней критической резолюции партийного комитета провинции Цзянсу, в представленном на совещании политическом докладе признавалось, что после тяжелого поражения рабочие Уханя отказались от партийных руководителей, что объективная революционная ситуация отсутствует, но тем не менее утверждалось, что преобладающие экономические, политические и социальные условия благоприятствуют восстанию¹⁸⁶. «Письмо», или меморандум, предложенное на рассмотрение совещания и включенное в опубликованный официальный протокол, по всей вероятности, написал Цюй Цюбо под руководством Ломинадзе. В нем подробно разбирались большие расхождения между полученными от Коминтерна инструкциями и действиями и заявлениями руководителей КПК. ЦК КПК якобы совершенно пренебрег рекомендацией VIII пленума ИККИ, состоявшегося в мае 1927 г., — сохранить «собственное политическое лицо» и сделать все возможное, «чтобы полностью ассимилироваться с гоминьдановским „левым“ руководством». Чэнь Дусю якобы считал, что, находясь в блоке с гоминьданом, КПК не в состоянии сохранить *«самостоятельность на сто процентов»*. «Ставка на

вождей уханьского ЦК гоминьдана» оказалась «битой совершенно». Будущий блок с «левым революционным гоминьданом» должен был стать блоком «с его низами, с трудовой массой его членов, с низовыми организациями», которые могут открыто бороться против предательства собственных вождей. Позиция руководителей КПК побудила Коминтерн прибегнуть к самой жесткой из своих терминологий. Это был уже не «оппортунизм» и не «согласительство», а «ликвидаторство». В партии царил «патриархальный строй», все вопросы решались партийной верхушкой, и мнение вождей считалось не только обязательным, но и безусловно правильным во всех случаях. Письмо заканчивалось признанием справедливости критики Коминтерна, правильности его позиции по китайскому вопросу и призывом к КПК «исправлять тяжелые ошибки прошлого и наметать новые пути»¹⁸⁷. Вспоминая характер инструкций Ломинадзе, можно сказать, что осуждение прошлого было четким и определенным, а вот рекомендации на будущее — смутными и уклончивыми.

Изложенные коминтерновским языком и принятые конференцией обширные тезисы выявились, вероятно, в большей своей части работой Ломинадзе. «Разрыв блока между „национальной” буржуазией и рабоче-крестьянским движением» признавался неизбежным. Но характер, который принял этот разрыв, был обусловлен ошибками КПК, которая до и в особенности после апреля 1927 г. «вместо революционной, большевистской тактики» проводила капитулянтскую и ликвидаторскую линию. Наньчанский переворот определялся как «восстание, организованное коммунистами в частях армии Чжан Факуя, и поход частей этой армии во главе с коммунистами на юг с лозунгами аграрной революции». Это приветствовалось как доказательство существования «объективных предпосылок для нового подъема». Аналогичный прогноз следовал из факта «наличия очагов революционного крестьянского движения в ряде провинций (Гуандун, Хунань, Хубэй, Шаньси и Хэнань)». Партии настоятельно рекомендовалось начать «подготовку и организацию вооруженного воостания в провинциях, являющихся центрами аграрного движения, теперь же, в период осеннего сбора урожая и выплаты арендной платы и налогов». Нужно было приступить к «немедленной подготовке и организации революционного восстания во всех провинциях Китая, где это допускает объективная обстановка». Все эти действия получили благословение ЦК, но было важно «не играть с восстанием, тщательнейшим образом готовить его технически, организационно и политически». Работа по разложению «национально-революционной» армии была настоящей и неотложной. «Создание новой революционной армии,— говорилось далее,— построенной не по принципу наемничества, а на добровольности и затем даже на принудительности набора, армии с широкой (разветвленной) сетью политработников и институтом комиссаров, с надежным, преданным делу революции командным составом».

вом, — является одной из самых важных задач, стоящих перед революционным движением». Революция, однако, пока еще являлась «революцией демократической». В документе неоднократно подчеркивалось, что восстания следовало организовывать «под флагом революционного левого гоминьдана». Провозглашение Советов считалось необходимым только в том случае, если «ставка на революционный гоминьдан» окажется «совершенно неудавшейся». До тех пор партия должна была «ограничиваться одной пропагандой идеи Советов»¹⁸⁸.

Конференция также одобрила длинное циркулярное письмо ко всем членам партии, по существу представляющее собой всеобъемлющее изложение политической линии. Прошлые неудачи без всяких колебаний объяснялись ошибками партийных руководителей. Конкретно критиковались Чэнь Дусю и Тань Пиншань. С одной стороны, как и в последних директивах из Москвы, много внимания было уделено аграрной революции и конфискации земель крестьянами. «Оппортунизм», в котором неоднократно обвинялись руководители, проявился в их попытках сдерживать революционные выступления крестьян и рабочих, а также в непринятии мер для их вооружения. С другой стороны, упорное нежелание Москвы совсем отделиться от гоминьдана явилось причиной некоторых осторожных предписаний. Относительно уханьского правительства не могло быть больше никаких иллюзий. Вместе с тем будущий альянс с гоминьданом должен был стать блоком с левым революционным гоминьданом, то есть с его трудовой массой, низовыми организациями¹⁸⁹. Был принят также ряд подробных резолюций, предназначенных для претворения в жизнь этой политики. Партии предстояло «признать гоминьдан и превратить его в настоящую массовую организацию городских и деревенских масс» и включить в него «в широких масштабах» организации рабочих и крестьян и военные отряды. Было создано Временное Политбюро из семи человек и проведена подготовка к реорганизации партии на нелегальной основе¹⁹⁰. Из Чэнь Дусю сделали главного козла отпущения за прошлые грехи, и на посту секретаря партии его сменил Цюй Цюбо. Чэню вряд ли удалось бы избежать суровой критики за перенесенные в период его руководства бедствия. Однако решение о его замене одобрил (а может быть, даже и инспирировал) Коминтерн в лице своего представителя Ломинадзе. Отсутствовавшего Мао Цзэдуна произвели в члены Политбюро, вероятно, желая тем самым подчеркнуть ту важность, которая придавалась аграрному движению.

Через два дня в Москве ЦК российской партии в конце заседания, ставшего ареной ожесточенной и непрерывной полемики с оппозицией¹⁹¹, одобрил резолюцию по международным вопросам с разделом, посвященным китайской революции, в котором воспроизводилась не только суть, но и сама терминология письма КПК от 7 августа 1927 г. «Главными лозунгами Коминтерна» провозглашались: «развертывание аграрной революции, захват

земли крестьянами снизу, развертывание рабочего движения, вооружение рабочих и крестьян, демократизация гоминьдана и снятие с постов его шатающихся руководителей». В резолюции предсказывалось, что *«временное поражение революции будет сменено в сравнительно короткий срок новым ее подъемом»*. И когда впоследствии участники конференции 7 августа 1927 г. упрекали в разжигании путчистских настроений, то аналогичное обвинение следовало бы высказать и в адрес авторов московской резолюции от 9 августа. В ней повторялось положение о *«пропаганде идеи Советов»* и предусмотрительно подчеркивалось его отличие от лозунга *«непосредственной борьбы»* за организацию Советов. В такой расплывчатой форме требование Советов было объявлено соответствующим новому этапу революции¹⁹².

В это время в официальной политике Коминтерна возникла важная тема, которая приобрела характер навязчивой идеи. Поскольку отрицать всю значительность китайской катастрофы было невозможно, ответственность за случившееся следовало переложить с руководителей Коминтерна на руководство китайской компартии. И поскольку взаимные обвинения, связанные с Китаем, занимали важное место в борьбе с оппозицией, достигшей своего апогея, нужно было установить аналогию между ошибками КПК и русской оппозиции. Такой синтез имел место в статье «Идеологические источники ошибок руководства КПК», опубликованной в августе 1927 г. в журнале Коминтерна. По мнению ИККИ и российской партии, китайская революция сочетала в себе характерные черты движения за национальное освобождение и аграрной революции. Руководители КПК признавали лишь ее национально-освободительную сторону и отрицали важную роль остатков феодализма в китайской деревне, отрицали аграрную революцию. Таким путем они, подобно Троцкому, совершили «механическое разделение задач китайской революции» — удивительное извращение теории перманентной революции Троцкого. Отвергая, по примеру Троцкого, ленинское положение о революционно-демократической диктатуре рабочих и крестьян, они якобы «отказывались от борьбы за гегемонию, от борьбы за превращение уханьского правительства в орган демократической диктатуры, от борьбы за завоевание низового аппарата власти» и, подобно Троцкому, стали сбиваться «на противопоставление классовых интересов пролетариата интересам борьбы за национальное освобождение, на цеховое понятие самостоятельности пролетарского движения». Из виновных руководителей по фамилии были названы только Чэнь Дусю и его верный последователь Пэн Шучжи. С одобрением цитировались высказывания Цюй Цюбо — еще один симптом признания нового руководителя¹⁹³.

В то время как ЦК КПК 7 августа 1927 г. вел дебаты, армии Хэ Лина и Е Тина уже были на марше. В редакционной статье «Правды» под ироническим заголовком «В Китае все спокойно!»

рассказывалось о продвижении «пока немногочисленных» революционных частей из Наньчана в Гуандун, где широко развертывалось встречное «брожение масс». Эти события приветствовались как начало борьбы против уханьского правительства¹⁹⁴. Политическая работа направлялась комитетом, костяк которого составляли коммунисты во главе с представителем ЦК КПК Тань Пиншанем. Этот комитет, величавший себя комитетом китайской национально-революционной партии, избегал названия «коммунист» и претендовал на роль защитника «истинного» гоминьдана, которому изменили и Нанкин, и Ухань. Но поход был плохо подготовлен и скверно организован, маршировавшие больше походили на пеструю толпу. Как заметил один из журналистов, «вряд ли можно было рассчитывать за короткий промежуток времени превратить наемных солдат, составлявших главную силу отрядов, в убежденных революционных бойцов»¹⁹⁵. Было мало носильщиков (сельская местность не пригодна для колесного транспорта) и не хватало денег. Войска продвигались по пересеченной местности. Здесь не было промышленности, только отсталое сельское хозяйство. Не существовало никакого организованного крестьянского движения. Аграрная программа предусматривала конфискацию земельных угодий размером лишь свыше 200 му, каких в данной части Китая, по-видимому, было немного. Такой слишком высокий предельный размер породил протесты и на более позднем этапе похода был снижен до 50 му. Однако, по имеющимся данным, программу в общем не осуществили. Крестьяне не объединялись для поддержки участников марша, и никаких мер не принималось в отношении крупных помещиков, тухао и шэньши. По мере продвижения вперед армия таяла в результате дезертирства и высокой смертности от болезней и истощения. Военные столкновения были редкими. 24 сентября 1927 г. после почти двухмесячного марша войска, не встретив сопротивления, заняли Сватоу, порт, открытый для торговли (в силу международных соглашений) и соседний город Чаочжоу¹⁹⁶.

В Москве было трудно оценить характер и перспективы этого изолированного и внепланового похода. В памятной записке, по всей видимости, составленной во второй половине сентября 1927 г., Троцкий прямо признал, что не в состоянии определить, следует ли отнестись к этому походу как к запоздалому рискованному предприятию левых сил, или же рассматривать его в качестве важной новой главы в китайской революции¹⁹⁷. Китай опять стал яблоком раздора, когда Троцкий на заседании Секретариата ИККИ 27 сентября 1927 г. повторил прежнее обвинение, состоявшее в том, что партия гоминьдан продолжает пребывать в рядах Коминтерна. На это Бухарин настойчиво потребовал от Троцкого сообщить «дату постановления, решения, документ, который говорил бы о приеме гоминьдана в Коммунистический Интернационал». Ни тот, ни другой не обсуждали сложившуюся в Китае ситуацию¹⁹⁸. По всем признакам, однако, в партии преобладали

воинственные настроения. Недавно вернувшийся из Китая Лозовский в статье, опубликованной в партийном журнале, критиковал контрреволюционную теорию «о незрелости рабоче-крестьянского движения, о чрезмерных требованиях рабочих, об эксцессах крестьян и т. д.»¹⁹⁹. Миф, также возвратившийся из Китая, докладывая Коминтерну о состоявшемся летом V съезде КПК, обвинил КПК в том, что она в ответ на «наступление» гоминьдана заняла «оборонительную позицию» и не приняла так называемую «платформу отступления»²⁰⁰. В этот момент Сталин решил направить в Китай в качестве еще одного эмиссара энергичного немецкого коммуниста Неймана с задачей — побудить колеблющуюся КПК к более революционным действиям²⁰¹. В номере от 30 сентября 1927 г. «Правда» назвала поход из Наньчана «началом нового подъема революции» и добавила, что она имеет исходным пунктом «не города, не центры промышленного пролетариата, а крестьянское партизанское движение». Статья обратила внимание на прогресс революционной программы. По мере подъема революции, ее распространения на промышленные центры «лозунг Советов из лозунга пропаганды должен стать лозунгом действия». Но любой намерен исключительно на опору на Советы рабочих смягчался заявлением о том, что после захвата власти крестьянскими союзами и комитетами они должны превратиться в Советы крестьянских депутатов. Более того, задачи новой власти определялись как «задачи антиимпериалистической революционно-демократической диктатуры». Социалистическая диктатура пролетариата пока что не предусматривалась. Чтобы оправдать эмпирический вывод, сослались на высказывания Ленина в 1917 г. Отвергая какую бы то ни было схоластику и какой бы то ни было «теоретический талмудизм», надо было «делать то, что ведет к победе революции». В заключение статья напоминала о связи побед нанчанской армии с аграрной революцией. Но даже этот едва приметный сдвиг в сторону более активной революционной программы оказался преждевременным. Почти в тот же самый момент, когда печатались эти слова, разразилась катастрофа. На пути выступившего из Сватоу в южном направлении похода уже сосредоточились лояльные подразделения национальных войск Кантона. В развернувшемся сражении революционная армия была разбита и уничтожена. Многие оставшиеся в живых, включая большинство руководителей, бежали в Гонконг. Небольшой отряд под командованием Чжу Дэ сохранил боевые порядки и отступил в глубь страны, где на границе с провинцией Цзянси, в конце концов, соединился с войсками Мао Цзедунa²⁰².

Не увенчалось успехом и другое восстание, первоначально спланированное после уханьского разгрома и санкционированное в тезисах ЦК КПК от 7 августа 1927 г., хотя оно и имело более реальные предпосылки, ибо отдельные и стихийные вспышки насилие со стороны крестьян были в тот период обычным явлением²⁰³. Речь идет о так называемом восстании «Осеннего урожая»

в отдельных провинциях Центрального и Южного Китая. После совещания 7 августа Мао отправился в Хунань, чтобы приступить к осуществлению одобренных ЦК планов. Здесь преобладали радикальные настроения. Вскоре после его прибытия на место не названный по фамилии товарищ принес весть о том, что Коминтерн издал новую директиву, в пользу немедленного образования Советов. Это сообщение не соответствовало действительности. В резолюции ИККИ от 9 августа 1927 г., как и в тезисах Центрального комитета, утвержденных двумя днями ранее, подобный шаг совершенно недвусмысленно отвергался. Однако Мао с радостью встретил это сообщение как равнозначное признанию, что китайская революция миновала этап 1905 года и достигла уровня 1917 года. Отсюда Мао сделал вывод, что теперь необходимо отказаться от флага гоминьдана, который «стал флагом милитаристов», и «немедленно и решительно поднять красный флаг». В результате бесед с крестьянами Хунани он также пришел к выводу, что необходимо «полное решение земельного вопроса», и потребовал конфискации всей земли и ее справедливого распределения среди тех, кто ее обрабатывает. Имея подобную программу, Мао предложил собрать все наличные войска (всего четыре полка) и атаковать провинциальную столицу город Чанша, где в прошедшем мае был совершен контрреволюционный переворот. Эти планы он изложил в письме в Центральный комитет, написанном 20 августа 1927 г. от имени хунаньского провинциального комитета партии²⁰⁴, который якобы просил ЦК выделить два полка для наступления на Чанша²⁰⁵.

Эта независимая инициатива, далеко выходящая за рамки осторожных тезисов от 7 августа 1927 г., не могла доставить удовольствие Центральному комитету, который в своем ответе от 23 августа с неодобрением отозвался о намерении отказаться от гоминьдановского флага и образовать Советы, а также о радикальной программе земельной реформы. Одобряя, в принципе, план нападения на Чанша, ЦК посчитал, что оно скорее должно принять форму «не просто военной операции», а массового крестьянского восстания. В резком ответном письме от 30 августа 1927 г. Мао обвинил Центральный комитет в том, что он проводит «противоречивую политику, пренебрегая военной стороной дела и одновременно жажда вооруженного восстания народных масс», и затем поступил по-своему. Однако военная операция потерпела фиаско. Атака на Чанша была отбита с большими потерями. С остатками войск, численностью не более тысячи человек, Мао 15 сентября 1927 г. ушел из этого региона и, в конце концов, создал базу в Цзингашани, отдаленной и труднодоступной горной местности на границе провинций Хунань и Цзянси²⁰⁶.

Реагируя на поражение, ЦК КПК высказал Мао порицание за «измену» под Чанша и стал хунаньскому провинциальному партийному комитету бесполезное распоряжение — возобновить наступление. Более важное значение имела резолюция Централь-

ного комитета от 19 сентября 1927 г., которая сильнее, чем в тезисах от 7 августа 1927 г., обозначила изменение партийной линии, ее резкий поворот влево. В ней отмечалось «беспрецедентное обострение классовой борьбы как в городе, так и в деревне» и разложение в «буржуазно-милитаристском лагере». Было решено «дополнить план восстания осеннего урожая планом вооруженного восстания в промышленных центрах Китая». Комитет теперь высказался за те же самые пермены, за которые ратовал Мао месяц тому назад, — за отказ от гоминьдановского флага, за образование Советов и конфискацию земли²⁰⁷. Вполне логично предположить, что эти решения были приняты с одобрения Ломинадзе. Правда, трудно сказать, получил ли он из Москвы новые инструкции или же посчитал, что его действия укладываются в рамки первоначальных директив.

Дальнейшие неприятности для партийного руководства возникли из-за ожесточенных пререканий с партийным комитетом провинции Цзянсу, чья юрисдикция распространялась и на Шанхай, где размещалась штаб-квартира Центрального комитета. В сентябре 1927 г. этот провинциальный комитет решил воспользоваться неразберихой, последовавшей за уходом Чан Кайши, спланировал переворот, чтобы завладеть бывшими помещениями шанхайского Генерального совета профсоюзов. Центральный комитет, назвав попытку «авантюрой», прибег к авторитету Ломинадзе, чтобы остановить эту акцию. Кроме того, партийный комитет провинции Цзянсу предложил участвовать в церемонии приветствия Ван Цзинвэя, посетившего в тот период Шанхай. Центральный комитет осудил это как «пережиток старого оппортунизма» и ошибочной тактики противопоставления одного крыла гоминьдана другому²⁰⁸. Диссиденты из Цзянсу излили свою досаду в резолюции, в которой, согласившись с мнением Центрального комитета, что конечная цель — вооруженное восстание, в то же время настойчиво доказывали, что это не является «непосредственной задачей дня». «Толкнуть рабочие массы на вооруженное выступление *сегодня* было бы гибельной *авантюрой* и привело бы движение и нашу партию к полному разгрому», — писали они. В резолюции Центральный комитет упрекали за неспособность «замечать поражения и упадочные настроения среди рабочих», поддерживать «экономическую борьбу пролетариата», за присущие его политике «путчистские тенденции», а также за чрезмерный упор на крестьянские восстания. В резолюции было обещание поддержать «организацию подлинного левого революционного гоминьдана», и выражалось мнение, что «центр тяжести» партийной работы следует перенести на «руководство экономической борьбой рабочих». В заключение в резолюции с известной снисходительностью говорилось: «Во всех остальных вопросах шанхайская организация Китайской компартии должна руководствоваться постановлениями общепартийной чрезвычайной конференции [от 7 августа] и тезисами ЦК Китайской компартии» от 19 сентября²⁰⁹.

В последующей резолюции от 12 октября 1927 г. партийный комитет провинции Цзянсу заявил, что доводы в пользу поддержки левого гоминьдана утратили свое значение, приветствовал решение Центрального комитета от 19 сентября 1927 г. об отказе от гоминьдановского флага. Однако в принятой на следующий день резолюции «О ликвидации оппортунизма» провинциальный комитет, признав собственные прошлые ошибки, обвинил Центральный комитет в том, что он является «источником оппортунизма в Китайской коммунистической партии»²¹⁰. Размолвки в партии, не позволявшие выработать четких политических решений или рекомендаций, якобы являлись отражением пораженческих настроений и упадка духа. Ничто пока, казалось, не оправдывало выраженной Коминтерном и ЦК КПК веры в подъем революционных сил уже в ближайшем будущем.

Совещание ЦК КПК, состоявшееся в Шанхае 9—10 ноября 1927 г., проходило на фоне неудачи маоцзедуновского крестьянского восстания в Хунани, крушения военного похода Хэ Луна и Е Тина и изменения линии партии, имевшего место в сентябре 1927 г. По всей видимости, на ход обсуждения по-прежнему оказывал влияние Ломинадзе. Однако весьма вероятно, что на нем присутствовал и новый эмиссар Сталина Нейман, который прибыл, чтобы приободрить, а может быть даже, имея твердые указания, побудить КПК к более активным действиям²¹¹. Руководство КПК находилось в руках уступчивого Цюй Цюбо. Принятая на совещании политическая резолюция начиналась с одобрения радикальной резолюции от 19 сентября 1927 г. Затем в ней говорилось о невозможности стабилизации буржуазно-милитаристского режима, отвергались любые проекты оживления гоминьдановского альянса и подтверждался лозунг «Вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». Преобладала оптимистическая нота. «Сила революционного движения трудящихся масс Китая, — указывалось в резолюции, — не только не исчерпана, но именно теперь начинает сказываться в новом подъеме революционной борьбы». В документе признавалось наличие «во всем Китае *напосредственно революционной ситуации*», правда, с оговоркой, что считать «полную победу» неизбежной «в самом ближайшем будущем» нельзя. На этом месте из-за грубой промашки, за которую впоследствии критиковали Ломинадзе, резолюция переходила за тонкую грань, отделявшую официальную политику от прошлых еретических высказываний Троцкого. «Китайская революция, — говорилось в ней далее, — носит хотя и длительный, но зато непрерывный характер. По своему характеру она является тем, что Маркс называл „перманентной революцией“». Революция «продолжает быть демократической», но «должна радикальнейшим способом разрешить свои демократические задачи и по пути своего дальнейшего быстрого развития перейти на социалистический путь». Конфискацию земли и ее передачу земледельцам следовало

организовать через крестьянские Советы. Неудача с восстанием «Осеннего урожая» объяснялась односторонней ставкой только на крестьянство. «Без руководства и помощи рабочего класса, — утверждалось в резолюции, — чисто крестьянские восстания не могут достигнуть окончательной победы». Отсюда следовало, что укрепление *«связи между восстаниями рабочих и восстаниями крестьян — самая важная задача партии»*²¹². Комитет принял проект аграрной программы, подлежащий обсуждению в местных партийных организациях, который подпортила еще одна неосторожность. «Стечение исторических обстоятельств» будто бы привело к «образованию в Китае социального и экономического порядка, который Маркс и Энгельс, а затем и Ленин называли «азиатским способом производства». «Пережитки этого порядка» якобы препятствовали переходу к новому способу сельскохозяйственного производства²¹³. Для вопроса о профсоюзах оказалось достаточно только одного абзаца, дополнявшего традиционное осуждение поддерживаемых правительством профсоюзов. Он имел следующую формулировку: «Террор против правительственных чиновников в союзах вполне правилен и необходим при условии, когда в борьбу втягиваются рабочие массы (пример — Кантон)»²¹⁴. Комитет также принял резолюцию по организационному вопросу, в которой критиковалась его собственная прошлая деятельность и признавалось, что «руководящая роль в КПК... сохранилась за выходцами из мелкобуржуазных слоев». Количество членов партии, которое ко времени V съезда в апреле 1927 г. достигло 58 тыс. человек, теперь составляло «немногим свыше 10 000». Как-то безотносительно резолюция потребовала «громадное большинство передовых, хотя и беспартийных, рабочих *индивидуально* вовлекать в члены профсоюзов» и обязать платить «ежемесячные членские взносы, хотя бы и самые незначительные»²¹⁵.

Решения, принятые Центральным комитетом под опекой Ломинадзе и Неймана, были для партии обязательными. И если «путчистские тенденции» отмечались и в тезисах от 7 августа, и в резолюции от 19 сентября 1927 г.²¹⁶, то такое же обвинение с еще большим основанием можно было бы выдвинуть против резолюции от 9 ноября. Новые руководители не были расположены терпеть оппозицию. Через несколько дней Политбюро вынесло приговор тем, чьи ошибки, как полагали, явились причиной неудач последних трех месяцев. Со времени назначения на пост министра земледелия Тань Пиншань неизменно противился революционной аграрной политике, в том числе экспроприации и казням «тухао и лешэнь», не подчинялся директивам партии и продолжал агитацию за создание «третьей партии» из диссидентов КПК и левого гоминьдана. За это его исключили из партии. Чжан Готао признали виновным в том, что он не выполнил указания уханьского партийного комитета, выступал против наньчанского восстания и экспроприации земли. За эти проступки его вывели из состава Центрального комитета и Политбюро. Такая же судьба постигла и Мао

Цзэдуна, принадлежавшего к «ядру» хунаньского провинциального комитета, которое отгородилось от крестьянских масс и совершило ошибку, выражавшуюся в «военном оппортунизме»²¹⁷.

Эти разбирательства были лишь прелюдией к дерзкому плану захвата власти в провинции Гуандун организованными рабочими и крестьянами, руководимыми коммунистами. 17 ноября 1927 г., когда Ломинадзе уже покинул Шанхай и пост представителя Коминтерна перешел к Нейману, Центральный комитет составил для размещавшегося в Кантоне гуандунского провинциального комитета партии подробные инструкции. Следовало призвать рабочих и крестьян всей провинции «поднять восстание и учредить политическую власть через съезд Советов рабочих, крестьян, солдат и бедняков». Рабочие должны были взять инициативу в революционных профессиональных союзах, «сокрушить... реакционные организации и убить реакционных главарей», провозгласить «всеобщую политическую забастовку с целью захвата власти». «Революционная армия рабочих и крестьян Хайфына» должна была «мобилизовать крестьянские массы», чтобы «убивать помещиков, делить землю и расширять аграрную революцию». Сохранившимся отрядам наньчанской армии, отступившим в провинцию Цзянси, следовало вернуться в приграничные районы и разжигать крестьянские бунты. Обстановка в Гуандуне сложилась благоприятная, и провинциальному партийному комитету нужно было мобилизовать все силы на выполнение этих указаний²¹⁸.

Было бы несправедливо утверждать, что авантюристическая политика, приведшая к Кантонскому восстанию, осуществлялась КПК против собственного желания под давлением Москвы. Чэнь Дусю был осторожным человеком, не считавшим, что КПК созрела для вооруженного восстания. После смещения с поста руководителя партии за «оппортунизм» его преемники почти автоматически были обязаны проводить более радикальную политику. Осенью 1927 г. партия начала издавать новый журнал «Пурхсейко» («Большевик»). Первый номер содержал статью Цюй Цюбо «Новый путь китайской революции после краха гоминьдана», в которой твердо провозглашалась следующая доктрина действия: «Победоносные вооруженные восстания рабочих, крестьян, бедноты и солдат в ходе развития и расширения классовой борьбы масс должны привести к свержению старых и новых милитаристов (тухао, шэньши, буржуазии), к свержению империалистического господства и к установлению в Китае Советской власти»²¹⁹.

В одной из статей, опубликованной в третьем номере журнала, имелась специальная ссылка на Октябрьскую революцию в России как на пример для подражания²²⁰. Такая перемена курса приветствовалась рядовыми членами партии и особенно Коммунистическим союзом молодежи, которых возмущало предательство не только правого, но и последовавшего за ним левого гоминьдана²²¹. Вместе с тем Ломинадзе, который прибыл с указаниями Москвы относительно смещения Чэня, явно не располагал мандатом для

организации крупномасштабного восстания. По всем признакам, наньчанский мятеж планировался без какой-либо подсказки из Москвы. Радикальная фразеология резолюции 7 августа 1927 г. сопровождалась твердым предостережением «не играть с восстанием», а тщательно подготовиться с прицелом на какое-то будущее. 25 октября 1927 г., когда борьба между Тан Шэнчжи и нанкинским правительством достигла апогея, и лояльные войска были посланы, чтобы разгромить мятежного генерала, хубэйский провинциальный комитет КПК решил, что настал благоприятный момент для того, чтобы попытаться захватить власть. Однако местный партийный руководитель Ло Инун, который отсутствовал при принятии решения, решительно выступил против этого плана, и его поддержала женщина — представитель Профинтерна, говорившая от имени Ломинадзе. От плана отказались, и Ломинадзе телеграммой подтвердил вето²²². Пока что авторитет Коминтерна использовался для того, чтобы удержать горячие головы в КПК от поспешных действий.

Решающим поворотным пунктом, по-видимому, оказалось пришествие в ноябре 1927 г. в Шанхай Неймана. С этого момента проводившуюся Коминтерном политику сдерживания сменила политика подстрекательства к действиям. И Нейман, как видно, располагал достаточными денежными средствами, которых не было у Ломинадзе²²³. Руку Неймана можно обнаружить кое-где в безжалостной фразеологии директивы от 17 ноября 1927 г. Ничто, однако, не свидетельствует о том, что он сталкивался с оппозицией или сопротивлением руководства КПК. Чэнь Дусю написал в Центральный комитет протест против резолюции от 9 ноября 1927 г. на том основании, что в ней отказались от точки зрения Коминтерна, согласно которой китайская революция все еще пребывала в буржуазно-демократической стадии, а также из-за того, что в результате непродуманного включения аналогии с русской Октябрьской революцией выдвигалась программа «рабочей и крестьянской революции через вооруженное восстание»²²⁴. Но Чэнь был уже дискредитированной и изолированной фигурой, и новые руководители стремились изменить выжидательную политику. План не был новым. Поднять уровень мятежа в Гуандуне — таковой была цель наньчанского похода, а его местом назначения — Кантон. И даже после поражения близ Сватоу в редакционной статье журнала Коминтерна все еще продолжали прикидывать шансы для взятия Кантона²²⁵. Момент был подходящим. Военный конфликт между войсками Ли Цзишэня, в апреле 1927 г. захватившим власть в Кантоне, и силами Чжан Факуя, который стремился его изгнать, казался неминуемым²²⁶. Против ожидания Чжан быстро сокрушил Ли и, не встретив сопротивления, овладел Кантоном в тот самый день, когда Центральный комитет в Шанхае готовил директивы для восстания. Очистить Гуандун от остатков отрядов Ли было делом всего нескольких недель.

Степень личной ответственности Сталина за то, что потом

произошло, — это вопрос спорный. Вне всякого сомнения он послал Неймана в Китай, чтобы гальванизировать ослабевшую КПК для более агрессивных действий²²⁷. Возможно, что репутация Неймана, человека бесцеремонного и неразборчивого в средствах, и привлекла внимание Сталина. Но для Сталина было не характерно связывать себя совершенно ясными и недвусмысленными обязательствами с таким рискованным планом в столь отдаленном регионе. Не исключено, что честолюбивые устремления дерзкого и самоуверенного молодого ученика придали конкретную форму подспудным желаниям учителя. Как рассказывали, Нейман, прибыв в Китай, проконсультировался со Сталиным по телеграфу и получил ответ: «Действуйте таким образом, чтобы суметь нести ответственность»²²⁸. Вряд ли Коминтерн принял какое-либо официальное решение, и руководители Коминтерна, включая Бухарина, возможно, не имели полного представления о том, что затевалось. События совпали с моментом наивысшего накала фракционного раздора в Москве, который притупил интерес к ним, но в то же время усилил подозрение, что курс на вооруженное восстание был инспирирован Коминтерном, чтобы использовать его в качестве оружия в борьбе с оппозицией. Впоследствии многие предполагали, что мятеж был приурочен по времени к XV съезду партии в Москве, чтобы позволить Сталину в момент изгнания оппозиции объявить о победе. Это обвинение невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть²²⁹.

Директиву Центрального комитета от 17 ноября 1927 г. гуандунский провинциальный комитет получил 26 ноября и единогласно ее одобрил²³⁰. Вполне можно предположить, что ее привез из Шанхая сам Нейман и что, следовательно, в этот день он прибыл в Кантон. Для организации восстания Центральный комитет назначил революционно-военный совет из пяти человек с членом Политбюро, бывшим секретарем китайского Коммунистического союза молодежи и в тот момент секретарем гуандунского провинциального партийного комитета Чжан Тайлэем в качестве председателя и Е Тином в качестве главнокомандующего²³¹. Позднее возникла широко распространенная иллюзия, что это решение представляло собой сознательно запланированный Коминтерном и руководителями КПК переход от сельской к городской, от крестьянской к пролетарской революции. Это не так. Доктрина о руководстве пролетариата неизменно подтверждалась, но сопровождалась не менее настойчивым заявлением о том, что борьба пролетариата тесно увязана с аграрной революцией²³². Участников похода из Наньчана на юг воодушевляли надежды на раздувание крестьянских мятежей в провинциях Фуцзянь и Гуандун, через которые пролегал их путь. И хотя конечным пунктом считался Кантон, это была, в сущности, крестьянская операция. Резолюции Центрального комитета от 7 августа и 9 ноября 1927 г. отличались по акценту, который они придавали наличию революционной ситуации,

но они никак не опровергали давно установившееся мнение, что аграрная революция является сердцевинной китайской революции. Директива от 17 ноября 1927 г. относилась ко всей провинции Гуандун и уделяла по меньшей мере столько же внимания выступлениям крестьян, сколько и рабочих. Территорию, прилегающую к городу Хайфын, расположенному между Сватоу и Кантоном, заняли восставшие крестьяне, образовавшие крестьянские Советы под общим руководством крестьянского вождя — коммуниста Пэн Бая, который будто бы имел влияние на более чем 500 тыс. крестьян²³³. Это обстоятельство составляло один из важных пунктов директивы. Руководитель партии Цюй Цюбо, наиболее ревностный приверженец радикальной политики, в статье под названием «Проблемы вооруженного восстания», косвенно отверг русский прецедент 1917 года, доказывая, что нельзя захватить власть в Китае, ограничив действия главными городами. «Первоначальной стадией вооруженного восстания» являлась партизанская война. Только после того как партизанская война и крестьянские восстания охватят всю страну, рабочие городских центров могут приступить к решительным революционным акциям²³⁴. Накануне восстания его организаторы рассчитывали на прибытие из ближайших окрестностей 1500 вооруженных крестьян²³⁵. Однако отсутствовали какие бы то ни было эффективные средства, позволявшие мобилизовать или побудить крестьян к действию. Неспособность найти поддержку за пределами самого Кантона была главным фактором, предопределившим поражение восстания.

Столь же безуспешными оказались и планы мобилизации рабочих Кантона. Сохранившаяся репутация Кантона как колыбели китайской революции стала опасной иллюзией. Какова бы ни была его роль в национальной революции, этот город не мог служить исходным пунктом зарождающейся пролетарской революции. Его самый угнетенный класс включал больше мелких торговцев, кули и кустарей, чем фабричных рабочих. И многое изменилось с тех славных дней, когда здесь верховодил Бородин и начинался Северный поход. Рабочее движение претерпело тяжелые удары. Революционные профсоюзы объявил вне закона и уничтожил Ли Цзишэнь²³⁶. Союз механиков, единственный хорошо организованный профессиональный союз Кантона, активно помог властям подавить мятеж. С получением директивы от 17 ноября 1927 г. из Шанхая гуандунский партийный комитет приступил к формированию Красной гвардии из 2 тыс. рабочих коммунистов-активистов и собрал пестрый ассортимент оружия, который включал металлические прутья, мечи, а также бомбы, ручные гранаты и «небольшое количество пистолетов»²³⁷. Всеобщей забастовки в поддержку вооруженного выступления организовано не было. То, что было задумано и спланировано как массовое восстание крестьян и рабочих, уменьшилось до размеров военного путча, осуществлявшегося без достаточных сил и без открытой поддержки народа.

Операция началась по распоряжению главнокомандующего Е

Тина 11 декабря 1927 г. К Красной гвардии численностью в 200 человек присоединились тысяча слушателей военного училища, горстка кадетов военной академии Вампу и небольшая группа добровольцев²³⁸. Ни в провинции, ни в самом Кантоне даже и не попытались перетянуть солдат на свою сторону²³⁹. Восставшие заняли центр Кантона, разоружили некоторые расположенные в казармах регулярные части, создали Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов из 16 человек, представлявших организацию Красный профсоюзов (10), гарнизон (3) и крестьянские провинциальные союзы (3). Совет выпустил самонадеянное воззвание, в котором говорилось о том, что «земля, мир и свобода могут быть завоеваны только руками рабочих»²⁴⁰. В сообщении из Кантона от 12 декабря 1927 г. фиксировался этот короткий момент триумфа²⁴¹.

К этому времени власти, оправившись от неожиданности, собрали достаточное число лояльных воинских частей, чтобы окружить восставших. То, что впоследствии вошло в историю партии под названием «Кантонская коммуна», просуществовало менее трех дней. 13 декабря 1927 г. «Правда» сообщала о восстании со сдержанным оптимизмом. К полудню того же дня организованное сопротивление прекратилось, и началась безжалостная расправа с мятежниками, коммунистами и подозреваемыми радикальными элементами. Чжан Тайлэй был убит в бою, Нейману, одному из немногих руководителей, удалось спастись. Был совершен налет на советское консульство и его служащие арестованы. Вице-консула и еще четырех человек из персонала консульства провели по улицам города и публично казнили. Самого генерального консула с группой женщин и детей поместили на пароход, следовавший в Японию²⁴². 15 декабря 1927 г. дипломатический представитель нанкинского правительства в Шанхае, оправдывая жестокие меры, поспешно передал советскому генеральному консулу ноту в связи с Кантонским восстанием, в которой выражался протест против советской подстрекательской деятельности и использования советского консульства и коммерческих учреждений в качестве «центров красной пропаганды» и мест укрытия коммунистов. В ответе Чичерин отверг обвинения и отказался признать «так называемое национальное правительство в Нанкине». 23 декабря 1927 г. он сделал заявления, протестуя «перед всем миром» против убийства «после всевозможных надругательств» советских граждан и против «бесчинств китайской контрреволюции»²⁴³. Поток протестов включал заявления Лиги против империализма и МОПРа²⁴⁴. Протесты лишь усугубили горечь поражения.

в) После поражения

Кантонская катастрофа ознаменовала собой конец первого активного периода китайской революции, которая началась с шанхайского восстания в мае 1925 г. Многократное кровопускание,

имевшее место в 1927 г. повсюду в Центральном Китае, сильно опустошило ряды китайских коммунистов, революционных рабочих и крестьян. КПК полностью утратила силу. Она не была формально запрещена, и условия менялись от провинции к провинции. Но нигде ни коммунистические руководители, ни организованная коммунистическая деятельность не были застрахованы от самых жестоких преследований. Отдельные бунты легко и сурово подавлялись. Взаимные обвинения по поводу случившегося в Кантоне не имели смысла. В присутствии эмиссара Сталина было трудно переложить всю вину на плечи непосредственных исполнителей на месте. Цюй Цюбо не мог отступить от политики, принятой под его руководством. В резолюции от 3 января 1928 г. Политбюро в Шанхае, признав «недостаточную подготовительную работу», тем не менее заключило, что в действительности существуют «все условия для победоносного пролетарского восстания» и что восстание и установление советской власти, по-прежнему, являются «вопросами непосредственной практики»²⁴⁵.

ЦК КПК в заявлении осудил гоминьдан как врага китайского народа и принял несколько резолюций, формулирующих новую политику. Наиболее важной была резолюция «О принципах работы в различных провинциях», которая представляла собой попытку извлечь пользу из случайных и рассредоточенных крестьянских бунтов — этой единственной оставшейся формы революционной деятельности. Таким образом, предполагалась «возможность захвата власти в одной или нескольких провинциях» и рекомендовалось образовывать крестьянские Советы для организации восстаний. Вместе с тем резко прозвучала и нота недоверия к их тактике. «Слепая активность, играющая с восстанием», которая далее определялась как «индивидуальный террор, бандитская тактика убийств и поджогов без участия масс, легкомысленные призывы к немедленному восстанию в крупных городах», осуждались как «преступление против революции». Другая резолюция, «О вооруженном восстании», по-видимому, доказывала то же самое²⁴⁶. Столь сокрушительное поражение кантонского пролетариата почти незаметно переместило центр тяжести в сельскую местность.

Возникшее в Москве замешательство заставило повременить с окончательными выводами. Исключение в декабре 1927 г. из партии руководителей оппозиции в России устранило опасность дальнейшей прямой критики. Но последняя неудача, казалось, оправдывала ее прошлые ожесточенные атаки на политику КПК. В докладе на XV съезде партии 10 декабря 1927 г. Бухарин, говоря о колониальных странах, напомнил о полемике Ленина с Радеком по национальному вопросу в 1916 г. Используя пример Ирландского восстания, Ленин в подобной ситуации высказался за совместные действия «национально-угнетенного пролетариата и крестьянства» с «национально-угнетенной буржуазией» *против* угнетающей нации. А это оправдывало сотрудничество с буржуазией на первом этапе революции. Теперь же измена крупной националь-

ной буржуазии означала, что китайская буржуазия «разбилась на группы и не может выступить как объединенная классовая сила». Подобные рассуждения привели к оптимистической оценке революционных возможностей. Бухарин обрисовал запутанную ситуацию в Китае, отметил создание крестьянских Советов в пяти уездах провинции Гуандун и перешел к описанию «чрезвычайно напряженного положения во всей провинции Гуандун, в особенности вокруг Кантона». В заключение он сказал, что «в Китае назревают очень серьезные события»²⁴⁷.

Обсуждение доклада Бухарина проходило в последующие два дня, то есть в момент восстания в Кантоне и до того, как какие бы то ни было сообщения о нем дошли до участников съезда. Ломинадзе отрицал наличие каких-либо принципиальных разногласий с Бухариным, но говорил о Китае с более левых позиций. Начав с упоминания трех «крупных поражений» — в Шанхае, Ухане и недавнего разгрома Хэ Луна и Е Тина в Гуандуне, — он тем не менее все время сохранял оптимистический тон и заявил, что «сил китайского пролетариата и крестьянства для победоносного завершения революции вполне достаточно». Самым впечатляющим местом его речи, которое вызвало у Сталина и других скептическую реакцию, было утверждение, что китайская буржуазия оказалась незрелым «выкидышем истории» и более не является политической силой. Гоминьдан, по его словам, «перестал существовать как политическая партия». Отсюда следовал вывод, что КПК нужно возглавить движение рабочих и крестьян. КПК совершила «гигантские» ошибки. Вина возлагалась на консервативную аграрную политику Тань Пиншаня и других руководителей партии, которые не выполнили новую директиву от 7 августа 1927 г., объявили о конфискации только тех земельных участков, которые превышали 200 му, и препятствовали крестьянам и рабочим проводить самостоятельные акции против помещиков и джентри. Тем не менее речь закончилась восхвалением партии и выражением веры в ее способность справиться с вопросом «борьбы за власть и организации вооруженного восстания... под общим лозунгом Советов»²⁴⁸. Ломинадзе, один из эмиссаров Коминтерна, передававший директивы Коминтерна КПК, не учитывал возможности, что эти директивы могут быть причиной ошибок партии.

Сотрудник КИМа Хитаров, который провел в Китае несколько месяцев, критиковал катастрофу 1927 года в более резких выражениях — настолько резких, что два места из его речи не вошли в официальный протокол. В Шанхае, сказал он, коммунистическое правительство было в действительности создано за три недели до путча 12 апреля 1927 г., но саботировалось и гоминьданом, и Чэнь Дусю, который хотел любой ценой избежать столкновения с Чан Кайши. За этим последовало фиаско с уханьским правительством, которое «большинством наших товарищей... считалось... прототипом демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Далее Хитаров рассказал о бойне в Чанша в мае 1927 г., устроен-

ной при попустительстве КПК и при полном отступлении и сдаче позиций левого гоминьдана. Из виновных коммунистов он назвал только Чэня, но все всякого сомнения указующий перст был направлен на московских руководителей, чьи инструкции выполняли руководители КПК²⁴⁹.

Миф, который также недавно вернулся из Китая²⁵⁰, попробовал восстановить баланс, отвергая попытку Ломинадзе игнорировать китайскую буржуазию. Он защищал политику «временных уступок» любой империалистической державе с целью раскола единого империалистического фронта и политику коалиции с национальной буржуазией²⁵¹. Как видно, никто на съезде не упомянул кантонскую катастрофу. Но несколько фраз, выражающих утешение и оптимизм, поспешно включили в резолюцию по докладу Бухарина. В ней говорилось:

«Несмотря на временное поражение китайской революции, в частности, на подавление восстания за Советы в Кантоне, китайская революция продолжает жить, накапливая силы для нового перехода в развернутое наступление по всему фронту. Новый подъем революционного движения в Китае произойдет на новой основе. Национальная китайская буржуазия до конца исчерпала свои революционные возможности и полностью перешла в услужение международного империализма. Гоминьдан стал прямым орудием генеральских, контрреволюционных, палаческих клик. Китайская революция в настоящее время может и будет развиваться исключительно как революция рабочих, крестьян и городской бедноты, под флагом Советов и гегемонией рабочего класса. Коммунистическая партия, сделавшая оппортунистические ошибки, сумела обновить свое руководство и перестраивает свои силы для того, чтобы победоносно бороться за дело китайской революции под знаменем рабочих и крестьянских Советов»²⁵². Еще не пришло время для обсуждения всех событий, так как они не завершились. Но первая реакция представляла собой демонстрацию революционной негибкости.

Приближение IX пленума ИККИ, который созывался 9 февраля 1928 г., сделало необходимым сформулировать авторитетный вердикт. Накануне пленума этот щекотливый вопрос обсудили на «конференции» или (как ее иногда называли) в «китайской комиссии ИККИ»²⁵³. Рой, который зиму 1927/28 г. провел в Берлине, к началу пленума вернулся в Москву. Но он уже впал в немилость. Сталин отказался его принять, и ему не позволили участвовать в дискуссии по Китаю²⁵⁴. Ломинадзе поспешил выступить в печати в защиту Кантонского восстания, утверждая, что причина поражения была «не в политической, а в военно-технической слабости китайского рабочего класса», что «объективные предпосылки» для восстания были налицо и что оно явилось «сигналом и началом нового подъема революционной борьбы китайского народа»²⁵⁵. В опубликованной в «Правде» обширной статье, без подписи, будто бы напечатанной на основании «подлинных китай-

ских материалов», говорилось о том, что «рабоче-крестьянская революция развивается под флагом *Советов* и под руководством *Компартии*»²⁵⁶. Ломинадзе и Нейман теперь предстали в комиссии главными сторонниками поворота влево, совершенного КПК под руководством Цюй Цюбо. Ломинадзе повторил свою точку зрения, которую он высказал на XV съезде партии о том, что китайская революция уже носит не «буржуазно-демократический», а «непрерывный, перманентный характер». А это означало, что организация массовых выступлений пролетариата и крестьянства была верной политикой. Нейман объяснил поражение в Кантоне «военно-техническими причинами»²⁵⁷. Французский делегат Дорио, побывавший в Китае в 1927 г., отмежевался от правых и поддержал Неймана²⁵⁸. С подобными взглядами вместе с Бухариным горячо боролся Пеппер, в то время верный сторонник Бухарина в Коминтерне. Продолжая утверждать в опубликованной накануне совещания в коминтерновском журнале статье, что «период буржуазно-демократической революции еще не завершился»²⁵⁹, Пеппер стремился оказывать давление на левых, отождествляемых с крайней троцкизма, и препятствовать растущей в Коминтерне тенденции искать правые уклоны в иностранных партиях. Ломинадзе сыграл ему на руку, когда стал отрицать революционную роль китайской буржуазии и защищать теорию «непрерывной» или «перманентной» революции. Пеппер использовал оба момента наиболее выгоднейшим образом²⁶⁰. Бухарин отверг утверждение Неймана, что кантонское поражение явилось следствием технических недостатков, а не ошибкой политики²⁶¹. А ведь Бухарин все еще олицетворял в Коминтерне последнюю инстанцию. Практическое приложение многого из революционной риторики по-прежнему регулировалось осторожностью и умеренностью. Что произошло на заседании IX пленума ИККИ, сообщено не было. Но, по всей вероятности, дело органичилось принятием резолюции по Китаю, подготовленной китайской комиссией.

В резолюции, представленной пленарному заседанию советской и китайской делегациями, основное внимание было сосредоточено на том, чтобы опровергнуть теорию «подъема революционной волны» и наличия «решающей революционной ситуации» в Китае, воплощенную в резолюции ЦК КПК от 9 ноября 1927 г. В резолюции пленума ИККИ повторялось, что период буржуазно-демократической революции пока еще не завершен, и говорить о ней как «о переросшей уже в революцию социалистическую» было бы неверно. «Тенденция к перепрыгиванию через буржуазно-демократический этап революции при одновременной оценке революции, как революции «перманентной», есть ошибка, аналогичная той, которую допускал Троцкий в 1905 году». Вина за ошибочное выражение «перманентная» революция возлагалась на представителя ИККИ (фамилия Ломинадзе не упоминалась). «Первая волна» революции прошла и закончилась поражением, и «в настоящее время еще нет нового мощного подъема революционного движе-

ния масс в общенациональном масштабе». Революционное движение в Китае развивалось неравномерно. «В ряде провинций *крестьянское* движение разворачивается дальше», в то время как *«рабочее»* движение переживает стадию известной депрессии». Попытки «организации новой, якобы „истинно-коммунистической“, „рабоче-крестьянской“, а на деле буржуазно-реформистской партии», которые предпринял Тань Пиншань, полностью отвергались. Смелый призыв к партии «готовиться к широкому подъему новой революционной волны» сопровождался сдерживающим предупреждением, что «величайшая опасность всей теперешней обстановки состоит в том, что авангард рабоче-крестьянского движения... может оторваться от масс, забежать далеко вперед, распылить свои силы и дать себя разбить по частям». «Игра с восстанием» при отсутствии массового восстания рабочих и крестьян была «верным средством загубить революцию». Один из параграфов, составленный в тщательно подобранных выражениях, был посвящен той форме военной деятельности, которую отстаивал Мао Цзэдун. В документе, в частности, говорилось:

«Руководя стихийными партизанскими выступлениями в отдельных провинциях, партия должна иметь в виду, что эти выступления могут превратиться в исходный пункт победоносного всенародного восстания лишь при том условии, если они будут связаны с новым подъемом революционной волны в пролетарских центрах... Необходимо постоянно и неуклонно считаться, при организации выступлений крестьянства, на которые партия должна и впредь обращать серьезное внимание, с различиями условий борьбы в разных провинциях и в разных частях территории Китая, ...прежде всего в тех районах, где имеется находящаяся под руководством коммунистов Советская власть, причем Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала считает, что главной задачей партии и в советизированных крестьянских районах является проведение аграрной революции и организация частей Красной Армии».

Вердикт относительно Кантонского восстания приберегли для предпоследнего параграфа резолюции, где оно восхвалялось как «героическая попытка пролетариата организовать Советскую власть в Китае». И тем не менее руководство наделало целый ряд ошибок. К ним относилась и «слабость политической мобилизации масс (отсутствие широких политических стачек, отсутствие выборного совета в Кантоне как органа восстания), за что свою долю вины несут непосредственные руководители, политически ответственные перед Коммунистическим Интернационалом (товарищ N. и др.)». Резолюция заканчивалась осуждением «клеветы со стороны социал-демократии и троцкистов, утверждающих, что китайская революция ликвидирована», и призывом ко всем секциям Коминтерна оказать всемерную поддержку китайской революции²⁶². Впоследствии Троцкий назвал резолюцию «примером мерзкого и безответственного авантюризма»²⁶³.

Но несмотря на обилие революционной фразеологии, она была направлена против ультралевых элементов и, должно быть, повредила как Цюй Цюбо, так и Ломинадзе. Цюя не сняли с поста секретаря партии, но его соперники Ли Лисань, герой шанхайских событий 30 мая 1925 г., и Сян Чжунфа, рабочий и профсоюзный руководитель, вместе с Бухариным и Сталиным были крестными отцами резолюции²⁶⁴ и приобрели авторитет за счет Цюя. Ломинадзе отстранили от дальнейшей работы в Коминтерне²⁶⁵. Содержавшееся в резолюции осторожное согласие с действиями Мао Цзедуна, по-видимому, не получило единодушного одобрения Коминтерна. В одной из статей в «Правде» Миф, не называя Мао по имени, довольно многозначительно напомнил о поражении в Чанша и о последующих неудавшихся планах крестьянских восстаний в Хунани²⁶⁶. Между тем в Москве требования бороться с империализмом были на первом месте. И как заметил один китайский делегат через несколько месяцев на VI съезде КПК, «недостаток внимания антиимпериалистическому движению является результатом слишком большого выпячивания крестьянского движения»²⁶⁷.

К исследованию запутанной ситуации в Китае привлекли вспомогательные организации Коминтерна. С одной стороны, на состоявшемся сразу же после IX пленума ИККИ²⁶⁸ заседании ИККИМ хвалили Коммунистический союз молодежи Китая за «постоянные и открытые протесты против оппортунизма руководства Китайской компартии». Но, с другой стороны, некоторые работники союза якобы встали на путь «уклонов» и на совещании в ЦК в ноябре или декабре 1927 г. высказались за независимость от КПК, за превращение союза в неполитическую организацию и за ограничение своей деятельности культурной работой среди молодежи. Кантонские лидеры молодежи оказались зараженными «подобными тенденциями» и поэтому неактивно участвовали в Кантонском восстании²⁶⁹. Состоявшийся также в марте 1928 г. IV съезд Профинтерна мало что мог сделать, чтобы облегчить положение китайских профсоюзов. На нем говорилось о том, что «господствующие классы Китая, вместе с империалистическим капиталом», встали на путь «*физического истребления* авангарда рабочего класса». Китайский делегат странным образом выражал недовольство из-за того, что партийцы «иногда («часто» у автора. — *Ред.*) насильственным образом заставляли рабочих бастовать». Однако главным образом его тревожил рост «желтых» профсоюзов под покровительством национального правительства Чан Кайши. В отличие от «реформистских» союзов Запада их создавали не рабочие, а сами милитаристы, чтобы подавить подлинно рабочие организации. Лепсе, посетивший Китай в 1926 г., критиковал тех, кто стремился к «сращиванию аппарата профсоюза с партийным аппаратом», что могло «сузить базу работы профсоюзов среди широких масс»; не следовало также ставить жесткие условия рабочим, желающим вступить в профсоюзы. В резолюции

съезда резко осуждалось мнение, что «нужно ограничить или прекратить посылку товарищей в реакционные союзы». Это было бы истолковано как «отказ от работы внутри этих союзов». Не свидетельствовало о действительном понимании ситуации и указание относительно организации революционных профсоюзов²⁷⁰.

И если объяснение поражения в Кантоне с точки зрения политики Коминтерна и партийной линии представляло собой чрезвычайно трудную задачу, то она вряд ли оказалась менее сложной для разбросанных по ссылкам членов оппозиции. Разделенные тысячами миль сибирского пространства Троцкий и Преображенский спорили по поводу правильного диагноза. В начале февраля 1928 г. Троцкий писал Преображенскому, что нельзя списывать Кантонское восстание лишь как «авантюру». Оно явилось важным этапом отказа от буржуазно-демократической революции и переходом к революции пролетарской; цели и программа восстания были не демократическими, а социалистическими²⁷¹.

Через месяц, еще до получения ответа, Троцкий, реагируя на серию статей «Правды» об уроках Кантона, вновь писал, что восстание вне всякого сомнения продемонстрировало банкротство буржуазно-демократической революции, поскольку проходило под лозунгом «Долой гоминьдан». В этот же самый день 2 марта 1928 г. Преображенский направил резкий ответ на прежнее письмо Троцкого. Он полагал, что в то время, когда китайская революция отступала, поднимать данный вопрос было нецелесообразно. Кантонский эпизод он считал «явной» авантюрой, поскольку «восстание не вытекало из движения масс», и его провал не мог представлять собой существенный прогресс в характере революции. По словам Преображенского, Троцкого ввела в заблуждение неправильная интерпретация российского прецедента. Только после победы буржуазно-демократической революции в феврале 1917 г. Ленин выдвинул лозунг диктатуры пролетариата. Но даже и тогда, в условиях незавершенной буржуазной революции, он все еще не решался заявить о немедленном переходе к социализму. Письмо Преображенского пришло к Троцкому через 22 дня, и 27 марта 1928 г. он ответил длинным посланием, в котором подтвердил свои взгляды. Через два дня, получив от Преображенского еще одно письмо, Троцкий повторил свою критику. Не может быть и речи, заметил он, о том, чтобы призвать КПК к «немедленному восстанию для захвата власти». Но КПК должна проникнуться убеждением, что «третья китайская революция сможет восторжествовать только как диктатура пролетариата под руководством коммунистической партии»²⁷².

Аргументы Преображенского не поколебали Троцкого, и значительную порцию своей критики он посвятил проекту программы по китайскому вопросу, подготовленному к VI конгрессу Коминтерна, которому предстояло собраться в июле 1928 г. Советские руководители, заявил Троцкий, «стремясь застраховаться от собственных прошлых грехов, ...в конце прошедшего года резко фор-

сировали ход событий, что явилось причиной неудачи». И тем не менее Кантонское восстание, решительно отвергнувшее гоминьдан, провозгласившее власть Советов и выдвинувшее не буржуазно-демократическую, а социалистическую программу, «подняло занавес перед новым этапом или, вернее, перед начавшейся *третьей* китайской революцией»²⁷³.

Между тем не произошло ничего, что могло бы рассеять распространённые в КПК упаднические настроения. Весной 1928 г. исключённый из ее органов Чэнь Дусю направил Центральному комитету «несколько писем», протестуя против политики, проводимой после 7 августа 1927 г. и в особенности после Кантонского восстания. По его словам, ЦК не осознал действительных масштабов поражения и необходимости «отступить и перестроить наши ряды», «переоценил революционность масс» и потерял с ними связь. Руководители оставили без внимания эти причитания старого дискредитированного партийного деятеля²⁷⁴. Понадобилось два месяца, чтобы текст резолюции IX пленума ИККИ достиг Китая²⁷⁵, и это мало способствовало восстановлению уверенности. 7 мая 1928 г. партийный комитет провинции Цзянсу принял резолюцию с открытой критикой политики ЦК КПК, который, несмотря на целый ряд поражений, с момента утверждения тезисов 7 августа 1927 г. продолжал базироваться на предположении о «непрерывном подъёме» революции. Циркулярное письмо от 20 января 1928 г. свидетельствовало о том, что Центральный комитет продолжал «не замечать поражений и упадочных настроений среди рабочих», а такое же письмо от 6 марта 1928 г. обнаружило, что, по мнению ЦК, существовала благоприятная обстановка для восстания в Хунани, Хубэе и Цзянси. Этот оптимизм, говорилось в резолюции, явился следствием «субъективной оценки положения и не соответствовал объективной обстановке». Центральный комитет не обращал внимания «на оторванность нашей партии от масс», на важность антиимпериалистического движения, проявлял «крестьянский уклон». Что подобная откровенная атака на партийных руководителей вовсе не была нежелательной в Москве, показала публикация полного текста резолюции в журнале Университета им. Сунь Ятсена с тщательно сформулированным редакционным примечанием, в котором поддерживалась «справедливая критика ошибок и недочётов центрального партийного руководства», но отмечалось, что «линию на восстание, взятую августовской конференцией партии», нельзя осуждать без учета условий, которые преобладали в то время²⁷⁶. Между тем японская оккупация в мае 1928 г. Цзинани, вызвавшая возмущение ИККИ, внесла разногласия в ряды Центрального комитета КПК. По всем признакам, Цюй Цюбо и другие руководители не желали протестовать против акта агрессии, направленного против Национального правительства²⁷⁷. Углубляющийся раскол в партии, условия террора и наличие угрозы жизни известных коммунистов в крупных городах Ки-

тая вынудили созвать очередной съезд партии в Москве. С этим было связано и то преимущество, что позволяло Коминтерну осуществлять контроль за выбором делегатов²⁷⁸. Коминтерн «пригласил» Чэнь Дусю присутствовать на съезде, но тот отклонил приглашение²⁷⁹.

VI съезд КПК состоялся с 18 июня по 11 июля 1928 г. на одной из дач в предместьях Москвы. Из 84 делегатов с решающим и 34 делегатов с совещательным голосом 60% были официально объявлены рабочими, что не соответствовало доле рабочих в общей массе членов партии²⁸⁰. Некоторые из них выступали под вымышленными фамилиями, другие заносились в протокол по номеру мандата и названию провинции, которую представляли. Делегацию ИККИ возглавлял Бухарин, который выступил с основным докладом на первых двух заседаниях. В официальном русском протоколе он значился не по фамилии, а просто как «представитель ИККИ»²⁸¹. Другие члены делегации ИККИ на пленарных заседаниях не выступали, а проявляли активность за кулисами и в комиссиях, готовивших проекты резолюций. В их числе были Эмбер-Дро, Шмераль и Миф. Последний работал по «мандату ИККИ» в аграрной, военной и организационной комиссиях²⁸².

Обширный и дискурсивный доклад Бухарина «О международном положении и задачах Коммунистической партии Китая» явился центральным событием съезда. Доклад предназначался главным образом для того, чтобы противодействовать существовавшим в КПК ультралевым поползновениям вернуться к авантюристической политике прошедшей осени. Твердо придерживаясь линии IX пленума ИККИ, Бухарин еще раз заявил, что *«в настоящее время китайская революция находится на стадии демократической революции буржуазного характера»*. Равное распределение собственности — это еще не социализм; предварительным условием социализма является уровень развития «крупной индустрии». Поэтому было бы опасно применять русский опыт к Китаю. Далее Бухарин сказал: «Та задача, которую ставит себе рабочий класс и крестьянство и наша партия, которая руководит рабочим классом, это не есть задача непосредственного завоевания власти одним рабочим классом, это не есть непосредственная задача экспроприации всего капитализма и организации общественного хозяйства, общественного производства. Это и означает, что сейчас фаза революции еще не социалистическая, не пролетарская... Это есть задача борьбы *против феодализма, разгрома, уничтожения его, задача аграрной революции и выгона империализма из Китая*».

Внимание рабочих следовало сосредоточить на «таких требованиях... как 8-часовой рабочий день или 9-часовой рабочий день, повышение заработной платы и т. п.». Таковыми были задачи буржуазно-демократической революции. И не следовало «думать о том, что будет через два года».

Затем Бухарин обратился к прошлым ошибкам КПК. По его словам, она не сумела сохранить внутри гоминьдана собственную самостоятельность и право на критику. Ответственность за эти ошибки должен разделить Бородин. Партия не была готова к измене Чан Кайши и не отреагировала на нее быстро и решительно. И, наконец, в уханьский период партия не сумела превратиться «в центр революционной борьбы». Здесь объектом конкретной критики Бухарин избрал Тань Пиншаня, а также Бородина и других представителей Коминтерна, которые, как говорили, не довели до сведения Политбюро КПК поступавшие из Москвы директивы. Он продолжал придерживаться той точки зрения, что Москва не совершила никаких ошибок. Говоря о борьбе против империализма, Бухарин вновь призвал к выдержке. «Революционная доблесть, — сказал он, — заключается вовсе не в том, чтобы всегда, при всех условиях и при всех случаях жизни обязательно рваться в бой, а революционная доблесть состоит в том, чтобы рваться в бой тогда, когда это необходимо при определенной ситуации или соотношении классовых сил».

«Из устных сообщений товарищей» и из доклада Цюй Цюбо (единственный китайский руководитель из присутствовавших, названный по имени) Бухарин якобы узнал о «своеобразном методе», к которому прибегала партия, чтобы побудить свой собственный класс к действию. Рабочих против воли, почти силой заставляли бастовать. Такой прием Бухарин назвал «чрезвычайно левым». По его словам, совсем плохо, когда партии приходится «принуждать рабочих делать революцию». Бухарин настаивал на том, что «всекитайская революционная ситуация» пока отсутствует; предостерег от переоценки успехов местных крестьянских восстаний (он не упомянул действия Мао Цзэдуна на юго-западе). В заключение он сказал: «Но нельзя же существование нескольких советских уездов смешивать или ставить на одну доску с победой китайской революции, когда налицо поражение китайской революции. Несмотря на то, что у нас существует несколько уездов, где работают хорошие товарищи и где существует советская власть. Это есть совершенно определенный факт. Победа революции без победы в индустриальных центрах — это чепуха».

Ни одна секция обеспокоенной КПК не могла почерпнуть особого мужества из бухаринских заявлений²⁸³.

Вслед за Бухариным выступил Цюй Цюбо, который, будучи до сих пор секретарем ЦК партии, сделал доклад «Китайская революция и Коммунистическая партия». Значительная часть его речи была посвящена подробному изложению истории партии, для которой в течение всего периода ее союза с гоминьданом, то есть периода руководства Чэнь Дусю, был характерен оппортунизм. Нерешительность Чэнь Дусю являлась постоянной темой разговоров. Опубликованная в 1927 г. книга его подручного Пэн Шучжи, по словам докладчика, подтверждала существовавший в партии

«меньшевизм». Цюй критиковал и Бородину, и Роя, но воздержался от того, чтобы взять под сомнение авторитет Москвы и нигде не упомянул Ломинадзе или Неймана. Крах уханьского правительства, отъезд Бородина и отставка Чэнь Дусю, сказал он, сделали возможной партийную конференцию 7 августа 1927 г., которая возвестила о начале борьбы с оппортунизмом. После поражения наньчанского похода китайская революция будто бы пережила «подъем, ознаменовавший собой новый этап», а пленум ЦК от 9 ноября 1927 г., последовавший за конференцией 7 августа, способствовал созданию большевистской партии. Шанхайское восстание, которое спровоцировало внезапный удар Чан Кайши 12 апреля 1927 г., Цюй Цюбо поставил рядом с Кантонским восстанием, назвав их «двумя героическими восстаниями пролетариата». Шанхайское восстание, по его словам, «обнажило корни старого оппортунизма» и положило начало антиоппортунистической борьбе. Кантонское восстание ознаменовало собой начало нового этапа китайской революции — этапа «советской революции». С этого момента «началась работа по перестройке партии». Вместе с тем борьба с оппортунизмом была «исключительно трудной», и «рождение большевизма требует серьезных усилий».

Проблема крестьянства оказалась для Цюй Цюбо столь же затруднительной, как и для других руководителей КПК. В своем историческом обзоре он сослался на знаменитый хунаньский доклад Мао Цзэдуна, представленный в 1927 г., как на доказательство того, что несмотря на апатию Центрального комитета «аграрная революция осуществлялась самими массами». Но он же критиковал стратегию Мао во время восстания «Осеннего урожая» в 1927 г. После Кантонского восстания ЦК «не сумел указать крестьянам дорогу вооруженной борьбы, путь продвижения от партизанской борьбы масс к образованию революционных районов и захвату городов». Цюй даже предвидел возможность развития в «крестьянских массах» «военного коммунизма». Он обозначил две «новые опасные тенденции: мелкобуржуазного социализма крестьян и бланкизма, который опирается только на партию и не нуждается в массах». Но Цюй не упомянул предостережения IX пленума ИККИ против политики авантюры. Его речь не содержала явных свидетельств расхождения с Бухариным, за исключением, пожалуй, одного момента, когда он усомнился в том, что «равное распределение земли (эгалитаризм) не является социалистическим движением». С такой же настойчивостью, что и Бухарин, Цюй Цюбо говорил о невозможности победы крестьянского движения без поддержки и руководства со стороны «промышленных центров». Вместе с тем утверждения, что «в Китае начинается новый подъем», который «объективно указывает на идущую вверх кривую революции», постоянно провозглашаемая им вера в победу социализма и в пролетариат, показывали, что он находится на другом конце спектра, противоположном тому, который занимал призывавший к сдержанности Бухарин²⁸⁴. За докладом Цюй

Цюбо последовало короткое сообщение Сян Чжунфа о работе IX пленума ИККИ. Он полностью придерживался линии Бухарина, осуждая такие знакомые ереси, как перманентная революция и отказ признать буржуазно-демократический характер китайской революции ²⁸⁵.

Дискуссия по докладам, которая продолжалась несколько заседаний, продемонстрировала широкое различие во мнениях среди делегатов. Прения развернулись вокруг партийных решений от 7 августа и 9 ноября 1927 г., восстания «Осеннего урожая» и Кантонской коммуны. Проще было осуждать ошибки прошлого, чем достичь согласия относительно рецептов на будущее. Расхождения между левыми и правыми были значительными, и это заставило вернуться к осторожному компромиссу, зафиксированному в резолюции IX пленума ИККИ четырьмя месяцами ранее ²⁸⁶. Открывший дискуссию Чжан Готао поддержал идею о буржуазно-демократическом характере революции и официальную линию IX пленума ИККИ, подчеркнув важность кампании против империализма и, косвенно, важность недопущения полного разрыва с националистами. Он протестовал против того, что с принятием резолюции от 7 августа 1927 г. многие члены партии сделали вывод, будто китайская революция вступила в новую стадию. В партии будто бы возник крестьянский уклон, связанный с убеждением, что «революцией должно руководить крестьянство». Чжан критиковал Цюй Цюбо за поддержку авантюристической политики и обратил внимание на расхождение между содержанием его выступления и текстом доклада, предварительно розданным делегатам. Прослушав Бухарина, Цюй умерил тон, говоря «о подъеме» в китайском революционном движении. Выступивший вслед за Чжаном Цай Хэсэн также осудил «крестьянский уклон», который ведет к предположению, что «китайская революция уже на подъеме и что существует непосредственная революционная ситуация». Сян Ин вновь сказал о том, что «недостаточное внимание к антиимпериалистическому движению явилось результатом чрезмерного упора на крестьянском движении», и пожаловался, что партия «видит только крестьянство и почти всегда забывает рабочий класс» ²⁸⁷. Всеобщим было осуждение ошибок уханьского периода. У отсутствовавшего Чэнь Дусю нашелся лишь один защитник — делегат, под фамилией Немцов, который, по всем признакам, желал пока приостановить всякую революционную деятельность и отложить революцию до лучших времен ²⁸⁸. Не заходя так далеко, многие делегаты тем не менее были готовы поддержать осторожную линию, изложенную в докладе Бухарина ²⁸⁹.

Однако критика раздавалась не только со стороны тех, кто считал руководство чересчур склонным к авантюрам, но и со стороны тех, кто находил его слишком консервативным. Предсезонские дискуссии обнаружили «наличие в партии весьма глубоко укоренившейся левой тенденции» ²⁹⁰. Хотя немногие делегаты ис-

пытавали желание прямо оспаривать мнение, что китайская революция все еще находится на буржуазно-демократической стадии, многие продолжали верить, что конференция 7 августа 1927 г. ознаменовала собой важный этап на пути перехода к социализму. Делегат от провинции Сычуань заметил, что, «так как буржуазия уже больше не играет роли в революционном движении, то поэтому китайская революция должна перейти в социалистическую революцию»²⁹¹. Другой делегат так упорно настаивал на вероятности скорого «перехода» китайской революции в революцию социалистическую, что позже навлек на себя обвинение в «перепрыгивании через существенные этапы борьбы» — знакомая характеристика перманентной революции Троцкого²⁹².

Двусмысленный характер подвигов Мао Цзэдуна ставил левых в неловкое положение. Пестрая армия, которую возглавляли Мао и Чжу Дэ под знаменем крестьянских Советов, держалась вместе и могла считаться единственной революционной силой, действующей в Китае. Ее успехи вызывали восхищение и делали крестьян героями революции. Но никто на съезде не взял на себя неблагодарную задачу примирения крестьянского социализма Мао с партийной доктриной. Выступая с критикой, делегат из Хунани сказал: «В провинции Хунань существует уклон, особая теория товарища Мао Цзэдуна... У него целая система идей... Он говорил, что мы теперь вступаем в непосредственную рабоче-крестьянскую революцию, то есть в социалистическую... Я должен сказать, что мнение товарища Мао о том, что революция уже стала социалистической, получило широкое распространение среди широких масс»²⁹³.

В статье, посвященной итогам съезда, Миф критиковал тех товарищей, которые «исходили из мелкобуржуазных иллюзий, понимая под социализмом всеобщую и радикальную дележку, передел земли», и таким образом «приходили... к определению теперешнего этапа китайской революции как революции социалистической»²⁹⁴. Вероятно, Мао пользовался на съезде более широким сочувствием, чем это открыто проявлялось.

И Цюй Цюбо, и Бухарин откликнулись на дебаты. Цюй упрекнул Мао за то, что он назвал китайскую революцию социалистической. Затем Цюй Цюбо вернулся на менее зыбкую почву критики Чэнь Дусю, которого он окрестил китайским Плехановым²⁹⁵. Бухарин завершил дискуссию еще одной длинной речью. Он сильнее, чем прежде, настаивал на важном значении борьбы против империализма и особенно против японской агрессии, которую большинство делегатов упустило из виду. И острее, чем прежде, он критиковал тех партийных работников, которые, заявляя о согласии с решениями IX пленума ИККИ, в то же время продолжают планировать немедленное восстание. Одновременно Бухарин выразил раздражение по поводу их неспособности осознать отсутствие революционной ситуации. Вне всякого сомнения это было предостережением против повторения политики, прово-

дившейся под руководством Цюй Цюбо осенью 1927 г.²⁹⁶ По всей видимости, такой выход встревожил многих делегатов. Через два или три дня, когда съезд перешел к рассмотрению других вопросов, делегат Чили прервал заседание, предложив направить Центральному комитету в Шанхае телеграмму с извещением об изменении партийной тактики. Это предложение не устраивало тех, кто, подобно Цюй Цюбо и его сторонникам, не желали признать, что прежняя политика была модифицирована по указанию из Москвы, и тех, кто принципиально не желал соглашаться с любыми изменениями существа коминтерновской линии. Состоялась долгая и бурная дискуссия, в результате которой большинство (единственный случай голосования, зафиксированный в протоколе) высказалось за посылку такой телеграммы²⁹⁷. Если ее и отослали, то текст никогда не публиковался.

Из других докладов наиболее спорным был доклад Ли Лисаня по аграрному и крестьянскому вопросам. Разработанная в условиях радикальных настроений ноября 1927 г.²⁹⁸, аграрная программа исходила из уникальности экономического развития Китая («азиатский способ производства») и настаивала на конфискации и национализации земли в качестве пути к непосредственной революционной ситуации. Ни то, ни другое Коминтерн не акцептировал. Вторая проблема уже создала трудности во время основных прений по докладам Бухарина и Цюй Цюбо. Ли Лисань осторожно лавировал между этими подводными камнями. Разделявшись коротко с идеей азиатского способа производства, Ли Лисань объяснил, что при четверти крестьянского населения Китая не имеет собственной земли, а арендует ее у помещиков. Но в то время было мало крупных помещиков, и земля не оставалась в феодальном владении, а меняла хозяев в порядке купли-продажи. Форма владения землей была буржуазной, а эксплуатация крестьян оставалась полуфеодальной. Более того, по словам Ли, «империалисты всегда поддерживают и используют остатки феодализма», чтобы «эксплуатировать китайское крестьянство». Таким образом, Ли Лисань смог подтвердить двойственный характер революции. «Крестьяне Китая, — сказал Ли Лисань, — борются не только против феодальных сил, но и против той же буржуазии, против капиталистической эксплуатации». Он высказал теперь уже обязательное *предостережение* против крестьянского радикализма. Равное распределение земли, по его словам, не являлось социалистической мерой; «такие товарищи, как Мао Цзедун... может быть, и теперь думают, что у нас имеется социализм, потому что выдвинули уже лозунг». Это «мелкобуржуазный социализм», заявил Ли Лисань, получивший распространение вместе с ростом численности люмпен-пролетариев в деревне. В измененной аграрной программе Ли предлагалось конфисковать землю крупных помещиков (а не всю землю, как было указано в проекте программы, подготовленной в ноябре 1927 г.) и передать ее крестьянам через крестьянские Советы. Критерии понятия

«крупный помещик» и принцип распределения земли среди крестьян предусмотрительно не уточнялись²⁹⁹.

Последовавшая дискуссия обнаружила наличие серьезной озабоченности позиций, которую следовало бы занять по отношению к «кулаку» или «богатыму» крестьянину. В основной дискуссии по докладу Бухарина делегат от провинции Цзянсу утверждал, что зажиточные крестьяне революционны, и партия должна с ними работать, поскольку правительство их тоже угнетает³⁰⁰. Организация Цзянсу была известна тем, что входила в правое крыло партии³⁰¹. Но аналогичные взгляды изложили и другие делегаты во время дебатов по аграрной программе Ли Лисаня. Один из них вполне логично доказывал, что, поскольку революция была буржуазной, богатого крестьянина необходимо «нейтрализовать». Другой смело призывал к образованию «единого фронта» с богатыми крестьянами «в общей борьбе против милитаристов и бюрократов». Даже Цюй Цюбо, несмотря на то, что охарактеризовал богатых крестьян как капиталистов и сельских предпринимателей, эксплуатирующих труд наемных рабочих, выступил в поддержку политики «нейтрализации» богатого крестьянина с помощью уступок, рассчитанных на то, чтобы заручиться его поддержкой «против крупных помещиков и милитаристов». В конце концов, он «изменит революции», но «пока мы еще не дошли до этого момента»³⁰². В заключительном слове по дебатам Ли Лисань проявил стремление не сойти с узкой дорожки ортодоксальности. В Китае, повторил он, «не существует чисто капиталистических отношений в деревне». Они «тесно связаны с феодальными и полуфеодальными отношениями». Партия, по его словам, «лишь открывала путь для развития капитализма, а не социализма». Затем он перечислил четыре главных предварительных условия социализма: власть в руках рабочих; индустриализация городов; индустриализация сельского хозяйства при «помощи городов»; организованность сельского пролетариата. Говоря о проблеме кулака, Ли признал, что в Северном Китае существует определенная, революционно настроенная часть зажиточного крестьянства, и ее следует привлечь к революционной борьбе. А вот в Южном Китае бороться нужно со всеми кулаками³⁰³.

Прения по аграрному вопросу высветили одну техническую трудность, которую в той или иной степени так и не удалось преодолеть в течение всего съезда. Ее откровенно изложил Ли Лисань в своем докладе. Он сказал: «Проект резолюции написан иностранными товарищами на иностранном языке и содержит в себе очень сложные вещи. Перевод не очень хорош, и поэтому многое может быть трудным для понимания товарищей. Так как аграрный вопрос очень сложный, так как тут имеется очень много политических и экономических терминов, совершенно непригодных еще для некоторых товарищей особенно в переводе, то я и считал своим долгом предупредить вас об этом»³⁰⁴.

Другой делегат заметил, что «лозунг Советов не совсем еще понятен массам. Слово «совет» для наших крестьян непонятная вещь»³⁰⁵. Но проблема не ограничивалась только неграмотностью крестьян. Руководители китайских коммунистов были воспитаны в других традициях. Не все из них досконально разбирались в марксистских понятиях, и лишь немногие говорили по-русски. На съезде и в комиссиях, курируемых консультантами Коминтерна, китайских делегатов постоянно приводила в смущение замысловатая и порой двусмысленная терминология их менторов, и делегатам приходилось санкционировать документы, содержание которых они до конца не понимали³⁰⁶.

Чжоу Эньлай, занесенный в протокол под фамилией «Москвин» или как «товарищ М.», сделал два доклада: по организационным и военным вопросам³⁰⁷. Последний содержал отдельные острые и нелестные замечания в адрес Мао. По словам Чжоу Эньлая, Мао во время восстания «Осеннего урожая» располагал значительными, но «летучими армиями» «отчасти бандитского характера». Теперь, продолжал Чжоу, он передвигается вдоль границы между провинциями Хунань и Цзянси с отрядом не более чем в тысячу человек³⁰⁸. После Чжоу Эньлая по вопросу профсоюзного движения выступил Сян Чжунфа, а с содокладом на ту же тему — «представитель фракции Профинтерна» (вероятно, Лозовский)³⁰⁹. Доклады по профсоюзному движению и военным делам обсуждали вместе. К тому времени съезд работал без перерыва уже более двух недель. Но приближался VI конгресс Коминтерна и пора было кончать. Резолюции готовились в комиссиях (о работе которых, как обычно, ничего не сообщалось) при активном участии делегатов ИККИ³¹⁰. Их затем утвердили на пленарном заседании, по-видимому, без дискуссии или возражений³¹¹.

Главная политическая резолюция исправно воплотила важную черту доклада Бухарина — предупреждение против радикальных и ультралевых тенденций, которые проявились в КПК в период руководства Цюй Цюбо. Ее более умеренный тон и некоторая революционная фразеология, вероятно, явились отражением все еще существующего в партийных рядах сопротивления. Резолюция началась с выражения согласия с оценкой характера китайской резолюции, данной в решениях VII, VIII и IX пленумов ИККИ. В резолюции вновь утверждалось, что революция пребывала на буржуазно-демократическом этапе, и ее основная задача состояла в том, чтобы изгнать империалистов из Китая. Другой «основной задачей» считалась «борьба за власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, как лучшую форму втягивания и участия широчайших трудящихся масс в управлении государством, как лучшую форму осуществления демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства». Прежние оппортунистические ошибки, говорилось далее, исправила августовская партийная конференция 1927 г., которая явилась «поворотным пунктом в истории партии». Тем не менее ЦК партии на своем заседании в но-

ябре 1927 г. вновь допустил ошибки, которые могли «поддерживать наметившиеся к тому времени путчистские тенденции», и «последующие события доказали большую вредность этой ультралево-тенденции». Кантонское восстание заслужило лишь краткую характеристику, поскольку «в процессе поражения революции объективно явилось арьергардным боем». Центр тяжести работы нужно было перенести «с проведения восстаний в широком масштабе на повседневную работу по усилению организации и мобилизации масс вокруг партии» и сосредоточить внимание на «преодолении путчистских настроений». «Тогдашний руководящий орган» недостаточно оценил эти задачи. Затем резолюция с тревогой отметила происходившее на юго-западе Китая. «Неравномерность темпов развития революционного движения» означала, что наряду с «глубокой депрессией рабочего движения в городах» наблюдалась и прогрессирующая неравноценность и распыленность «партизанского движения крестьянства». Это могло быть одним из признаков «нового революционного подъема». В частности указывалось: «Важными элементами этого нового подъема могут явиться сохранившиеся до сих пор очаги советской власти в южных провинциях Китая и небольшие части рабоче-крестьянской армии, в них сосредоточенные. Съезд предостерегает, однако, от переоценки указанных явлений».

Причина предупреждения была ясна. Следовало «решительно бороться... против тенденции уничтожения городов, проявляющейся в крестьянских армиях, против умаления руководящей роли городского пролетариата». Партия должна была вести активную борьбу за привлечение большего числа рабочих и уделять «особое внимание профессиональному движению промышленных рабочих, усиливающему руководящую роль пролетариата в крестьянском движении». В заключительном абзаце резолюции вновь говорилось о том, что партия «целиком и полностью» присоединяется к решениям IX пленума ИККИ³¹².

Политическая резолюция наложила на деятельность КПК твердую сдерживающую руку и определила те границы, в пределах которых ей следовало работать. Резолюция по аграрному вопросу, в которой он рассматривался подробнее, чем в любом другом партийном документе, придерживалась той же линии, но, по всем признакам, натолкнулась на определенную жесткую оппозицию. Для начала резолюция назвала аграрную революцию «основным содержанием переживаемого этапа революции» и заявила, что «текущий этап китайской революции развивается в обстановке углубления и обострения в деревне классовых противоречий и классовой борьбы». Эти смелые заявления сопровождались многими детальными пояснениями, однако лейтмотивом резолюции было постоянно повторяемое утверждение, что борьба ведется «против всех феодальных и всяческих форм средневековой кабалы в земледелии», и более осторожно сказано, что «буржуазная форма землевладения сочетается в Китае с полуфеодальными форма-

ми эксплуатации». А это означало отказ от анализа, с помощью которого ЦК КПК в резолюции от ноября 1927 г. пытался обосновать переход к социалистической революции. «Строй социально-экономической жизни современной деревни, — говорилось в резолюции, — насквозь пронизан пережитками феодальных отношений прошлого. Различные особенности исторического развития китайского феодализма и отличие его в прошлом от феодализма западноевропейских стран... нисколько не меняют того основного факта, что в современных, переходных к капитализму условиях охарактеризованные выше черты аграрных отношений могут и должны быть определены только как полуфеодальные отношения».

Выделенное курсивом место напоминало партии о другой теме, к которой Коминтерн проявлял повышенное внимание. В резолюции было записано: *«Китайское крестьянство не может освободиться от помещичьей и ростовичической кабалы, от гнета бюрократически-феодальной системы и от его главнейших представителей в деревне, . . . не сокрушив гнета империализма, и в то же время китайское крестьянство не может свергнуть империализм не уничтожив помещичьей и ростовичической кабалы в деревне»*. Эти искусно сформулированные положения приводили к осторожным заключительным рекомендациям относительно политической линии. «Свержение власти помещиков, джентри и чиновников в деревне, разоружение вооруженных сил контрреволюции для вооружения крестьянства и установления в деревне власти Советов крестьянских депутатов» — все это звучало по-революционному. Однако немедленной конфискации подлежали только владения крупных помещиков, родовые, храмовые и монастырские земли; переходные же меры были слабыми и успокаивающими. После (и только после) упрочения Советской власти «коммунистическая партия Китая будет поддерживать стремление революционного крестьянства к отмене частной собственности на землю и передаче всех земель в общую собственность всего народа»³¹³. В такой двусмысленной и выхоленной форме Коминтерн провозглашал аграрную революцию, начиная с VII пленума ИККИ в ноябре 1926 г.³¹⁴

В резолюции съезда о крестьянском движении, которая будто бы соотносилась с аграрной резолюцией так же, как тактика со стратегией³¹⁵, проявились те же самые двусмысленности. В ней отмечалось, что «крестьянские вооруженные восстания и партизанские выступления» имели место на обширной территории, но раскрыли «локальный характер и неравномерность крестьянского движения». В процессе развития крестьянского движения «кулачество часто занимало пассивную, *нейтральную или враждебную позицию* и часто быстро переходило в лагерь контрреволюции». Но там, «где кулачество, вследствие угнетения милитаристами и чиновниками *еще не исчерпало своих революционных возможностей* и продолжает борьбу, КПК должна стремиться к вовлечению кулака в *общекрестьянскую борьбу против милитаристов, поме-*

щиков, тухао и иэньши». Вместе с тем «борьбу за интересы батрачества и крестьянской бедноты необходимо продолжать и уступки кулачеству ради сохранения единого фронта недопустимы». Союз с середняком объявлялся «важнейшим условием победы аграрной революции». В районах, где преобладало бедное крестьянство, следовало «поддерживать» лозунг об уравнительном переделе земли. В то же самое время партия должна была критиковать «иллюзорные, мелкобуржуазные представления, согласно которым реализация лозунга уравнительного передела является осуществлением социализма». В районах, где преобладает среднее крестьянство, интересы которого были бы ущемлены уравнительным переделом земли, *«нельзя проводить никаких принудительных переделов»*. Особое внимание следовало уделять сельскохозяйственному «пролетариату и полупролетариату». Нужно было поощрять создание массовых крестьянских союзов, которые «после победы восстания» становятся «костяком новой власти Советов крестьянских депутатов». Там, где классовая борьба стала распространенным явлением, «повседневные мелкие столкновения неизбежно превращаются в вооруженный конфликт» и приведут к *«созданию Красной Армии»*. Однако необходимо было сдерживать и «тенденции к уничтожению городов, к бесцельным повальным убийствам, поджогам и т. п.» В документе упоминалась резолюция IX пленума ИККИ, принятая в феврале 1928 г., которая требовала «стихийные партизанские действия» связывать «с новым подъемом революционной волны пролетарских центров». Указывалось на особую важность *«тесного союза с рабочим движением и укрепление идеологического и организационного руководства крестьянским движением со стороны рабочего класса и КПК»*³¹⁶. Данная резолюция покоилась на двух посылах, справедливость которых, как оказалось, было трудно доказать. Во-первых, ее авторы исходили из предположения, что в результате комбинирования несовместимых формулировок можно будет заручиться поддержкой крестьянской бедноты, не отчуждая зажиточных крестьян. Во-вторых, они предполагали, что КПК была полностью в курсе происходящего в китайской деревне и в состоянии держать все под эффективным контролем. Резолюция относительно организации Советов и будущего завоевания власти представляла собой пример утопии. В ней отмечалось, что Советы должны будут включать «представителей низовой мелкой буржуазии», в то же время гарантируя руководящую роль рабочих. Официальное название «Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» разрешалось в волостях сокращать до «Советов крестьянских депутатов» — уступка сложившейся практике³¹⁷.

Другие решения съезда имели целью противодействовать чрезмерному увлечению крестьянством. В резолюции по профсоюзам авторы откровенно жаловались на то, что «рабочее движение находится на более низком уровне, чем крестьянское дви-

жение», и называли это «большой и особой опасностью в китайской революции на нынешнем этапе». В промышленных и горнодобывающих районах севера и на железных дорогах «не велось никакой планомерной профсоюзной работы». В резолюции признавалось, что революционные профсоюзы, являясь творением партии, не были образованы демократическим путем и не сумели привлечь рабочие массы. Стачки следовало организовывать для достижения реальных целей, легкодоступных для понимания рабочих, и не «навязывать» сверху. Было опасно выдвигать требования или объявлять забастовку от имени революционной, но ныне нелегальной Всекитайской федерации труда; это только отпугивало бы «отсталых» рабочих и провоцировало бы репрессии. Реформистские профсоюзы Кантона и Шанхая удерживали массы. Членам партии следовало работать в них, разоблачать реакционных руководителей и завоевывать массы. Однако лозунг «единого фронта» был бы теперь... неподходящим». В то же самое время революционные профсоюзы должны были стремиться вербовать рабочих в важных отраслях промышленности, устанавливать тесные связи с крестьянством и способствовать росту профсоюзов в сельских районах. Горячее желание соответствовать последним предписаниям Коминтерна сдерживалось содержавшейся в резолюции известной дозой реализма, однако маловероятно, чтобы это имело какой-либо практический эффект³¹⁸. Проект резолюции по организационным вопросам был примечателен главным образом своей откровенной констатацией существующих недостатков. Число крестьян в партии в семь раз превышало число рабочих и составляло 76% от общего количества членов КПК. Партия якобы не являлась «партией пролетарских масс» и не имела «плана привлечения масс, особенно в важных промышленных регионах». Процесс замены «интеллигентов», занявших руководящие посты, на «рабочих и крестьян» шел очень медленно; кроме того этому руководству не доставало «теоретических знаний». Партия имела тенденцию колебаться между «хвостизмом» и авантюризмом. Ничего нового не содержали и призывы работать в профсоюзах, в крестьянских ассоциациях, в армиях империалистов, а также в «реакционных полуфеодалных вооруженных группах»³¹⁹.

Военные дела, включая создание Красной армии, нашли отражение в резолюциях о Советах и по организационным проблемам. Был, правда, подготовлен, но, по-видимому, формально съездом не утвержден, проект резолюции и специально по военным вопросам. В нем исходным пунктом служила выхваченная из контекста установка IX пленума ИККИ, прошедшего в феврале 1928 г., «готовиться к широкому подъему новой революционной волны». Недостаточная военная подготовка якобы явилась причиной неудач в прошлом. Следовало вести агитацию, создавать партийные ячейки в армиях милитаристов и иностранных империалистов, направивших свои войска в Китай. Рабочие и крестьяне должны были проходить военную подготовку. «Крестьяне, — ут-

верждалось в резолюции, — это главная сила китайской революции, осуществляемой под руководством пролетариата», но «крестьянское восстание, отделенное от революционного движения рабочих, обречено на неудачу». Там, где рабочим и крестьянским движениям удалось создать Советы, партизанские вооруженные силы следовало преобразовать в регулярную Красную армию, которая, подобно Красной Армии Советского Союза должна иметь политических комиссаров и политические управления. И, наконец, вся военная деятельность должна контролироваться военным делом КПК³²⁰. Резолюции по пропаганде, о Коммунистическом союзе молодежи и о работе среди женщин были составлены по известному шаблону³²¹. В еще одной резолюции предусматривалось ежегодное празднование 11 декабря — годовщины Кантонского восстания³²². Острую проблему партийной программы отложили в долгий ящик, приняв формальную резолюцию, в которой Центральному комитету поручалось разработать проект документа и представить его в местные партийные организации для обсуждения в ходе подготовки к следующему съезду³²³.

Важным свидетельством царившего на съезде стремления к компромиссу является тот факт, что большинство руководящих членов партии оказались вновь избранными в Центральный комитет. Выбранный несмотря на отсутствие Мао Цзедун снова обрел тот самый пост, который он потерял на V съезде год тому назад³²⁴. Съезд нехотя одобрил его действия в отдаленном уголке Китая. В то время, когда КПК было нечем похвалиться, их можно было преподнести как успех. Трудности согласования этих действий с ортодоксальной марксистской теорией или партийной практикой преодолели с помощью бесполезного предупреждения, что их следует осуществлять под партийным или рабочим руководством. Но подобные акции представляли собой (в прямом и переносном смысле) периферийную проблему. Более важным являлись выборы высшего эшелона партийного руководства. На первом заседании вновь избранного Центрального комитета, который назначал Политбюро, присутствовали Бухарин и Миф, чьи предложения не встретили возражений. Период пребывания у власти Цюй Цюбо оказался коротким и бесславным. Он был смещен с поста генерального секретаря и его заменил Сян Чжунфа. Назначая на эту должность заслуживающего доверия рабочего, который охотнее, чем интеллигент, подчинялся бы директивам центра, КПК следовала примеру немецкой, французской и английской компартий, возглавляемых Тельманом, Торезом и Поллитом. Однако Цюй Цюбо, по-видимому, продолжал пользоваться авторитетом и поддержкой в партии и не оказался в опале. Помимо Сян Чжунфа в новый состав Политбюро входили три верных сторонника умеренного курса IX пленума ИККИ (Чжан Готао, Цай Хэсэнь и Сян Ин) и три приверженца более радикального курса (Ли Лисань, Чжоу Энълай и Цюй Цюбо)³²⁵. Ли Лисань ведал организационно-партийными вопросами, Чжоу Энълай — военными

делами, Цай Хэсэнь — пропагандой, Сян Ин — проблемами труда; Пэн Бай возглавил крестьянский отдел. Цюй Цюбо поручили представлять КПК в Коминтерне. По-видимому, дали указание остаться в Москве и Чжан Готао³²⁶. Главная забота Москвы сводилась к тому, чтобы удержать КПК в целости и сохранности как послушное орудие борьбы с империализмом. В то время Коминтерну были известны способы сохранения баланса между представителями различных группировок и точек зрения в зарубежных партиях, что связывалось с надеждой на их примирение, а может быть, и с тайным убеждением, что разъединенным руководством легче управлять³²⁷.

VI съезд КПК одобрил политику сдерживания, проводившуюся Коминтерном в Китае с 1923 г., и тем самым косвенно, если не прямо, осудил опрометчивые отступления в сторону революционного авантюризма, характерного для второй половины 1927 г. Правда, не обошлось и без трений в руководстве и сопротивления со стороны рядовых членов партии. Такая позиция в первую очередь ассоциировалась с тем периодом, когда в Коминтерне главенствовал Бухарин, и вне всякого сомнения она была навязана съезду им лично и его подручным Эмбером-Дро. Однако за короткий промежуток времени, прошедший после съезда до открытия VI конгресса Коминтерна 17 июля 1928 г., в Москве имели место важные события. Произошел открытый разрыв между Сталиным и группой членов Политбюро, включавшей Бухарина, Рыкова и Томского, которые представляли уже не левую, а правую оппозицию³²⁸. И хотя первоначально спор касался внутренней политики, очень скоро обнаружилось стремление Сталина подорвать до того беспорочную власть Бухарина в Коминтерне. На конгрессе Бухарин председательствовал, и никто открыто не оспаривал его руководящей роли. Однако к этому моменту влияние Бухарина уже уменьшилось, и по мере продолжения работы конгресса этот факт становился делегатам все очевиднее³²⁹. Неопределенность положения Бухарина постепенно отразилась на обсуждении всех главных проблем, и китайский вопрос не составил исключения.

На VI конгрессе, который продолжался с 17 июля по 1 сентября 1928 г. и на котором присутствовало 29 делегатов от КПК (в том числе 20 делегатов с решающим голосом³³⁰), отдельных дебатов по проблеме китайской революции не велось. Но она фигурировала в основном докладе Бухарина, в докладе Куусинена по национальному и колониальному вопросу, в дискуссиях и резолюциях по докладу Бухарина и по докладу Куусинена. В своем докладе Бухарин начисто отверг предположение, что неудачи КПК были связаны «с ошибочной тактикой, проводимой Коминтерном». Он подробно разъяснил три главные ошибки: руководство КПК не обеспечило «самостоятельности... партии»; оно не сумело понять «изменения объективного положения», которое про-

изошло после дезертирства национальной буржуазии (здесь, по его словам, «китайский ЦК, а отчасти и наш представитель в Китае, совершили тяжелую ошибку») и тормозило «массовое движение», «аграрную революцию» и «рабочее движение». Затем, однако, «некоторые товарищи впали в другую крайность: они недостаточно серьезно готовили восстания, обнаружили явно путчистские тенденции, авантюризм худшего сорта». Бухарин не пожелал навесить на эти отклонения ярлыки «правое» и «левое»³³¹.

Неожиданным и знаменательным было то, что главным участником дебатов от КПК под псевдонимом Страхов выступал Цюй Цюбо, смещенный на VI съезде КПК с поста секретаря партии за ультралевые отклонения. В основном разделе своего доклада Бухарин провел различие между «вторым этапом» в истории Коминтерна — периодом временной стабилизации капитализма — и начинавшимся «третьим этапом», когда растущие противоречия капитализма проложили путь к новому революционному подъему, а опасные уклоны в коммунистических партиях стали угрожать не слева, а справа³³². Правда, что касается последнего утверждения, он признал, что КПК представляет исключение, где все еще существует опасность ультралевого уклона. Однако эти выводы оспорил Цюй Цюбо, который, следуя традициям, предварительно заверил о полном своем согласии с Бухариным. По мнению Цюй Цюбо, третий период «мало чем отличается от второго». И хотя, сказал он, «третий период все же должен стоять в наших тезисах», требуется более определенно разъяснить, почему угроза войны против СССР внезапно стала неизбежной. Он прямо не критиковал заявление, что Коминтерн будто бы не несет ответственности за ошибки КПК, а выразил свое несогласие более тонко.

«Нам не важно, — заявил он, — установить участие других людей в наших ошибках, нам не важно, чтобы нам приписывали меньшее число ошибок, чем мы совершили на самом деле, а нам важно знать и констатировать, в чем заключаются наши ошибки».

Цюй Цюбо признал ошибки уханьского периода и обошел молчанием остальное. Признал он и опасность «путчизма», но полагал, что отклонение представляло собой «*реставрацию оппортунизма*». *Некоторые* товарищи будто бы высказывали желание еще раз обратиться к гоминьдану и выдвинули лозунг «национального собрания»³³³. Бухарина раздосадовала неспособность Цюй Цюбо обнаружить какое-либо серьезное различие между вторым и третьим периодами, и он, в заключительном слове по дискуссии, едко упрекнул Цюй Цюбо в том, что тот лишь для видимости отрицает наличие третьего периода. В письменном ответе Цюй признал существование третьего периода, однако заметил, что различия между третьим и вторым периодами не получили достаточно четкого разъяснения, чтобы сделать их доступными для понимания многих³³⁴. Чжан Готао мягко и невразумительно упрекнул Цюй Цюбо за то, что он недостаточно «ясно объяснил» необхо-

димось лозунга «восстановления массового движения», которое выдвигал также и гоминьдан. Вместе с тем Чжан проявил осторожность, чтобы не быть втянутым в завуалированный спор между Бухариным и Цюй Цюбо³³⁵. В дискуссию вмешался неугомонный Ломинадзе, чтобы исправить ошибку, допущенную им в китайской комиссии, работавшей до IX пленума ИККИ, где он назвал Кантонское восстание не «арьергардным боем», а «началом нового революционного подъема». Он также осудил опубликованную в журнале Коминтерна статью некоего Рейберга, который писал: *«Кантонское восстание потерпело и не могло не потерпеть поражения, вследствие того, что социальная база восстания не была достаточно широка, что условия для победоносного восстания в Кантоне и в провинции Гуандун не были достаточно зрелыми»*. Этот вывод, заявил Ломинадзе, совпадал со взглядом Пепера³³⁶.

Лишь 14 августа 1928 г., когда конгресс уже проработал четыре недели, Куусинен выступил с докладом по национальному и колониальному вопросам³³⁷. Бухарин, занятый составлением проекта программы, отсутствовал, и скрытый обстрел его позиций усилился. Еще более знаменательным, чем участие Цюй Цюбо в дебатах по докладу Бухарина, явилось приглашение его выступить содокладчиком в дискуссии по колониальному вопросу³³⁸. В этом качестве он представил наиболее детальный анализ китайской революции, который когда-либо звучал с коминтерновской трибуны. Открыто не преступая границ ортодоксальности, он ухитрился придать спору совершенно иной поворот. Главный вопрос, заметил он, вовсе не в том, вступать или нет в соглашение с национальной буржуазией, а в том, чтобы *«борьба была направлена против империализма и одновременно парализовала бы национал-реформизм буржуазии»*. Нельзя относиться к национальной буржуазии как к единственному союзнику пролетариата; «главное внимание пролетариата должно быть обращено на крестьянство, как своего союзника». После фиаско в Ухане партия «открыто признала свои оппортунистические ошибки и начала энергичную борьбу против остатков оппортунизма». Значение Кантонского восстания состояло в том, что «оно имело социальную базу и носило массовый характер». Восстание потерпело поражение из-за слабой политической и организационной подготовки. В заключение Цюй Цюбо осудил все попытки основать «третью партию» или же достигнуть компромисса с предполагаемыми левыми элементами гоминьдана. Главным вопросом, по его словам, являлся следующий: «Какое у тебя отношение к этому крестьянству, которое борется за землю, которое борется против пережитков феодализма, против милитаристов, против милитаристических войск?»³³⁹.

Во время долгих дебатов китайские дела обсуждались неоднократно. Один из китайских делегатов, выступавший под фамилией Воровский, явный сторонник Цюй Цюбо, в осторожной фор-

ме защищал Кантонское восстание, поражение которого он объяснил «недостатком твердого руководства», как политического, так и особенно военного. Он отверг представление, что обнаруженные в партии в прошлом «оппортунистические ошибки» якобы больше не существуют. Не упоминая Чэнь Дусю по фамилии, он осудил шанхайских «очень влиятельных товарищей, которые выступили с теорией, что революция разбита», и которые считали, что «большая опасность кроется в крестьянских восстаниях, так как они являются анархистскими выступлениями, и пролетариат может потерять гегемонию в революции»³⁴⁰.

Верный Пеппер был единственным делегатом, удовольствовавшимся повторением тщательно сбалансированных формулировок IX пленума ИККИ и доклада Бухарина. В истории КПК он различил две последовательные ошибки. Первая, совершенная до апреля 1927 г., была связана с *«непониманием тогдашним оппортунистическим руководством киткомпартии самостоятельной роли пролетариата в противовес буржуазии»*; вторая ошибка текущего периода — с *«утверждением, что китайская революция является уже революцией пролетарско-социалистической»*. Первая относилась к концепции «суньятсенизма», а вторая — к «перманентной революции в духе Троцкого». Обе явились результатом *«недостаточно четкого понимания руководством киткомпартии данной фазы развития революции»*, то есть ее буржуазно-демократического характера³⁴¹.

Однако мнение большинства поворачивалось в другую сторону. Нейман произнес в высшей степени теоретическую речь, богато пересыпанную цитатами из произведений не только Маркса и Ленина, но даже Гильфердинга и Розы Люксембург, осторожно придав дебатам радикальное направление. Он процитировал знаменитое выражение Ленина о «непрерывной революции» («конечно, не в смысле Троцкого, а в смысле Маркса») и с неудовольствием заметил, что, хотя китайская революция вне всякого сомнения находилась на буржуазно-демократическом этапе, Куусинен в своем проекте тезисов не сумел «дифференцировать, выработать различие по сравнению с прежними этапами буржуазно-демократической революции сегодня, после Кантона и после измены буржуазии». Длинная речь завершилась привычной критикой Пеппера, который в истории КПК не видел ничего кроме ошибок и игнорировал ее достижения³⁴².

Ломинадзе выступил еще раз, посвятив большую часть китайского раздела речи яростным нападкам на Пеппера, который дал для этого достаточный повод³⁴³. По спорным вопросам выступили два китайских делегата, не назвавшие своих фамилий³⁴⁴. Цюй Цюбо, пользуясь правом на ответное слово, повторил главные моменты своей первоначальной речи, заострив их, но более кратко. Он предложил лозунг «превращения милитаристских войн в гражданскую классовую войну» и заявил: «Мы можем действительно свергнуть империализм только тогда, когда пролетариат

поднимет миллионные массы крестьянства под лозунгом аграрной революции». Он также считал Пеппера удобной мишенью, пытаясь отделить его от Бухарина и (что еще знаменательнее) отождествить с Троцким. По словам Цюй Цюбо, Пеппер «хочет упорствовать в наших прошлых ошибках в переоценке национальной буржуазии». Закончил Цюй риторическими рассуждениями относительно «Воззвания к рабочим и трудящимся Китая», принятого на первом заседании конгресса. Он сказал: «Кантонское восстание вошло в сознание трудящихся как образец величайшего героизма китайских рабочих. Пусть будущее восстание широчайших рабочих и крестьянских масс, организованное на выдержанных и последовательно проверенных принципах ленинизма, поддержанное международным пролетариатом, явится победоносным Октябрем для Китая»³⁴⁵.

Эти слова, возможно, не означали что-то конкретное, но они, очевидно, определили место Китая в том повороте влево, который совершил VI конгресс Коминтерна. И хотя Цюй Цюбо блестяще оправился от неудачи, которая постигла его на VI съезде КПК, его победа не была безусловной. Завершавший прения Куусинен проявил сдержанность. Цюй Цюбо («поскольку я его правильно понял»), сказал Куусинен, признал, что некоторые группы мелкой буржуазии, поддерживавшие «национал-реформизм», оказывали «довольно значительное политическое влияние» на массы; а «многие элементы, которые завтра станут, быть может, нашими противниками, настроены сегодня националистически революционно». Куусинен крепко распек Неймана, который упустил «поделиться... опытом кантонского восстания» и объяснить, «как именно важное выступление следует подготовить лучше, как его следует лучше организовать, как следует раньше завоевать массы, как для такого выступления следует подготовить широкие массы»³⁴⁶. Это был неубедительный итог дискуссии. В конце китайский делегат, пользовавшийся фамилией Петрашевский, от имени китайской делегации официально отмежевался от выводов Пеппера, который будто бы выразил «точку зрения, совпадающую с мнением Троцкого, что революция идет по нисходящей линии», и оперировал «троцкистскими аргументами»³⁴⁷.

Содержащееся в резолюции конгресса по докладу Бухарина утверждение о том, что китайская революция является «по своему объективному содержанию на данной стадии революцией буржуазно-демократической, которая неизбежно перерастет в пролетарскую», опасно приблизилось к признанию тезиса о перманентной революции. Из, казалось бы, реалистической оценки кантонской катастрофы следовал совсем неоправданный оптимистический вывод. «Тяжелые поражения», — говорилось в резолюции, — привели к физическому истреблению «значительной части кадрового состава коммунистической партии». И тем не менее партия «крепнет и внутренне сплочивается». И далее. Поскольку «там, где крестьянское восстание победило, были основаны органы

крестьянской власти, отчасти крестьянские Советы», текущий момент следовало охарактеризовать как «полосу подготовки массовых сил к новому подъему революции». «Героическая» КПК исправила прошлые оппортунистические ошибки, но ее руководители недостаточно противодействовали «явным путчистским, авантюристским настроениям», а некоторые товарищи впали в новую оппортунистическую ошибку, выступая за идею национального собрания. Кантонское восстание коротко характеризовалось как «героический арьергардный бой китайского пролетариата». Окончательный вывод был загадочным. «Лозунг массового восстания, — писали авторы резолюции, — превращается в пропагандистский лозунг, и лишь по мере действительной массовой подготовки и назревания нового революционного подъема он станет вновь лозунгом непосредственной практики на высшей основе, под флагом диктатуры пролетариата и крестьянства на основе Советов»³⁴⁸.

В тезисах по национальному и колониальному вопросам авторы пытались втиснуть Китай в рамки азиатского национализма, вновь перечислили ошибки КПК и завершили выводом, в котором примечательным образом сочетались революционные планы на будущее с осторожными предписаниями для настоящего.

«В Китае, — говорилось в резолюции, — грядущий подъем революции вновь поставит перед партией как очередную практическую задачу — подготовку и проведение вооруженного восстания, как единственного пути к завершению буржуазно-демократической революции и свержению власти империалистов, помещиков и национальной буржуазии, власти гоминьдана... В то же время партия должна разъяснить массам невозможность радикального улучшения их положения, невозможность свержения господства империалистов и разрешения задачи аграрной революции без свержения власти гоминьдана и милитаристов и создания власти Советов»³⁴⁹.

Это был банальный и не вдохновляющий вывод. Между тем борьба, закончившаяся устранением Бухарина, парализовала Коминтерн. Интерес к Китаю повсюду почти угас. Попытка Профинтерна организовать международную кампанию в поддержку китайского рабочего движения потерпела фиаско³⁵⁰. В неопубликованной памятной записке от 4 октября 1928 г. Троцкий опровергал базу, на которой основывались выводы VI конгресса, в следующем обобщающем заключении: «В настоящее время в Китае нет революционной ситуации. Скорее это контрреволюционная ситуация, которая перерастает в межреволюционный период неопределенной продолжительности»³⁵¹.

Смелые слова не могли заслонить масштабов крушения больших надежд, связанных с периодом времени между шанхайскими событиями 30 мая 1925 г. и резней, устроенной Чан Кайши в Шанхае 12 апреля 1927 г.

г) Сумерки КПК

Два форума, прошедшие в Москве летом 1928 г., с неуверенностью возложили на КПК задачи, которым было не позавидовать. Партия имела указание готовиться к вооруженному восстанию, не возбуждая упреков в «путчизме». Ей следовало поддерживать аграрное движение, ключевой фактор буржуазно-демократической революции, но при гегемонии пролетариата. Условия на месте не располагали нужными компонентами для такой политики. Партия понесла огромные потери, пролетариат был запуган. Оценка количества убитых с апреля 1927 г. в 230 тыс. человек, по-видимому, не была преувеличенной³⁵². Большинство погибших, вероятно, являлись сторонниками левого крыла гоминьдана или профсоюзными рабочими-активистами. КПК, указавшая на V съезде в мае 1927 г.³⁵³ число своих членов в 50 тыс. человек, больше не сообщала никаких официальных статистических данных и вряд ли была в состоянии это сделать. Цифра в 15 тыс. членов для августа 1928 г. — предположительная, а от названного Секретариатом Коминтерна на X пленуме ИККИ в июле 1929 г. количества в 13 365 членов отдает фальшивой точностью³⁵⁴. Среди членов КПК наибольшие потери выпали на долю рабочих. К VI съезду крестьяне в партии составляли 76%³⁵⁵, а месяц спустя на VI конгрессе Коминтерна Куусинен назвал цифру в 80%. По словам Лозовского, руководство партии и профсоюзов находилось в руках «интеллигентов из мелкобуржуазных слоев»³⁵⁶. В одном из документов Коминтерна за февраль 1929 г. указывалось, что максимальное число рабочих — членов партии достигало: в Шанхае — 1300 человек, в Гонконге — 600 человек; в других городах их было совсем мало. В Ухане, Тяньцзине и Кантоне «никакой работы не велось»³⁵⁷. Чжоу Эньлай сообщил в апреле 1929 г., что рабочая прослойка в партии, которая во время VI съезда КПК равнялась 10%, уменьшилась до 3%³⁵⁸. В Центральном Китае единственными легальными организациями рабочих являлись «желтые» профсоюзы, функционировавшие под покровительством нанкинского правительства³⁵⁹. Эти профсоюзы, которые якобы поддерживали экономические требования рабочих и отвергали политическую деятельность, достигли кое-какого успеха в Шанхае, агитируя за сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, и имели значительное число приверженцев³⁶⁰. Профсоюзы, руководимые коммунистами, были уничтожены³⁶¹.

Последствия двух форумов для руководства КПК оказались также двойственными. Смещенный с поста секретаря партии Цюй Цюбо остался членом Политбюро, и его видная роль на VI конгрессе Коминтерна свидетельствовала о высоком престиже в Москве. Решение оставить Цюй Цюбо и Чжан Готао в Москве, по-видимому, диктовалось твердым стремлением Секретариата Коминтерна держать руководство КПК в своих руках. Из пяти членов Политбюро, вернувшихся в Шанхай после конгресса, офи-

циальный секретарь партии Сян Чжунфа представлял собой не более чем номинальную фигуру, а вот Ли Лисань приобрел сильное влияние. До тех пор в раздорах внутри КПК он не играл заметной роли. Нет никаких серьезных свидетельств, что Сталин или кто-либо еще в Москве предназначал его для руководства или имел особое желание осенью 1928 г. вмешаться в процесс подбора руководителя³⁶². Ослабевшая, упавшая духом и оставшаяся без руководства партия легко стала ареной раздоров. И решительный неразборчивый в средствах Ли Лисань воспользовался обстоятельствами. Циркулярное письмо Центрального комитета от 11 ноября 1928 г. содержало предостережения не только против таких политических ошибок, как «оппортунизм» и «путчизм», но и против требований крайней демократизации и групповщины³⁶³. Наиболее серьезная перебранка вспыхнула между ЦК КПК и партийным комитетом провинции Цзянсу, который еще весной 1928 г. критиковал Центральный комитет за поспешную оптимистическую оценку революционной ситуации³⁶⁴. Как видно, спор представлял собой главным образом борьбу за власть двух честолюбивых людей — Ли Лисаня и партийного руководителя провинции Цзянсу Сюй Сицзю — и явился результатом усилий Ли подчинить Центральному комитету, в котором он сам доминировал, разобщенную и распыленную партию. Но спор велся также по теоретическим и организационным вопросам. Провинциальный комитет Цзянсу обвинил ЦК в пренебрежении к содержащейся в резолюции VI съезда партии осторожной оценке текущей революционной ситуации и к аграрной политике, важность которой отметил съезд. В ответ Ли Лисань попытался ввести в комитет Цзянсу своих сторонников³⁶⁵. Чжоу Эньлай опубликовал брошюру, в которой утверждал, что члены цзянсуйского комитета не выполнили решений VI съезда и «до сих пор не могут разобраться в характере нынешней китайской революции»³⁶⁶. «Фракционная борьба» достигла опасной черты в марте 1929 г., после чего Центральному комитету удалось утвердить свою власть над бунтовщиками³⁶⁷.

После мучительных дебатов последних двух лет Коминтерн не горел желанием быть втянутым в неприятные дела обескровленной КПК. Созданная Секретариатом³⁶⁸ «постоянная китайская комиссия» не проделала заметной работы; неудачной оказалась и попытка заинтересовать китайскими делами лично Сталина³⁶⁹. Однако Москва всегда была восприимчива к отношениям Китая с другими странами и заботилась о том, чтобы КПК во всю меру своих сил участвовала в борьбе с врагами Советского Союза. Саму же КПК в это время тревожило влияние на рабочих «реформистских лозунгов буржуазии» и «реорганизационных групп в гоминьдане» Ван Цзинвэя³⁷⁰. Авторы довольно странного письма ИККИ от 9 февраля 1929 г. сделали КПК выговор за то, что она отличала американский от английского и японского империализма, в то время как все они в одинаковой степени стремились сох-

ранить в Китае колониальный режим. Платформа «национал-реформизма» китайской промышленной буржуазии, разнясь от платформы «старого помещичье-милитаристского правительства», тем не менее «предполагает политику постоянных компромиссов с империалистами, а на практике это ведет к *капитуляции* национальной буржуазии перед империализмом».

Осуждались в равной степени и те, кто предсказывал новый революционный подъем в ближайшем будущем, и те, кто ориентировался на его «длительную отсрочку». Китайская буржуазия и гоминьдановское правительство (вероятно, в отличие от Кемаля в Турции) оказались неспособными решить проблемы буржуазно-демократической революции. Сотрудничество с подобными элементами представляло собой «при данных обстоятельствах *правый уклон*». Главная задача сводилась к *укреплению нелегальной коммунистической партии, усилению ее организации и ее авторитета и руководящего влияния*. Кроме того, VI съезд КПК совершенно справедливо призвал к «исправлению ее левых уклонов», включая путчизм, военный авантюризм, индивидуальный террор и систему «командования» сверху. Существенной составной частью деятельности партии по завоеванию рабочих масс являлось не только укрепление «нелегальных и полуполигальных революционных союзов», но необходимо было проникнуть и «в массовые гоминьдановские союзы и отвоевать массы у желтых вождей». В последнем разделе письма обращалось особое внимание на количественную и организационную слабость партии в крупных городских центрах. Затем, однако, следовала приписка: «Придавая сугубо важное значение крестьянскому вопросу, мы не затрагивали его в настоящем письме, предпочитая обратиться к вам по этому вопросу со специальным письмом»³⁷¹. КПК пришлось ждать четыре месяца руководящих указаний из Москвы по этому чрезвычайно важному вопросу. Причины задержки не нужно было искать далеко.

В этот период руководимое Мао Цзэдуном и Чжу Дэ партизанское движение продолжало усиливаться без всякой помощи, а иногда и без ведома руководителей КПК. После неудачи восстания «Осеннего урожая» в Хунани и провала наступления на Чанша Мао с жалкими остатками своих сил отступил в Цзинганшань³⁷², где из беглецов и недовольных начал сколачивать пеструю армию. Здесь весной 1928 г. к нему присоединился Чжу Дэ с полком, оставшимся от армии, которая в августе 1927 г. выступила из Наньчана, — ядром будущей Красной армии Китая. На пленуме ЦК КПК в ноябре 1927 г. Мао вывели из состава Политбюро и из Центрального комитета, вне всякого сомнения в наказание за неудачу с хунаньским восстанием, и некоторое время он, по-видимому, не имел прямых контактов с партийной штаб-квартирой в Шанхае. О решениях партии и, следовательно, ИККИ он узнавал лишь спустя недели или месяцы. Вряд ли в Шанхае или

Москве много знали о его деятельности. Ясно одно: эта деятельность проходила вне руководства или контроля со стороны Коминтерна или КПК. Когда Мао 2 ноября 1928 г. с опозданием получил решение IX пленума ИККИ, принятое в феврале 1928 г.³⁷³, он выразил полное согласие с «резолюцией Коммунистического Интернационала, касающейся Китая»³⁷⁴. Но эти вежливые заверения ни в коей мере не гарантировали равных отношений между Мао и ЦК КПК в Шанхае. В докладе ЦК на VI съезде партии в октябре 1928 г. отмечалось, что «съезд осознает опасность замены рабочей основы нашей партии на крестьянскую, и поэтому считает необходимым приложить все силы, чтобы восстановить пролетарский базис партии». В циркулярном письме КПК, разосланном на следующий месяц, повторно указывалось: «В каждой провинции мы должны концентрировать наши главные силы в важных политических и промышленных центрах... Работу в деревне не следует игнорировать. Однако относительно бóльший упор нужно делать на работу в городах»³⁷⁵.

В ноябре 1928 г. Мао в своем письме резко реагировал на эти и другие попытки опекунства со стороны Центрального комитета партии. Он, в частности, писал:

«Мы самым серьезным образом требуем, чтобы впредь, составляя директивы, вы изучали наши отчеты, а не полагались лишь на односторонние доклады ваших инспекторов... Письма Центрального комитета должны учитывать условия, в которых нам приходится действовать. Он должен оставлять нам некоторый простор для маневра»³⁷⁶.

Мао и Чжу Дэ недолго занимали оборонительные позиции. 4 января 1929 г. они вывели 4 тыс. своих сторонников из надежного укрытия в горах в малонаселенную равнину, где начали изгонять и грабить помещиков и сплачивать крестьян в деревнях вокруг местных Советов³⁷⁷. То, что впоследствии стало называться «спуском армий с гор Цзинганя» и торжественно отмечаться как важная дата в истории китайской Красной армии, было прелюдией к установлению ее власти в форме местных Советов над значительным регионом на юге провинции Цзянси. К этому времени Мао, по его последующим словам, собрал армию «в более чем 10 тыс. бойцов»³⁷⁸. Рост успехов, вероятно, прибавил ему уверенности в отношениях с Центральным комитетом партии, который явно не доверял рискованному предпрятию и выступил с непрошенными советами относительно диспозиции войск. В начале 1929 г. в небольшом городке Динчжоу в западном Фуцзяне, который только что заняли силы Мао, он, наконец, получил резолюции VI съезда партии, состоявшегося в июне 1928 г., дававшие относительно благословение «стихийным партизанским выступлениям крестьян в различных провинциях», а также резолюции состоявшегося тут же вслед конгресса Коминтерна. И Мао еще раз выразил свое согласие³⁷⁹. Сколько же, однако, упрямства может на деле уживаться с почтительным одобрением ортодоксальных

формулировок, показало письмо Мао от 5 апреля 1929 г., адресованное Центральному комитету. В нем он писал: «Пролетарское руководство — единственный ключ к победе революции... Но по нашему мнению, было бы ошибкой (если кто-то из членов нашей партии придерживается подобных взглядов) опасаться, что с ростом власти крестьяне отвергнут руководство рабочих и, следовательно, повредят революции. Революция в полуколониальном Китае... никогда не пострадает только из-за того, что нынешняя борьба развивается таким образом, что крестьяне становятся более сильными, чем рабочие»³⁸⁰.

Как утверждали, Мао осудил корреспонденцию, поступавшую из ЦК КПК в Красную армию, как «пессимистическую» и «неправильную по духу», и примерно в это же время, вопреки осторожной позиции комитета, представил план «овладения провинцией Цзянси в течение одного года»³⁸¹. Видимый успех Мао, его собственная уверенность в успехе такой необычной операции представили сложную проблему. Читая несколько месяцев спустя сообщение о том, что «вооруженный коммунистический отряд, руководимый Чжу Дэ», увеличился с 5 тыс. до 20 тыс. человек, Троцкий гадал, был ли это чистый «авантюризм» или же эксперимент в «оппортунизме», поощряемый Москвой³⁸².

Наибольшие споры вызывал вопрос о трудностях, связанных с дифференциацией внутри крестьянства. Возможно, в прошлом Мао колебался относительно немедленного распространения аграрной революции на сравнительно зажиточных землевладельцев³⁸³. VI съезд КПК проявил какую-то двойственную снисходительность к кулачеству или зажиточному крестьянству³⁸⁴. В разосланном через два месяца циркулярном письме ЦК разъяснил, что партии «не следует преднамеренно усиливать борьбу с богатыми крестьянами, но она не должна отказываться от борьбы с характерными чертами помещиков у богатых крестьян», и призывал руководителей советских районов «объединиться с мелкой буржуазией и богатыми крестьянами против реакционных сил»³⁸⁵. Однако партизанская армия, состоящая главным образом из обездоленных и безземельных крестьян, не могла позволить себе деликатничать с земельными собственниками любой категории. Где-то в начале 1929 г. ЦК КПК направил Мао письмо, предупреждая его, что, «следуя общей тактической задаче (борьба с классом помещиков), необходимо заключить союз с богатым крестьянством». Правда, в письме делалась оговорка, что «партия не должна оставлять классовой борьбы бедняцкого крестьянства против кулаков и богатых крестьян»³⁸⁶. Это была, по меньшей мере, спорная формулировка. Между Ли Лисанем и его коллегой по Политбюро Цай Хэсэнем, которого до сих пор считали сторонником правого крыла, возникли разногласия. Цай опубликовал в китайском партийном журнале статью с критикой политики союза с богатым крестьянином, на которую последовал ответ Ли Лисаня³⁸⁷. Затем Цай Хэсэнь отправился из Шанхая в Москву, возможно, не

без помощи Коминтерна³⁸⁸. Кампания против Бухарина и правого уклона была в самом разгаре и сказывалась на дебатах о китайском кулаке. Бородин в точном соответствии со своей политикой уханьского периода выступал за терпимое отношение к кулаку как союзнику в борьбе против империалистов и подвергся нападкам со стороны Мифа, верного последователя новой линии Коминтерна, который осудил кулака как полуфеодалного эксплуататора крестьянских масс и непримиримого врага революции³⁸⁹.

В этих условиях Политсекретариат ИККИ 7 июня 1929 г. наконец отправил КПК давно обещанное письмо по крестьянскому вопросу. В начале письма обращалось внимание на «серьезнейшие ошибки» «отдельных руководящих товарищей». В качестве примера приводилось письмо Центрального комитета Мао Цзэдуна о «союзе с богатым крестьянином». Много места занял разбор неопределенных резолюций VI съезда КПК. Призыв «не заострять борьбы против кулака» мог якобы привести к «затушевыванию и стиранию основного противоречия между крестьянством и помещичьим классом» и, оторванный от главной цели революции, дать «основание для неверных политических выводов». Однако члены Центрального комитета «вместо того, чтобы *исправить нечеткие формулировки резолюций VI съезда*», усугубили ошибку, пытаясь теоретически оправдать необходимость «союза пролетариата с кулаком». Заслуживает внимания следующее место из письма: «Партизанские отряды Мао Цзэдуна и Чжу Дэ, несмотря на неоднократные попытки их подавления со стороны реакции, не только сумели сохранить свои кадры, но за последнее время добились известных успехов в провинции Фуцзянь».

Вооруженные восстания крестьян произошли и в других частях Китая, и все это обязывало партию к более решительной борьбе «за овладение руководством этих стихийных, объективно-революционных движений крестьянства». Письмо заканчивалось предостережением от неверных «часто троцкистских выводов о социалистическом характере китайской революции». Для «начального периода предстоящего подъема революционной волны» революция сохраняла свой буржуазно-демократический характер³⁹⁰. Примерно в то же время, когда было отправлено письмо, в первом номере нового периодического издания Университета им. Сунь Ятсена появилась обширная и уклончивая статья Цай Хэсэня под названием «История оппортунизма в Коммунистической партии Китая». В ней автор отстаивал более активную аграрную политику и утверждал, что после удачной операции в Чанша 21 мая 1927 г. крестьяне Хунани призывали к восстанию. В статье также говорилось о реорганизации партии с соблюдением правила, согласно которому «члены руководящих органов должны выбираться массами и пользоваться абсолютным доверием с их стороны». Статья была написана с явной целью: раскритиковать, не упоминая имен, деспотические методы Ли Лисаня. Выдержанное в мягких тонах редакционное вступление не могло затуше-

вать тот факт, что Ли Лисань больше не мог рассчитывать на безоговорочную поддержку Москвы³⁹¹.

В конце июня 1929 г. Центральный комитет КПК провел в Шанхае шестидневное совещание и 9 июля 1929 г. направил членам партии циркулярное письмо с изложением его результатов. Письмо Коминтерна от 7 июня 1929 г. в нем не упоминалось, так как, по-видимому, еще не поступило³⁹². Первая забота комитета состояла в том, чтобы вновь подтвердить руководство Ли Лисаня, заявив о том, что оно «верно претворяет в жизнь политические установки VI съезда», и одобрить дисциплинарные меры в отношении партийного комитета провинции Цзянсу. Рассматривая международную ситуацию и помня упрек, высказанный в письме Коминтерна от 9 февраля 1929 г., совещание отметило, что хотя «Англия и Япония сближаются, чтобы противостоять Америке», тем не менее, «по существу... нет ни малейшей разницы в их агрессивной политике по отношению к Китаю». Однако углубляющийся мировой кризис якобы подтверждает традиционно оптимистическое представление о революционных свершениях: «Борьба рабочих начинает оживляться, аграрная революция развивается, известные советские армии под командованием Чжу и Мао все еще существуют, воинские части восстают и затем присоединяются к крестьянскому движению».

К сожалению, приходилось признавать, что «у крестьянских движений в советских районах» не было «правильного руководства со стороны Центрального комитета». Исключительной осторожностью был отмечен вывод о том, что «одинаково неверно утверждать, что подъем революционной волны очень далек или что он очень близок». Единственная фраза в резолюции совещания и в циркулярном письме в явном противоречии со все еще не ставшим известным письмом Коминтерна от 7 июня 1929 г. фиксировала, что с учетом возможности заручиться поддержкой богатых крестьян в борьбе против империалистов, милитаристов и помещиков «безоговорочная оппозиция по отношению к богатым крестьянам была бы ошибочной». Не было и намека на какую-либо несовместимость между предписанием «усиливать наше руководство крестьянским движением» и признанием «слабости пролетарской базы партии»³⁹³. На этом же совещании Центральный комитет сделал заявление с протестом против нападения на советское консульство в Харбине 27 мая 1929 г., которое было названо гоминьдановской «провокацией»³⁹⁴.

Прошедший в Москве с 3 по 19 июля 1929 г. X пленум ИККИ мало чем мог воодушевить КПК или дать ей нужные ориентиры. Ни Куусинен, ни главный докладчик Мануильский не затронули эту тему, а Молотов предусмотрительно заметил, что «еще рано говорить о нарастании нового подъема революции в Китае»³⁹⁵. Один американский делегат-негр неосторожно поинтересовался, «почему в Китае создается такое положение, которое сейчас наблюдается? Не падает ли некоторая доля вины на ИККИ?». Ки-

тайский делегат не только признал, что партийные руководители не пользуются доверием масс (уточняя, он отнес свою критику на счет правых элементов, поддерживаемых троцкистами), но и набрался смелости повторять имеющиеся обвинения в том, что руководство Коминтерна было слабым и бесполезным и что «после ухода Бухарина никаких сил в Коминтерне не осталось...»³⁹⁶ Никто не поддержал эти высказывания. Единственной обсуждавшейся китайской проблемой была проблема профессиональных союзов. Состоявшийся в марте 1928 г. IV конгресс Профинтерна повторил давнее предписание членам партии — вести работу в «желтых» профсоюзах и особо осудил нежелание китайских коммунистов осуществлять эту политику³⁹⁷. Но когда Пятницкий повторил эти критические замечания на X пленуме ИККИ в июле 1929 г., один из китайских делегатов в ответ подробно остановился на связанных с этим практических трудностях и осудил как «правый оппортунизм» противоположное стремление работать исключительно в гоминьдановских союзах и распустить нелегальные Красные профсоюзы. Явно смущенный Лозовский подчеркнул, что коммунисты, выполняющие официальные функции в гоминьдановских профсоюзах, стоят перед выбором — изменить партии или быть обезглавленными³⁹⁸. Другой китайский делегат по имени Дэн, много говоривший о рабочем движении, начал свою речь с нереального заверения, что «классовая борьба в Китае вновь разгорается и обостряется», а в заключение потребовал организационно «охватывать сельхозрабочих как союзников пролетариата». Однако Пятницкий обвинил и его, и Лозовского в том, что они уклонились от вопроса о гоминьдановских профсоюзах³⁹⁹. В конце совещания в дело вмешался Миф, в первом выступлении излучавший официальный оптимизм и упрекавший КПК в преувеличении «фактов поражения революции и победы реакции»; он предложил классическую компромиссную формулировку по профсоюзам. Революционные профсоюзы следовало поддерживать и укреплять; коммунистам, однако, нужно было сформировать в «желтых» профсоюзах левое крыло, «чтобы они не распылялись, а были сами организованы и организованно связаны с партией»⁴⁰⁰. Никто, кроме Пятницкого, совершенно не знавшего китайских условий, по-видимому, не принял проблему всерьез. Дебаты были далеки от реальностей и поверхностными, и Китай едва упомянули в резолюциях пленума.

Через несколько недель после пленума ИККИ обнародовал директиву относительно работы КПК в профсоюзах. Коммунистам надлежало создавать независимые Красные профсоюзы, а также работать «в гоминьдановских (правительственных) и «желтых» (левогоминьдановских)» профсоюзах. Обе категории различались, хотя часть их них «превратилась в широкие массовые рабочие организации». Там, где революционный профсоюз мог быть организован параллельно с подобными профсоюзами, ему следовало работать внутри них с целью их уничтожения. В то же самое вре-

мя нужно было изжить «худшие традиции «командования» и верхушечного строительства профсоюзов», а существующие лишь на бумаге Красные профсоюзы — ликвидировать. И, наконец, Красным профсоюзам было необходимо образовывать фабричные комитеты и выдвигать экономические требования рабочих, не оставляя этого «желтым» и гоминьдановским профсоюзам. Некоторые из указаний, казалось, взаимно исключали друг друга и лишь немногие из них были осуществимы в китайских условиях⁴⁰¹. Именно в данный момент события в Северном Китае повторили ситуацию, возникшую в марте 1926 г.⁴⁰², когда угроза советским интересам в Маньчжурии завладела вниманием Москвы, и ее важность затмила все происходящее где-либо в Китае.

д) Маньчжурский кризис

Дипломатические отношения между Москвой и марионеточным правительством в Пекине, находившимся под влиянием Чжан Цзолиня, полностью прекратились после налета на советское посольство и ареста 15 советских служащих в апреле 1927 г.⁴⁰³ В Пекине оставался только советский консул, то признаваемый, то непризнаваемый властями. Возможность улучшения отношений появилась в начале следующего года, когда 5 января 1928 г. после десятимесячного заключения освободили судовую команду парохода «Память Ленина»⁴⁰⁴. В течение нескольких последующих недель в Пекине прошли эпизодические дискуссии по поводу начала переговоров о формальном восстановлении отношений. Было ясно, что переговоры в действительности придется вести и с администрацией Чжан Цзолиня в Харбине или Мукдене. Советское правительство попыталось сделать предварительным условием освобождение 15 советских служащих, но получило отказ⁴⁰⁵. Беседа между советским консулом в Мукдене и китайским консулом в советском городе Никольске открыла путь дальнейшим дискуссиям в Мукдене с эмиссаром Пекина, с которым и были фактически разработаны условия предполагаемого соглашения⁴⁰⁶.

К этому времени, однако, готовилась еще одна перемена в китайском калейдоскопе. В апреле 1928 г. Чан Кайши начал новую военную кампанию, которую называли новый Северный поход. Положение Чжан Цзолиня в самом Пекине и вокруг него оказалось постепенно подрванным армиями, контролируемые Чан Кайши и Национальным нанкинским правительством. В первых числах июня 1928 г. Чжан вывел остатки своих вооруженных сил из города, имея в виду укрепить собственные позиции в Маньчжурии, и через несколько дней национальные войска овладели старой столицей⁴⁰⁷. 4 июня 1928 г. при загадочных обстоятельствах на пути из Пекина в Мукден Чжан Цзолинь был убит⁴⁰⁸, и преемником стал его сын Чжан Сюэлян, по прозвищу «молодой маршал». В это же время японское правительство дало ясно по-

нять, что будет противиться любому проникновению китайских национальных армий в Маньчжурию.

Главным последствием этих событий для официальных советско-китайских отношений явился тот факт, что теперь пекинское правительство выступало не с голоса Мукдена, а Нанкина. Постоянно меняющаяся расстановка военных сил в Китае в сочетании с меняющимися взаимоотношениями трех главных империалистических держав, которых объединяла враждебность к Советскому Союзу и к китайской революции, но разделяло глубокое несовпадение интересов и видов на будущее, продолжала ставить в тупик советских и коммунистических наблюдателей. В июле 1928 г. VI конгресс Коминтерна в своей резолюции по международному положению воздержался от необдуманных спекуляций и удовольствовался созданием картины «яростного англо-американского соперничества, развертывающего перспективы громадного столкновения сил», и «противоречия между хищническим и открыто оккупантским империализмом Японии и громадной мощью американского империализма, на данной стадии развития драпирующегося в фальшивую тогу пацифизма»⁴⁰⁹. В сентябре 1928 г. Карахан, наблюдавший за китайскими событиями из Москвы, отметил двойственную позицию Нанкина по отношению к Советскому Союзу. Хотя во всех крупных городах поддерживались фактические отношения с советскими консулами, формальное возобновление дипломатических отношений с Советским Союзом могло оттолкнуть Великобританию и Соединенные Штаты⁴¹⁰.

Вместе с тем были заметны симптомы ослабления напряженности. 13 сентября 1928 г. китайский суд вынес приговор по делу 15 советских служащих, арестованных в апреле 1927 г. За исключением одного из них, всех объявили не подпадающими под юрисдикцию Китая, а оставшегося просто оправдали. Через несколько дней они выехали из Китая во Владивосток⁴¹¹. Какие-то неопределенные предложения, выдвинутые в следующем месяце и имевшие целью побудить к переговорам по восстановлению дипломатических отношений, результатов не дали⁴¹².

В декабре 1928 г. произошла более важная перемена. Национальное правительство в момент его триумфа ослабляла раздоры между милитаристами, номинально подчиненными высшему руководству Чан Кайши. В Маньчжурии же положение «молодого маршала» было менее устойчивым, чем ранее у его отца. Разделяемое обоюдное чувство ненадежности в сочетании с одинаковой приверженностью «национальному» делу, хотя и определяемому довольно туманно, вероятно, сблизило двух лидеров. Японское правительство, которое сначала противилось воссоединению Маньчжурии и Южного Китая, осенью 1928 г. убедили в том, что такой акт не повредит обширным японским интересам в Маньчжурии и, возможно, окажется лучшей гарантией против советского проникновения⁴¹³. Чжан Сюэлян акцептировал формальную верховную власть нанкинского правительства в обмен на признание

полной автономии четырех северо-восточных провинций, и 29 декабря 1928 г. флаг гоминьдана взвился над Мукденом как символ воссоединения Китайской Республики. Западный мир воспринял подобные мероприятия по воссоединению и умиротворению с известным удовлетворением. По словам Роя, власть нанкинского режима покоилась на городской крупной буржуазии и феодальных помещиках со «святым духом империализма» на заднем плане, дополняющим трюизм⁴¹⁴.

Теперь администрация этих четырех провинций могла рассчитывать на полную поддержку нанкинского правительства в переговорах с советскими властями по неизменно щекотливой проблеме Китайско-Восточной железной дороги. Со времени кризиса 1926 г.⁴¹⁵ не поступило никаких сообщений о крупных столкновениях между китайскими и советскими властями, связанных с КВЖД. Но небольшие нападения на советские учреждения и советских граждан, время от времени, в 1927 г. случались. На правление КВЖД было оказано давление с целью вынудить его хранить свою резервную наличность в местных банках, и 13 августа 1927 г. было достигнуто компромиссное соглашение о хранении там половины наличной суммы. Требования, чтобы счета КВЖД велись и тарифы исчислялись в местной валюте, были отвергнуты⁴¹⁶. Нападение бандитов на дорогу послужило темой энергичного советского протеста в июле 1928 г.⁴¹⁷. Явным или подразумеваемым результатом декабрьского соглашения 1928 г. между Нанкином и Мукденом явилась, по-видимому, решимость предстать перед Советским Союзом сплоченным фронтом. За этим последовал целый ряд враждебных инцидентов — захват телеграфных станций на КВЖД, вторжение пьяного полицейского с винтовкой в советское консульство в Мукдене, безудержные нападки на Советский Союз в эмигрантской прессе Харбина и, наконец, 27 мая 1929 г. захват и обыск советского консульства в Харбине, арест около 40 советских граждан, находившихся в его помещениях⁴¹⁸. Этот инцидент, за которым последовали обвинения в подрывной деятельности, публикация компрометирующих документов и который напомнил о налете на советское посольство в Пекине два года тому назад, вызвал не только протесты местного характера, но и длинную ноту Наркоминдела, переданную китайскому поверенному в делах в Москве и, как положено, отправленную в Нанкин⁴¹⁹. Советский консул в Пекине, забытый среди общей суматохи, сообщал о слухах в дипломатических кругах, согласно которым харбинский инцидент был затеян для того, чтобы замаскировать китайские агрессивные планы в отношении КВЖД⁴²⁰.

Эта догадка оказалась верной. 10 июля 1929 г. китайские власти заняли все телеграфные сооружения КВЖД, закрыли советское торговое представительство и другие советские учреждения в Маньчжурии, арестовали советских официальных лиц и служащих, включая Емшанова, который в 1926 г. сменил Иванова в качестве Управляющего КВЖД и от которого теперь тре-

бовали передать все функции китайскому уполномоченному. Это явилось вопиющим нарушением соглашения по КВЖД, заключенного в 1924 г. Емшанова и еще 60 советских официальных лиц выдворили с китайской территории. Данные происшествия перечислялись в ноте Карахана китайскому поверенному в делах, врученной 13 июля 1929 г. Она заканчивалась требованием отменить произвольные меры и созвать конференцию для урегулирования вопросов, относящихся к КВЖД ⁴²¹.

В резком заявлении, сделанном в Нанкине, Чан Кайши признал, что эти меры были предприняты для того, чтобы «взять Китайско-Восточную железную дорогу в наши руки» ⁴²², а в ответе китайского поверенного в делах в Москве от 17 июля 1929 г. содержались протест и обвинения, касающиеся недозволенной деятельности советских служащих в Маньчжурии и арестов китайских граждан на советской территории. Это послужило поводом для еще одной ноты Карахана, датированной тем же числом, в которой он объявил о решении Советского правительства отозвать всех занятых на КВЖД советских представителей и служащих, прекратить всякую железнодорожную связь с Китаем и предложить китайским служащим покинуть пределы Советского Союза ⁴²³. 18 июля 1929 г. ИККИ обратился с протестом к «трудящимся всего мира», утверждая, что, по диктату империалистических держав, Чан Кайши стремится спровоцировать новую войну против Советского Союза ⁴²⁴. Казалось, что вновь возникала тупиковая ситуация 1927 г., усугубленная изгнанием Советского Союза из Маньчжурии.

Эти тревожные события совершенно не затрагивали КПК. Однако 12 июля 1929 г., через два дня после китайского удачного хода в Маньчжурии, ЦК КПК, конечно не без подсказки из Москвы, опубликовал манифест, в котором был провозглашен лозунг «защиты Советского Союза», и где было заявлено: «Единственное право, от которого СССР не отказывается в Китае, — это право на КВЖД. СССР сохраняет его только потому, что эта железная дорога является военным объектом, который может быть использован для нападения на территорию Советского Союза» ⁴²⁵. В результате возникла переписка между отверженным руководителем Чэнь Дусю и Центральным комитетом. Схоластическая фразеология писем раскрывала некоторые из проблем, с которыми сталкивалась КПК. То, что в Москве рассматривалось как непосредственная угроза советской безопасности, представлялось патриотически настроенным китайцам, в том числе и некоторым членам КПК, в качестве меры, направленной на освобождение китайской территории от иностранного, то есть советского контроля. В письме от 28 июля 1929 г. Чэнь указал, что гоминьдан в лице нанкинского правительства требовал «возвращения КВЖД Китаю» и выступал как защитник «интересов нации». По его словам, предложенный ЦК КПК рецепт противодействия такой

пропаганде не годился. «Массы, — сказал Чэнь, — противопоставят гоминьдановский лозунг защиты Китая нашему лозунгу защиты СССР и сделают из этого свой вывод».

Центральный комитет КПК 4 августа 1929 г. возразил, что события на КВЖД «отражают основное противоречие между социализмом Советского Союза и мировым империализмом». «Широкие массы, — говорилось в письме, — будут отвечать гоминьдану: „Чтобы поддержать китайскую революцию, мы должны поддержать Советский Союз; поддержка Советского Союза есть поддержка китайской революции“»⁴²⁶.

Чэнь Дусю усилил атаку во втором, более теоретическом письме. Он обвинил Центральный комитет в том, что он смешивал принципы и тактику, и сослался на ленинское одобрение Брест-Литовска как на пример правильного отхода от принципа по тактическим соображениям. Лозунг «защиты СССР» был верным в принципе, но недостаточным, чтобы «увлечь массы». Пролетарская революция якобы может иметь успех, только если «революционные массы пользуются поддержкой со стороны даже наиболее остальных масс».

«Практически, — продолжал он, — Китай никогда не сможет самостоятельно вернуть себе К.-В.ж.д., и захват К.-В.ж.д. используется реакцией и империалистами как предлог для того, чтобы затеять империалистическую, антисоветскую войну или войну между самими империалистами. Эти войны еще более усугубят бедственное положение трудящихся масс... Вы ограничиваетесь протестом против войны, *опасной для Советского Союза*, но ни слова не говорите о том, какая опасность угрожает трудящимся массам Китая».

Вопрос сводился к следующему: «Можно ли одним только лозунгом поддержки СССР мобилизовать китайский пролетариат?». Чэнь также критиковал воззвание КПК от 21 июля 1929 г., в котором гоминьдан изображался как партия, «предавшая демократию», как партия, совершившая измену. Это предполагало существование так называемого «левого крыла буржуазии» и основывалось на иллюзии, которую КПК обязана разоблачить. В ответе Центральный комитет снова упрекнул Чэнь Дусю в неспособности понять принципиального отличия войны против Советского Союза от войны между империалистическими державами. В более резких выражениях, чем прежде, ЦК подчеркнул опасность «с одной стороны детской болезни левизны, а с другой — оппортунизма и даже бунтарства» и отверг аргументы Чэня как «хитрую уловку»⁴²⁷. Должно быть где-то в это время ЦК КПК подготовил еще одну инструкцию, которая показывала, насколько же ему не хотелось полностью отмежеваться от гоминьдана.

«Основная опасность войны, — говорилось в ней, — вызвана коренными противоречиями между буржуазией, помещиками и компрадорами. Для хозяйственного развития буржуазии важным

является расширение туземных рынков и сужение сектора империалистического хозяйства. Поэтому буржуазия хотела нанести некоторый удар феодальной власти, улучшить положение крестьян, оттеснить империалистические державы и провести таможенную автономию... Помещичий класс стремился к усилению эксплуатации крестьянства, а компрадоры — к развитию империалистической торговли. Примирить эти интересы нельзя»⁴²⁸.

По мере того, как ситуация в Маньчжурии становилась все более критической, проблемы приобретали большее значение. 26 октября 1929 г. ИККИ направил ЦК КПК письмо, которое выдавало тревогу о том, что сохранившиеся теплые чувства к гоминьдану могут ослабить решимость партии, и которое призывало настойчивее, чем прежде, мобилизовать все возможности противодействия в Китае агрессивному националистическому режиму. Партии настоятельно советовали «начать готовить массы к революционному свержению буржуазно-помещичьего блока, к установлению диктатуры рабочего класса и крестьянства в форме Советов, активно развертывая и все более расширяя революционные формы классовой борьбы (массовые политические стачки, революционные демонстрации, партизанские выступления и т. д. и т. п.)». «Единый контрреволюционный блок империалистов, помещиков и всей буржуазии» был якобы разделен на две группировки, каждая с собственными «милитаристами» (из-за весьма знаменательного просчета Фэн Юйсян вошел в обе). Первая представляла феодалов-помещиков и крупную национальную буржуазию. Вторая, включавшая мелких капиталистических предпринимателей, небольших мелких помещиков и эксплуататорские слои мелкой буржуазии города и деревни якобы выступала за «реорганизацию» гоминьдана. Однако вторая группировка была в такой же мере реакционной, что и первая, и «единственно революционный лагерь — пролетариат, крестьянство и городская беднота» — должен был противостоять этой группировке с одинаковой твердостью. Партию упрекали за то, что она еще не стала «застрельщиком, организатором и руководителем» массовых движений крестьян и рабочих. Только к концу письма особо упоминался «конфликт в Маньчжурии». Было настоятельно необходимо «организовать кампанию под прямым лозунгом защиты СССР, разоблачая все фракции гоминьдана, включая и „реорганизационистов“, как агентуру империализма». Следовало расширять партизанскую борьбу «особенно в районах Маньчжурии, Мао Цзэдуна и Хэ Луна». Была, наконец, осуждена «ликвидаторская платформа Чэнь Дусю» и «контрреволюционная сущность троцкизма»⁴²⁹.

Между тем Чэнь Дусю, переварив язвительный ответ ЦК КПК на свое второе послание, дал еще залп в форме третьего письма, в котором подробно, с критических позиций разбиралась политика, проводившаяся Центральным комитетом после его, Чэня, отстранения от руководства на конференции 7 августа 1927 г. В письме звучала пессимистическая нота: «После разгрома кантонского

восстания, — писал Чэнь, — стало ясно, что мы разбиты». Однако вместо усвоения оборонительной тактики «твердо было решено, что революционная волна безостановочно подымается». Партийной политике стал свойствен путчизм, который, несмотря на осуждение от имени VI съезда партии, поощрялся постоянными заявлениями о том, что ситуация-де благоприятствует революционным выступлениям. Такая позиция будто бы имела свои корни в неправильной оценке классового характера китайской революции; ее сторонники рассматривали феодалов «как силу, соперничающую с буржуазией или даже более значительную, чем буржуазия». В действительности «китайский феодализм в течение долгого времени тесно переплетался с торговым капиталом» и оба «сообща эксплуатируют крестьянство». Война, которую вел Чан Кайши, была «войной между отдельными кликами» правящего класса, а вовсе не войной буржуазии с феодалами. Партия оказалась неспособной понять характер аграрной революции. Богатые крестьяне вместе с торговой буржуазией активно эксплуатировали крестьянские массы. «Торговая буржуазия, компрадоры, кулацкое крестьянство так же, как помещики, являются теми врагами, против которых будет вестись борьба во время аграрной революции». И что хуже всего, Чэнь Дусю осудил установившийся в партии репрессивный порядок «Под предлогом борьбы с „крайней демократией“», демократия в партии ликвидирована и «товарищи, расходящиеся с ЦК насчет тактики и методов работы, лишаются возможности высказывать свои мнения». Диссиденты, по словам Чэня, сразу же награждались кличками «мелкий буржуа», «оппозиционер», «троцкист». В заключение Чэнь Дусю выразил сожаление, что «партия, построенная на костях и крови бесчисленного множества товарищей, приходит в состояние упадка и разрушается в результате взятой нами неправильной линии»⁴³⁰.

Такое письмо с выражением полного неповиновения могло привести только к одному результату. 15 ноября 1929 г. Политбюро исключило Чэнь Дусю из партии⁴³¹. Его третье письмо партия не удостоила ответа, а журнал Коминтерна опубликовал пространную статью Мартынова «Прощальное слово Чэнь Дусю», в которой содержался ответ на все три письма. Ее наиболее существенный момент — стремление сделать Чэнь Дусю, иронически называемого «профессором», «в немалой степени» ответственным за прошлые ошибки КПК. Политика Коминтерна, направленная на союз с гоминьданом, якобы «оппортунистически извращалась руководством Киткомпартии». Партия не сумела отстоять собственную самостоятельность в рамках гоминьдана, не добивалась «гегемонии пролетариата в революционном движении». Она не сумела возглавить аграрную революцию. Правда, ничего не говорилось о том, что большинство ошибок Чэнь Дусю явилось результатом его послушного, часто вопреки собственному желанию, прямо-таки раболепного выполнения указаний Коминтерна и его представителей. Приводились цитаты из произведений Ленина,

чтобы показать, что Ленин никогда не признавал, как указал Чэнь Дусю, допустимости расхождения между «принципом» и тактикой. Автор статьи увлекся доказательством вины по ассоциации. Чэня сравнили с Брандлером. Подобно Троцкому, Чэнь Дусю отрицал существование китайского феодализма, утверждал, что китайская буржуазная революция уже закончилась и называл Кантонское восстание путчем. И, наконец, взгляд Чэнь Дусю на маньчжурский конфликт свидетельствовал о том, что он вернулся к своим корням как «мелкобуржуазный националист и патриот»⁴³².

До тех пор ничто в биографии Чэнь Дусю не характеризовало его как сторонника Троцкого. Он послушно акцептировал официальную линию. В редких случаях, когда он проявлял признаки несогласия, он, видимо, скорее склонялся в сторону более осторожной, чем более радикальной политики. 15 ноября 1929 г., в тот самый день, когда Чэнь Дусю исключили из партии, группа «китайских большевиков-ленинцев» написала письмо Троцкому, в котором назвала его «старым оппортунистом КПК» и упрекала за то, что он не воспротивился «оппортунистическому сталинистскому руководству»⁴³³. 10 декабря 1929 г. Чэнь Дусю обратился с открытым письмом ко всем членам китайской компартии, которое было опубликовано в виде брошюры. В нем он дал критический обзор истории партии с момента ее возникновения и, честно признав собственные ошибки, объяснил их давлением со стороны Коминтерна и его представителей. Он писал о «молодой» и «очень незрелой» КПК, которая «еще неспособна создать собственную теорию или сформулировать собственную политику». Вывод был беспощадным:

«Мы должны честно и объективно признать, что вся прошлая и настоящая оппортунистическая политика исходит от Коминтерна. И Коминтерн должен нести ответственность... Руководящий орган Китайской компартии должен нести ответственность за то, что слепо исполнял оппортунистическую политику Коминтерна без малейшего разума или протеста».

В заключение Чэнь Дусю утверждал, что «взгляды товарища Троцкого являются марксистско-ленинскими», и призвал его сторонников «тесно сплотиться и встать на сторону международной оппозиции, руководимой Троцким»⁴³⁴. Скандал, который вызвало письмо в коминтерновских кругах, в какой-то мере затухал из-за интенсивной занятости Москвы событиями в Маньчжурии.

Какие бы аналогии ни обнаруживались в кампаниях против Советского Союза в 1927 и 1929 гг., события в них развивались по-разному. Летом 1929 г. позиция Чан Кайши была менее прочной, чем могло показаться на первый взгляд. Сомнительно, чтобы призыв к действию, содержащийся в письме ИККИ от 26 октября 1929 г., дал какие-либо результаты, хотя потом утверждали, что китайская секция Профинтерна организовала демонстрации и за-

бастовки в Шанхае, Харбине, Тяньцзине и в советских районах ⁴³⁵. Вместе с тем и Фэн Юйсян в северо-западных провинциях, и Чжан Факуй, который владел Кантоном, проявляли желание освободиться от власти Чан Кайши ⁴³⁶. Более того, по всем признакам, Чан Кайши допустил два главных просчета. Первый имел свои корни в опыте 1927 г. и сводился к предположению, что Советское правительство, вероятно, будет громко протестовать, но никогда не сможет и не решится предпринять активные действия. Мнение о военной слабости Красной Армии имело широкое хождение ⁴³⁷. Однако прецедент 1927 г. не принимался в расчет. Советские интересы в Центральном Китае никогда не были значительными, и отсутствовали средства для их защиты. Отказаться же от построенной русскими КВЖД, от давних господствующих позиций России в Северной Маньчжурии, согласиться на то, чтобы поддерживать связь с важным тихоокеанским портом Владивосток окружным путем через Хабаровск, — все это означало бы сокрушительный удар по советскому влиянию и престижу в Азии. Советские руководители решительно отвергли подобные планы, которые, как это было и в прошлом, приписали Троцкому и оппозиции ⁴³⁸. Более того, теперь имелись средства для проведения твердой политики. К 1929 г. трехлетняя работа по укреплению Красной Армии начала приносить плоды. Верно, что Советское правительство не могло выдержать большую войну и Красная Армия не была для этого оснащена. Однако до тех пор, пока Япония оставалась в стороне, Красная Армия была сильнее примитивных вооруженных сил Китая, сражавшихся в гражданской войне.

Еще один просчет Чан Кайши состоял в том, что, по его представлениям, западные державы должны были также благосклонно отнестись к насильственным акциям против Советского Союза, как это было в 1927 г. ⁴³⁹ Но и здесь климат переменился. Страхи Запада перед коммунизмом стали улетучиваться, и английское лейбористское правительство находилось в процессе восстановления отношений с Советским Союзом. Захват КВЖД китайскими властями напоминал слишком распространенное в последние годы явление — нарушение договорных прав иностранных государств. Американский посланник в Пекине немедленно реагировал, назвав это «актом китайской агрессии против прав русских на Китайско-Восточной железной дороге» и «актом конфискаций» ⁴⁴⁰. Английский посланник сообщил, что «ситуация, с которой оно (то есть Советское правительство) столкнулось в июле 1929 г., была слишком хорошо знакома другим державам и явилась результатом силового наступления на зафиксированные договором права, истолкованные как посягательство на китайский суверенитет» ⁴⁴¹. Западные страны не уstraивали и возможные последствия китайской победы. Уход Советов создал бы в Маньчжурии вакуум, который заполнить, вероятно, смогла бы только Япония. Никто не желал ввязываться в эту запутанную ситуацию. По-прежнему

осторожное японское правительство заявило о своем нейтралитете в этом деле. Американский государственный секретарь попытался использовать пакт Келлога, который признали обе соперничающие стороны⁴⁴². Вина возлагалась на Китай, который своей своевольной акцией начал конфликт. И, пожалуй, впервые, большинство иностранных дипломатов сочувствовали советской стороне.

Чан Кайши допустил и еще один просчет. Он, очевидно, считал, что администрация маньчжурских провинций горит желанием и готова принять КВЖД у выдворенной советской администрации. Но вскоре обнаружилось, что Чжан Сюэлян переживал мучительные сомнения относительно разумности собственных крутых мер. Сразу же после объявления о разрыве и прежде чем Мельников, советский консул в Харбине, отправился в путь, из Мукдена в Харбин поспешил китайский дипломатический комиссар, который 22 июля 1929 г. сделал попытку к примирению, включавшую обещание освободить арестованных советских служащих, согласие на конференцию для урегулирования разногласий и признание, что никакие шаги, предпринятые после акции 10 июля 1929 г., не определяют условия окончательного соглашения. На основании инструкций из Москвы Мельников 25 июля 1929 г. потребовал в качестве условия созыва предложенной конференции предварительное официальное заявление о том, что установленный договором от 1924 г. режим на КВЖД все еще был действительным⁴⁴³. Затем он с семьей и сотрудниками покинул Харбин. Но 30 июля 1929 г. уже находившегося на советской территории Мельникова догнал китайский комиссар, вручивший личное послание Чжан Сюэляна Карахану. Поскольку оно не содержало ничего нового в сравнении с предложением от 22 июля 1929 г., Советское правительство его отвергло⁴⁴⁴. Однако китайские официальные лица в Мукдене, по словам германского консула, продолжали проявлять «демонстративный оптимизм»⁴⁴⁵.

Настало время для более решительных мер. В августе 1929 г. советские войска под командованием Блюхера придвинулись к границе и совершили два небольших рейда на китайскую территорию. Переговоры, которые осуществлялись через германское правительство, представлявшего советские интересы в Китае после разрыва, почти приблизились к успешному завершению, но затем все-таки потерпели неудачу⁴⁴⁶. В течение последующих двух месяцев китайские представители на переговорах проводили уклончивую политику, а Советское правительство, теперь осознавшее собственную силу, настаивало на полном выполнении его требований. В ноябре 1929 г. была осуществлена более серьезная военная операция. Советские войска, поддержанные аэропланами, пересекли границу, окружили беспорядочные китайские воинские части и заняли два небольших города, почти не встретив сопротивления⁴⁴⁷. Демонстрация советской мощи и китайской слабости, наконец, побудила к серьезным переговорам. Подписанный в Хабаровске 22 декабря 1929 г. протокол предусматривал аннулиро-

вание всех предпринятых китайцами после 10 июля 1929 г. мер и полное восстановление статус-кво. Спорные вопросы откладывались до советско-китайской конференции⁴⁴⁸. Советская мощь впервые восторжествовала над китайскими милитаристами.

Последние месяцы 1929 г. ознаменовались поворотом в советских отношениях с Китаем. Из маньчжурского инцидента Советский Союз вышел как военная и дипломатическая величина на Дальнем Востоке; он также укрепил основанные на общих интересах связи с западными державами. По мере того как советская дипломатия набиралась уверенности, становилось все очевиднее стремление Москвы истолковывать интересы китайской революции под углом зрения насущных требований советской национальной безопасности. КПК, низведенная до горстки преданных коммунистов в крупных городах, коммунистов, находившихся под постоянной угрозой ареста и казни, стала жертвой интриг и дезинтеграции. Хотя Ли Лисань утратил доверие Москвы еще летом 1929 г., ожесточенные нападки Чэнь Дусю на партию, вероятно, побудили воздержаться от смены руководства. Власть Ли Лисаня над партийной машиной была еще сильной, хотя он и не мог полностью полагаться на лояльность своих ближайших коллег. Лишь в конце 1930 г. его сместили с поста секретаря. К тому времени уже нельзя было больше маскировать слабость КПК в городских центрах. Крестьянские отряды Мао Цзэдуна и местные Советы, созданные ими в отдаленных провинциях, в лучшем случае лишь формально принимали указания КПК и Коминтерна. Китайское коммунистическое движение выжило. Во многом обязанное русскому примеру и поддержке, оно, в конце концов, побеждает, однако в такой форме, которую Москва не планировала и к которой относилась с недоверием.

ИНДИЯ В БРОЖЕНИИ

В середине 20-х годов центр тяжести индийского коммунистического движения все еще находился за пределами страны. Его развитие на национальной почве сдерживалось твердой рукой официальной власти. А указания из Москвы были нечеткими и нерегулярными. Спор Ленина и Роя на II конгрессе Коминтерна в 1920 г., касавшийся поддержки национальной буржуазии в борьбе против иностранного империализма¹, был сглажен, но так и не разрешен полностью. С того времени Рой много раз использовал подходящие обстоятельства, чтобы доказать свою точку зрения о невозможности союза с индийской национальной буржуазией ссылаясь на растущее значение индийской промышленности, на сговор индийских промышленников с империалистическим режимом и на эксплуатацию ими индийских рабочих. Но на V конгрессе Коминтерна в 1924 г. вновь получил резкую отповедь от Мануильского². Когда в 1925 г. опыт китайской революции и на первый взгляд плодотворного альянса Коминтерна и КПК с национальным гоминьданом стал оказывать влияние на политику Москвы, Войтинский предупредил, что верхушечная часть индийской буржуазии, в отличие от китайской буржуазии, «уже теперь стала консервативным классом, более боящимся революции внутри страны, нежели опасющимся национального гнета империалистов»³. Назначение Роя на VI пленуме ИККИ в феврале 1926 г. председателем важной китайской комиссии показало, что, независимо от его взглядов на Индию, он уже усвоил урок гибкости. Было очень много разговоров о революции, охватившей Азию, и в резолюции, подготовленной комиссией по китайскому вопросу, гоминьдан приветствовался как «блок рабочих, крестьян, интеллигенции и городской демократии»⁴. По всей вероятности, впервые провести аналогию между гоминьданом и Индией Рой попытался в письме к своим индийским сторонникам, посланном в феврале 1926 г. Он предложил создать двойственную организацию: «легальную национальную партию с радикальной республиканской программой (Народную партию) и с нелегальной коммунистической партией внутри нее». Коммунистам рекомендовалось созвать конференцию, но «от имени националистов, а не коммунистов»,

и Народная партия должна была издавать собственный «легальный печатный орган»⁵.

Но даже и в Индии тем временем был достигнут некоторый прогресс. В декабре 1925 г. на съезде внушающей сомнения и не вселяющей больших надежд Индийской коммунистической партии в г. Канпуре руководство этой, находящейся в зародыше организацией неожиданно захватила группа коммунистов — сторонников Роя, поддерживавшая кое-какие контакты с Москвой⁶. Совместными секретарями стали Гхате и Бергерхотта, а членами вновь избранного Центрального комитета — Ахмед из Бенгалии и Айенгар из Мадраса. Партию переименовали в Коммунистическую партию Индии (КПИ) — символический акт, имеющий целью привести ее в соответствие с другими партиями — членами Коминтерна. Основатель партии, Сатья Баххта, сошел со сцены⁷. Рой с энтузиазмом приветствовал эту новость, а в марте 1926 г. направил КПИ письмо-инструкцию, в котором призывал примкнуть к Коминтерну, образовать коммунистическую фракцию в Национальном конгрессе и во Всеиндийском конгрессе профсоюзов (ВИКП) и параллельно с легальным аппаратом создать нелегальную партию. Но он не прислал денежных средств. Обида вышла наружу на совещании группы в апреле 1926 г. Рою написали письмо, упрекая за такое упущение и прозрачно намекая, что он предназначенные для «дела» ассигнования израсходовал на личные нужды. Молодая партия была так бедна, что едва могла содержать бюро в Дели, куда перевели ее штаб-квартиру⁸. Одновременно с созданием КПИ произошло еще одно многообещающее для ближайшего будущего событие, к которому также был весьма причастен Ахмед, — преобразование «Рабочей партии Сварадж», формального члена Национального конгресса, в Независимую крестьянско-рабочую партию Бенгалии. Название журнала партии «Лангал» («Плуг») показывало, что она делает ставку, главным образом, на крестьянство. Позднее, однако, название партии переменили, и она стала именоваться Рабоче-крестьянской партией, а ее журнал — «Ганавани («Голос масс»)). Говорили, что официальные манифесты этой партии составляют члены КПИ⁹.

Ноябрьский VII пленум ИККИ вознес Роя на вершину славы как специалиста Коминтерна по Китаю. Он вновь принял активное участие в дискуссии по китайскому вопросу и являлся секретарем комиссии, готовившей резолюцию по данной проблеме. Рой хорошо понимал применимость к Индии (разумеется, он никогда и не переставал сопоставлять с Индией) высказываемых им обвинений в адрес верхних слоев национальной буржуазии, теперь готовой «образовать единый фронт с империалистами», его слов о необходимости союза рабочих и крестьян, а также предложенной им программы, центральной темой которой являлась аграрная революция¹⁰. Накануне пленума он в своем журнале «Масис ов Индия» писал: «Гоминьдану удалось объединить все националь-

но-революционные силы в борьбе против иностранного империализма. То же самое может сделать и национальное движение Индии»¹¹.

В одной из статей об Индии, опубликованной в журнале Коминтерна в период работы пленума, Рой отметил *«процесс классового расслоения в рядах националистов»*. По его словам, *«растущая активность пролетариата»* и *«новая волна крестьянских восстаний»* загоняли *«мелкобуржуазных революционеров-националистов»* в *«борющийся единый фронт»* с рабочими и крестьянами¹². Невзирая на подобные обобщения, специфические инструкции Роя своим индийским последователям были сложными и трудными. Летом 1926 г. он посоветовал им вовсе отказаться от названия КПИ, учредить рабоче-крестьянскую партию (РКП) как *«скрытую коммунистическую партию»* и создать народную партию в качестве независимой *«национально-революционной партии»*. К концу того же года, в период работы VII пленума ИККИ, Рой повторил рекомендацию относительно «перемены названия коммунистической партии». Он считал, что РКП будет выполнять необходимую роль «партии рабочего класса», а коммунисты будут работать в ее рамках как «нелегальная фракция» с целью последующего «постепенного превращения партии рабочих и крестьян в настоящую коммунистическую партию». (В других местах письма он ошибочно говорил о РКП, действующей «внутри коммунистической партии».) Затем Рой предложил преобразовать РКП Бенгалии во всеиндийскую РКП. Все эти организации должны были быть независимыми от национальной Народной партии¹³. Подобные инструкции, должно быть, представлялись загадкой индийским коммунистам, не знакомым с китайской ситуацией, которая вдохновляла их автора.

Из Москвы в Китай Рой выехал в первых числах января 1927 г. и в течение девяти месяцев совершенно не соприкасался с индийскими делами. А это был период растущей политической активности в Индии и резкого сдвига влево в настроениях народных масс. События в Китае сделали больше, чем организационные усилия индийских коммунистов. Волны протеста против иностранного присутствия, вызванные расстрелом 30 мая 1925 г. в Шанхае, распространились и на Индию как по обычным пропагандистским каналам, так и благодаря индийцам, в большом количестве проживавшим в Китае, и через проживавших в Индии (в меньшем числе) китайцев, многие из которых являлись членами гоминьдана. Победы китайских армий летом и осенью 1926 г. усилили веру в возможности национального движения и ненависть к империалистам. На протест индийского парламента против присутствия индийского воинского контингента в английских вооруженных силах в Шанхае вице-король наложил вето¹⁴. Зимой 1926/27 г. в крупных городах Индии состоялись массовые митинги с выражением сочувствия китайской революции. Конференция МОПРа, проведенная во время ежегодной сессии Индийского националь-

ного конгресса, в декабре 1926 г., представляла собой косвенную попытку вызвать в народе симпатию к политике коммунистов¹⁵. В мае 1927 г. Исполком Конгресса принял резолюцию, заверявшую «китайских братьев в полном сочувствии их борьбе за независимость» и призывавшую правительство не посылать более индийские воинские части в Китай¹⁶. Однако «отправка индийских солдат для подавления китайской революции» будто бы «получила полное одобрение индийских капиталистов», считавших, что их «отправляли для охраны в числе других и индусских интересов»¹⁷. Индийский писатель, описывая эти события в журнале Университета трудящихся Востока в Москве заметил: «Благодаря успехам гоминьдана, идея народной партии за последнее время сделалась очень популярной в Индии», хотя было бы разумнее организовать в коммунистическую партию, которая «только одна... может руководить национальным движением»¹⁸.

По чистой случайности уход Роя со сцены совпал с первой серьезной попыткой КПВ (Коммунистической партии Великобритании) активно участвовать в индийском коммунистическом движении. Миссия Глейдинга в 1925 г. была чисто ознакомительной¹⁹. Для работы в индийском профсоюзном движении весной 1926 г. Профинтерн послал в Индию английского профсоюзного деятеля Аллисона, который, однако, по всей вероятности, контактов с КПИ не имел. Через несколько месяцев он был арестован и депортирован²⁰. В декабре 1926 г. в Индию направили молодого члена партии по фамилии Спратт. Он получил инструкции (и, несомненно, денежные средства) от Клеменса Датта, брата Палма Датта²¹, и от Петровского (он же Беннет), поручившего ему написать брошюру, в которой нужно было индийское движение призвать последовать примеру гоминьдана. Спратта снабдили также фамилиями известных в Лондоне индийских коммунистов, прежде всего секретаря КПИ Гхате и Ахмеда, недавно основавшего в Бенгалии Рабоче-крестьянскую партию. Прибыв на место, Спратт нашел обстановку едва ли более удовлетворительной, чем та, о которой докладывал Глейдинг два года тому назад. Правда, коммунистическая партия теперь уже существовала, но количество ее членов не превышало 20 человек, проживавших в Бомбее и Калькутте²². Однако перспективы расширения движения, начатого Рабоче-крестьянской партией Ахмеда, казались более радужными. Спратт и Ахмед принялись за работу и на собрании 8 февраля 1927 г. основали Рабоче-крестьянскую партию Бомбея²³. Через несколько дней, в соответствии с коммунистической ортодоксальностью, бенгальская партия на конференции в Калькутте была переименована в Рабоче-крестьянскую партию Бенгалии²⁴.

Этот успех стимулировал новую активность в профсоюзах. И Амстердамский Интернационал, и Профинтерн прилагали спорадические и перемежающиеся усилия для того, чтобы привлечь на свою сторону зарождающееся в Индии профсоюзное движение²⁵.

Оно было готово искать поддержки, где только возможно. Один из его лидеров, Чаман Лал, во время посещения Англии в сентябре 1926 г. выступал и на съезде Конгрессов тред-юнионов в Борнмуте, и на митинге Движения меньшинства в Попларе²⁶. На VII съезде советских профсоюзов в декабре 1926 г. Лозовский рассказал об усилиях «реформистских» профсоюзных организаций склонить на свою сторону развивающееся индийское движение²⁷. На собрании Всеиндийского конгресса профсоюзов в марте 1927 г. впервые стало ощутимым влияние коммунистов. На нем почетными гостями были Саклатвала, индеец — член КПВ, депутат английского парламента. Присутствовал и Спратт. Секретаря КПИ Гхате избрали одним из секретарей конгресса²⁸. Замыслы коммунистов раскрылись в резолюции, выдвинувшей лозунг «Руки прочь от Китая», а также в решениях в поддержку Англо-русского профсоюзного комитета и с протестом против империализма²⁹. Кроме того запланировали послать индийскую делегацию на Тихоокеанскую профсоюзную конференцию, которую намечалось открыть 1 мая 1927 г. в Кантоне, и Рой обещал обеспечить ее денежными средствами, однако власти отказали ей в разрешениях на выезд³⁰.

Примерно в это время Исполком КПИ обсудил и отверг предложение Роя распустить партию и объединить ее с Всеиндийской рабоче-крестьянской партией³¹. Согласились с концепцией, которая, по существу, предусматривала параллельное функционирование легальной и нелегальной партий. В мае 1927 г. в Бомбее состоялся съезд КПИ. Согласно одному из докладов секретной службы, на нем присутствовало не более двенадцати человек. В числе других были выдвинуты требования национальной независимости и установления демократической республики; ликвидации крупной земельной собственности, развития промышленности, введения 8-часового рабочего дня и установления минимума заработной платы. Приняли решение: в сотрудничестве с «радикал-националистами» создать «сильное левое крыло» в Национальном конгрессе. В специальном заявлении разъяснялось, что коммунистическое движение «не импортировано из-за рубежа и не является группой, созданной Россией для ведения своей пропаганды в Индии». Был принят и довольно амбициозный устав, который предусматривал образование Центрального комитета из 15 и президиума из 5 членов. В президиум вошли: Гхате (генеральный секретарь), Ахмед (поддерживавший связь с различными РКП), Айенгар (один из основателей КПИ, который больше в ней активно не работал, но являлся важной фигурой в Национальном конгрессе) и Данге, представлявший интересы, которые возникали в партии, в профсоюзах³². В сентябре 1927 г. к Спратту присоединился Брэдли, еще один член КПВ, и они работали вместе в течение последующих 18 месяцев³³. Момент был подходящим, и все свидетельствует о том, что эти молодые люди сделали больше для развития коммунистического и левого движения в Индии и с меньшими затратами для Коминтерна, чем Рой за семь предше-

ствующих лет. Самый большой успех был связан с рабоче-крестьянскими партиями, не имевшими жесткой организации и постоянного членства. По данным бенгальской партии, в начале 1928 г. она имела в провинции 125 активных (интеллигентов, крестьян и несколько рабочих) и 10 тыс. «ассоциированных членов». Бомбейская партия, располагавшая, вероятно, таким же числом активистов, сумела мобилизовать 30 тыс. рабочих на демонстрацию против комиссии Саймона и участвовала в организации мощной забастовки на текстильных предприятиях Бомбея летом 1928 г.³⁴

Тем временем между индийским национальным движением и Советским Союзом установились более открытые контакты. Джавахарлал Неру, один из лидеров Национального конгресса (и его влияние все росло), играл видную роль на состоявшемся в феврале 1927 г. в Брюсселе антиимпериалистическом конгрессе и в созданной на нем Антиимпериалистической лиге³⁵. Это был важный пункт на пути перехода Неру на откровенно революционные позиции. Он находился среди высоких иностранных гостей, участвовавших в ноябре 1927 г. в Москве в праздновании десятилетия годовщины большевистской революции; затем он вернулся в Индию, чтобы присутствовать в следующем месяце на ежегодной сессии Национального конгресса в Мадрасе. В октябре 1927 г. Лейбористская партия Великобритании на своей ежегодной конференции одобрила предложенную Ленсбери резолюцию в пользу предоставления Индии статуса доминиона³⁶, а английское правительство объявило о назначении комиссии во главе с Саймоном для выработки проекта конституционных реформ для Индии. Тот факт, что в комиссию не вошел ни один индеец, возмутил общественное мнение Индии.

Поэтому, когда Национальный конгресс в декабре 1927 г. собрался на сессию в Мадрасе, он был уже готов к ориентации влево. В этот год председателем был Айенгар, и конгресс единодушно проголосовал за предложенную им резолюцию о бойкоте комиссии Саймона, а также за предложенную Неру и явно выработанную под впечатлением поездки в Европу резолюцию, в которой подтверждалось, что Индия не примет участия в подготавливаемой Англией войне, а кроме того содержались призывы присоединиться к Антиимпериалистической лиге и требование независимости (в противовес статусу доминиона) для Индии³⁷. РКП Бенгалии направила конгрессу приветствие³⁸. В редакционной статье газеты «Правда», появившейся во время сессии, автор с удовлетворением писал, что теперь «сказывается... *антиимпериалистический* характер» индийского национального движения. Вопреки прежним заявлениям, в ней утверждалось, что индийская буржуазия пока еще не продвинулась так далеко, как китайская. Однако опыт Китая якобы показывал, что расхождение двух направлений (либерально-буржуазного и революционно-крестьянского) в буржуазно-демократическом движении неизбежно. Не покидая русла национального движения, руководимого буржуазными

вождями, молодой индийский пролетариат и Коммунистическая партия Индии должны стремиться к укреплению и организации рабоче-крестьянского движения, «единственно способного во всю ширь поставить и разрешить задачи борьбы с империалистическим гнетом»³⁹. Вернувшийся из Китая Рой с пренебрежением отмахнулся от сессии Национального конгресса, назвав ее «актерством». Но он же хвалил РКП, которая на год раньше, чем Конгресс, выдвинула требование национальной независимости и подготовила «обширную программу национальной революции»⁴⁰.

События в Индии в 1928 г. развивались таким же неопределенным курсом. После смелых жестов в Мадрасе конгресс созвал межпартийную конференцию для рассмотрения конституционных реформ. Конференция в свою очередь создала под председательством Мотилала Неру, отца Джавахарлала Неру, комиссию, которая периодически работала в течение года и большинство членов которой независимости предпочитали статус доминиона. Вместе с тем прибытие комиссии Саймона в феврале 1928 г. было встречено враждебными демонстрациями и многочисленными бойкотами. Участники 30-тысячной демонстрации, организованной РКП Бомбея, несли лозунги «Да здравствует революция», «Долой империализм», «Полная независимость для Индии»⁴¹. В 1928 г. наблюдался заметный рост силы и воинственности профсоюзов. Мощная стачка, направленная против мер рационализации и снижения заработной платы на хлопкопрядильных фабриках Бомбея, центра текстильной промышленности Индии, длилась с апреля по октябрь 1928 г. Забастовочное движение распространилось на сталелитейную и джутовую промышленность и на железные дороги. В полном мелодраматизма докладе английской секретной службы говорилось: «К концу 1928 года... не осталось почти ни одной коммунальной службы или отрасли промышленности, которая не была бы — полностью или частично — заражена коммунизмом, охватившим страну в течение этого года»⁴². Спратт, Брэдли и Данге, а также бомбейская РКП активно участвовали в этом движении, а Спратт, как рассказывали, являлся инициатором создания двух новых РКП — в Пенджабе (в сентябре 1928 г.) и в Соединенных провинциях (месяцем позже)⁴³.

Теперь необходимо мысленно перенестись в Москву, где индийский вопрос, подобно китайскому, превратился в принципиальную проблему, которую до тех пор избегали или затушевывали. Опубликованная Роем в 1926 г. в Лондоне книга «Будущее индийской политики» начиналась с оправдания тезиса, который он в споре с Лениным отстаивал на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. Тогда Рой сказал: «Буржуазный национализм в Индии закончился полным компромиссом с империализмом, как предсказывалось годами ранее теми, кто оценивал ситуацию с марксистским реализмом». Теперь он подправил общую картину до уровня новых требований. Добившись ряда уступок от империалистического правительства (Рой не забыл подчеркнуть их принудительный и эгоистический

характер), национальная буржуазия Индии реализовала свои три «главных требования», каковыми являлись: индустриализация страны, финансовая автономия и таможенное покровительство. Эта «новая экономическая ситуация» якобы предопределила будущую индийскую политику. «Крупная буржуазия практически выключена из борьбы за национальную свободу», — писал Рой. Партия свараджистов раскололась. И Рой полагал, что, в то время как правое крыло и центр последуют за крупной буржуазией, ее мелкобуржуазное левое крыло останется революционным, ибо мелкой буржуазии также угрожал поднимающийся индийский капитализм. В конце брошюры Рой выступил в защиту идеи образования народной партии, представляющей мелкую буржуазию, крестьян и рабочих, и назвал это «исторической необходимостью»⁴⁴. Вероятно, это было чистое совпадение, что почти в тот же самый момент Датт опубликовал в Индии книгу под названием «Современная Индия». Ее наиболее примечательной деталью было утверждение, что Индия вступила в «высшую стадию империализма», на которой империалистическая держава «переходит к развитию обрабатывающей промышленности непосредственно в зависимой стране, к экспорту капитала и индустриализации Индии». В своих политических выводах Датт был немного осмотрительнее Роя, и считал, что еще существует возможность договориться с левыми националистическими элементами как в Национальном конгрессе, так и в партии свараджистов. В заключение же он, как и Рой, выступил в поддержку идеи «народной партии, которая для борьбы за национальное освобождение собрала бы вместе представителей крестьянства, рабочих и интеллигенции»⁴⁵.

Первоначально Коминтерн не проявлял к дискуссии особого интереса. Подготовленный в ноябре 1926 г. Секретариатом к VII пленуму ИККИ доклад отстаивал безоговорочно ту точку зрения, что английское правительство отказалось от политики подавления индустриального развития Индии и уже стремится перетянуть на свою сторону индийскую национальную буржуазию, поощряя подобное развитие. Авторы доклада пришли к следующему выводу: «Такая тактика принесла желаемые политические результаты, расширив социальную базу империалистической власти... Эта социальная дифференциация временно притормозила национальное движение в Индии»⁴⁶. На заседании Рой продолжал доказывать, что Англия, осознавая факт сокращения ресурсов, стимулировала развитие местного капитала Индии. Он предвидел, что наступит время, когда «это дитя, которое Великобритания выращивает для собственной выгоды, может выйти из повиновения»⁴⁷. Хотя аргумент Роя не нашел отражения ни в дебатах, ни в резолюциях пленума, возможные последствия такого развития не остались незамеченными московскими специалистами по восточным делам. В одной из статей, опубликованных в начале 1927 г. в журнале Коммунистического университета трудящихся Востока, отмечалось, что «индийские националисты не

могут понять сути эксплуатации Индии британским капитализмом, ибо они сами являются представителями капитала»⁴⁸.

Но тут внимание отвлекло неожиданное событие. Летом 1927 г., когда Рой все еще находился в Китае, в Москву приехал индийский коммунист Саумьендранат Тагор, внучатый племянник знаменитого поэта. Он являлся генеральным секретарем РКП Бенгалии и имел при себе довольно сомнительный мандат своей партии⁴⁹. Наиболее очевидной причиной его путешествия явилось желание подорвать и дискредитировать авторитет Роя в Москве. Тагор добился встречи с Пятницким, который был шокирован, узнав, что, вместо указанных Роем «сотен коммунистов», количество членов КПИ не превышало 12 человек, что партия «практически не получила никаких денежных средств и рост коммунистического движения был в огромной степени затруднен из-за отсутствия денег и литературы»⁵⁰. Но чтобы ни говорилось, к 1927 г. стало ясно, что денежные средства, доверенные Рою Коминтерном для работы в Индии, не дают ощутимых результатов. Можно только гадать, в какой степени ожидавший его в Москве по возвращении из Китая холодный прием явился следствием осознания данного факта или же результатом неудачи в Китае⁵¹. Тагор же в столь значительной мере расположил к себе официальных лиц, что был зачислен в Интернациональную школу им. Ленина⁵².

Побочным результатом пребывания Тагора в Москве явилась подготовленная им для Секретариата ИККИ памятная записка о развитии в Индии национальной промышленности. В ней несколько не опровергались, а скорее подтверждались высказанные ранее Роем и воспринятые Коминтерном взгляды. Однако данный документ вызвал серьезные теоретические споры, которые вяло тянулись несколько месяцев и затем разгорелись на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. Во время этих дискуссий для описания процесса индустриализации Индии использовалось изобретенное, вероятно Бухариным, злополучное слово «деколонизация»⁵³. Не вызывает сомнения тот факт, что для изучения данного феномена летом 1927 г. была создана индийская комиссия ИККИ и что в ее документах встречалось слово «деколонизация»⁵⁴. В сентябре 1927 г., когда комиссия еще работала, из Китая вернулся Рой, полный мучительных переживаний, связанных с изменой Чан Кай-ши и сговором китайской национальной буржуазии с империалистами. Ему не составило труда в подготовленном для комиссии проекте резолюции приложить к индийской ситуации китайский опыт и записать:

«Из новой политики империалистов вытекает постепенная „деколонизация Индии“, которой будет дозволено перейти из положения „подчиненной страны“ к положению „доминиона“. Вместо того, чтобы давить индийскую буржуазию как потенциального соперника, ей будет дарована доля участия в экономическом развитии страны под гегемонией империализма...

Эти изменения в области экономики влекут за собой и политические последствия. Неизбежный процесс медленной деколонизации содержит в себе зачатки распада империи»⁵⁵.

Не ясно, какие далеко идущие тактические выводы были сделаны в резолюции. Но они фигурировали полностью в статье Роя, напечатанной в журнале «Масис ов Индия» в ноябре 1927 г. и основанной на тех же самых оценках. Он, в частности, писал:

«Новая экономическая политика английского империализма в Индии обостряет классовую дифференциацию и делает зрелой классовую борьбу, перед лицом которой национальная борьба, базирующаяся на капиталистическом антагонизме, теряет свое значение... Буржуазия не только отходит от национальной революции, отход — это только начало перехода к четкой позиции против национальной революции вместе с английским империализмом...». И заимствуя известное ленинское предписание, он продолжал: «Индийская национальная революция прошла буржуазную стадию. Она должна еще осуществить программу, которая объективно и исторически есть программа буржуазной революции. Но это больше не буржуазная революция, потому что она сможет победить и победит только разорвав цепи капиталистического общества»⁵⁶.

Видя холодный прием, Рой не стал задерживаться в Москве и 3 октября 1927 г. выехал в Берлин. Но семена продолжали давать ростки. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Бухарин был готов признать, что Англия сделала «ряд уступок» и «несколько расширила рамки развития туземной индусской промышленности»⁵⁷. Лухани, сотрудник Коминтерна, член индийской комиссии и последователь Роя, опубликовал в журнале Коминтерна статью, в которой многократно использовал термин «деколонизация». Он доказывал, что «индийская буржуазия превратилась в признанную политическую силу, ведущую решительную политическую борьбу одновременно с трудящимися массами Индии»⁵⁸. Находившийся в то время в Москве член КПВ и экономист по фамилии Ратбон, друг Роя, предпринял статистическое исследование под названием «Промышленная Индия», глава из которого появилась в советском журнале в январе 1928 г. Основной тезис, обильно иллюстрированный статистическими выкладками, сводился к тому, что примерно с 1916 г., когда индийскому правительству позволили ввести покровительственные тарифы на импорт изделий из хлопка, Англия пересмотрела свое традиционное отношение к Индии как к источнику колониальной продукции и рынку сбыта английских промышленных товаров и инвестировала крупные капиталы в развитие индийской туземной промышленности. Такой подход определялся как современный и утонченный метод извлечения прибавочной стоимости из находившегося в подчинении колониального населения, характерный для периода финансового капитала и развитого империализма, и как симптом совокупных противоречий капитализма⁵⁹.

Трудно сказать, что изменило первоначально терпимое отношение Москвы к данной теории и в какой именно момент эта перемена произошла. На первый взгляд теория не казалась неортодоксальной. Во время споров о самоопределении в 1916 г. Ленин утверждал, что империализм означает «вывоз капитала» и что «капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии»⁶⁰. Однако сам термин «деколонизация» помогал подкрепить теорию о цивилизаторской миссии империалистических держав и одновременно подразумевал, что освобождение колониальных стран может быть достигнуто мирными средствами. «Если „деколонизация“ возможна, — писал один советский комментатор, — то, очевидно, может идти речь о прогрессивной роли империализма в колониях, а это является величайшим обманом масс»⁶¹. Любая мысль о том, что эксплуатация Индии английским империализмом могла как-то модифицироваться или смягчиться, была неприемлема, и поворот влево, который в то время в Коминтерне набирал темп, инспирировал бескомпромиссную реакцию. Возможно, какую-то роль сыграло и личное соперничество. Тщеславие и самомнение Роя создали ему врагов; его успехи в Индии и Китае были незначительными. Но теория деколонизации не являлась целиком его детищем, хотя впоследствии делались попытки приписать ему авторство. Первая открытая критика этой теории содержалась в ежеквартальном обзоре мировой экономики Варги, опубликованном в феврале 1928 г. Значительный раздел доклада был посвящен Индии и спору с Даттом, Ратбоном, Лухани и Роем, названным по фамилиям. Варга обстоятельно доказывал, что английский экспорт капитала в Индию, достигнув высшей отметки в 1923 г., упал до незначительных размеров, что экспорт капитала в 1916—1923 гг. явился чрезвычайной реакцией на условия военного времени и что теперь Англия вернулась к своей традиционной политике сдерживания промышленного развития Индии⁶². Однако мнение Варги не получило официальной поддержки и не являлось авторитетным. Вопрос все еще оставался открытым.

Рой вернулся в Москву для участия в IX пленуме ИККИ, который состоялся в феврале 1928 г., и выступил в английской комиссии по делам КПВ с защитой взглядов «меньшинства», пользовавшегося твердой поддержкой Коминтерна. Но он не упомянул Индию, а Шмераль и Катаяма, которые критиковали КПВ за то, что она не протестовала против назначения комиссии Саймона, не коснулись проблемы деколонизации⁶³. Насколько известно, индийский вопрос на IX пленуме ИККИ не обсуждался. Но то, что Рой впал в немилость, не вызывало сомнений. Во время пленума он заболел и после нескольких недель пребывания в больнице спешно покинул Москву навсегда⁶⁴. В марте-апреле 1928 г. индийская комиссия ИККИ еще раз обсуждала проблему деколонизации, но оставила ее нерешенной⁶⁵. В июне 1928 г. Палм Датт напечатал статью, в которой горячо оспаривал аргументы Варги,

ссылаясь на официальные заявления правительства и усиливающую тенденцию обеих сторон искать в рамках британской империи компромисса между индийской национальной буржуазией и английским империализмом⁶⁶. Статья его брата Клеменса Датта, опубликованная в журнале Коминтерна, была более осторожной. Он утверждал, что «изменения в политике поощрения индустриализации и уступок индийской буржуазии» были вызваны «дефляционным кризисом» в Англии, но полагал, что эта политика может возобновиться при более благоприятных условиях. Он отметил оживление в Индии «национальной борьбы против империализма», но считал, что в конце концов роль национальной буржуазии неизбежно становится контрреволюционной⁶⁷. Вообще-то, вплоть до момента прибытия английской делегации в Москву на VI конгресс Коминтерна в июле 1928 г., КПВ безоговорочно принимала точки зрения Роя и Датта относительно промышленного развития Индии и не придавала особого значения термину «деколонизация», обозначавшему этот процесс.

VI конгресс Коминтерна наглядно проиллюстрировал тревожный аспект индийского коммунистического движения — почти полную его изоляцию от Коминтерна. Почтовая корреспонденция их перехватывалась, поездки требовали много времени и были связаны с трудностями; не делалось никаких попыток наладить курьерскую связь. Для связи с Индией Коминтерн до 1926 г. полагался на Роя, а затем — главным образом на КПВ. Никто не получал регулярной информации о том, что происходит в Индии, а индийские коммунисты имели лишь случайные отрывочные сведения о работе Коминтерна. Основанная в 1925 г. и преобразованная на следующий год в КПИ, партия в течение ряда лет не стремилась формально присоединиться к Коминтерну⁶⁸. До 1928 г. Индию на конгрессах и пленумах ИККИ представляли только Рой или кто-либо из членов его группы индийских эмигрантов в Европе. Теперь же, когда Рой подвергся опале, ни у Коминтерна, ни у КПИ не оказалось под рукой подходящей процедуры для назначения делегатов, и их выбор на VI конгресс Коминтерна, по-видимому, был предоставлен случаю. В начале лета 1928 г. в Москву через Иран с тремя компаньонами приехал коммунист-мусульманин Усмани, намевревавшийся участвовать в конгрессе. В 1920 г. Рой отобрал Усмани для пропагандистской школы в Ташкенте, и позднее он являлся одним из немногих связных Роя в Индии. Но когда создавалась КПИ, Усмани находился в тюрьме и не имел связи с ее руководителями. Он не известил их о своем отъезде и не располагал никакими полномочиями⁶⁹.

О том, что случилось после прибытия Усмани в Москву, остается только гадать. Поддельный мандат, о наличии которого подозревали его противники, вероятно, не существовал. Когда руководители Коминтерна узнали, что Усмани порвал с Роем и был готов осудить теорию деколонизации, они, вне всякого сомне-

ния, поверили ему на слово. Усмани и один из его компаньонов, по фамилии Раза, получили мандаты с правом решающего, а двое других — с правом совещательного голоса. Третьим делегатом с решающим голосом являлся Тагор, который, хотя и осудил Роя, но относился враждебно к Усмани, и на конгрессе не только выступил, но и голосовал против него. Третьим делегатом с совещательным голосом был Клеменс Датт, который, являясь членом КПВ, не был в Индии уже много лет⁷⁰. Избрание Усмани на первом заседании в президиум конгресса⁷¹ обозначило его как главу индийской делегации и объект коминтерновской благосклонности. Это была странная делегация, характерная для позиции Коминтерна в то время. Первейшей задачей являлось обеспечение безоговорочного послушания партий и делегаций официальной линии. Но это сдерживалось нежеланием передать какой-либо иностранной группе монополию на власть в рамках своей партии, и поэтому проявлялась определенная снисходительность к умеренным диссидентским группировкам, не вызывающим откровенной враждебности к авторитету Москвы. Озадачивающим эпизодом выглядел визит в Москву в то время бывшего коммуниста и бывшего президента Национального конгресса Айенгара⁷². Он держался в стороне от конгресса Коминтерна, но был принят Сталиным, которого просил о поддержке индийского национального движения⁷³.

С самого начала Индия обещала стать для конгресса трудной проблемой. Бухарин в коротком пассаже своего доклада выразил неверие в то, что индийская буржуазия, подобно китайской буржуазии, сможет длительный период времени играть революционную роль. Но он старательно отмежеввался от той точки зрения, согласно которой «Индия перестанет быть колониальной страной, что в Индии идет процесс деколонизации». В ходе дискуссии Усмани, раболепно цеплявшийся за официальную линию, бездоказательно заявил, что Великобритания-де «старается разрушить индийскую промышленность и дезорганизовать некоторые важные производства, чтобы облегчить ввоз английских товаров». Раза упрекнул Бухарина за то, что он не сказал «о проводимой английским правительством новой политике индустриализации». Бухарин в ответ заметил, что, хотя он и не употребил слова «индустриализация», но упомянул «крупные вложения иностранных капиталов», и попытался вновь отмежеваться от выражения «деколонизация»⁷⁴. Больше никто не коснулся данной проблемы, и записанное в тезисах прямолинейное утверждение, что английский империализм «тормозит промышленное развитие Индии», не вызвало возражений⁷⁵. В прениях по проекту программы Арнот и Тагор сделали оговорки относительно положения, санкционирующего «временные соглашения» между коммунистическими партиями и «национальной буржуазией»⁷⁶. В окончательном варианте программы, которая не менялась, подобные соглашения были «допустимы лишь постольку, поскольку она (то есть национальная

буржуазия) не препятствует революционной организации рабочих и крестьян и ведет действительную борьбу против империализма»⁷⁷.

Спор о деколонизации приберегли к дискуссии о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах. В своем докладе Куусинен резко критиковал Палма Датта, Роя и Ратбона (позднее и Лухани), которые уповали на «деколонизацию Индии английским империализмом». Он заявил конгрессу, что это «очень опасное слово», и предупредил, что принятие данной теории повлекло бы за собой «ревизию всех наших представлений о сущности империалистической политики»⁷⁸. Содоклад Усмани не добавил ничего нового, кроме лукавого замечания о том, что те, кто был в Индии десять лет тому назад (намек на Роя), не могут правильно судить о сложившемся там положении. Кроме того, он добавил фразу об «абсурдности» идеи деколонизации⁷⁹. Такое подчеркнутое провозглашение официального мнения оттеснило диссидентов на оборонительные позиции.

Когда члены английской делегации, твердо верившие, когда вообще об этом вспоминали, в теорию деколонизации, прибыли в Москву, они впервые узнали о вынесенном против нее вердикте. Обсуждение мнения английской делегации открыл Петровский, выступивший под фамилией Беннет, который начал свою содержательную речь со странного заявления о том, что «с согласия товарища Куусинена» он попытается сформулировать свои возражения «в возможно заостренной форме». С одной стороны, это являлось признанием его двойного статуса как официального сотрудника Коминтерна и члена английской делегации⁸⁰, с другой — намеком на то, что, невзирая на Куусинена, в высших эшелонах еще не приняли окончательного решения и, таким образом, расхождения во мнениях пока допускались. Он доказывал, что взгляды Куусинена на «классический капитализм» соответствовали «концу последнего столетия», решительно опровергал анализ Варги и полагал, что разговоры о «деколонизации» вводили в заблуждение меньше, чем описания Индии как «аграрного придатка к британскому империализму». Петровский обратил особое внимание на то место в проекте тезисов, где «болтовня империалистов и их лакеев о политике „деколонизации“» называлась «не чем иным, как империалистической ложью», и указал, что все, кто использовали данный термин (включая Бухарина), делали это «с единственной целью подчеркнуть факт индустриализации Индии, вызывающий изменения в расстановке классовых сил в этой стране»⁸¹. Ротштейн повторил аргументы Петровского, что тезисы Куусинена основаны на устаревших представлениях о колониализме и от имени английской делегации подверг их детальному критическому разбору⁸².

Тагор, первый индийский делегат (помимо Усмани), выступивший в прениях, не употребил слова «деколонизация», но пояснил, почему политика английского империализма изменилась, и доба-

вил, что «этим путем идет процесс индустриализации Индии». Он полагал, что «угроза аграрной революции побудила национальную буржуазию изменить движению» также решительно, как это сделал гоминьдан по отношению к движению в Китае⁸³.

Сильное сопротивление теории деколонизации оказали стойкие приверженцы коминтерновской ортодоксальности. Мартынов и Пеппер осудили вероотступничество Петровского, а Пеппер упрекнул его в том, что он рассуждает так, «будто в Индии существуют только два лагеря — лагерь империалистов и лагерь рабочих и крестьян». Всегда находчивый Реммеле произнес длинную и ученую речь, пересыпанную статистическими выкладками и ссылками на авторитетные источники, которыми его снабдил информационный сектор Секретариата. Мерфи объявил о своем несогласии с остальными членами английской делегации⁸⁴. Арнот отмежевал своих английских коллег от злосчастного термина «деколонизация». Никто, дескать, не употреблял его иначе, как в сочетании со словом «жупел», и что пора-де прекратить об этом говорить. Однако он дал ясно понять, что солидаризируется с Петровским и Ротштейном, и представил ряд предложенных англичанами поправок к тезисам⁸⁵. Клеменс Датт, испытывавший горячее желание удержаться в обоих лагерях, назвал позицию индийской буржуазии «антагонистическим фактором по отношению к империализму, но... в то же самое время контрреволюционной по отношению к пролетариату и крестьянству». Контрреволюционный характер этой силы вовсе не означал, «что мы не можем использовать даже ее в процессе развития массовой революции»⁸⁶. Итоги дискуссии вызвали много горьких чувств. Петровский дал резкую отповедь Пепперу, Мерфи и Реммеле и исподтишка ударил по Бухарину, который, хотя и не употребил в своем докладе слов «деколонизация» и «индустриализация», но тем не менее заявил, что «крупные вложения иностранных капиталов» означают индустриализацию. Петровский с иронией попросил Бухарина уточнить собственную позицию⁸⁷. Советский делегат Шубин заметил, что, если Лухани, возможно, и является «крестным отцом» «деколонизации» в том смысле, что он присвоил этому процессу имя, то его подлинным отцом был Рой со своим трудом «Будущее индийской политики», опубликованном в 1926 г. Остальную часть своего выступления Шубин посвятил нападкам на Петровского, несколько раз прерывавшего оратора сердитыми возгласами, иногда стремясь снять с себя ответственность за взгляды Роя⁸⁸.

Споры вокруг «деколонизации» отодвинули в тень практическую проблему, касающуюся позиции, которую следовало бы занять по отношению к рабоче-крестьянским партиям Индии. Они постоянно возбуждали недоверие в Москве, как мелкобуржуазные организации, которые могли бы стать соперниками или подменить подлинную коммунистическую партию. В отчете ИККИ конгрессу проблеме деколонизации было посвящено короткое заявление о том, что английское правительство «прекратило проводить поли-

тику уступок индийской буржуазии». Зато значительная часть отчета была отведена критике этих партий. Признавалось, что они имели значение как «один из организующих факторов национально-революционной борьбы», который может «на данном этапе борьбы с империализмом развиться в блок пролетариата с крестьянством и революционной прослойкой мелкой буржуазии». Однако слабость подобных партий заключалась в том, что «на практике они функционировали скорее как левое крыло Конгресса, чем как самостоятельная политическая партия»⁸⁹. В своем докладе Куусинен разъяснил, что эти партии не были теми «организациями, на которых мы могли бы строить нашу коммунистическую партию». Он обнаружил «опасность перекрашивания в цвет коммунизма партий, которые не являются истинно коммунистическими партиями», и опасность попытки «заменить создание самостоятельной коммунистической партии какими-либо рабоче-крестьянскими партиями»⁹⁰. Проект тезисов включал четко сформулированный пункт: «Особые „рабоче-крестьянские партии“, какой бы они ни имели революционный характер в отдельные периоды, легко могут превратиться в обыкновенные мелкобуржуазные партии, и поэтому коммунистам не рекомендуется организовывать такие партии»⁹¹.

Такой вывод не прошел без возражений. Тагор смело заявил, что те, кто опасается подмены коммунистической партии рабоче-крестьянскими партиями, «напуганы каким-то кошмаром, созданным их собственной неудержимой фантазией». Датт протестовал против умаления рабоче-крестьянских партий, являющихся «одним из тех важных путей, по которому коммунисты находят доступ к массам»⁹². Только Усмани послушно держался за текст проекта тезисов⁹³. Остальные английские делегаты, непосредственно втянутые в главный спор, не касались этой второстепенной проблемы. Куусинен, подводя итог прениям, также не затронул ее, и она проскользнула как бы за отсутствием к ней интереса. Недоверие к мелкобуржуазным партиям, возможно, усилилось из-за враждебности к гандизму, который считался мелкобуржуазным движением, связанным с примитивными и отсталыми формами экономики, и который хотя и не обсуждался на конгрессе, но в программе назывался «идеологией, направленной против революции народных масс»⁹⁴.

Отложить в долгий ящик полемику о деколонизации оказалось не так-то просто. Когда конгрессу в соответствии с обычной процедурой были предложены тезисы для утверждения в качестве основы и последующей передачи в редакционную комиссию для выработки окончательного текста, за них проголосовало большинство, однако 14 делегатов выступили против⁹⁵. В редакционной комиссии преобладающие настроения были не столь бескомпромиссными. «Крупное антиимпериалистическое движение (1919—1922 гг.), — указывалось в окончательном тексте, — закончилось изменой индийской буржуазии делу национальной революции».

Именно этот успех позволил империалистическому правительству «снова вернуться к политике, тормозящей промышленное развитие Индии». Наиболее серьезные возражения руководителей Коминтерна касались терминов «индустриализация» и «деколонизация». «Индустриализация» Советского Союза представляла собой процесс освобождения от экономической зависимости капиталистического мира, и данное слово постоянно использовалось в таком контексте. Однако никакие высказывания о том, что подобный процесс мог иметь место в Индии, в расчет не принимались. Предположения о развитии индийской промышленности вызывали лишь насмешку. «Проводится минимум строительной работы (железные дороги, гавани и т. д.), — говорилось в тезисах, — необходимый как для военного господства в стране и обеспечения бесперебойного действия налогового пресса, так и для надобностей торговли империалистической страны».

С неохотой признавалось, что «потребности ведения или подготовки войны могут в ограниченной мере приводить к созданию различных предприятий металлообрабатывающей и химической промышленности в некоторых наиболее важных в стратегическом отношении колониях (напр. в Индии)». Однако абзац тезисов, в котором осуждалась «болтовня империалистов и их лакеев» о деколонизации и против которого возражал Петровский, не вычеркнули. «Подлинная индустриализация колониальной страны, — говорилось в окончательном варианте, — в особенности создание жизнеспособной машиностроительной промышленности, которая могла бы способствовать самостоятельному развитию производительных сил страны не поощряется, а, наоборот, задерживается метрополией».

Характернейшим признаком упадка империализма на его современном этапе является *«его ростовщическая и паразитарная сущность»*, которая «в конечном счете приведет к искусственному задержанию развития производительных сил колоний». По горячо дебатировавшейся проблеме рабоче-крестьянских партий Индии, тезисы, призывая к «сплочению всех коммунистических групп и отдельных коммунистов, разбросанных по стране, в единую нелегальную, самостоятельную и централизованную партию» и отвергая принцип строительства партии на двухклассовой основе, неясно предписывали индийским коммунистам «использовать связи существующих рабоче-крестьянских партий с трудящимися массами для укрепления *собственной партии*»⁹⁶. Дебаты завершились единодушным, без дальнейших обсуждений, принятием тезисов. В тезисах ИККИ, опубликованных после конгресса, делалась попытка объяснить различие между ситуациями в Индии и Китае. В Индии, дескать, буржуазия была сильнее и оказывала на пролетариат большее влияние⁹⁷. Все это никак не проясняло вопросы практической политики. Несмотря на подорванное в Москве доверие, Рой против ожидания продолжал печатать статьи в коминтерновской прессе, в которых он метался между тотальным осужде-

нием «буржуазных вождей и их мелкобуржуазных союзников» и верой, что входившая в Национальный конгресс вместе с фракцией крупной буржуазии мелкобуржуазная фракция может вступить в союз с пролетариатом⁹⁸.

Симптомом трудностей со связью, неорганизованности Коминтерна и, возможно, наличия в нем разногласий служит тот факт, что, как видно, никто даже и не попытался проинформировать кого-либо в Индии о результатах столь продолжительных и ожесточенных дискуссий, и вплоть до конца 1928 г. события в Индии шли своим чередом, безотносительно к ним⁹⁹. Декабрь 1928 г. имел важное значение для подъема мятежных настроений в Индии. В начале месяца в Джхариі состоялся IX съезд Всеиндийского конгресса профсоюзов (ВИКП). В марте 1928 г. IV съезд Профинтерна принял резолюцию по индийским профсоюзам, которая почти не обнаруживала признаков наличия контактов с индийским движением¹⁰⁰. Между тем волна беспорядков в промышленности Индии, начало которым положила знаменитая забастовка текстильщиков Бомбея¹⁰¹, а также, возможно, стремление предупредить усилия МОТ и Амстердамского Интернационала по созданию своего плацдарма в Индии, повысили интерес Москвы к индийским профсоюзам. В адрес IX съезда ВИКП поступило длинное письмо Исполкома Профинтерна, в котором подчеркивалось, что, как показали недавние забастовки, индийские капиталисты теперь находятся в союзе с английскими империалистами, и осуждались руководители Лейбористской партии Великобритании и британских тред-юнионов как «агенты английского империализма и Амстердамского интернационала». Более краткая телеграмма Президиума Центрального Совета приглашала представителей индийского пролетариата посетить Советский Союз¹⁰². Съезд раскололся на две группировки: на умеренных во главе с Джоши, который несколько раз представлял индийских рабочих на конференциях МОТ в Женеве, и на воинствующее левое крыло. По словам Неру, который первый раз присутствовал на съезде профсоюзов, это произошло «под влиянием, но отнюдь не под руководством некоторых коммунистов и почти коммунистов»¹⁰³. Усилия Спратта и Брэдли поддержали еще два прибывших зарубежных коммуниста. Американец Джонстон обратился к съезду от имени Антиимпериалистической лиги. Полиция немедленно его арестовала и этим побудила конгресс принять резолюцию протеста и вынести решение о присоединении к Лиге. Вскоре Джонстона депортировали¹⁰⁴. Австралийский член Тихоокеанского секретариата профсоюзов Райан специально приехал, чтобы уговорить съезд присоединиться к своей организации, однако успеха не имел¹⁰⁵. Вместе с тем был принят ряд резолюций левого толка и несколько коммунистов введено в аппарат. Кандидат-коммунист на пост президента на предстоящих в следующем году выборах получил солидную поддержку, но потерпел все-таки поражение

с небольшой разницей в голосах, когда умеренные выдвинули Неру в качестве компромиссного кандидата¹⁰⁶.

Растущие воинственные настроения в рядах участников движения также привели в замешательство лидеров Национального конгресса, собравшихся в Калькутте в конце декабря 1928 г. Доклад комиссии Мотилала Неру о конституционных реформах¹⁰⁷ в пользу статуса доминиона вызвал в рядах Конгресса острые разногласия и привел к созданию в ноябре 1928 г. Лиги за независимость Индии, президентом которой стал Айенгар, а Джавахарлал Неру — одним из секретарей¹⁰⁸. Сессия в Калькутте выработала несерьезный компромисс: правительству Англии давался один год, чтобы предоставить Индии статус доминиона. В случае, если оно этого не сделает, будет выдвинуто требование полной независимости. Колебания и робость, которые сопровождали работу Конгресса по таким кардинальным проблемам, были типичными для индийской политической жизни. Утвердили также резолюцию, аналогичную принятой на предыдущей сессии, в которой выражался протест против английского вмешательства в Китае и содержалось требование отозвать индийские воинские части. Приняли резолюцию с выражением сочувствия народам Египта, Палестины, Сирии и Ирака в их борьбе против английского империализма¹⁰⁹.

21 декабря 1928 г., после сессии Конгресса, в Калькутте собралась I всеиндийская конференция рабоче-крестьянских партий (всего их было уже четыре)¹¹⁰. Конференция планировалась задолго до ее открытия, и вести о подобных планах достигли Москвы. Это дало повод Секретариату ИККИ направить конференции длинное письмо. Датированное 2 декабря 1928 г. послание вручили индийскому коммунисту по фамилии Адикхари, несколько лет проживавшему в Берлине¹¹¹ и возвращавшемуся в Индию, который действительно прибыл туда в момент, когда конференция еще работала. По всей видимости письмо сопровождалось копией тезисов VI конгресса Коминтерна. Послание, однако, было составлено с использованием таких понятий и выражений, которые должны были смутить любого, не знакомого с терминологией и характером деятельности Коминтерна. В нем приветствовалось «растущее влияние рабоче-крестьянских партий» и (чисто мифическое)¹¹² «участие тысяч крестьян в ваших провинциальных конференциях». «Главная задача конференции» состояла якобы в организации «активной борьбы с английским империализмом и его туземными союзниками». Затем следовало осуждение «оппортунистического буржуазного национализма» и особенно вновь созданной Лиги за независимость Индии, которая «помогает официально сваражизму в его гнусной игре с лозунгами «независимость» и «статус доминиона» и чья программа отмечена «путаницей и пустой болтовней». Точно следуя решениям VI конгресса, письмо отвергло идею «объединения рабочих и крестьян в одной партии» и рекомендовало создать комитет для координации деятельности местных рабоче-крестьянских организаций, но не всеиндийскую РКП. К

числу немногих реалистических моментов письма относилась ироническая ссылка на «существующую (только на бумаге) Коммунистическую партию Индии», которая «не проявляет никаких признаков революционной жизни»¹¹³. Наскоро переварив это официальное послание, конференция выработала неуклюжую и двусмысленную резолюцию. В ней много места отводилось осуждению Лиги за независимость Индии, ее «ошибочной программы и политики и ее глубоко буржуазной, даже фашистской сути». И хотя члены РКП не имели права «вступать в Лигу независимости в качестве ее членов», они могли бы «работать с Лигой... единым фронтом на основе пропаганды за независимость». Резолюция содержала повторные нападки на буржуазное руководство Национального конгресса и на доклад Мотилала Неру в пользу статуса доминиона. Высказывалось враждебное отношение к «доминирующему руководству Конгресса». Вместе с тем выражалось мнение, что Конгресс включал некоторые мелкобуржуазные элементы «потенциально революционного характера», и было необходимо проводить «традиционную политику образования фракций внутри организаций Конгресса для целей агитации, ...и сближения революционных секций с рабоче-крестьянской партией». Такая линия называлась, однако, «временной политикой», осуществляемой до тех пор, пока партия не создаст «собственную самостоятельную организацию»¹¹⁴. Учреждая совместный Исполком для четырех существующих партий, конференция фактически преобразовалась в национальную партию. Через несколько месяцев «Правда» поместила сообщение о демонстрации во время конференции 20 тыс. рабочих с лозунгом «За советскую Индию»¹¹⁵.

За конференцией последовало совещание КПИ, проходившее с 27 по 29 декабря 1929 г. Поскольку коммунисты также руководили и РКП, то различие было скорее в форме встречи, чем в личном составе участников. Вместе с тем для КПИ оказалось труднее игнорировать решения Коминтерна. Если судить по записям, которые являются единственными известными документами совещания, оно решило, что резолюцию VI конгресса следует «принять за основу и изменить в соответствии с условиями в Индии» и что «необходимо изучить возможности какой-либо открытой партии». А это могло означать, что нелегальной КПИ следовало существовать бок о бок с «легальной» РКП или же что первая должна была влиться во вторую. Ни один из этих вариантов не соответствовал требованиям Москвы. Тем не менее было решено добиваться формального присоединения к Коминтерну¹¹⁶. Другое партийное совещание, состоявшееся в Бомбее 17—19 марта 1929 г., продолжало оставаться в полном неведении относительно происходящего в Москве и сохранило прежнюю двойственную позицию¹¹⁷. Примечательной была только резкая перемена, произошедшая с Усмани, который, показав себя на VI конгрессе опорой Коминтерна, теперь вдруг стал активным защитником РКП. Было также решено реорганизовать партию согласно установкам Ком-

интерна¹¹⁸. Но прежде чем успели что-то предпринять, не очень эффективная деятельность КПИ была прервана в самом начале на несколько последующих лет. К концу совещания в Бомбее полиция арестовала 32 коммуниста и профсоюзных деятеля, включая Спратта и Брэдли, и подготовила гигантский судебный процесс в Мируте, который должен был показать всему миру злостные замыслы коммунистических агитаторов.

Эти события привлекли внимание Москвы к ситуации Индии в большей мере, чем это происходило до сих пор в течение долгого времени. «Правда» преподнесла сообщения об арестах в несколько неуклюжей редакционной статье как доказательство назревания «революционного кризиса». Она признала, что «рабоче-крестьянские партии, несмотря на неопределенность своей тактической линии, несмотря на колебания, половинчатость и подчас роковые ошибки, успели обрасти сочувствием и поддержкой пробуждающихся широких масс». Подобные партии по своему характеру якобы не могли принадлежать к Коммунистическому Интернационалу. Но они могли сгруппировать вокруг себя рабочих и крестьян¹¹⁹. КПВ организовала демонстрации против арестов, а английская секция Антиимпериалистической лиги выпустила воззвание¹²⁰. В своем выразительном протесте ИККИ заявил, что «напуганные империалистические грабители заносят топор палача, чтобы нанести удар до тех пор легально существовавшим рабоче-крестьянским партиям». Без упоминания КПИ, в протесте говорилось, что «только пролетарская революция в сочетании с крестьянской войной нанесет смертельный удар империализму и его феодально-буржуазному союзнику». Анафеме были преданы не один лишь английский империализм и его индийские лакеи, но также «сваражисты и другие буржуазные партии, предатели индийской национальной революции»¹²¹. Тихоокеанский секретариат профсоюзов осудил «новое наступление английского правительства» и призвал поддержать «движение революционных профсоюзов» в Индии¹²². Антиимпериалистическая лига опубликовала за подписью Мюнценберга и ее индийского секретаря Чаттопадхая призыв относительно денежных пожертвований для организации защиты обвиняемых¹²³. Аналогичное обращение, подписанное Неру, выпустила индийская секция Межрабпома¹²⁴. Процесс в Мируте тянулся более трех лет и закончился для обвиняемых длительными сроками тюремного заключения, которые затем в порядке апелляции были значительно сокращены.

После уничтожения в буквальном смысле КПИ и РКП Москве почти нечего было больше сказать. Журнал «Новый Восток» опубликовал статью, в которой решительно присовокупил индийские дела к имевшей место кампании против «правых». Статья приписывала теории деколонизации «правым оппортунистам», критиковала Национальный конгресс и Лигу независимости Индии как буржуазные институты¹²⁵. В плане подготовки к X пленуму ИККИ, намеченному на июль 1929 г., Мануильский не то

с сожалением, не то с раздражением в одной из статей писал, что в Индии «пока не существует самостоятельная коммунистическая партия»¹²⁶. Автор одной из статей, опубликованных в «Правде» накануне пленума, развил заявления VI конгресса Коминтерна по Индии до крайности. Он осудил не только «особенно отчетливые контрреволюционные формы», которые принимает буржуазный национализм, но также РКП Бомбея и Бенгалии, план Роя относительно «народно-революционной партии» и пространно толковал о необходимости иметь «самостоятельную компартию»¹²⁷. Работа X пленума ИККИ по существу напоминала обсуждение игры после ее окончания; вместе с тем пленум послужил предлогом для отдельных теоретических излияний, почти не имевших связи с положением в Индии. В своем основном докладе Куусинен оптимистически оценивал события последнего времени, сильно критиковал Роя («не знаю, можно ли еще назвать его товарищем», — заявил он) за то, что он в «прессе брандлерианских ренегатов» выступил в поддержку политики блокирования с национальной буржуазией. И хотя Куусинен в последний момент все-таки воздержался от осуждения «рабоче-крестьянских партий», их название в протоколе появилось взятым в кавычки¹²⁸. Лозовский, воодушевленный прогрессом профсоюзного движения, в резкой форме заявил: «Никаких соглашений — ожесточенная борьба против индийской буржуазии». Он призвал ИККИ помочь фактически несуществующей КПИ очиститься от всякого рода открытых и скрытых меньшевиков. Лозовский объяснил слабости КПИ тем обстоятельством, что Рой, который «теперь развивает совершенно меньшевистскую концепцию», долгое время был единственной нитью, связывающей индийских коммунистов с ИККИ. Миф дал наиболее разумный анализ различий между Индией и Китаем. Благодаря господствующему положению английского капитала, сказал он, Индия не стала ареной борьбы империалистических держав и была изолирована от колониального движения. В отличие от Китая, Индия не соприкасается территориально с Советским Союзом. Она не знала власти местных милитаристов и имела «крепко сплоченный государственный аппарат». Кроме того КПИ возникла позднее, чем КПК. Эти обстоятельства делали в Индии тактику «единого национального фронта», сыгравшего историческую роль в Китае, невозможной¹²⁹. Единственным выступившим представителем Индии был Лухани, ставший постоянным жителем Москвы. Он осудил собственные ошибки, допущенные на VI конгрессе, отверг теорию «деколонизации» (больше никто не затронул данной темы) и резко критиковал своего бывшего покровителя — Роя¹³⁰. Главная резолюция пленума содержала два абзаца по Индии, которые, по-видимому, не вызвали споров. В первом речь шла об «открытой измене индийской буржуазии делу национальной независимости». Во втором говорилось, что «активным содействием кровавым расправам с бастующими рабочими» она разоблачила свой «контрреволюционный характер», и наибольшие на-

дежды на будущее связывались с широким распространением стачек и рабочих протестов¹³¹. И сам грешивший непоследовательностью, Рой критиковал в немецкой социал-демократической печати противоречивость Коминтерна. «Еще вчера, — писал он, — каждый индус обладал правом быть революционным националистом... Сегодня все объявляется контрреволюционным, исключая рабочий класс и крестьянство»¹³². Официально Роя изгнали из Коминтерна осенью 1929 г. за его связи с оппозиционной группой Брандлера — Тальгеймера в КПГ¹³³.

Неясно, согласилась ли КПВ с новой линией или отказалась от позиции, которую заняли ее делегаты годом раньше на VI конгрессе. Решение ее Политбюро в ноябре 1928 г. — распространить подлинный проект представленных в июле тезисов VI конгресса Коминтерна вместе с поправками, предложенными английской делегацией¹³⁴, — было проявлением своеволия. В январе 1929 г. Клеменс Датт критиковал в партийном журнале Лигу за независимость Индии как «соперника рабоче-крестьянской партии», стремившейся «вывести массы из-под буржуазного влияния»¹³⁵. И тот же самый журнал, публикуя резолюцию РКП, принятую в декабре 1928 г., счел благоразумным добавить следующее предупреждение: «Не трудно раскритиковать отдельные аспекты их точки зрения, которая явно не учитывала важные дискуссии VI конгресса Коммунистического Интернационала по индийскому вопросу и опасности, связанные с такой политической партией, как рабоче-крестьянская партия, основанная на союзе различных классов»¹³⁶.

В брошюре, написанной в июне 1929 г., Арнот, мужественно защищавший позицию английской делегации на VI конгрессе, повторил предупреждение, но сместил акценты. Хотя, писал он, «партия двух классов», как форма организации, была «решительно осуждена в тезисах VI конгресса по колониям», тем не менее конференция РКП вызвала «явное ощущение первого в Индии действительно сознательного массового движения, настоящего пробуждения пролетариата»¹³⁷. Когда X пленум ИККИ обсуждал проступки РКП и КПИ, весь руководящий состав обеих организаций находился за решеткой. КПВ только что прошла через суровое испытание важных всеобщих выборов и благоразумно не проявляла склонности ворошить утихшие споры. Из выступавших английских делегатов ни Раст, представлявший Коммунистический союз молодежи, ни Поллит почти не упоминали Индию. Индийский пример иллюстрировал то ощущение нереального, которое сопровождало деятельность Коминтерна во второй половине 20-х годов и которое возникало в силу растущего несоответствия между тем, что говорилось в Москве, и тем, что происходило на местах. В Москве царил твердое убеждение, что можно и нужно установить правила поведения, которым иностранные партии должны будут подчиниться. Но даже когда эти правила не искажались под влиянием потребностей советской внутренней полити-

ки, предположение единообразия являлось примером того догматического марксизма, который все истинные большевики, включая Сталина, по их словам, ствергали. Эта дилемма ярко высветилась в Индии в результате вмешательства КПВ, чье понимание местных условий хотя и было несовершенным во многих отношениях, однако превосходило коминтерновское.

ИНДОНЕЗИЯ

Летом 1926 г. активно готовившая вооруженное восстание¹ Коммунистическая партия Индонезии (КПИ) являла собой в высшей степени запутанную картину как следствие ее нелегального статуса, организационной слабости, распыленности руководящих кадров и отсутствия регулярной и быстрой связи с Коминтерном в Москве, признанным источником руководящих указаний, которые, правда, не всегда выполнялись. Ни один из тех, кто возглавлял партию в первые годы ее формирования, не смог остаться в Индонезии. Малакка, наиболее энергичный из прежних туземных лидеров, который в 1922 г.² играл заметную роль на IV конгрессе Коминтерна, проживал в Маниле с неопределенным мандатом представителя собственной партии и Коминтерна в Юго-Восточной Азии³. Партийное бюро имелось и в Сингапуре, где концентрировались индонезийские эмигранты. Изгнанный в 1923 г. с Явы Семаун постоянно находился в Европе, а выдворенный в 1925 г. Дарсано присоединился к нему в Москве в начале следующего года. Этих двух руководителей Коминтерн признал в качестве представителей КПИ. Как и другие представители зарубежных партий в Москве, они с течением времени обрели тенденцию говорить скорее голосом Коминтерна, чем собственной партии. Руководители же непосредственно на местах были достаточно неприметными людьми, чтобы пока избегать тюремного заключения или депортации. Мало кто из них имел связь с внешним миром или был известен в Москве по фамилии. Защищая от преследований, подобная заурядность и неопытность делала их пригодными для роли лидеров.

Натянутые отношения между КПИ и Коммунистической партией Нидерландов еще больше осложняли ситуацию. Преобразование в 1926 г. Секретариата Коминтерна в географические «секретариаты»⁴ лишь узаконило давно сложившуюся практику работы с колониями через секции Секретариата, занимавшиеся делами соответствующих метрополий. Такая организация не была удачной. Формы угнетения и эксплуатации, против которых коммунисты боролись в метрополиях, не были похожи на те, которые причиняли страдания народам колоний. И обеим группам нередко нехватало взаимопонимания. Когда Семаун в 1923 г. стал пред-

ставителем КПИ в Коминтерне, он открыл в Амстердаме партийное бюро и были избран членом ЦК Коммунистической партии Нидерландов⁵. Однако в ходе взаимных обвинений, имевших место на V конгрессе Коминтерна в июне 1924 г., Семаун рассорился с голландскими руководителями⁶, хотя факт избрания его на конгрессе членом ИККИ свидетельствовал о том, что он пользовался благосклонностью в коминтерновских кругах. Трения между Коммунистической партией Нидерландов и представителями КПИ, публичное изложение взаимных обид в штаб-квартире Коминтерна стали в последующие несколько лет привычным зрелищем.

Расстояние избавляло руководителей КПИ на местах от той степени подчинения Коминтерну, которая навязывалась партиям, более доступным для наказания. Связь между Москвой и Индонезией осуществлялась столь медленно и ненадежно, что трудно сказать, насколько эти руководители были осведомлены о тех колебаниях и возражениях, которые возникли в Коминтерне в связи с планом вооруженного восстания. Когда же о них становилось известно, то руководители на местах отметали отрицательные соображения как признаки слабости, нерешительности и недостаточного понимания индонезийских реальностей. Но сомнения были не только в Москве. Малакка, впервые узнавший о плане в марте 1926 г. в Маниле, сразу же его осудил как опрометчивый и преждевременный, и поэтому группа индонезийских коммунистов, находившихся в Сингапуре, решила направить в Москву двух видных деятелей партии, Алимина и Муссо, чтобы добиться от Коминтерна санкции на осуществление плана. После их отъезда в Сингапур прибыл Малакка. Он вновь выразил протест и опубликовал брошюру «Массовые выступления», в которой в теоретической форме изложил собственные аргументы против плана вооруженного восстания⁷. Малакка страстно верил в массовые выступления как основу революции (за что впоследствии ему навесили ярлык «троцкиста») и осуждал любые попытки руководства совершить *путч*, прежде чем сознание и организация масс достигнут нужного уровня развития.

В какое точно время планы лидеров КПИ в Индонезии начали вызывать серьезные опасения в Москве, установить трудно. На VI пленуме ИККИ в марте 1926 г. не было высказано никаких признаков тревоги. В своей автобиографии Малакка утверждал, что послал в Коминтерн письмо с протестом против решения⁸. А 12 июня 1926 г. Рой, чей авторитет в вопросах, касающихся Азии, был в Коминтерне весьма высок, направил тревожное письмо Снефлиту, тогдашнему председателю ЦК компартии Нидерландов, в котором писал: «Большинство стойких бойцов или в эмиграции, или же в тюрьме, а те, кто на свободе, заражены «детской болезнью левачества». Но они не могут проявить чрезмерную активность, поскольку известны полиции и находятся под достаточным наблюдением шпиков. Более того, из-за белого терро-

ра организационные связи партии существенно ослаблены, и влияние ЦК на отдельные филиалы недостаточно сильное».

Поскольку ни Семаун, ни Дарсано не могли дать в Индонезии ни одного надежного адреса, по которому можно было бы направить предостережение, Рой предложил послать в качестве эмиссара некоего Миллера, по мнению Роя, человека, не вполне подходящего, но единственного, которым располагали. Пока же Рой переслал Снефлиту составленный Коминтерном (безусловно, при личном участии Роя) проект программы КПИ, в котором много внимания уделялось проблеме национальной независимости. Снефлит ответил 10 июля 1926 г. Он разделял беспокойство Роя относительно неподготовленности КПИ к революционным действиям, но даже эту программу Роя считал слишком радикальной, чтобы она могла послужить основой легального движения. Голландские власти якобы не потерпят любого упоминания о независимости. Он не одобрил плана с Миллером и высказал мнение, что Танака мог бы тайно посетить Яву, а его самого (то есть Снефлита) следовало бы вызвать в Москву для работы в Коминтерне. Такое предложение было способно привести в ярость индонезийских делегатов⁹.

Примерно в то же время, когда Рой отправил письмо Снефлиту, Алимин и Муссо, проделав долгий путь через Китай, наконец достигли Москвы. Обстоятельная дискуссия по индонезийскому вопросу сделалась неизбежной. Эта щекотливая тема не могла возникнуть в более неподходящий момент. Советские руководители только вступили в борьбу с недавно образовавшейся объединенной оппозицией. Прибывших заставили ждать. И хотя утверждение, что план восстания получил поддержку Зиновьева и других руководителей оппозиции, зиждется на сообщении, сделанном Семауном много лет спустя¹⁰, оно тем не менее звучит вполне правдоподобно. Алимин и Муссо вместе с Семауном и Дарсано (уже находившимися в Москве) были в конце концов приняты сотрудниками ИККИ 22 июля 1926 г., когда проходило решающее совещание Центрального Комитета партии¹¹. На описание последующих событий, возможно, в какой-то мере повлиял ретроспективный характер оценок. Как заявляли индонезийцы, в КПИ состояло 8 тыс., а в Сарекат райат — 101 тыс. человек, которых поддерживали девять профсоюзных центров, представлявших 23 тыс. организованных рабочих. Индонезийские товарищи уверяли, что за ними пойдет все население и что они смогут взять власть в свои руки. Представители ИККИ были настроены скептически и кроме того встревожены тем, что для восстания не имелось никакой политической программы. В августе делегацию принял Сталин, вновь сказавший об этих сомнениях. И, наконец, в сентябре 1926 г. ИККИ принял резолюцию, которая якобы вызвала у индонезийских делегатов «резко отрицательную реакцию». В ней рекомендовалась программа, построенная в основном на «требовании независимости страны» и утверждалось, что одной из важ-

нейших задач Коммунистической партии Индонезии является «сплочение всех национально-революционных элементов страны, создание единого национального фронта при полном сохранении организационной и политической самостоятельности КПИ»¹².

Неизвестно, насколько сильно делегаты настаивали на плане восстания и насколько упорно Коминтерн этому противился. Открытого столкновения не произошло. Делегаты Индонезии согласились с тем решением, которое было принято; все они остались в милости и после понесенного поражения. К тому моменту, когда Алимин и Муссо отправились в обратный путь на Восток, по всем признакам, не было принято никакого окончательного решения¹³. Царившее в Москве настроение наглядно раскрывала опубликованная в журнале Коминтерна статья Дарсано, в которой он сравнивал задачи, стоявшие перед индонезийской партией, с целями китайской компартии. По его словам, коммунисты должны были «всеми силами поддерживать индонезийское национальное движение и затем стремиться взять руководство в свои руки»¹⁴. В это же время неустановленный автор статьи в журнале Профинтерна упрекнул КПИ за недостаточно энергичное вовлечение масс в профсоюзы, за уклон в сторону «переоценки революционных возможностей освободительного движения и недооценки значения союза рабочего класса с революционной буржуазией против империализма». Менее загадочным был вывод о том, что КПИ предстояла «методическая, медленная, кропотливая работа по установлению связи с массами на почве обслуживания повседневных экономических и культурных нужд»¹⁵. В Москве, очевидно, сложилось мнение, что после бесед в ИККИ опасные планы восстания будут временно отложены.

Какие бы инструкции Алимин и Муссо ни везли из Москвы, они до партии не дошли. К решительному моменту два эмиссара смогли добраться только до Шанхая. Выступление началось по плану в ночь с 11 на 12 ноября 1926 г. и закончилось гибельным фиаско. Если вообще можно говорить о какой-то программе столь плохо подготовленного и плохо скоординированного восстания, то нужно отметить, что она не являлась откровенно коммунистической, а должна была отвечать чаяниям как коммунистов, так и сторонников организации Сарекат райат. Так, слышны были призывы к свободе печати, самоуправлению, назывались и такие дополнительные практические цели, как реформы в сфере финансов и народного образования¹⁶. Однако их воздействие на национальные чувства не было достаточно сильным. Как признавал впоследствии Муссо, «хотя мы и знали, что эти лозунги должны иметь национальный характер, мы не знали, как составить правильную, ясную программу национальных требований, которая могла бы привлечь массы населения к участию в восстании»¹⁷. Забастовка железнодорожников, которой надлежало служить сигналом к восстанию и нарушить правительственные коммуникации, не произошла. Рабочие в своей массе «отнеслись к движе-

нию пассивно». Лояльность армии и полиции, на 90% состоявших из туземного населения Индонезии, не поколебалась. Дольше других, целых три дня, продержались восставшие, главным образом крестьяне, в малонаселенном западном районе Явы. В других местах революцию сокрушили еще быстрее. Восстание на Суматре, которое должно было совпасть с событиями на Яве, произошло лишь в январе 1927 г., и его постигла та же бесславная участь¹⁸. Многие индонезийские коммунисты были расстреляны, несколько тысяч заключены в тюрьму или депортированы в Новую Гвинею. КПИ больше никогда не подняла голову в период голландского господства.

Хотя можно сказать, что в индонезийском восстании отразилось то влияние, которое излучала на весь мир большевистская революция, однако, возможно, в большей степени оно явилось результатом подъема революционного движения в Китае. Коминтерн не планировал и не вдохновлял это восстание, оно произошло вопреки недвусмысленным возражениям этой организации. Но как только восстание началось, Коминтерну не оставалось ничего другого, как приветствовать «революционную борьбу народа Индонезии» и осудить «голландских империалистов», стремящихся «потопить в крови борьбу за свободу Индонезии». Об этом шла речь в обращении ИККИ от 20 ноября 1926 г. Все внимание руководителей Коминтерна в тот момент было приковано к Китаю. Все еще преобладали оптимистические настроения, питаемые эффектным победами национальной армии. Москва пока еще не ощущала сигналов, говорящих о том, что Чан Кайши намеревается переметнуться на другую сторону. Чрезмерный оптимизм, не считавшийся с реальностями, перешел и на Индонезию.

«Революция против империализма, — говорилось в обращении ИККИ, — распространяется из одной страны в другую. Из Китая она перекинулась на Яву»¹⁹. Открывая 22 ноября 1926 г. VII расширенный пленум ИККИ, Бухарин наряду с «великим китайским народом» приветствовал «рабочих и крестьян Индонезии... которые также ведут кровавую борьбу с капиталом». Семаун повторил слова о том, что «на Яве вспыхнуло восстание, развернувшееся в настоящую гражданскую войну»²⁰. И Бухарин, и Мануильский назвали индонезийское восстание следствием китайской революции, что стало навязчивой темой пленума²¹. Единственным диссонансом была реакция Коммунистической партии Нидерландов. Позже отмечали, что восстание произвело на голландских рабочих «лишь весьма слабое впечатление». Партия не сумела широко разъяснить его «историческое значение», организовать протесты или активно выступить против «мелкобуржуазных предубеждений в колониальном вопросе»²². На VII пленуме ИККИ Шмераль, говоря от имени Секретариата Коминтерна, обвинил голландскую партию в том, что она вместе с социал-демократами поддержала предложение о создании следственной комиссии, выступала не за независимость Индонезии, а за такое же «самоуп-

равление», которое планировалось англичанами для Индии, а также в том, что партия отвергла восстание как дело рук провокаторов. Делегат Голландии, Де-Виссер, сделал слабую попытку оправдаться и заявил, что партия уже исправила свои ошибки²³. В основной резолюции пленума Индонезия дважды указывалась в числе других колониальных стран, охваченных революцией и гражданской войной, но больше не упоминалась нигде²⁴.

Полный разгром восстания прервал дискуссию. Индонезийские события не казались в Москве столь важными, и никто не проявлял желания исследовать более глубокие причины поражения. Первой реакцией еще во время работы VII пленума ИККИ явилось направление Семауна в Нидерланды для заключения соглашения с Хаттой, президентом «Перхимпунан Индонезия», организации преимущественно националистического, а не коммунистического, толка проживающих в Нидерландах индонезийцев. 6 декабря 1926 г. было подписано соглашение, в котором КПИ обещала поддержать организацию «Перхимпунан Индонезия» в ее борьбе за национальную независимость²⁵. Хатта выразил свою признательность, выступив в феврале 1927 г. с длинной речью на брюссельском конгрессе Лиги против империализма, и внес проект резолюции, содержавшей три основных требования: отказ от политики арестов и казней, проводимой после недавнего восстания; «подготовка индонезийского населения к полному самоопределению и национальной независимости»; поддержка китайской революции, «которая осуществляется партией гоминьдан»²⁶. В результате в июне 1927 г. в Индонезии сформировалась Национальная партия, движущей силой которой стал молодой инженер Сукарно²⁷ и которую можно было бы себе представить как индонезийский гоминьдан. Партия имела некоторый успех и стала новым пунктом сосредоточения индонезийских недовольных. Коммунисты не играли в ней большой роли.

Между тем возвращавшихся из Москвы Алимина и Муссо в декабре 1926 г.²⁸ в Джохоре перехватили английские власти и привезли в Сингапур. Продержав в течение некоторого времени под арестом, их освободили с условием, что они не останутся на территории колонии, после чего оба выехали в Китай, где Алимин присутствовал на Тихоокеанской профсоюзной конференции, состоявшейся в Ханькоу в мае 1927 г.²⁹ Из Китая они вернулись в Москву, поступили в школу им. Ленина и, по-видимому, не занимались никакой другой политической деятельностью³⁰. Реакция Москвы на индонезийскую катастрофу была удивительно мягкой. В журнале Профинтерна Семаун объяснил ее лишь организационными недостатками³¹. Дарсано в большой статье, опубликованной в журнале Коминтерна под псевдонимом Самин, проявил больше амбиций. Он заявил, что ситуация в Индонезии была и осталась революционной, сравнимой с периодом восстания 1905 года в России. Но он не забыл и китайский прецедент и поэтому заключил следующими словами: «Первым этапом револю-

ции в Индонезии, как и в Китае, явится свержение империализма»³². Осенью 1927 г. Дарсано опубликовал еще одну статью под обещающим названием «Накануне новых бурь в Индонезии», в которой он утверждал, что КПИ «пользуется большим доверием со стороны широких масс и почти всех слоев туземного населения». Однако выдвинутая им программа была националистической. Она, в частности, включала следующие положения: «1. Концентрация и мобилизация пролетарских и национально-революционных сил. 2. Свержение господства голландского империализма»³³.

В это самое время стали проявляться первые признаки поворота Коминтерна влево, и когда в ноябре 1927 г. ИККИ выпустил новое официальное заявление по Индонезии, в нем отразился (в смене акцентов) факт постепенного перехода в Китае от политики поддержки левого гоминьдана к политике независимого рабоче-крестьянского движения. В результате «очень основательного изучения уроков индонезийского восстания» неудачу стали рассматривать как составную часть «всемирной борьбы между капиталом и трудом». Промахом восстания являлось якобы не только отсутствие организационной подготовки, но и то, что оно «осуществлялось под общим лозунгом борьбы с голландским империализмом, без конкретных политических и экономических лозунгов, которые смогли бы мобилизовать массы». После восстановления партии надлежало стремиться «возродить профсоюзы и бороться за их легализацию», создавая таким путем массовую рабочую партию. В заявлении критиковалась Социал-демократическая партия Нидерландов — «личная охрана голландских работодателей», а Национальная партия Индонезии не упоминалась вообще³⁴. Косвенные данные наводят на мысль, что такая перемена могла способствовать возобновлению благосклонного отношения к более радикально настроенным Алимину и Муссо за счет более националистически мыслящих Семауна и Дарсано. Заключенное год назад Семауном и Хаттой соглашение было аннулировано³⁵. Статья Муссо «Реакционная роль социал-демократии в Индонезии» заканчивалась утверждением, что в Индонезии существует «большое количество коммунистов, которые работают нелегально, но чье влияние по-прежнему доминирует среди рабочих и крестьян»³⁶. Исполнительное бюро Профинтерна в своем отчете IV конгрессу в марте 1928 г. проявило больше снисходительности к смелой инициативе КПИ, организовавшей закончившееся неудачей восстание³⁷, и Алимину, участвовавший в конгрессе в качестве делегата от Индонезии, говорил там уверенным тоном. По его словам, с 1924 г. КПИ удалось «монополизировать все революционное профдвижение и подчинить своему руководству даже некоторые реформистские организации». Алимину заявил, что «в настоящее время все классы населения Индонезии выступают единым революционным фронтом» и что «влияние рево-

люционного движения распространяется на все классы населения»³⁸.

Прошедший в июле 1928 г. VI конгресс Коминтерна проявил большую сдержанность. Единственным упоминанием об Индонезии в основном докладе Бухарина явилось его туманное заверение, что революционное движение «собирает новые силы и перевооружает своих борцов по китайскому примеру»³⁹. На конгрессе присутствовали с правом решающего голоса три индонезийских делегата — Муссо, Алимин и Дарсано, — которые выступали под псевдонимами Мановар, Пади и Самин. Семаун являлся одним из трех делегатов с совещательным голосом⁴⁰. В прениях по докладу Бухарина Алимин в порядке частичного оправдания восстания 1926 г. сказал: «Мы работали без какого бы то ни было руководства со стороны Коммунистического Интернационала, так что ошибки были неизбежны». Затем он неодобрительно заметил, что Коминтерн не реагировал в течение двух месяцев, в которые длилось восстание⁴¹. Во время дебатов по программе произошел нежелательный инцидент. Один из индонезийских делегатов с совещательным голосом, занесенный в список под фамилией Альфонсо (вероятно, из студентов, связанных с молодежным движением), раскритиковал содержащееся в программе условное одобрение «временных соглашений с национально-революционной буржуазией». Он назвал это «копportunистической» программой, достойной таких меньшевиков, как Мартынов, Зиновьев и Каменев, и заявил, что Советы следуют формировать «не только для завоевания власти, но во всякой борьбе рабочего класса с капитализмом». Остальные пять членов индонезийской делегации сразу же отмежевались от этих скоропалительных предложений. В ответной речи Бухарин коротко упрекнул Альфонсо за то, что он назвал разработанную Лениным политику меньшевистской, и разъяснил, что были периоды (но не текущий период), когда было правильным идти вместе с национально-революционной буржуазией⁴².

Основная возможность для обсуждения индонезийских дел представилась во время дебатов на конгрессе о положении в колониальных и полуколониальных странах. Дебаты открылись выступлением Куусинена⁴³. Дарсано оказался одним из трех делегатов, удостоенных чести быть приглашенными выступить с содокладами по своим странам. Он начал с пространного сообщения о социальных и экономических условиях в Индонезии и истории партии; говорил о том, что КПИ имела «очень слабую связь с Коминтерном и с другими братскими партиями» и объяснил поражение 1926 г. недостатками планирования, организации и координации. Дарсано критиковал «ультралевые тенденции», под влиянием которых партия в декабре 1924 г. приняла решение об организации восстания и особенно требование о «немедленном создании советской республики в Индонезии». Он не поддерживал политику сотрудничества с туземной буржуазией, которая

«либо совсем отсутствует, либо крайне слаба». И тем не менее, по его словам, коммунисты обязаны работать в существующих национальных организациях, чтобы поддерживать контакт с массами. Следовало также воссоздать легальную, формально некоммунистическую, партийную организацию по образу распушенной Сарекат райат. Свое выступление Дарсано закончил довольно неубедительно, пожаловавшись, что «мы в Индонезии никогда не были сильны в теории»⁴⁴. Муссо уверял, что социал-демократы «всецело переходят на сторону господствующего класса», что «влияние коммунистической партии среди масс является господствующим». Но и он не смог преодолеть равнодушия конгресса к индонезийскому вопросу⁴⁵. В посвященном Индонезии абзаце длинной резолюции конгресса по колониальным и полуколониальным странам голландский империализм был изображен как придаток американского и английского империализма, выполняющий функции «жандарма и палача». Правительство, говорилось в ней, «разгромило коммунистическую партию», истребило или заточило в тюрьму тысячи лучших борцов за дело пролетариата и крестьянства. Возникшая в результате дезорганизация требовала «новых методов работы». Но и конгресс не предложил ничего нового. Коммунистам опять рекомендовали работать в массовых национальных организациях, в которых им надлежало «образовывать фракции и сплачивать вокруг себя национально-революционные элементы». Единственной уступкой существующей моде было требование «решительной борьбы против голландских социал-демократов»⁴⁶.

В течение следующего года единственным представителем Индонезии в Коминтерне был как будто Муссо, который только и старался выполнить желания своих хозяев. В одной из статей в апреле 1929 г. он описывал растущую в Индонезии напряженность в отношениях между Национальной партией и социал-демократами и даже с сочувствием упоминал уже практически исчезнувшую Сарекат ислам; критиковал брюссельский съезд II Интернационала, прошедший в 1928 г., который высказался лишь за независимость Индонезии под протекторатом Нидерландов; осудил нападки социал-демократов на Антиимпериалистическую лигу. В другой статье Муссо дал волю соблазнительным мечтам относительно оживления коммунистической деятельности и революционных профсоюзов в Индонезии⁴⁷. На X пленуме ИККИ Муссо, следуя уже обязательной линии, осудил индонезийских социал-демократов, вставших якобы на путь «социал-фашизма». Он пояснил, что социал-демократы и голландские власти учли ту роль, которую сыграла в Китае и Индии национальная буржуазия (в Индонезии имела лишь ее «тонкая прослойка»), и теперь заигрывают с Национальной партией Индонезии. Муссо, однако, признал, что ничего не может рассказать о коммунистической деятельности, так как «мы не имеем прямой связи с Индонезией»⁴⁸. Из других выступавших только Куусинен коснулся данной темы.

Большие надежды он возложил на Национальную партию и сослался на сообщения о том, что Сукарно не только образовал профсоюзы, но создает «единый фронт» с независимыми профсоюзами. Но его заключительное предложение «предпринять наконец какие-либо конкретные меры по отношению к Индонезии» * оказалось более, чем когда бы то ни было раньше, лишенным вполне определенного содержания⁴⁹. Становилось все очевиднее, что поражение восстания 1926 г. фактически привело к уничтожению КПИ и что всякий действенный контакт между Индонезией и Коминтерном нарушен на длительное время. Здесь, как и повсюду в Азии, неудачи сопутствовали Коминтерну.

* Автор ошибочно приписал эти высказывания Куусинену. Они принадлежат Муссо. — *Прим. ред.*

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Ни интересы, ни идеология не связывали русских революционеров с Латинской Америкой, где зачаточное левое движение испытало более заметное влияние испанского анархизма, чем марксизма. В опубликованных произведениях Ленина Латинская Америка упомянута лишь в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», в которой он ссылается на следующее высказывание одного немецкого экономиста: «Южная Америка, а особенно Аргентина, находится в такой финансовой зависимости от Лондона, что ее следует назвать почти что английской торговой колонией»¹. Мексика была одной из латиноамериканских стран, которая менее десяти лет тому назад осуществила широкую революцию. Однако скорее случайное географическое соседство с Соединенными Штатами, чем революционный опыт обусловили первые контакты Мексики с Москвой. Первая коммунистическая (сначала называвшаяся «социалистической») партия в Латинской Америке была основана в 1919 г. в Мексике совместными усилиями индийского националиста Роя, эмиссара российской партии или Коминтерна Бородина (оба очутились в Мексике из-за трудностей с паспортами) и группой левых интеллигентов из Нью-Йорка². Бородина радушно принял мексиканский президент Карранса, постоянно искавший возможных союзников против покровительства Соединенных Штатов. Поэтому нарождающаяся Мексиканская партия, будучи удобным связующим звеном с Москвой, в определенной мере пользовалась снисходительным к себе отношением³. Рой и Филиппс (американец, который занимался формированием партии и использовал различные английские и испанские вымышленные имена) появились на II конгрессе Коминтерна в июне 1920 г. в качестве делегатов Мексиканской партии. Оба на склоне лет вспоминали беседы с Лениным во время конгресса, который выразил мнение, что «пройдет много времени прежде чем революция сможет победить в Новом Свете», поинтересовался, существует ли «сильное движение против Соединенных Штатов» и «крестьянская база движения в Мексике». Ему также «хотелось знать о наличии туземного движения, представляющего интересы индейцев»⁴. На самом конгрессе один из американских делегатов по фамилии Фрэн связал борьбу пролетариата

Соединенных Штатов со стремлением к национальному освобождению в Латинской Америке и предсказывал «гигантское движение, охватывающее всю Америку»⁵. Однако эти благостные пожелания были слишком далеки от существующих реальностей, чтобы привлечь достаточно внимания.

В течение последующих нескольких лет советские усилия в Латинской Америке были направлены главным образом на Мексику: Каррансу скоро свергли, и в конце декабря 1920 г. президентом стал Обрегон. Он относился к коммунистам менее благосклонно, и когда в 1921 г. в страну вернулся Филиппс, чтобы вместе с Фрэнком и Катаемой из Секретариата Коминтерна организовать партию и создать в Мексике «панамериканский секретариат Коминтерна», то их усилия дали незначительные результаты⁶. Не только в количественном, но и в отношении своих революционных качеств Мексиканская партия оставляла желать лучшего. Видный американский коммунист Вульф, который в 1923 г. участвовал в работе ее III съезда и был избран в ее Центральный комитет, сообщал, что активными руководителями партии являлись знаменитые художники-авангардисты Диего Ривера и Сикейрос и что, за исключением самого автора, ни один член ЦК, «по-видимому, не имел ни малейшего представления об экономических и политических реальностях страны, и не интересовался ими»⁷. Вульф, который представлял Мексиканскую партию на V конгрессе Коминтерна в июне 1924 г., мало что мог предпринять, дабы убедить вежливую, но равнодушную аудиторию в необходимости «организовать оппозицию американскому империализму, охватывающую весь американский континент». Он пояснил, что мексиканские коммунисты в индивидуальном порядке вступают в новую крестьянскую партию и создают в ней ячейки⁸. В конце года Обрегон после истечения четырехлетнего срока оставил президентский пост, и теперь предстояло сделать выбор между его личным кандидатом Кальесом и ставленником правого крыла генералом Уэртой, который, как говорили, пользовался поддержкой американцев и англичан. Партия колебалась, но затем, очевидно, по наущению Вульфа, выступила на стороне Кальеса⁹. Однако этот жест не получил одобрения Коминтерна, который дал партии указание «разрушить среди широких масс иллюзии» относительно правительства Кальеса. Политика правительства якобы определенно покажет рабочим и крестьянам, что нужно выбирать между диктатурой пролетариата под лозунгом «Вся власть рабочим и крестьянам» и диктатурой буржуазии¹⁰.

1924 год был отмечен еще одним советским достижением в Мексике. 15 октября 1923 г. мексиканский представитель в Берлине, согласно инструкциям Обрегона, предложил советскому полпреду Крестинскому обменяться торговыми делегациями двух стран и дал понять, что из этого могут развиваться дипломатические отношения. В своем ответе Советское правительство назвало предложение «недостаточным». Оно не настаивало на заключе-

нии «торжественного договора о признании де-юре», но считало целесообразным взаимное уведомление о том, что «не существует более препятствий к возобновлению дипломатических отношений»¹¹. После долгих колебаний мексиканское правительство 3 июня 1924 г. выразило готовность восстановить отношения с Советским Союзом и обменяться посланниками на основе взаимного де-юре признания, но отказалось подписать какой-либо официальный протокол. Данную предосторожность советские представители отнесли за счет «опасения нажима со стороны Соединенных Штатов»¹². Других препятствий, однако, не было, и 7 ноября 1924 г. Пестковский вручил свои верительные грамоты первого советского посланника в Мексике¹³. Чичерин, окрыленный дипломатическим успехом, в интервью корреспонденту аргентинской газеты заявил, что Советский Союз будет приветствовать возобновление отношений с Аргентиной и с любой другой южноамериканской страной¹⁴. В своей речи на заседании ЦИК в марте 1925 г. Чичерин превозносил этот успех прямо-таки с недипломатической откровенностью, пояснив, что отношения с соседом Соединенных Штатов обеспечат «весьма удобную политическую базу в Америке для развития наших дальнейших контактов»¹⁵.

Другим источником затруднений явился и вопрос о профсоюзах. Мексиканская конфедерация труда (КРОМ), якобы насчитывавшая 600 тыс. членов (большинство из них, по словам Лозовского, «сельскохозяйственные рабочие и крестьяне»), через Пан-американскую федерацию труда (КОПА) была связана с АФТ Соединенных Штатов. Конечно, имелись также и независимые профсоюзы, не входящие в КРОМ, например, железнодорожников, нефтяников, горняков, а также несколько местных союзов¹⁶. Филиппс сообщил, что, будто бы находясь в Мексике в 1921 г., он в противовес КРОМ основал Всеобщую конфедерацию рабочих, которая хотела бы присоединиться к Профинтерну¹⁷. Однако существование ее было коротким. Поддержка со стороны Мексиканской партии оказалась довольно слабой. Как отметил Лозовский, «некоторые товарищи думают, что нельзя, с точки зрения борьбы за единство, создавать новый центр, поскольку уже существует Конфедерация Труда»¹⁸. Но профсоюз мексиканских железнодорожников, по-видимому, получал от Профинтерна субсидии, несомненно, направляемые через дипломатическое представительство Пестковского. В марте 1926 г. КРОМ выразила Пестковскому официальный протест против «моральной и материальной поддержки», оказываемой «так называемым коммунистическим радикальным группам, врагам Конфедерации Труда Мексики и мексиканского правительства»¹⁹. В одной из статей коминтерновского журнала отразилась проблема, связанная с позицией, которую предстояло занять по отношению к режиму Кальеса. Ранее его хвалили как «революционного националиста», выступавшего «против империализма Соединенных Штатов и против католических латифундистов». По мнению Коминтерна, откажись он от по-

пытках запретить профсоюз железнодорожников и воздержаться от нападков на коммунистов, то «единый фронт» был бы возможен²⁰. В резолюции VII пленума ИККИ в ноябре 1926 г. со всей твердостью говорилось:

«Центральное место в тактике партии должна занимать борьба за независимость Мексики от американского империализма. Коммунисты должны поддержать мелкобуржуазное революционное движение, но наряду с этим, организуя трудящиеся массы, препятствуя разоружению беднейшего крестьянства, активно противодействовать грозящей капитуляции мелкобуржуазного правительства перед американским империализмом»²¹.

В советской политике по отношению к Мексике продолжало преобладать стремление к примирению. Возможно, из-за трудностей с профсоюзами Пестковского осенью 1926 г. отозвали, и ему на смену приехала Коллонтай, которая вручила свои верительные грамоты 24 декабря 1926 г., а через месяц сообщила об «очень дружественной» беседе с президентом Кальесом. В этой беседе она критиковала недавние голословные заявления государственного секретаря США Келлога относительно большевистской деятельности в Мексике и Латинской Америке, а Кальес говорил о том, что есть «много точек соприкосновения в борьбе с империалистическими тенденциями капиталистических держав». Щекотливую тему профсоюзов слегка подретушировали с помощью взаимных заверений в том, что «многие моменты обоюдного отчуждения и даже враждебности сгладятся»²². В 20-е годы Мексика была единственной латиноамериканской страной, с которой Советский Союз поддерживал дипломатические отношения, так что находящийся здесь полпред нес общую и детально не очерченную ответственность за латиноамериканские дела²³. Однако переговоры о советско-мексиканском торговом договоре шли с перерывами без всяких результатов в течение нескольких лет. Причина неудачи была якобы связана с трудностями взаимного приспособления двух противоположных систем²⁴.

В остальной части Латинской Америки советское влияние распространялось медленно. В Аргентине в 1918 г. была основана социалистическая партия, состоявшая из 700 членов, которую в 1920 г. приняли в Коминтерн²⁵. На V конгрессе Коминтерна в июне 1924 г. аргентинскую партию представлял ее руководитель Хосе Пенелон. Его избрали членом ИККИ²⁶, поручив создать в Буэнос-Айресе южноамериканский секретариат Коминтерна. Датой основания секретариата можно считать 15 апреля 1926 г.²⁷, когда был опубликован первый номер его журнала «Корреспонденция Судамерикана». Какое-то время аргентинская партия следовала примиренческой тактике, что позволило ей недолго работать в условиях легальности или терпимости и даже добиться некоторого успеха на выборах в местные органы власти²⁸. Однако такой курс привел к возникновению диссидентской ультралевой

группы, именовавшей себя «Коммунистическая партия рабочих» и широко известной по названию своего журнала «Ла чиспе» («Искра»). 26 мая 1926 г. ИККИ направил социалистической партии телеграмму, в которой сообщал о том, что высылает ей письмо с одобрением большевизации партии и осуждением «Коммунистической партии рабочих». Письмо, подписанное Эрколи, 15 июля 1926 г. опубликовали в «Корреспонденсия Судамерикана», а 30 ноября того же года журнал напечатал еще одно заявление Коминтерна с критикой группы диссидентов, чьи заверения в «дружбе с Советским Союзом и Коминтерном» якобы являлись лишь «ширмой, призванной скрыть контрреволюционные замыслы»²⁹. Такая линия соответствовала тактике «единого фронта» и отражала преобладавшее в Коминтерне недоверие к ультралевым. Бразильская партия была создана в 1922 г. горсткой интеллигентов и рабочих, ранее активных анархо-синдикалистов. Они согласились с 21 условием вступления в Коминтерн и приняли Устав, который скопировали с аргентинского варианта. Но эта партия оставалась на нелегальном положении, являлась объектом постоянных полицейских репрессий и не могла поддерживать регулярную связь с Москвой³⁰.

Однако главные советские интересы в Аргентине и Бразилии были скорее экономического, чем политического характера. Торговые отношения между Советским Союзом и странами Латинской Америки, которые в течение нескольких лет после революции были незначительными, начиная с 1924 г. поддерживались через проживающего в Буэнос-Айресе представителя недавно образованной в Нью-Йорке компании Амторг³¹. В результате (как полагали в Москве) английского давления Аргентина упорно отказывала Советскому правительству в дипломатическом признании³². Но в декабре 1927 г. она согласилась на создание в Буэнос-Айресе отдельного советского торгового представительства в виде акционерного общества с ограниченной ответственностью под названием «Южамторг», управляющим которого назначили Краевского³³. С Уругваем взаимное официальное признание произошло в августе 1926 г. путем обмена нотами. Однако в течение более чем двух лет установить дипломатические или торговые отношения попыток не делалось³⁴.

В Перу сложилась весьма своеобразная ситуация. На встрече в Мехико 7 мая 1924 г. перуанский интеллигент Айя де ла Торре объявил о создании Американского народно-революционного альянса (АПРА). Выдвинутая им программа, хотя и революционная по латиноамериканским меркам, была по существу националистической. Главными пунктами программы являлись: сопротивление «империализму янки»; политическое единство Латинской Америки; национализация земли и промышленности; интернационализация Панамского канала; солидарность со всеми угнетенными народами и классами³⁵. Альянс претендовал на роль движения всех классов. Но его националистическая ориентация на туземную

буржуазию ограничивала его возможности поддерживать требования рабочих. Частые сравнения АПРА с гоминьданом Чан Кайши, которые позволяли себе советские комментаторы, были не далеки от истины. Организация была задумана не как политическая партия, а как движение, имеющее сторонников во всей Латинской Америке. Вместе с тем штаб-квартира и главная сила АПРА находились в Перу. Воодушевленный успехом начатого дела, Айя де ла Торре посетил Москву в период работы V конгресса Коминтерна в июне 1924 г., вероятно, рассчитывая заручиться поддержкой для своего дела, и встретился с Чичериным, Троцким, Фрунзе и Луначарским. Но на него не произвели впечатления ни их осведомленность, ни заинтересованность в проблемах Латинской Америки³⁶. Визит результатов не дал.

Коммунистическая партия в Перу не существовала, а АПРА между тем развивалась и процветала на антиимпериалистической платформе. Одним из ее активных сторонников был молодой человек по фамилии Мариатеги, который, прожив четыре года в Италии и Западной Европе, проникся коммунистическими идеями и являлся, вероятно, самым образованным марксистом в Латинской Америке. Возвратившись в 1923 г. в Перу, он сделал попытку организовать рабочих, в большинстве своем индейцев, работавших в примитивных условиях на фабриках и в шахтах. Пока что его взгляды и действия вписывались в широкие эклектические рамки АПРА. В 1926 г. он основал в Лиме журнал «Аманта», в котором сотрудничали видные деятели АПРА, но который через несколько месяцев власти закрыли³⁷. Эти события, по-видимому, почти не привлекли внимания Москвы.

Но начиная с 1927 г. она стала более последовательно интересоваться делами Латинской Америки. К этому времени социалистические или коммунистические партии многих латиноамериканских стран уже вступили в Коминтерн: Мексика и Аргентина — в 1920; Уругвай и Чили — в 1922; Бразилия и Центральная Америка (Гватемала, Сальвадор и Никарагуа) — в 1923; Колумбия — в 1924; Куба и Парагвай — в 1926; Эквадор, Перу, Боливия и Венесуэла — в 1927 г.³⁸ Большинство из них представляли собой небольшие, не имевшие существенного значения группы, слабо поддерживавшие отношения с Москвой³⁹. Самыми большими были: аргентинская партия — 2 тыс. членов, из которых 900 проживало в Буэнос-Айресе; бразильская — 1200 членов, из которых 98% были якобы рабочие (70% туземных и 30% иммигрантов); мексиканская — в 1 тыс. человек, в 1927 г. удвоившая число своих членов, и уругвайская — 700 членов⁴⁰.

Вред, вызванный проникновением Соединенных Штатов в Латинскую Америку, пробудил в Москве растущий интерес к региону. В начале 1926 г. Коминтерн широко разрекламировал обращение Всеамериканской антиимпериалистической лиги, подписанное несколькими латиноамериканскими коммунистами и радикалами⁴¹. В резолюции по вопросу о Коммунистической партии

США в феврале 1926 г. VI пленум ИККИ обращал ее внимание «на то значение, какое ныне получает рабочее движение (и движение за независимость) в государствах Южной Америки», и поручил «выделить серьезную группу работников, которая, по соглашению с президиумом Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, должна принять участие в постоянной работе в Южной Америке»⁴². Однако резолюция осталась невыполненной и попытки возложить руководство работой в Латинской Америке на Коммунистическую партию США больше не повторялись. На VII пленуме ИККИ в ноябре 1926 г. Кодовилья, аргентинец итальянского происхождения, работавший в то время в Коминтерне, говорил о подъеме американского империализма, который оказался «более гибким, хитрым и умелым», чем империализм английский⁴³. Но и он не смог пробудить интерес равнодушной аудитории, занятой другими вопросами.

Через несколько недель шок от вмешательства Соединенных Штатов в дела Никарагуа пробил корку безразличия и вызвал всплеск справедливых негодований у критиков империализма. В конце 1927 г. ИККИ громко протестовал против оккупации Никарагуа американскими войсками, которую государственный секретарь назвал («под градом насмешек во всем мире») необходимой для спасения цивилизации от большевизма и III Интернационала⁴⁴. К созыву антиимпериалистического конгресса в Брюсселе побудили главным образом события в Азии⁴⁵. Но в какой-то мере благодаря совпадению по времени с событиями в Никарагуа, он сыграл важную роль для движения в Латинской Америке. Неожиданно в его кассу сделал солидный взнос мексиканский президент Кальес⁴⁶. По поручению большой группы латиноамериканских делегатов на конгрессе выступил бывший мексиканский министр Васконцельос и были приняты две декларации с протестом против империалистической политики Соединенных Штатов⁴⁷. На конгрессе присутствовал, но не выступал, перуанец Айя де ла Торре, основатель АПРА⁴⁸. Он уже некоторое время находился в Европе⁴⁹ и, по всей видимости, имел какие-то контакты с Лозовским, возможно, еще начиная с московской встречи в 1924 г. Лозовский, получив к этому времени информацию о том, что Айя де ла Торре является сторонником политики союза с Японией (с помощью которой, он рассчитывал, будет обуздан американский империализм), написал ему, что подобная уловка не имеет ничего общего с революционной тактикой и обернется роковыми последствиями для тех, кто к ней прибегает. На утверждение Лозовского, что только общий с рабочими Северной Америки фронт в состоянии противостоять угрозе империализма, Айя де ла Торре в мае 1927 г. в письме возразил, что американские рабочие полны империалистических предрассудков и что помочь в борьбе с империализмом могли бы только буржуазные либералы, подобные Бора, — этот взгляд Лозовский высмеял⁵⁰.

Разрыв Англией в мае 1927 г. отношений с Советским Союзом дал толчок попытке сделать главным объектом антиимпериалистической кампании вместо Соединенных Штатов Великобританию. Южноамериканский секретариат в Буэнос-Айресе выпустил обращение, призывая к «всеобщей стачке против контрреволюционной войны», а его журнал «Корреспонденсия Судамерикана» 15 июня 1927 г. опубликовал статью, которая заканчивалась лозунгом «Ни зерна, ни мяса империалистическим бандитам!»⁵¹. Эти действия, поощряемые, по-видимому, Москвой, привели к расколу в аргентинской партии. Против них выступили Пенелон и часть рабочих — членов партии, чье существование прямо или косвенно зависело от торговли с Великобританией. К этому времени безграничный энтузиазм в пользу «единого фронта» в Москве побуждался, и стали слышны призывы к более непосредственным революционным действиям. Осторожная тактика Пенелона в поддержку повседневных экономических требований рабочих стала казаться компромиссной и малодушной, и «ультралевая» партийная группа объявила его реформистом. Пенелон добился исключения данной группы. Но в этот момент баланс сил сложился не в его пользу. Пенелона сместили с поста секретаря и в конце концов исключили из партии. «Корреспонденсия Судамерикана» перестала издаваться 15 сентября 1927 г.⁵² Вместо Пенелона на пост главы южноамериканского секретариата назначили Кодовилью. Однако взбаламучена была вся организация. «Корреспонденсия Судамерикана» начала вновь выходить лишь 1 августа 1928 г. Она осудила «единоличную организацию» Пенелона и объявила о реорганизации южноамериканского секретариата под «коллективным руководством».

Первую серьезную попытку создать всеохватывающую организацию по Латинской Америке предпринял Профинтерн в Москве в конце 1927 г. Здесь движущей силой был Лозовский, только что переживший разочарование в Китае. Впоследствии он утверждал, что «открыл Латинскую Америку примерно в год 10-летия Октябрьской революции»⁵³. Перспективы были многообещающими и, некоторым образом, непривычными. Повсюду в Латинской Америке преобладали ремесленники, работавшие самостоятельно или в небольших кустарных мастерских; индустриальные рабочие встречались только в Аргентине, Мексике и Чили, да и то в малых количествах. Номинально профессиональные союзы существовали в большинстве стран, однако, по своему характеру, они были местными, изолированными и разобщенными. Соотношение организованных и неорганизованных рабочих, по оптимистическим оценкам, варьировалось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{10}$, и коммунистов можно было обнаружить главным образом в небольших союзах, насчитывавших не более 100 человек. Между 1925 и 1927 гг. количество сторонников Профинтерна в Латинской Америке будто бы увеличилось на 56%⁵⁴. Но абсолютное число, вероятно, было небольшим.

Отдельные попытки установить контакты с латиноамериканскими профсоюзами предпринимались и организациями США, в первую очередь АФТ, которая поддерживала Панамериканскую конфедерацию труда (КОПА), и ИРМ. Некоторые значительные аргентинские профсоюзы, как исключение, входили в МФП (Амстердамский Интернационал) ⁵⁵.

Приезд в Москву в связи с 10-й годовщиной Октябрьской революции многочисленных делегатов Латинской Америки открыл возможности для действия. 15 ноября 1927 г. Исполнительное Бюро Профинтерна организовало дискуссии с латиноамериканскими делегатами, а 11 декабря была подписана и опубликована от имени делегатов «классовых союзов» Аргентины, Бразилии, Колумбии, Кубы, Мексики, Уругвая, Чили и Эквадора резолюция, в которой шла речь о необходимости «сплотить все профсоюзные классовые организации для борьбы с американским империализмом, с империалистической Панамериканской конфедерацией труда, против наступления национальной буржуазии». Говорилось также о решении провести во второй половине 1928 г. в Монтевидео конгресс профсоюзов Латинской Америки с целью создания латиноамериканского секретариата профсоюзов ⁵⁶. Полномочия некоторых делегатов вызывали сомнения, и, возможно, было нелегко сохранить в Латинской Америке тот энтузиазм, который зародился в Москве. Между тем в Гаване с 16 января по 20 февраля 1928 г. прошла широко разрекламированная Панамериканская конференция, на которой присутствовали делегаты из 21 страны. Удостоенная присутствия самого президента Кулиджа, прибывшего на американском боевом корабле, она ознаменовала собой следующий этап в экспансионистской экономической политике Соединенных Штатов ⁵⁷, в которой была готова участвовать и КОПА. С этого времени Латинская Америка стала привлекать все более пристальное внимание как Коминтерна, так и Советского правительства. По словам бразильского делегата на VI конгрессе Коминтерна, сказанным в июле 1928 г., Латинская Америка является «тылом самого мощного империализма, самой мощной в мире буржуазии» ⁵⁸.

IV конгресс Профинтерна, состоявшийся в марте 1928 г., обеспечил еще одну возможность для продвижения советских инициатив. В основном докладе Лозовский приветствовал рабочее движение в Латинской Америке как «силу, которая может повести действительную борьбу против американского империализма», и заявил, что Профинтерн «вовлек в свои ряды рабочее движение Чили, Колумбии, отдельные организации других стран». Он намеревался к концу работы конгресса созвать специальную конференцию, чтобы создать временную организацию, которая объединила бы латиноамериканских рабочих ⁵⁹. Мартинес, представлявший Латинскую Америку в целом, критиковал КОПА как инструмент империалистов и высказал мнение, что никарагуанские события выявили «агентов американского империализма» в профсоюзном

движении. Филиппс (он же Гомес), якобы выступавший по поручению 20 латиноамериканских делегатов, сказал, что Латинская Америка — «широкое поле деятельности для организации и привлечения новых сил в Профинтерн», поскольку ее угнетали и эксплуатировали собственная национальная буржуазия и североамериканский империализм. Требовалась более совершенная организация, и поэтому он приветствовал идею нового секретариата⁶⁰. Делегаты Кубы, Мексики и Чили также внесли свою долю в дебаты и в критику американского империализма⁶¹. Группа латиноамериканских делегатов продемонстрировала свою безупречную лояльность, участвуя в опровержении нападок Нина на советские профсоюзы⁶². Никогда прежде представители Латинской Америки не были столь заметны на каком-то форуме в Москве. Главная резолюция осуждала КОПА как инструмент американского империализма и призывала к созданию связанной с Профинтерном федерации, объединяющей все латиноамериканские профсоюзные движения. Последовавшая за конгрессом V Сессия Центрального Совета Профинтерна поручила Исполнительному Бюро создать комиссию по организации латиноамериканской профсоюзной федерации и обеспечить участие в запланированной профсоюзной конференции стран Латинской Америки представителей Англии, Соединенных Штатов и стран Дальнего Востока⁶³. Объявленная Лозовским «специальная конференция» собралась 7 апреля 1928 г. На ней выступил Лозовский и несколько делегатов Латинской Америки по вопросам профсоюзов и борьбы рабочих и крестьян с империализмом⁶⁴. Конференция создала комитет, который выпустил новый журнал «Лэтинамерикэн уоркер»; она содействовала организации в нескольких странах революционных профсоюзов и начала совместную кампанию протеста против пограничной войны, развернувшейся между Бразилией и Парагваем⁶⁵. Конференция также рекомендовала латиноамериканским профсоюзам присоединиться к Тихоокеанскому секретариату профсоюзов⁶⁶.

Один эпизод, имевший место после конгресса Профинтерна, проиллюстрировал размах революционной деятельности в Латинской Америке и возрастающее участие в ней Коминтерна и Профинтерна. В конце 1927 г. обострились разногласия в АПРА между Айя де ла Торре и последователями Мариатеги. Последний сформировал группу в рамках АПРА, которая считала, что борьба с империализмом неотделима от борьбы за социализм, и нацелилась на создание широкой социалистической партии рабочих, крестьян и интеллигенции как первого шага к созданию в итоге классовой революционной партии⁶⁷. К этой группе принадлежал перуанский делегат IV конгресса Профинтерна, состоявшегося в марте 1928 г., называвший себя Раймондо, чья настоящая фамилия была Портокарреро. Он не вмешивался в дебаты, однако использовал возможность, чтобы направить в Секретариат Коминтерна запрос о целесообразности создания перуанской коммуни-

стической партии и об отношении такой партии к АПРА. Латинский секретариат дал пространный ответ. «Революционную борьбу рабочих и крестьянских масс с империализмом янки», — говорилось в нем, — нельзя рассматривать в изоляции. «Борьба латиноамериканских рабочих есть также равная часть обширного революционного фронта колониальных и полуколониальных народов против империализма капиталистических метрополий, часть борьбы рабочего класса и бедного крестьянства всего мира против эксплуататоров и против капиталистической системы».

АПРА якобы представляла собой «латиноамериканскую разновидность гоминьдана», в которую «людей призывали вступать независимо от классовых различий». Айя де ла Торре обвинили также в проведении «узконационалистической политики» в отношении «менее развитых рас» в Латинской Америке. Написанное им в мае 1927 г. письмо послужило в качестве доказательства того, что АПРА предпочитала контакты с «антиимпериалистической буржуазией» союзу с «революционными рабочими и крестьянами всего мира». Следовал четкий вывод: «Рабочие Перу должны создать свою собственную коммунистическую партию и национальную профсоюзную организацию, которой следует присоединиться к секретариату профсоюзов Латинской Америки и к Профинтерну». Секретариат Коминтерна был готов содействовать в решении этой задачи⁶⁸. 7 апреля 1928 г., примерно в то время, когда был отправлен ответ, Лозовский, который, вне всякого сомнения, приложил руку к его составлению, подробно рассказал специальной латиноамериканской конференции, состоявшейся после конгресса Профинтерна, о своих прежних контактах с Айя де ла Торре и еще раз подтвердил свое отрицательное отношение к политике АПРА⁶⁹.

В тот период уже шла подготовка к VI конгрессу Коминтерна, созываемому в июле 1928 г. Не избежать было на конгрессе и дискуссии по проблемам Латинской Америки. На этот раз Коминтерн, как и Профинтерн, был готов более активно вмешаться в дела латиноамериканских левых. В декабре 1927 г. журнал Коминтерна опубликовал статью швейцарского члена Секретариата Воога (он же Штирнер), в которой по многим причинам резко критиковалась Мексиканская коммунистическая партия. Она якобы «находилась под влиянием анархо-синдикалистов», недооценивала роль мелкой буржуазии в борьбе с пережитками феодализма в Мексике и с господством иностранного капитала, не работала в реформистских профсоюзах; ее «тактика единого фронта носила карикатурный характер». Статья содержала предупреждение против «заграничных товарищей», которые «переоценили последние события в Мексике» и «непроизвольно перенесли на них темпы и пропорции китайской революции»⁷⁰. Но весной 1928 г. культ «единого фронта» с мелкой буржуазией оказался в коминтерновских кругах под подозрением. Во время пребывания во

Франции Эмбера-Дро глава латинского секретариата Миниев (он же Степанов) и его подчиненный по работе в секретариате Васильев с помощью других членов секретариата подготовили более радикальные предложения, которые, очевидно, были одобрены уже находившимися в Москве представителями Латинской Америки. Вернувшийся Эмбер-Дро посчитал эти предложения неприемлемыми и заменил их собственным проектом тезисов, который, в конце концов, и был вынесен на обсуждение латиноамериканской комиссии конгресса⁷¹. Намеки на существующие трения содержались в письме Эмбера-Дро от 2 мая 1928 г. к Тольятти, в котором упоминалась «аргентинская и мексиканская резолюции» (без подробностей) в качестве примера путаницы, возникшей из-за отсутствия Бухарина. Пятницкий задержал у себя мексиканскую резолюцию на шесть месяцев, никак не решаясь отдать предпочтение какой-либо одной из двух противоположных точек зрения⁷².

В тезисах Эмбера-Дро обрисовывалась ситуация в странах Латинской Америки. Индустриализация якобы являлась результатом деятельности иностранного капитала. В Бразилии, Аргентине и Чили стала нарождаться пока немногочисленная туземная промышленная буржуазия; в других странах ее не было. Пролетариат был все еще слаб, неорганизован и не обладал классовым сознанием. Профсоюзы включали мелкобуржуазных кустарей и крестьян. Революционное движение «следовало отнести к той разновидности буржуазно-демократического движения, которое наблюдается в полуколониальных странах, где центральное место занимают аграрная и антиимпериалистическая проблемы». Однако «слабость и неревolutionный характер буржуазии» означали, что буржуазно-демократическая революция могла быть завершена только «под руководством пролетариата». В качестве вывода признавалась необходимость создания «настоящих коммунистических партий»⁷³. В «дискуссионной» статье, состоящей из двух частей и опубликованной в журнале Коминтерна, Эмбер-Дро широко прокомментировал свои тезисы. Он без обиняков отверг «мнение т. Травина (то есть Гусева)» и некоторых мексиканских и эквадорских коммунистов, что правительства, созданные в этих странах революционными движениями, являлись якобы социалистическими и что сами движения были «не чем иным, как пролетарской революцией»⁷⁴.

Эти тезисы с их упором на буржуазно-демократический характер революции и аграрную проблему явно отражали китайский опыт. Но они были слишком осторожными для более радикальных элементов, которые начали приобретать вес в Коминтерне. И знаменем времени явился тот факт, что во время работы конгресса журнал Коминтерна (в дискуссионном разделе) в том же номере, где была помещена вторая часть статьи Эмбера-Дро, опубликовал контртезисы, принадлежавшие перу Гусева, использовавшего фамилию Травин. Гусев доказывал, что во всей Латинской Америке

(за частичным исключением Мексики) национальная буржуазия была очень слабой и полностью зависела от иностранного капитала. Практически не существовало деревенской буржуазии (кулаков), крестьяне находились в положении «полукрепостных батраков». Было мало фабричного пролетариата, но других элементов городского пролетариата — предостаточно. Не применима была и концепция «буржуазно-демократической революции»; такая революция не могла бы сбросить иго иностранного империализма. В Мексике «пролетариат и крестьянство начинают понимать необходимость союза в революционной борьбе». Этим определялся и курс на будущее: «Отсутствие национальной буржуазии облегчает образование рабоче-крестьянского блока в странах Латинской Америки». Подобное движение имеет характерные черты, «совершенно не свойственные буржуазно-демократическим революциям и сближающие его с революциями социалистического типа»⁷⁵.

На конгрессе были представлены все ведущие латиноамериканские страны, большинство — впервые. Открывая заседание, Бухарин отметил, что «Южная Америка впервые широко вступает в орбиту влияния Коммунистического Интернационала»⁷⁶. В начале дебатов по основному докладу Бухарина делегаты Латинской Америки больше горели желанием продемонстрировать свое присутствие, чем предложить на обсуждение какую-либо собственную линию, а Бухарин в своем ответном слове не стал касаться «спорных вопросов»⁷⁷. По второму вопросу повестки дня — опасность войны — конгресс единодушно одобрил обращение, предложенное совместно делегациями Соединенных Штатов и Латинской Америки, содержавшее приветствие рабочим и крестьянам Никарагуа, боровшимся за национальную независимость. Обращение заканчивалось словами: «Долой разбойнический империализм Соединенных Штатов! Руки прочь от Никарагуа!» Филиппс (он же Рамирес), выступая в прениях, заявил, что все правительства Латинской Америки — будь то полуфеодалы, буржуазно-демократические или «мелкобуржуазные и прогрессивные», как в Мексике и Коста-Рике, — являются агентами американского империализма⁷⁸. Это был тот самый вопрос, по которому у латиноамериканских партий царил полное согласие как между собой, так и с руководителями Коминтерна в Москве.

Основное обсуждение латиноамериканских дел отложили до дебатов по колониальным и полуколониальным странам, которые открылись докладом Куусинена. Эмбер-Дро представил «содоклад». Объявив о «быстром увеличении сил Коммунистического Интернационала» в Латинской Америке, он сделал обзор, который вряд ли подтверждал это смелое заявление. По его словам, англо-американское соперничество позволило Аргентине, Уругваю и Чили сохранить видимость независимости. Но это нисколько не извбавляло их от *статуса полуколониальных стран Латинской Америки*. Более того, мысль, что американский империализм, в отли-

чие от английского, «поддерживает там либеральные движения против диктатуры крупных землевладельцев», была неправильной «от начала до конца». Национальная буржуазия, если она вообще существовала, была полностью связана с иностранным капиталом, как это имело место и по отношению к «классу крупных земельных собственников», и поэтому не могла играть революционной роли. И тем не менее предстоящая революция будет буржуазно-демократической, хотя «в Латинской Америке имеется налицо база для быстрого перехода от буржуазно-демократической революции к революции пролетарской». Здесь Эмбер-Дро начал полемику с Гусевым, который в закулисных дискуссиях будто бы слегка модифицировал свой первоначальный взгляд на революционное движение в Латинской Америке, но все еще считал, что «социалистические черты оттесняют на второй план черты буржуазно-демократические». Эмбер-Дро полагал, что «кардинальным вопросом» для латиноамериканских коммунистических партий является «осуществление гегемонии пролетариата в революционной борьбе». Он был противником идеи рабоче-крестьянских партий, однако призывал к созданию Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и «Федеративного союза рабочих и крестьянских республик Латинской Америки»⁷⁹.

На VI конгрессе Эмбер-Дро оказался в такой же неопределенной ситуации, как и его покровитель Бухарин. Откровенные нападки на него были исключены, однако его изречения не воспринимались более как непререкаемые. Пестковский, выступавший под фамилией Бандераса в роли представителя коммунистической фракции Крестинтерна, подал пример, возражая против «латиноамериканизма» Эмбера-Дро, который проявился в предложении последнего относительно «федерации республик». Это якобы придавало борьбе с американским империализмом националистическую окраску и, возможно, слишком напоминало панамериканизм, который являлся оружием Соединенных Штатов, используемым для установления контроля на Американских континентах⁸⁰. В ходе полемики Гусев, отвечая на критику Эмбера-Дро, подтвердил свою позицию. Он высказался против сравнения с такими странами, как Китай и Индия, в которых имелаась национальная буржуазия. В Латинской Америке, заметил Гусев, иностранные капиталисты — единственные, имеющие значение, — рассматривались массами не только как «национальные враги», но и как «непосредственные классовые враги». Это якобы была классовая борьба, в ходе которой «пролетариат вовлекается в русло крестьянской революции» и «революционизирование пролетариата идет со стороны революционного крестьянского движения». Гусев закончил резкими нападками на Эмбера-Дро и отверг его «новый лозунг „латиноамериканизма“» как мелкобуржуазный эквивалент призыва «Латинская Америка только для латинян»⁸¹. Васильев, подчиненный Эмбера-Дро в Секретариате Коминтерна, не называя его фамилии, выразил сомнения в состоятельности идеи рабоче-

крестьянских партий и обвинил бразильскую партию в том, что она решила создать свой собственный гоминьдан⁸².

Последняя часть дебатов прошла мирно. Наиболее осведомленным докладчиком оказался Вульф, принадлежавший теперь к правому крылу Американской партии (из которой его на следующий год исключили) и стоявший в полемике ближе к Эмберу-Дро, чем к Гусеву. Вульф придерживался той точки зрения, что латиноамериканская революция является буржуазно-демократической, поскольку представляет собой «тесное слияние революционного движения, преимущественно аграрного характера, с борьбой против американского империализма». Он особенно возражал против «попыток прикрыть коммунистическим флагом освободительное движение» и осудил Айя де ла Торре, как «опасного карьериста». Пролетариат в Латинской Америке, по словам Вульфа, был «весьма слабым» и «тесно связан с крестьянством». Подобная связь, совсем не являясь источником силы, «пропитывает пролетариат крестьянской идеологией и делает популярным среди пролетариата нечто вроде народничества». Он выступил за создание не рабоче-крестьянских, а коммунистических партий, однако полагал, что целью должен быть «рабоче-крестьянский блок»⁸³.

Выступивший вторично Филиппс ограничился вопросами о Мексике. Он назвал абсурдными попытками представить правительство Кальеса «социалистическим». Вместе с тем следовало отличать мексиканскую «буржуазно-демократическую аграрную революцию» от других латиноамериканских революций, носивших «во многих случаях характер лишь военных восстаний». Революция еще не завершена, но за 18 лет она «имеет в своем кредит значительное количество завоеваний, которые нельзя назвать социалистическими, но от которых нельзя отнять их пролетарского характера». Кальес не будет «последним Керенским в мексиканской революции», — сказал Филиппс, ибо «рабочие и крестьянские массы становятся все больше классово сознательными»⁸⁴. Многие выступавшие делегаты Латинской Америки не высказывали особого желания участвовать в спорах, и лишь некоторые делали вид, что понимают, о чем идет речь. А делегат Колумбии начал свое выступление следующими ироническими словами: «Я не могу внести крупного теоретического вклада в дискуссию по поводу тезисов о революционном движении в колониях и полуколониях. Но я могу сообщить кое-что о положении в латиноамериканских странах, что т.т. из Коминтерна возможно недостаточно понято»⁸⁵. Почти все делегаты Латинской Америки, как бы по специальному указанию, критиковали «федерацию республик» Эмбера-Дро, которую один из них нарек «панлатинизмом». Аргентинский делегат призвал к «ожесточенной борьбе с АПРА, которая представляет собой нечто вроде гоминьдана в Латинской Америке»⁸⁶. Мексиканский делегат, единственный из числа латиноамериканских делегатов, выступил в защиту 25 млн. индейцев, «эксплуатируемых» и «рабов», которые при демократической диктатуре рабочих и

крестьян получают «право самоопределения, право развития своей собственной культуры»⁸⁷.

Эмбер-Дро, в отличие от двух других содокладчиков, с ответным словом не выступал. Латиноамериканскую комиссию, по всей видимости, создавали, но она ничего не сумела доложить конгрессу. Да и вопрос о Латинской Америке больше не обсуждался. Резолюция конгресса по колониальным и полуколониальным странам содержала два абзаца, посвященных Латинской Америке, в которых остро критиковались тезисы Эмбера-Дро. Национальная буржуазия («очень тонкая прослойка») была якобы так тесно связана, с одной стороны, с феодальными землевладельцами, а с другой — с империалистами, что очутилась в лагере контрреволюции. Крупные плантации и латифундии, иностранные предприятия, а также крупные предприятия туземной буржуазии подлежали конфискации. Коммунистические партии должны были бороться за гегемонию «во время революционного движения», а не «подчиняться политическим союзникам». Этим партиям надлежало включить в свои программы повседневные экономические задачи рабочих, но одновременно требовать «вооружения рабочих и крестьян и превращения армии в рабоче-крестьянскую милицию». Провозглашался лозунг «*рабоче-крестьянского правительства*»⁸⁸. Реорганизация латинского секретариата в марте 1924 г. с отделением Франции и Италии от Испании и Латинской Америки⁸⁹, как видно, мало что изменила. Эмбер-Дро по-прежнему руководил работой во всех этих странах. Во время дискуссии по Латинской Америке на VI конгрессе мексиканский делегат заявил о необходимости создания самостоятельного отдела Коминтерна для работы с латиноамериканскими странами⁹⁰. Однако никаких формальных перемен не произошло, и в течение второй половины 1928 г. латиноамериканским делам уделялось мало внимания.

Весной 1929 г. закончились приготовления к предстоящему конгрессу профсоюзов, который намечалось созвать в Монтевидео в мае 1929 г. За ним должна была следовать конференция коммунистических партий Латинской Америки в Буэнос-Айресе. Эмбер-Дро отправился в Южную Америку, чтобы присутствовать на обоих форумах в качестве делегата Коминтерна⁹¹. В порядке подготовки «Корреспонденция Судамерикана» в мае 1929 г. в специальном номере опубликовала текст тезисов Эмбера-Дро по Латинской Америке⁹². Конгресс профсоюзов с делегатами из 16 латиноамериканских стран прошел в Монтевидео с 18 по 26 мая 1929 г. Из значительных стран только Аргентина не была представлена из-за разногласий в профсоюзном движении, которые так и не удалось уладить. Кто представлял Профинтерн, в документах конгресса не указано (если, конечно, Эмбер-Дро не имел на это специальных полномочий). Согласно полученным в Москве первым сообщениям, конгресс провел кампанию протеста «против

империализма, войны, империалистических агентов в КОПА и против Амстердамского Интернационала»⁹³. Однако скудость информации об этом мероприятии наводит на мысль о том, что никаких выдающихся результатов достигнуто не было. Когда шесть недель спустя Лозовский выступал на X пленуме ИККИ в Москве, то посвятил конгрессу не более двух или трех фраз. Он упомянул только об образовании «континентальной конфедерации профсоюзов», которую поставил рядом с созданным в 1927 г. Тихоокеанским секретариатом профсоюзов. В доказательство ее значения он сослался на интерес, проявленный к конфедерации американским агентством печати, и на полные негодования комментарии Мэтью Уолла, руководителя АФТ, который призвал к образованию с Амстердамским Интернационалом «единого фронта» против коммунизма⁹⁴.

На этом же заседании Филиппс, он же Рамирес (вероятно, единственный человек из присутствовавших, кто действительно посещал заседания конгресса), был более разговорчивым. Он заявил, что конгресс способствовал созданию в нескольких странах федераций Красных профсоюзов и основал центральную организацию для противодействия влиянию МФП и КОПА. Конгресс также затронул щекотливую расовую проблему. В дополнение к уже существующим значительным негритянским поселениям плантаторы многих латиноамериканских стран ввезли рабочих-негров с Ямайки и Гаити. По словам Филиппса, «этот империалистический маневр, дающий империалистам дешевую рабочую силу, порождает вражду между этими двумя расами». Другие страны зазывали иммигрантов из Италии, Польши, Испании, Португалии и других мест Европы, которые трудились в рабских условиях. Как видно, по этим проблемам не было сделано никаких выводов. Филиппс дал отпор Лозовскому, обвинившему мексиканских коммунистов в том, что они пошли на компромисс с КРОМ и саботировали работу Профинтерна, и процитировал то место из тезисов Эмбера-Дро, где осуждалась политика «ухода из реформистских союзов или искусственного создания новых революционных профсоюзов»⁹⁵. Линия Лозовского, направленная на создание объединенных с Профинтерном Красных профсоюзов даже за счет полного разрыва с реформистскими союзами, обрела в течение 1928 г.⁹⁶ в Москве известную популярность. Однако на конгрессе в Монтевидео, в присутствии ее упорного оппонента Эмбера-Дро, она, по-видимому, не прошла.

Конференция латиноамериканских партий, которая состоялась в Буэнос-Айресе с 1 по 12 июня 1929 г., была более амбициозным мероприятием и явилась единственной попыткой Коминтерна организовать и направлять коммунистическое движение в Латинской Америке в целом. На ней присутствовали делегации 14 латиноамериканских, французской и американской коммунистических партий, южноамериканского секретариата, КИМа и Профинтерна, а также сам Эмбер-Дро, который, являясь представителем Комин-

терна с неограниченными полномочиями, олицетворял на конференции высшую инстанцию⁹⁷. Конференция располагала стандартной повесткой дня, характерной для партийных съездов того периода. В ней значились следующие вопросы: опасность войны; борьба с империализмом; задачи партий; профсоюзный, крестьянский и молодежный вопросы; расовая проблема в Латинской Америке и организационный вопрос. Кодовилья, глава южноамериканского секретариата, докладывая о международном положении, слегка запутался между периодом стабилизации капитализма и «третьим периодом» его предстоящей дезинтеграции. Раздававшиеся во время дебатов жалобы на низкий идеологический уровень латиноамериканских партий, на то, что некоторые руководители лучше разбирались в проблемах европейских стран, чем своих собственных, были не лишены оснований⁹⁸. Эмбер-Дро, выступавший под фамилией Луис, вмешался в дебаты со своим исследованием особой структуры латиноамериканского общества, сложившейся вследствие «появления полностью паразитической национальной буржуазии, живущей за счет империалистической эксплуатации стран Латинской Америки». Отсюда-де и «огромные паразитические города», для которых типичным являлся Буэнос-Айрес, города торговцев, чиновников и банкиров, чья функция состояла в том, чтобы «выжимать богатства страны и ее рабочую силу». Рабочий класс городов состоял якобы из рабочих и работников индустрии услуг, которые находятся «в лучшем экономическом и социальном положении, чем сельскохозяйственные рабочие и рабочие горнодобывающих предприятий и крупных империалистических концернов». Это был самый низкооплачиваемый слой рабочих (а вовсе не привилегированные рабочие паразитических городов), который мог служить «резервной армией в революционной борьбе с анархистскими и реформистскими идеями»⁹⁹. Никто не оспаривал подобный диагноз, а Кодовилья, завершая дебаты, заметил, что только «социал-предатели» могут говорить «о прогрессивности империалистического проникновения в Латинскую Америку»¹⁰⁰.

После предварительной дискуссии Эмбер-Дро сделал основной доклад «Борьба с империализмом и проблемы тактики коммунистических партий Латинской Америки». Теперь он попытался дать более детальный анализ социальной ситуации. Большинство так называемых крестьян, по его словам, было бы более правильно классифицировать как сельскохозяйственных рабочих или пролетариев. Мелкая буржуазия не являлась самостоятельным классом, а «амальгамой различных классов». Только меньшинство, состоящее из интеллектуалов и студентов, якобы стремилось к революции. «Действительно революционным классом» Эмбер-Дро назвал сельскохозяйственных рабочих и обедневших крестьян. Однако и «пролетариат крупной империалистической промышленности, горных разработок, нефтеперерабатывающих предприятий и боев» также представлял собой «один из наиболее активных эле-

ментов революционного движения». Нарисовав столь сложную картину, он сделал вывод, что функция буржуазно-демократической революции в Латинской Америке заключается в том, чтобы «сокрушить господство феодализма, империализма, церкви и крупных землевладельцев»; национализировать землю, транспорт и империалистические предприятия; создать рабоче-крестьянское правительство «на базе рабочих, крестьянских и солдатских Советов». Обзор революционных движений и возникающих революционных партий в отдельных странах, которым завершился доклад, был почти не связан с теоретическим анализом. Главное практическое предписание сводилось к необходимости создавать самостоятельные коммунистические партии, свободные от любого налета буржуазных или социал-демократических веяний¹⁰¹.

Развернувшиеся дебаты, в которых ни один из выступавших не проявил интереса к теоретическим изысканиям Эмбера-Дро, показали, насколько еще слабо преобладающие в Коминтерне идеи проникли в нарождающиеся революционные партии Латинской Америки. Наиболее гневные высказывания касались Колумбии, где в предыдущем году была разгромлена забастовка на банановых плантациях «Юнайтед фрут компани», что сопровождалось большими человеческими жертвами и массовыми арестами. Все это имело место при невмешательстве местной партии, южноамериканского секретариата и Коминтерна. В феврале 1929 г. Коминтерн направил письмо Революционно-социалистической партии Колумбии, входившей в Коминтерн, в котором объяснил причину неудачи тем, что «в Колумбии пока не существует четко организованной и дисциплинированной коммунистической партии и массовых профсоюзов»¹⁰². Когда же, однако, Эмбер-Дро повторил в докладе свою критику, то глава колумбийской делегации Прито ответил, что виноват тут Коминтерн, который оставил партию без внимания, не предложив ни помощи, ни совета. На это возразил французский делегат Рабатé (он же Остин), направленный в Колумбию в качестве представителя Профинтерна. Он обрушился с острой критикой на колумбийскую партию, которая включала 50% крестьян, 20% интеллигентов и только 10% рабочих, и, согласно теории и практике, следовала принципу единоличного руководства¹⁰³. Прито дал резкий ответ. «Товарищ Луис, — заметил он, — сказал, что Коммунистический Интернационал недавно открыл Латинскую Америку. Я должен добавить, что он пока еще не знает Латинской Америки, ибо его критика латиноамериканского движения содержит богатые россыпи диалектики, которой мы все восхищаемся, однако ее отличает недостаток понимания реальной психологии масс, формирующих революционное движение». Другой колумбийский делегат добавил еще откровеннее: «Мы не можем толковать о теории, о диалектике, поскольку все это чистая метафизика, которую мы не понимаем... Если мы придем к крестьянам лишь со словами и резолюциями, то они прогонят нас палками, ибо эти товарищи не знают других аргу-

ментов, кроме оружия, кроме силы»¹⁰⁴. Венесуэльский делегат отметил, что все проблемы «решались с помощью диалектической эквилибристики, с помощью теории», но никто не пытался «учитывать психологию и конкретные условия, в которых следовало претворять в жизнь политическую линию»¹⁰⁵.

Несколько делегатов предложили концепции революционной политики, весьма далекие от всего, что обычно приходилось слышать в Москве. 7 октября 1928 г. Мариатеги удалось основать в Лиме на марксистской платформе Социалистическую партию Перу, состоявшую в основном из студентов, которая решительно отмежевывалась от АПРА¹⁰⁶. К этой партии принадлежали перуанские делегаты конференции Замора и Сако¹⁰⁷. Замора зачитал заявление Мариатеги, в котором выражалось сомнение относительно идентичности интересов «империалистического капитализма» в Латинской Америке и «феодалных и полуфеодалных» землевладельцев. Передача земли незначительным мелкобуржуазным собственникам и замена землевладельческой аристократии туземной буржуазией, зависимой от иностранного капитала, якобы никак не противоречит интересам империалистов. Мелкой буржуазии «предприятия янки дают более высокую зарплату, возможность подняться по ступеням социальной лестницы, альтернативу государственной службе». Сравнения с европейским средним классом, выросшим в период свободной конкуренции и капиталистического развития, к делу не относились¹⁰⁸. Сам анализ внушал доверие. Но признание в любом контексте империализма прогрессивным явлением и отказ от отождествления борьбы против империализма с борьбой против феодалных землевладельцев (то есть все, что отдавало теорией Айя де ла Торре относительно «исклучительности» или национальной особенности Латинской Америки) звучали в ушах Коминтерна страшной крамолой. Глава мексиканской делегации Сикейрос, соединяя революционное нетерпение с откровенным презрением к теории, заметил: «Революция на повестке дня многих стран Латинской Америки, и если мы не сделаем революцию, ее сделают буржуазные оппозиционные партии... Мы должны проявить смелость и быстро выдвинуть наши лозунги. Мы, товарищи, не можем дольше ждать с осуществлением пролетарской революции в нашей стране». А один из его коллег повторил: «Мы достигли предела нашего терпения. Откладывать восстание — это значит обречь себя на полное поражение»¹⁰⁹.

В заключительном слове по дебатам Эмберу-Дро пришлось главным образом защищаться. Он упрекнул Сикейроса за «традиционное руководство», которое было слишком нетерпеливо при организации масс, стремилось к немедленному революционному действию, невзирая на объективные условия, и даже одобряло индивидуальный террор. Затем он сделал язвительное замечание в адрес колумбийских делегатов, представивших противоречивую информацию и изложивших разноречивые взгляды. Однако он

согласился с тем, что Революционно-социалистическая партия Колумбии, набрав в свои ряды рабочих, возможно, превратится в коммунистическую партию. Эмбер-Дро похвалил перуанского делегата за искреннее желание принять точку зрения Коминтерна, но указал на неудовлетворительный характер Социалистической партии Перу, включавшей три социальные класса: рабочих, крестьян и мелкую буржуазию¹¹⁰. В резолюции по крестьянскому вопросу было проведено различие между так называемыми подлинными крестьянами, которые являлись мелкими собственниками или арендаторами земли, и сельскохозяйственными рабочими¹¹¹.

Эмбер-Дро активно участвовал и в дебатах по расовой проблеме в Латинской Америке, которые открыл длинным и ученым докладом, нашпигованным цитатами из трудов Маркса, Ленина и Парето, перуанский делегат. Эмбер-Дро пояснил, что Коминтерн был против как «негритянского сионизма» в Латинской Америке, так и автономного индейского государства, и что только классовое революционное движение даст туземным массам право на самоопределение. Выдвинутый, как говорили, АПРА лозунг «Латинская Америка для индейцев» неоднократно критиковался в ходе обсуждения как нереальный. Петерс, делегат КИМа, усилил замешательство, настаивая на различении «расы» и «нации» и выступая за «создание в профсоюзах и других массовых организациях туземных групп»¹¹². Речь Эмбера-Дро в конце дебатов была образцом осторожности. Расовый вопрос не поднимался на VI конгрессе Коминтерна (или, как он мог добавить, не затрагивался в его собственных тезисах). Но так якобы получилось, поскольку делегаты Латинской Америки тогда настаивали на том, что в их странах совершенно отсутствуют расовые проблемы и предубеждения, характерные для Соединенных Штатов и Южной Африки. Конгресс в Монтевидео выявил исключительные сложности, связанные с «совместным проживанием трех рас и значительного числа метисов и креолов», особенно с учетом того обстоятельства, что «вероломная политика империализма» была направлена на «разжигание соперничества между расами, чтобы лучше их эксплуатировать». Эмбер-Дро вновь отверг концепцию индейского государства. По его словам, самоопределение для угнетенных народов Латинской Америки не решало проблемы рас. Индейцам нужно было в первую очередь вернуть отобранные у них земли. Попытки в Мексике, а также в других местах ограничить иммиграцию негров, китайцев и др. якобы противоречили взглядам Коминтерна. В заключение Эмбер-Дро рекомендовал не принимать конкретной резолюции по данному вопросу, а обсудить его на страницах «Корреспонденция Судамерикана», и заявил, что, возможно эту проблему следует рассмотреть на конференции представителей всех латиноамериканских стран и Коминтерна¹¹³.

К концу конгресса делегат из Соединенных Штатов Саймонс открыл необычно двусмысленную дискуссию вокруг Антиимпериалистической лиги. Национальные лиги существовали в девяти

странах Латинской Америки. И можно было спорить о том, являлась ли Лига более действенным инструментом для стимулирования дела революции в Латинской Америке, чем Коминтерн¹¹⁴. Однако Саймонс утверждал, что Лига могла быть эффективной только при поддержке рабочих и крестьянских масс, при наличии тесной связи с профессиональными союзами, и сослался на заявление Мельничанского по этому вопросу. Во многих странах Лига не могла функционировать как организация «единого фронта», поскольку не располагала поддержкой народа и была не в состоянии увеличить влияние партии в массах. В некоторых местах Лига и партия являлись соперниками¹¹⁵. Аргентинский делегат сообщил, что в Аргентине национальную Лигу против империализма основали в 1926 г. исключенные члены партии. После этого партия создала Лигу против империализма (левую группу) и, по-видимому, сумела прибрать к рукам всю организацию¹¹⁶.

Делегат Перу, не упоминая АПРА, раскрыл кроющуюся за дебатами фундаментальную проблему. Он отрицал, что считает империализм как таковой прогрессивным явлением, но продолжал утверждать, что он является прогрессивным в той мере, в какой ликвидирует феодальную эксплуатацию латифундистов. Это положение от имени Коминтерна сразу же оспорил Кодовилья¹¹⁷. Завершая дебаты, делегат Аргентины еще раз заявил о необходимости «антиимпериалистической программы, базирующейся на классовой линии». Было бы, сказал он, ошибкой искать в Латинской Америке движение национальной буржуазии против империализма, наподобие китайского гоминьдана. Пропаганду следует вести «против империализма вообще, а не против какой-то особой разновидности империализма», как того желают «АПРА и другие мелкобуржуазные организации»¹¹⁸. Дебаты высветили фундаментальные трудности в коммунистическом движении Латинской Америки. Его наибольшая привлекательность была связана с протестом против иностранного империализма, и в 20-е годы его главной движущей силой являлось растущее недоверие в первую очередь к Соединенным Штатам. Вместе с тем экономические интересы национальной буржуазии в целом слишком тесно были увязаны с интересами иностранных инвесторов и предпринимателей, чтобы она могла стать надежным источником протеста. Многочисленное крестьянство и кучка рабочих, которые выступали редко, сильнее ощущали эксплуатацию со стороны лиц своей национальности, чем со стороны иностранных империалистов. Постоянным упреком служила неспособность пробудить интерес масс. Движению не доставало солидной базы.

Конгресс также показал отсутствие взаимного понимания между латиноамериканским движением и Москвой. Конечно, нетрудно было подобрать осторожные формулировки, маскирующие серьезные разногласия. Однако едва ли можно было отрицать, что конференция не оправдала надежд Москвы на применение к революционному движению в Латинской Америке общепринятой

и единой политики, поданной в свете коминтерновской ортодоксальности. И Коминтерн умножил свои усилия по руководству и контролю. Эмбер-Дро объявил о решении создать в Мексике подсекретариат южноамериканского секретариата¹¹⁹. Аргентинская партия была единственной, дела которой особо обсуждались и по которой конференция приняла отдельную резолюцию. Гхитор, выступавший как делегат от южноамериканской секции КИМа, сделал обширный доклад об истории и текущем кризисе в партии. По предложению бразильского делегата, конференция приняла резолюцию, в которой аргентинскую партию поздравляли с достигнутой «консолидацией», осудили «исключенные элементы» за попытку внести замешательство в другие латиноамериканские партии и пригласили «честных рабочих», раскаявшихся в своих ошибках, вернуться в ее ряды¹²⁰.

Как только конференция закончилась, интерес Коминтерна к этому отдаленному и трудному аванпосту коммунизма быстро угас. Мексиканская партия оказалась втянутой в борьбу за власть между двумя военными лидерами, в результате чего произошел ее раскол и в конце концов она была запрещена. На X пленуме ИККИ, проходившем в Москве в июле 1929 г., один латиноамериканский делегат, как бы между прочим, традиционно сослался на «континентальную коммунистическую конференцию»¹²¹. Лозовский и Филиппс говорили лишь о конгрессе в Монтевидео¹²². Пестковский, вновь появившийся на политической сцене в качестве представителя Крестинтерна, признал, что мелкобуржуазная идеология побуждала к созданию в Латинской Америке «широких партий, включающих в себя чрезвычайно разнородные элементы», и отверг точку зрения, согласно которой «крестьянство является основной движущей и руководящей силой социальной революции»¹²³. Но и он игнорировал конференцию в Буэнос-Айресе. В резолюциях X пленума ИККИ дела Латинской Америки не упоминались. Возвратившись в Москву, Эмбер-Дро не нашел себе активного занятия, а в Буэнос-Айрес для руководства латиноамериканским секретариатом послали Гуральского, который, несмотря на прошлую связь с Зиновьевым, уцелел, но больше в Коминтерне высоко не котиrowался¹²⁴.

ГЛАВА 89

ПРОБЛЕМА НЕГРОВ

Вопрос о правах негров появился на повестке дня Коминтерна поздно и неприметно, в основном в связи с их положением в Соединенных Штатах Америки и в Южно-Африканском Союзе. В одной из статей, напечатанной в 1917 г., но написанной ранее, Ленин сравнил негров американского Юга с бывшими крепостными России¹. В своей неоконченной и неопубликованной работе, написанной зимой 1916/17 г., когда он уделял много внимания национальной проблеме, Ленин отметил, что «в Соед. Штатах только 11,1% населения составляют негры (а также мулаты и индейцы), которых следует отнести к угнетенной нации». Однако, он добавил, что «нигде в мире не перемалываются так быстро и так радикально, как здесь, громадные национальные различия в единую „американскую” нацию»². Набрасывая проект тезисов по национальному и колониальному вопросам для представления их II конгрессу Коминтерна в июне 1920 г., он, как видно, безоговорочно признал американских негров как «нацию» и поэтому писал: «...необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых и неравноправных нациях (например, в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях»³.

Но американский делегат Джон Рид, выступая по негритянскому вопросу, говорил о «сильном расовом и социальном движении... сильном пролетарском рабочем движении, быстро выигрывающем в классовой сознательности». По свидетельству Рида, негры не выдвигали требования национальной независимости: «...они считают себя прежде всего американцами, чувствуют себя дома в Соединенных Штатах»⁴. Все, включая Ленина, по-видимому, разделяли точку зрения Рида. Однако конгресс утвердил тезисы Ленина, не внося изменений в первоначальную формулировку⁵. Никто не употребил слова «самоопределение». Если бы кто-либо решился возразить Ленину, он, без сомнения, мог бы сказать, как делал это раньше при других обстоятельствах, что самоопределение означает право на отделение, но что, если угнетенная национальная группа не желает воспользоваться данным правом, отдельные ее члены могут требовать равных прав

как граждане более крупной общины⁶. Проблема негров в Соединенных Штатах соответствовала этой модели.

Как известно, III конгресс Коминтерна в 1921 г. уделил весьма мало внимания национально-колониальному вопросу⁷. Судя по официальным документам, Южную Африку впервые представляли два делегата Интернациональной социалистической лиги, основанной в 1916 г., предшественницы Коммунистической партии Южной Африки, которая была создана лишь в 1921 г.⁸ Ни один из них на конгрессе не выступил. Однако делегация внесла предложение поручить ИККИ «обратить серьезное внимание на положение негров и на возникшее среди них пролетарское движение, как важную часть всего восточного вопроса»⁹. Предложение приняли без обсуждения и положили в долгий ящик. Тот импульс, который придали национализму первая мировая война и Версальский мирный договор, оказал влияние и на негритянский национализм. Выдающийся американский негр по фамилии Гарви, чье апокалиптическое красноречие заслужило ему прозвище «черный мессия», основал в 1916 г. в Соединенных Штатах Всемирную ассоциацию по улучшению положения негров, с расовыми и националистическими программными лозунгами «Назад в Африку» и «Африка для африканцев». Это привлекло внимание Москвы, и в одной из статей журнала Народного комиссариата по делам национальностей осенью 1921 г. отмечалось, что «пробуждение негров Африки было тесно связано с революционным движением, которое охватило Восток под влиянием революции в России»¹⁰.

Но только на IV конгрессе Коминтерна, созванном в Москве в ноябре 1922 г., негритянский вопрос вновь стал предметом дискуссии. К этому времени легальная Рабочая партия Америки заняла место подпольной коммунистической партии¹¹. В своей первоначальной программе она потребовала экономического, политического и социального равноправия для американских негров и стремилась интегрировать их в «мощный союз революционных сил для свержения общего противника»¹². В партийную делегацию на IV конгресс входил и один негр по фамилии Хиусвуд. Конгресс учредил комиссию по негритянскому вопросу¹³. Крошечную и состоящую преимущественно из белых Коммунистическую партию Южной Африки, основанную в 1921 г. в Кейптауне, представлял английский поселенец по фамилии Бантинг, который, получив сообщение из Южной Африки о том, что во время забастовки шахтеров четверо рабочих были застрелены, внес резолюцию протеста, выражая убеждение, что южноафриканские рабочие возобновят свои усилия и «вовлекут черных рабочих в борьбу против Южно-Африканского капитала». Предложение приняли единогласно¹⁴. По-видимому, этим ограничилось участие Бантинга в работе конгресса¹⁵, дела Южной Африки на нем не обсуждались¹⁶.

В процессе дальнейшей работы Хиусвуд в длинной речи изложил конгрессу проект тезисов, подготовленный негритянской комиссией. Он отметил, что из существующих во всем мире 150 млн.

негров 25 млн. проживают в Новом Свете, а 12 млн. — непосредственно в Соединенных Штатах. По его словам, «негритянская проблема — по преимуществу экономическая проблема», и хотя расовый вопрос «развивается на почве классовых предрассудков особых групп общества, тем не менее он играет важную роль». Цель состояла в том, чтобы «пробудить сознательность негритянских масс и включить нас в процесс пролетарской революции». Хиусвуд нашел теплые слова для созданной Гарви «ультранационалистической» Всемирной ассоциации по улучшению положения негров, которая способствовала «пробуждению расового самосознания... в глубине Африки» и таким путем стимулировала не только кампанию против империализма, но и деятельность более специфически радикальной организации, известной под названием Африканское кровное братство, чья программа призывала «к свержению капитализма». Подобные организации, размышлял вслух Хиусвуд, могли бы быть «использованы коммунистами, если средства пропаганды будут осторожно, обдуманно и интенсивно использованы в целях объединения с этими движениями». По словам Хиусвуда, комиссия предложила немедленно приступить к работе «среди негров всего мира». Одновременно он высказался за создание в ИККИ «Негритянского бюро». В конце выступления Хиусвуд зачитал проект тезисов. Они начинались с утверждения, что «процесс накопления капитала, служивший основой развития капитализма в довоенное время, потерпел вследствие войны коренной переворот» и что «проникновение в области, населенные черными народами, и интенсивная колонизация этих областей стали великой проблемой, от которой зависит дальнейшая судьба капитализма». Помимо эксплуатации 12 млн. негров в Соединенных Штатах «американскими финансовыми магнатами», никакие другие специфические проблемы американских негров не упоминались. Проблема негров в целом объявлялась «как по объективным, так и субъективным причинам... вопросом исключительной важности для мировой революции». Тезисы заканчивались четырьмя сжато сформулированными требованиями. Конгрессу следовало поддержать любые формы негритянского движения, направленные на «уничтожение и ослабление капитализма и империализма»; нужно было повсюду организовывать негритянских рабочих; работу среди негров должны были вести главным образом негры; в Москве надлежало созвать всеобщую негритянскую конференцию или конгресс¹⁷.

После Хиусвида выступил Маккей, негритянский поэт из Америки, который говорил не как член американской делегации, а как высокий гость. Он подробно остановился на фактах включения негритянских воинских подразделений в армии капиталистических держав (это было как раз то время, когда наличие негритянских воинских контингентов во французской оккупационной армии в Германии получило широкий общественный резонанс) и закончил следующим красноречивым высказыванием: «Я надеюсь,

это символ, негры всего мира не будут употреблены всемирной буржуазией в последней борьбе против всемирной революции. Я надеюсь, что... мы вскорости увидим солдат негров в благороднейшей, храбрейшей и чистейшей армии в мире, в Русской Красной Армии и Флоте, сражающихся не только за свое собственное освобождение, но и за освобождение рабочего класса всего мира»¹⁸.

Здесь председательствовавший на заседании Коларов, отметив, что это первый случай, когда конгресс Коминтерна занимается важным негритянским вопросом, неожиданно заявил, что проект резолюции составлен «слишком теоретически и не совсем понятен для всего рабочего класса и для низших слоев черной расы», и проект был возвращен в комиссию для доработки¹⁹.

Через несколько дней переработанные тезисы представил другой член американской делегации, который в короткой речи пояснил, что основной недостаток первого проекта — это невнимание к американскому рабочему-негру. «Наша главная работа, — сказал он, — должна состоять в вовлечении промышленных рабочих-негров в союзы, где они смогут бороться наравне с белыми рабочими за их общее освобождение»²⁰.

Из значительно расширенных тезисов, которые были приняты единогласно без дальнейших обсуждений, было изъято вступительное теоретическое изыскание о накоплении капитала, но включен обширный абзац относительно «истории американских негров», которая подготавливала их для значительной роли в освободительной борьбе всей африканской расы и к руководству борьбой против угнетения в Африке. Подчеркнув достаточно выразительно данное обстоятельство, авторы тезисов затем перешли, как и положено, к разбору отдельных заблуждений негров в Африке, в странах Карибского бассейна и повсюду в мире. Первые три пункта выводов были слегка модифицированы, но конкретное предложение о созыве Коминтерном в Москве негритянской конференции или конгресса осталось неизменным²¹. Этот план, однако, не был осуществлен, другие предписания также, видимо, мало повлияли на установившуюся практику.

Достижением IV конгресса является то, что он поставил негритянский вопрос на повестку дня Коминтерна и обеспечил ему формальное внимание на последующих коминтерновских форумах. III пленум ИККИ в июне 1923 г. не мог предложить ничего лучшего, кроме как повторить предложение относительно негритянской конференции, которую наметили провести на следующий год одновременно с V конгрессом Коминтерна²². Перспективы были не очень радужными, и месяц спустя Амтер, член влиятельной группы Пеппера—Рутенберга в американской Рабочей партии, доложил Исполнительному Бюро Профинтерна, что только американская и южноафриканская партии проявили какой-то интерес к предложению созвать конференцию, но что на нее соберется мало представителей и что, возможно, было бы целесообразнее

перенести ее из Москвы в Лондон или Нью-Йорк²³. В декабре 1923 г. III съезд Американской партии, взглянув на негритянскую проблему с местнических позиций, констатировал: «Рабочая партия будет выступать против любых движений негров, предполагающих их отказ от прав в этой стране, которые, подобно движению «Назад в Африку», избегают настоящей борьбы и служат оправданием для отказа в правах неграм в их родной стране — Америке. Соединенные Штаты — это родина американского негра, и Рабочая партия защищает его полное, свободное и равное участие в обществе будущего»²⁴.

В достаточно обширном докладе по национально-колониальному вопросу на V конгрессе Коминтерна в июне 1924 г. Мануильский упрекнул ФКП за пассивное отношение к «колониальным рабам» французской империи, напомнил о «250 000 черных солдат» во французской армии, но не пытался обсуждать негритянскую проблему²⁵. В развернувшихся дебатах американский делегат-негр по фамилии Форт-Уитман (он же Джэксон) рассказал, что приток негров в северные промышленные города привел к множеству столкновений между черными и белыми рабочими. Враждебное отношение к неграм имело не классовую, а расовую подоплеку. Но сделав вывод, что «в силу своей исторической ситуации негритянская раса в Америке должна стать самой революционной группой американского общества», он, однако, не предложил каких-либо планов действия. Мнению, что негритянская проблема была прежде всего расовой и лишь потом социальной проблемой, противостояла точка зрения, которая отождествляла обиды и требования рабочих-негров и белых рабочих. Противоположные тенденции было нельзя примирить, но также невозможно было решить и в пользу одной из них. Пеппер яростно отрицал, что вопрос о самоопределении имеет какое-то отношение к неграм Соединенных Штатов и высокомерно указывал на то, что «в Америке существует негритянско-сионистское движение, ставящее целью возвращение в Африку». А требовалось лишь равенство в правах, социальных и политических²⁶.

Первым попытался поднять проблему негров Африки французский делегат Селье, который, защищая ФКП от суровой критики Мануильского, сказал, что следовало бы «вести в Африке и Океании такую же пропаганду с тем же серьезным аппаратом, с теми же средствами, которые были намечены Коминтерном для Востока»²⁷. Только американский делегат Амтер сделал обзор негритянского вопроса в целом, соединив оба его аспекта в заявлении о том, что «негры-американцы руководят негритянским движением всего мира, так как в Нью-Йорке и его окрестностях сосредоточены главные интеллектуальные силы негров». Однако он признал, что в Африке движение очень незначительно и что пройдет много времени, прежде чем мы будем в состоянии эффективно работать там. Затем он вновь начал разлагольствовать о чернокожих солдатах под командованием белых офицеров и вы-

сказался за «напряженную антимилитаристскую кампанию, ...так как негритянские войска являются в настоящее время главным оплотом буржуазии и в будущих войнах они будут в первую очередь использованы в качестве пушечного мяса»²⁸. Манн сообщил о положении в Южной Африке, где он недавно выступал на конгрессе негритянских рабочих²⁹. Ни у кого не было конкретных рекомендаций, и негры Африки в целом больше не привлекали внимания. Ответственная за этот негритянский вопрос секция национально-колониальной комиссии не сумела подготовить резолюцию. Эту задачу поручили Президиуму ИККИ, который решил создать постоянную комиссию по «организации пропаганды среди негров»³⁰ — еще одно оставшееся невыполненным решение³¹.

На III конгрессе Профинтерна, который последовал за V конгрессом Коминтерна, велись более реалистические дискуссии по проблеме негров в профсоюзах. В основном докладе Лозовский осудил белые профсоюзы Соединенных Штатов и Южной Африки, которые отказывались принимать негров. Он заявил, что «ждать, пока реформисты перестанут быть реформистами», — безнадежное дело, и высказался за создание негритянских профсоюзов. Канадский делегат Бэк (так в тексте. — *Ред.*) заметил, что дело упирается не только лишь в руководителей, но и в белых рабочих, что создавать отдельные негритянские союзы — это значит раздувать расовую вражду. Два американских делегата, Кучер и Дэнн (последний — один из немногих видных американских коммунистов, работавших в профсоюзах), также яростно атаковали предложение Лозовского³². Представитель советских профсоюзов Козелев предложил обычный компромисс, причислив негров к другим «колониальным» жертвам. Цель состояла в том, чтобы бороться за «вхождение рабочих колоний и полуколоний (негров, китайцев, индусов и других отрядов колониального пролетариата) в общие союзы с белыми». Однако она достигнута не была, и осталась лишь одна альтернатива — «особые расовые негритянские профсоюзы». В ответном слове во время дебатов Лозовский согласился с подобным решением при условии, что негры будут организовываться отдельно, если белые союзы их вновь отвергнут³³.

В главной резолюции конгресса отразилось раздражение Лозовского по поводу американской obstructionности. В резолюции, в частности, было сказано: «Там, где профбюрократы, как, например, в Соединенных Штатах, категорически отказываются принимать в союзы черных рабочих, сторонники Профинтерна должны приступить к созданию профессиональных союзов негров, поставив во главу угла программы этих союзов борьбу за объединение союзов соответствующих производств». Резолюция о профсоюзах в колониальных и полуколониальных странах более осторожно признавала, что сложность негритянского вопроса требует специального изучения, и предписывала избрать комиссию для подготовки конкретных предложений следующему конгрессу. Между тем сторонники Профинтерна в Соединенных Штатах,

Южной Африке и других странах, где были рабочие-негры, должны были вести среди них активную работу, а там, где существовали параллельные белые и негритянские профсоюзы, — стремиться к их слиянию³⁴.

После этих, ничего не решивших дебатов в Москве негритянский вопрос снова остался в забвении. То были дни, когда доктрина «единого фронта» постоянно проповедовалась и широко применялась. Американская Рабочая партия продолжала легкий флирт со Всемирной ассоциацией по улучшению положения негров, чей руководитель Гарви, наделенный множеством общественных атрибутов, по-прежнему проповедовал расовую и националистическую программу «Назад в Африку» и «Африка для африканцев дома и за рубежом»³⁵. 25 октября 1925 г. по подсказке Американской партии, а может быть и Коминтерна, в Чикаго собрался Негритянский рабочий конгресс. Его главным организатором был Форт-Уитман. Из 50 делегатов большинство, вероятно, не были коммунистами. Это было типичное для того периода мероприятие в духе «единого фронта», не откровенно коммунистическое, но задуманное с целью распространения коммунистического влияния на движение негритянских рабочих. Конгресс заседал неделю и принял несколько резолюций. Он призвал рабочих-негров организовываться и вести вместе с белыми рабочими борьбу с капитализмом. Конгресс уделил много внимания профсоюзному вопросу, осудил реакционных лидеров АФТ за их отказ допустить рабочих-негров в союзы и основал постоянный комитет для организации негритянских рабочих в отдельные профсоюзы. Он констатировал, что «безземельный, угнетенный и преследуемый негр-фермер является источником громадной потенциальной силы освободительного движения американских негров»³⁶. Конгресс решил стать постоянным институтом и действительно продолжал существовать несколько лет, но его влияние никогда не распространялось за пределы Чикаго и он не добился каких-либо заметных успехов³⁷.

Проблема американских негров не переставала вызывать в Москве разнообразные реакции. На IV сессии Центрального Совета Профинтерна в марте 1926 г. Лозовский с возмущением говорил, что в Соединенных Штатах одиннадцать важных профсоюзов закрыты для негров, а те профсоюзы, в которые негров принимают, обращаются с ними как с «членами десятого разряда», иногда организуя отдельные конференции для белых и черных рабочих. И он вновь подтвердил требование относительно негритянских союзов в Южной Африке и в Соединенных Штатах³⁸. Между тем интерес к американским неграм неожиданно пробудился и в Крестинтерне³⁹, который в августе 1925 г. в открытом письме Гарви, находившемся в нью-йоркской тюрьме, писал: «К Крестинтерну в настоящее время, кроме крестьян Европы, примкнуло также китайское крестьянство и крестьянство других азиатских стран. Мы единым фронтом ведем борьбу за раскрепощение угне-

тенных всего мира. И тем более будем бороться за свободу миллионов негров, самой проработанной капитализмом части человечества»⁴⁰.

Все эти инициативы были, очевидно, в какой-то мере продиктованы надеждой использовать американских негров в качестве авангарда негритянских повстанческих движений в Африке и в других местах. Но эти инициативы также наводили на мысль о том, что некоторые люди в Москве связывали негритянский вопрос в Соединенных Штатах скорее с крестьянским Югом, чем с промышленным Севером. Такой подход позволял с большей убедительностью рассматривать негритянский вопрос как национальный вопрос, а не в качестве проблемы социальной и экономической интеграции. К концу 1925 г. пять негров зачислили в Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве. Четверо из них были из Соединенных Штатов и один из Африки. Сталин, патрон университета, который теперь часто называли его именем, пригласил их на беседу, где Радек выполнял роль переводчика. В ходе беседы Сталин критиковал позицию Американской партии, классифицировал американских негров как «национальное меньшинство с некоторыми характеристиками нации». Два американских студента школы им. Ленина в последующие два года вспоминали дискуссии по негритянскому вопросу под углом зрения национального самоопределения, и им, по-видимому, внушали, что Сталин являлся активным сторонником этой теории⁴¹. Однако личное участие тут Сталина сомнительно, и он никогда публично не высказывался на данную тему. Вместе с тем подобные идеи, конечно же, дебатировались в партийных кругах Москвы, а также стимулировались кампанией против империализма, которая набрала силу в 1927 и 1928 гг. Хейвуд, негр, член Американской партии, в 1926 г. поступивший в Коммунистический университет трудящихся Востока, а в 1927 г. — в школу им. Ленина, имел в 1927—1928 гг. беседы с руководителем КИМа, или комсомола, Насоновым, после чего составил план самоопределения негритянского населения Черного пояса на юге Соединенных Штатов⁴².

Брюссельский конгресс Лиги против империализма, состоявшийся в феврале 1927 г.⁴³, оказал влияние на негритянскую проблему. Сенгор, ясно выражавший свои мысли негр из французской Западной Африки, который во время войны служил во французских сенегаляских частях, затем остался в Париже и вступил в члены ФКП, осудил французское правление, эксплуатирующее туземцев на его родной земле и посылающее их воевать в рядах французских армий в разных частях мира. Он заявил, что только тогда, когда мировой империализм будет уничтожен и ему на смену придет «союз свободных людей», не будет «больше никакого рабства»⁴⁴. После выступлений негров с Антильских островов, Гаити и из Южной Африки⁴⁵ руководитель Негритян-

ского рабочего конгресса Америки Мур, имевший также делегатский мандат Всемирной ассоциации по улучшению положения негров (где действовал Гарви), от имени «негритянской делегации» внес резолюцию, которую единодушно приняли. Резолюция требовала «полной политической и экономической независимости» для стран Карибского бассейна, вывода империалистических войск, «освобождения негритянской расы повсюду в мире». В ней говорилось, что такой факт, как «отсутствие расовых предрассудков у негров Латинской Америки», якобы доказывал, что подобные предубеждения «не являются прирожденными». Для 12 млн. негров Соединенных Штатов резолюция потребовала подлинного равенства в правах, которые гарантировались бы конституцией⁴⁶. Один немецкий делегат назвал расу «социальной категорией» и пояснил, что «когда империалисты с презрением говорят о черной или желтой расе, они имеют в виду людей, которые должны на них работать»⁴⁷. По-видимому, без всякого особого умысла авторы резолюции, в которой говорилось о борьбе угнетенных народов за свое освобождение, как бы между прочим повели речь «об угнетенных народах, зачисляемых в категорию так называемых „национальных меньшинств“ (например, негры в Соединенных Штатах)»⁴⁸. Задача конгресса состояла в том, чтобы беспощадно критиковать империализм, а вовсе не содействовать распространению теорий национализма.

И только в Южной Африке вмешательство брюссельского конгресса в негритянский вопрос имело нежелательные последствия. На конгрессе присутствовали три южноафриканских делегата: Колрейн, представлявший «Движение меньшинства» в белых профсоюзах; Гумед, президент давно основанного, но малоэффективного Африканского национального конгресса, который до сих пор избегал всякого участия в социалистической или коммунистической деятельности; и член коммунистической партии из цветных по фамилии Ла Гума, который не заявлял о солидарности своей партии и не выступал на конгрессе⁴⁹. И Колрейн, и Гумед призывали к свержению империализма, говорили об «экономическом рабстве, которое в настоящее время делает нашу жизнь несчастной», об «освобождении рабочих и установлении социалистического содружества». Гумед заявил, что «мы рабы в собственном отечестве» и что теперь существует только две силы — «империализм и рабочая республика в России». Ни тот и ни другой не упомянули о национальной независимости или самоопределении для негров. Официальных сведений о дискуссии не имеется. Но в принятой конгрессом резолюции, подписанной всеми тремя южноафриканскими делегатами, на первом месте стояло требование «права на самоопределение через ниспровержение власти капиталистов и империалистов»⁵⁰.

После конгресса коммунист Ла Гума отправился в Москву. Здесь он имел беседу с Бухариным, который согласился, что «народ банту, подобно индийцам, китайцам и другим колониаль-

ным народам, страдает от национального угнетения» британским империализмом и его «южноафриканским союзником». Вывод, казалось, был однозначным — «основать независимую демократическую туземную республику... как переходной этап в направлении окончательного свержения капитализма в Южной Африке»⁵¹. Как видно, общие впечатления этих делегатов были благоприятными. Ла Гума и Гумедда присутствовали в Москве на праздновании 10-й годовщины Октябрьской революции в ноябре 1927 г., и Гумедда, по его словам, будто бы «вернулся в Южную Африку убежденным и восторженным сторонником коммунистов»⁵². Именно при этих обстоятельствах Ла Гума передал руководству Коминтерна заявление, которое, вероятно, послужило основой «проекта резолюции» ИККИ по Южной Африке. Эта резолюция, которая, казалось, полностью противоречила любой ранее сформулированной Коминтерном линии, выдвигала в качестве ближайшей задачи партии создание «независимой туземной республики, как этапа на пути к рабоче-крестьянскому правительству». Когда новая директива в начале 1928 г. дошла до Кейптауна, то привела все еще преимущественно состоявшую из белых южноафриканскую партию в замешательство. Бантинг составил длинную памятную записку, в которой резко критиковал концепцию «туземной республики». И, как видно, только один белый член Центрального комитета партии был готов ее принять. Вернувшийся из Москвы Ла Гума начал активную кампанию в пользу данного решения; произошедший раскол парализовал партию⁵³. Создается впечатление, что в Москве серьезно не взвесили значение подобной смены позиций и не приняли твердого решения относительно необходимой поддержки. Последствия не заставили себя ждать, и с тех пор дебаты не утихали.

Самым ревностным сторонником предпринятых в 1928 г. решительных попыток повернуть Коминтерн влево и искать новых возможностей для революционных акций явился Лозовский, который, как видно, был инициатором того, что негритянский вопрос вновь встал на повестку дня. Посвященный Америке раздел резолюции ИККИ по профсоюзному движению (февраль 1928 г.), свидетелемствовавший вообще о невнимании к уязвимым местам Американской партии, содержал предписание создавать негритянские профсоюзы и настаивать на приеме негров в существующие союзы⁵⁴. Месяц спустя, на IV конгрессе Профинтерна Лозовский вновь поднял «проблему белого и цветного труда» и обвинил Американскую партию в том, что она «принимает только резолюции, а дела не делает». Следовало организовывать рабочих-негров, а поскольку они не допускались в большинство профсоюзов, входящих в АФТ, то нужно было создавать отдельные союзы⁵⁵. В заключительном выступлении Лозовский с раздражением отменил попытку Гитлоу оправдать позицию Американской партии⁵⁶. Американский делегат-негр предложил, чтобы, поскольку резолюции

о неграх пока оставались «лишь резолюциями», Исполнительное Бюро созвало бы специальную конференцию делегатов-негров для выработки мер по организации негров в Соединенных Штатах и Южной Африке⁵⁷. В разделе основной резолюции конгресса, озаглавленном «Белый и цветной труд», утверждалось, что американские сторонники Профинтерна «слишком пассивно» относятся к отказам допустить негров в белые профсоюзы. Негры, говорилось далее, представляют собой «громадную, потенциальную революционную силу». Было также необходимо добиваться их приема в существующие профсоюзы и создавать новые негритянские союзы⁵⁸. В резолюции «О задачах сторонников Профинтерна в С.-А. С. Ш.» говорилось, что «поскольку большинство белых союзов не допускает негров в число своих членов», Лига профсоюзной пропаганды (ТУЕЛ) должна «принять немедленные меры для создания специальных союзов рабочих-негров»⁵⁹. Предложение делегатов-негров о созыве конференции было принято⁶⁰, хотя, по видимому и эта резолюция не дала никаких результатов. Через несколько месяцев Лозовский напомнил VIII съезду профсоюзов СССР о том, что IV конгресс Профинтерна принял решение о создании «Международного комитета рабочих-негров», но что среди белых рабочих и даже коммунистов существует «множество расовых предрассудков» и что идея создания комитета вызвала в капиталистической прессе «очень враждебный отклик»⁶¹.

Приближение VI конгресса Коминтерна побудило более основательно заняться проблемой американских негров. Англо-американский секретариат создал небольшую неофициальную комиссию, состоявшую из нескольких сотрудников Коминтерна и американских негров-коммунистов, находившихся в Москве. В результате подспудные разногласия стали явными. Одна группа считала, что негры в Соединенных Штатах имеют характеристики национального меньшинства и что требование самоопределения было бы уместно. Более крупная группа отстаивала прежнюю точку зрения, согласно которой негры представляли собой не национальное, а расовое меньшинство, и добавляла, что нарождающаяся негритянская буржуазия имела больше общих интересов с американской буржуазией в целом, чем с угнетенными неграми-рабочими. По всем признакам, обсуждение не дало результатов⁶². Между тем в марте 1928 г. в Нью-Йорк прибыл Пеппер, чтобы вновь выполнять роль советника Американской партии⁶³. Комитет, состоявший из Пеппера, Ловстона и Биттельмана, приступил к ревизии политики партии в отношении негров. 30 мая 1928 г. ЦК партии одобрил подготовленную Пеппером резолюцию, в которой в разделе «Наша работа среди негров» констатировалось, что негритянский вопрос — это «вопрос расовый» и что негры — это «угнетенная раса». И хотя данный документ призывал партию стать «организатором элементов рабочего класса негритянской расы» и в нем ничего не говорилось о национальности или самоопределении, он представлял собой значительный отход от преж-

ней политики, когда негритянский вопрос рассматривали как проблему лишь социальную и классовую. Резолюцию, по-видимому, большинство членов партии восприняло без особого энтузиазма, но и без явного сопротивления. При голосовании в комитете воздержался Майнор, партийный эксперт по негритянскому вопросу⁶⁴.

К тому времени, когда в июле 1928 г. собрался VI конгресс Коминтерна, мало что было сделано, чтобы пролить свет на данную проблему, и Коминтерн также не дал в этом случае какой-либо установки. В основном докладе Бухарин вовсе не затронул негритянскую проблему; не содержалось ничего к ней относящегося и в проекте тезисов, который он представил конгрессу. Два негра — члены Американской партии — Форд и Холл (он же Джонс) — участвовали в прениях по докладу. Ни один из них не выразил сочувствия попыткам относиться к неграм как к национальному меньшинству. Форд с иронией сослался на «знаменитый документ» ЦК партии от 30 мая 1928 г. как «еще на один пример саморекламы», и с укоризной отметил, что из 12 млн. негров Соединенных Штатов только 50 — члены партии и что пока не создан ни один негритянский профсоюз. Он без обиняков обвинил партию в пренебрежении к неграм и в «белом шовинизме». Хотя Холл и смягчил суровую критику Форда, однако согласился с тем, что «в американской компартии больше шовинизма, чем в какой-либо другой секции Коминтерна». По его словам, негритянский вопрос превратился в какой-то «футбольный мяч» в борьбе между соперничающими партийными фракциями⁶⁵. Как бы восстанавливая баланс, Катаяма напомнил, что в 1920 г. Ленин «смотрел на американских негров, как на поработленную нацию, относя их в одну категорию с Ирландией»⁶⁶, — взгляд, который, очевидно, приобретал все больше сторонников в Секретариате. Но это отнюдь не означало потворства национализму Гарви, выдвинувшему лозунг «Назад в Африку». Всемирная ассоциация по улучшению положения негров, терпимая в счастливые дни «единого фронта», теперь была под запретом. И вспомнили о ней на конгрессе, по-видимому, только в связи с яростным осуждением «гарвизма» в новой программе Коминтерна, где было записано:

«*Гарвизм*, бывший ранее идеологией негритянских мелких собственников и рабочих в Америке, имеющий еще и теперь известное влияние на негритянские массы, стал точно также в настоящее время препятствием на пути революционизирования этих масс. Выступавший вначале за полное общественное равноправие негров, он превратился в своеобразный негритянский «сионизм», который вместо борьбы против американского империализма выставил лозунг: «Назад в Африку!» Эта опасная идеология... должна встретить жестокий отпор, тем как она не способствует, а, наоборот, препятствует массовой освободительной борьбе негров против американского империализма»⁶⁷.

Проблема Южной Африки была для дебатов нежелательной помехой. Хотя число негров и цветных среди членов Южно-Африканской коммунистической партии постоянно росло, Центральный комитет все еще находился под твердым контролем белых и послал на конгресс трех делегатов: Бантинга, его жену и молодого сторонника Бантинга по фамилии Роукс, недавно ставшего научным сотрудником в Кембридже⁶⁸. Выступая в дебатах по докладу Бухарина, Бантинг пожаловался на невнимание Коминтерна к Африке. По его словам, за шесть лет партия Южной Африки не получила от Коминтерна ничего, кроме циркуляров. В проекте программы Коминтерна «пролетариат» метрополий противопоставлялся колониальным «массам». Но придет день, сказал Бантинг, и пролетариат колоний станет ведущим повсюду в мире. Не имело смысла толковать о национальном движении негров, ибо единственным национальным движением в Южной Африке было движение африканеров. «Мы можем достигнуть большего, развивая движение рабочего класса», — сказал он в заключение. Это выступление не представлялось ясным и конструктивным вкладом в дискуссию, и американский делегат Дэнн назвал его «социал-демократической речью»⁶⁹. Петровский напомнил Бантингу, что год назад Коминтерн направил южноафриканской партии резолюцию, которую он и большинство членов ЦК партии не одобрили⁷⁰. Завершая дискуссию, Бухарин, оправдываясь, говорил о невнимании к негритянскому вопросу, о широком распространении в некоторых партиях расовых предрассудков и «расового шовинизма», о «неправильном тоне». Но подлинной проблемы он не коснулся⁷¹.

Этого было явно недостаточно. И опять инициативу проявил Лозовский. Накануне открытия конгресса Профинтерн 15 июля 1928 г. выпустил первый номер журнала «Нигро уоркер», который затем выходил в течение нескольких лет на английском и французском языках. 31 июля 1928 г., когда дебаты по докладу Бухарина шли полным ходом, Исполнительное Бюро Профинтерна созвало совещание, в котором участвовали Лозовский и Геллер, несколько членов (белых и негров) Американской партии, Бантинг и Роукс, несколько французских представителей. После «живого обмена мнениями» совещание приняло резолюцию с осуждением преобладающего среди белых рабочих «расового шовинизма», неспособности ТУЕЛ и аналогичных организаций взять в свои руки создание негритянских профсоюзов. Было решено учредить Международный профсоюзный комитет негритянских рабочих в составе представителей Соединенных Штатов, Южной Африки и других стран Америки и Африки со значительным количеством негритянского населения и к концу 1929 г. созвать международную конференцию негритянских рабочих⁷². Через несколько дней, 6 августа 1928 г., конгресс Коминтерна, завершив дебаты по докладу Бухарина, назначил обширную негритянскую комиссию под председательством Куусинена и с Петровским в

качестве заместителя. Она включала пять негров и трех белых членов Американской партии, Бантинга от Южной Африки, по одному члену от каждой другой заинтересованной партии и несколько сотрудников секретариата⁷³.

Комиссия не представила конгрессу официального отчета о своей работе, и никаких соответствующих документов не публиковалось. Однако, как видно, давление в пользу национального подхода к проблеме негров в Соединенных Штатах было довольно ощутимым. В одном документе, который вполне убедительно приписывался Пепперу (хотя он не был членом комиссии), поддерживалась идея Негритянской Советской Республики; в другом (совместной работе американского негра Хейвуда и руководителя КИМа Насонова) — критиковались и американский Негритянский рабочий конгресс, и резолюция ЦК от 30 мая 1928 г., поскольку они концентрировали внимание на неграх Севера, и делался осторожный вывод о том, что «особенно на юге имеются определенные предпосылки, которые могли бы привести к развитию в будущем среди негров национального (расового) революционного движения»⁷⁴. Работа комиссии нашла отражение в серии статей по негритянскому вопросу, напечатанных в журнале Коминтерна накануне и во время конгресса. В первых двух, написанных неграми-американцами, отстаивалась до тех пор превалировавшая точка зрения, что требовать нужно «полного политического и социального равенства»⁷⁵. Однако в статье, состоящей из двух частей, Пеппер рассматривал население Черного пояса как негритянскую нацию, подлинную колонию среди остальных частей Соединенных Штатов Северной Америки, и утверждал, что на Севере и Востоке страны негритянское национальное движение разрасталось. В заключение он писал, что «коммунисты-негры должны выступать в своей пропаганде за создание Негритянской Советской Республики»⁷⁶. В другой статье, написанной Хейвудом, более сдержанно говорилось о том, что негры образуют «национальное меньшинство», и выделялся «аграрный вопрос на Юге». По словам автора, борьба за политическое и социальное равноправие должна сочетаться с «национально-революционным движением» за «национальное самоопределение» и за «особое негритянское государство»⁷⁷.

До этого момента обсуждение негритянских дел на VI конгрессе и в коминтерновской прессе ограничивалось положением негров в Соединенных Штатах и в Южной Африке. Ярославский обратил внимание на возможность задействования цветных воинских формирований в армиях империалистических держав в случае войны с Советским Союзом, и указание на такую опасность включили в тезисы, касающиеся угрозы империалистической войны⁷⁸. Дебаты по колониальному вопросу, открывшиеся 14 августа 1928 г., предполагали привлечь внимание к более широкой теме освобождения африканских негров от империалистического господства. Но ответная реакция была весьма незначи-

тельной. Куусинен, поглощенный исследованием других форм империализма, нашел время сказать мимоходом о неграх только одну фразу: «В такой же степени (как и другие движения в колониях) и негритянское движение является нашим делом, и каким бы слабым оно ни было, мы тем более должны помочь его развитию»⁷⁹. Геллер, выступавший по колониальному вопросу как представитель Профинтерна, высказал мнение, что западный империализм, теснимый в Азии, «создает себе в Африке вторую линию окопов». Он отметил американское проникновение в Абиссинию, Судан и Либерию и растущее число рабочих в Бельгийском Конго. Однако последовавшему за этим коротким обзором выводу о том, что «растущее значение Африки, как и значение негритянского рабочего движения недостаточно оценены в проекте тезисов», нехватало ощущения безотлагательности⁸⁰. Прежде чем перейти к американским неграм, Холл сделал небольшую паузу и затем отметил, что «мы не должны при этом упустить из виду мировое значение негритянского вопроса» и что в Африке «могло быть более сильное революционное движение, при условии если бы мы обратили больше внимания на различные революционные движения, которые имеются в этой части света», особенно в португальской Восточной Африке⁸¹.

Однако внимание конгресса по-прежнему было приковано главным образом к неграм Соединенных Штатов и во вторую очередь — к неграм Южной Африки. Катаяма еще раз вспомнил параллель, проведенную Лениным на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. между неграми и ирландцами, как «угнетенной нацией», и настойчиво убеждал в том, что Американская партия «должна выставить пропагандистский лозунг самоопределения и полной независимости американских негров, указывая на яркий пример решения национального вопроса в Советском Союзе»⁸². Оба американских негра, Форд и Холл, отнеслись к предложенному лозунгу более чем равнодушно. Форд назвал негров Соединенных Штатов «экономически отсталым национальным меньшинством, не имеющим собственной территории», однако заметил, что «непрерывно растущий антагонизм между пролетариатом и буржуазией разрушает единство национального фронта». Холл еще более обескураживающе заявил: «Вопрос о социальном равенстве стал для нас камнем преткновения, и нам не удалось организовать негритянские массы именно поэтому, а не потому, что мы не усвоили лозунг самоопределения для негров. Поэтому, прежде чем пытаться выдвигать лозунг самоопределения для американских негров в качестве центрального лозунга, мы должны более углубленно изучить весь вопрос»⁸³.

Бантинг попытался более откровенно, но не менее тщетно, препятствовать развитию этой тенденции. Призыв к созданию туземной южноафриканской республики, по его словам, был неприемлем для большинства членов Центрального комитета партии, ибо нельзя вместо классовой борьбы на первое место выдвигать

борьбу за национальную независимость. Будучи всегда противником «белого шовинизма», Бантинг вдруг очутился в «неловкой» позиции защитника белого меньшинства от «диктатуры черной расы»⁸⁴.

В заключительном слове Куусинен кратко признал, что много нового и важного было сказано выступавшими по негритянскому вопросу, что пробелы в тезисах нужно восполнить и что комиссия должна отдельно изучить южноафриканский вопрос⁸⁵. Реагируя на данное предложение, небольшая группа заинтересованных лиц собралась под председательством Петровского. Однако к тому времени американские представители оказались слишком глубоко втянутыми во внутреннюю фракционную борьбу, чтобы заниматься негритянской проблемой. Темпераментного и настойчивого в решениях Бантинга удручал медленный процесс вымучивания боязливых согласий⁸⁶. Включенный в конце концов в переработанные тезисы конгресса текст был, несомненно, делом рук Петровского.

Эти тезисы представляли собой наиболее систематизированное заявление Коминтерна по негритянскому вопросу. В нем говорилось, что в Соединенных Штатах большая часть — 12 млн. негров — являются арендаторами, «живущими в полуфеодалных и в полукрепостнических условиях». Однако индустриализация Юга и миграция негров на Север создают негритянский пролетариат. «Одна из важнейших задач партии» состояла в том, чтобы добиваться «полного фактического равноправия» негров, особенно их принятия в белые профсоюзы, хотя это «не исключает, в случае необходимости, их организацию в отдельных профессиональных союзах». Но это было не все. В тезисах, кроме того, указывалось: «На тех территориях Юга, где живут компактные негритянские массы, необходимо выдвигать лозунг права самоопределения». И все-таки «только победоносная пролетарская революция целиком и прочно разрешит аграрный и национальный вопросы на Юге Соединенных Штатов». В Южной Африке коммунистической партии следовало «решительно и последовательно выдвинуть лозунг создания независимой туземной республики при одновременном обеспечении прав белого меньшинства и *на деле* бороться за его осуществление». Наконец, коротко упоминались также негритянские движения в других местах Африки. В Центральной Африке, где рабовладение сочеталось с феодальными и капиталистическими способами эксплуатации, коммунистическим партиям метрополий надлежало «покончить с индифферентизмом, проявляемым ими в отношении массового движения в этих колониях», оказать поддержку движениям, особенно «нарождающимся пролетарским элементам, этих, наиболее нещадно эксплуатируемых империализмом колоний»⁸⁷.

Тезисы VI конгресса явились вершиной политики Коминтерна в негритянском вопросе. К несчастью, решение было чуждо по духу большинству тех, от кого требовалось привести его в исполнение. Созданная во время работы конгресса негритянская

комиссия собралась вновь после его закрытия и выработала длинную и дискурсивную резолюцию, почти полностью посвященную американским неграм, которую 24 сентября 1928 г. утвердил Президиум ИККИ и которая, в конце концов, была опубликована с указанием даты — 26 октября 1928 г. В ней, по существу, повторялись заявления, сделанные конгрессом, правда, с некоторыми вариантами в акцентах, но без прежних колебаний и неопределенностей. Негры назывались «угнетенной расой» и нигде не характеризовались как «нация». «Полное социальное и политическое равенство негров» — таким «оставался главный лозунг... партии для работы среди масс». В то же время «партия должна открыто и безоговорочно выступать за право негров на национальное самоопределение в южных штатах, где негры составляют большинство населения». Наряду с партией за невнимание к данному вопросу сурово критиковалась также и ТУЕЛ; делался упор на борьбу за прием негров в белые профсоюзы и за создание отдельных негритянских профсоюзов. В двух последних абзацах резолюции, которые заканчивались подобострастной ссылкой на работу Сталина «Об основах ленинизма», выразительнее, чем когда-либо прежде, выделялось требование национальной независимости, сформулированное следующим образом: «Ленинизм расширил понимание самоопределения и толкует его как право угнетенных народов в зависимых странах и колониях на полное отделение, как право наций на существование в качестве независимого государства». И хотя всячески старались не упоминать негритянские Советы или негритянскую республику, тем не менее сказанное совершенно определенно предполагало право на отделение негритянских районов от США⁸⁸. Однако вряд ли кто-либо в Американской партии — белый или негр — отнесся к такой возможности серьезно. В кампании перед президентскими выборами в ноябре 1928 г. и в ожесточенной фракционной борьбе, расколовшей партию в первой половине 1929 г.⁸⁹, негритянская проблема не фигурировала.

В Москве этот вопрос не оставили в покое. В начале 1929 г. неугомонный Насонов опубликовал в журнале Коммунистического университета трудящихся Востока статью о проблеме негров в Соединенных Штатах, в которой после детального анализа пришел к заключению, что негры Черного пояса «имеют, пожалуй, все черты нации». Он даже выразил осторожную симпатию к организации Гарви и отверг «точку зрения, которая утверждает, будто всякое движение к самоопределению негров является реакционным». Тот же самый журнал в следующем номере напечатал ответ одного партийного автора, критикующего попытку Насонова отождествить «национализм» американских негров с национализмом угнетенных колониальных и других зависимых наций. На Юге негритянский вопрос, говорилось в статье, представляет собой не национальную, а «экономическую проблему: проблему аграрную». Национальные движения, подобные гарвизму, «ничего

общего не могут иметь с революционным движением»⁹⁰. Для коминтерновской печати Форд написал статью «Негритянские рабочие и 1 Мая», в которой он не упоминал вопроса о самоопределении и национальной независимости, лишь осудил эксплуатацию негров капитализмом и империализмом повсюду в мире⁹¹.

Между тем Политсекретариат Коминтерна еще раз занялся южноафриканским вопросом и 19 октября 1928 г. издал новую резолюцию. В ней осуждалась «деморализация белых рабочих теорией превосходства белой расы». Провозгласить лозунг равенства черных и белых якобы было недостаточно. «Компартия может стать вождем национального аграрно-революционного движения туземных масс». К сожалению, «большинство партии» не приняло этот лозунг. Но белый пролетариат был обязан признать, что он представляет меньшинство населения, и вместе с туземными массами бороться против английской буржуазии и белого империализма. И наконец, следовало создавать южноафриканские профсоюзные центры, которые включали бы как белых, так и черных рабочих⁹². Если резолюция и не повторила фактически требования VI конгресса относительно «независимой туземной республики», то это вовсе не означало какого бы то ни было отхода от решений конгресса и не интерпретировалось в таком смысле измощанной южноафриканской партией. В январе 1929 г. партийная конференция под руководством Бантинга послушно одобрила резолюцию конгресса, призывавшую к созданию туземной республики, хотя в избранный конференцией Центральный комитет, состоявший из девяти членов, все же вошли шесть белых. Такое решение, однако, привело к выходу из партии нескольких бывших белых лидеров и вызвало поток взаимных обвинений⁹³ — нередкое в те времена следствие вмешательства Коминтерна. Предпринятая в 1929 г. попытка основать на платформе «единого фронта» и под председательством Гумеды Лигу за африканские права была сокрушена по приказу из Москвы, и она распалась⁹⁴.

Теперь даже в коминтерновских кругах утих интерес к трудной негритянской проблеме. Первым признаком жизни созданного Профинтерном летом 1928 г.⁹⁵ Международного профсоюзного комитета негритянских рабочих явилось опубликование в мае 1929 г. длинной и детальной «программы действия». В ней негры постоянно именовались «расой» и подчеркивался классовый фактор их эксплуатации. Много места в программе занимали обычные повседневные требования, и только в одном параграфе (в 16-м из 18-и) затрагивалась спорная тема негритянских профсоюзов. «В Южной Африке, Вест-Индии и в южных штатах США, — говорилось в программе, — негритянские профсоюзы должны слиться в единую организацию и превратить экономическую борьбу негритянских рабочих в борьбу политическую, в экономическую и политическую борьбу за власть, за право на самоопределение»⁹⁶.

На X пленуме ИККИ Лозовский использовал обстоятельства для еще одной яростной критики «белого шовинизма», распространенного в Американской партии, но не поднимал вопроса о политике⁹⁷. Состоявшийся в том же месяце во Франкфурте II конгресс Антиимпериалистической лиги обошел молчанием проблемы африканских негров, которые так заметно фигурировали на учредительном конгрессе Лиги два года назад⁹⁸. Осенью 1929 г. оппозиция в Американской партии лозунгу самоопределения все еще существовала⁹⁹, и только в следующем году Коминтерн предпринял более решительные и на короткое время более удачные усилия, чтобы навязать партии свою политику. Однако это несколько не способствовало решению проблемы¹⁰⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К концу 20-х годов та форма, в которую с самого начала отливалась большевистская революция, оказалась разбитой вдребезги. Творцы революции твердо верили, что большевистская революция явится сигналом для революций в основных европейских странах, особенно в Германии, что численно слабый русский пролетариат пойдет в общем товарищеском строю с европейским пролетариатом к социалистической цели, что не возникнет противоречий между национальными и интернациональными задачами революции. Суровая действительность вскоре разрушила эту картину. Когда Ленин с такой неохотой, а партийное большинство с еще меньшим желанием голосовали за заключенный в марте 1918 г. Брест-Литовский договор, они молчаливо приняли ту точку зрения, что в данный момент, в чрезвычайных обстоятельствах выживание Советской Республики было важнее любых других целей. Под влиянием гражданской войны и иностранного вторжения, обрушившихся на находившуюся в одиночестве республику, и в результате задержки революции на Западе, приоритет данной цели незаметно, но глубоко проник в сознание советских политических деятелей. В 1921 г. Ленин положил конец режиму «военного коммунизма», который, хотя и восхвалялся его сторонниками как решительный шаг на пути к социализму, теперь уже стал рассматриваться лишь как вынужденная реакция на неотложные требования гражданской войны¹. Вместо него Ленин ввел НЭП — частичное и временное «отступление» к буржуазным условиям торговли. Подписанное в том же году англо-советское торговое соглашение и Генуэзская конференция обозначили рабочий компромисс между принципами революционного интернационализма и настоящей необходимостью прорвать западный бойкот и наладить торговые отношения с капиталистическим миром.

Пока Ленин был жив, подобную политику можно было все еще рассматривать как временную меру в чрезвычайных обстоятельствах, предназначенную для того, чтобы выйти из тупика, преодолеть трудности в этот период. Ленин никогда не терял революционной веры и не проявлял никакой склонности возводить подобные меры в категорию руководящих принципов. Но когда он умер в январе 1924 г., перспектива революции на Западе стала

уже мрачной и отдаленной, а построенная на таких расчетах политика — бессодержательной и нереальной. Одинокость революционного режима с самого начала побудила к действиям, которые по всем признакам расходились с целями и принципами революции. Эта неожиданная и все продолжающаяся одиночность, как видно, требовала ревизии идеологии. «Социализм в одной стране» — таким был ответ на возникшую необходимость. Взгляды, которые выкристаллизовались в новую доктрину, не были лишь творением Сталина. Однако подобало, чтобы доктрину сформулировал, систематизировал и сделал обязательной для партии ведущий большевик, который с самого начала выражал неверие в возможность революции на Западе. Когда Сталин на заседании ЦК партии 11—24 января 1918 г. заметил, что «революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться», то Ленин возразил: «...конечно, на Западе есть массовое движение, но революция там еще не началась. Однако если бы в силу этого мы изменили бы свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму»². Парадоксально, однако, выглядит то, что доктрину Сталин изложил под заголовком «Об основах ленинизма».

Какими бы неоспоримыми ни были обстоятельства, которые вынудили избрать доктрину о социализме в одной стране, этот факт заставил по-другому взглянуть на характер самой революции. Социализм, установленный революцией в экономически неразвитой стране, где пролетариат экономически отсталый и численно слабый, не был и не мог быть социализмом, который виделся Марксу и Ленину как результат революции соединенного пролетариата индустриально развитых стран. У Сталина не было того доверия к массам, которое являлось главным постулатом веры Маркса и Ленина. Индустриальная и аграрная революции, имевшие место в Советском Союзе в конце 20-х и в 30-е годы, были в некотором важном смысле социалистическими. Но эти революции полностью утратили характер пролетарских революций «снизу». Это были революции «сверху» и осуществлялись строго организованной партийной машиной, якобы действовавшей как авангард пролетариата, который слишком слаб, чтобы действовать самостоятельно.

Такая гибридная и сомнительная концепция социализма быстро инфицировала модель мировой революции и политику Коминтерна. В мировой революции, которую Маркс и Ленин представляли себе как массовое движение объединенного европейского пролетариата, ни один марксист не отвел бы ведущую роль слабому русскому контингенту. Можно было бы в самом деле утверждать, что неспособность русской революции разжечь пламя революций в западных странах явилась результатом банкротства западного марксизма, в критический момент не сумевшего выработать ни теории, ни практики революции, пригодных в развитом капиталистическом обществе, и что именно это банкротство, поверхностно

объясненное в Москве предательством вождей западной социал-демократии, сделало разрыв между Востоком и Западом неизбежным. Общего языка найти не удалось. Начиная с 1924 г. мировая революция представлялась Москве в виде движения, направляемого «сверху» аппаратом, якобы действующим от имени того единственного пролетариата, который совершил победоносную революцию в собственной стране. Естественным следствием подобной переориентации явились предположения, что только русские руководители обладают монополией на знания и опыт относительно путей свершения революции и что первостепенная задача мировой революции состоит в защите единственной страны, где революция успешно осуществлена. Обе эти посылки, а также обусловленные ими политические линии и процессы, оказались неприемлемыми для рабочего класса Западной Европы, который считал себя значительно более развитым в экономическом, культурном и политическом отношении, чем их отсталые русские товарищи по классу. Упорное стремление проводить свою политику лишь дискредитировало в глазах западных рабочих как московских руководителей, так и послушные им национальные коммунистические партии, и в конце концов саму идею революции. Как минимум, это помогло подтвердить (во всяком случае на данный период) высказанное Сталиным в 1918 г. мнение о том, что «революционного движения на Западе» не существует.

Отношения с отсталыми некапиталистическими странами складывались совсем по-иному. Здесь смотрели на Советский Союз как на страну, сумевшую через революцию и индустриализацию добиться резкого возрастания экономической независимости и политической силы — достижение, достойное зависти и подражания. Защита Советского Союза, отнюдь не казавшаяся помехой революционной программе, означала защиту самого сильного союзника отсталых стран в их борьбе против развитых империалистических государств. И методы, вызывавшие отвращение в странах, где буржуазная революция стала предметом истории и где мощные рабочие движения выросли внутри гибкой структуры либеральной демократии, не казались столь неподходящими в странах, где буржуазная революция была все еще на повестке дня и где еще не имелось в достаточном количестве пролетариата. Там, где голодные и неграмотные массы не достигли уровня революционного сознания, революция сверху была лучше, чем вообще никакой революции. Только в Китае, где традиции национальной цивилизации имели древние и крепкие корни, в революционном движении возник протест из-за навязываемого Москвой руководства — и то в основном в более поздний период.

Таким образом, несовершенный и противоречивый характер данной революции, который отразился в формулах «социализм в одной стране» и «революция сверху», оставил свой след и повредил революционным достижениям внутри страны³. В такой же мере это оказало влияние и на ее международные связи. Можно,

конечно, спорить, явился ли кризис капитализма, начавшийся в это время (то есть конец мирового капитализма, как это понималось до 1914 г.), следствием войны 1914—1918 гг. или же революции 1917 года в России. Саму революцию, как и войну, можно считать и следствием и причиной загнивания мирового капиталистического порядка. В то время как в развитом капиталистическом мире генерированное русской революцией брожение оставалось главным образом разрушительным фактором и было неспособно предложить какую-либо конструктивную модель революционного действия, в отсталых некапиталистических странах это брожение проникло глубже и проявило себя более позитивно. Авторитет революционного режима, который в основном с помощью лишь собственных усилий поднялся до статуса крупной индустриальной державы, этот авторитет делал режим естественным лидером отсталых стран в их борьбе против всемирного господства западного капитализма, до 1914 г. фактически не знавшего соперничества. И поэтому грязь, пятнавшая его репутацию в глазах Запада, казалась не имеющей большого значения. Через восстание отсталого некапиталистического мира революция явила новый вызов капиталистическим державам, чьи потенциальные возможности пока еще были не исчерпаны. Русская революция 1917 года далеко не достигла поставленных перед собой целей и не оправдала многих, порожденных ею надежд. Ее репутация оказалась не только сомнительной, но и с изъяном. Кроме того, она явилась источником более глубоких и длительных последствий для всего мира, чем любое другое историческое событие нашей эпохи.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

ФЕОДАЛИЗМ В КИТАЕ

В начале 20-х годов Китай являл собой большевистским наблюдателям картину все еще в основном средневекового («феодального») общества. И хотя усилия, которые предпринимал западный мир («капитализм»), чтобы вторгнуться в него, были мощными, география этих усилий оказалась лимитированной. В статье, написанной в июле 1912 г., Ленин назвал Китай «отсталой, земледельческой, полуфеодальной страной» и добавил: «Феодализм основывался на господстве земледельческого быта и натурального хозяйства; источником феодальной эксплуатации китайского крестьянина было прикрепление его к земле в той или иной форме; политическими выразителями этой эксплуатации были феодалы».

В Китае «буржуазно-демократическая программа по отношению к земле» диктовалась «необходимостью разрушения феодализма во всех его видах и проявлениях»¹. На данную позицию не повлиял и хаос, который царил в Китае несколько последующих лет. Главными представителями феодализма, извлекающими из него выгоду, были помещики (в сфере экономики) и милитаристы (в сфере политики), поделившие Китай на соперничавшие феодальные поместья. Основным эксплуатируемым классом являлось крестьянство. Первая задача китайской революции заключалась в уничтожении так называемых «пережитков феодализма». Эта была, по существу, задача буржуазной революции². Феномены, связанные с вторжением современного промышленного капитализма, все сильнее искажавшими общую картину, давали тем проще отодвинуть на второе место, поскольку их творцами и главными, но не единственными потребителями извлекаемой выгоды являлись иностранцы («империалисты»). Это империалисты субсидировали милитаристов, и, хотя и получали сами капиталистическую прибыль, но были заинтересованы в сохранении в китайском обществе преимущественно феодальной структуры. Таким образом, буржуазная революция против феодализма переплеталась с борьбой за национальное освобождение от иностранного империализма, которая получила значительный импульс от антиимпериалистических настроений, возникших в 1919 г. под влиянием «движения 4 мая». Связь между этими двумя аспектами китайской революции посто-

янно подчеркивалась в советских заявлениях³. События, происшедшие в Шанхае 30 мая 1925 г., которые представили собой первое серьезное выступление китайского пролетариата против промышленного капитализма, на первый взгляд, делали более трудным рассмотрение революции как буржуазной и антифеодальной и, возможно, в самом деле озаменовали собой начало раскола между КПК и гоминьданом. Но это препятствие устранили, указав на аналогию с большевистской теорией относительно руководящей роли пролетариата на завершающем этапе буржуазной революции в России.

Гипотеза о китайском феодализме привлекала не всех русских экспертов по Китаю. Автор одной статьи в журнале «Новый Восток» за 1926 г. решительно отверг «весьма распространенное, но совершенно ошибочное представление, будто в Китае существует или недавно существовал феодализм», и добавил, что «в Китае нет наследия феодализма»⁴. Но, очевидно, первым бросил открытый вызов Радек, живое воображение которого получило стимул во время контактов Радека в Университете им. Сунь Ятсена. Когда «Правда» 12 марта 1926 г., в первую годовщину смерти Сунь Ятсена, перепечатала статью Ленина о китайском феодализме, написанную им в 1912 г., Радек в сопроводительной статье, где отвергалась гипотеза о феодализме, довольно смело заметил, что «не зная подробно китайских условий, Ленин в своей статье делает частичные ошибки». Можно якобы с полным основанием утверждать, что, хотя промышленный капитализм проник в Китай сравнительно недавно, торговый капитал давно уже подорвал основы феодального строя и господствует в китайской экономике⁵. Из этого тезиса, однако, следовало, что китайская революция больше не находилась в буржуазно-демократической стадии и что поэтому нет оправдания союзу с гоминьданом. На какой-то момент неосторожный поступок Радека почти не привлек внимания. Однако, когда успехи Северного похода поставили на повестку дня затруднительные практические проблемы социальной политики в национальной революции и когда Радек начал выражать опасения относительно партийной линии в Политбюро, в частных письмах Троцкому⁶ и, вне всякого сомнения, где-то в других местах, стали вырисовываться контуры нелегкой полемики.

Сначала никто не испытывал горячего желания браться за сложную тему природы общества или характера революции в Китае. На XV партийной конференции, прошедшей в Москве в ноябре 1926 г., Бухарин сказал, что факты показывают «за последнее время рост и явное развитие капиталистических отношений [в Китае]... хотя это капиталистическое развитие зашло не очень далеко с точки зрения общего положения в стране», и привел статистические данные, указывающие на наличие множества крупных поместий⁷. Несколько недель спустя в письменном отчете VII пленуму ИККИ он привел ту же самую статистику, чтобы показать на-

личие «крупных поместий, остатков прежней феодально-помещичьей, чиновнической бюрократии», но добавил, однако, что «феодальный режим обречен в Китае на слом»⁸. По этому же случаю Тань Пиншань говорил о «полуфеодальном милитаризме»⁹, а Сталин — о борьбе «против империализма и против феодально-средневековых пережитков в Китае»¹⁰. Тезисы по Китаю, в которых делался особый упор на необходимость аграрной революции, представляли собой первую серьезную попытку Коминтерна детально проанализировать китайское общество. В числе факторов, осложнявших ситуацию, отмечалось наличие бесчисленных пережитков феодального строя, которые разрушаются по мере продвижения революционных армий. Китайский милитаризм характеризовался как «социально-политическая сила, которая в настоящее время господствует на большей части территории Китая»; хотя он, «будучи военной организацией, в то же время представляет из себя один из основных каналов первоначального капиталистического накопления в Китае». «Феодально-милитаристские клики» не только олицетворяют собой «силы реакции», но и являются «агентами империализма» — этой высшей стадии капитализма¹¹.

На данном этапе спор шел пока в чисто теоретическом плане. В начале 1927 г. Радек опубликовал статью под названием «Основные вопросы китайской истории», которая, по замыслу, должна была стать введением к предстоящей публикации его лекций, прочитанных в Университете им. Сунь Ятсена. В статье он старался доказать, что торговый капитал развился в Китае задолго до проникновения в страну иностранного капитала. Частная собственность на землю появилась в раннем периоде; существовали как крупные, так и мелкие владения; затем начался процесс дифференциации. Рыночные отношения проникли в сельскую местность и вытеснили примитивную натуральную экономику. В городах процветало ремесло, фабричное производство и торговля, которые приобретали все больший вес. В своей статье Радек писал, что «Китай входит в историю, как *феодальное государство*, которое по существу ничем не отличается от европейских феодальных государств». Но такое состояние давно сменило денежное хозяйство со «служилым дворянским сословием и торговыми людьми», которые взяли на себя прямую эксплуатацию крестьянства. Китайский феодализм — это якобы исторический феномен сравнительно отдаленного прошлого¹². То, что раскол уже заявил о себе в Университете им. Сунь Ятсена, было ясно из статьи Мифа (заместителя Радека) в партийном журнале, в которой он писал, что перед китайской революцией стояла двойная цель — «свергнуть империалистическое господство и освободить страну от чудовищных остатков *полуфеодального прошлого*»¹³. Примечательное совпадение — именно в этот момент Мао в своем хунаньском отчете сослался на борьбу крестьян с «феодально-помещичьим классом»¹⁴. Он, как видно, использовал это выражение впервые, что явилось

признаком роста его знаний марксистской и большевистской литературы.

В марте 1927 г., когда и в Китае, и внутри партии в Москве росла напряженность, участники спора вышли на политическую сцену. В статье, посвященной второй годовщине со дня смерти Сунь Ятсена, Радек в более откровенных, чем прежде, выражениях писал в «Известиях»: «Источником крестьянской революции в Китае является борьба против последствий проникновения капитализма в китайскую деревню..., направленная не против несуществующего больше в Китае феодализма, а против одной части современной китайской буржуазии»¹⁵.

Когда Троцкий 31 марта 1927 г. изложил свою критику китайской политики в Политбюро¹⁶, именно Радеку, застрельщику атаки, пришлось принять на себя главный удар идеологического контрнаступления, предпринятого Бухариным и Сталиным в речах от 4 и 5 апреля 1927 г. По словам Бухарина, готового признать, что китайский феодализм не был «обычным феодализмом», из отрицания Радеком существования феодализма в Китае вытекало, что единственным противником, с которым приходится сталкиваться рабочим и крестьянам, является буржуазия, — точка зрения, не совместимая с буржуазно-демократическим характером революции¹⁷. Значительную часть своей весьма нередко цитируемой статьи, опубликованной в «Правде» 10 апреля 1927 г., Мартынов посвятил критике позиции Радека, подменяя слово «феодальный» термином «докапиталистический»¹⁸ — прием, который Радек в свою очередь осудил как попытку уйти от вопроса.

На встрече со студентами Университета им. Сунь Ятсена в следующем месяце Сталин вновь отверг толкование феодализма Радеком и заявил, что Радек «либо отрицал вовсе наличие пережитков феодализма, либо не признавал серьезного значения пережитков феодализма в китайской деревне» и не понял «этого сочетания господства феодальных пережитков с существованием купеческого капитала в китайской деревне при сохранении феодально-средневековых методов эксплуатации и угнетения крестьянства»¹⁹. Через неделю, на VIII пленуме ИККИ Сталин вновь утверждал, что «феодальные пережитки» являлись «основной формой гнета в Китае» и что иностранный империализм «вдохновляет, культивирует и консервирует феодальные пережитки»²⁰. И в уклончивом абзаце резолюции пленума, где анализировался характер китайской революции, все еще говорилось о предстоящем «завершении буржуазно-демократической революции против феодализма»²¹. Автор статьи в журнале Коммунистического университета трудящихся Востока, опровергая тезис Радека, заключил, что, хотя Китай сделал «за последние несколько десятилетий заметные шаги по пути капиталистического развития», в нем сохранились «отнюдь не малочисленные и чрезвычайно сильные феодально-крепостнические пережитки» и что империалистические державы «опи-

раются на систему этих отношений», чтобы сохранить в Китае собственные позиции²².

Крутой поворот Чан Кайши в апреле 1927 г. раскрыл все значение этой, как представлялось, теоретической полемики, переводя ее на язык текущей политики. В зависимости от ответа на вопрос, была ли китайская революция на данной стадии направлена (при содействии части буржуазии) против «пережитков феодализма» или же против буржуазии, в решающей мере зависел характер отношений КПК с гоминьданом. Как язвительно заметил Радек, «все бухаринские теории (феодализма) служили одной цели — продемонстрировать необходимость сохранить любой ценой единый фронт с буржуазией»²³. Троцкий не проявил большого желания заняться этой теоретической проблемой. Но в неопубликованной памятной записке от 25 июня 1927 г. он отметил, что с развитием империалистами промышленности Китай нельзя больше рассматривать как «патриархальную страну»²⁴. В письме от 12 июля 1927 г. он доказывал, что «невозможно говорить о китайском феодализме» в обычном понимании этого слова и что «только благодаря безусловно господствующей роли капиталистических отношений во всей китайской экономике можно говорить о возможности пролетарского руководства в национальной революции». В неопубликованной статье от сентября 1927 г. Троцкий объяснил недостаточную буржуазную поддержку китайской революции отсутствием «феодализма» в Китае²⁵. В письме к Преображенскому от 29 марта 1928 г., ссылаясь на авторитет Радека, он утверждал, что «в Китае нет земельной знати», «аграрная революция в Китае направлена против городской и деревенской буржуазии»²⁶. В июле 1928 г., критикуя проект программы Коминтерна, Троцкий еще настойчивее указывал, что «в Китае не существует касты феодальных помещиков, находящейся в оппозиции к буржуазии», и что «самым распространенным, обычным и ненавистным эксплуататором в деревне является кулак, агент городского финансового капитала». И он заключил, что в Китае «преобладают капиталистические, а не феодальные (более правильно — крепостнические, вообще же докапиталистические) отношения»²⁷.

Разрыв Чэнь Дусю с КПК в 1929 г. позволил ему смело высказывать свое мнение, которое он давно молча вынашивал. В своем «третьем письме» в ЦК партии, направленном осенью 1929 г., он заявил, что «китайский феодализм уже в течение долгого времени тесно переплетался с торговым капиталом» и что «нет такого коренного противоречия экономических интересов между феодалами и буржуазией»²⁸. В письме от 10 декабря 1929 г., написанном после исключения из партии, Чэнь Дусю доказывал, что признать феодальные элементы господствующими в Китае означало признать буржуазию революционной силой, а это вело к тому, что не принимался во внимание реакционный характер китайской буржуазии²⁹.

Пока сохранялась официальная точка зрения, что китайская революция все еще пребывала в буржуазно-демократической стадии, было необходимо настаивать на преобладании в китайской экономике и в китайском обществе «пережитков феодализма». Резолюция IX пленума ИККИ от февраля 1928 г. начиналась с твердого заявления, что буржуазно-демократическая революция (имелся в виду в экономическом плане «аграрный переворот и уничтожение феодальных отношений») пока еще не завершилась³⁰. А программа Коминтерна, принятая на VI конгрессе шесть месяцев спустя, включала Китай в число «стран, где преобладают феодально-средневековые отношения»³¹. В начале 1929 г. Дубровский, вице-президент Международного общества почвоведов, читал в Научной ассоциации востоковедения и в Коммунистической академии лекции о земельных отношениях в Азии. И он твердо отстаивал факт существования феодализма в Китае и доказывал, что неспособность признать революционную роль крестьянства — это следствие отрицания феодализма оппозицией³².

Примерно в это же время в напечатанной в «Правде» обзорной статье Варга признал наличие в Китае «феодальных элементов» и сходства с «условиями средневековой жизни в Европе»³³. Существование феодальных элементов в китайском обществе теперь стало неоспоримым составным компонентом партийной доктрины. Уподобление же позиции Чан Кайши и позиций других милитаристов, а также отрицание того, что в результате национальной революции буржуазия отобрала власть у феодального землевладельческого класса, стали признаками ортодоксальности³⁴. Радек, отказываясь в 1930 г. от своих прежних взглядов, назвал Национальное правительство в Нанкине альянсом между помещиками и капиталистами, основанном на «неликвидированных пережитках феодализма»³⁵. В результате ни сторонники тезиса о том, что Китай, связанный пережитками феодализма, все еще находился на стадии буржуазно-демократической революции, ни их критики, заявлявшие, что единственная революция, которая теперь была на повестке дня в Китае, это только пролетарская революция, не предвидели того направления, по которому предстояло пойти революционному движению.

Побочным результатом полемики о китайском феодализме явился еще более схоластичный спор относительно «азиатского способа производства», также получивший политическую окраску. Начиная с XVI столетия, главным образом под впечатлением подъема Османской империи, западноевропейское воображение все больше поражала картина восточного мира, находящегося вне пределов европейской цивилизации и в своей основе совершенно чуждого ей. Следом за Монтескье французские философы XVIII века «восточному деспотизму» стали противопоставлять распространенные на Западе формы абсолютной монархии. Дихотомия Востока и Запада сильно повлияла на формирование геге-

левской европоцентрической концепции истории. История, то ли как толкование смысла случившегося или как регистрация событий, в понимании Гегеля представляла собой «прогресс в сознании свободы». Этот процесс он отождествлял с европейской цивилизацией. «Лишь у греков, — по его словам, — появилось сознание свободы»³⁶. История также предполагает существование государства, которое есть духовная идея, «проявляющаяся в форме человеческой воли и ее свободы». С государством неразсторжимо связана перемена в аспекте истории. Период, предшествовавший созданию народом государства, — это «доисторическое время», рассмотрение которого «не входит в нашу задачу»³⁷. Восточный мир относился именно к этому периоду. Как в Китае, так и в Индии *совершенно* «отсутствует существенное сознание понятия свободы»³⁸. В Китае «всякая возможность изменений исключена... и неизблемое, всегда вновь повторяющееся начало заменяет то, что мы называли бы историческим элементом». «Китай и Индия остаются неизменными и влачат естественное растительное существование до настоящего времени»³⁹. Политическая жизнь на Востоке — это «детский возраст истории». Восток — земля пробуждающейся истории⁴⁰. Гегель соглашался с концепцией «распространения...наций из Азии». Однако ее «вышеупомянутое прошлое, по-видимому, длившееся так долго, лежит за пределами истории; оно предшествовало ей»⁴¹. Чем дальше на Восток, тем убедительнее звучало это суждение. «Дальняя восточная Азия удалена от всемирно-исторического процесса», и «Китай и Индия находятся еще, так сказать, за пределами всемирной истории»⁴². Гегель воспринял и систематизировал традиционную точку зрения, согласно которой колыбелью истории была классическая Греция, и все, что ей предшествовало, — это предыстория или миф.

Маркс и Энгельс в работе «Немецкая идеология» (1845—1846), которая не была опубликована при их жизни, уже пустились в некоторые дискурсивные размышления относительно первобытного общества. «Первой формой собственности» якобы была «племенная собственность», которая «соответствует неразвитой стадии производства, когда люди живут охотой и рыболовством, скотоводством или, самое большее, земледелием». Она предшествовала «второй форме», отмеченной объединением племен в города при сохранении рабства, разделением труда, развитием частной собственности и развитием «классовых отношений между гражданами и рабами». Ни одна из форм не была географически привязана, хотя вторая, несомненно, представляла собой картину греко-римского общества⁴³. Но это нисколько не предполагало умаления, в сущности, европоцентристской точки зрения, которую Маркс унаследовал от Гегеля. В ранней работе «Наемный труд и капитал» он определил «античное общество, феодальное общество, буржуазное общество» как «совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества»⁴⁴, подразуме-

вая таким образом, что «история человечества» началась с античного (то есть греческого и римского) общества. В «Коммунистическом Манифесте» «древний Рим» и «средние века» представлены как «предшествующие исторические эпохи», а «варварские и полуварварские страны» «Востока» противопоставлены «цивилизованным» странам «Запада». Появился, однако, один новый элемент. Доисторический период, который для Гегеля отличало отсутствие и перемен и государства, для Маркса и Энгельса характеризуется отсутствием классовой борьбы. Знаменитый афоризм из «Коммунистического Манифеста», что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», представляет собой скорее определение истории, чем фактическое заявление относительно классовых отношений.

Создатели «Коммунистического Манифеста», вдохновленные уроками китайской «опиумной» войны, мимоходом обратили внимание на феномен, непредвиденный Гегелем, — на проникновение в восточный мир западного капитализма. «Дешевые цены ее товаров, — писали они, — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она [буржуазия] разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа».

В одной из статей, напечатанной в «Новой Рейнской газете» 31 января 1850 г., Маркс отметил тот отрадный факт, «что самая древняя и самая прочная империя в мире под воздействием тюков ситца английских буржуа за восемь лет очутилась накануне общественного переворота», и затем в шутливой форме писал: «Когда наши европейские реакционеры в предстоящем им в близком будущем бегстве в Азию доберутся, наконец, до Китайской стены, к воротам, которые ведут к архиреакционной и архиконсервативной твердыне, то, как знать, не прочтут ли они там надпись: „Китайская Республика — свобода, равенство, братство?“»⁴⁵.

Однако только в 50-е годы, после их переезда в Англию, Маркс и Энгельс начали проявлять особый интерес к китайскому и индийскому обществам. Маркс, читавший труд французского исследователя и географа начала XVIII века Бернье, в письме Энгельсу от 2 июня 1853 г. отметил (приводя слова Бернье. — *Ред.*), что в империи Великого Могола «государь является единственным собственником всех земель в государстве», и добавил, что в Турции, Персии и Индостане — *отсутствие частной собственности на землю*⁴⁶. Через четыре дня Энгельс присоединился к мнению Маркса и написал, что «отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока», и высказал предположение о причинах того, почему здесь не привилась даже феодальная концепция собственности. Он утверждал, что «от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенной части азиатского плоскогорья... первое

условие земледелия здесь — это искусственное орошение», и это сделало «общественные работы» важной правительственной функцией⁴⁷. В ответе от 14 июня 1853 г. Маркс, который только что подготовил статью для «Нью-Йорк дейли трибюн» об Индии, развил данную тему с особой ссылкой на Индию. Он объяснил «застойный характер этой части Азии» двумя факторами: во-первых, «общественные работы — дело центрального правительства» и, во-вторых, «все государство... состоит из множества сельских „общин“». Замкнутые общины образовали то, что Маркс иронически назвал «идиллическими республиками», и он решительно заключил: «Мне кажется, что трудно представить себе более солидную основу для азиатского деспотизма и застоя»⁴⁸.

Когда Маркс в своих рукописях 1857—1858 гг. (впервые опубликованных через пятьдесят лет после его смерти), спустя десять лет после создания «Немецкой идеологии» вновь обратился к анализу первобытных обществ, он вполне осознавал наличие местных вариантов и назвал в этой связи славянские и румынские общины, а также Мексику, Перу, древних кельтов и «некоторые племена Индии». Но он все больше склонялся к тому, чтобы считать азиатские формы прототипом первобытного общества. По его мнению, здесь имелось «объединяющее единое начало, реализованное в деспоте как отце этого множества общин». «Восточный деспотизм», по Марксу, был в юридическом смысле равнозначным «отсутствию собственности»⁴⁹. Маркс полагал, что в силу главного принципа, на котором он основан, когда «отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине», «всего упорнее и всего дольше держится азиатская форма»⁵⁰. Ничто из сказанного не базировалось на творческом изучении или исследовании. Это была смесь концепций азиатского общества, которые имели хождение среди европейских ученых в течение последних полутора столетий.

И наконец в знаменитом Предисловии к «Критике политической экономии» Маркс в 1859 г. перечислил четыре последовательных типа общества со свойственными им способами производства. «В общих чертах, — писал он, — азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации». А в первом томе «Капитала», в главе, где идет речь о товарном фетишизме, Маркс отметил, что «при древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар <...> играют подчиненную роль»⁵¹. Но он не прибегнул снова к четырехступенчатой классификации и был явно менее заинтересован в этом заимствованном перечне, чем в принципах идентификации общества по способу производства, которые через несколько лет в письме к Энгельсу назвал «нашей теорией об определении организации труда средствами производства»⁵². Маркс никогда не отходил от своей, данной им десять лет назад, основной периодизации человеческой истории, разделяя ее на ан-

тичную, феодальную и буржуазную, и не отказывался от точки зрения Гегеля, что азиатское общество относится не к историческому, а доисторическому времени. Он однажды заметил, что «в восточных государствах мы постоянно наблюдаем неподвижность социальной базы при неустанной смене лиц и племен, захватывающих в свои руки политическую надстройку»⁵³. А в первом томе «Капитала» писал о «неизменности азиатских обществ»⁵⁴. Марксовы исследования природы первобытных обществ, существовавших до возникновения классовой борьбы — а, следовательно, и истории, — были столь же второстепенными по отношению к предмету его главной заботы, как и изыскания относительно характера будущего общества, когда классовая борьба — а поэтому и история — окажутся преодоленными⁵⁵.

Энгельс пошел по стопам Маркса. В рассуждении о происхождении общества в книге «Анти-Дюринг» он также использовал четырехступенчатую классификацию. Первоначальный первобытный период человеческого общества был таким периодом, когда люди выступали «еще как полуживотные, еще дикие... поэтому они были бедны, как животные». Но и тогда уже выполнялись некоторые необходимые общественные функции и устанавливались формы деспотизма теми, кто эти функции выполнял. «Восточный деспотизм, от Индии до России» был назван «самой грубой государственной формой». Однако ничто из сказанного не давало основания предположить, что эти условия специфически азиатские. Следующий период представляла греко-римская цивилизация, характерным экономическим институтом которой являлось рабство. А это уже было «большим шагом вперед» по сравнению с прежним периодом. Затем наступили третий (средневековый или феодальный) и четвертый (современный или буржуазный) периоды в развитии общества⁵⁶. Однако первобытный, «полуживотный» период остался уродливым наслоением, лежащим за пределами таких великих свершений истории, как эксплуатация и классовая борьба. Аномалия использования географической привязки для определения экономической системы также создавала неудобства. И Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» опустил азиатские и восточные категории, сохранив три основных периода. Он писал: «Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации»⁵⁷. Данная трехступенчатая классификация продолжала служить каркасом марксистской концепции исторического процесса.

Подобно Гегелю и Марксу, Ленин начал исходя из предположения о неподвижности азиатского общества. В статье о Толстом, написанной в январе 1912 г., он привел аргумент Толстого из статьи 1862 г. о том, что идею «общего закона движения вперед человечества» опровергают «неподвижные» восточные народы. Ле-

нин отождествил взгляды Толстого с «идеологией восточного строя, азиатского строя». Далее Ленин заявил, что русская революция 1905 года дала толчок движениям «в целом ряде государств того самого „Востока“», на «„неподвижность“ которого Толстой» ссылался, и что «1905 год был началом конца „восточной“ неподвижности»⁵⁸. В ранних работах Ленин дважды повторил без комментариев Марксову четырехступенчатую классификацию человеческих обществ⁵⁹. В выступлении во время дискуссии по аграрному вопросу на IV съезде партии в 1906 г. Ленин мимоходом заметил, что «поскольку в московской Руси была (или: если в московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был *азиатский способ производства*. Между тем, в России со второй половины XIX века укрепился, а в XX веке стал уже безусловно преобладающим *„капиталистический способ производства“*»⁶⁰. Следуя примеру Маркса и Энгельса, Ленин неизменно называл русское общество царского времени «полуазиатским»⁶¹, и по крайней мере в двух случаях (в 1902 и 1911 гг.) поставил под сомнение правомерность применения европейского понятия «феодал» к более примитивным российским условиям⁶². Но так как в 1912 и последующих годах он часто употреблял этот термин в связи с Китаем⁶³, можно предположить, что китайская революция, имевшая место в предшествовавшем году, побудила его искать аналогии исторического развития Запада в китайском обществе и не делать упор на его «азиатский» (в значении «неподвижный») характер. В лекции «О государстве», прочитанной в 1919 г., Ленин, не указывая конкретно на Азию, дал систематический анализ проблемы. «Первоначальное патриархальное, первобытное общество», — по его словам, ничего не знало ни об аристократах, ни о государстве, которое «возникает только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы». Это началось в обществе классической Греции и Рима, «обществе, основанном на рабстве, обществе рабовладельческом», ибо «рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы». Анализ государства покоился на трехступенчатой классификации, выделялись «крупные периоды человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический»⁶⁴. Первобытное общество, одним из проявлений которого являлся азиатский способ производства, существовало, по выражению Гегеля, «до» и «вне» истории. Как и Маркс, Ленин довольствовался тем, что воспринял традиционные представления своего времени о предмете, который находился в стороне от его главных забот.

После смерти Ленина интерес к Азии ослабел, затем вновь пробудился под влиянием публикации в 1925 г. серии статей Маркса об Индии и Китае. Предисловие Рязанова к книге не вызвало споров⁶⁵. И, по-видимому, чисто случайно в ожесточенные дебаты, возникшие весной 1927 г. в результате отрицания Радеком существования феодализма в Китае, оказалась втянутой тема ази-

атского способа производства⁶⁶. Радек вовсе не утверждал, что китайское общество в данный момент или в прошлом отличал специфический азиатский способ производства. Не упоминал этой теории и Сталин, когда критиковал Радека или повторял собственные утверждения о наличии пережитков феодализма в Китае. Как только, однако, к атакам на Радека присоединился подобострастный Пеппер, то Радек смело заявил, что феодализм никогда не существовал в Китае в прошлом, а капитализм, в собственном смысле слова, не господствует в настоящем. А Пеппер между тем писал: «Основой китайского хозяйства все еще является, по выражению Маркса, *«азиатский способ производства»*... Классическое свойство феодализма — крупные землевладения и крепостническое право — отсутствуют в Китае. Крупную роль торгового капитализма не следует смешивать с господством капиталистического способа производства»⁶⁷.

С этого момента азиатская теория стала спорадически всплывать в самых неожиданных местах. Мадьяр, вернувшийся летом 1927 г. после окончания срока службы со своего поста в советском консульстве в Шанхае, стал ее восторженным поборником⁶⁸. Примечательно, что теорию включили в проект аграрной программы, подготовленный ЦК КПК на совещании 9—10 ноября 1927 г.; это явно мотивировалось желанием опровергнуть утверждение о том, что в Китае якобы сохранились пережитки феодализма и что, следовательно, революция все еще ограничивалась буржуазно-демократическими рамками⁶⁹. На XV съезде российской партии, прошедшем в Москве месяц спустя, Ломинадзе, прямо или косвенно ответственный за данную статью в программе, упомянул «пережитки этого своеобразного китайского феодализма, которые лучше было называть, как Маркс называл, азиатским способом производства». Это вызвало острый обмен репликами между Ломинадзе и Мифом, который заявил, что «Маркс не противопоставлял феодализма азиатскому способу производства», что Маркс «под азиатским способом производства понимал одну из разновидностей феодализма»⁷⁰. Бухарин, уклоняясь от полемики, напомнил Ломинадзе, что спор идет не о том, что является ли феодализм в Китае «особым» или «европейским», а о том, есть ли он вообще⁷¹. Эта проблема не была связана и ни с одним из уклонов. В то время как Ломинадзе использовал теорию азиатского способа производства, чтобы подкрепить свою точку зрения о том, что в Китае нет буржуазии и поэтому не может быть и буржуазной революции, другие поборники азиатского способа, подобные Пепперу, принадлежали к правому крылу партии. В статье, опубликованной в партийном журнале в апреле 1928 г., которую редактор представил как «дискуссионную», Варга продолжал защищать азиатский способ и доказывал, что понятие «феодализм» было применимо к Китаю только в качестве синонима докапитализма⁷². Но, в конце концов, более глубокие причины делали данную точку зрения неприемлемой. Представление об азиатской

«исключительности» было также неприемлемо, как и представление об американской «исключительности»⁷³. Желание иметь синтезирующее исследование, охватывающее всю историю — прошлое, настоящее и будущее, — которое вступало в противоречие со стремлением выделить специфические характеристики азиатского общества, всегда навязчиво присутствовало в Коминтерне, чьи претензии инструктировать и направлять коммунистическое движение во всем мире покоились на гипотезе, что его основные проблемы и задачи были повсюду одинаковые. Признать данную гипотезу недействительной — значит свергнуть Коминтерн с пьедестала и уничтожить превалярующий авторитет Москвы в коммунистическом мире.

Поэтому, когда китайская делегация в июне 1928 г. прибыла в Москву на VI конгресс Коминтерна, она узнала, что формула «азиатского способа» стала теперь крамольной, и проект аграрной программы, принятой в ноябре 1927 г., по инициативе Ломинадзе, был быстро забыт⁷⁴. В докладе конгрессу по аграрному вопросу Ли Лисань категорически отверг всякое применение к Китаю теории азиатского способа производства, который предполагал государственную собственность на землю⁷⁵. Резолюция конгресса длинно и обстоятельно разъяснила, что наиболее существенные черты азиатского способа производства: отсутствие частной собственности на землю, крупные общественные сооружения (особенно по орошению), предпринимаемые правителем, но и также общинная социальная система — все это противоречило действительности Китая, что поэтому попытка «охарактеризовать временный социально-экономический строй в Китае... как переходной строй от азиатского способа производства к капитализму должна быть признана ошибочной» и что аграрные отношения в Китае «могут и должны быть определены только как полуфеодальные отношения»⁷⁶.

На VI конгрессе Коминтерна, собравшемся сразу же после VI съезда КПИ, не обсуждался ни китайский феодализм, ни азиатский способ производства, хотя Бухарин мимоходом заметил, что буржуазно-демократическая революция в Китае вела борьбу как с буржуазией, так и с «феодальным господством»⁷⁷. Но случилась неожиданная промашка. Программа Коминтерна, подготовленная Бухариным задолго до конгресса, то есть до того, как эта тема приобрела особую остроту, содержала раздел, посвященный *«колонияльным и полуколонияльным странам (Китай, Индия и т. д.) и странам зависимым (Аргентина, Бразилия и пр.)»*, где все еще преобладали «феодально-средневековые отношения или отношения „азиатского способа производства”». И хотя отдельные разделы проекта программы на конгрессе подробно обсуждались и корректировались, это место, по-видимому, ускользнуло от внимания и осталось без изменений в окончательно утвержденном тексте⁷⁸. И если эта грубая ошибка временами ставила в неловкое положение сторонников официальной линии, ей

не позволили повлиять на ход событий. С этого времени позиция была ясной. Утверждать, что феодализм, хотя и существовавший ранее, больше в Китае не существует, означало распространять крамольные мысли троцкистской оппозиции, которая теперь была полностью под запретом. Заявление о том, что традиционное китайское общество характеризуется не феодализмом, а азиатским способом производства, указывало на принадлежность к правому уклону, осужденному, но пока не признанному несовместимым с членством в партии.

Отзвуки споров по поводу азиатского способа производства были слышны еще некоторое время. В своем докладе Дубровский, защищавший факт продолжавшегося существования феодализма в Китае, с не меньшей категоричностью утверждал, что «нигде Маркс не выделяет какого-либо особого „азиатского способа производства”»⁷⁹. Вопрос обсуждался в ряде научных учреждений. За дискуссиями по докладу Дубровского в Обществе востоковедов и в Коммунистической академии, имевшими место в начале 1929 г., последовало в конце этого же года обсуждение на совещании ленинградских историков. В январе 1930 г. Мадьяр и Дубровский изложили свои противоположные взгляды на заседании восточной секции Всесоюзной конференции марксистов-аграриев. Дебаты велись в теоретическом плане, и в них не участвовала ни одна значительная политическая фигура. Общий вывод сводился к тому, что Маркс рассматривал азиатский способ производства как разновидность феодализма и не имел намерения создать специальную категорию, отделяющую Азию от главной линии развития⁸⁰. И, наконец, в феврале 1931 г. в Ленинграде была организована обширная дискуссия, на которой еще раз были обстоятельно высказаны аргументы «за» и «против» азиатского способа производства. И хотя некоторые из ранее главных действующих лиц на дискуссию не пришли (бросалось в глаза, что Дубровский, Варга и Мадьяр также отсутствовали), политическая окраска в этом случае приобрела более ярко выраженный характер. Итогов не подводили, но приверженность к азиатскому способу стала рассматриваться как признак инакомыслящего меньшинства. Протокол обсуждения опубликовали полностью с примечанием от редакции, что публикация «поможет читателям самим ориентироваться в вопросе, имеющем не только теоретическое, но актуальное политическое значение»⁸¹. Дебаты завершились. Как и в других вопросах, границы дозволяемых отклонений сузились или вовсе были уничтожены. Отказ от азиатского способа стал необходимым признаком партийной ортодоксальности. Те, кто его отстаивал в прошлом, публично отказались от него или примолкли.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

ТИХООКЕАНСКИЙ СЕКРЕТАРИАТ ПРОФСОЮЗОВ

Тихоокеанский секретариат профсоюзов, созданный в мае 1927 г. на конгрессе в Ухане¹, сразу же отпраздновал двойной триумф. 30 июня 1927 г. объявил о своем вступлении в него Конгресс профсоюзов Филиппин, а 18 августа 1927 г. Профинтерн получил сообщение об аналогичном решении Исполкома Австралийского совета профсоюзов². На XV съезде партии в декабре 1927 г. Лозовский похвалялся, что секретариат явился инструментом установления контактов «с целым рядом новых стран», включая Филиппины с 70 тыс. и Австралию с 500 тыс. организованных рабочих³. Браудер, названный делегатом американской ТУЕЛ, в течение последующих двух лет выполнял функции его секретаря и фактотума⁴. Главным видом деятельности секретариата было составление обращений, подобных тому, которое в сентябре 1927 г. было направлено Британскому конгрессу тред-юнионов с протестом против империалистической политики Англии в Китае⁵. В сентябре 1927 г. в Ухань прибыл член КПВ и секретарь Движения меньшинства Харди, чтобы участвовать в работе секретариата и руководить изданием журнала «Пэсифик уоркер». Однако условия в Ухане оказались совершенно неподходящими. Предложение об организации издания журнала в Австралии не прошло, и в декабре 1927 г. секретариат и издательство переехали в Шанхай⁶, где они продолжали, более или менее тайно, свою деятельность в течение последующих двух лет⁷.

С 3 по 5 февраля 1928 г. секретариат провел совещание в Шанхае, на котором были представлены все входящие в объединение профсоюзные организации, за исключением индонезийских и корейских, но включая австралийские и филиппинские. На нем составили отчет по таким знакомым темам, как опасность войны в бассейне Тихого океана, предательство гоминьдана, единство профсоюзного движения, а также дан анализ ситуации в отдельных странах региона. В отчете выражалось удовлетворение решением, принятым 11 декабря 1927 г. в Москве делегатами восьми стран Латинской Америки относительно создания секретариата латиноамериканских профсоюзов; представители вновь образованного секретариата приглашались на следующий конгресс Тихоокеанского объединения профсоюзов. Совещание решило иметь

постоянное бюро из трех человек (из которых один будет редактором «Пэсифик уоркер»), «секретарей-корреспондентов» в Японии, на Филиппинах и в Австралии, а также попытаться установить связи с Индией, Индонезией, Формозой и Аннамом, и предложило созвать следующий Тихоокеанский конгресс в Австралии в марте 1929 г. Совещание выпустило манифест, адресованный рабочим стран Тихоокеанского бассейна, в котором разъяснялись цели секретариата, осуждался белый террор в Китае и содержался призыв о помощи и поддержке китайским союзам⁸.

То, что Москва не придавала Тихоокеанскому секретариату слишком большого значения, можно было заметить во время работы IV конгресса Профинтерна, прошедшего в Москве в марте 1928 г. Секретариат направил конгрессу приветственное послание, подписанное представителями Австралии, Китая, Японии и Америки. В нем указывалось на факт создания секретариата на уханьской конференции в 1927 г., на «наше решение, принятое в феврале», и выражалось сожаление в связи с тем, что не удалось наладить контакт с профсоюзами Индии. Но и Лозовский в своем основном докладе, и Геллер в подробном обзоре по Дальнему Востоку упомянули его лишь вскользь⁹, а члены секретариата, выступавшие на конгрессе (Браудер, Харди и Райан), также о нем ничего не сказали. Только китайский делегат обратил внимание конгресса на «очень важную» работу этой организации¹⁰. Проведенная после конгресса так называемая конференция тихоокеанских профсоюзов «приветствовала решение делегации профсоюзов Латинской Америки рекомендовать рабочим организациям Латинской Америки присоединиться к Тихоокеанскому секретариату профсоюзов»¹¹. План относительно созыва в Австралии конгресса вновь потерпел неудачу. 28 октября 1928 г. секретариат направил профсоюзам — членам объединения длинное письмо, в котором разъяснял, что австралийский премьер-министр не разрешил проводить следующий конгресс в Австралии и что после безуспешной попытки организовать его в Маниле или Гонолулу секретариат решил принять предложение ВЦСПС и провести конгресс во Владивостоке 1 августа 1929 г., с повесткой дня, включающей вопросы опасности войны, борьбы с империализмом, за независимость колоний и единство международного профсоюзного движения¹².

Однако к этому времени было уже вряд ли возможно скрыть банкротство всего предприятия. В одной из статей Лозовский признал, что с момента образования секретариату пришлось работать «в исключительно неблагоприятных условиях» и что оказалось невозможным провести конгресс легально в какой-нибудь капиталистической стране. Кроме этого он лишь уверенно добавил, что «мы должны создавать единый фронт революционных рабочих всего мира»¹³. В установленный день во Владивостоке собрались 25 делегатов с решающим голосом и 17 наблюдателей; приезд других делегатов Азии был блокирован «империалистиче-

скими державами». Столь удручающие обстоятельства заставили конгресс принять статус не конгресса, а конференции, а с повестки дня сняли несколько пунктов. Как видно, были приняты и какие-то резолюции. Однако главным итогом конференции явился тот факт, что она наглядно продемонстрировала слабость коммунистического движения в Австралии и в большинстве азиатских стран¹⁴. Планы коммунизма в Азии были перенесены, по всем признакам, в отдаленное будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 82. СССР и Восток

1. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, с. 167.
2. О первых тактического характера дискуссиях по данной проблеме на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. см.: «Большевистская революция, 1917—1923», т. 3, гл. 26.
3. «Основы плановой экономики, 1926—1929», т. 1, ч. I, гл. 4; Ленин повторил это предписание в ноябре 1920 г. («Большевистская революция...», т. 3, гл. 27).
4. Там же, гл. 27, 32.
5. Там же, гл. 34.
6. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 165—166.
7. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 127—128.
8. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 38.
9. «Internationale Presse-Korrespondenz», Sonderbeilage, 1922, 1. April, No. 2, S. 9.
10. «Социализм в одной стране, 1924—1926», т. 3, гл. 37.
11. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 145. Относительно лекций см.: «Междущарствие, 1923—1924», гл. 14. На V конгрессе Коминтерна в июне 1924 г. Нгуен Ай Куок, по-видимому, имея в виду это высказывание, заявил, что Сталин «охарактеризовал... как контрреволюционную, точку зрения, согласно которой победа пролетариата в Европе возможна без прямого союза с освободительным движением в колониях» («Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». М. — Л., 1925, ч. 1., с. 654).
12. *Л. Троцкий*. Запад и Восток. М. — Л., 1924, с. 38. Следует сделать скидку на обстоятельства и популярный стиль изложения.
13. «Расширенный Пленум Исполкома Коммунистического Интернационала». М. — Л., 1925, с. 45, 432. Относительно высказываний Зиновьева на V пленуме ИККИ по поводу предполагаемого «маршрута» революции см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 30.
14. «Новый Восток», 1928, № 23-24, с. 15.
15. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.
16. Там же, т. 3, гл. 39. Ленин в одной из статей в 1908 г. (см. выше, с. 50) писал, что в Индии «пролетариат досрочно уже до сознательной политической массовой борьбы», в Китае же он видел лишь «революционное движение против средневековья» и полагал, что «неизбежен и переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 17, с. 179).
17. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 146.
18. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР». М., 1927, с. 256.
19. «Новый Восток», 1926, № 15, с. 3, 8. Относительно использования цветного населения в воинских частях см. гл. 70, примечание 77, и с. 252 настоящей книги.
20. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 7. Oktober, No. 98, S. 2107.
21. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 270.
22. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 243—247.

23. «Коммунистическая революция», 15 июля—1 августа 1923, № 13-14 (52-53), с. 25—26. По поводу данной статьи см. также: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 37.

24. Там же, гл. 37.

25. «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», ч. 1, с. 593.

26. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 410—411.

27. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27, 37. Через несколько недель после окончания конгресса Сталин в неопубликованном письме Мануильскому от 31 июля 1924 г. критиковал резолюцию конгресса за трактовку социального вопроса и доказывал, что нужно в «таких колониях, как Индия, подготовить пролетариат к роли вождя освободительного движения» («Коминтерн и Восток». М., 1969, с. 139); эти неразрешенные разногласия вне всякого сомнения объясняют тот факт, что комиссия ИККИ не смогла выработать нужного решения.

28. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 22. Oktober, No. 127, S. 2184; автор статьи был затем делегатом от Турции на VII пленуме ИККИ в ноябре 1926 г. (см. выше, с. 28).

29. Резолюция VI пленума ИККИ, состоявшегося в феврале 1926 г., в: «Коммунистический Интернационал в документах», с. 619.

30. Там же, с. 129.

31. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

32. Там же, гл. 32.

33. «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», ч. 1, с. 758—762; относительно этих дебатов см. также: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.

34. Там же, ч. 2, с. 214—216; по поводу манифеста см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 37.

35. Там же, т. 3, гл. 40.

36. См. выше, с. 76.

37. Относительно этих событий см. выше, с. 141—145.

38. Относительно доклада и дебатов по нему см. выше, гл. 68.

39. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)». М., 1961, т. I, с. 672.

40. Об этом см. выше, гл. 68.

41. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 764—765; относительно резолюции см. выше, с. 150—151.

42. Относительно дебатов см. выше, гл. 70.

43. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 832—870.

44. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 10. August, No. 83, S. 1517.

45. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 9—10, 30—31.

46. Там же, с. 26.

47. *L. Trotsky. The Third International after Lenin.* N. Y., 1936, p. 226. По словам Троцкого, китайское крестьянство было «еще менее чем русское, способно играть ведущую роль» (*Ibid.*, p. 184).

48. *Л. Троцкий. Перманентная революция.* Берлин, 1930, с. 169.

49. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, с. 546; см. также: «Большевистская революция...», т. 2, Приложение В.

50. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 245—246.

51. Полемизируя с Преображенским в декабре 1924 г., Бухарин заявил, что «в условиях диктатуры пролетариата» некапиталистическое развитие становится реальностью в России. Подобную гипотезу Ленин никогда не рассматривал (относительно данной статьи см.: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5, примечание 1); в январе 1926 г., явно имея в виду проведенную Преображенским параллель между колониальными странами и российским крестьянством, Бухарин остроумно заметил, что слова Ленина, произнесенные в 1920 г. относительно колониальных стран, можно применить к «нашему крестьянству в условиях государственной промышленности» (*Н. Бухарин. К итогам XIV съезда ВКП(б)*. М., 1926, с. 43—44). Такие полемические выпады заметно контрастировали с его обычными настойчивыми указаниями на капиталистические послед-

ствия НЭПа для крестьянства. Через год в своих высказываниях о Китае и России Бухарин их уже не упоминал.

52. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум ИККИ». М. — Л., 1927, т. 1, с. 26, 88—89; относительно двух докладов Бухарина см. выше, гл. 68.

53. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 672; примерно в это же время было сказано, что функция советской торговли с Востоком — «помочь восточным странам миновать капиталистическую стадию экономического развития» (см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 37).

54. «Революционный Восток». М., 1927, вып. 1, с. 10—12.

55. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 31; фраза взята без изменений из бухаринского проекта (см. выше, гл. 71).

56. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна». М. — Л., 1929, вып. 4, с. 29.

57. Там же, с. 235—236. Значительная часть выступления Гусева была посвящена Латинской Америке, где, как он старался показать, местной буржуазии не существовало (см. выше, с. 238).

58. Там же, с. 380—381.

59. Относительно первоначального проекта см.: там же, с. 505; окончательный текст см.: «Коммунистический Интернационал в документах», с. 836—837, 845.

60. «Новый Восток», 1928, № 23—24, с. 30.

61. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 128—129.

62. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 57.

63. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 37.

64. «Пути мировой революции...», т. 1, с. 567.

65. См. выше, с. 221.

66. См. выше, гл. 70.

67. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 258; вып. 4, с. 147.

68. Там же, вып. 4, с. 242—249.

69. См. выше, с. 180—181.

70. «X Пленум Исполкома Коминтерна». М. — Л., 1929, вып. 1, с. 340; относительно дискуссий по отдельным странам на X пленуме ИККИ см.: с. 31—32 (Турция), с. 180—181 (Китай), с. 214—215 (Индия), с. 225—226 (Индонезия), с. 248—249 (Латинская Америка).

Глава 83. Ближний и Средний Восток

1. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 38.

2. Путаный отчет об этих событиях содержится в: «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 432—433; говорили, что бывший секретарь Центрального комитета выступал свидетелем полиции на процессе против партийных активистов. Согласно «Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926» (1926, S. 168), самую большую опасность для партии представляет собой «ярко выраженная тенденция к автономии» ее филиалов.

3. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 14. September, No. 114, S. 1929—1930.

4. Ibid., 28. September, No. 119, S. 2037—2038; относительно более ранних аналогичных утверждений см.: «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom. IV. bis V. Weltkongress (1924)», 1924, S. 57.

5. G. Harris. The Origins of Communism in Turkey. Stanford, 1967, p. 143—144, приведены источники. В ряде случаев автор ссылается на высказывания бывших членов, вышедших или исключенных из партии, которые впоследствии поступили на службу в администрацию Кемала.

6. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 356—357.

7. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38.
8. «Документы внешней политики СССР». М., 1964, т. 9, с. 318—319, 370, 731 и примечание 73.
9. «Известия», 8 июня 1926 г.
10. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 14. September, No. 114, S. 1931; «Известия», 1 октября 1926 г.
11. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 9, с. 140—144.
12. «Документы внешней политики СССР», т. 9, с. 499, 540—544.
13. «Известия», 24 ноября 1926 г.
14. «Пути мировой революции...», т. 1, с. 273.
15. Цит. по: С. Никонова. Антисоветская внешняя политика английских консерваторов. 1924—1927. М., 1963, с. 152.
16. «Энциклопедия советского экспорта». Берлин, 1924, т. 3, с. 530.
17. «Документы внешней политики СССР», 1965, т. 10, с. 81—100.
18. «Известия», 15 марта 1927 г.
19. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 29. November, No. 117, S. 2636.
20. «Документы внешней политики СССР», 1966, т. 11, с. 82, 698, примечание 24.
21. Там же, с. 126—127, 135—136, 152. Относительно приглашения см. выше, гл. 65 (примечание 27); к досаде Советского правительства, поручителем в совете Лиги Наций выступила Польша («Документы внешней политики СССР», т. 11, с. 152).
22. Там же, с. 260—261, 268—269; речь Ворошилова опубликована в: «Известия», 6 апреля 1928 г. Относительно предложения Литвинова в Женеве см. выше, гл. 65.
23. «Документы внешней политики СССР», т. 11, с. 242—243.
24. Там же, с. 274, 289.
25. «Известия», 10 мая 1928 г.
26. «Документы внешней политики СССР», т. 11, с. 312, 315; относительно довольно спокойной реакции Чичерина на итало-турецкий пакт см.: там же, с. 348—349. На VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. турецкий делегат утверждал, что целью «договоров с итальянским капитализмом» будто бы являлась «война против Советского Союза, война против революционного фронта международного пролетариата» («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 356).
27. «Документы внешней политики СССР», т. 11, с. 535—536.
28. См. выше, гл. 65.
29. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 353—359.
30. «Программные документы коммунистических партий Востока». М., 1934, с. 148—158. «Специальные тезисы» (если только они не включены в программу), по-видимому, не публиковались.
31. «X Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 1, с. 339.
32. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38.
33. «Документы внешней политики СССР», т. 9, с. 338; мятеж осветил Юренев, полпред в Тегеране, в сообщении, опубликованном в «Известиях» 29 июля 1926 г.
34. «Революционный Восток», 1927, № 2, с. 193—199; относительно Кучека см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26.
35. L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution. N. Y., 1932, p. 317.
36. Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum, 1928, S. 45—46.
37. «Документы внешней политики СССР», т. 10, с. 309, 377.
38. Там же, т. 9, с. 256, 338; т. 10, с. 378—379; т. 11, с. 15—16; 1967, т. 12, с. 89—91.
39. Там же, т. 10, с. 329—330.
40. Там же, т. 9, с. 7; относительно советско-турецкого пакта см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38.
41. «Документы внешней политики СССР», т. 9, с. 475—477.
42. Там же, с. 712, примечание 1.

43. Там же, т. 10, с. 9—10.
44. Там же, с. 45; «СССР. 4 съезд Советов», 1927, с. 28.
45. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 7. Juni, No. 58, S. 1255.
46. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 37.
47. «Документы внешней политики СССР», т. 9, с. 678. Относительно участия ярмарок Баку и Нижнего Новгорода в советско-персидской торговле см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 37; о декрете, которым между 15 июня и 15 сентября 1926 г. разрешался свободный импорт хлопка, шерсти и пера из восточных стран для нижегородской ярмарки, см.: «Собрание законов». М., 1926, № 32, ст. 593, 594.
48. См. выше, с. 29.
49. «Известия», 10 июня 1927 г.
50. «Документы внешней политики СССР», т. 10, с. 365—366.
51. Там же, с. 396—428; перечень других соглашений там же, с. 646, примечание 87. Несколькоми неделями ранее в Тегеране было подписано соглашение об урегулировании пограничных инцидентов (там же, с. 357—361).
52. Там же, с. 437, 439.
53. Там же, т. 11, с. 310—311; новая советско-персидская таможенная конвенция была подписана в марте 1929 г. (там же, т. 12, с. 120—124). Персидский делегат на Всемирной экономической конференции в мае 1927 г. в Женеве выступил с заявлением, в котором отстаивал право Персии на автономию в тарифных вопросах («Report and Proceedings of the World Economic Conference». Geneva, 1927, I, p. 245).
54. Там же, т. 11, с. 312, 314—315.
55. Там же, с. 347, 362, 367. Напряженность в отношениях между Персией и Афганистаном была, однако, реальной. Когда год спустя Советское правительство выразило протест правительству Персии по поводу угрозы персидского вторжения в Афганистан из-за бандитских вылазок в приграничных районах (там же, т. 13, с. 167—168), в Москве подозревали, что «аннексионные амбиции» Реза-шаха были «продиктованы главным образом английским капиталом» («X Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 1, с. 339—340).
56. «Документы внешней политики СССР», т. 11, с. 499, 507.
57. См. выше, гл. 65.
58. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», S. 437—438.
59. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 257; вып. 4, с. 479—480; Ротштейн также критиковал это положение проекта и отсутствие анализа характера режима Реза-шаха (там же, вып. 4, с. 194).
60. «X Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 1, с. 339.
61. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38.
62. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 258—259.
63. «Das Flammenzeichen vom Palais Egmont». Berlin, 1927, S. 61—62, 256; относительно конгресса см. выше, гл. 74.
64. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 258—259.
65. I съезд состоялся в июле 1920 г. в Энзели («Большевистская революция...», т. 3, гл. 26).
66. Наиболее полный отчет о съезде дал Султан-Заде в журнале «Коммунистический Интернационал», 1927, № 50 (124), с. 21—36. В коротком сообщении, помещенном в: «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», S. 439, также упоминается «оппортунистическая точка зрения некоторых товарищей». Если и имелись в виду персы, то конкретно их не называли; термин «знатоки» вне всякого сомнения относился к Гурко-Кряжину и его сторонникам («Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38).
67. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 249—252; относительно этих дебатов см. выше, гл. 70.
68. Там же, вып. 4, с. 477—478; Г. Шарги также выступил во время основных дебатов по тезисам Бухарина и пожаловался на недостаточное внимание Коминтерна по отношению к странам Ближнего Востока (там же, вып. 1, с. 257—259). В списке участников конгресса второй персидский делегат значится под фамилией Резаев (там же, вып. 5, с. 155).

69. Так утверждал турецкий коммунист в журнале «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 22. Oktober, No. 127, S. 2182.
70. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38.
71. См. выше, с. 29.
72. «Документы внешней политики СССР», т. 9, с. 319. Советская торговля с другими арабскими странами также осуществлялась через компанию «Руссо-турк» (там же, с. 549—550).
73. Там же, т. 10, с. 640, примечание 62.
74. Там же, с. 315—316.
75. Там же, т. 11, с. 403.
76. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 37.
77. «Документы внешней политики СССР», т. 11, с. 114—115.
78. Там же, с. 341.
79. Там же, с. 498.
80. «IV конгресс Профинтерна». М., 1928, с. 103.
81. «Коммунистический Интернационал», 1928, № 23-24 (149-150), с. 107—108.
82. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 256, 260.
83. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 864; в примечании к книге «Программные документы коммунистических партий Востока» (с. 159) речь шла о «непригодных элементах» в партийном руководстве, которых исключили в 1931 г.
84. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 27. August, No. 109, S. 1826. Через два года этот же самый объединенный орган направил письмо египетскому правительству и «Вафд» с протестом против репрессий, осуществляемых под прикрытием «диктатуры британских штыков» (Ibid., 1928, 10. August, No. 83, S. 1517—1518), а на следующий год призвал арабский мир к антибританскому бойкоту в качестве ответа на своеволие Англии в Ираке (Ibid., 1929, 15. Februar, No. 15, S. 294).
85. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38; позднее палестинская секция партии, подвергаясь преследованиям со стороны «британско-сионистских властей», как говорят, перенесла свою деятельность в Сирию, где «помогала в организации сирийских коммунистических ячеек» («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 359).
86. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», S. 443.
87. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», 1929, вып. 5, с. 155; согласно «Программным документам коммунистических партий Востока» (с. 159), сирийская партия была допущена в Коминтерн в 1928 г., но не выступала «открыто... на политической арене» до 1930 г.
88. Там же, вып. 1, с. 282—285; вып. 4, с. 144—148.
89. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38.
90. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 24. September, No. 118, S. 2017—2018.
91. «Das Flammenzeichen vom Palais Egmont», S. 85—87, 257—260.
92. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38.
93. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», S. 359—360.
94. По поводу резолюции см. выше, примечание 90; относительно кампании Профинтерна см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 36.
95. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 11. Januar, No. 5, S. 108.
96. Ibid., 9. August, No. 80, S. 1740—1741.
97. Ibid., 30. Dezember, No. 127, S. 2966.
98. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38; в 1928 г. в Москве считали, что «агенты английского империализма используют все средства, чтобы подорвать арабское национальное движение» («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», S. 445).
99. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 25. März, No. 33, S. 713; эти верные наблюдения сопровождались некоторыми фантастическими спекуляциями.
100. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», S. 446.

101. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 28. Februar, No. 21, S. 427—428; в 1928 г. в Палестине насчитывалось свыше одной тысячи членов МОПР («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», S. 448).
102. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 15. Mai, No. 46, S. 823—824; 24. Juli, No. 71, S. 1285—1286.
103. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 148; относительно выступления Хейдера см. выше, с. 41.
104. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 10. August, No. 83, S. 1517.
105. Ibid., 1929, 4. Januar, No. 1, S. 23—24.
106. Ibid., 4. Juni, No. 48, S. 1159—1160.
107. Y. Berger-Barzilai. The Tragedy of the Soviet Revolution (in Hebrew). Tel Aviv, 1968, p. 93—98. В начале 1929 г. автор находился в Москве в качестве представителя Палестинской партии. Заявление о том, что он встречался со Сталиным (M. Rodinson. Marxisme et le Monde Musulman, 1972, p. 429), осталось неподтвержденным.
108. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38.
109. Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, 1927, p. 200.
110. «Пути мировой революции...», т. 1, с. 277.
111. «Документы внешней политики СССР», т. 10, с. 134—135, 163, 195—196.
112. Как сообщалось в статье в журнале «Новый Восток» (1928, № 23—24, с. 278—279), торговая буржуазия являлась «наиболее важным фактором социально-экономического развития Хиджаза и поддержки Ибн Сауда».
113. «Документы внешней политики СССР», т. 10, с. 316.
114. Там же, т. 11, с. 322.
115. Там же, с. 723, примечание 101.
116. Там же, с. 131.
117. Там же, с. 307—308; «Известия», 27 января 1929 г. Пароход вез также партию товаров для Хиджаза.
118. Там же, т. 11, с. 308.
119. Там же, с. 518—523, 560—562.
120. Там же, т. 12, с. 61—62, 82—83.
121. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38.
122. «Документы внешней политики СССР», т. 9, с. 7—8.
123. Там же, с. 334—336, 406—410.
124. Там же, с. 414.
125. Индийские разведывательные источники, чрезвычайно восприимчивые к советской пропаганде и давлению в Афганистане, зарегистрировали предполагаемое решение восточной секции ИККИ в августе 1926 г., согласно которому «революционная и партийная работа в обычном смысле» для этой страны была «неуместной» (Government of India. *Communism in India, 1927—1935*, 1935, p. 33).
126. «Документы внешней политики СССР», т. 10, с. 374.
127. Там же, с. 501—504; по всем признакам, данный проект осуществлен не был (см. выше, с. 48).
128. Там же, с. 466, 471.
129. «Известия», 21 апреля 1928 г.; «Правда», 29 апреля 1928 г., см. также: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26 (примечание 1). Относительно обмена приветствиями по прибытию см.: «Документы внешней политики СССР», т. 11, с. 293—294.
130. Там же, т. 10, с. 387.
131. Там же, т. 11, с. 302—307, 336—337; относительно договора между Турцией и Афганистаном см. выше, с. 35.
132. Там же, т. 11, с. 320—321.
133. Там же, с. 543, 558, 590, 747, примечание 201.
134. Там же, с. 591—592, 611; «Известия», 20 декабря 1928 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 21. Dezember, No. 142, S. 2833—2834. Раскольников, бывший советский полпред в Кабуле, объяснял падение Амануиллы его неспособностью разработать программу аграрных реформ (Ibid., 1929, 5. Februar, No. 11, S. 198—200).

135. «House of Commons: Fifth Series», CCXXIV, p. 571—572; «Правда», 30 января 1929 г.

136. «Документы внешней политики СССР», т. 12, с. 43—44, 93—94.

Глава 84. Революционный Китай: I. Прилив

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 179; т. 21, с. 400—406; относительно взглядов Ленина на феодализм в Китае см. выше, с. 273.
2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 329.
3. Там же, т. 41, с. 243; относительно дебатов см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26.
4. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 174.
5. По поводу этих разногласий см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 2, 3.
6. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 403.
7. Г. Кара-Мурза, П. Миф (ред.). Стратегия и тактика Коминтерна. М., 1934, с. 112, 114—116.
8. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.
9. Цит. по: «Коминтерн и Восток», 1969, с. 277—278.
10. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.
11. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 3 (40), с. 154—158.
12. «Большевик», 31 марта 1925, № 5-6, с. 46—52.
13. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 4 (41), с. 64—65.
14. Относительно данного письма см. выше, с. 291, примечание 27.
15. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 107.
16. Там же, с. 146—147; относительно речи см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40. О том, что данное выражение впоследствии вызвало определенную неловкость, свидетельствует изъятие из текста выступления, включенного в собрание сочинений, слова «гоминьдан», которое присутствовало в первоначальном тексте, опубликованном в «Правде», и которое относилось к предполагаемой «рабоче-крестьянской партии», а также разъяснение Сталина два года спустя, что, упоминая гоминьдан, он намеревался продемонстрировать лишь «тип построения своеобразной народно-революционной партии в угнетенных странах Востока» и не имел в виду действительную характеристику гоминьдана того времени (И. В. Сталин. Соч., т. 9, с. 246).
17. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.
18. Там же, гл. 40.
19. Там же, гл. 40; Войтинский позднее сделал вид, что он выступал против Северного похода из-за опасения, что Чан Кайши может использовать этот поход для того, «чтобы разгромить революционное движение в Китае» («Проблемы Китая». М., 1930, № 3, с. 224), — примечательный пример предвидения задним числом.
20. Можно указать на ссылки в дневнике Чан Кайши в: Wilbur, How (eds.). «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China». N. Y., 1956, p. 375. Блюхер был единственным русским, о ком Чан Кайши отозвался с теплотой тридцать лет спустя (*Chiang Kai-shek. A Summing-Up at Seventy*, 1957, p. 51—52). Относительно роли Блюхера в планировании экспедиции см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40; позже признали, что план был «разработан и успешно осуществлен под его руководством» («Вопросы истории КПСС», 1964, № 11, с. 89).
21. Составители мемуаров, описывающие деятельность советских военных советников, редко приводят статистические данные. Оценка в 30—40 советников, приписываемая Фэн Юйяну («Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», p. 321; J. Sheridan. *Chinese Warlord*, 1966, p. 167, где имеются ссылки на автобиографию Фэна), возможно, слишком занижена; число прикомандированных ко всем национальным армиям должно было достигать нескольких сотен человек.

22. «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», р. 271—277; относительно Всеобщего рабочего союза Шанхая см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 11.

23. Утверждают, что имеющиеся переводы («Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», р. 278—315) — это всего лишь проекты, принятые на совещании за основу и переданные в секретариат для «доработки и печатания». Поскольку, однако, дело затянулось, местным партийным организациям разослали недоработанные проекты. Судя по цитатам в других работах (см. выше, с. 57—58), некоторые окончательные редакции значительно отличались от проектов.

24. Относительно данного совещания, основная цель которого состояла в том, чтобы осудить оппозицию и вывести Зиновьева из Политбюро («Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39). О резолюции по Китаю известно только из статьи в издании «Коминтерн и Восток» (1969, с. 294), написанной автором, имевшим доступ к архивам и процитировавшим третий абзац резолюции, в котором отвергалось предложение «оппозиции» (Зиновьев, Троцкий), — отозвать Карахана, отказаться от прав на КВЖД и оставить гоминьдан. О КВЖД и об отзыве Карахана см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40; по первому вопросу Троцкий оказался в явном меньшинстве. Весьма маловероятно, чтобы в тех условиях Троцкий или Зиновьев предложили оставить гоминьдан; когда Троцкий 30 августа 1926 г. писал письмо Радеку, он все еще колебался в этом вопросе (см. выше, с. 87), а Зиновьев еще в мае 1927 г. был против такого предложения (см. ниже, с. 309, примечание 214). В резолюции VII пленума ИККИ (см. выше, с. 72—75) оппозиция в данном контексте не упоминается.

25. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40; относительно письма Чэня от 10 декабря 1929 г., см. ниже, с. 335, примечание 434.

26. «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», р. 279—281; относительно резолюции от 17 мая 1926 г. см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

27. «Коммунистический Интернационал», 18 марта 1927, № 11 (85), с. 6; этот обзор — единственный источник сведений о данном решении. Из-за невнимательности или опечатки резолюция датируется июнем, и эта ошибка повторяется во всех советских материалах.

28. «Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», S. 18.

29. Памятная записка от 27 сентября 1926 г., в архиве Троцкого (Т 3008); и Троцкий, и Радек цитировали заявление комитета от 12 июля 1926 г. (*К. Радек*. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, 1925, с. 25; см. ниже, с. 321, примечание 148), защищая сотрудничество с буржуазией как «большевизм во имя национального благополучия, а не как большевизм во имя коммунизма». Троцкий критиковал данную формулировку как не имеющую «ничего общего с марксизмом».

30. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

31. А. Черепанов. Северный поход. М., 1968, с. 28. В данном изложении можно предположить присутствие ретроспективных мыслей.

32. «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», р. 296—305; позднее Войтинский назвал эту резолюцию «оппортунистической» и признал свою частичную ответственность («Проблемы Китая», 1930, № 4-5, с. 99). Относительно «Красных пик» см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40 и выше, с. 60—61.

33. «Аграрные проблемы», 1927, № 2, с. 37—38; см. также выше, с. 58, относительно комментариев Зиновьева.

34. E. Snow. Red Star over China, 1938, p. 158.

35. «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», р. 289.

36. L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution, p. 348.

37. Цит. по: *К. Радек*. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, с. 24—25 (см. ниже, с. 321, примечание 148).

38. «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», р. 110—116.

39. Ibid., p. 125—129; в одном месте политического доклада (см. выше, с. 55), представленного совещанию, речь шла о качественном ухудшении партийных рядов (на фоне быстрого количественного роста), недостатках в подготовке руководящих кадров.
40. *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 347.
41. *К. Радек*. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, с. 28 (см. ниже, с. 321, примечание 148). Позднее Чжу Дэ называл цифры в 60 тыс. и 200 тыс., которые удвоились к концу года (*A. Smedley. The Great Road*, 1956, p. 182—183).
42. «Новый Восток», 1926, № 15, с. 31—32; в китайской комиссии VII пленума ИККИ, проходившего в ноябре 1926 г., Сталин выразил беспокойство в связи с тем, «что к революционной армии Китая примазалось немало сомнительных элементов, что эти элементы могут изменить физиономию армии в худшую сторону», и считал необходимым «нейтрализовать антикрестьянские элементы армии, сохранить за армией ее революционный дух» (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 8, с. 370—371).
43. «Известия» за 3, 10, 11 сентября 1926 г. Один японский корреспондент, встречавшийся с У Пейфу в июле 1926 г. в Пекине, нашел его непреклонно враждебным по отношению к «красной доктрине» (*K. Fuse. Soviet Policy in the Orient. Peking, 1927*, p. 317—318). В резолюции VII пленума ИККИ в ноябре 1926 г. приветствовалось «поражение, которое потерпела Англия в Китае вследствие разгрома английских агентов У Пей-фу и Сун Чуан-фана кантонской армией» («Коммунистический Интернационал в документах», с. 655).
44. «Правда», 31 августа 1926 г.; аналогичные статьи появились также в: «Известия», 8 сентября 1926 г., «Правда», 10 сентября 1926 г.
45. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 17. September, No. 116, S. 1967—1968.
46. Относительно Фэна см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40. Рассказ Фэна, взятый из его автобиографии и дневника, о пребывании в Москве в: *J. Sheridan. Chinese Warlord*, p. 200—202. Он встречался с Чичериным, Калининым, Ворошиловым, Луначарским, Крупской и Троцким и по приглашению Радека выступил перед студентами Университета им. Сунь Ятсена.
47. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 15. Oktober, No. 125, S. 2149.
48. «Новый Восток», 1926, № 15, с. 31.
49. «Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926», S. 158.
50. В январе 1926 г. Мао Цзэдун опубликовал в ежемесячном журнале гоминьдана статью под названием «Анализ всех классов китайского крестьянства», за которой в февральском номере последовала статья «Анализ всех классов китайского общества» (Выдержки в: *S. Schram. The Political Thought of Mao Tse-tung*, 1963, p. 172—178); современный разбор второй статьи в: «Вопросы философии», 1969, № 6, с. 130—136.
51. *Л. Делюсин*. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК. М., 1972, с. 225.
52. *С. Далин*. Очерки революции в Китае. М. — Л., 1927, с. 19.
53. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.
54. Там же, гл. 40, примечание 6.
55. «Аграрные проблемы», 1927, № 2, с. 43—44. Вообще же, чем дальше на север, тем выше была доля мелких крестьян-собственников; в Хунани она достигала 60% (там же, с. 48).
56. *С. Далин*. Очерки революции в Китае, с. 37.
57. Относительно резолюции по крестьянскому вопросу от июля 1926 г. см. выше, с. 57.
58. «Аграрные проблемы», 1927, № 2, с. 49—50.
59. *Р. Хитаров*. От II до V конгресса КИМ. М. — Л., 1930, т. 3, с. 83. В работе есть ссылка на точно не установленный случай, когда представитель молодежного союза в ЦК КПК один голосовал за «проведение аграрной революции» (там же, т. 3, с. 106). 7 августа 1927 г. конференция КПК (см. выше, с. 132—134) упрекнула партийных руководителей за то, что они не сумели привлечь на

свою сторону рядовой состав национальных армий («Материалы по китайскому вопросу». М., 1927, № 8, с. 30). Между тем не ясно, чем национальные войска отличались от наемных армий милитаристов или почему могли оказаться восприимчивыми к политической пропаганде.

60. A. L. Strong. China's Millions, 1936, p. 155.

61. «Аграрные проблемы», 1927, № 2, с. 32, 49.

62. *Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party, 1971, vol. 1, p. 598. ИККИ в письме КПК от 26 октября 1929 г. (см. выше, с. 181) назвал «Красные пики» «объективно революционными» несмотря на реакционное руководство.

63. «Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926», S. 150.

64. «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», p. 377.

65. К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, с. 7 (см. ниже, с. 321, примечание 148).

66. S. Schram. Mao Tse-Tung, p. 92—93.

67. С. Далин. Очерки революции в Китае, с. 34.

68. «Аграрные проблемы», 1927, № 2, с. 34—36, 42, 46. Все цифры явно предположительные.

69. Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификации. Берлин, 1932, с. 169, 176. Отвечая девять месяцев спустя на обвинения Троцкого, Сталин, не защищая телеграмму, заявил, что позже она была отменена Коминтерном и в то время не критиковалась оппозицией (И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 17). Единственное шаблонное упоминание об отмене содержалось в выступлении Сталина на VII пленуме ИККИ (см. выше, с. 71), которое, возможно, имело более слабое воздействие, чем первоначальная инструкция.

70. «Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 12—13. В одном из отчетов КПК за 1926 г. (без указания более точной даты) говорилось, что лозунг «Долой помещиков» был отвергнут, ибо некоторые помещики входили в гоминьдан и поддерживали национальную революцию (К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, с. 28; см. ниже, с. 321, примечание 148).

71. Относительно некоторых деталей из гоминьдановских источников см.: T. C. Woo. The Kuomintang and the Future of the Chinese Revolution, 1928, p. 208—210; относительно призыва хунаньского крестьянского союза в декабре 1926 г. к конфискации имущества крупных помещиков см.: J. Ch'en. Mao and the Chinese Revolution, 1963, p. 113. Утверждение, что крестьяне в то время выдвигали лишь такие скромные требования, как освобождение от чрезмерной арендной платы и слишком высоких налогов, не соответствовало реальностям («Коммунистический Интернационал», 1927, № 26 (100), с. 3).

72. В статье журнала «Новый Восток» (1926, № 13-14, с. 17—31) численность рабочего класса Китая оценивалась в 5 млн. человек, из которых: 1,5 млн. были фабричными рабочими, 120 тыс. работали на железных дорогах, 80 тыс. — на водном транспорте, 300 тыс. — в текстильной промышленности, 120 тыс. — в табачной промышленности и 200—300 тыс. были горняками.

73. «Красный Интернационал Профсоюзов», 1926, № 3, с. 344—349; относительно особой ситуации в Кантоне см. выше, с. 76—77.

74. «Аграрные проблемы», 1927, № 2, с. 39.

75. «China Weekly Review». Shanghai, 14, 21 August, 1926; J. Chesneaux. The Chinese Labour Movement, 1919—1927. 1968, p. 332; К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, с. 8—9 (см. ниже, с. 321, примечание 148). Здесь автор цитирует выступление Чан Кайши от 26 июня 1926 г., в котором он утверждал, что в Китае больше нет капиталистов, а только бизнесмены, и призывал рабочих «подчинить свои интересы общим национальным интересам».

76. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

77. События описаны в: J. Chesneaux. The Chinese Labour Movement, 1919—1927, p. 321—325; относительно конгрессов в Хунани и Хубэе см.: J. Chesneaux. Les Syndicats Chinois, 1919—1927: Répertoire, Textes, Presse, 1965, p. 255—267;

В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае. М., 1965, с. 331. В данной работе автор сообщает, что когда она прибыла в Ухань в марте 1927 г., рабочее движение существовало всего несколько месяцев. Из членов профсоюзов 20% были промышленными рабочими, 80% — ремесленниками и кули.

78. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 257.

79. «Аграрные проблемы», 1927, № 2, с. 45.

80. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 325—330; относительно английской концессии в Ханькоу см. выше, с. 78.

81. *Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party, vol. 1, p. 553. О позиции Евгения Чэня см. выше, с. 114.

82. К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, с. 10 (см. ниже, с. 321, примечание 148).

83. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 5. Oktober, No. 121, S. 2063—2064. Статья подписана псевдонимом «Джуниор» («Молодой»). По-видимому, ее автором был Далин, ранее представитель КИМа, незадолго до этого приехавший в Китай (см. выше, с. 87). Относительно замены У Чжаочу Евгением Чэнем на посту министра иностранных дел см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

84. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 8 (82), с. 10.

85. «Documents on Communism, Nationalism, and Foreign Advisers in China», p. 370—371, 523 (note 25); о двойственном отношении Чана к Ван Цзинвэю см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40, примечание 2.

86. Относительно коммунистической пленумы и программы см.: «China Year Book, 1928» (Tientsin, p. d.), p. 1343—1348; «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», p. 523 (note 24).

87. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 8(82), с. 11; относительно сдвига вправо кантонского правительства см. выше, с. 76.

88. «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», p. 370—371; В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 284—285. Всекитайский Генеральный совет профсоюзов также перебрался из Кантона в Ханькоу (*J. Chesneaux*. The Chinese Labour Movement, 1919—1927, p. 330).

89. Путешествие описано во всех подробностях в: С. Далин. Очерки революции в Китае, с. 89—144.

90. А. Черепанов. Северный поход, с. 206.

91. С. Далин. Очерки революции в Китае, с. 148—149.

92. «China Year Book, 1928», p. 737; в книге описываются и другие демонстрации, которые 20 декабря 1926 г. приветствовали Бородин и руководители гоминьдана.

93. «Проблема Китая», 1930, № 3, с. 223; цитата из неопубликованного выступления Бородина в Обществе старых большевиков 23 октября 1927 г. Присутствовавший корреспондент назвал оппозицию Бородина «меньшевизмом чистой воды» (там же, с. 230).

94. L. Fischer. The Soviets in the World Affairs, 1930, vol. 2, p. 661; в «Очерках революции в Китае» (с. 18) С. Далин также разъяснял, что «поддержав национально-революционную армию, пролетариат и крестьянство получили возможность начать борьбу за свои классовые интересы». Соловьев, советник советского посольства в Пекине, обошелся даже и без подобного оправдания, когда говорил японскому корреспонденту, что коммунисты «маршируют по дороге, не совместимой с собственным учением, потому что в нынешнем Китае нет иного пути, кроме как вести дело с буржуазным капитализмом» (*K. Fuse*. Soviet Policy in the Orient, p. 269—270). Сформированное национально-революционное правительство объявило «О гарантировании им неприкосновенности частной собственности» (С. Далин. Очерки революции в Китае, с. 22).

95. Сведения о резолюциях данной конференции, главным образом из китайских источников, суммированы в: «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», p. 376—377; как заявил Цюй Цюбо на VI съезде партии в 1928 г. (см. выше, с. 156—157), конференция пришла к выводу, что «в то время как национальное правительство подстерегает опасность уклона вправо, массовое движение зашло слишком далеко влево» («Chinese Studies in

History», 1971, vol. V, No. 1, p. 25). Другие сведения взяты из «Письма из Шанхая» (см. ниже, с. 311, примечание 231), упомянутого в: *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 392, 401; а также из статьи, опубликованной в «Коммунистическом Интернационале» (1927, № 8 (82), с. 12—15), которая охарактеризовала позицию гуандунских коммунистов как «очень опасный левый уклон» и призвала КПК «не бросать палок в колеса революционной армии, руководимой буржуазными генералами, и национальному правительству, а, напротив, поддерживать их революционную работу». Как позднее записал Бородин, кантонские коммунисты верили, что «китайская революция победит как аграрная революция и что без аграрной революции она победить не может». Центральный комитет партии оспаривал правильность этого взгляда («Проблемы Китая», 1930, № 3, с. 210).

96. Относительно данного съезда см.: «Основы плановой экономики...», т. 1, ч. I, гл. 1; т. 2, гл. 39.

97. «XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)». М. — Л., 1927, с. 23—28. Упор на аграрную политику был для Москвы не нов; данная тема фигурировала в директиве ИККИ, принятой в мае 1923 г., и на переговорах Бородина с Сунь Ятсеном, проходивших в конце этого же года («Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40); в докладе по крестьянскому вопросу на V пленуме ИККИ в марте 1925 г. Бухарин мимоходом заметил, что «китайский вопрос есть вопрос возможного сопротивления китайских крестьян чужеземному финансовому капиталу» («Расширенный Пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», с. 306).

98. «XV конференция ВКП(б)», с. 99—100.

99. *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 254. Речь была произнесена 1 ноября 1926 г.

100. Об этом см. выше, с. 87.

101. «Пути мировой революции...», т. 1, с. 7—8. Присутствие представителя гоминьдана имело недавний прецедент («Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40, примечание 2).

102. Там же, т. 1, с. 83—85, 89—90, 106—107; относительно доклада см. выше, гл. 67.

103. Там же, с. 176, 280.

104. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 633, 640.

105. «Пути мировой революции...», т. 1, с. 395—400. Он также представил письменный доклад, в котором более открыто признал разнородный состав гоминьдана и связанные с ним амбициозные намерения КПК (там же, с. 401—420); знаменательно, что представитель гоминьдана заявил о своем согласии с речью «товарища Тань Пиншаня», но добавил, что не видел его письменного доклада (там же, с. 457).

106. Там же, с. 406.

107. Там же, с. 420—435; о высказываниях Сталина относительно приоритета борьбы за национальное освобождение см. выше, с. 71—72.

108. «Пути мировой революции...», т. 1, с. 444—449; Раскольников вместе с Роем был назначен секретарем китайской комиссии («Расширенный Пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», с. 13). В русском издании нет материалов, касающихся процедуры назначения комиссии. О «кемалистском пути» см. ниже, с. 311, примечание 243.

109. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26; «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 37.

110. «Пути мировой революции...», т. 1, с. 453—457.

111. Там же, с. 462—466.

112. Там же, т. 2, с. 344—345.

113. Цит. по неопубликованным записям комиссии, на которые ссылается «Коминтерн и Восток», 1969, с. 152.

114. *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 357—374; первоначально, возможно, тщательно отредактированная речь была опубликована в журнале «Коммунистический Интернационал», 10 декабря 1926 г., № 13 (71), с. 9—19. Относительно речей от 9 и 18 мая 1925 г. см. выше, с. 53—54. В 60-е годы советский журналист резко критиковал заявления Сталина в мае 1925 г., поскольку они сви-

детельствовали о «недооценке прогрессивных потенций национальной буржуазии стран Востока». Критика его взглядов по Китаю формулировалась следующим образом: «Последующее развитие событий в Китае показало, что имели место необоснованные преувеличения классового уровня всего движения, переоценка значения плебейско-демократической, пролетарской струи в китайской революции, преувеличение темпов ее развития, перехода из одной стадии в другую, ее удельного веса в общем балансе мировой пролетарской революции. И, таким образом, реальные социальные и политические процессы, происходившие в Китае, толковались в известной мере односторонне. Желаемое иногда принималось за действительное, что отражало не изжитые в то время элементы субъективизма, исходящего от Сталина» («Коминтерн и Восток», 1969, с. 286—291). Однако никакие радикальные заявления Сталина или кого-либо другого не могли повлиять на политику Коминтерна в Китае. Сталин в типичной манере умел сочетать консервативную и осторожную политику с радикальными и революционными заявлениями. Очевидно, так было и в мае 1925, и в ноябре 1926 гг.

115. «Коминтерн и Восток» (1969, с. 151, примечание 31) цитировал неопубликованные материалы. В книге «Коммунистический Интернационал: краткий исторический очерк» (1969, с. 264, примечание 2) указано, что данные поправки «отражали точку зрения Сталина на прогрессивные возможности национально-буржуазных кругов». Рой позже заявил, что Сталин «не хотел согласиться с требованием «национализации земли», сформулированным в резолюции, но, в конце концов, уступил» (*M. Roy. Our Differences*, 1945, 2nd ed., p. 28—29; cf. *idem, Revolution and CounterRevolution in China*. Calcutta, 1946, p. 538, note 1).

116. *R. North. Moscow and the Chinese Communists*, 1953, p. 90. Следует сделать скидку на стремление Роя подчеркнуть собственную значимость; однако его влияние в то время подтверждается фактом его назначения одним из секретарей китайской комиссии (см. выше, с. 302, примечание 108) и последующего направления в Китай в качестве представителя Коминтерна (см. выше, с. 76). Во время VII пленума ИККИ (см. выше, гл. 67) Рой также являлся членом неудавшейся аграрной комиссии. Докладчик этой комиссии заметил, что в Китае (и в Индонезии) «уже вспыхнула настоящая гражданская война, ... где крестьянство все больше и больше принимает участие в национально-освободительном движении», и что КПК добились «известных успехов в деле возглавления движения, а в особенности в работе среди крестьянских организаций» («Пути мировой революции...», т. 2, с. 351).

117. «Пути мировой революции...», т. 2, с. 345, 368.

118. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 668—680; относительно анализа в этих тезисах китайского общества см. выше, с. 274, Приложение Д.

119. На VIII пленуме ИККИ в мае 1927 г. Сталин вновь говорил об антиимпериалистическом характере китайской революции, видя коренную разницу между ней и Февральской революцией 1917 года в России (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 9, с. 291); относительно полемики Мартынова с Радеком по данному вопросу см. выше, с. 88.

120. Возможно, что невключение интеллигенции, которая фигурировала в перечне VI пленума ИККИ (см. выше, с. 54), было или случайным, или же здесь сказалась небольшая популярность интеллигентов в Коминтерне в то время (см. выше, гл. 76); позже «мелкобуржуазную интеллигенцию» восстановили в правах (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 9, с. 340).

121. Относительно данных тезисов см. выше, с. 303, примечание 118. Вопрос об участии коммунистов в гоминьдановском правительстве, по-видимому, много дискутировался. Согласно «Письму из Шанхая» за март 1927 г. (см. ниже, с. 311, примечание 231), Центральный комитет КПК в Шанхае был против участия и убеждал членов партии не занимать каких-либо постов в администрации; Войтинский также противился, опасаясь, что это спровоцирует столкновения между КПК и правительством правого гоминьдана; Бородин рассматривал участие как «прикрытие для правой политики» (*L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 421—422). Только в мае 1927 г. коммунисты вошли в уханьское правительство.

122. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 10-11 (68-69), с. 26—36; там же, № 13 (71), с. 20—28.
123. Об этом выше, с. 303, примечание 118.
124. Об этом выше, с. 67.
125. Об этом выше, с. 60.
126. Об этом в статье Шрама в: «The Policy and Economy of China». Tokyo, 1974, p. 233—234. В отношении замечания Ленина, касающегося русской революции 1905 года, см. выше, с. 297, примечание 6; слова «полуколония» и «патриархальный» также перекликаются с терминологией Ленина. Заключительная фраза напоминала знаменитую концовку речи Плеханова на конгрессе II Интернационала в 1889 г. Тогда он сказал: «Революционное движение в России восторжествует только как рабочее движение или же никогда не восторжествует!» (Г. Плеханов. Избранные философские произведения. М., 1956, т. I, с. 421). Очевидно, Мао изучал русских марксистов.
127. «Аграрные проблемы», 1927, № 2, с. 51. В книге: S. Schram. Mao Tse-tung (p. 98) со ссылкой на китайский источник, указывается, что это был первый крестьянский съезд провинции Хунань.
128. «Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 16—17. Год спустя, проявляя прозорливость задним числом, Рой заявил, что резолюция VII пленума ИККИ была «на самом деле отклонением от тактики Центрального комитета Коммунистической партии Китая, изложенной в докладе Тань Пиншаня» и «выражала порицание неправильной оценке Чэнь Дусю роли буржуазии и его оппортунистической тактики в аграрном вопросе» («Коммунистический Интернационал», 1927, № 38 (112), с. 17); весьма сомнительно, чтобы кто-нибудь тогда думал таким образом.
129. Шокирующим примером преобладающего в то время благодушного настроения относительно китайских дел может служить следующая реплика одного из «советских экспертов по Китаю» (предположительно, Радека) немецкому специалисту по экономике Шлезингеру, упомянутая последним в письме Дирксену от 24 января 1927 г.: «Продолжительность и размах китайской революции, а также размеры кровопролития будут определяться нами» («Auswärtiges Amt», 4829/242489).
130. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 8 (82), с. 15—17.
131. «Das Flammenzeichen vom Palais Egmont», S. 229; относительно данного конгресса см. выше, гл. 74.
132. Ibid., S. 19—22, 28—29, 29—31.
133. Состав группы указан в: «Political Science Quarterly», July 1964, vol. 79, No. 2, p. 311.
134. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 8 (12), с. 11; относительно более раннего законодательства о предотвращении забастовок см. выше, с. 63. Чэнь Дусю в письме от 10 декабря 1929 г. (см. ниже, с. 335, примечание 434) вспоминал, что журнал КПК критиковал «подавление всего рабочего движения в тылу (Северной экспедиции) и подвергся за это нападкам со стороны гоминьдана».
135. С. Далин. В рядах китайской революции, с. 33; о Далине см. выше, с. 87.
136. «China Year Book, 1928» (Tientsin, n. d.), p. 1038—1041, где цитируется доклад от июля 1927 г.; С. Далин. Очерки революции в Китае, с. 87; J. Chesneau. The Chinese Labour Movement, 1919—1927, p. 164, 295, 303—305, 404. Будучи в Кантоне в марте 1926 г. Бубнов обвинил многочисленные, но слабые революционные профсоюзы в «неумении или нежелании работать с реакционно настроенными профсоюзами, в частности, с реформистским союзом механиков» (А. Черепанов. Северный поход, с. 85—86). В одной из статей, опубликованных в журнале «Большевик» 15 ноября 1927 г. (№ 21, с. 69), шла речь о «реформистском» профсоюзе механиков и о его оппозиции к «революционным» профсоюзам, но ничего не говорилось о слабостях последних.
137. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 262.
138. Дорио впоследствии пришлось защищаться от обвинений в том, что он

якобы пользовался гостеприимством генерала, когда последний расправлялся с рабочими («L'Humanité», le 22 Décembre 1927).

139. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 25. Februar, No. 23, S. 469; 14. April, No. 40, S. 836; 6. Mai, No. 48, S. 994—995; «Labour Monthly», July 1927, No. 7, p. 423. В то время будто бы 90% слушателей академии Вампу поддерживали левых.

140. R. North, X. Eudin (eds.). M. N. Roy's Mission to China, 1963, p. 150—155. Позже Рой утверждал, что цель петиции о возвращении Ван Цзинвэя состояла в том, чтобы «сплотить большинство членов гоминьдана в борьбе против „бонапартизма“ Чан Кайши» (M. N. Roy. My Experiences in China, p. 36).

141. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 3. Juni, No. 57, S. 1231. Возвратившись в Париж, Дорно 17 июня 1927 г. выступил на митинге, где присутствовало 15 тыс. рабочих («L'Humanité», le 18 Juin 1927); начиная с 25 июня 1927 г., «Юманите» опубликовала серию из 20 репортажей о поездке Дорно. Отчет Браудера, помещенный «Ханькоу, 10 апреля 1927 г.», содержит отдельные интересные моменты, рассказ Манна мало что добавляет («Labour Monthly», 1927, No. 7, p. 415—425; Ibid., No. 8, p. 483—489).

142. Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party, vol. 1, p. 563—566. В циркулярном письме от 7 августа 1927 г. (см. выше, с. 134) ЦК КПК признал, что события «не только не направлялись руководящими партийными органами, но критиковались Центральным комитетом после того, как они имели место»; см. также: «Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 14—15; L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution, p. 396.

143. Л. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 322.

144. Относительно позиции Чан Кайши см. выше, с. 65—66.

145. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 311. Блюхер все еще пользовался доверием Чан Кайши и являлся популярной фигурой в Наньчане. Другой советский советник писал, что, когда Блюхер появлялся на улице, население встречало его овациями («Исторический архив», 1959, № 4, с. 125).

146. Множество примеров трений между Уханем и Наньчаном отражено в: «Documents on Communism, Nationalism, and Foreign Advisers in China», p. 381—384.

147. А. Черепанов. Северный поход, с. 215—216. Согласно вызывающему сомнение заявлению, приписываемому в «Письмах из Шанхая» Чан Кайши (см. ниже, с. 311, примечание 231), он с неодобрением относился как к Блюхеру, так и к Бородину, поскольку оба желали, чтобы коммунисты остались в гоминьдане, и предпочел бы Радека или Карахана как предполагаемых представителей левых (L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution, p. 398—399). В публичном выступлении Бородин осудил «личную диктатуру», о чем впоследствии сожалел, считая это проявлением неосторожности (Ibid., p. 401).

148. Ibid., p. 400. Относительно ссоры, имевшей во многом личную подоплеку, см.: Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party, vol. 1, p. 570—571. Войтинский был или более изменчив в своих мнениях, или же бóльший оппортунист, чем Бородин. Будучи сперва (1922—1924) полон недоверия к гоминьдану, он превратился (1925—1926) в его наиболее ревностного защитника, однако позднее (в 1927 г.) был менее оптимистичен, чем Бородин, относительно возможности сдерживать Чан Кайши («Видные коммунисты — участники китайской революции», 1970, с. 73—75, 81). Он успешнее Бородина реабилитировал себя в 1930 г. («Проблемы Китая», 1930, № 4-5, с. 99—104).

149. Цит. по: Л. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 246—247. Автор, по-видимому, имевший доступ к архивам гоминьдана, ссылается на китайский источник.

150. К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, с. 12 (см. ниже, с. 321, примечание 148).

151. Письмо Чэнь Дусю от 10 декабря 1929 г. в: «Chinese Studies in History», 1970, vol. 3, No. 3, p. 224—250 (см. ниже, с. 335, примечание 434).

152. Полностью резолюция не публиковалась. Большой отрывок использовал Сталин в речи в Центральном Комитете партии 1 августа 1927 г. (И. В. Ста-

лин. Соч., т. 10, с. 20). Более короткие цитаты из того же отрывка фигурировали в тезисах для пропагандистов Сталина, опубликованных в апреле 1927 г. (там же, т. 9, с. 224—225). Относительно этих тезисов см. выше, с. 92, а также доклад Бухарина на VIII пленуме ИККИ в мае 1927 г. («Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», S. 17).

153. Относительно Тана см. выше, с. 101.

154. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 29. März, No. 34, S. 733; *T'ang Leang-li*. The Inner History of the Chinese Revolution, 1930, p. 264—265; *В. Вишнякова-Акимова*. Два года в восставшем Китае, с. 327—328; относительно резолюции и крестьянского манифеста см. выше, с. 106; о назначении двух министров см. выше, с. 114.

155. *Ibid.*, 1927, 5. April, No. 36, S. 771; 8. April, No. 37, S. 798; 9. Juni, No. 60, S. 1274—1275. Относительно протестов КП Великобритании по поводу посылки английских войск в Китай см. выше, гл. 75; относительно аналогичных протестов Международного пропагандистского комитета транспортных рабочих см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 1. Februar, No. 13, S. 249.

156. «Labour Monthly», July 1927, No. 7, p. 424.

157. Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, p. 221.

158. *В. Вишнякова-Акимова*. Два года в восставшем Китае, с. 320—321.

159. Там же, с. 321—323, 353.

160. *A. J. Toynbee*. Survey of International Affairs, 1926. 1928, p. 488—494. Содержание было передано представителям прессы, но официально не публиковалось.

161. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

162. См. выше, с. 78.

163. Аналогичное соглашение о возвращении концессии в Цзюцзяне было подписано 2 марта 1927 г. («China Year Book, 1928», Tientsin (n. d.), p. 739—742).

164. «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», p. 373—374.

165. Составленное Роем и опубликованное в конце февраля 1927 г. кантонским комитетом КПК заявление указывало на наличие слухов о сговоре между армиями Чан Кайши и Чжан Цзолина, которые «решительно отвергались»; статья Роя, выражавшая эти беспокойства более откровенно, опубликована не была (*R. North, X. Eudin (eds.)*. *M. N. Roy's Mission to China*, p. 153, 156—159).

166. Относительно выступлений Чан Кайши см.: «Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China», p. 387—388.

167. Подробное описание подобных беспорядков, имевших место при взятии Нанкина 24 марта 1927 г., см. в: «China Year Book, 1928», p. 723—726; *A. J. Toynbee*. Survey of International Affairs, 1927. 1929, p. 382—384; *A. Smedley*. The Great Road, p. 189 (версия КПК). Английские и американские боевые корабли в отместку открыли огонь по городу, причинив большие потери китайскому населению; эти действия «Правда» 27 марта 1927 г. назвала «ужасным и зверским преступлением», а ИККИ выразил протест («Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 29. März, No. 34, S. 725—726). К 9 мая 1927 г. Чемберлен убедил себя и информировал английскую палату общин о том, что ответственность за «нанкинские преступления» несет III Интернационал, который хотел «поссорить Чан Кайши с иностранными державами» («House of Commons: Fifth Series», CCVI, p. 19).

168. Правые лидеры гоминьдана будто бы заявляли, что «наша важнейшая задача — Северная экспедиция; лозунг — долой империализм — нужно пока не выдвигать», что «великие державы готовы признать национальное правительство, нужно поэтому приостановить антиимпериалистическое движение, чтобы устранить препятствия к этому признанию» («Коммунистический Интернационал», 1927, № 8 (82), с. 12).

169. Относительно заявления, призывавшего к забастовке, см.: *J. Chesneaux*. Les Syndicats Chinois, 1919—1927, p. 267—271. Хотя в нем и содержались

требования рабочих, его главное назначение было продемонстрировать поддержку национальным армиям. В то время исполнительный орган Генерального совета профсоюзов состоял из 41 человека, в Президиуме было 7 членов. Совет представлял 600 тыс. рабочих (в том числе 200 тыс. рабочих текстильной промышленности), организованных в 17 союзов («Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 14. April, No. 40, S. 835).

170. J. Chesneaux. The Chinese Labour Movement, 1919—1927, p. 354—355. Здесь речь идет о втором восстании; первое — тоже неудачное — выступление против Сунь Чуаньфана и в поддержку национальных сил произошло в октябре 1926 г.; третье, более серьезное, восстание имело место 21 марта 1927 г. (см. выше, с. 82). КПК не принимала участия в организации забастовки и якобы не знала о ней заранее. Отношение партии к восстанию 22 февраля 1927 г. было каким-то нерешительным и двусмысленным (см.: «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 13, с. 8—11). Сообщение о том, что забастовку организовал Чжоу Эньлай (A. Smedley. The Great Road, p. 188), неверно. Более позднее описание «трех шанхайских восстаний», см. в: «Проблемы Китая», 1930, № 2, с. 63—86.

171. А. Черепанов. Северный поход, с. 238.

172. В письме от 10 декабря 1929 г. Чэнь Дусю (см. ниже, с. 335, примечание 434) писал, как Цюй Цюбо (один из руководителей КПК) беспокоился о «составе муниципального правительства... и объединении мелкой буржуазии, средних и мелких торговцев для борьбы с крупной буржуазией».

173. J. Chesneaux. The Chinese Labour Movement, 1919—1927, p. 357—358. Относительно оценки ситуации с позиции советского наблюдателя см.: L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution, p. 269—270. Оценки западного наблюдателя в: A. J. Toynbee. Survey of International Affairs, 1927, p. 370—374.

174. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 25. März, No. 33, S. 712. Статья в журнале «Новый Восток» (1927, № 16-17, с. 24) приветствовала «радостную новость о взятии Шанхая».

175. «Новый Восток», 1926, № 15, с. 97.

176. Из 278 делегатов, присутствовавших в январе 1926 г. на II съезде гоминьдана, 168 принадлежали якобы к левому крылу, 45 — к правому и 65 делегатов являлись центристами. Из 250 тыс. членов 150 тыс. будто бы относились к левым, 30 тыс. — к правым и 70 тыс. являлись военнослужащими («Коммунистический Интернационал», 1927, № 8 (82), с. 9—10). Видимо, эта статистика производила впечатление на тех, кто читал и цитировал ее.

177. Об этом см. выше, с. 79.

178. «Правда», 16 марта 1927 г.

179. Относительно данной статьи см. выше, с. 90.

180. «Die Internationale», 1927, 15. April, vol. 8, No. 8, S. 245.

181. «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 13, с. 6—22. Данная статья была написана месяца спустя после событий с явной целью дискредитировать Чэнь Дусю и других руководителей, но главные факты в ней, по-видимому, были в основном верными. В речи 4 апреля 1927 г. Бухарин в осторожных выражениях защищал инструкцию: прятать оружие, не принимать боя и таким образом не дать себя разоружить (Н. Бухарин. Проблемы китайской революции, 1927, с. 13; относительно его речи см. ниже, с. 310, примечание 217). Директиву «Оружия не сдавать, в крайнем случае прятать» одобрил в статье, опубликованной в «Правде» 16 июля 1927 г., Мандалян (см. выше, с. 126); на нее с возмущением сослался Чэнь Дусю в письме от 10 декабря 1929 г. (см. ниже, с. 335, примечание 434) и ее часто упоминали в последующих спорах. Когда 12 апреля 1927 г. были захвачены здания профсоюзов и оружие, КПК направила к властям делегацию рабочих с протестом и требованием вернуть оружие. Однако делегатов сразу же арестовали и расстреляли («Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 13, с. 21).

182. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 8. April, No. 37, S. 794; «Правда» 2 апреля 1927 г. все еще опасалась английской военной акции против Чан Кайши.

183. Эти события описывались в ноте протеста Генерального совета профсоюзов Шанхая от 15 апреля 1927 г., переданной Центральному комитету гоминьдана и уханьскому правительству. В ней Чан Кайши обвинялся в «особо тяжких преступлениях» и содержалась просьба о помощи «800 тыс. угнетенным шанхайским товарищам, кто остался верным революции» (*J. Chesneaux. Les 1927, № 9, с. 45—57, 71—73*). Относительно Ван Шууха, бывшего студента и Syndicates Chinois, 1919—1927, р. 276—281; «Материалы по китайскому вопросу», прошедшего подготовку в Москве коммуниста, см.: *J. Chesneaux. The Chinese Labour Movement, 1919—1927, р. 282*.

184. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

185. «Документы внешней политики СССР», т. 9, с. 114.

186. Относительно прежних требований об отзыве Карахана см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40; он покинул Пекин 10 сентября и прибыл в Москву 12 октября 1926 г. («Известия», 10 сентября и 13 октября 1926 г.).

187. Значительное число русских эмигрантов проживало в открытых портовых городах, большинство — в крайней нищете. Говорили, что из 25 тыс. иностранцев в Шанхае 15 тыс. были русскими («Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 18. März, No. 31, S. 666).

188. «Документы внешней политики СССР», т. 10, с. 74, 80—81, 101, 111—114.

189. «China Year Book, 1928», р. 789—792; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 6. Mai, No. 48, S. 994; 21. Juni, No. 64, S. 1350; 28. Juni, No. 66, S. 1398; 15. Juli, No. 71, S. 1513. Членов команды освободили лишь 5 января 1928 г. (см. выше, с. 182).

190. Примаков, посетивший Пекин в июне 1925 г., отметил, что в то время как американскую дипломатическую миссию охраняли двое вооруженных часовых, стоявших снаружи массивных металлических ворот, советское посольство имело только двух китайских привратников в черных накидках (*В. Примаков. Записки волонтера. М., 1967, с. 75*).

191. «China Year Book, 1928», р. 792—793. Относительно документов см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40, примечание 4.

192. «Документы внешней политики СССР», т. 10, с. 141—143, 149—152, 631 (примечание 30). Евгений Чэнь телеграфировал из Ханькоу в Москву Карахану, выражая свое возмущение произволом (там же, с. 152); Чан Кайши накануне шанхайской резни послал аналогичную телеграмму советскому поверенному в делах («Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 12. April, No. 39, S. 819); на телеграмму ссылался также «Коммунистический Интернационал» (1927, № 16 (90), с. 3), но она отсутствует в официальном сборнике документов. Циркулярная телеграмма Коминтерна коммунистическим партиям назвала нападение «заговором, организованным Англией, провоцирующей войну с СССР» («Коммунистический Интернационал: краткий исторический очерк», с. 278).

193. «Документы внешней политики СССР», т. 10, с. 167.

194. Там же, с. 169—170.

195. *И. В. Сталин. Соч. т. 9, с. 198—202*; об инциденте в Нанкине см. выше, с. 306, примечание 167.

196. «ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций». М.—Л., 1929, с. 282. Относительно конференции см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 45.

197. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40, примечание 1.

198. «Междоцарствие...», гл. 9.

199. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40. В хвалебных статьях Сунь Ятсена, опубликованных в «Правде» 14 марта 1925 г. и 12 марта 1926 г., Радек представлен как ярый сторонник сотрудничества с гоминьданом; относительно его более ранних взглядов см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

200. «Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», S. 121.

201. «Архивы Троцкого», Т. 889.

202. Там же, Т. 3008 (относительно данного меморандума см. также: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40, примечание 1); о резолюции КПК

от 14 июля 1926 г. см. выше, с. 56—57. Троцкий цитировал также декларацию КПК, напечатанную в партийном журнале «Hsiang-tao Chou-pao» 12 июля 1926 г., которая, по его словам, была навеяна желанием «не так завоевать пролетариат, как убедить буржуазию», и не имела «ничего общего с марксизмом».

203. «Архивы Троцкого», Т 3006.

204. На VII пленуме ИККИ в ноябре 1926 г. Катаяма критиковал роль Радека в Университете им. Сунь Ятсена (см. выше, гл. 67).

205. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

206. К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, с. 31—32 (см. ниже, с. 321, примечание 148). Судя по содержанию, Радек послал Далина в Китай, не посоветовавшись с Центральным Комитетом, который был раздражен этим поступком и перехватывал их корреспонденцию. Восточный Секретариат Коминтерна отказался «пропустить статью товарища Далина, которая была тревогу». Чжан Готао («The Rise of the Chinese Communist Party». Kansas, 1971, vol. 1, p. 616—617) сообщил о неофициальной беседе в марте 1927 г. в Ухане, в которой Далин выразил свое согласие с теорией перманентной революции Троцкого в применении к Китаю. Отчет Далина о поездке, опубликованный под заглавием «Очерки революции в Китае» и с предисловием, датированным 23 ноября 1927 г., менее откровенен, чем отчет о его более раннем визите (С. Далин. В рядах китайской революции).

207. «Новый мир», 1927, № 3, с. 157—159.

208. «Архивы Троцкого», Т 933, 934.

209. Об этом выше, примечание 199.

210. «Известия», 11 и 15 марта 1927 г.

211. К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, с. 33 (см. ниже, с. 321, примечание 148). Как видно, тексты этих выступлений опубликованы не были. Однако выступление в академии подробно цитировалось в статье Мартынова, напечатанной в «Правде» 10 апреля 1927 г. (см. выше, с. 90).

212. «Архивы Троцкого», Т 3033.

213. Там же, Т 938. Позднее Троцкий назвал гоминьдан «партией либеральной буржуазии, которая ведет, обманывает и предаст рабочих и крестьян» (там же, Т 3077).

214. Там же, Т. 3036. Осторожный тон отразил разногласия с Зиновьевым, который не хотел выступить в поддержку предложения о выходе КПК из гоминьдана. Из неопубликованной памятной записки Троцкого от 3 апреля 1927 г. с пометкой «уступка Зиновьеву» вычеркнута фраза о том, что подъем массового рабочего движения «в последние два года» сделал участие в гоминьдане ненужным (там же, Т 3038); в «Декларации 83-х», составленной в мае 1927 г., подписавшие ее — опять же с учетом взглядов Зиновьева — отмежевались от требования относительно выхода из гоминьдана, который Троцкий желал включить (там же, Т 1509). В тезисах, подготовленных в апреле 1927 г. к VIII пленуму ИККИ (см. ниже, с. 310, примечание 227), Зиновьев настаивал на том, чтобы «из гоминьдана не выходить, но немедленно объявить и осуществить полную политическую и организационную самостоятельность КПК от гоминьдана» (L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution, p. 356). В другой неопубликованной памятной записке Троцкий назвал это «переходной формулой, которая дала бы Центральному Комитету возможность перейти с неверной дороги на правильный путь», однако продолжал считать данное предложение ошибочным («Архивы Троцкого», Т 3072). По словам Сталина, мнения Зиновьева и Троцкого коренным образом расходились и в вопросе о китайских советах. Троцкому они были нужны для того, чтобы свергнуть уханское правительство, а Зиновьеву — чтобы поддержать его (И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 155).

215. «Архивы Троцкого», Т 3056. На полях рукописи имеется пометка Троцкого, что документ не публиковался в связи с произошедшим 12 апреля 1927 г. переворотом, однако, сомнительно, чтобы Сталин вообще разрешил его опубликовать.

216. В неопубликованной статье от сентября 1927 г. («Архивы Троцкого», Т 1031) Троцкий отметил, что «о вмешательстве Радека 5 апреля в Колонном зале широко известно»; импульсивность и несдержанность являлись наиболее ярко выраженными чертами Радека, и маловероятно, чтобы он оставил критику без ответа. Его выступление упоминается, но не цитируется в: *К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению*, с. 55 (см. ниже, с. 321, примечание 148); по оценкам Радека в зале присутствовало 3 тыс. человек (там же, с. 33).

217. *Н. Бухарин. Проблемы китайской революции*, с. 23—26. Как указал К. Радек в своей работе «Измена китайской крупной буржуазии национальному движению» (см. ниже, с. 321, примечание 148) на с. 38, это была «переработанная» версия его выступления, пересмотренная в свете последних событий. Другая версия была изложена в статье газеты «Правда» от 19 апреля 1927 г., шесть или семь абзацев которой якобы были заимствованы из этой речи (см. выше, с. 273—286 о феодализме в Китае).

218. Троцкий едко высмеивал представление, что «в результате обычных выборов на гоминьдановских съездах власть перейдет из рук буржуазии к пролетариату» (*L. Trotsky. The Third International after Lenin*, p. 218).

219. Эта речь, которую события так решительно опередили, никогда не публиковалась и официально не распространялась. 18 апреля 1927 г. Троцкий в письме просил (безрезультатно) Секретариат ЦК выслать ему полный текст данного выступления («Архивы Троцкого», Т 947). Выдержки из своих записей речи привел Вуйович шесть недель спустя на VIII пленуме ИККИ (см. выше, с. 97), где их правдивость, по-видимому, не оспаривалась («Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», S. 123—124). Цитаты из данного выступления содержатся также в: *К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению*, с. 33—34 (см. ниже, с. 321, примечание 148).

220. Радек доказывал, что после 30 мая 1925 г. китайский пролетариат вел борьбу «не только против иностранной, но и против китайской буржуазии» и что не бывает и никогда не было в истории человечества революции, направленной лишь против внешнего врага» (*К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению*, с. 1, 43 (см. также ниже, с. 321, примечание 148)).

221. «Архивы Троцкого», Т 3041.

222. Манифест и заявление были перепечатаны в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 16. April, No. 41, S. 859—861.

223. «Архивы Троцкого», Т 3047.

224. «СССР. 4 съезд Советов», с. 15—18. Через несколько недель, на вечере выпускников Коммунистического университета трудящихся Востока, Рыков будто бы выразил удовлетворение тем, что Советское правительство прямо не поддерживало китайских революционеров, поскольку это привело бы к войне с Великобританией (*A. Ciliga. Au Pays du Grand Mensonge*, 1938, p. 22—23).

225. «Съезды Советов СССР». М., 1960, т. 3, с. 113—114.

226. «Бюллетень оппозиции». Париж, июль 1932, № 28, с. 21—22; оригиналы хранятся в: «Архивы Троцкого», Т 946.

227. «КПСС в резолюциях и решениях». М., 1954, т. 2, с. 358; *И. В. Сталин. Соч.*, т. 9, с. 230. Тезисы Зиновьева, официально одобренные Троцким, были подготовлены к данному пленуму («Der Kampf um die Internationale», 1927, S. 14—66; *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 307—375), однако не известно, были ли они в действительности на нем изложены. Их обсуждали на VIII пленуме ИККИ в мае 1927 г.

228. Об этом см. выше, с. 85.

229. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 16 (90), с. 3—10. Номер журнала не датирован, но статью, должно быть, написали до опубликования в «Правде» 21 апреля 1927 г. тезисов Сталина (см. выше, с. 92), на которые автор статьи не ссылается. Некоторые особенности содержания позволяют предположить, что автором был Мартынов.

230. «Архивы Троцкого», Т 3048. О конце Англо-русского комитета см. выше, гл. 75.

231. Впервые его опубликовала французская оппозиция в 1927 г. в брошюре «*La Vérité sur la Chine: Lettre de Shanghai*» с предисловием Трейнта. Рассказывали, что подписавшие письмо Насонов, Фокни и Альбрехт после возвращения в Москву отказались от своих мнений, а Насонов, работник комсомола и КИМа, год спустя все еще пользовался хорошей репутацией (см. выше, с. 257). Немецкий перевод опубликовала германская оппозиция в начале 1928 г. с предисловием, датированным 19 сентября 1927 г. и послесловием от 27 января 1928 г. Английский перевод в: *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 391—426.

232. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40. В статье, написанной в июле 1927 г., Сталин еще более выразительно подчеркнул, что на первом этапе («кантонский период»), «революция была революцией общенационального **объединенного фронта**» и включала также «национальную буржуазию» в число союзников (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 9, с. 340). Относительно перемены во взглядах Сталина см. выше, с. 302, примечание 114.

233. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 9, с. 221—230. Тезисы были подготовлены после Пленума Центрального Комитета партии, состоявшегося 13—16 апреля. Согласно контртезисам Троцкого от 7 мая 1927 г. (см. выше, с. 93), Политбюро поручило Сталину, Бухарину и Молотову согласовать окончательный текст и опубликовать тезисы от имени ЦК.

234. «Архивы Троцкого», Т 3053, 3059.

235. Там же, Т 951 (письмо к Крупской от 17 мая 1927 г., относительно которого см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39, примечание 5).

236. Там же, Т 3054; перевод в: *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 17—76.

237. «Февральская революция в Китае произошла в 1911 году», — писал Троцкий в 1928 г. («*L. Trotsky. The Third International after Lenin*», p. 173).

238. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 3.

239. «Архивы Троцкого», Т 3089; относительно определения Ленина см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 3.

240. *L. Trotsky. The Third International after Lenin*, p. 182—183.

241. Это было главной темой письма Троцкого Преображенскому от 27 марта 1928 г. Преображенский же доказывал, что Китай пока еще не пережил своей «февральской революции» и поэтому всякий разговор о ее переходе в пролетарскую или социалистическую революцию был преждевременным (об этой переписке см. выше, с. 153).

242. *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 97—98. По удивительному совпадению, Рой записал в Кантоне в феврале 1927 г.: «Китайское национально-освободительное движение будет или продолжать развиваться и превратится в победоносную рабоче-крестьянскую революцию, или же оно никогда не победит... Буржуазия не может руководить революционной борьбой» (*R. North, X. Eudin (eds.). M. N. Roy's Mission to China*, p. 149). Относительно высказывания Плеханова см. выше, с. 304, примечание 126.

243. Об этом см. выше, с. 31—32. Применяя к Китаю турецкий (или «кемалистский») прецедент, официальные апологеты чувствовали себя неловко. Такой подход был отвергнут Сталиным в беседе со студентами Университета им. Сунь Ятсена (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 9, с. 256—258; см. также цитату в: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38). Статья турецкого коммуниста «Китайская революция не должна идти по кемалистскому пути» появилась в журнале «Коммунистический Интернационал» (1927, № 24 (98), с. 32—37). Однако обидной казалась скорее сама фраза, чем содержание статьи.

244. «Архивы Троцкого», Т 3041. Относительно статьи Мартынова и записки Троцкого см. выше, с. 90.

245. *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 21—35, 96—105 (тезисы и второе выступление на VIII пленуме ИККИ); эти взгляды нашли подтверждение во всех работах Троцкого того периода. Относительно VIII пленума ИККИ см. выше, с. 96.

246. *К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению*, с. 50 (см. ниже, с. 321, примечание 148).

247. «Бюллетень оппозиции», июль 1929, № 1-2, с. 33.

248. Критикуя в июле 1928 г. Программу Коминтерна, Троцкий доказывал, что хотя нельзя утверждать, что в случае правильной большевистской политики КПК непременно пришла бы к власти, однако «заявлять, что такая возможность полностью исключается, есть презренное филистерство» (*L. Trotsky. The Third International after Lenin*, p. 185). Оглядываясь назад через десять лет, Мао Цзэдун «не думал, что в 1927 г. контрреволюцию можно было бы победить... даже если коммунистическая партия проводила бы более агрессивную политику», хотя «Советы могли бы дать мощный старт на юге» (*E. Snow. Red Star over China*, p. 148).

249. «Архивы Троцкого», Т 3056, 3091.

250. На III конгрессе Коминтерна в 1921 г. он сказал: «Для крестьянства Индии или Китая нет другой возможности, другого центра объединения, кроме молодого боеспособного пролетариата» («Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», Петроград, 1922, с. 66).

251. *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 155. Подлинник, датированный 4 октября 1928 г., находится в архивах Троцкого (Т 3142).

252. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 9, с. 239—281; относительно статьи Мартынова см. выше, с. 90.

253. Миф (настоящая фамилия Фортус), заместитель директора Университета им. Сунь Ятсена при Радеке, отправился в Китай в начале 1927 г. вместе с Роем (см. выше, с. 76), где присутствовал на V съезде КПК в Ухане в апреле-мае 1927 г., и вскоре вернулся в Москву. Являлся директором Университета с 1927 по 1929 г.

254. «Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», S. 7—25. Эта небольшая книга, изданная на немецком языке почти через год после заседаний, содержит тексты речей по китайскому вопросу и доклад комиссии по подготовке резолюции; в ней воспроизведено полностью первое выступление Троцкого, но не включено второе, относительно публикации которого см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39. Обе речи Троцкого приведены в: *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 77—105.

255. «Архивы Троцкого», Т 3060; другие заявления оппозиции цит. по: *L. Trotsky. The Real Situation in Russia* (n. d. [1928]), p. 151—152.

256. «Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», p. 32—43.

257. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 9, с. 282—314. Это была единственная речь, напечатанная в то время в «Правде» (31 мая 1927 г.). В письме от 27 июня 1927 г., направленном в ИККИ, Троцкий жаловался на то, что не публиковался полный отчет о заседаниях и что в распространенных среди членов партии отдельных выдержках не было текста его выступления («Архивы Троцкого», Т 3074).

258. «Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», S. 119—127. Относительно письма Радека и выступления Сталина см. выше, с. 87, 90.

259. *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 96—105.

260. Относительно протеста см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39, примечание 2.

261. «Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», S. 137. «Декларация 83-х» была передана Политбюро во время работы ИККИ («Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39). В ней «колоссальное поражение» в Китае объяснялось «ошибочной линией» руководителей Коминтерна.

262. Трейнт дал краткое описание дебатов в комиссии в: «La Vérité sur la Chine: Lettre de Shanghai», p. V—VIII (относительно данной брошюры см. выше, с. 311, примечание 231); более подробно он рассказывал в 1935 г. К. Исааксу (о последнем см.: «China Quarterly», 1971, vol. 45, p. 112—114; английский текст был опубликован в: «The New Militant», N. Y., 8 February, 1936). В конце своего повествования Трейнт спутал Тан Шэнчжи, уханьского генерала, разгромившего крестьян в Чанша, с коммунистом Тань Пиншанем, министром земледелия уханьского правительства, который ничего не сделал, да и не мог сделать, чтобы предотвратить кровавую бойню.

263. «Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», S. 150—151.
264. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 717—729.
265. «Правда», 1 июня 1927 г.
266. Об этом см. выше, с. 312, примечание 254.

Глава 85. Революционный Китай: II. Отлив

1. «Большевик», 15 ноября 1927, № 21, с. 67. Критику с одинаковым успехом можно было отнести как к уханьским коммунистам, так к Войтинскому и Бородину.
2. Относительно некоторых недоуменных реакций на эту встречу см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 8. April, No. 37, S. 795; отчет о встрече Ван Цзинвэя в: *T'ang Leang-li. The Inner History of the Chinese Revolution*, p. 265—266.
3. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 8. April, No. 37, S. 769; перевод с китайского на английский в: *H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution, 1938*, p. 188—190.
4. По словам Роя, через шесть месяцев «делегация Коминтерна сурово отнеслась к выступлению Чэнь Дусю, угрожая снять его с руководящего поста в партии, если он не исправит своих ошибок» («Коммунистический Интернационал», 1927, № 38 (112), с. 17). Но это не подтверждается другими материалами. По всем признакам, Бородин защитил Чэня (см. ниже, с. 314, примечание 19). Относительно более позднего комментария Чэнь Дусю см. его письмо от 10 декабря 1929 г. (см. ниже, с. 335, примечание 434).
5. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 349; *T'ang Leang-li. The Inner History of the Chinese Revolution*, p. 268—269. Согласно письму Чэня от 10 декабря 1929 г., он уже настаивал на рассмотрении вопроса о том, «как атаковать силы Чан Кайши», но уханьские коммунисты «были не особенно обеспокоены шанхайским переворотом, а телеграфировали мне несколько раз с просьбой приехать в Ухань» на том основании, что Национальное правительство находится в Ухане и поэтому все важные проблемы следовало бы решать там.
6. «Большевик», 31 декабря 1927, № 23-24, с. 105; 15 марта 1928, № 5, с. 64—65. По словам Цюй Цюбо, «империалисты... порвали торговые отношения с Уханем, закрыли банки, прекратили всякую торговлю с провинциями Хунань и Хубэй, закрыли фабрики, отчего число безработных в Ухане достигло 120 тыс. человек» («Chinese Studies in History», 1971, vol. 5, No. 1, p. 18).
7. «Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 25.
8. Об этом см. выше, с. 59.
9. Ранее Тан «вполне серьезно выражал дружественные чувства к КПК», и Бородин полагал использовать его в качестве противовеса Чан Кайши (*Chang Kuo-f'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 1, p. 541, 557). По данным одного не вполне достоверного источника, Тан предложил хунаньскому комитету КПК включить крестьян-добровольцев из членов «крестьянских союзов» в свою армию, но натолкнулся на отказ («Коммунистический Интернационал», 1927, № 32 (106), с. 10—11).
10. А. Черепанов. Северный поход, с. 287. Примаков, видимо, летом 1926 г. попал под подозрение как сторонник Троцкого («Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39). Сангурский работал в Китае под псевдонимом Усманов.
11. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 347.
12. «People's Tribune». Hankow, 15 April, 1927.
13. «China Year Book, 1928», p. 1367—1376; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 22. April, No. 43, S. 885—886. В последней публикации говорится также о решении идти на Нанкин. Здесь, по-видимому, ошибочно имеется в виду уже отмененное решение от 10 апреля 1927 г. Постановление об исключении Чан Кайши сопровождалось решением «мобилизовать уханьские вооруженные силы только против Чжан Цзолиня», то есть речь не шла о

военных акциях против Чана (*T'ang Leang-li. The Inner History of the Chinese Revolution*, p. 277).

14. *R. North, X. Eudin (eds.). M. N. Roy's Mission to China*, p. 178—185.

15. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 22. April, No. 43, S. 886; 26. April, No. 45, S. 924.

16. «Большевик», 13 декабря 1927, № 23—24, с. 98.

17. Цит. по статье Цюй Цюбо в кн.: *Л. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК*, с. 241.

18. Относительно Пэна см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40, примечание 3.

19. Пространные выдержки из брошюры в: *Л. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК*, с. 266—275. Брошюра Пэна не обнаружена. По словам Чжан Готао («*The Rise of the Chinese Communist Party*», vol. 1, p. 201, 618), Цюй Цюбо начал интриговать против Пэна еще во время шанхайского переворота, но Бородин его остановил.

20. *Ibid.*, vol. 1, p. 620—622. Эти мемуары (единственное детальное описание того периода одним из членов КПК) следует использовать с осторожностью. Помимо обычных для большинства автобиографий недостатков, связанных с более поздними оценками и самооправданиями, Чжан допустил ряд странных ошибок. Можно еще понять, что он в результате просмотра датировал выдворение Троцкого и его появление в Мексике 1929 г. (vol. 2, p. 118, 126), но история с поездкой в 1929 г. в Китай Брандлера и Тальгеймера (vol. 2, p. 126) — это чистая выдумка.

21. *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 401.

22. *L. Fischer. The Soviets in World Affairs*, vol. 2, p. 672.

23. «Предложения т. Р. постоянно были противоречивыми, а у Б. — едиными, систематическими, потому что он всегда принимал в расчет психологию Ван Цзинвэя» («Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 55, источник, враждебный Бородину). Чжан Готао считал, что Рой «нереалистично совместил два различных предложения Сталина и Троцкого». Рой придерживался линии Сталина на сотрудничество с Уханем, но, подобно Троцкому, желал стимулировать революцию, невзирая на теорию этапов (*Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 1, p. 617).

24. Впоследствии Рой утверждал: «Преодолевая сопротивление партийного руководства, действовавшего по указаниям Бородина, мне удалось убедить V съезд КПК принять резолюцию, которая соответствовала новой линии, рекомендованной Коммунистическим Интернационалом» (*M. N. Roy. My Experiences in China*, p. 31). Довольно поверхностное освещение этих событий, описываемых со слов Бородина, дано в: *L. Fischer. The Soviets in World Affairs*, vol. 2, p. 663—679. Роя он вообще не упоминает.

25. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 771. По словам Лозовского, лозунг «*Сперва победа, а потом реформы*» будто бы являлся «официальной философией левого гоминьдана» («Коммунистический Интернационал», 1927, № 37 (111), с. 19).

26. «Большевик», 31 декабря 1927, № 23-24, с. 106, 117; *M. N. Roy. Revolution and Counter-Revolution in China*, p. 548—549. В книге «Коммунистический Интернационал: краткий исторический очерк», авторы которого имели доступ к архивам, указано (с. 265), что «идея создания главных опорных баз» для коммунистического движения в Северо-Западном Китае впервые обсуждалась в китайской комиссии VII пленума ИККИ в ноябре 1926 г., где, как подчеркивало «руководство Китайской компартии», «меньше опасность интервенции, где мы будем в контакте с СССР и сможем получить от него поддержку».

27. *M. N. Roy. My Experiences in China*, p. 39.

28. Относительно документа от 13—15 апреля 1927 г., излагающего точку зрения Роя (по-видимому, текст его выступления или выступлений в Центральном комитете), см.: *R. North, X. Eudin (eds.). M. N. Roy's Mission to China*, p. 160—175. По словам Роя, он поставил данный вопрос перед Москвой, но получил неопределенный ответ (*M. N. Roy. Revolution and Counter-Revolution in China*, p. 548—549).

29. R. North, X. Eudin (eds.). M. N. Roy's Mission to China, p. 176—177. В данном вопросе члены ЦК КПК в Ухане якобы вообще не заняли никакой позиции («Большевик», 15 ноября 1927, № 21, с. 73). Относительно критики, в которой «северо-западная теория» расценивалась как «бегство», обусловленное «глубоким пессимизмом», см.: «Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 24—26. На встрече в Университете им. Сунь Ятсена 13 мая 1927 г. Сталин в осторожной форме поддержал идею похода вместе с Фэнном на «мукденцев», но счел необходимым возразить против наступления на Чан Кайши и Шанхай, которого, очевидно, требовали отдельные горячие головы в Москве (И. В. Сталин. Соч., т. 9, с. 254—256).

30. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 348.

31. Об этом см. выше, с. 60.

32. «Аграрные проблемы», 1927, № 2, с. 41.

33. Там же, с. 51.

34. Там же, с. 45. Статья в журнале «Коммунистический Интернационал» (1927, № 26 (100), с. 3—9) объяснила крестьянские восстания в Хунани и Хубэе углублением руководимого КПК «плебейского движения».

35. См. выше, с. 75.

36. «Hsiang-tao Chou-pai», 25 November, 1926. Статья была опубликована под псевдонимом, но приписывалась Мао в: S. Schram. The Political Thought of Mao Tse-tung, p. 178. См., однако, осторожную точку зрения, изложенную, по-видимому, Мао на конференции в Чанша в декабре 1926 г. (см. выше, с. 75). По словам Мао, сказанным позже, он стал выступать за основательное перераспределение земли после посещения Хунани в январе-феврале 1927 г. (E. Snow. Red Star over China, p. 161).

37. Неполный перевод на русский язык без подписи (хотя доклад составлен от первого лица) появился в журнале «Коммунистический Интернационал» (1927, № 21 (95), с. 22—29). Более полный и подписанный автором текст был опубликован в журнале «Революционный Восток» (1927, № 2, с. 107—122). Обе публикации ссылаются на статью, напечатанную в журнале КПК 12 марта 1927 г., которая якобы датирована 18 февраля 1927 г., Чанша. Ни один из названных выше вариантов не включает заключительного раздела «Четырнадцать достижений», в котором описывается деятельность крестьянских союзов (полный перевод оригинала получить не удалось). Некоторые существенные изменения внесены в первоначальный текст в официальном китайском издании 1951 г. Изъяты места, где описывались акты насилия со стороны крестьян, и подчеркивается решающая роль крестьянства в революции; отсутствует содержавшееся в первоначальном тексте утверждение о том, что вклад армии и городов в «осуществление демократической революции» равен 3/10, а крестьянства — 7/10. Пересмотренный текст использован в русском издании «Избранных произведений» Мао Цзэдуна (1952, т. 1, с. 35—88), а также в официальных английских изданиях.

38. Ссылаясь на VIII пленуме ИККИ в мае 1927 г. на доклад как на сообщение «нашего агитатора», Бухарин назвал его «великолепным интересным обзором, отражающим жизнь», который не содержит и намека на доктринерские новации («Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», S. 12—13).

39. «China Quarterly», 1961, vol. 8, p. 179—181. Относительно Пэн Бая см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

40. Ibid., vol. 8, p. 181—183. В период шестого набора (май-октябрь 1926 г.) его директором был Мао Цзэдун (S. Schram. Mao Tse-tung, p. 79, 89—92).

41. Ibid., p. 85—86. Вследствии Мао говорил, что впервые осознал революционный потенциал крестьянства после событий в Шанхае 30 мая 1925 г. (E. Snow. Red Star over China, p. 157).

42. «Крестьянский Интернационал», март-май 1926, № 3-5, с. 181.

43. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40; «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 1, с. 804. Они, по-видимому, являлись делегатами гоминьдана и их посещение Международного аграрного института в Москве было описано в «Правде» 27 сентября 1926 г.

44. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40, примечание 4.

45. «Правда», 10 мая 1927 г.
46. *M. N. Roy. My Experiences in China*, p. 30.
47. Об этом см. выше, с. 65.
48. Относительно данного съезда см. выше, с. 79.
49. *Л. Делюсин*. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 247—250. Автор использовал сведения источника, который, вероятно, имел доступ к архивам гоминьдана. Китайское выражение, переводимое как «бандиты и плохие джентри», вошло в словарь понятий КПК (см. выше, с. 136, 141, 142); это давало партии возможность проводить политику «единого фронта» с «хорошими» джентри, которая, по словам одного комментатора, была основана на «недооценке» *скрытого* процесса классового расслоения в деревне («Аграрные проблемы», 1927, № 2, с. 40).
50. Относительно создания комиссии см.: *Л. Делюсин*. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 251—252; «Аграрные проблемы», 1927, № 2, с. 55.
51. Наиболее полный отчет о заседаниях содержится в изданиях: *Л. Делюсин*. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 252—263; относительно других подробностей см.: «Аграрные вопросы», 1927, № 2, с. 55—57; *S. Schram. Mao Tse-tung*, p. 98—102; «Большевик», 15 марта 1928, № 5, с. 67; *В. Вишнякова-Акимова*. Два года в восставшем Китае, с. 350; *Н. Костарев*. Мои китайские дневники. Л., 1935, с. 129—130. По словам Бакулина, представители КПК несколько раз меняли свою точку зрения и «неоднократно выступали друг против друга» (*А. Бакулин*. Записки об уханском периоде китайской революции. М.—Л., 1930, с. 202).
52. *А. Черепанов*. Северный поход, с. 252—253.
53. *E. Snow. Red Star over China*, p. 144. Относительно Волина и Иолка, опубликовавших в Кантоне (1927) в двух томах на английском языке «*The Peasant Movement in Kwangtung*», см.: *В. Никифоров*. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, с. 138—139.
54. Это, по-видимому, «проект аграрной программы», опубликованный в «Материалах по китайскому вопросу» (1927, № 8, с. 96—99), который, по словам Л. Делюсина («Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК», с. 280, 285), был подготовлен аграрной комиссией V съезда, но не утвержден. Журнал «Аграрные проблемы» (1927, № 2, с. 52—53) не упоминает крестьянской конференции, а пишет, что дискуссия имела место в ЦК компартии. Автор статьи в сборнике «Проблемы Китая» (1929, № 1, с. 30—31), по всей вероятности, спутал эту дискуссию с дебатами в комиссии гоминьдана. См. также: «*China Quarterly*», 1964, vol. 9, p. 162.
55. Впоследствии Мао утверждал, что поддерживал требование о полной конфискации, и обвинял Бородину в том, что в 1926 г. тот выступал за перераспределения земли, а в 1927 г. — против этого (*E. Snow. Red Star over China*, p. 144, 147). Однако и сам Мао не избежал непоследовательности в своих действиях. По словам Роя (*M. N. Roy. Revolution and Counter-Revolution in China*, p. 615), Мао «представлял взгляды крайне правого крыла в руководстве коммунистической партии». И хотя Рой не является достоверным источником, отсюда можно сделать вывод, что при выдвижении радикальных требований Мао был осторожнее Роя.
56. Эти цифры назвал в докладе съезду Чэнь Дусю («Большевик», 31 декабря 1927, № 23-24, с. 110). А. Тивел и М. Хеймо указали общее количество членов в тот период — 54 тыс. («10 лет Коминтерна в решениях и цифрах». М., 1929, с. 355). О более ранних подсчетах см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40. Цифры свидетельствуют о массовом наборе рабочих в Ухане в первые месяцы 1927 г.; о количестве членов профсоюзов см. ниже, с. 320 (примечание 134). Профинтерн утверждал, что между 1925 и 1927 гг. число его сторонников увеличилось в три раза («*Protokoll über den Vierten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale*» (п. д.), S. 306). Из 9,7 млн. членов крестьянских союзов 5,2 млн. проживали в провинции Хунань, а 1,7 млн. — в провинции Хубэй (*Л. Делюсин*. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 241—242). Относительно более поздних данных см. выше, с. 174.

57. «Проблемы Китая», 1930, № 3, с. 202—203. В работе на Чэнь Дусю возлагается ответственность за отсутствие дисциплины.
58. *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 406—407; относительно данного письма см. выше, с. 311, примечание 231.
59. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 238.
60. *В. Вишнякова-Акимова*. Два года в восставшем Китае, с. 350.
61. *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 1, p. 622.
62. *R. North, X. Eudin (eds.)*. *M. N. Roy's Mission to China*, p. 3—5; стенографический отчет заседаний был распространен, но, видимо, никогда не публиковался («Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 29).
63. Цит. по: «Новейшая история Китая, 1917—1970 гг.», М., 1972, с. 108 (с опубликованного китайского текста).
64. Относительно письма Чэнь Дусю от 10 декабря 1929 г. см. ниже, с. 335, примечание 434. Чэнь также цитировал ответ Чжоу Эньлая, кратко сформулировавшего проблему: «Если мы выйдем из гоминьдана, то рабочее и крестьянское движение станет свободнее, однако сильно пострадает военное движение».
65. *В. Вишнякова-Акимова*. Два года в восставшем Китае, с. 351.
66. Очень сжатое изложение доклада появилось в «Правде» 15 мая 1927 г., а полный отчет без выделения цитированных мест напечатан в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 31. Mai, No. 56, S. 1212—1214. Некоторые тщательно подобранные цитаты см. в: «Большевик», 31 декабря 1927, № 23-24, с. 99—110. Автор статьи Миф присутствовал на съезде. По-видимому, не дословное, а суммарное изложение высказываний по аграрному вопросу Чэнь Дусю см. в: *Л. Делюсин*. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 277. Основываясь на материалах «Правды», Троцкий критиковал доклад в его тезисах VIII пленуму ИККИ в мае 1927 г. (*L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 67—73).
67. *R. North, X. Eudin (eds.)*. *M. N. Roy's Mission to China*, p. 188—218.
68. *Ibid.*, p. 216—230.
69. Англоязычная газета «Chinese Information Bulletin», опубликовавшая речь Ван Цзинвэя и резолюцию съезда по аграрному вопросу, была конфискована властями (*А. Черепанов*. Северный поход, с. 253). С сомнением следует отнестись к заявлению Роя о том, что Ван выразил полное согласие с его выступлением (см. выше, с. 115). Однако возможно, что Ван с характерным для него стремлением к компромиссу завуалировал свою критику еще больше, чем того требует обычная китайская учтивость. Впоследствии Миф обвинил Вана в «двуличности и политическом шарлатанстве» («Большевик», 31 декабря 1927, № 23-24, с. 112).
70. *R. North, X. Eudin (eds.)*. *M. N. Roy's Mission to China*, p. 231—233. Рой признал, что его подлинное заявление рассматривалось руководством КПК как «бестактное».
71. *Ibid.*, p. 234—242.
72. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 7, с. 5—12. Когда представитель гоминьдана на съезде, признавая КПК как партию пролетариата, начал настаивать на праве гоминьдана и говорить от имени крестьянства, один из делегатов КПК выступил против подобных притязаний (*Л. Делюсин*. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 275).
73. *E. Snow. Red Star over China*, p. 144, 145, 147. Мао считал Роя «глупцом», Бородина — «болваном», а Чэня — «невольным предателем».
74. *J. Ch'en. Mao and the Chinese Revolution*, p. 117—118; *S. Schram. Mao Tse-tung*, p. 110.
75. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 8, с. 22—28. Миф характеризовал решение как «продиктованное тактическими соображениями» и «чрезвычайно противоречивое» («Большевик», 31 декабря 1927, № 23-24, с. 115); другой советский комментатор сказал, что проект «оставлял лазейки для оппортунистических тактик» («Проблемы Китая», 1930, № 3, с. 105).

76. «Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 29—30. Рассказывали, что данную резолюцию приняли единогласно, ибо никто не рискнул выступить против; ее текст не обнаружен.

77. Там же, 1930, № 2, с. 32.

78. *M. N. Roy. My Experiences in China*, p. 33. Один советский критик назвал Чэня таким же социалистом, как и «английским фабианцем» (*С. Далин. Очерки революции в Китае*, с. 241).

79. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 8, с. 13—21.

80. Там же, с. 29.

81. Относительно объявлений в местной печати см.: *C. Brandt. Stalin's Failure in China*, 1958, p. 96. Относительно решения VII пленума ИККИ см. выше, с. 73.

82. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 8, с. 32.

83. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 8. Juli, No. 69, S. 1478—1479. Статья была помечена: «Ухань, 15 мая 1927 г.».

84. Изложение беседы с ними содержится в: *A. L. Strong. China's Millions*, p. 38—39; автор прибыла в Ухань в мае 1927 г.

85. По словам Р. Хитарова («От II до V конгресса КИМ», т. 3, с. 84), Чэнь Дусю был «не только вождем партии, — он был ее божком. В партии господствовала в значительной степени патриархальная система, и комсомол продолжительное время также подчинялся абсолютному авторитету партийного руководства».

86. «Проблемы Китая», 1930, № 3, с. 201—202, 209; утверждалось, что с 20 марта 1926 г. Центральный комитет в Шанхае под его руководством следовал «социал-демократической линии», то есть призывал рабочих помочь буржуазии захватить власть и не выдвигать требований, не совместимых с буржуазно-демократическим строем («Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 14). Чэнь Дусю часто проявлял нерешительность, и было трудно различить, когда он действовал в соответствии с собственными убеждениями, а когда подчинялся линии Коминтерна.

87. В сжатом виде с цитатами статья изложена в: *Л. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК*, с. 288—290.

88. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 41 (115), с. 46; автором доклада, вероятно, являлся Миф.

89. Там же, с. 46—47.

90. «Большевик», 31 декабря 1927, № 23-24, с. 117.

91. *E. Snow. Red Star over China*, p. 145.

92. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40, примечание 5; «Young Communist International: Between the Fourth and Fifth Congresses», 1928, p. 190; «China Quarterly», 1962, vol. 12, p. 80, писала об имевшихся в то время 75 тыс. членах. Говорили, что Гоминьдан в 1925—1926 гг. безуспешно пытался создать собственную молодежную организацию («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 271).

93. «China Quarterly», 1962, vol. 12, p. 79.

94. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 37.

95. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 11 (48), с. 176; «IV сессия Центрального Совета Красного Интернационала профсоюзов». М., 1926, с. 85.

96. «Международное рабочее движение», 21 октября 1926, № 42 (86), с. 17—18; «Пути мировой революции...», т. I, с. 553.

97. Об этом см. выше, с. 76.

98. *J. Chesneaux. The Chinese Labour Movement, 1919—1927*, p. 371.

99. *В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае*, с. 289.

100. «Красный Интернационал профсоюзов», 1927, № 8-9, с. 128—132, 149; «Labour Monthly», 1927, No. 8, p. 510.

101. *А. Лозовский (ред.). Рабочий Китай в 1927 году*, с. 166—190; как видно, ни одно из других выступлений не было опубликовано.

102. Полный текст резолюций, по-видимому, не опубликовывался. Наиболее полное изложение со многими цитатами содержится в статье Лозовского, которая появилась в журнале «Красный Интернационал профсоюзов», 1927, № 8-9,

с. 127—151; английский перевод статьи был издан отдельной брошюрой (А. Лозовский. The Pan-Pacific Trade Union Conference. RILU, 1927). Дополнительные сведения можно получить из источников, указанных в последующих примечаниях.

103. Призыв был опубликован в: А. Лозовский (ред.). Рабочий Китай в 1927 году, с. 245—246.

104. «Labour Monthly», 1927, No. 8, p. 510—511.

105. T. C. Woo. The Kuomintang and the Future of the Chinese Revolution, p. 204—205.

106. «China Year Book, 1928», p. 1025—1026.

107. Имеются незначительные расхождения в переводах с китайского текста резолюции в: А. Лозовский (ред.). Рабочий Китай в 1927 году, с. 247—249; «Красный Интернационал профсоюзов», 1927, № 8—9, с. 132—133. В настоящей книге цитируется первый из указанных выше источников.

108. Там же, 1927, № 8-9, с. 142—143, 148; относительно текста Устава см.: «Справочник партийного работника». М., 1928, вып. 6, ч. I, с. 242—246.

109. Относительно Тихоокеанского секретариата профсоюзов см.: приложение с. 287—289.

110. «Большевик», 15 марта 1928, № 5, с. 69—70; В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 346. Позднее Лозовский осудил «особую теорию о незрелости рабоче-крестьянского движения, о чрезмерных требованиях рабочих, об эксцессах крестьян и т. д.», которая имела хождение в Ухане в тот период («Коммунистический Интернационал», 1927, № 37 (111), с. 19).

111. Как заявил Хитаров на XV съезде партии в декабре 1927 г. в Москве (см. выше, с. 148), войска в количестве 1700 человек разгромили крестьянские отряды, насчитывавшие 20 тыс. бойцов, которые, следуя изданному от имени КПК предписанию Чэнь Дусю, избегали «открытого конфликта» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 972). Подробнее о событиях в Чанша см.: «Большевик», 15 марта 1928, № 5, с. 66; *Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party, 1971, vol. 1, p. 633—634. Автор статьи в журнале «Internationale Presse-Korrespondenz» (1927, 24. Juni, No. 65, S. 1375—1376), пытался скрыть преднамеренный характер военной акции, назвав ее «офицерским бунтом».

112. Относительно письма Чэня от 10 декабря 1929 г. см. ниже, с. 335, примечание 434. Когда Рой заметил, что Центральный комитет гоминьдана «стал реакционным», Ли Лисань, протестуя, заявил, что так говорить — «значит похоронить КПК» (см. примечания к письму Чэня).

113. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 8, с. 25—28.

114. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 354—355.

115. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 392; S. Schram. Mao Tse-tung, p. 114.

116. Л. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 294—297.

117. Там же, с. 298—301.

118. Полный текст послания не опубликовывался; Сталин цитирует его в своем выступлении 1 августа 1927 г. (И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 32—33). Письмо Чэнь Дусю от 10 декабря 1929 г. (см. ниже, с. 335, примечание 434) содержит описание, которое почти совпадает с приведенным выше текстом, за исключением важного положения относительно неприкосновенности земли военных командиров, которое, безусловно, содержалось в первоначальном послании (см. выше, с. 108, 113). Делая текст достоянием гласности после разрыва с Уханем, Сталин, вероятно, не упомянул данное положение, которое в сложившейся ситуации выглядело компрометирующим.

119. Относительно письма Чэня от 10 декабря 1929 г. см. ниже, с. 335, примечание 434, «Фанк», который, по словам Чэнь Дусю, являлся «специальным посланником Сталина» и согласился с содержанием ответа, был советским военным советником, использовавшим псевдоним «Фэн го» (см. выше, с. 130).

120. *T'ang Leang-li*. The Inner History of the Chinese Revolution, p. 280—282. Можно считать правдоподобным, но не подтвержденным другими источниками сообщение о том, что Бородин рассердился на Роя, показавшего директиву Вану, и телеграфировал в Москву с требованием отозвать Роя. Последний

не совсем убедительно оправдывается в своей книге «My Experiences in China», p. 51—52.

121. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 8, с. 35.

122. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 21. Juni, No. 64, S. 1350.

123. Ibid., 20. Mai, No. 53, S. 1140.

124. Ibid., 3. Juni, No. 57, S. 120.

125. Как рассказывали, Ван Цзинвэй выразился следующим образом: «Коммунисты предлагают нам идти вместе с массами, но где эти массы, где видна восхваляемая сила шанхайских рабочих или гуандунских и хунаньских крестьян. Нет такой силы. Вот Чан Кайши без массы держится крепко. А нам предлагают идти с массами, но это значит идти против армии. Нет, мы пойдем лучше без масс, но вместе с армией» (цит. по: П. Миф. Китайская революция. М., 1932, с. 132—133). Это высказывание звучит апокрифически, однако дает верное представление о тогдашних настроениях.

126. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 356; J. Sheridan. Chinese Warlord, p. 225—227 (в основном базируется на словах Фэна); Tang Leang-li. The Inner History of the Chinese Revolution, p. 282—284; Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party, vol. 1, p. 644—646; A. L. Strong. China's Millions, p. 62—74. Два последних автора были в Чжэнчжоу. Бородин остался в Ухане под предлогом болезни (L. Fischer. The Soviets in World Affairs, vol. 2, p. 669).

127. Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party, vol. 1, p. 647.

128. M. N. Roy. My Experiences in China, p. 45—48.

129. «North China Herald», 2 July, 1927, p. 1.

130. J. Sheridan. Chinese Warlord, p. 228—230. Как писала В. Вишнякова-Акимова в книге «Два года в восставшем Китае» (с. 358), была специальная договоренность избавиться от Бородина. Рассказывали, что Фэн Юйсян направил уханьскому правительству ноту, в которой жаловался, что «рабочие и крестьяне притесняют деловых людей, торговцев, владельцев фабрик и помещиков» («Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 12. Juli, No. 70, S. 1485).

131. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 362. Блюхер был одним из последних советских советников, покинувших Китай в августе 1927 г. (А. Карпунова. В. К. Блюхер в Китае. М., 1970, с. 49).

132. «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 1 (10), с. 189—191.

133. Относительно I и II профсоюзных съездов в 1922 и 1925 гг. см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40; относительно III съезда, который состоялся в Кантоне в мае 1926 г., см.: J. Chesneaux. The Chinese Labour Movement, 1919—1927, p. 301—302.

134. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 9, с. 81—82. Когда Лозовский на XV съезде партии в Москве в декабре 1927 г. сказал о трех миллионах членов профсоюзов в Китае, Ломинадзе указал на тот факт, что в Китае только профсоюз трамвайных работников Шанхая организован на базе индивидуального членства; профсоюзы, сказал он, имеют «далеко не полный и слабо развернутый аппарат», но не имеют «членов профсоюзов» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 736—837). Во время стачек все бастующие рабочие автоматически зачислялись в профсоюз, сильно раздувая абсолютную цифру членства, и выбывали сразу же после окончания забастовки («Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (o. D.), S. 771—772).

135. Большевик, 15 марта 1928, № 5, с. 75—77.

136. Заявление является частью более широких обвинений в адрес КПК, которое не имеет точной даты («Коммунистический Интернационал», 1927, № 32 (106), с. 11).

137. Эта речь была напечатана в качестве предисловия к резолюциям съезда в: А. Лозовский (ред.). Рабочий Китай в 1927 году, с. 258—265; см. также ниже, с. 321, примечание 142).

138. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 9, с. 82. Заявление о том, что для дебатов не оставалось времени и что представленные съезду ре-

золюции были приняты без обсуждения, очевидно, не вполне соответствует действительности. Но нет сомнения в том, что прилагались усилия, чтобы ограничить затруднения дискуссии и исключить их из официального протокола.

139. На XV съезде партии, состоявшемся в Москве в декабре 1927 г., Лозовский в своем выступлении вовсе не упомянул профсоюзный конгресс, хотя и заявлял, что китайское профсоюзное движение «целиком и полностью входит в Профинтерн». Отвечая на критическое замечание Хитарова о том, что «не пытались использовать его для организации сопротивления» и что делегаты оставались послушными властям, Лозовский заметил: «Я их напугал там своей речью» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 695—773). Эти выступления не публиковались, что заставляет предполагать известное замешательство.

140. «Большевик», 15 марта 1928, № 5, с. 77. Короткое сообщение о работе конференции см. в: А. Черепанов. Северный поход, с. 280—281; A. L. Strong. China's Millions, p. 76—89.

141. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 773; 1962, т. II, с. 1678 (примечание 422).

142. Тексты резолюции см. в: А. Лозовский (ред.). Рабочий Китай в 1927 году, с. 266—295. В примечании говорилось, что «некоторые резолюции съезда было невозможно заполучить», особенно (что весьма знаменательно) это касается резолюции по аграрному вопросу.

143. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 8, с. 30; относительно агрессивной позиции союза молодежи см. выше, с. 131.

144. Опубликована в «Правде» в восьми выпусках 3—14 сентября 1927 г.

145. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 37 (111), с. 21.

146. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 11-12, с. 252—255.

147. Относительно отъезда Роя и прибытия Ломинадзе см. выше, с. 128, 130.

148. К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, с. 25, 35, 52. Точную дату публикации установить не удалось. Большая часть была написана до 1 мая 1927 г. и несколько последних страниц — вскоре после этой даты (там же, с. 48). Единственное упоминание о ней можно обнаружить в статье в журнале «Коммунистический Интернационал» (1927, № 32 (106), с. 9—10). Однако, по всей видимости, эта брошюра послужила поводом для ожесточенных нападок Мартынова на Радека (там же, 1927, № 30 (104), с. 9—21). Найти печатную копию брошюры не представилось возможным. Однако в Гуверовской библиотеке (Станфорд) имеется ее машинописная копия. Ее подлинность подтверждается взятой из нее цитатой, которая приведена в статье в журнале «Коммунистический Интернационал». В данной и других ссылках на брошюру Радека указываются номера страниц машинописной копии.

149. «Архивы Троцкого», Т 962 (с пометкой Троцкого «вероятно, написано Зиновьевым»).

150. Там же, Т 973. Эта фраза повторилась в платформе оппозиции в сентябре 1927 г. (L. Trotsky. The Real Situation in Russia, p. 147). Через год после VI конгресса Коминтерна Троцкий вновь назвал официальную линию «идеальным примером... применения меньшевистской политики к революционной эпохе» (L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution, p. 153). Подлинник памятной записки на русском языке см. в: «Архивы Троцкого», Т 3142.

151. Относительно тезисов Зиновьева см. выше, с. 310, примечание 227. Отдельная выдержка из тезисов содержится в: L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution, p. 351. Еще на VIII пленуме ИККИ Троцкий потребовал полного размежевания с уханьским правительством (см. выше, с. 97), но иногда ему приходилось расплачиваться собственной непоследовательностью за нежелание порвать с Зиновьевым.

152. «Правда», 10 июля 1927 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 12. Juli, No. 70, S. 1485—1488; 15. Juli, No. 71, S. 1511—1513. Статья была опубликована отдельной брошюрой.

153. «Правда», 14 июля 1927 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 19. Juli, No. 73, S. 1572—1573.

154. «Правда», 16 июля 1927 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 19. Juli, No. 73, S. 1569—1570; 22. Juli, No. 74, S. 1588—1589; 26. Juli, No. 75,

S. 1604—1605. Относительно статьи Цюй Цюбо см. выше, с. 116; относительно отождествления взглядов Чэнь Дусю с троцкизмом см. выше, с. 135.

155. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 41 (115), с. 47; относительно резолюции см. выше, с. 98.

156. Л. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 318—321.

157. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 8, с. 33. По словам Бородина, Тань «в министерстве ничего не делал и на все смотрел как на дело, не стоящее выведенного яйца. Ни одного мероприятия и ни одного закона не было проведено» (цит. по: А. Черепанов. Северный поход, с. 275). На XV съезде партии, состоявшемся в Москве в декабре 1927 г., Хитаров назвал министра труда Су Чжаочжэня «очень хорошим парнем, хорошим рабочим-коммунистом, который лишь попал в плохое общество» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 723).

158. Декрет был опубликован 26 июля 1927 г. в ханькоуской газете «People's Tribune»; см. также: *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 1, p. 651.

159. Об этом в рассказе местного партийного руководителя в: «China Quarterly», 1968, No. 33, p. 116—117.

160. «Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 63—65.

161. *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 1, p. 655. Было образовано Временное Политбюро из пяти человек («Chinese Studies in History», 1971, vol. 5, No. 1, p. 42), которое в условиях всеобщего смятения в следующие несколько недель практически не функционировало. Официально Чэнь был снят с поста секретаря и заменен Цюй Цюбо на конференции 7 августа 1927 г. (см. выше, с. 134).

162. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, с. 371—372; A. L. Strong. China's Millions, p. 214—220 (автор ехала с группой до Улан-Батора). По сведениям из менее достоверных источников, Бородин сначала выехал из Уханя 13 июля 1927 г. в сопровождении Цюй Цюбо (*Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 1, p. 653).

163. А. Черепанов. Северный поход, с. 296—297. Эта книга воспоминаний одного из советских военных советников содержит полное сочувствие описанию личности Бородин и его свершений в Китае (там же, с. 292—298).

164. Указание на «конец июля, начало августа» основывается на личных воспоминаниях Роя, записанных через 30 лет после событий (*R. North, X. Eudin (eds.). M. N. Roy's Mission to China*, p. 126). Чжан Готао также упоминает более ранний отъезд Роя и Войтинского («The Rise of the Chinese Communist Party», vol. 1, p. 655). Наиболее поздним свидетельством пребывания Роя в Ухане является нота, направленная им в Политбюро КПК 28 июня 1927 г. (*R. North, X. Eudin (eds.). M. N. Roy's Mission to China*, p. 366—369). Во время своего короткого и несчастливого пребывания в Москве в сентябре-октябре 1927 г. (см. выше, с. 201—202) Рой опубликовал в журнале Коминтерна статью, в которой критиковал Чэнь Дусю и отвергал обвинения в том, что Коминтерн несет ответственность за ошибки КПК («Коммунистический Интернационал», 1927, № 38 (112), с. 16—21).

165. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 30. August, No. 87, S. 1888—1889; 6. September, No. 89, S. 1944.

166. Один из исследователей полагал, что, желая заручиться поддержкой «китайской буржуазии и китайских милитаристов» в борьбе против Чан Кайши, Тан старался превзойти последнего в жестокости при подавлении революционного движения («Agrar-Probleme», 1928, No. 1, S. 144).

167. И. В. Сталин. Соч., т. 9, с. 359. Относительно аналогий с 1905 и 1917 годами см. выше, с. 12. В неопубликованной памятной записке, составленной в сентябре 1927 г., Троцкий цитировал статью из «Правды» от 26 июля 1927 г. и жаловался, что с тех пор о Советах больше не было слышно («Архивы Троцкого», Т 3089). Для Троцкого призыв к Советам означал «разрыв с самоубийственным и постыдным „блоком четырех классов” и выход Коммунистической партии из гоминьдана» (*L. Trotsky. The Third International after Lenin*, p. 205).

168. Об этом выше, с. 128.

169. «Die Internationale», 1929, 15. März, vol. 12, No. 6, S. 185.

170. Говорили, что Е Тин являлся членом КПК, а Хэ Лун был принят в ее ряды во время похода из Наньчана (*Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, 1974, vol. 2, p. 21). Описание их несходных характеров в: *A. Smedley. The Great Road*, p. 183—184.

171. Эпизод в Наньчане и предшествующая дискуссия отражены в сообщениях Ли Лисяня, Чжоу Ицюня, Чжан Готао и Чжан Тайляя, представленных ими Центральному комитету, и в переписке Чжан Готао с ЦК, опубликованной в конфиденциальном партийном журнале осенью 1927 г. и напечатанной в переводе в: «China Quarterly», 1964, No. 18, p. 9—53. Относительно отчета Чжу Дэ см.: *A. Smedley. The Great Road*, p. 199—200. По словам Чжан Готао, автором наньчанского плана являлся Чжоу Эньлай, в то время глава военного отдела ЦК КПК (*Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 1, p. 660—661). Чжан Готао оставался с Чжоу Эньлаем в Ухане, чтобы закончить дела Центрального комитета.

172. «Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 66; *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 1, p. 669—672.

173. Имеются только два описания совещания, и оба принадлежат Чжан Готао («China Quarterly», 1964, No. 18, p. 45—46; *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 1, p. 672—675). Во втором, значительно более позднем, говорится о полученной Ломинадзе телеграмме Коминтерна с указанием «остановить задуманное» и о признании Бухарина в том, что он якобы отправил подобную телеграмму. Вероятнее всего эти эпизоды являются искаженными воспроизведениями полученных Ломинадзе двусмысленных инструкций и призваны оправдать последующее поведение самого Чжана (*Ibid.*, vol. 2, p. 74).

174. Об этом выше, с. 128.

175. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 30 (104), с. 11.

176. «Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 73.

177. Относительно статьи Бухарина см. выше, с. 125—126. В журнале КИМ шла речь о конференции союза в июне 1927 г. в Хунани, центре аграрных волнений («The Young Communist International: Between the Fourth and Fifth Congresses», 1928, p. 190).

178. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 29. Juli, No. 76, S. 1626. В обращении будто бы поименно осуждались руководители гоминьдана. ЦК союза молодежи якобы отказался исполнить просьбу КПК и вычеркнуть конкретные фамилии (*Р. Хитаров. От II до V конгресса КИМ*, т. 3, с. 85).

179. По словам Чжан Готао, только он и Е Тин были за то, чтобы отказаться от плана или отсрочить его осуществление («The Rise of the Chinese Communist Party», vol. 2, p. 5—8; «China Quarterly», 1964, No. 18, p. 48—49).

180. «China Quarterly», 1964, No. 18, p. 23. В менее радужных тонах говорилось о том, что Чжан Факуй «уволит обоих генералов» и они «потеряли лучшую часть своих войск» («Agrar-Probleme», 1928, No. 1, S. 144).

181. Рассказ о походе приведен в: «China Quarterly», 1964, No. 18, p. 12—14, 26—30, 31—34. Оценки количества бойцов варьировались от 3 тыс. до 25 тыс. (*H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution*, p. 346; *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 2, p. 17). По словам Лозовского, в поход выступило 20 тыс. человек, число которых позднее достигло 50 тыс. за счет партизанских отрядов. Продвигаясь, войска захватывали города, оружие и деньги («Коммунистический Интернационал», 1927, № 37 (111), с. 22); эти сведения — чистая выдумка.

182. Именуемый в разных источниках как «Чжи Ган», «Цыган, он же Куманин» был арестован 1 октября 1927 г. за то, что являлся советником Хэ Луна. Обвинение он отверг и после пребывания в течение нескольких месяцев в тюрьме был освобожден и возвратился в Советский Союз («China Quarterly», 1964, No. 18, p. 12, 26, 38; *G. Sokolsky. The Tinder Box of Asia*, 1932, p. 340).

183. Цит. по: *C. Brandt, B. I. Schwartz, J. K. Fairbank. A Documentary*

History of Chinese Communism, 1952, p. 98. Относительно статьи Бухарина в «Правде» см. выше, с. 125—126. Значительно позднее «Правда» писала, что совещание состоялось «под руководством Исполкома Коминтерна, который через голову тогдашнего ЦК КПК обращался к партийным массам Китая» («Правда», 17 июля 1928 г.).

184. «Chinese Studies in History», 1971, vol. 5, No. 1, p. 43. Недоброжелательно настроенный свидетель, который якобы присутствовал на совещании, утверждал, что в нем участвовало только три члена ЦК (показания Ли Ана в: *C. Brandt. Stalin's Failure in China*, p. 214, note 101). А это означает, что говорили только трое.

185. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 303. См. также высказывания Ли Лисаня и других на VI съезде КПК, с. 160—161.

186. Относительно резолюции см. выше, с. 139—140.

187. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 8, с. 26—38.

188. Там же, № 9, с. 4—9; «Программные документы коммунистических партий Востока», с. 4—13.

189. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 8, с. 13—26. Сжатое изложение на английском языке с китайского текста имеется в: *C. Brandt, B. I. Schwartz, J. K. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism*, p. 102—118.

190. Сжатое изложение содержания резолюций сделано с японского текста; *Ibid.*, p. 118—123.

191. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.

192. «КПСС в резолюциях...», т. I, с. 247—252.

193. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 32 (106), с. 6—11. Относительно Пэна см. выше, с. 102.

194. «Правда», 14 августа 1927 г.

195. «Agtar-Probleme», 1928, No. 1, S. 144.

196. Относительно свидетелей, описывающих эту кампанию, см. выше, с. 323, примечание 181. Резкие комментарии Цюй Цюбо в: «Chinese Studies in History», 1971, vol. 5, No. 1, p. 47. Относительно аграрной программы см.: «China Quarterly», 1964, No. 18, p. 16—17.

197. «Архивы Троцкого», Т. 3089.

198. Текст выступления Троцкого в: «Архивы Троцкого», Т. 3094. Высказывание Бухарина приведено в: «Коммунистический Интернационал», 1927, № 41 (115), с. 10—11. По вопросу о членстве гоминьдана в Коминтерне см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40, примечание 2.

199. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 37 (111), с. 19.

200. Там же, № 41 (115), с. 47. Относительно доклада Мифа см. выше, с. 116.

201. Относительно инструкций см. ниже, с. 325, примечание 211.

202. Относительно источников, в которых описывается эта военная кампания, см. выше, с. 323, примечание 181. В статье, опубликованной в журнале «Новый Восток» (1929, № 27, с. 10—17), дается лишь отрывочное изложение приключений отряда Чжу Дэ (после поражения), называемого то «коммунистической армией», то «рабоче-крестьянской армией» и его воссоединение с Мао Цзэдуном, в то время еще второстепенной фигурой.

203. Подробный реестр крестьянских восстаний в Центральном и Южном Китае в мае—декабре 1927 г., составленный Роем и советским специалистом по Китаю Кара-Мурзой, был опубликован в «Материалах по китайскому вопросу» (1928, № 11-12, с. 226—231). В «Agtar-Probleme» (1928, No. 1, S. 146—147) указывалось на «мощные выступления крестьянства в Хубэе, Хунани и Гуандуне», которые «достигли наивысшего подъема во второй половине сентября», но не имели единого руководства, политического плана и не получили поддержки из городов.

204. Относительно источников сведений об этом письме и выдержек из него см.: «China Quarterly», 1964, No. 18, p. 58—59; *S. Schram. Mao Tse-tung*, p. 123—125; *E. Snow. Red Star over China*, p. 163 (здесь приведены собственные слова Мао).

205. «Chinese Studies in History», 1971, vol. 5, No. 1, p. 48.

206. S. Schram. Mao Tse-tung, p. 123—125; E. Snow. Red Star over China, p. 128; «China Quarterly», 1964, No. 18, p. 64—65. На VI съезде партии в июне 1928 г. Цюй Цюбо официально заявил, что «хунаньский провинциальный комитет внезапно утратил мужество» и «отменил восстание, намеченное на 16 сентября в Чанша» (см. выше, с. 156—157; «Chinese Studies in History», 1971, vol. 5, No. 1, p. 48).

207. Полный текст резолюции получить не удалось. Один параграф цитировался в критической резолюции партийного комитета провинции Цзянсу от 12 октября 1927 г. (см. выше, с. 139). Относительно других деталей резолюции см.: «Новейшая история Китая, 1917—1970 гг.», где она приписывается «Временному Политбюро». Вполне возможно, что была принята не только одна резолюция. См. также: «China Quarterly», 1964, No. 18, p. 60; S. Schram. Mao Tse-tung, p. 125.

208. «Chinese Studies in History», 1971, vol. 5, No. 1, p. 49—50. Сообщение о том, что Ломинадзе наложил вето на коммунистический «план восстания» в Шанхае в момент отставки Чан Кайши, по всей вероятности, относится к предложенному комитетом Цзянсу мятежу.

209. «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 9, с. 11—13.

210. Там же, 1928, № 11—12, с. 16—19.

211. Единственное детальное описание миссии Неймана принадлежит М. Бубер-Нейман (M. Buber-Neumann. Von Potsdam nach Moskau, 1957, S. 179—181; «Kriegsschauplätze der Weltrevolution», S. 212—214), которая в 1929 г. стала его женой, и во многом является продуктом живого воображения обоих. Нейман будто бы получил инструкции в сентябре 1927 г. лично от Сталина (что вполне возможно) в то время, когда вести относительно наньчанского марша были еще благоприятными (см. выше, с. 137). В Шанхае он встретился с Ломинадзе, и затем они вдвоем проделали опасный путь до Кантона, куда прибыли где-то в октябре. Ломинадзе якобы остался в Кантоне, чтобы вместе с Нейманом готовить Кантонское восстание. Не трудно убедиться, что все эти сведения не соответствуют действительности. Ни в одном из сообщений не упоминается шанхайское совещание 9—10 ноября 1927 г. По всем данным, Ломинадзе должен был выехать из Китая сразу же после совещания, чтобы выступить в Москве на XV съезде партии 10 декабря 1927 г.; маловероятно, чтобы он вообще вернулся в Кантон.

212. «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 1 (10), с. 3—15.

213. Цит. по: «Коммунистический Интернационал», 1927, № 43 (16), с. 38. Поскольку проект программы был аннулирован (см. выше, с. 159), его полный текст, по-видимому, не печатался. Относительно споров, касающихся азиатского способа производства, см. выше, с. 273—286.

214. «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 1 (10), с. 17.

215. Там же, с. 18—22.

216. См. выше, с. 133, 138.

217. Переводы выдержек из этой резолюции см. в: «China Quarterly», 1960, No. 2, p. 32—33; Ibid., 1964, No. 18, p. 50, 53—54. Чжан признал ошибочность своего предложения относительно экспроприации земельных участков свыше 200 му. Как рассказывал Э. Сноу («Red Star over China», p. 151), Мао отстранили за то, что «программа восстания „Осеннего урожая“ не была санкционирована Центральным комитетом» (то есть за то, что отстаивал не одобренные комитетом радикальные меры, касающиеся перераспределения земли).

218. Относительно инструкций см.: «Die Internationale», 1929, 15. März, vol. 13, No. 6, S. 182; «China Quarterly», 1967, No. 30, p. 66—67. О хайфунских Советах см. выше, с. 144—145. На VI конгрессе Коминтерна Цюй Цюбо сказал, что решение было принято «18 или 19 ноября» («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 96).

219. Цит. по: Л. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 353—354.

220. Там же, с. 354—355.

221. Об этом выше, с. 124.

222. Вероятно, в результате протеста союза молодежи Ло получил порицание, был вызван в Центральный комитет в Шанхай, но затем 3 января 1928 г., после кантонской катастрофы, реабилитирован («China Quarterly», 1968, No. 33, p. 108—110, 112—120). Возможно, что упомянутым представителем Профинтерна была жена Войтинского (см. выше, с. 80). Как писал Миф в «Правде» 1 марта 1928 г., несмотря на поражение Мао в Чанша (см. выше, с. 138), провинциальный партийный комитет Хунани планировал на 10—17 ноября 1927 г. крестьянское восстание. Очевидно, из этого ничего не вышло.

223. События, связанные с набитым долларами сундуком, являются главной темой во многом фантастического повествования М. Бубер-Нейман («Kriegsschauplätze der Weltrevolution», S. 212—213). Относительно заявления Ломинадзе в августе 1927 г. об отсутствии денежных средств см. выше, с. 130.

224. «China Quarterly», 1967, No. 30, p. 65.

225. «Коммунистический Интернационал», 1928, № 41 (115), с. 3—7.

226. Оправдывая на VI съезде партии в июне 1928 г. кантонское предприятие, Цюй Цюбо напомнил, что осенью 1927 г. по всему Китаю шли «сражения» между генералами, заявлявшими о своей верности гоминьдану. 10 октября 1927 г. (в годовщину революции 1911 года) Центральный комитет партии выдвинул лозунг «Превратим войну милитаристов в войну народа против милитаристов». Цюй обвинил провинциальные партийные организации (кроме гуандунского комитета) в том, что они не воспользовались этой возможностью («Chinese Studies in History», 1971, vol. 5, No. 1, p. 56). Это был тот период, когда Чан Кайши ушел в отставку и ушел в Японию (см. выше, с. 128). Относительно мятежа Ли-Цзишэня в апреле 1927 г. см. выше, с. 76.

227. Относительно назначения Неймана и настроений в Москве в то время см. выше, с. 325, примечание 211.

228. М. Buber-Neumann. Von Potsdam nach Moskau, S. 184. Этот источник — ненадежный, но такой эпизод мог иметь место.

229. Впервые об этом было напечатано в: «Vorwärts», 1927, 22. Dezember.

230. «Die Internationale», 1929, 15. März, vol. 12, No. 6, S. 183.

231. «China Quarterly», 1967, No. 30, p. 67.

232. Об этом, например, в статье Цюй Цюбо в партийном журнале, который цитируется в: Л. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 355.

233. «China Quarterly», 1962, No. 9, p. 166—179; «Agrar-Probleme», 1928, No. 1, S. 146. Хайфинские Советы продержались до марта 1928 г.

234. Статья опубликована в журнале «P'urh-se-wei-k'o» (на китайском языке) 18 декабря 1927 г. (№ 10, с. 294—298). Кроме того, см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, с. 105; «China Quarterly», 1967, No. 30, p. 66—67.

235. А. Neuberg. L'Insurrection Armée. 1931, p. 112 (см. ниже, с. 326, примечание 238). Много месяцев спустя китайский делегат на VI конгрессе Коминтерна изложил подробные планы наступления крестьянских отрядов на Кантон, но не объяснил, почему они были не выполнены («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 143).

236. Об этом выше, с. 76.

237. «Die Internationale», 1929, 15. März, vol. 12, No. 6, S. 185, 189. Объяснение, что отношение к «желтым» профсоюзам гуандунских коммунистов, «колеблющихся между крайней враждебностью или безразличием и тактикой единого фронта», повинно в срыве мобилизации кантонских рабочих в период восстания, звучит не очень убедительно.

238. Наиболее полное описание событий в: А. Neuberg. L'Insurrection Armée, p. 111—120. Подлинность авторства сочинения, созданного явно участником событий и приписываемого сотрудникам Генерального штаба Советской Красной Армии, вызывает сомнения. М. Бубер-Нейман («Kriegsschauplätze der Weltrevolution», S. 219) упоминает «упорные слухи» о том, что его автором был Нейман. См. также рассказ вдовы Чжан Тайлэя в: Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party, vol. 2, p. 51—53. На VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. Цюй Цюбо, говоря о количестве участников восстания, назвал абсурдную цифру в 30 тыс., имевших на вооружении 7—8 тыс. винтовок («Стеногра-

фический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 98). Другой китайский делегат признал, что Красная гвардия насчитывала не более 2500 человек (там же, с. 141—144).

239. «Die Internationale», 1929, 15. März, vol. 12, No. 6, S. 190.

240. Цитировано Нейманом на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 393). Впоследствии совершенно незаслуженно критиковался тот факт, что Советы были не избраны, а назначены.

241. С опозданием и с расчетом на эмоции оно появилось в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 17. Januar, No. 5, S. 100.

242. «Документы внешней политики СССР», т. 10, с. 652, примечание 116. Описание событий генеральным консулом после его возвращения в Москву 1 февраля 1928 г. опубликовано в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 14. Februar, No. 14, S. 276—277.

243. Там же, т. 10, с. 555—557, 559—560.

244. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 28. Dezember, No. 126, S. 2935—2937.

245. Цит. (со слов Цюй Цюбо) по: *H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution*, p. 372—373.

246. «Chinese Studies in History», 1971, vol. 5, No. 1, p. 61—62. Эти документы, получить которые не удалось, цитировал Цюй Цюбо на VI съезде партии в июне 1928 г. (см. выше, с. 157).

247. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 663—669. Последние слова оставляют открытым вопрос о том, насколько Бухарин был осведомлен о планах относительно Кантона. «Напряженное положение» возникло в результате победы, одержанной Чжан Факуем над Ли Цзишэнем (см. выше, с. 143).

248. Там же, с. 729—741; 1962, т. II, с. 1775, примечание 410. Подавая реплику во время выступления Ломинадзе, Лозовский утверждал, что Чэнь Дусю имел 2 тыс. му земли (там же, т. I, с. 740).

249. Там же, т. I, с. 769—774. Выпущенные места цитировались в: «Бюллетень оппозиции», 1930, № 15-16, с. 13; *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 269—270, 274.

250. Об этом см. выше, с. 137.

251. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 801—811.

252. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 329.

253. Выступления протоколировались, но не публиковались. Неполное представление о том, что происходило, можно в какой-то мере составить на основании высказываний участников во время споров на VI конгрессе Коминтерна в июле-августе 1928 г.

254. *R. North, X. Eudin (eds.). M. N. Roy's Mission to China*, p. 128. Относительно передвижения Роя в то время см. выше, с. 203.

255. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 51 (125), с. 13—17. Ломинадзе сравнил его с восстанием в Вене 15 июля 1927 г. на том основании, что в Кантоне инициатива принадлежала коммунистам.

256. «Правда», 5, 7, 9 февраля 1928 г. Впоследствии Миф заявил, что КПК «успела вырасти в массовую организацию, охватившую своим влиянием миллионы рабочих и крестьян» («Большевик», 15 марта 1928, № 5, с. 73).

257. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 316—324.

258. «Classe contre Classe», 1929, p. 245.

259. «Коммунистический Интернационал», 1928, № 6-7 (132-133), с. 21.

260. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 315—323. По словам Ломинадзе, Пеппер сначала осудил Кантонское восстание как «преждевременное», как авантюру (там же, с. 452). Это частично подтвердил китайский делегат (там же, с. 560). Относительно позиции Пеппера см. выше, гл. 80.

261. Там же, с. 324.

262. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 763—767. После пленума Ломинадзе опубликовал в партийном журнале статью, очевидно написанную еще до пленума, в которой защищал свою точку зрения. За ней сразу

же последовала статья Мифа, который яростно атаковал «перманентную революцию» Ломинадзе, но утверждал, что «китайская революция носит на первом этапе буржуазно-демократический характер и имеет тенденцию перерастания в революцию социалистическую» («Большевик», 29 февраля 1928, № 3-4, с. 86—107, 108—122).

263. «Бюллетень оппозиции», сентябрь 1929, № 3-4, с. 9.

264. «Правда», 28 февраля 1928 г. Сян, бывший лодочник на Янцзы, стал председателем федерации профсоюзов Уханя.

265. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 573. Это, однако, не помешало ему несколько раз выступить на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. К тому времени всякий, желающий открыто атаковать взгляды или сторонников Бухарина, уже имел такую возможность. Однако Ломинадзе больше не вернул доверия Сталина («Основы плановой экономики...», т. 1, ч. 1, гл. 7) и, как стало известно, вскоре возглавил агитпроп Нижегородского областного комитета партии (А. Луначарский. Соч., 1964, т. 2, с. 399).

266. «Правда», 1 марта 1928 г. Относительно событий в Чанша и Хунани см. выше, с. 138.

267. «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая». М., 1930, кн. 2, с. 56.

268. Об этом см. выше, гл. 73.

269. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 11. April, No. 36, S. 663—666. Согласно короткому сообщению в «China Quarterly» (1962, No. 12, p. 80), Иен Биши осудил на пленуме эти тенденции. Критику в деталях повторил Хитаров («От II до V конгресса КИМ», т. 3, с. 88). Миф в «Правде» обвинил союз в «авангардистском уклонизме» (см. выше, гл. 66). О прежних своевольных поступках союза см. выше, с. 131.

270. Относительно выступлений и резолюций см.: «IV конгресс Профинтерна», с. 137—142, 660—664; о работе в профсоюзах различной политической окраски см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 36. Относительно принуждения рабочих к забастовкам см. выше, с. 156.

271. Письмо не сохранилось. О его содержании можно судить по ответу Преображенского от 2 марта 1928 г. и по письму Троцкого от 27 марта 1928 г. (см. ниже, примечание 272), которое датировано содержащейся в нем репликой о том, что написано «в тот момент, когда я узнал о знаменитом письме двух мушкетеров (Зиновьева и Каменева)». Их письмо опубликовано в «Правде» 27 марта 1928 г. («Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 40).

272. В архиве Троцкого имеются его письма от 2, 27, 29 марта 1928 г. (Т 1189), а также письмо Преображенского от 2 марта 1928 г. (Т 1191). О статье в газете «Правда» см. выше, с. 149.

273. L. Trotsky. The Third International after Lenin, p. 180—181. Относительно этого документа см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 40, примечание 3. Отличающийся английский перевод китайского раздела см. в: L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution, p. 122—151.

274. «Коммунистический Интернационал», 1929, № 49-50 (227-228), с. 62—63.

275. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 391.

276. «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 14, с. 3—10. О комментариях Троцкого по резолюции, которую он воспринимал как ненамеренно отражающую взгляды оппозиции, см.: L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution, p. 210—225. Относительно комитета провинции Цзянсу см. выше, с. 140.

277. Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party, vol. 2, p. 72. О цзинаньском эпизоде и протесте ИККИ см. выше, гл. 64, 81.

278. Как указано в книге «Коминтерн и Восток» (1969, вып. 1, с. 317), в Китае съезд подготавливал старый партийный работник Миткевич; выезд китайских делегатов обеспечивала сотрудница Коминтерна Разумова. Один из делегатов утверждал, что его и других делегатов, подозреваемых в оппозиционных взглядах, советские власти задержали в Иркутске и отправили обратно (высказывания Ли Ана цит. по: B. I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao, 1951, p. 116).

279. *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 2, p. 65—66.

280. «Коммунистический Интернационал», 1928, № 39-40 (165-166), с. 9; «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, с. 102. Относительно доли рабочих среди членов партии см. выше, с. 166.

281. По имеющимся данным, опубликованный на русском языке и состоящий из шести разделов «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая» (М., 1930, на правах рукописи) являлся переводом с китайского варианта, составленного на основании секретарских записей, которые выступавшими не проверялись.

282. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, с. 101—102; «Вопросы истории», 1972, № 2, с. 62; *J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline*. Neuchâtel, 1971, p. 308; *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*, vol. 2, p. 76. В последней книге упоминается Волин в качестве специалиста по аграрным вопросам. Миф сменил Радека на посту директора Университета им. Сунь Ятсена в 1927 г., а в мае 1928 г. был назначен руководителем восточной секции Секретариата Коминтерна («Вопросы истории», 1972, № 2, с. 59—62). «Коминтерн и Восток» (1969, вып. 1, с. 324) назвал Куусинена главой восточного Секретариата, а Мифа, Кучумова и Мадьяра — специалистами по Китаю.

283. «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая», кн. 1, с. 9—53. В вышеизложенном тексте использован английский перевод с китайского («Chinese Studies in History», 1970, vol. 3, No. 4, p. 261—324; vol. 4, No. 1, p. 4—28). Слова о рабочих, «принуждаемых бастовать против их воли», относятся к эпизоду в Шанхае, имевшему место осенью 1927 г. Тогда, по словам Цюй Цюбо, «вооруженные группы террористов были посланы на фабрики, чтобы заставить рабочих начать забастовку». Впоследствии рабочие жаловались, что после того, как они потеряли из-за стачки работу и были брошены в тюрьму, партия ничего для них не сделала (*Ibid.*, vol. 5, No. 1, p. 55—59, 65). В 1929 г. ИККИ в директиве осудил «худшие традиции „командования“» в работе КПК и профсоюзов (см. выше, с. 181).

284. «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая», кн. 1, с. 53—100. В нем он фигурирует под псевдонимом Страхов. Английский перевод второй части выступления в: «Chinese Studies in History», 1971, vol. 5, No. 1, p. 3—72.

285. Там же, кн. 1, с. 89—93; нумерация страниц в данном томе, как и во всех других, перепутана.

286. Об этом см. выше, с. 150—151.

287. «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая», кн. 2, с. 1—13, 13—23, 47—59. Расхождение между устным и письменным вариантами доклада отмечено в: «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, с. 99.

288. «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая», кн. 3, с. 13.

289. Впоследствии Чэнь Дусю утверждал, что один из делегатов хотел показать ошибочность «путчизма», но «под давлением ЦК не посмел высказать свою точку зрения», и что решения не подвергались «достаточной дискуссии» («Коммунистический Интернационал», 1929, № 49—50 (227—228), с. 63, 74). В протоколе ничего подобного не зафиксировано, но, возможно, это относится к чему-то, что произошло в комиссии.

290. «Коминтерн и Восток», 1969, с. 320.

291. «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая», кн. 2, с. 62.

292. Там же, с. 88—89. Обвинение было зафиксировано в журнале «Проблемы Дальнего Востока» (1973, № 2, с. 102—103), где неназванный делегат по ошибке был отождествлен с Ли Лисанем.

293. Там же, с. 80—81. Один из авторов, цитируя данное высказывание в книге «Коминтерн и Восток» (1969, вып. 1, с. 320), писал, что термин «маоцзедунизм» впервые был употреблен на съезде как «синоним военного авантюризма, в связи с тем, что Мао Цзедун, проводивший восстание осеннего уро-

жая в Хунани как чисто военную акцию, выдвинул лозунг „действовать штыком” (там же, вып. 1, с. 321, примечание 21).

294. «Коммунистический Интернационал», 1929, № 39—40 (217—218), с. 22.

295. «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая», кн. 3, с. 70, 76—77.

296. Там же, с. 93—132.

297. Там же, кн. 4, с. 54—62.

298. См. выше, с. 140—141.

299. «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая», кн. 4, с. 38—53, 62—69.

300. Там же, кн. 2, с. 114.

301. Об этом см. выше, с. 139—140.

302. «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая», кн. 4, с. 163, 177—178, 181—182.

303. Там же, с. 116—122.

304. Там же, с. 38.

305. Там же, с. 93—95.

306. Месяц спустя, на VI конгрессе Коминтерна Чжан Готао жаловался, что «наше участие в прениях... затрудняется незнанием иностранных языков» («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 449).

307. «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая», кн. 4, с. 1—23; кн. 5, с. 1—80.

308. Там же, кн. 5, с. 12—13.

309. Там же, с. 37—67.

310. Впоследствии писали, что важные резолюции по политическим и аграрным вопросам были приняты «по рекомендации Коминтерна» («Вопросы истории», 1971, № 8, с. 50).

311. Резолюции были опубликованы на китайском языке в 1928 г. Университетом трудящихся Востока им. Сунь Ятсена (*C. Brandt, B. I. Schwartz, J. K. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism*, 1952, p. 457, где приводится перечень резолюций). В переводе на русский см.: «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая», кн. 6 (этот том не имеет последовательной и непрерывной нумерации). Другие источники указаны в нижеследующих примечаниях.

312. «Программные документы коммунистических партий Востока», с. 14—33. Относительно перевода с китайского на английский язык см.: *C. Brandt, B. I. Schwartz, J. K. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism*, p. 127—155.

313. «Программные документы коммунистических партий Востока», с. 34—51. Перевод с китайского на английский язык в: «*Chinese Studies in History*», 1971, vol. 4, No. 2—3, p. 76—101. В одном из комментариев на резолюцию отмечалась важность упоминания полуфеодалных отношений «при известной переоценке степени развития капитализма в сельском хозяйстве Китая» («Коминтерн и Восток», 1969, с. 321).

314. Об этом выше, с. 68—73.

315. «Коммунистический Интернационал», 1928, № 43 (169), с. 45.

316. Русский перевод напечатан в журнале «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, с. 150—157. Английский перевод с китайского в: *C. Brandt, B. I. Schwartz, J. K. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism*, p. 156—165.

317. «Программные документы коммунистических партий Востока», с. 51—68; «*Chinese Studies in History*», 1971, vol. 4, No. 2—3, p. 102—126.

318. Ibid., 1970, vol. 4, No. 1, p. 50—70.

319. Ibid., p. 29—50. Данная резолюция была, очевидно, принята в форме проекта и передана в Центральный комитет для ее окончательной доработки.

320. Ibid., 1971, vol. 4, No. 4, p. 204—212. Эту резолюцию не включили в китайский сборник решений съезда, изданный в 1928 г. Университетом им. Сунь Ятсена (*C. Brandt, B. I. Schwartz, J. K. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism*, p. 497). Относительно резолюции IX пленума ИККИ см. выше, с. 150—151.

321. «Chinese Studies in History», 1971, vol. 4, No. 4, p. 213—240. После партийного съезда сразу же собрался V съезд союза молодежи, который послушно одобрил решения съезда партии («China Quarterly», 1962, No. 12, p. 80).
322. «Chinese Studies in History», 1971, vol. 4, No. 4, p. 242—243.
323. Ibid., p. 243; «Коммунистический Интернационал», 1928, № 39—40 (165—166), с. 10.
324. *Ху Цяому*. Тридцать лет Коммунистической партии Китая (русский перевод с китайского, 1952), с. 33—35; *Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party, vol. 2, p. 81—82.
325. *Hsiao Tso-liang*. Power Relations within the Chinese Communist Movement, 1961, p. 61.
326. *Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party, vol. 2, p. 82.
327. Относительно его применения по указанию Бухарина к польской партии см. выше, гл. 79.
328. «Основы плановой экономики...», т. 1, ч. I, гл. 3; относительно разговора Бухарина с Эмбером-Дро см.: там же, т. 2, гл. 40.
329. Там же, т. 2, гл. 40.
330. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 5, с. 105.
331. Там же, вып. 1, с. 46—47. В выступлении перед Московской партийной организацией после конгресса Бухарин больше распространялся о «левом» уклоне. Он, в частности, заявил: «Была опасность... «левых» уклонов... Она состояла в том, что, когда спала уже революционная волна, когда значительные кадры нашей партии были физически истреблены, когда новая революционная волна еще не поднялась, чуть ли не из-под палки организовывались в некоторых районах восстания, заранее обреченные на неудачу. Это вело к дальнейшему истреблению лучшего кадра коммунистов» («Правда», 12 сентября 1928 г.).
332. См. выше, гл. 70.
333. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 390—396. Относительно «национального собрания», по-видимому, вел разговор Чэнь Дусю (*Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party, vol. 2, p. 126). После конгресса Троцкий защищал «лозунг национального (или конституционного) собрания» как соответствующий демократическому этапу революции («Архивы Троцкого», Т 3142; *L. Trotsky*. Problems of the Chinese Revolution, p. 183—184).
334. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 591, 617.
335. Там же, с. 449—454.
336. Там же, с. 467—472. Относительно статьи Рейберга см.: «Коммунистический Интернационал», 1928, № 25—26 (151—152), с. 68—79.
337. Единственная, более или менее значительная ссылка на КПК была связана с упоминанием «ненормального» преобладания крестьян среди ее членов (см. выше, с. 166).
338. О четырех содокладчиках см. выше, гл. 70.
339. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 79—105.
340. Там же, с. 143—144. Его рекомендовали «единственно уцелевшим из руководивших восстанием товарищей» (там же, с. 529).
341. Там же, с. 314—315.
342. Там же, с. 379—393. Относительно положения Ленина о «непрерывной революции» см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 3.
343. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 449—452. В конце дискуссии Пеппер сделал еще одно заявление, критикуя Ломинадзе и ссылаясь на выводы IX пленума ИККИ. Китайская делегация передала письменный ответ, отмежевываясь от Пеппера (там же, с. 501—503, 529).
344. Там же, с. 270—272, 480—484.
345. Там же, с. 492—501. Относительно воззвания см.: там же, вып. 1, с. 19—21.
346. Там же, вып. 4, с. 519, 526—527.
347. Там же, с. 529.
348. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 778—779. В прениях по программе Бухарин попытался предложить следующую более осторожную формулировку: «В Китае... на этой стадии развития блок рабочих и кре-

стьян означает борьбу *против буржуазии*, а не только *против феодального* господства. Но в то же время мы в Китае имеем еще не пролетарскую революцию, а только буржуазно-демократическую революцию» («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 3, с. 149).

349. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 832—870.

350. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 261—265.

351. *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 169—170; памятная записка в архивах Троцкого (Т 3142).

352. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 20. Juli, No. 69, S. 1253.

353. Об этом выше, с. 316, примечание 56.

354. *R. North. Kuomintang and Chinese Communist Elites*. Stanford, 1952, p. 110; «X Пленум Исполкома Коминтерна», 1929, вып. 1, с. 155. Заявление Цюй Цюбо на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. о наличии «более 100 000 членов ... среди которых чрезвычайно большое количество крестьян», следует воспринимать как фантазию («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 493). Количество членов Коммунистического союза молодежи уменьшилось с 40 тыс. в мае 1927 г. до 10 тыс. в середине 1928 г. («The Young Communist International: Between the Fourth and Fifth Congresses», 1928, p. 73—74, 188—191). Относительно прежних цифр см. выше, с. 316, примечание 56.

355. Об этом см. выше, с. 165. На V съезде КПК в апреле 1927 г. говорилось о том, что доля рабочих составляла 53%, крестьян — 18% от общего числа членов (см. выше, с. 109). Однако эти цифры, отражавшие специфические условия уханьского периода, были нереальными.

356. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 25, 378.

357. *Г. Кара-Мурза, П. Миф (ред.)*. Стратегия и тактика Коминтерна, с. 234.

358. *B. I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao*, p. 129. По точным данным X пленума ИККИ (см. выше, с. 332, примечание 354), в партии состояло 3455 рабочих, или 25% от общего числа членов.

359. «Проблемы Китая», 1930, № 2, с. 51—62. Эти профсоюзы, созданные будто бы после шанхайского переворота в апреле 1927 г., следует отличать от кантонского союза механиков и гуандунской федерации труда (см. выше, с. 77), которые представляли рабочую аристократию, сохранили старые цеховые традиции и также подчинялись властям («Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 20. Juli, No. 69, S. 125). Впоследствии такое же различие делалось между созданными по инициативе правительства профсоюзами и «реформистскими» профсоюзами левого гоминьдана (см. выше, с. 152).

360. *H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution*, p. 388; «X Пленум Исполкома Коминтерна», 1929, вып. 3, с. 173—174.

361. По некоторым данным, Коммунистический союз молодежи, опираясь на несколько сомнительные полномочия, организовывал в 1927—1928 гг. забастовки молодых рабочих Шанхая (*R. Chitarow. Geschichte der Kommunistischen Jugendinternationale*, 1930, vol. 3, S. 115—116).

362. Нужно с осторожностью воспринимать рассказ Чжан Готао, который через 40 лет утверждал, что Сталин преднамеренно задержал его в Москве как влиятельного представителя правых, чтобы развязать руки Ли Лисаню и левым элементам (*R. Thornton. The Comintern and the Chinese Communists*, 1969, p. 64—65).

363. *Ibid.*, p. 68—69. В апреле 1929 г. Чжоу Эньлай докладывал, что партийные организации заражены «отклонениями, сектантством и тенденциями крайнего демократизма» (*B. I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao*, p. 132).

364. Об этом см. выше, с. 139.

365. Относительно китайских источников, касающихся этого спора, см.: *R. Thornton. The Comintern and the Chinese Communists*, p. 67—74.

366. «Коминтерн и Восток», 1969, вып. 1, с. 325.

367. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (о. Д.), S. 448.

368. «Коминтерн и Восток», 1969, вып. 1, с. 325.

369. *Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party, vol. 2, p. 114—117. Автор описывает встречу со Сталиным, на которую были приглашены он сам и Цюй Цюбо в ноябре 1928 г. Сталин выразил удовлетворение резолюциями VI съезда КПК, состоявшегося в июне 1928 г., и не мог предложить ничего нового. Создалось впечатление, что он не более чем формально интересовался китайскими делами. Комиссия из трех человек, членом которой являлся и Сталин, будто бы составила проект директивы для КПК. Возможно, речь идет о письме от 9 февраля 1929 г.

370. Об этом говорится в партийных документах, цитированных в: *B. I. Schwartz*. Chinese Communism and the Rise of Mao, p. 129—130. В одной из статей, опубликованной в журнале «Новый Восток» (1929, № 26—27, с. 1), утверждалось, что «гоминьдановское реформаторство сводится по существу к пустой болтовне», которая не в силах замаскировать «капитуляцию гоминьдана перед феодальными элементами китайской деревни».

371. *Г. Кара-Мурза, П. Миф (ред.)*. Стратегия и тактика Коминтерна, с. 221—235. Миф, который вне всякого сомнения являлся одним из авторов письма, писал в статье, опубликованной в журнале Коминтерна, о «распыленности, дезорганизации и разобщенности» членской массы, о «революционном нетерпении» отдельных коммунистов, кто ориентируется «на слишком быстрое нарастание нового подъема революции» («Коммунистический Интернационал», 1929, № 11 (189), с. 11—20).

372. Об этом см. выше, с. 138.

373. *S. Schram*. Mao Tse-tung, 1966, p. 130.

374. *S. Schram*. The Political Thought of Mao Tse-tung, p. 147. Резолюции VI конгресса Коминтерна он получил лишь несколько месяцев спустя (см. выше, с. 177).

375. Цит. по: *B. I. Schwartz*. Chinese Communism and the Rise of Mao, p. 128—129.

376. *Ibid.*, p. 179. Позднее Мао писал, что «линия Ли Лисаня господствовала в партии за пределами Советской территории и была достаточно влиятельной, чтобы до известных пределов навязать себя в Красной армии вопреки мнению боевого командования» (*E. Snow*. Red Star over China, p. 178).

377. *A. Smedley*. The Great Road, p. 236—237. Основана на рассказах Чжу Дэ.

378. *E. Snow*. Red Star over China, p. 177.

379. *A. Smedley*. The Great Road, p. 251—252. По словам Э. Сноу («Red Star over China», p. 166—167), Мао был убежден, что «разногласия между партийными вождями и руководителями советского движения в сельскохозяйственных районах» исчезли и «гармония в партии восстановлена». Относительно резолюции см. выше, с. 164, 172.

380. *S. Schram*. The Political Thought of Mao Tse-tung, p. 188—189.

381. «Коминтерн и Восток», 1969, вып. 1, с. 325.

382. «Бюллетень оппозиции», ноябрь 1929, № 7, с. 27—28.

383. Об этом см. выше, с. 315, примечание 36.

384. Об этом см. выше, с. 164—165.

385. *R. Thornton*. The Comintern and the Chinese Communists, p. 27, 87.

386. Цитировано в письме ИККИ от 7 июня 1929 г.

387. *R. Thornton*. The Comintern and the Chinese Communists, p. 89.

388. Обстоятельства поездки Цай Хэсэня известны. По словам Чжан Готао («The Rise of the Chinese Communist Party», vol. 2, p. 120—121), Ли Лисань исключил его из Политбюро и «отправил в Москву». Приехав сюда, он отказался обсуждать китайские дела с Чжаном или Цюй Цюбо.

389. По словам Чжан Готао (*Ibid.*, p. 122—124), Цюй Цюбо попытался занять умеренную позицию, но получил выговор от Мифа.

390. *Г. Кара-Мурза, П. Миф (ред.)*. Стратегия и тактика Коминтерна, с. 236—244. Письмо подробно разбирается в статье П. Мифа («Коммунистический Интернационал», 1929, № 28 (206), с. 40—47).

391. «Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 1—77.

392. Конфиденциальная связь между Москвой и Дальним Востоком была исключительно медленной. Предположение Р. Торнтона, что Ли Лисань скрыл

его получение, вряд ли состоятельно («The Comintern and the Chinese Communists», p. 91).

393. О письме и перечне резолюций совещания см.: *C. Brandt, B. I. Schwartz, J. K. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism*, p. 166—179, 498. Относительно фразы, касающейся богатых крестьян, см.: *R. Thornton. The Comintern and the Chinese Communists*, p. 91. По словам Сян Чжунфа, именно на этом совещании Чжоу Эньлай начал отходить от Ли Лисаня (*Ibid.*, p. 92, note 37). В ноябре 1929 г. Центральный комитет опубликовал брошюру с резолюцией июньского совещания, письмом Коминтерна от 7 июня 1929 г. и ответным согласием Политбюро КПК.

394. «Коммунистический Интернационал», 1929, № 51 (229), с. 17—28.

395. «X Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 1, с. 277.

396. Там же, с. 156, 170.

397. Относительно резолюций Профинтерна см. выше, с. 152.

398. «X Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 1, с. 169.

399. Там же, вып. 3, с. 110—116.

400. Там же, с. 151—153.

401. «Коммунистический Интернационал», 1929, № 38—39 (216—217), с. 56—58.

402. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

403. Об этом см. выше, с. 85.

404. «Документы внешней политики СССР», т. 11, с. 13. Об этом инциденте см. выше, с. 85.

405. Там же, т. 11, с. 39—40, 49, 56.

406. Там же, с. 258, 274—275, 285—287, 728, примечание 82.

407. Там же, с. 370—371, 728, примечание 116.

408. Террористический акт, по-видимому, был спланирован японскими офицерами, однако их подлинный мотив и степень участия высших японских властей остались неизвестными.

409. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 772—773. На конгрессе высказывалось множество самых невероятных предположений. Один делегат обвинил национальное правительство в попытках столкнуть Соединенные Штаты и Японию, хотя само оно вело секретные переговоры с Японией. Другой полагал, что гоминьдан делился на левое, ориентирующееся на Соединенные Штаты, и правое крыло, которое хотело договориться с Великобританией и Японией («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 2, с. 187; вып. 4, с. 482).

410. «Документы внешней политики СССР», т. 11, с. 509—520.

411. Там же, с. 544.

412. Там же, с. 745, примечание 191.

413. Относительно основанного частично на японских источниках, несколько спекулятивного анализа отношений между Нанкином и Мукденом в течение шести месяцев, предшествовавших декабрю 1928 г., а также о позиции Японии, см.: «*Journal of Asian Studies*», November 1960, vol. 20, No. 1, p. 33—43.

414. «*Die Internationale*», 1929, 1. April, vol. 12, No. 7, S. 228.

415. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

416. *В. Аварин. Империализм и Маньчжурия. М. — Л., 1931—1934*, с. 214—219.

417. «Документы внешней политики СССР», т. 11, с. 415.

418. Там же, с. 635—638; т. 12, с. 56—58, 73—75, 85—88, 326. 21 марта 1929 г. китайские члены правления КВЖД вновь потребовали, чтобы все транзакции железной дороги осуществлялись в китайской валюте («Материалы по китайскому вопросу», 1929, № 13, с. 137).

419. «Документы внешней политики СССР», т. 12, с. 334—336. «Правда» 11 июня 1929 г. цитировала шанхайский журнал «*China Weekly Review*», который высказал подозрение, что нападение на консульство было спланировано «английскими секретными службами с ведома, а, возможно, и с полного одобрения и при финансовой поддержке консервативного правительства».

420. «Документы внешней политики СССР», т. 12, с. 365. В феврале или марте 1929 г. мусульманский принц Синьцзяна посетил Нанкин, чтобы добиться

правительственной помощи для провинции. Он нарисовал яркую картину богатства ее ресурсов и отсталости населения. Нанкинское правительство передало просьбу администрации Фэн Юйсяну в Кайфыне, который будто бы намеревался отправить в Синцзян миссию («Материалы по китайскому вопросу», 1929, № 13, с. 134—135). Вряд ли Чан Кайши или Фэн Юйсян не понимали, что просьба о помощи вызвана стремлением противодействовать растущему советскому влиянию в провинции. Ни того, ни другого это не соблазняло.

421. Там же, № 13, с. 380—386. О соглашении 1924 г. см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

422. «The Sino-Russian Crisis». Nanking, 1929, p. 22—24. Нанкинское правительство заявило 23 июля 1929 г., что «захват железной дороги был осуществлен после тщательного изучения по прямому указанию Нанкина» («Documents on British Foreign Policy». Series II, 1960, vol. 8, p. 1016).

423. «Документы внешней политики СССР», т. 12, с. 388—389.

424. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1929, 26. Juli, No. 36, S. 773—774.

425. Цит. по письму Чэнь Дусю от 28 июля 1929 г. (см. ниже, с. 335, примечание 434).

426. «Коммунистический Интернационал», 1929, № 48 (226), с. 43—47. Это и еще два письма Чэнь Дусю адресовал Политбюро, однако ответы поступили из Центрального комитета.

427. Там же, с. 47—55. Ни второе письмо Чэнь Дусю, ни ответ на него Центрального комитета не были датированы.

428. Цитируется без указания точной даты письма в журнале «Коммунистический Интернационал», 1929, № 51 (229), с. 22—23. На него есть ссылка в «третьем письме» Чэня (см. выше, с. 187).

429. Письмо опубликовано с опозданием в газете «Правда» 29 декабря 1929 г. В книге «Стратегия и тактика Коминтерна» (с. 252—258) оно снабжено пометкой «декабрь 1929 г.»; правильно датировано в журнале «Коммунистический Интернационал», 1929, № 51 (229), с. 43—47.

430. «Коммунистический Интернационал», 1929, № 49—50 (227—228), с. 62—74. Относительно споров, касающихся китайского феодализма, см. выше, Приложение Д, с. 273—286. В своем письме от 10 декабря 1929 г. (см. ниже, с. 335, примечание 434) Чэнь Дусю также упоминает письмо Центральному комитету от 10 октября 1929 г., в котором он выдвинул лозунги «аннулирования неправомерных договоров», «против милитаристской диктатуры гоминьдана» и «созыва национального собрания» и письмо, написанное вместе с Пэн Шучжи 26 октября 1929 г. Эти письма разыскать не удалось.

431. Там же, № 51 (229), с. 27.

432. Там же, с. 17—28.

433. «Бюллетень оппозиции», январь 1930, № 9, с. 28—29.

434. *Ch'en Tu-hsiu. Kao-Ch'üan-tang t'ung-chih shu*, 1929. Полный и наиболее качественный перевод в: «Chinese Studies in History», 1970, vol. 3, No. 3, p. 224—250. В нем Рой и Войтинский, ранее фигурировавшие под псевдонимами Луис и У Дингон, обрели свои действительные фамилии, хотя последний ошибочно назван «секретарем восточного отдела» Коминтерна (а не восточного бюро в Шанхае).

435. «Пятый конгресс Красного Интернационала профсоюзов». М., 1930, с. 317. Относительно письма от 26 октября 1929 г. см. выше, с. 187.

436. Если Фэн Юйсян в это время и получил поддержку со стороны своих старых советских покровителей, то об этом ничего не известно. Они нередко основательно разочаровывались в Фэн Юйсяне. В одной из статей, вероятно, написанной в конце 1928 г., отмечалось, что Фэн, «несмотря на его флирт с так называемым левым гоминьданом... остается в глазах буржуазного Китая милитаристом-феодалом, бунтующим против центрального правительства» («Новый Восток», 1929, № 26—27, с. 3).

437. По словам Фэн Юйсяна (цит. в: *P. Chubb. Twentieth Century China*. N. Y., 1965, p. 162), Чан Кайши сказал Чжан Цзолиню, что «любой может побить Советский Союз». Согласно английскому сообщению, нанкинское правительство «положило» на мнение своих немецких военных советников, которые заявили, что Россия не в состоянии вести в Маньчжурии широкомасштабные

операции» («Documents on British Foreign Policy». Series II, 1960, vol. 8, p. 1020).

438. В октябре 1929 г. Троцкий отклонил предложение бельгийских коммунистов «отдать железную дорогу добровольно угнетателю Маньчжурии и японскому агенту». Месяц спустя Троцкий вновь опроверг якобы исходящее из Москвы сообщение о том, что он выступает за передачу КВЖД («Бюллетень оппозиции», октябрь 1929, № 6, с. 28; ноябрь 1929, № 7, с. 28—29). Относительно более ранних обвинений в том же духе см. выше, с. 298, примечание 24.

439. Аналогичного взгляда придерживался и Чэнь Дусю, который в письме Центральному комитету КПК от 28 июля 1928 г. (см. выше, с. 185) предполагал, что СССР или окажет сопротивление и подвергнется нападению империалистических держав «под предлогом защиты Китая», или же уступит, и в таком случае эти державы передерутся из-за добычи.

440. «Foreign Relations of the United States, 1929», 1943, vol. 2, p. 226—227.

441. «Documents on British Foreign Policy». Series II, 1960, vol. 8, p. 1027.

442. «Foreign Relations of the United States, 1929», vol. 2, p. 215—217, 234—236, 242—243.

443. «Документы внешней политики СССР», т. 12, с. 426—427. Согласно английским данным, Мельников 23—24 июля 1929 г. находился в Чжанчуне для секретных переговоров с китайскими военными и гражданскими властями («Documents on British Foreign Policy», p. 1019—1020). Если это действительно имело место, то не дало никаких результатов и не фигурирует в советских опубликованных отчетах.

444. «Документы внешней политики СССР», т. 12, с. 428—429.

445. Там же, с. 446.

446. Заявление Советского правительства, опубликованное в газете «Известия» 31 августа 1929 г.

447. Относительно сообщений американского консульского чиновника, касающихся данных операций, см.: «Foreign Relations of the United States, 1929», vol. 2, p. 344—350.

448. «Документы внешней политики СССР», т. 12, с. 673—676.

Глава 86. Индия в брожении

1. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26.

2. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 39.

3. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 4 (41), с. 67. Об этой статье см. выше, с. 53.

4. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

5. Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, 1927, p. 105. Относительно взглядов Роя в то время, изложенных в книге «The Future of Indian Politics», см. выше, с. 199.

6. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 39.

7. Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, p. 53—54, 175—180; M. Ahmed. *Communist Party of India: Years of Formation*. Calcutta, 1959, p. 16—21.

8. Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, p. 107—110.

9. M. Ahmed. *Communist Party of India: Years of Formation*, p. 22—24. Журнал просуществовал всего несколько месяцев. Относительно изменения названия партии см. выше, с. 196. О «Рабочей партии Сварадж» см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 39.

10. Об этом см. выше, с. 70.

11. Цит. по: P. Haithcox. *Communism and Nationalism in India*, 1971, p. 50. Автор другой статьи, напечатанной в журнале «Мэсес оф Индиа» в марте 1927 г., призывал национальное движение Индии взять за образец гоминьдан.

12. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 30. November, No. 146, S. 2548—2550.

13. Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, p. 115, 120—121.

Относительно более ранних писем, написанных в феврале и марте 1926 г., см. выше, с. 193—194.

14. Ibid., p. 216. О влиянии гоминьдана в Индии см.: Ibid., p. 249—253. Наличие в отчете обширного раздела по Китаю (p. 203—254) свидетельствует о беспокойстве в официальных кругах, вызванном влиянием китайской революции на Индию.

15. Ibid., p. 142.

16. «Report of the Forty-Second Indian National Congress». Madras (p. d.), p. 4.

17. Цит. по: «Коммунистический Интернационал», 1927, № 33 (107), с. 27—

28. Журнал ссылается на «Бомбей хроникл» от 16 февраля 1927 г.

18. «Революционный Восток», 1927, № 2, с. 96—106. Статью подписал некий Савдар, личность которого не установлена, но который в последующие несколько лет часто публиковался в коминтерновской печати.

19. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 37. Спор относительно того, должен ли индийским коммунистическим движением непосредственно руководить Коминтерн и его представители или КПВ (там же, т. 3, гл. 39), так и не был разрешен. Москва предпочитала придерживаться обеих линий поведения.

20. Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, p. 111—112; P. Spratt. *Blowing Up India*. Calcutta, 1955, p. 32.

21. Слабый здоровьем Палм Датт («Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 39) был только писателем и теоретиком и в это время проживал в Брюсселе. Клеменс, который являлся связующим звеном между КПВ и индийскими коммунистами, был менее влиятельным, но более активным.

22. P. Spratt. *Blowing Up India*, p. 29—30, 35.

23. G. Overstreet, M. Windmiller. *Communism in India, 1959*, p. 87.

24. Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, p. 143—144;

M. Ahmed. *The Communist Party of India and its Formation Abroad*. Calcutta, 1962, p. 161.

25. Усилия коммунистов описаны и, возможно, преувеличены в: Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, p. 298—300.

26. Ibid., p. 296.

27. «VII съезд профессиональных союзов СССР». М.—Л., 1927, с. 259.

28. V. Karnik. *Indian Trade Unions*. 2nd ed., 1966, p. 53; P. Spratt. *Blowing Up India*, p. 36—37.

29. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 1. April, No. 35, S. 762.

30. Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, p. 222—223.

О конференции, которая, в конце концов, состоялась в Ухане, см. выше, с. 117.

31. Ibid., p. 116. Относительно предложения см. выше, с. 195.

32. Ibid., p. 121—124, 148; «Новый Восток», 1928, № 23—24, с. 23—24;

G. Overstreet, M. Windmiller. *Communism in India*, p. 89.

33. P. Spratt. *Blowing Up India*, p. 35.

34. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 538. Относительно демонстрации и забастовки см. выше, с. 199.

35. Об этом см. выше, гл. 74. Конгресс получил послания от Айенгара (как представителя Национального конгресса) и от Ганди («Das Flammenzeichen vom Palais Egmont»), p. 274—275).

36. «Report of the Twenty-Seventh Annual Conference of the Labour Party» (p. d.), p. 255—259.

37. J. Nehru. *An Autobiography*, 1936, p. 167. Впоследствии Неру считал, что эти резолюции «или были неправильно поняты, или же преднамеренно искажены». О сессии см.: «Report of the Forty-Second Indian National Congress».

38. J. Haithcox. *Communism and Nationalism in India*, p. 347.

39. «Правда», 29 декабря 1927 г.

40. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 3. Januar, No. 1, S. 1—3.

41. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 295;

M. Ahmed. *Communist Party of India: Years of Formation*, p. 31.

42. Government of India. *Communism in India, 1927—1935*, 1935, p. 126.

43. Ibid., p. 118. В действительности эти партии возникли несколько раньше. В докладе ИККИ VI конгрессу Коминтерна в июле 1928 г. указывалось, что к этому времени были образованы четыре рабоче-крестьянских партии, из которых, однако, «более или менее», активными являлись только две — в Бомбее и Бенгалии («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», S. 535). Член Секретариата рассказывал на конгрессе о РКП в четырех провинциях, которые объединялись во Всеиндийскую РКП («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 259).

44. M. N. Roy. The Future of Indian Politics (n. d. [1926]), *passim*. Данный абзац процитирован в: «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», 1929, вып. 6, с. 427 (у Роя — на с. 44).

45. R. P. Dutt. Modern India. Bombay, 1926, *passim*, особенно на с. 13, 175—176. С некоторыми незначительными добавлениями и предисловием, датированным 1 декабря 1926 г., издано КПВ в 1927 г. в Лондоне.

46. «Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926», 1926, S. 163—164.

47. «Пути мировой революции...», 1927, т. 1, с. 332. В неопубликованной памятной записке от июня 1927 г. Троцкий использовал аналогичный аргумент в отношении Китая, который будто бы нельзя было больше рассматривать в качестве «патриархальной колонии», поскольку империалисты начали развивать капиталистическую промышленность («Архивы Троцкого», Т 3073).

48. «Революционный Восток», 1927, № 2, с. 98.

49. Рассказанная Ахмедом злая история его отъезда может быть верной (M. Ahmed. The Communist Party of India and its Formation Abroad, p. 159—160). Согласно сведениям правительства Индии («Communism in India, 1924—1927», p. 137), Тагор был террористом, «замешанным в террористическом заговоре». По данным того же источника, Рой являлся «ярким противником индивидуального террора, практиковавшегося бенгальскими террористами» (Ibid., 1927—1935, p. 237) и был, вероятно, в плохих отношениях с Тагором и его группой.

50. Цит. по: S. Tagore. Historical Development of the Communist Movement in India. Calcutta, 1944, p. 10—11; G. Overstreet, M. Windmiller. Communism in India, p. 97. Этот источник отличается предвзятостью и не внушает доверия (см. критику в: M. Ahmed. The Communist Party of India and its Formation Abroad, p. 155—177). Однако описание беседы с Пятницким звучит правдоподобно. Степень финансовой «нечестности» Роя оценивается по-разному. В течение ряда лет он, несомненно, получал от Коминтерна значительные суммы денег, содержал бюро в Париже и своих агентов в других местах, издавал журнал, жил до известной степени на широкую ногу и много путешествовал. Но, возможно, что часть расходов оплачивала его первая жена — американка. Какая часть находившихся в его распоряжении денежных средств попадала в Индию, кому эти деньги посылались и как расходовались, остается только гадать. Английские секретные агенты, обнаружившие в бумагах Роя подложный список индийских коммунистов, предположили, что он составил его, желая ввести Москву в заблуждение (Government of India. Communism in India, 1924—1927, p. 75—77). Спрэтт слышал разговоры о «крупных суммах», посланных в Индию в прежние годы, а также о том, что «большая их часть пропала» (P. Spratt. Blowing Up India, p. 40). По-видимому, в то время фонды Коминтерна контролировались чрезвычайно слабо.

51. В открытом письме, написанном после его осуждения на X пленуме ИККИ в июле 1929 г., Рой утверждал, что обвинения в крамоле были якобы выдвинуты «в поддержку приговора, уже вынесенного тайно против меня за какие-то неизвестные преступления» (M. N. Roy. Our Differences. Calcutta, 1938, p. 31). В предисловии к книге, в которой в 1938 г. было опубликовано открытое письмо, он отверг мнение, что «преступление» было совершено в Китае, указав, что его работа там никогда не осуждалась, и дал понять, что «это было связано с желанием КПВ взять под свой контроль коммунистическое движение Индии» (Ibid., p. II—III). Возможно, что мотивы Москвы были смешанными. Однако весьма вероятно, что неспособность Роя, несмотря на вверенные ему крупные суммы денег, получить в Индии какие бы то ни было серьезные ре-

зультаты, явилась главной причиной его опалы. «Индийский вопрос» стоял на повестке дня заседания Президиума ИККИ 23 ноября 1927 г., но не известно, обсуждался ли он («Правда», 24 ноября 1927 г.; о заседании см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39).

52. *M. Ahmed. The Communist Party of India and its Formation Abroad*, p. 166.

53. М. Н. Пой («Our Differences», p. 30) и С. Тарор («Historical Development of the Communist Movement in India», p. 9—11) приписывали его Бухарину, а Пеппер, твердый сторонник Бухарина, цитировал следующее его высказывание из неопубликованных протоколов Секретариата: «Надо хорошенько проанализировать сообщения индийских товарищей по вопросу об индустриализации и деколонизации Индии» («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 308). Впоследствии Палм Датт заявил, что это слово «в действительности не использовалось ни мной, ни товарищами из нашей партии, а было предложено одним или двумя зарубежными товарищами» («Communist Review», January 1929, No. 1, p. 24). Относительно достаточно неловкой попытки Бухарина отмежеваться от данной теории см. с. 205.

54. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 485—486. Выступавший Лухани являлся членом этой комиссии.

55. Там же, с. 11. Другие ссылки в: *M. N. Roy. Our Differences*, p. 32—33. Полный текст не публиковался.

56. Цит. по: *G. Overstreet, M. Windmiller. Communism in India*, p. 103—104.

57. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 672.

58. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 48 (122), с. 33—39; № 49 (123), с. 23—31.

59. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1928, № 1, с. 75—95. Через год с небольшим опубликованный на русском языке законченный труд получил отрицательную оценку (там же, 1929, № 5, с. 155—161).

60. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 30, с. 35.

61. «Новый Восток», 1929, № 25, с. VI.

62. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 15. Februar, No. 15, S. 298—306. Обзор был датирован 20 января 1928 г.

63. «Communist Policy in Great Britain», 1928, p. 33 (Smeral'), p. 58—61 (Roy), p. 63—64 (Katayama). О работе английской комиссии см. выше, гл. 75.

64. Возможно, слишком драматизированное описание, основанное на личной информации, приведено в: *J. P. Haithcox. Communism and Nationalism in India*, p. 84—87. Относительно отстранения Роя от участия в обсуждении китайского вопроса см. выше, с. 149.

65. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 395. В дискуссии, протоколы которой не публиковались, приняли участие «английские и индийские товарищи».

66. «Labour Monthly», 1928, No. 6, p. 323—341.

67. «Коммунистический Интернационал», 1928, № 23-24 (149—150), с. 57—73.

68. Об этом см. выше, с. 194, и ниже, с. 212—213.

69. *M. Ahmed. The Communist Party of India and its Formation Abroad*, p. 93—94; *S. Tagore. Historical Development of the Communist Movement in India*, p. 13. Рассказ Тагора о том, что Усмани посетил руководителей КПИ в Бомбее в апреле 1928 г. и они отказались санкционировать его поездку, вызывает сомнения. В своей книге «I Met Stalin Twice» (Bombay, 1953, p. 27) Усмани ссылается на «беседы, которые я имел в Дели с важными руководителями». Однако впервые Спратт узнал о поездке Усмани из телеграммы, полученной из Лондона, в которой спрашивалось, действительно ли Усмани является делегатом КПИ, на что Спратт ответил отрицательно (*P. Spratt. Blowing Up India*, p. 41). О пропагандистской школе в Ташкенте см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26.

70. Состав индийской делегации представляет ряд загадок в силу противоречивых сообщений, использования псевдонимов и неправильной транскрипции

имен и фамилий. В официальный список делегатов с правом решающего голоса были включены: Сикандер (он же Усмани), Раза и Спенсер, а также (с правом совещательного голоса) Датт, Махмуд (он же Мухамед Шафик) и Али (он же Масуд Али) («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 5, с. 152). Не установленный Раза неизменно говорил и голосовал так же, как и Усмани. Третьим делегатом с решающим голосом был, по-видимому, Тагор, который выступал под фамилией Нароян. Почему он был внесен в список под другим псевдонимом — неясно. Среди делегатов с совещательным голосом значился Масуд, который говорил как делегат КИМа (там же, вып. 4, с. 461—465; вып. 5, с. 153). На конгрессе выступал и Лухани, желавший отмежеваться от термина «деколонизация», но он не входил ни в один из списков (там же, вып. 4, с. 485—486, 529—530). По данным Ахмеда («The Communist Party of India and its Formation Abroad», р. 93—94), Масуд оказался английским шпионом. Он и другой компаньон Усмани были арестованы в Москве и расстреляны. Заявление П. Спратта, что все три сопровождавших Усмани лица были расстреляны, неверно («Blowing Up India», р. 42). Мухамед Шафик вернулся в Индию.

71. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 4.

72. См. выше, с. 198.

73. Об этом эпизоде рассказывает Усмани, по словам которого на встречу со Сталиным Айенгара сопровождал Тагор, поскольку он (Усмани) отказался это сделать («I Met Stalin Twice», р. 27).

74. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 48, 129, 161, 608—609.

75. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 779.

76. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 3, с. 101, 119—121.

77. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 43.

78. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 6—19.

79. Там же, с. 79.

80. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 28, примечание 7.

81. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 176—185.

82. Там же, с. 190—194.

83. Там же, с. 290—292. В прениях по программе он указал на развитие капитализма даже в индийской деревне (там же, вып. 3, с. 120).

84. Там же, вып. 4, с. 226—232, 308—314, 328—341, 358—363.

85. Там же, с. 393—405.

86. Там же, с. 408—409.

87. Там же, с. 410—412. О репликах Бухарина см. выше, с. 205.

88. Там же, с. 426—436.

89. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», р. 535—538.

90. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 25—26.

91. Там же, с. 294, 409. Данное положение осталось без изменений в окончательном варианте («Коммунистический Интернационал в документах», с. 858). Критикуя программу Коминтерна, Троцкий назвал идею рабоче-крестьянской партии «чрезвычайно враждебной не только для гегемонии пролетариата в революции, но и для самой элементарной самостоятельности пролетарского авангарда». Подобная партия, по его словам, могла «лишь служить базой, ширмой и трамплином для буржуазии» (L. Trotsky. The Third International after Lenin, p. 223).

92. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 294, 409.

93. Там же, с. 491.

94. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 40. На XX съезде КПСС в 1956 г. Куусинен говорил о «сектантских ошибках, которые в прежние годы нашли свое выражение в отдельных выступлениях советских востоковедов и в публикациях Коммунистического Интернационала». Они включали критику гандизма, которая стала столь односторонней, «что совершенно отрицала положительную историческую роль Ганди». Он отметил особо «известные тезисы VI Конгресса Коминтерна по колониальному вопросу», которые имели «опре-

деленный налет сектантства» («XX съезд Коммунистической партии Советского Союза». М., 1956, т. 1, с. 503).

95. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 530. На следующий день Усмани пояснил, что он и другой индийский делегат (по-видимому, Раза) по ошибке, из-за неправильного перевода, голосовали против тезисов. Таким образом, действительное число оставшихся в меньшинстве равнялось 12; вероятно, за исключением Тагора, все они были членами английской делегации (там же, вып. 5, с. 54). Мерфи отметил, что четверо английских делегатов голосовали за принятие тезисов (там же, с. 54). Всего решающих голосов в английской делегации было 19 (там же, с. 150—151), так что четверо или отсутствовали, или же при голосовании воздержались.

96. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 832—870.

97. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 9. November, No. 125, S. 2494.

98. Ibid., 21. August, No. 88, S. 1660—1661; 21. Dezember, No. 142, S. 2841—2843.

99. P. Spratt. *Blowing Up India*, p. 42—43. Автор утверждает, что до декабря 1928 г. из Москвы не поступало никаких инструкций, но «из коротких сообщений прессы мы чувствовали, что произошли изменения».

100. «IV конгресс Профинтерна». М., 1928, с. 655—658. Готовивший резолюцию английский делегат Харди указал на отсутствие на съезде представителей Индии.

101. Об этом см. выше, с. 199.

102. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 2. November, No. 123, S. 2447—2448; 23. November, No. 131, S. 2607.

103. J. Nehru. *An Autobiography*, p. 186.

104. Government of India. *Communism in India*, 1935, p. 115—116; P. Haithcox. *Communism and Nationalism in India*, p. 106—107, а также другие, указанные в данной книге источники. По словам Спратта, Джонстон присутствовал на VI конгрессе Коминтерна («*Blowing Up India*», p. 41). В действительности он возглавлял американскую делегацию на IV конгрессе Профинтерна (см. выше, гл. 80).

105. G. Overstreet, M. Windmiller. *Communism in India*, p. 371—372.

106. V. Karnik. *Indian Trade Unions*, p. 38, J. Nehru. *An Autobiography*, p. 187.

107. Об этом см. выше, с. 199.

108. Рассказ Клеменса Датта о Лиге в: «*Labour Monthly*», 1929, No. 1, p. 22—28.

109. «Report of the Forty-Third National Congress». Calcutta, (n. d.).

110. Об этом см. выше, с. 338, примечание 43.

111. Адикхари являлся членом КППГ и был по прибытии в Индию принят в КПИ (M. Ahmed. *Communist Party of India: Years of Formation*, p. 27—28).

112. На VI конгрессе Раза откровенно заявил, что «среди своих членов они не насчитывают крестьян» («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 426). Количество активно работавших крестьян должно было представлять бесконечно малую величину.

113. Письмо фигурировало в качестве вещественного доказательства (регистрационный номер Р 334) на Мирутском процессе (см. выше, с. 212—213) и перепечатано с сокращениями в: J. Degras (ed.). *The Communist International, 1919—1943: Documents*, 1960, vol. 2, p. 559—564.

114. Текст резолюции в: «*Labour Monthly*», 1929, No. 3, p. 151—161.

115. «Правда», 22 марта 1929 г.

116. Записки, фигурировавшие на Мирутском процессе в качестве вещественных доказательств, или попали в руки полиции, или же были сфабрикованы полицейским агентом, присутствовавшим на совещании (Government of India. *Meerut Sessions Judgement*, 1932, vol. 1, p. 234). Вне всякого сомнения, они легли в основу официального доклада правительства Индии, *Communism in India*, 1935, p. 133—134, согласно которому совещание подготовило измененную конституцию и приняло решение послать Ахмеда в Москву делегатом на пле-

нум ИККИ. По словам Ахмеда, присоединение к Коминтерну не состоялось до 1930 г. (*M. Ahmed. Communist Party of India: Formative Years*, p. 36).

117. Спратт писал Клеменсу Датту 14 марта 1929 г., что он «практически еще ничего не слышал о делах английской партии и ничего заслуживающего внимания даже об Интернационале» (*Government of India. Meerut Sessions Judgement*, vol. 1, p. 242).

118. Ibid., p. 246; *Government of India. Communism in India*, 1935, p. 133—135. По словам Ахмеда, возвратившись из Москвы, Усмани признался ему, что стал «троцкистом». Однако сомнительно, чтобы кто-нибудь из них обоих понимал значение данного термина (*M. Ahmed. The Communist Party of India and its Formation Abroad*, p. 168).

119. «Правда», 22 марта 1929 г.

120. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1929, 27. März, No. 28, S. 620.

121. Ibid., 3. April, No. 29, S. 649—650.

122. Ibid., 12. April, No. 32, S. 757—758.

123. Ibid., 26. April, No. 36, S. 852. К обращению прилагался текст обвинительного акта против арестованных.

124. Ibid., 28. Mai, No. 46, S. 1113.

125. «Новый Восток», 1929, № 26—27, с. 11—42.

126. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1929, 25. Juni, No. 54, S. 1320. О данной статье см. выше, гл. 72.

127. «Правда», 2 и 3 июля 1929 г.

128. «Х пленум Исполкома Коминтерна», 1929, вып. 1, с. 28. Рой написал статью для журнала «Gegen den Sturm», (см. выше, гл. 76) и являлся горячим поклонником Тальгеймера (*P. Haithcox. Communism and Nationalism in India*, p. 139).

129. «Х Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 1, с. 256, 336.

130. Там же, с. 260—261.

131. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 880, 883. Когда КПИ практически перестала существовать, решения X пленума ИККИ могли лишь побудить профсоюзы занять более непримиримую позицию. На X съезде ВИКП в декабре 1929 г. руководимые коммунистами левые получили большинство, после чего умеренные отделились, внося таким образом раскол в движение (*G. Overstreet, M. Windmiller. Communism in India*, p. 372—373; *J. Nehru. An Autobiography*, p. 198—199; *V. Karnik. Indian Trade Unions*, p. 71).

132. Цит. по: «Новый Восток», 1929, № 26—27, с. 25.

133. «International Press-Correspondence» (англ. изд.), 1929, September, No. 69, p. 1470.

134. Об этом см. выше, гл. 75, примечание 235.

135. «Labour Monthly», 1929, No. 1, p. 27.

136. Ibid., No. 3, p. 159. Относительно конференции РКП см. выше, с. 211.

137. *R. P. Arnot. How Britain Rules India*, 1929, p. 30.

Глава 87. Индонезия

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 39.

2. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32.

3. *G. Kahin. Nationalism and Revolution in Indonesia*, 1952, p. 80 (note 52).

4. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 43.

5. *R. McVey. The Rise of Indonesian Communism*, 1965, p. 240, 244—245.

6. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 39.

7. И. Алимин и Муссо являлись членами Социал-демократического союза Индии, от которого отделилась КПИ. Описание упомянутых выше событий в: *R. McVey. The Rise of Indonesian Communism*, p. 318—321.

8. Ibid., p. 484 (note 54).

9. Об этой переписке см.: Ibid., p. 334—336. Миссия Миллера, по всем признакам, не осуществилась. Секретные службы Индии идентифицировали «Миллера» как родившегося в Риге агента Коминтерна Миллера, который работал в советском консульстве в Шанхае в 1927 г. и занимался организацией

индийских инакомыслящих в Китае (Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, p. 229—230). Возможно, что он был тем самым Миллером, который создал в Индии революционный профсоюз железнодорожных рабочих («Малая энциклопедия по международному профдвижению». М., 1929, колонки 1222—1223).

10. R. McVey. *The Rise of Indonesian Communism*, p. 337. О странной и неподтвержденной истории относительно секретного сообщения, отправленного Муссо из Москвы, в котором партия призывалась настаивать на своих планах, см.: *Ibid.*, p. 339.

11. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 40.

12. «Коммунистический Интернационал: краткий исторический очерк». М., 1969, с. 274. Описание базируется на неопубликованных архивных материалах; в нем имеется лишь одна прямая цитата и (что примечательно) нет выдержек из текста самой резолюции.

13. Согласно версии Дарсано, представленной им VI конгрессу Коминтерна в июле 1928 г., по пути в Москву Алимин и Муссо встретились с большими трудностями и запоздали. «Восстание между тем все откладывалось» («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 66). В Москве, вероятно, поверили, что отсрочка будет длиться бесконечно.

14. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 9 (67), с. 46—49.

15. «Красный Интернационал профсоюзов», 1926, № 11, с. 498. Упрек в переоценке освободительного движения и недооценке союза с рабочим классом был заимствован у Сталина в мае 1925 г. (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 7, с. 151).

16. Об этом в рассказе Семауна в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 26. November, No. 145, S. 2524—2525.

17. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 196.

18. Из выступления Дарсано на VI конгрессе Коминтерна (там же, с. 66—68). Его рассказ подтверждается многими другими источниками.

19. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 23. November, No. 143, S. 2056—2057. Через несколько дней аналогичное обращение выпустил Профинтерн (*Ibid.*, 30. November, No. 146, S. 2551).

20. «Пути мировой революции...», т. I, с. 4.

21. Там же, с. 48, 422.

22. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 7. Januar, No. 3, S. 58.

23. «Пути мировой революции...», т. I, с. 507, 566.

24. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 627, 634.

25. G. Kahin. *Nationalism and Revolution in Indonesia*, p. 89.

26. «Das Flammenzeichen vom Palais Egmont», S. 131—142. О конгрессе см. выше, гл. 74.

27. G. Kahin. *Nationalism and Revolution in Indonesia*, p. 90—91.

28. *Ibid.*, p. 83.

29. Случай зарегистрировал английский инспектор полиции, задержавший обоих путешественников. Алимин, охарактеризованный как «блестящий лингвист и опытный путешественник», с благодарностью прислал ему из Китая первый номер газеты «Pacific Worker», напечатанной в Ханькоу 1 июля 1927 г. (*R. Omtaet. Singapore: a Police Background* [n. d. (1947)], p. 110). О Тихоокеанской конференции профсоюзов и «Pacific Worker» см. выше, с. 117—119. О присутствии Алимина на конференции сообщали также индийские секретные источники (Government of India. *Communism in India, 1924—1927*, p. 265).

30. R. McVey. *The Rise of Indonesian Communism*, p. 202.

31. «Красный Интернационал профсоюзов», 1927, № 1, с. 70—76.

32. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 12 (86), с. 28—35; № 14 (88), с. 23—33.

33. Там же, № 37 (111), с. 30—35.

34. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 2. Dezember, No. 119, S. 2711—2712.

35. G. Kahin. *Nationalism and Communism in Indonesia*, p. 89.

36. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 3. Januar, No. 1, S. 14—15.

37. «Die Internationale Gewerkschaftsbewegung in den Jahren 1924—1927» [o. D. (1928)], S. 64.

38. «Protokoll über den Vierten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (о. D.), S. 215—217.
39. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 20.
40. Там же, вып. 5, с. 152. По-видимому, Семаун хранил молчание на протяжении всего конгресса.
41. Там же, вып. 1, с. 276—278.
42. Там же, вып. 3, с. 57—58, 120, 150. Речь Альфонсо изложена сжато от третьего лица — признак чрезвычайного неодобрения. Относительно его идентификации см.: R. McVey. *The Rise of Indonesian Communism*, p. 436, note 18. Отождествление его с Малаккой (G. Kahin. *Nationalism and Communism in Indonesia*, p. 85) явно ошибочно.
43. Относительно дебатов см. выше, гл. 70.
44. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 54—74.
45. Там же, с. 195—200.
46. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 834, 863—864.
47. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1929, 30. April, No. 37, S. 898—899; 31. Mai, No. 47, S. 1131—1132.
48. «X Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 1, с. 132—133.
49. Там же, вып. 3, с. 169.

Глава 88. Латинская Америка

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 383. В «Тетрадах по империализму» от 1916 г. приведена еще одна цитата того же автора о том, что политика Соединенных Штатов в Латинской Америке представляла собой «соединение империализма и доктрины Монро» (там же, т. 28, с. 187) *.
2. Более позднее, частично противоречивое описание помещено в: B. Goldenberg. *Kommunismus in Lateinamerika*, 1971, S. 168—169, 174—181.
3. M. N. Roy. *Memoirs*. Bombay, 1964, p. 20—22. Возможно, что автор преувеличил собственную роль. Рой вспоминает следующие слова одного мексиканского военного: «Я не знаю, что такое социализм, но я большевик, как все патриоты-мексиканцы. Янки наши враги и не любят большевиков, следовательно, большевики должны быть нашими друзьями, а мы должны быть их друзьями» (Ibid., p. 154).
4. Ibid., p. 346; «Survey», October 1964, No. 53, p. 43.
5. «Der Zweite Kongress der Kommunistischen Internationale», 1921, S. 157—160.
6. M. N. Roy. *Memoirs*, p. 39—40, 179.
7. B. Goldenberg. *Kommunismus in Lateinamerika*, S. 182.
8. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale». (о. D.), 1925, Vol. 1, S. 390—394; Vol. 2, S. 802—803. Как видно, Латинская Америка не фигурировала ни в одной из дискуссий конгресса по «национальному и колониальному вопросу» («Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27).
9. По словам Вульфа, Кальес после его победы начал субсидировать мексиканскую партию в благодарность за поддержку («The Nation», 27 August, 1924, p. 207—208).
10. Прочитировано Филиппсом (он же Разинец) на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г., когда подобные сентименты были в моде, а Вульф был в опале («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 469). Цитата, возможно, не выражала весь смысл полученных инструкций. Во всяком случае в ссылке ошибочно указан «1923 год». Тридцать лет спустя предполагаемая директива ИККИ мексиканской партии от 21 августа 1923 г. была представлена комиссии по расследованию антиамериканской деятельности палаты представителей конгресса США. В одном из пунктов говорилось о предстоящей революции в Европе и о необходимости не допустить, чтобы Соединенные Штаты послали помощь для ее разгрома. (Напечатана в: S. Clissold. *Soviet Relations*

* Э. Карр ошибочно сослался на «того же автора». В действительности цитата взята Лениным из работы Жозефа Патуйе «Американский империализм» (Дижон, 1904). — *Прим. ред.*

with Latin America, 1970, p. 82—86.) Если инструкция подлинная, то она свидетельствует о преувеличенном представлении в Москве относительно умственного потенциала и уровня развития мексиканской партии.

11. «Документы внешней политики СССР», т. 6, с. 478—480, 493.

12. Там же, т. 7, с. 369—370, 392—393.

13. Там же, с. 535—537.

14. Там же, с. 391.

15. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 3-я сессия». М., 1925, с. 38. Возмущение мексиканцев по поводу этой фразы заставило горемыку Пестковского объяснять, что Чичерина, дескать, или не поняли, или исказили (*C. Beals. Glass Houses: Ten Years of Free-Lancing*. N. Y., 1928, p. 338).

16. А. Лозовский (ред.). На новом этапе. М., 1928, с. 47—48. На IV конгрессе Профинтерна в марте 1928 г. Сикейрос определил количество членов профсоюзов, входящих в КРОМ, всего лишь в 50 тыс. человек и заявил, что к нему принадлежат и некоторые «революционные» профсоюзы («IV конгресс Профинтерна», с. 284—286). КРОМ был представлен на I конгрессе Профинтерна в 1921 г. («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, 18. Dezember, No. 166, S. 2491), но эта связь в дальнейшем не поддерживалась.

17. «Survey», April 1965, No. 55, p. 115. О визите Филиппса см. выше, с. 227.

18. А. Лозовский (ред.). На новом этапе, с. 48.

19. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 5—6, с. 55. Как рассказывали, Кальес заверил Пестковского, что протест КРОМа не повлияет на мексикано-советские отношения. В 1927 г. мексиканское правительство выразило протест против поступления из советского источника в забастовочный фонд профсоюза железнодорожников 25 тыс. долларов («Документы внешней политики СССР», т. 10, с. 594; *C. Beals. Glass Houses: Ten Years of Free-Lancing*, p. 340).

20. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, November, No. 141, S. 2449.

21. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 642. Оппозиционная группа в КПГ жаловалась, что этим решением «трудящиеся массы Мексики обязываются создать единый фронт с революционными националистами мексиканского правительства», которые враждебно относятся к рабочим и защищают интересы мелкой буржуазии («Die Internationale», 1927, 15. Februar, vol. 10, No. 4, S. 118).

22. «Документы внешней политики СССР», т. 9, с. 603; т. 10, с. 34. Келлог обвинил «большевистских руководителей» в том, что у них «вполне определенные взгляды на ту роль, которую Мексика и Латинская Америка должны играть в их программе мировой революции» (*R. Farrell. American Secretaries of State and their Diplomacy*. N. Y., 1965, vol. 11, p. 33).

23. В 1928 г. с ним консультировались относительно репатриации в Советский Союз бессарабских крестьян, эмигрировавших в Бразилию («Документы внешней политики СССР», т. 11, с. 434).

24. Там же, т. 10, с. 625 (примечание 11); т. 12, с. 32—33, 124—125.

25. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 25. Oktober, No. 104, S. 2231; *B. Goldenberg. Kommunismus in Lateinamerika*, S. 143.

26. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale (o. D.)», 1925, Vol. 2, S. 1022.

27. *B. Goldenberg. Kommunismus in Lateinamerika*, S. 41, 550—551, Anm. 32. Одновременно будто бы было основано и южноамериканское бюро КИМа («Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 6, S. 96).

28. *B. Goldenberg. Kommunismus in Lateinamerika*, S. 565, Anm. 22, 24. По данным одного аргентинского источника, большинство членов аргентинской партии работали не на крупных фабриках, а в мелких мастерских; среди них было много кустарей и торговцев еврейской национальности.

29. Обе телеграммы и заявление цитировались в: *II Movimiento Revolucionario Latino Americano*. Buenos Aires (n. d.), p. 376—377. О письме Эрколи см.: *B. Goldenberg. Kommunismus in Lateinamerika*, S. 565 (Anm. 21).

30. *R. Chilcote. The Brazilian Communist Party*, 1974, p. 25—33. О редком освещении в коминтерновской прессе полицейских акций против бразильской

партия см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, 21. November, No. 151, S. 2042.

31. «Документы внешней политики СССР», т. 9, с. 396. Относительно Амторга см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 32.

32. О специальном заявлении по данному вопросу см.: «Известия», 23 июня 1925 г.; «Документы внешней политики СССР», т. 8, с. 119.

33. «Известия», 1 января 1928 г.; «Документы внешней политики СССР», т. 11. По словам Вальтина, через Южамторг финансировались латиноамериканские партии (*J. Valtin. Out of the Night*, 1941, p. 209).

34. «Документы внешней политики СССР», т. 9, с. 393—394; 1967, т. 12, с. 11.

35. *H. Kantor. The Ideology and Programme of the Peruvian Aprista Movement. Berkeley*, 1953, p. 10—11.

36. Мемуары Айя де ла Торре цитируются в: *S. Clissold. Soviet Relations with Latin America*, 1970, p. 11. Заявление, что он являлся делегатом V конгресса, не подтверждается официальными протоколами.

37. Полезная статья о карьере Мариатеги, опубликованная в журнале «Новая и новейшая история» (1957, № 5, с. 68—85), преуменьшает степень его сотрудничества с Айя де ла Торре и стремится представить Мариатеги как последовательного марксиста. О дальнейшем пути движения см. выше, с. 236—237.

38. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 25. Oktober, No. 104, S. 2231—2232.

39. Директива Коммунистической партии Чили по внутренним разногласиям, известная лишь на испанском языке, могла быть издана только южноамериканским секретариатом Пенелона в Буэнос-Айресе, ибо никто в Москве не написал бы «Николай Ленин» (*S. Clissold (ed.). Soviet Relations with Latin America*, p. 119—131).

40. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 397, 410, 425, 428. Цифры названы, вероятно, по состоянию на 1 января 1928 г. Год спустя они слегка повысились и выглядели следующим образом: Аргентина — 2400, Бразилия — 850, Колумбия — около 1000, Мексика — 1500, Уругвай — 800 человек (*A. Тивель, М. Хеймо. 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. М., 1929, с. 347—360*). В одной из статей журнала Коминтерна в декабре 1927 г. указывалось, что количество членов Мексиканской коммунистической партии не превышало 600 человек, но подчеркивалось, что тираж партийного журнала за шесть месяцев увеличился с 3 тыс. до 9 тыс. экземпляров («Коммунистический Интернационал», 1927, № 50 (124), с. 30).

41. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 3. März, No. 35, S. 483—485.

42. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 619. О резолюции см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 35.

43. «Пути мировой революции...», т. 1, с. 249.

44. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 1. Februar, No. 13, S. 255.

45. Относительно конгресса см. выше, гл. 74.

46. *B. Gross. Willi Münzenberg*, 1967, S. 203—206. Посредником будто бы был Гольдсмит (см. выше, гл. 74), в то время приглашенный профессор в Мексике, которому помогал мексиканский посол в Берлине. О прежних пожертвованиях Кальеса в фонд мексиканской партии см. выше, с. 344, примечание 9.

47. Об этом см. выше, гл. 74.

48. Его фамилия значится в списке делегатов, приведенном в: «*Das Flammenzeichen vom Palais Egmont*», S. 238. Он также изображен на фотографии группы участников конгресса (*Ibid.*, вклейка перед S. 270). Согласно более позднему заявлению латинского секретариата (см. выше, с. 344), «АПРА подписала антиимпериалистическую резолюцию брюссельского конгресса с оговорками».

49. «*Labour Monthly*», 1926, No. 12, p. 756—769. В журнале опубликована его статья «Что такое АПРА?», написанная в октябре 1926 г. в Париже.

50. Переписка официально упоминается только в речи Лозовского от 7 апреля 1928 г. (см. ниже, с. 347, примечание 69), которая пространно цитируется в: *R. Martinez de la Torre. Apuntes para una Interpretación Marxista de la Historia Social del Peru. Lima*, 1928, vol. 2, p. 279—281. Данный труд, как и речь Лозов-

ского, имел целью разоблачить АПРА с коммунистических позиций. Свое письмо Лозовский, должно быть, написал в начале 1927 г., до отъезда в Китай.

51. B. Goldenberg. *Kommunismus in Lateinamerika*, S. 46—47.

52. О проступке Пенелона см.: «Il Movimento Revolucionario Latino Americano», р. 377—378. Его обвинили в том, что он «не верил в массы».

53. «Х Пленум Исполкома Коминтерна», 1929, вып. 2, с. 87.

54. «IV конгресс Профинтерна», с. 385.

55. Там же, с. 136.

56. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 23. Dezember, No. 125, S. 2906—2907. В приложении к резолюции указывалось, что некоторые из тех, чьи фамилии стояли под документом, в действительности уехали из Москвы до его подписания, однако участвовали в обсуждении и одобрили идею создания секретариата профсоюзов.

57. Полное описание хода заседаний (по американским источникам) в: A. J. Toynbee. *Survey of International Affairs*, 1927. 1929, р. 426—441.

58. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 228.

59. «IV конгресс Профинтерна», с. 74.

60. Там же, с. 95, 137. Мартинес был, как видно, венесуэльский работник Коминтерна (B. Goldenberg. *Kommunismus in Lateinamerika*, S. 63).

61. «IV конгресс Профинтерна», с. 120—125, 284—286. Кубинский делегат заявил, что КОПА «носителница доктрины Монроэ в рядах рабочего класса» (там же, с. 121).

62. Там же, с. 403—404. Относительно нападок Нина см. выше, гл. 69.

63. «Десять лет Профинтерна в резолюциях». М., 1930, с. 184—185, 234.

64. «Правда», 7 апреля 1928 г. Удалось обнаружить лишь то место из речи Лозовского, где он критикует политику Айя де ла Торре (см. ниже, с. 347, примечание 69).

65. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1929, 4. Juni, No. 48, S. 1163—1164. Эти действия якобы вызвали твердую оппозицию со стороны «буржуазии, реформистов и анархистов».

66. О резолюции Тихоокеанского объединения профсоюзов, приветствовавшего это решение, см. выше, с. 287—289.

67. B. Goldenberg. *Kommunismus in Lateinamerika*, S. 64. Взгляды Мариатеги изложены в собрании очерков, озаглавленных «Siete Ensayos de Interpretación de la Realidad Peruana»; и в брошюре «Defensa del Marxismo», опубликованных в 1928 и 1929 гг. («Новая и новейшая история», 1957, № 5, с. 75). Основная теоретическая работа Айя де ла Торре — «El Antiimperialismo y el Apra» — была якобы написана в 1928 г., хотя опубликована позднее (H. Kantor. *The Ideology and Progress of the Peruvian Aprista Movement*, р. 146). Потребуется значительно более детальное исследование, чтобы объяснить идеологическую связь этих двух лиц друг с другом. Айя де ла Торре находился под влиянием Маркса, но, возможно, из политического расчета никогда не называл себя марксистом или даже социалистом.

68. Цитировано с испанского источника в: S. Clissold. *Soviet Relations with Latin America*, р. 135—139. Вместо точной даты указано «вероятно 1927 г.». Русский текст обнаружить не удалось.

69. Ibid., р. 139—140. В книге ошибочно указано, что эту речь Лозовский произнес на IV конгрессе Профинтерна. Относительно письма Айя де ла Торре от мая 1927 г. см. выше, с. 233.

70. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 50 (124), с. 26—30.

71. J. Humbert-Droz. *De Lénine à Staline*. Neuchâtel, 1971, p. 310—312.

72. J. Humbert-Droz. *Il Contrasto tra l'Internazionale e il PCI*, 1969, p. 253 (Humbert-Droz archives, 0084).

73. Тезисы известны только в той форме, в какой они были опубликованы в «Корреспонденсия Судамерикана» в мае 1929 г. в порядке подготовки к латиноамериканской конференции в Буэнос-Айресе (изложены в: B. Goldenberg. *Kommunismus in Lateinamerika*, S. 69—71). Как утверждает автор, тезисы были выработаны латиноамериканской комиссией VI конгресса. Они не обсуждались на пленарных заседаниях, но перерабатывались в комиссии (см. ниже, с. 348, примечание 88), так что их первоначальный вид — это предмет спекуляций.

74. «Коммунистический Интернационал», 1928, № 27—28 (153—154), с. 104—112; № 29—30 (155—156), с. 102—112. Ни одна из частей не помечена точной датой, но они, по-видимому, вышли в июле и августе 1928 г.

75. Там же, № 29—30 (155—156), с. 97—101.

76. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», 1929, вып. 1, с. 2. Кубинская партия была принята в Коминтерн в 1926 г. («Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, 3. Juni, No. 57, S. 1226); Коммунистические партии Парагвая, Эквадора и Колумбии вступили в Коминтерн во время работы конгресса (там же, вып. 5, с. 136—138).

77. Там же, вып. 1, с. 228—236. Относительно трех выступлений латиноамериканских делегатов. Ответное слово Бухарина — там же, с. 607—608.

78. Там же, вып. 2, с. 35, 141—143.

79. Там же, вып. 4, с. 106—124.

80. Там же, с. 140. Относительно тождества Пестковского и Бандераса см.: S. Clissold. Soviet Relations with Latinamerica, p. 61.

81. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 232—241.

82. Там же, с. 259. Бразильская партия создала «блок рабочих», впоследствии переименованный в «блок рабочих и крестьян», который какое-то время находился на легальном положении и даже участвовал в выборах (R. Chilcote. The Brazilian Communist Party, p. 30—31).

83. Там же, вып. 4, с. 341—352. Об исключении Вульфа см. выше, гл. 80.

84. Там же, с. 470—471.

85. Там же, с. 436.

86. Там же, с. 454.

87. Там же, с. 305. Вульф также упомянул о необходимости работать среди «многочисленных индейских племен, проживающих в глубине континента, и о трудностях языкового порядка, ибо каждое из них говорит на своем диалекте» (там же, с. 348).

88. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 835, 866—867. Много лет спустя Эмбер-Дро пояснил, что его тезисы были представлены Президиуму и одобрены в качестве основы для резолюции, что натолкнулось на возражения русской делегации, поскольку в них подчеркивался «паразитический характер городов» (письмо от 8 февраля 1969 г. цит. в: B. Goldenberg. Kommunismus in Lateinamerika, S. 554, Anm. 79). Факты, возможно, соответствуют действительности, однако указанная причина, вероятно, неверна. Эмбер-Дро впервые использовал выражение относительно паразитического характера городов в докладе на конференции в Буэнос-Айресе в июне 1929 г. (см. выше, с. 244).

89. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 43.

90. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 307.

91. По словам Эмбера-Дро («De Lénine à Staline», p. 355), его избрали для данной миссии еще до инцидента в немецкой комиссии ИККИ в декабре 1928 г. (см. выше, гл. 76). Назначение отменили, но затем опять восстановили.

92. Об этом см. выше, с. 347, примечание 73.

93. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1929, 4. Juni, No. 48, S. 1164—1165.

94. «X Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 2, с. 87.

95. Там же, вып. 3, с. 147—149. Относительно обвинения, выдвинутого Лозовским, см.: там же, с. 73 (лозунг № 67). О центральной профсоюзной организации (Confederación Sindical Latina Americana), основанной конгрессом в Монтевидео, см. несколько сомнительные источники, цит. в: B. Goldenberg. Kommunismus in Lateinamerika, S. 52—53. Она просуществовала лишь короткое время.

96. Об этом см. выше, гл. 69, 72.

97. Стенографический отчет конференции полностью был опубликован в Буэнос-Айресе под названием «II Movimiento Revolucionario Latino Americano», без указания даты. Примечательным тут является отсутствие слова «коммунист». Резолюция конференции была напечатана в августе 1929 г. в специальном издании «Корреспонденсия Судамерикана» (№ 15), которое найти не удалось. Оба документа в Москве, по-видимому, не публиковались.

98. «*El Movimiento Revolucionario Latino Americano*», p. 8—33, 36.
99. *Ibid.*, p. 43—46.
100. *Ibid.*, p. 67.
101. *Ibid.*, p. 79—108.
102. S. Clissold. *Soviet Relations with Latin America*, p. 131. По словам колумбийского делегата, письмо в колумбийскую партию не поступило, а было просто опубликовано в «Корреспонденсия Судамерикана» в мае 1929 г. («*El Movimiento Revolucionario Latino Americano*», p. 108).
103. *Ibid.*, p. 108, 127—133.
104. *Ibid.*, p. 177, 179.
105. *Ibid.*, p. 174.
106. О группе Мариатеги см. выше, с. 232—236. Незадолго до смерти в апреле 1930 г. Мариатеги предпринял меры, чтобы преобразовать партию в коммунистическую и присоединиться к Коминтерну («Новая и новейшая история», 1957, № 5, с. 74—75). Относительно директивы Коминтерна по данному вопросу см.: S. Clissold. *Soviet Relations with Latin America*, p. 141—151.
107. По данным Гольденберга («*Kommunismus in Lateinamerika*», S. 72), их настоящие фамилии были Песке и Портокарреро. «Альфредо Сако» часто фигурировал в 30-е годы как руководитель Перуанской коммунистической партии и автор работ на данную тему (H. Kantor. *The Ideology and Progress of the Peruvian Aprista Movement*, p. 10, 79, 105).
108. «*El Movimiento Revolucionario Latino Americano*», p. 149—152.
109. *Ibid.*, p. 181, 184.
110. *Ibid.*, p. 195—201.
111. «Новая и новейшая история», 1957, № 5, с. 82—83.
112. «*El Movimiento Revolucionario Latino Americano*», p. 263—291, 297—300. Согласно письму Эмбера-Дро к жене, Петерс был «по складу ума сталинистом», но «вел себя хорошо» (J. Humbert-Droz. *De Lénine à Staline*, p. 390).
113. «*El Movimiento Revolucionario Latino Americano*», p. 310—313.
114. На VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. Мюнценберг жаловался на отсутствие внимания ИККИ к успешной деятельности Лиги в Мексике («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», 1929, вып. 1, с. 105). О резолюции относительно Лиги в Латинской Америке см.: «*Internationale Presse-Korrespondenz*», 1929, 22. Januar, No. 7, S. 123—124.
115. «*El Movimiento Revolucionario Latino Americano*», p. 321—324.
116. *Ibid.*, p. 330.
117. *Ibid.*, p. 332—335.
118. *Ibid.*, p. 337—338.
119. *Ibid.*, p. 366—367.
120. *Ibid.*, p. 371—381.
121. «X Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 1, с. 361.
122. Об этом см. выше, с. 242—243.
123. «X Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 1, с. 374.
124. B. Goldenberg. *Kommunismus in Lateinamerika*, S. 43.

Глава 89. Проблема негров

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 144.
2. Там же, т. 30, с. 354—355. Впервые эта работа была опубликована в журнале «Большевик» 31 января 1935 г. (№ 2, с. 46—49) и не могла быть использована в дебатах конца 20-х годов.
3. Там же, т. 41, с. 165. В принятом конгрессом тексте это место осталось без изменений («Коммунистический Интернационал в документах», с. 128). В приведенной выше цитате Ленин использовал конкретное слово «нация», а не более общее понятие «народ».
4. «2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». Петроград, 1921, с. 132.
5. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26. В дополнительных тезисах Роя, которые тоже были утверждены, негры не упоминались.

6. Там же, т. 1, Приложение Б.
7. Там же, т. 3, гл. 30.
8. «Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Петроград, 1922, с. 495. В числе делегатов был, несомненно, Дэвид Айвон Джонс, один из основателей Лиги, который в течение ряда лет вел трудную борьбу с целью организации негритянских рабочих Южной Африки. Он проживал в России с 1921 г. до своей смерти в 1924 г. и внес значительный вклад в публикации Коминтерна по проблеме негров Африки (*E. Roux. S. P. Bunting: a Political Biography. Cape Town, 1944, p. 48—49.*).
9. «Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», с. 481.
10. «Жизнь национальностей», 3 октября 1921, № 20.
11. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 28, примечание 5.
12. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia, 1960, p. 322.*
13. «Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала», 12 ноября 1922, № 1-2, с. 16.
14. Там же, 29 ноября 1922, № 20, с. 18.
15. *E. Roux. S. P. Bunting: a Political Biography, p. 58—59.* Автор отмечает энтузиазм Бантинга от увиденного в Москве и услышанных на конгрессе основных выступлений, но не упоминает южноафриканского вопроса. Сообщенная им дата отъезда Бантинга из Москвы (20 ноября) не может соответствовать действительности.
16. Ситуацию в Южной Африке осложняло наличие мощного националистического движения африканеров, направленного против английского господства. Но негры и цветные рабочие рассчитывали на защиту британских империалистов от еще более жестокой эксплуатации африканерским капиталом. Националисты-африканеры никогда не имели контактов с радикальными движениями и игнорировались или осуждались Москвой как союзники английского империализма.
17. «Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала», 2 декабря 1922, № 22, с. 17—20. В апреле 1922 г. журнал «Комьюнист ревю» (№ 6, с. 449—454) опубликовал программу Африканского кровного братства, которая содержала планы «секретного формирования великой панафриканской армии таким же путем, каким Шин фейн под носом у англичан создала ирландскую армию».
18. Там же, с. 22.
19. Там же.
20. Там же, 6 декабря 1922, № 27, с. 8—11.
21. Там же, с. 10; «Коммунистический Интернационал в документах», с. 365—367.
22. «Расширенный Пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 268.
23. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 8, S. 763.
24. «The Second Year of the Worker's Party of America», 1924, p. 125—127. Цитаты из коминтерновской прессы того периода на данную тему в: *T. Draper. American Communism and Soviet Russia, p. 328.*
25. «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, с. 588—603. О докладе и прениях по нему см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27. Американская партия, очевидно, думала пригласить на конгресс Гарви, но потом отказалась от этой идеи (*T. Draper. American Communism and Soviet Russia, p. 330, note 50.*).
26. «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», с. 636, 667.
27. Там же, с. 644.
28. Там же, с. 675—676. В 1925 г. в Москве опубликовали брошюру Амтера «Мировое освободительное движение негров».
29. Там же, с. 647—650.
30. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.
31. Четыре года спустя один из делегатов VI конгресса Коминтерна заметил, что «никто не знает, что стало с этим бюро», и что «по этому вопросу

архивы содержат много покрытого пылью материала, который никто не читал» («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 300).

32. «III конгресс Красного Интернационала профсоюзов». М., 1924, с. 5—10, 39—40, 58—59, 92—93, 220—224.

33. Там же, с. 68—69, 108. На V пленуме ИККИ в марте 1925 г. Лозовский повторил требование относительно «создания союзов негров там, где союзы белых не принимают их в свой состав» («Расширенный Пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», с. 260).

34. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», с. 137, 142.

35. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia*, p. 318—319, 330.

36. «Красный Интернационал профсоюзов», 1925, № 12, с. 80—82.

37. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia*, p. 331—332.

Когда в 1928 г. мнение Коминтерна обратилось против идеи «единого фронта», конгресс подвергли критике как «мелкобуржуазное» мероприятие (см. ниже, с. 352, примечание 62).

38. «IV сессия Центрального Совета Красного Интернационала профсоюзов». М., 1926, с. 22—33.

39. В течение 1925 г. журнал «Крестьянский Интернационал» опубликовал несколько статей по негритянскому вопросу и в октябре 1925 г. направил приветствие Негритянскому рабочему конгрессу («Красный Интернационал профсоюзов», 1925, № 12, с. 81). В последнем номере журнала был опубликован перевод статьи о конгрессе, напечатанной в журнале Американской партии «Уоркерс мансли» («Крестьянский Интернационал», март-май 1926, № 3-5, с. 166—168).

40. «Правда», 13 августа 1925 г.

41. Об этом говорили много лет спустя американский негр Отто Холл и два других упоминавшихся американца (*T. Draper. American Communism and Soviet Russia*, p. 332—334, 343). Холл, брат Хейвуда, бывший член Всемирной ассоциации по улучшению положения негров, где действовал Гарви.

42. *Ibid.*, p. 343—345. Совпадение фамилий (и инициала «N») делает вероятным, что собеседник Хейвуда идентичен тому Насонову, который вместе с двумя другими лицами в марте 1927 г. подписал «письмо из Шанхая» (см. выше, с. 311, примечание 231). Если это так, то интересно отметить, что за данное отклонение он не понес наказания.

43. Об этом см. выше, гл. 74.

44. «*Das Flammenzeichen vom Palais Egmont*», S. 113—117. Согласно одному из заявлений на VI конгрессе Коминтерна, после возвращения с брюссельского конгресса французские власти арестовали Сенгора, и в следующем году он умер («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 158).

45. *Ibid.*, S. 117—126.

46. *Ibid.*, S. 126—130, 252.

47. *Ibid.*, S. 172.

48. *Ibid.*, S. 200.

49. *Ibid.*, S. 251, 253 (относительно их включения в список делегатов). Ла Гума был генеральным секретарем Союза промышленных и торговых рабочих Африки (не имеющего строгой структуры, основанной в 1919 г. профсоюзной организации неевропейских рабочих), но лишился своего поста после того, как в декабре 1926 г. общее собрание объявило пребывание в союзе несовместимым с членством в коммунистической партии (*E. Roux. Time Longer than Rope*, 1948, p. 171—172).

50. «*Das Flammenzeichen vom Palais Egmont*», S. 89—95. Как показывают официальные записи (см. выше, гл. 74, примечание 17), доклады по Южной Африке были сделаны через два дня после основных дебатов по негритянскому вопросу, в которых Гумедой уже выступал.

51. *E. Roux. S. P. Bunting: a Political Biography*, p. 75—76, 88—89; *H. and R. Simons. Class and Colour in South Africa*, 1969, p. 389—390. Авторы ссылаются на неопубликованные источники. Возможна некоторая путаница между тем, что произошло на этот раз, и во время второго визита Ла Гумы в Москву позже в 1927 г., вместе с Гумедой.

52. *E. Roux. Time Longer than Rope*, 1948, p. 219.
53. *Ibid.*, p. 394—399; *E. Roux. S. P. Bunting: a Political Biography*, p. 88—90.
54. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 755. О реакции Американской партии см. выше, гл. 63.
55. «IV конгресс Профинтерна», с. 73, 287—301.
56. Там же, с. 297.
57. Там же, с. 483.
58. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», с. 184.
59. Об этой резолюции см. выше, гл. 80. Относительно ТУЕЛ см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 28.
60. «IV конгресс Профинтерна», с. 668.
61. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР». М., 1929, с. 215.
62. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 300—301.
- Приглашение Мури, лидеру Негритянского рабочего конгресса (см. выше, с. 256—257) принять участие в работе комиссии было взято назад по настоянию Американской партии из-за его якобы правых тенденций, хотя и Форд, и Холл протестовали против его исключения. И Конгресс, и его печатный орган «Негро чемпион» были осуждены как мелкобуржуазные («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 119, 157, 196).
63. Об этом см. выше, гл. 80.
64. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia*, p. 341—342, 510 (note 74).
65. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 118—122, 193—197.
66. Там же, с. 304. О заявлении Ленина см. выше, с. 250.
67. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 40—41.
68. *E. Roux. S. P. Bunting: a Political Biography*, p. 90; *H. and R. Simons. Class and Colour in South Africa*, p. 406.
69. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 148—153, 157.
70. Там же, с. 511.
71. Там же, с. 608.
72. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 14. August. No. 84, S. 1532—1533.
73. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 2, с. 200.
74. Об этих документах и о доступной информации по работе комиссии см.: *T. Draper. American Communism and Soviet Russia*, p. 345—346, 511 (note 83).
75. «Коммунистический Интернационал», 1928, № 27-28 (153-154), с. 39—45; № 31-32 (157-158), с. 87—97.
76. Там же, № 31-32 (157-158), с. 77—86; № 33-34 (159-160), с. 75—80.
77. Там же, № 33-34 (159-160), с. 74—88.
78. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 2, с. 194, 196; «Коммунистический Интернационал в документах», с. 821. О тезисах см. выше, гл. 70.
79. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 4, с. 29.
80. Там же, с. 128—129. Бельгийский делегат также говорил о стремлении Бельгии развивать Конго (там же, с. 167—168).
81. Там же, с. 300.
82. Там же, с. 156—157.
83. Там же, с. 209—212, 299—302. Форд вновь отметил, что в предстоящей войне империалистические державы будут широко использовать воинские формирования из черных.
84. Там же, с. 413—422.
85. Там же, с. 528.
86. Впечатления Бантинга от конгресса и его неприязнь к Петровскому зафиксированы в: *E. Roux. S. P. Bunting: a Political Biography*, p. 90—99. Это единственный источник сведений по данному собранию. Форд отказался выступать перед южноафриканскими делегатами, которых он рассматривал как «бе-

лых шовинистов». Более сбалансированные впечатления в: *H. and R. Simons. Class and Conflict in South Africa*, 1969, p. 406—409.

87. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 865—866.

88. Английский текст (на русском языке он, видимо, никогда не публиковался) был издан в виде брошюры «The Communist Position on the Negro Question». N. Y. (п. д.), p. 56—64. Сжатое изложение с указанием даты утверждения ИККИ в: «Известия», 30 октября 1928 г.

89. Об этом см. выше, гл. 80.

90. «Революционный Восток», 1929, № 6, с. 59—76; № 7, с. 138—167. Обе статьи были напечатаны как дискуссионные.

91. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1929, 26. April. No. 36, S. 862—863.

92. Обширное изложение с цитатами напечатано в: «Известия», 30 октября 1928 г. Авторское изложение и выдержки из документа в статье не всегда четко различимы, и поэтому трудно определить точный текст резолюции.

93. *H. and R. Simons. Class and Colour in South Africa*, p. 410—411; *E. Roux. S. P. Bunting: a Political Biography*, p. 101—105. Число членов партии оценивалось в начале 1928 г. в 1800 человек (*А. Тивель, М. Хеймо. 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах*, с. 364). На конференции в январе 1929 г. 20 черных и 10 белых делегатов, представляли «около 3000 членов» (*E. Roux. Time Longer than Rope*, p. 225).

94. *E. Roux. Time Longer than Rope*, p. 234—235.

95. Об этом см. выше, с. 262.

96. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1929, 3. Mai, No. 38, S. 913—915.

97. «X Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 2, с. 36—90.

98. Относительно конгресса во Франкфурте см. выше, гл. 74.

99. На VI сессии Центрального Совета Профинтерна в декабре 1929 г. Геккерт упрекнул Бэллэма, одного из американских делегатов, за то, что тот в недавней речи открыто выступил против лозунга самоопределения («Protokoll der VI Session des Zentralrats der Roten Gewerkschaftsinternationale», 1930, S. 325).

100. Об этих запоздалых и неудачных мерах см.: *T. Draper. American Communism and Soviet Russia*, p. 351—356.

Глава 90. Заключение

1. Относительно двусмысленностей военного коммунизма см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 18.

2. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 35, с. 257. Относительно замечания Сталина, которого нет в собрании его трудов, см.: там же, с. 479 (примечание 104).

3. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 56.

Приложение Д. Феодализм в Китае

1. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 21, с. 403—406.

2. Основатели КПК с готовностью переняли коминтерновское определение китайского общества как феодального, хотя использование понятий «милитаристский» или «бюрократический» феодализм, говорило об осознании существенных различий по сравнению с европейской моделью («China Quarterly», 1962, vol. 12, p. 160—161).

3. Примеры в: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

4. «Новый Восток», 1926, № 15, с. 76. Точно так же в 1923 г. Рой писал о том, что феодализм в Индии уничтожен «не путем насильственной революции, как в Европе, а в процессе относительно мирного и постепенного развития», что «последние пережитки феодальной власти» исчезли в 1857 г., и с того времени вся страна стала объектом «капиталистической эксплуатации» (цит. по: «Дискуссия об азиатском способе производства», 1931, с. 88).

5. В этом споре слышны были отзвуки аналогичного диспута относительно природы общества в Московской Руси. Плеханов и Ленин называли его иногда «феодальным», порой же «азиатским» или «полуазиатским». Но Покровский рассматривал его как отмеченное ростом торгового капитализма западного образца (о данной дискуссии см.: «Soviet Studies», July 1974, vol. 26, No. 3, p. 380—395). О том, что у Ленина не было твердо сложившегося мнения по этим вопросам, свидетельствует его восторженный отзыв о работе Покровского по истории. Однажды он заимствовал у Мартынова, в то время меньшевика, выражение «государственный феодализм» и добавил, что «экономическая эволюция... наполнила эту феодальную оболочку „капиталистическим содержанием“» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 310).

6. Об этом см. выше, с. 86.

7. «XV конференция ВКП(б)». М. — Л., 1927, с. 24—25.

8. «Пути мировой революции...», т. I, с. 86, 89.

9. Там же, с. 399.

10. И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 359.

11. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 670—673. О тезисах см. выше, с. 72.

12. «Новый Восток», 1927, № 16-17, с. 1—50. Серия лекций напечатана не была.

13. «Большевик», 15 января 1927, № 1, с. 12.

14. Относительно хунаньского доклада Мао см. выше, с. 104—105.

15. «Известия», 11 марта 1927 г. Об этой статье см. выше, с. 88.

16. Об этом выше, с. 89.

17. О выступлениях см. выше, с. 89—90.

18. Об этой статье см. выше, с. 90.

19. И. В. Сталин. Соч., т. 9, с. 240. Сталин повторил эти же слова в одной из статей два месяца спустя (там же, с. 336).

20. Там же, с. 285—286.

21. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 719. Относительно данной резолюции см. выше, с. 98—99.

22. «Революционный Восток», 1927, № 2, с. 47—48. Том Манн, посетивший Китай весной 1927 г., в ортодоксальном духе писал: «В Китае все еще господствует феодальный строй» («Labour Monthly», 1927, No. 8, p. 485).

23. К. Радек. Измена китайской крупной буржуазии национальному движению, 1927, с. 47 (см. выше, с. 321, примечание 148). Бухарин как будто согласился с таким толкованием, когда на XV съезде российской партии в декабре 1927 г., отвечая на выступление Ломинадзе (см. выше, с. 148—149), заметил, что «отрицание существования феодализма связывалось... с отрицанием наличия класса помещиков, из чего, в свою очередь, вытекали дальнейшие выводы» («Пятнадцатый съезд ВКП(б)». М., 1961, т. I, с. 839—840).

24. «Архивы Троцкого», Т 3073.

25. Там же, Т 979, 1031.

26. Относительно данного письма см. выше, с. 153.

27. L. Trotsky. The Third International after Lenin, p. 182, 183, 209. В 1930 г. Радек отказался от своей точки зрения («Проблемы Китая», 1930, № 3, с. 11).

28. «Коммунистический Интернационал», 1929, № 49-50 (227-228), с. 64. О письме см. выше, с. 187.

29. Относительно письма Чэнь Дусю от 10 декабря 1929 г. см. выше, с. 335 (примечание 434). Позже он якобы утверждал, что «китайский феодализм давно уже свергнут торговым капиталом» и что «экономических конфликтов (противоречий) между буржуазией и феодализмом уже нет» («Проблемы Китая», 1930, № 2, с. 5).

30. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 763.

31. Там же, с. 30.

32. С. Дубровский. К вопросу о сущности «азиатского способа производства», феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929, с. 166. Было намерение опубликовать материалы обсуждения лекций, однако этого не сделали.

33. «Правда», 6 января 1929 г. В статье разбиралась работа Л. Мадьяра «Экономика сельского хозяйства в Китае» (см. ниже, с. 356, примечание 68).

34. «X Пленум Исполкома Коминтерна», вып. 2, с. 36—90.

35. «Проблемы Китая», 1930, № 3, с. 10—11.

36. Гегель. Соч., т. 8. Философия истории. М. — Л., 1935, с. 18—19.

37. Там же, с. 45.

38. Там же, с. 68.

39. Там же, с. 111, 163.

40. Там же, с. 99.

41. Там же, с. 58.

42. Там же, с. 83, 111. Подобно Вольтеру, Гегель испытывал противоречивые чувства по отношению к Китаю, чья долгая увековеченная в документах история производила на него впечатление (там же, с. 59), но это не влияло на его выводы.

43. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 20—21.

44. Там же, т. 6, с. 428—459. Работа впервые была опубликована в «Новой Рейнской газете» в 1849 г. в виде серии статей, но основывалась на лекциях, прочитанных в Брюсселе в 1847 г., (там же, т. 21, с. 21).

45. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 234. В июне 1853 г. Маркс написал статью для «Нью-Йорк дейли трибюн» относительно перспектив революции в Китае (там же, т. 9, с. 98—105).

46. Там же, т. 28, с. 212—216. Адам Смит также ссылаясь на Бернье и отмечал, что «в Китае и у некоторых других правительств Азии исполнительная власть заботится о ремонте дорог и содержании в порядке судоходных каналов» («The Wealth of Nations». Book V, Ch. I, Part III). В 1851 г. Маркс перечитал труд Адама Смита на английском языке, а в мае-июне 1853 г. прочитал Бернье («Карл Маркс: хроника его жизни». М., 1933, с. 103, 139).

47. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, с. 221.

48. В одном случае Маркс писал о европейском деспотизме, «взращенном британской Ост-Индской компанией на почве азиатского деспотизма» (там же, т. 9, с. 131).

49. Там же, т. 46 (ч. I), с. 463—464. Раздел озаглавлен «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

50. Там же, с. 474. В этом же разделе прототипом развития феодализма для Маркса послужила немецкая средневековая община (там же, с. 468—472). Но данная географическая конкретизация занимала мало места в его опубликованных трудах. В 1868 г., прочитав работу Маурера о немецких первобытных общинах, Маркс писал Энгельсу, что «азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами» <...>, а у русских «еще и сейчас должно быть сведено к формам, давно отброшенным их соседями» (там же, т. 32, с. 36).

51. Там же, т. 13, с. 7; т. 23, с. 89.

52. Там же, т. 31, с. 197.

53. Там же, т. 15, с. 529.

54. Там же, т. 23, с. 371.

55. Виттфогель, наиболее настойчивый толкователь взглядов Маркса относительно азиатского способа производства («Oriental Despotism», 1957, и многочисленные статьи), со своих коммунистических времен сохранил убежденность, что каждая строчка, написанная Марксом, глубоко продумана и чрезвычайно важна, и оказался не в состоянии понять, что случайные суждения Маркса, как и менее значительных людей, часто являются прямым воспроизведением стереотипов мышления своего времени. Сказанное относится ко многому, что писал Маркс об азиатском способе производства.

56. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 183—186.

57. Там же, т. 21, с. 175. При написании этой книги, опубликованной в 1884 г., через год после смерти Маркса, Энгельс широко использовал результаты исследований Л. Моргана («Древнее общество», 1877 г.), который стремился

наметить параллели между первобытным обществом без классов и государств прошлого с утопическим бесклассовым обществом будущего.

58. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 102—103.

59. Там же, т. 1, с. 136; т. 26, с. 57.

60. Там же, т. 13, с. 14. Ленин критиковал Плеханова, который «национализацию, основанную на азиатском способе производства... смешал с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства». Доводы Плеханова якобы предполагали «реставрацию московской Руси (т. е. якобы реставрацию азиатских способов производства)».

61. В статье о Китае в июле 1912 г. Ленин писал, что «Россия в очень многих и очень существенных отношениях, несомненно, представляет собой одно из азиатских государств и притом одно из наиболее диких, средневековых, позорно-отсталых азиатских государств» (там же, т. 21, с. 401; об этой статье см. выше, с. 273). Его настойчивость на азиатском характере российского общества была обусловлена отвращением к древнерусской и славянской подоплеке народнического социализма.

62. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 222; т. 20, с. 188 (в этой статье он заметил, что «феодал» в применении к русским помещикам — «не вполне точное общеевропейское выражение»).

63. Об этом выше, с. 273.

64. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 70—72. Текст лекции был впервые опубликован в «Правде» 18 января 1929 г. «Патриархальное общество» Ленина заимствовано у Гегеля («Философия истории», 1861, с. 43), который описывает «патриархальные условия» как «семейные отношения», но на пути к государственности.

65. Предисловие появилось в издании «Unter dem Banner des Marxismus» (1926, vol. 2, S. 370—378).

66. Об этом см. выше, с. 274—275.

67. «Правда», 1 мая 1927 г.

68. О Мадьяре см. выше, гл. 71, а также книгу: В. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая (М., 1970, с. 141—144). Книга Мадьяра «Экономика сельского хозяйства в Китае» (1928) содержала отдельную главу об азиатском способе производства, которая была исключена из второго издания (1931) после того, как автор отрекся от своих взглядов.

69. О проекте программы см. выше, с. 140—141.

70. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 733, 805.

71. Там же, с. 839—841.

72. «Большевик», 30 апреля 1928, № 8, с. 18—22.

73. О последней см. выше, гл. 80.

74. «Дискуссия об азиатском способе производства», 1930, с. 6.

75. «Стенографический отчет VI съезда КПК», вып. 4, с. 40. О докладе см. выше, с. 158—160.

76. «Программные документы коммунистических партий Востока», с. 39. О резолюции см. выше, с. 163.

77. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», 1929, вып. 3, с. 149.

78. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 30. Относительно проекта программы и его обсуждения см. выше, гл. 71.

79. С. Дубровский. К вопросу о сущности «азиатского способа производства», феодализма, крепостнического и торгового капитала, с. 22. О докладе см. выше, с. 278.

80. Обзор дискуссий в: В. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая, с. 216—221. Мадьяр в особенно резком разборе доклада Дубровского назвал отказ от признания азиатского способа производства «ревизией марксизма» («На аграрном фронте», 1929, № 11-12, с. 219—229). Иолк, советский специалист по аграрным вопросам Китая, утверждал, что Маркс не рассматривал азиатский способ в качестве особого способа производства, а лишь как «историческую разновидность феодального способа производства» («Проблемы Китая», 1930, № 2, с. 87). Иолк критиковал Мадьяра за вульгаризацию Маркса

путем географического толкования способа производства (там же, № 4-5, с. 199—209).

81. «Дискуссия об азиатском способе производства», 1930.

Приложение Е. Тихоокеанский секретариат профсоюзов

1. Об этом см. выше, с. 108.

2. «Красный Интернационал профсоюзов», 1927, № 8-9, с. 144, 147. На следующем конгрессе австралийских профсоюзов, состоявшемся в Мельбурне с 16 по 21 июля 1928 г., это решение после «ожесточенной оппозиции» было одобрено 92 голосами против 36. Один из оппозиционеров назвал секретариат «смешанной шайкой азиатов с неудобопроизносимыми именами» («Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 5. Oktober, No. 113, S. 2192—2193).

3. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 695—696.

4. «Political Science Quarterly», July 1964, vol. 79, No. 2, p. 311.

5. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1927, 6. September, No. 89, S. 1946.

6. G. Hardy. Those Stormy Years, 1956, p. 194—201. По словам одного из делегатов VI конгресса Коминтерна, австралийское правительство запретило ввоз журнала в Австралию, и некоторое время здесь издавали отдельные номера «Пэсифик уоркер» («Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, с. 328). В декабре на VIII съезде профсоюзов в Москве Браудер заявил, что секретариат выпускает два ежемесячных журнала, в Китае и в Австралии («Восьмой съезд профессиональных союзов СССР». М., 1929, с. 238).

7. С апреля 1928 г. журнал стал называться «Far Eastern Monthly», а с апреля 1929 г. — «Pacific Monthly». Начиная с 1929 г., он издавался в Сан-Франциско.

8. Относительно отчета и резолюций см.: «Красный Интернационал профсоюзов», 1928, № 3 (приложение), с. 3—12. Относительно манифеста см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 13. März, No. 31, S. 589—590. Среди восьми, подписавших манифест, был Райан (Австралийский совет профсоюзов), Харди (английское Движение меньшинства) и Браудер (ТУЕЛ, США).

9. «IV конгресс Профинтерна», с. 72, 452.

10. Там же, с. 141.

11. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928, 17. April, No. 38, S. 688. Относительно конференции делегатов Латинской Америки см. выше, с. 236.

12. Ibid., 21. Dezember, No. 42, S. 2846. Приглашение подписали: Браудер; официальный представитель (Всероссийского. — *Ред.*) Центрального Совета профсоюзов СССР; два китайских, два японских и два филиппинских делегата.

13. Ibid., 1929, 11. Juni, No. 50, S. 1212—1214.

14. Единственным официальным документом о конференции, который удалось обнаружить, является короткий и нетипично пессимистический отчет Лозовского в журнале «Коммунистический Интернационал», 1929, № 38-39 (216-217), с. 16—20. См. также: G. Hardy. Those Stormy Years, p. 209. Автор заявляет, что вторая половина конференции проходила в Шанхае, где находился теневой секретариат.

Э. КАРР

**ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ**

14

**ОСНОВЫ
ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ
1926—1929**

Том 3

Часть 3

Художник *Ю. Н. Егоров*
Технический редактор *Л. Н. Шупейко*
Корректор *Г. М. Котлова*
Сдано в набор 03.03.1989 г.
Подписано в печать 22.05.1989 г.
Формат 60×90/16. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 22,5 Уч.-изд. л. 27,78
Изд. № 24/44022

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Прогресс» Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
119847, Zubovskiy bul'var, 17

